ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2015 № 2 (62) Т. 6

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (Баня Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Welttrends» (Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН. Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Пихуца П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Бибило В. Н. – д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гудов А. М. – д-р физ.-мат. наук, доц., КемГУ (Кемерово, Россия).
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).
Исмагилов З. Р. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИУХМ СО РАН (Кемерово, Россия).
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Клочко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).
Лушникова Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИРПО (Кемерово, Россия).
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Черненко Т. Г. – д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2015 № 2 (62) Vol. 6

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:
V. A. Volchek – Dr. of History, Prof.r, Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Phililogy of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).
Z. R. Ismagilov – Dr. of Chemistry, Prof., Institute of Coal Chemistry and Materials Chemistry at the Siberian Branch of RAS (Kemerovo, Russia).
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. G. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
A. V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
http://vestnik.kemsu.ru

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
http://vestnik.kemsu.ru

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
http://elibrary.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" http://elibrary.ru.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Кемеровский государственный университет, 2015
© Авторы научных статей, 2015

© Kemerovo State University, 2015
© The authors of scientific articles, 2015

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

АРХЕОЛОГИЯ

7 ***Китова Л. Ю.*** Из истории кафедры археологии КемГУ (к 70-летию В. В. Боброва)

12 ***Васютин С. А.*** Племенная иерархия и статус племенных объединений в имперских системах тюркских каганатов (середина VI – первая половина VIII вв.)

18 ***Дэвлет Е. Г., Грешников Э. А., Фахри А. И.*** Естественнонаучные методы в изучении мезоамериканских пигментов доиспанского периода на скалах и в пещерной живописи

24 ***Епимахов А. В., Берсенева Н. А.*** Homo Ludens бронзового века Южного Урала (игры и игрушки)

29 ***Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.*** Погребение раннего железного века с изваянием в долине р. Айбас

34 ***Зах В. А., Еньшин Д. Н.*** К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири

44 ***Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю.*** К вопросу об участии энеолитического населения северной Кулунды в формировании раннебронзовых культур Барнаульско-бийского Приобья

51 ***Ковтун И. В.*** Происхождение и смысловое значение андроновской каннелюрно-«ёлочной» орнаментации

61 ***Корочкова О. Н., Спиридонов И. А., Стефанов В. И.*** О металлообработке эпохи поздней бронзы горно-лесного Зауралья: кельты кижировского типа

68 ***Кузьминых С. В.*** Основные этапы развития металлообработки Западной Сибири в эпохи раннего металла и раннего железа (медь и бронза)

71 ***Кулемзин А. М.*** Перспективы сохранения и использования Шестаковского комплекса объектов исторического, культурного и природного наследия

75 ***Леонтьев В. П., Дроздов Н. И.*** Культовые предметы из погребального комплекса стоянки Усть-кова (зона водохранилища Богучанской ГЭС)

80 ***Марочкин А. Г.*** Древнейшие погребальные кремации Томского Приобья (хронологическая и культурно-историческая интерпретация)

87 ***Мжельская Т. В.*** Русская волшебная сказка «Сивко-бурко» в контексте археологии

93 ***Михайлов Ю. И.*** Изображения вещей в древнем художественном творчестве Западной Сибири

97 ***Молодин В. И.*** Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов Кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки)

ARCHAEOLOGY

7 ***L. Yu. Kitova.*** From the history of the Department of Archaeology at Kemerovo State University (to the 70th birthday of Prof. V. V. Bobrov)

12 ***S. A. Vasyutin.*** Tribal hierarchy and status of tribal alliances in the imperial systems of Turk Khaganates (mid 6th century – early 8 th century)

18 ***E. G. Devlet, E. A. Greshnikov, A. I. Fakhri.*** Study of Mesoamerican pigments of the Pre-Columbian period in rock art and cave painting by the natural science methods

24 ***A. V. Epimakhov, N. A. Berseneva.*** Homo Ludens in the South Ural Bronze Age (games and toys)

29 ***L. N. Ermolenko, Zh. K. Kurmankulov.*** Early Iron Age burial mound with anthropomorphic stone statue on it from the Aybas River valley

34 ***V. A. Zakh, D. N. Yen'shin.*** To the question of neolithisation in the forest-steppe of Western Siberia

44 ***Yu. F. Kiryushin, K. Yu. Kiryushin.*** To the question of participation of the local Eneolithic population of Northern Kulunda in the formation of the Early Bronze Age cultures of Barnaul-Biysk Ob' River Region

51 ***I. V. Kovtun.*** Origin and meaning of Andronovo cannelure-"herringbone" ornamentation

61 ***O. N. Korochkova, I. A. Spiridonov, V. I. Stefanov.*** On the metalwork during the Late Bronze Age in the mountain-forest Trans-Urals: the palstaves of the Kizhirovo type

68 ***S. V. Kuzminykh.*** Main stages in the metalworking development in Western Siberia during the Early Metal period and the Early Iron Age (copper and bronze)

71 ***A. M. Kulemzin.*** Prospects for the conservation and use of Shestakovo complex of objects of historical, cultural and natural heritage

75 ***V. P. Leontiev N. I. Drozdov.*** Cult-objects from the burial complex of the Ust-Kova site (the area of the Boguchanskaya hydro-electric power station water storage reservoir)

80 ***A. G. Marochkin.*** The earliest burial cremations in Tomsk Ob' River Region (chronological, cultural and historical interpretation)

87 ***T. V. Mzhelskaya.*** Russian fairy-tale "Sivko-Bourko" in the context of archaeology

93 ***Y. I. Mikhailov.*** Imagines of things in ancient painting of West Siberia

97 ***V. I. Molodin.*** The phenomenon of bronze daggers from burial complexes of the Krotovo culture (chronology, area of distribution, beginnings)

108 ***Мосин В. С.*** Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация

114 ***Мыльникова Л. Н., Селин Д. В.*** Комплекс керамики андроновской культуры Еловского II могильника: морфологический анализ (возможности методики В. Ф. Генинга)

123 ***Новиков А. В., Захарова И. П.*** Бляха с изображением всадника из городища Нялинское-1

131 ***Новикова О. И., Дудко А. А.*** Ритуальные комплексы на курганных могильниках ирменской культуры

135 ***Папин Д. В.*** Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая

139 ***Привалихин В. И., Дроздов Н. И., Макулов В. И.*** Бронзовые серповидные кинжалы – бебуты цэпаньской культуры раннего железного века северного Приангарья

145 ***Савинов Д. Г.*** Находки хуннских художественных бронз в историческом контексте

151 ***Советова О. С., Ладыгина Ю. М.*** Тема плодородия в наскальном искусстве Минусинской котловины

156 ***Умеренкова О. В.*** Съемные украшения эпохи бронзы Западной Сибири

167 ***Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Маркин С. В.*** Вариабельность орудийного набора палеолитической стоянки Харганын-гол-5 в северной Монголии

177 ***Чемякин Ю. П.*** Об одной гипотезе происхождения Кулайской металлопластики

ИСТОРИЯ

182 ***Бахитов С. Б.*** Коммунальное отчуждение труда и творчество

187 ***Колязимова М. М.*** Обсуждение и реализация постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946, 1948 гг. в Новосибирской области

193 ***Кузоро К. А.*** Сохранение и популяризация культурного наследия региона сельскими библиотеками (на примере Томской области)

198 ***Самбур Б. Н.*** Военно-патриотическая подготовка и трудовое использование подростковой молодежи накануне и в начале великой отечественной войны (на примере Ставропольского края)

201 ***Снегирева Л. И.*** К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса

206 ***Снегирева Л. И.*** Реэвакуация из Западной Сибири в освобожденные районы специалистов сельского хозяйства (1943 – 1945 гг.)

210 ***Тышта Е. В.*** Создание нормативно-правовой основы деятельности кооперативов в СССР (1987 – 1989 гг.)

214 ***Ужахов Б. М.*** Ликвидация Ингушской государственности

218 ***Ужахов Б. М.*** Роль ингушского национального движения в образовании республики Ингушетия

224 ***Фаронов В. Н.*** Людность рабочих из бывших мастеровых кабинета алтайского округа в конце XIX – начале XX в.

108 ***V. S. Mosin.*** The Neolithic of forest-steppe Transurals and Irtysh area: latest researches and periodization

114 ***L. N. Mylnikova, D. V. Selin.*** The Andronovo culture ceramic complex from Elovskii II burial ground: morphological analysis (possibilities of V. F. Gening's method)

123 ***A. V. Novikov, I. P. Zakharova.*** Plate with the image of the horseman from Nyalinsk-1 fort

131 ***O. I. Novikova, A. A. Dudko.*** Ritual complexes on the burial mounds of the Irmen culture

135 **D. V. Papin.** Chronology of the Late Bronze Age sites of the steppe and forest-steppe Altai

139 ***V. I. Privalikhin, N. I. Drozdov, V. I. Makulov.*** Bronze crescent-shaped bebut daggers of the Tsepan culture representing early iron age in the Northern Angara region

145 ***D. G. Savinov.*** Xiongnu bronze art objects found in their historical context

151 ***O. S. Sovetova, Yu. M. Ladygina.*** The theme of fertility in the rock art of the Middle Yenisey

156 ***O. V. Umerenkova.*** Detachable decorations of Western Siberia Bronze Age

167 ***A. M. Khatsenovich, E. P. Rybin, S. A. Gladyshev, S. V. Markin.*** Tool kit variability of the Paleolithic Kharganyn-Gol-5 site in Northern Mongolia

177 ***Yu. P. Chemyakin.*** A hypothesis for the origin of Kulaika cult decorative metal

HISTORY

182 ***S. B. Bakhitov.*** The communal estrangement of labor and the creative work

187 ***M. M. Kolyazimova.*** Disussion and implementation of the decisions of the central committee of the VKP(b) on ideological issues 1946, 1948 years in Novosibirsk region

193 ***K. A. Kuzoro.*** The preservation and promotion of the region's cultural heritage of rural libraries (on the example of the Tomsk region)

198 ***B. N. Sambur.*** Military patriotic preparation and labor use of teenage youth before and at the beginning of great patriotic war (on the example of Stavropol edge)

201 ***L. I. Snegireva.*** On the issue of *re-evacuation process periodization*

206 ***L. I. Snegireva.*** Re-evacuation of the agriculturalists from the West Siberia to liberated arias (1943 – 1945)

210 ***E. V. Tyshta.*** Creating the norm of law for cooperatives in the USSR (1987 – 1989)

214 ***B. M. Uzhakhov.*** Disestablishment of the Ingush autonomy

218 ***B. M. Uzhakhov.*** The role of the Ingush national movement in the formationof the Republic of Ingushetia

224 ***V. N. Faronov.*** Population size of Altai district workers from the former artisan Cabinet in the late 19th – early 20th century

ИСТОРИЯ БЕЛОЙ СИБИРИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

228 ***Генина Е. С.*** Судьба колчаковского врача Б. И. Фукса при советской власти

234 ***Горелов Ю. П.*** Становление и развитие уголовно-исправительной системы в Кузбассе (1918 – 1925 гг.)

237 ***Добровольский А. В.*** Рабочий вопрос в тактике правых эсеров Сибири в период колчаковщины

241 ***Дробченко В. А.*** Органы местного самоуправления в Томской губернии в период гражданской войны (1918 – 1919 гг.)

248 ***Дробченко В. А., Черняк М. Э., Черняк Э. И.*** Съезды, конференции и совещания различных социально-классовых сил в Томской губернии в период «демократической контрреволюции» (июнь – ноябрь 1918 г.)

256 ***Евпак Е. В.*** Значимые места в семейной летописи Гариных-Михайловских: Россия, эмиграция

260 ***Звягин С. П.*** Начальники тюрем в Восточной Сибири в 1918 – 1919 гг.

263 ***Зеленин А. А., Леухова М. Г.*** «Исход» из России: первая волна эмиграции

266 ***Иванов В. В., Новиков П. А.*** Статистические листки и анкеты на заключенных Иркутской губернской тюрьмы 1920 г.

270 ***Кальсина А. А.*** Деятельность временного областного правительства Урала и временного сибирского правительства по реформированию школы на территории Пермской губернии (лето – осень 1918 г.)

275 ***Конев К. А.*** «Доблестные союзники» или «симулированные друзья»: интервенция США в изображении периодической печати Сибири и Дальнего Востока

281 ***Мишенин С. Е.*** Научные исследования об экономической тематике в средствах массовой информации «Белой Сибири»

284 ***Паршуков В. А.*** Пьянство, беспорядки в 1-м енисейском казачьем полку

288 ***Прохоров Д. А.*** Крымские караимы в составе вооруженных сил юга России (1918 – 1920 гг.)

295 ***Сушко А. В.*** К вопросу о праздновании дня георгиевских кавалеров и восстановлении георгиевских наград в Белой Сибири в годы гражданской войны

299 ***Тимербулатов Д. Р.*** Главный инспектор по пересылке арестантов при «белых» правительствах в Сибири генерал-майор Н. Н. Соболевский

303 ***Хисамутдинов А. А.*** Русские общественно-военные организации в Харбине

309 ***Хисамутдинова Н. В.*** Из Владивостока – в эмиграцию: судьбы дальневосточных профессоров

313 ***Шулдяков В. А.*** Сибирский кадетский корпус в годы революции и гражданской войны

318 Правила для авторов журнала

320 Подписка на «Вестник КемГУ»

HISTORY OF WHITE SIBERIA: NEW APPROACHES AND RESULTS

228 ***E. S. Genina.*** The destiny of Kolchak's army doctor B. I. Fuchs in Soviet times

234 ***Yu. P. Gorelov.*** The formation and development of the penal system in Kuzbass (1918 – 1925)

237 ***A. V. Dobrovolskiy.*** The labour issue in the tactics of the right Socialists-Revolutionists in Siberia in the period of Kolchak's power

241 ***V. A. Drobchenko.*** Local public authority in Tomsk province in the period of the Civil War (1918 – 1919)

248 ***V. A. Drobchenko, M. E. Chernyak, E. I. Chernyak.*** Congresses, conferences and councils of various social class forces in Tomsk province in the period of the "Democratic Counterrevolution" (June – November 1918)

256 ***E. V. Evpak.*** Significant passages in the Garin-Mikhailovskys family chronicle: Russia, emigration

260 ***S. P. Zvyagin.*** The chiefs of prisons in Eastern Siberia in 1918 – 1919

263 ***A. A. Zelenin, M. G. Leukhova.*** The «exodus» from Russia: the first wave of emigration

266 ***V. V. Ivanov, P. A. Novikov.*** Statistical blanks and questionnaires on prisoners of Irkutsk provincial prison in 1920

270 ***A. A. Kalsina.*** Activity of the Ural Provisional regional government and the Siberian Provisional government on reformation of the school in Perm province (summer – autumn 1918)

275 ***K. A. Konev***. «Gallant allies» or «simulated friends»: the U. S. intervention in the conception of the periodical press of Siberia and the Far East

281 ***S. E. Mishenin.*** Researches on economic issues in the printed mass media of the «White Siberia»

284 ***V. A. Parshukov.*** Drunkenness and rioting in the 1st Yenisei Cossack Regiment

288 ***D. A. Prokhorov.*** Crimean Karaites in the armed forces of the South of Russia (1918 – 1920)

295 ***A. V. Sushko.*** On the issue of celebrating the Day of Holders of St. George's Cross and renewal of St. George's Orders in White Siberia during the Civil War

299 ***D. R. Timerbulatov.*** Chief Inspector for Transit of Prisoners under «White» goverments in Siberia Major-General N. N. Sobolevsky

303 ***A. A. Khisamutdinov.*** Russian social-military organizations in Harbin

309 ***N. V. Khisamutdinova***. From Vladivostok to exile: the fates of Far Eastern professors

313 ***V. A. Shuldyakov.*** Siberian Cadet Corps in the years of the Revolution and the Civil War

318 Information and instructions for authors

320 Subscribe to Bulletin of KemSU

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902:378.4 (571.1/5)

ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ КЕМГУ (к 70-летию В. В. Боброва)

Л. Ю. Китова

FROM THE HISTORY OF THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY AT KEMEROVO STATE UNIVERSITY (to the 70th birthday of Prof. V. V. Bobrov)

L. Yu. Kitova

Статья написана в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, регистрационный № 33.1175.2014К.

The paper was prepared as a part of completing the State order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, registration number 33.1175.2014K.

В статье анализируется история развития кафедры археологии Кемеровского государственного университета в 1998 – 2014 гг., в период заведования доктора исторических наук, профессора В. В. Боброва. При нем окончательно сложилась Кемеровская научная археологическая школа. С одной стороны, на период заведования В. В. Боброва пришелся пик развития кафедры и по качественному потенциалу, и по количественному составу, а с другой – процесс сокращения преподавательского корпуса и набора студентов в целом, и студентов-археологов в частности.

The paper examines the development of the Department of Archaeology at Kemerovo State University in 1998 – 2014, under the leadership of Doctor of History, Professor Vladimir V. Bobrov. The period of change and reforming of higher education left an impact on the Department's development. On the one hand, the period, during which the Department has been headed by Professor Vladimir V. Bobrov, saw the peak of its potential development both in terms of quality and in quantitative composition, on the other hand, it witnessed the process of cutting down on the number of teaching staff and decrease in student recruitment in general and Archeology students in particular. Under Prof. Bobrov the formation of Kemerovo Scientific Archaeological School was completed.

Ключевые слова: история кафедры археологии КемГУ, заведующий кафедрой – доктор исторических наук, профессор В. В. Бобров.

Keywords: History of the Department of Archaeology at Kemerovo State University, Head of the Department – Doctor of History, Professor Vladimir V. Bobrov.

Владимир Васильевич Бобров был избран заведующим кафедрой археологии КемГУ в 1998 г. и возглавляет ее 17-й год. Начало его руководства было связано с обустройством нового помещения кафедры. Как только прекратил заведовать А. И. Мартынов и временно исполнял обязанности Н. М. Зиняков, ректорат нас сразу переместил из удобного и просторного помещения в значительно меньшее. Чувствовали мы себя не очень комфортно, старая крупногабаритная мебель не годилась для нового помещения, письменных столов не хватало, а само помещение требовало ремонта. Денег в университете не было ни на мебель, ни на ремонтные работы. В. В. Бобров энергично взялся за дело и смог добиться починки помещения и не совсем офисной, но все-таки новой мебели. Это было первое дело, которое он решил как заведующий.

Сложнее обстояло дело с коллективом кафедры. Владимир Васильевич хотел объединить всю научную деятельность кафедры общей темой, в основу положить исследования в Кузбассе, предлагал большинству сотрудников кафедры работать у него в экспедиции. Однако, ситуация явно отличалась от той, которая была в 1975 г., когда вновь образованной кафедрой начал руководить А. И. Мартынов, и в большей степени сотрудники кафедры работали в том направлении, которое определял заведующий.

К 1998 г. на кафедре трудилось 4 доктора наук: В. В. Бобров, Н. М. Зиняков, А. И. Мартынов, Я. А. Шер; 5 кандидатов наук: Л. Н. Ермоленко, В. М. Кимеев, Л. Ю. Китова, И. В. Окунева, О. С. Советова. Уже прочно сложилось несколько научных направлений деятельности коллектива:

1) первобытное искусство Южной Сибири и Центральной Азии (Я. А. Шер, А. И. Мартынов, О. С. Советова, Е. А. Миклашевич, Л. Н. Ермоленко);

2) проблемы неолита и бронзы Западной Сибири (В. В. Бобров, А. В. Фрибус);

3) история и историография археологии Сибири (Л. Ю. Китова, А. И. Мартынов);

4) средневековая археология Южной Сибири и Центральной Азии (Н. М. Зиняков, Л. Н. Ермоленко, И. В. Окунева);

5) этнография народов Южной Сибири (В. М. Кимеев), и каждый сотрудник разрабатывал свою тематику в контексте устоявшихся направлений. В 1999 г., после окончания аспирантуры ряд преподавателей

кафедры археологии пополнили Е. А. Миклашевич и А. В. Фрибус.

К 1998 г. В. В. Бобров уже 3 года руководил совместной Кузбасской лабораторией археологии и этнографии ИАиЭ СО РАН и КемГУ (1995 г.), основными задачами которой было изучение демографических и социальных процессов в дописьменный период на территории Сибири, исследование причин и механизмов взаимодействия древних культур и их исторических последствий. Сотрудники лаборатории занимались также выявлением особенностей историко-культурных процессов в горной экосистеме Южной Сибири. Научный коллектив лаборатории в конце 1990-х гг. составляли старший научный сотрудник, кандидат исторических наук А. Н. Садовой, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук А. С. Васютин, старший научный сотрудник, кандидат биологических наук С. С. Онищенко, научный сотрудник, кандидат исторических наук Ю. И. Михайлов, а также недавние выпускники кафедры О. В. Умеренкова, В. Н. Жаронкин и М. В. Белозерова. В первой половине 2000-х гг. А. Н. Садовой (2000 г.) и Ю. И. Михайлов (2004 г.) защитили докторские, а В. Н. Жаронкин (2003 г.) – кандидатскую диссертацию.

Механизмы деятельности кафедры были отрегулированы, все преподаватели знали объем и фронт своей работы, а вот руководство лабораторией требовало большей заботы, чему и посвятил первоначально В. В. Бобров значительную часть своего времени. И до сих пор, если Владимир Васильевич не читает лекции, то искать его нужно не на кафедре, а в лаборатории. Там его рабочий стол и компьютер, любимые книги и шкафы с археологическими находками.

В 1999 г. кафедре археологии исполнялось 25 лет, и на одном из ее заседаний было решено возобновить традицию публикации кафедральных сборников. 5 лет сборники не издавались. Дело было за малым, найти средства. Ответственным за это существенное звено был В. В. Бобров, который справился и с этой задачей [1].

Раздумья о том, в каком направлении двигаться дальше кафедре, не оставляли Владимира Васильевича. Он предлагал варианты нашего научного развития. Так, примерно в 2002 г. он собрал нас втроем (Л. Н. Ермоленко, Л. Ю. Китова, О. С. Советова) и спросил: «Почему вы не публикуете монографии? У вас есть материалы кандидатских». К тому времени у нас были накоплены материалы, представляющие намного шире темы наших исследований, чем бывшие кандидатские диссертации. Но 1990-е гг. нас приучили к тому, что в университете было вечное безденежье, никаких средств кроме зарплаты получить было невозможно ни на издание книги, ни на оплату командировок. Оплату выезда на конференцию могли иногда добиться только профессора нашей кафедры. Поэтому после задачи, поставленной перед нами В. В. Бобровым, у нас, как у детей, в глазах был один и тот же вопрос: «А что, можно, да?». «Делайте», – отрезал В. В. Бобров. Так, с научного благословения заведующего были опубликованы первые наши книги [2 – 3; 5].

Постепенно была разработана стратегия деятельности кафедры. Самым сильным и представительным по кадрам было направление, связанное с первобытным искусством. Для реализации научного направления кафедра под руководством В. В. Боброва стала выигрывать гранты и получать государственные задания по масштабным проектам: «Исследование первобытного искусства в истории археологических культур Сибири и Центральной Азии (проблемы синтеза)»; «Исследование культуры и искусства древних обществ на стыке Северной и Центральной Азии (традиции и инновации)»; «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России по теме “Изобразительные и технологические традиции в древнем и средневековом искусстве Евразии”», «Культурно-историческое наследие народов Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения достояния мировой цивилизации)».

В 2004 г. Владимиром Васильевичем юридически была оформлена при кафедре археологии КемГУ научная школа, зарегистрированная в Министерстве образования и науки РФ. В 2009 г. Ученый Совет КемГУ утвердил статус научной археологической школы [4]. С 2006 по 2011 гг. были защищены преподавателями и аспирантами кафедры 4 докторские (Л. Н. Ермоленко, О. С. Советова, В. М. Кимеев, Л. Ю. Китова) и несколько кандидатских диссертаций. При этом докторские диссертации Л. Н. Ермоленко и О. С. Советовой, кандидатские А. Н. Мухаревой, А. В. Морозова и О. В. Умеренковой были связаны с научной школой и основной проблематикой исследований – первобытным и средневековым искусством и мировоззрением.

Набор обучающихся на специализацию «археология» в 1975 – 1990-е гг. был значительным. С самого начала существования кафедры студенты проявляли большой интерес к археологии. Только сокращение общего набора студентов на историческое отделение в середине 2000-х гг. привело к тому, что сначала на специализацию «археология» стало приходить меньше студентов, а теперь – и в магистратуру по профилю «археология».

С 2005 г. на факультете истории и международных отношений произошло сокращение мест в аспирантуру. Кафедра археологии – несмотря на свой высокий кадровый потенциал – 7 докторов исторических наук и 3 кандидата исторических наук – не может ежегодно рассчитывать даже на одно место в аспирантуру.

Для того чтобы поддерживать интерес студентов к дисциплинам археологии, преподаватели возобновили работу научного семинара кафедры, поощряются те студенты, которые активно участвуют в студенческих научных конференциях, в археологических научных проектах.

Под руководством В. В. Боброва преподаватели и студенты кафедры подготовили и провели в 2004 г. и в 2009 г. XLIV и XLIX Региональные археолого-этнографические конференции студентов и молодых ученых, на которые приезжала научная молодежь не только Сибири и Дальнего Востока, но и центральной России и ближнего зарубежья.

С началом модернизации системы профессионального образования в России и введением в 2007 г.

уровней высшего профессионального образования (бакалавриат, магистратура) кафедра археологии КемГУ разработала и представила в учебно-методическое объединение по классическому университетскому образованию авторскую основную образовательную программу (ООП) и план подготовки магистров истории по профилю «Археология Евразии», которые были утверждены в 2009 г.

Первый набор студентов магистратуры по государственным образовательным стандартам второго поколения (ГОС) кафедрой археологии был осуществлен в 2010 г. Большая часть магистрантов этого набора поступили в аспирантуру по специальности «археология».

В последние годы из-за недостатка мест В. В. Бобров дал добровольное согласие на то, чтобы в минимальном объеме осуществлять подготовку научно-педагогических кадров в аспирантуре через кафедру археологии КемГУ. Он реализовывает эту подготовку через Институт экологии человека СО РАН (с 2004 г. наш заведующий выполняет обязанности заместителя директора по научной работе этого института). Будем надеяться, что реформирование академической науки не приведет к сокращению подготовки кадров археологов через аспирантуру.

На сегодняшний день 11 аспирантов Владимира Васильевича стали кандидатами исторических наук, двое из них защитили позже докторские диссертации: И. В. Ковтун, Ю. И. Михайлов, Н. В. Гоголина, С. А. Васютин, В. Н. Жаронкин, П. Г. Соколов, О. В. Умеренкова, А. В. Морозов, А. Г. Марочкин, Е. А. Зайцева, А. А. Тимощенко.

За все годы работы на кафедре археологии под руководством В. В. Боброва было подготовлено более 80 дипломных работ студентов специализации «археология» и магистерских диссертаций по направлению «История», профиль «Археология Евразии» (таблица).

На период заведования В. В. Боброва пришелся пик развития кафедры археологии. Она изменилась и по качественному потенциалу, и по количественному составу. Резко повысилась остепененность профессорско-преподавательского коллектива. В начале 2000-х гг. преподавателями кафедры стали Н. А. Белоусова, В. Н. Жаронкин, А. Н. Мухарева. Тем не менее из-за реформирования образования высшей школы в конце 2000-х гг. начался процесс сокращения преподавательского корпуса. Ушел на заслуженный отдых доктор исторических наук, профессор Я. А. Шер, поменяли места работы кандидат исторических наук, доцент И. В. Окунева, кандидат культурологии, старший преподаватель Н. А. Белоусова, кандидат исторических наук, доцент В. Н. Жаронкин, не все преподаватели кафедры сохранили полную ставку. Однако мы не теряем оптимизма, смогли же мы добиться переезда кафедры в новое помещение (2010 г.), более приспособленное для работы преподавателей, несмотря на некоторую бюрократизацию, и унификацию в вузовском образовании работать по интересующей нас проблематике; благодаря грантовской поддержке, печатать свои труды, приобрести новое экспедиционное оборудование и офисную мебель. Будем надеяться, что коллектив кафедры археологии КемГУ и ее заведующий В. В. Бобров смогут выстоять в период реформирования высшего образования, сохранить и приумножить накопленный научный потенциал.

Таблица

Студенты-дипломники и магистранты В. В. Боброва по кафедре археологии КемГУ 1975 – 2014 гг.

[ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 4. Ед. хр. 139 – 153, 155, 161, 376 – 379, 382, 383, 385;
Архив кафедры археологии КемГУ, протоколы заседания кафедры археологии 2001 – 2014]

№ п/п	*Год окончания вуза*	*ФИО студентов*	*Название темы*
Дневное отделение			
1	1977	Кузнецова Людмила Васильевна	Изображения птиц на сибирских писаницах
2	1977	Трофимов Владимир Анатольевич	Типология и хронология материалов Айдашинской пещеры (раскопки П. С. Проскурякова)
3	1978	Пономарева Людмила Владимировна	Тагарская керамика
4	1978	Серекбаева Нина Темерхановна	Памятники эпохи поздней бронзы на территории Кемеровской области
5	1979	Мельникова Ольга Петровна	Личины Северной Азии
6	1980	Варавина Людмила Викторовна	Орнамент как источник изучения истории племен лесостепной тагарской культуры
7	1980	Караваев Сергей Васильевич	Археологический комплекс Большой Берчикуль I
8	1980	Коробецкая Людмила Леонидовна	Сюжет грифона в тагарском искусстве звериного стиля
9	1982	Каретина Надежда Федоровна	Эпоха ранней бронзы Мариинской лесостепи
10	1982	Сычева Татьяна Анатольевна	Культурная принадлежность и хронология поселения Березовский ручей I
11	1983	Москальченко Людмила Ивановна	Мелкая пластика неолитических племен Сибири
12	1983	Шабалина Людмила Владимировна	Погребальный обряд племен Южной Сибири в I тыс. до н. э.

Продолжение таблицы

13	1984	Дмитриева Ирина Алексеевна	Рядовые погребения ранних кочевников Горного Алтая как палеосоциологический источник
14	1984	Квасова Римма Юрьевна	История изучения ранних кочевников Южной Сибири
15	1985	Чульжанова Ирина Ильинична	История изучения эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины
16	1986	Бадмаев Андрей Андреевич	История изучения тюрок-тугю в отечественной науке
17	1986	Дробот Олег Анатольевич	Материалы таежного ареала в памятниках Ачинско-Мариинской лесостепи (переходное время от бронзового века к железному)
18	1986	Слесарева Елена Владимировна	Жилища эпохи неолита и энеолита на территории Западной Сибири
19	1987	Арзамасов Олег Михайлович	Палеолитические жилища Сибири
20	1987	Елкина Наталья Валентиновна	Типологический анализ керамики поздней бронзы населения на берегу Тамбарского водохранилища
21	1987	Елкина Татьяна Валентиновна	Типологический анализ керамического материала и каменного инвентаря поселения Лебеди I
22	1988	Овсяников Роман Владимирович	Обряд погребения ирменской культуры Обь-Иртышского междуречья
23	1988	Прилипко Ирина Дмитриевна	Андроновская керамика поселения Тамбар
24	1988	Ульянова Инна Владимировна	Андроновская керамика Ачинско-Мариинской лесостепи
25	1988	Филиппов Виктор Михайлович	Особенности погребального обряда лугавской культуры
26	1989	Доможаков Алексей Георгиевич	Культурно-хронологическая принадлежность памятников доандроновской бронзы Кузнецкой котловины
27	1990	Асташова Елена Николаевна	Проблемы палеоэкономики эпохи бронзы Западной Сибири в советской археологической литературе 1960 – 80 гг.
28	1990	Горяев Вадим Сергеевич	Палеосоциологический анализ ирменской культуры (по материалам Журавлева)
29	1990	Карнаев Олег Борисович	Историографический аспект андроноидных культур Западной Сибири
30	1990	Ковтун Игорь Вячеславович	Хронология андроновских федоровских памятников Западной Сибири
31	1991	Касастикова Лариса Юрьевна	Культурная принадлежность и хронология поселения Танай-4
32	1992	Гоголина Наталья Вячеславовна	Проблемы социологических реконструкций в археологии (историографический аспект)
33	1994	Суховатова Наталья Владимировна	Классификация орудий труда эпохи поздней бронзы на территории Юго-Западной Сибири
34	1994	Юматов Константин Владимирович	Проблема тюркизации Верхнего Приобья во второй половине I тыс. н. э.
35	1995	Жиряков Георгий Вениаминович	Историография проблемы происхождения культур поздней бронзы Западной Сибири
36	1995	Кузнецов Игорь Владимирович	Переходное время и проблемы формирования культур раннего железа Западной Сибири
37	1995	Мурасова Юлия Николаевна	Жилища эпохи поздней бронзы Западной Сибири
38	1995	Сечкарев Олег Михайлович	Общее и особенное в погребальном обряде племен Евразии в эпоху поздней бронзы
39	1995	Степанова Дина Владимировна	Синхронизация палеолитических культур Сибири
40	1996	Кучинская Елена Викторовна	Проблемы социальной реконструкции андроновского общества (восточный ареал культуры)
41	1996	Тарнавская Ирина Владимировна	Историография изучения орнаментов эпохи бронзы Западной Сибири
42	1996	Фрибус Элина Владимировна	Окуневская культура. Проблемы изучения и реконструкция мифологической модели мира
43	1996	Юматова Наталья Александровна	Вопросы социальной реконструкции общества еловской культуры

Продолжение таблицы

44	1998	Заворина Елена Михайловна	Культурная и хронологическая принадлежность поселения Танай-4а
45	1998	Корниевская Светлана Александровна	Культуры самусьско-сейминской эпохи юга Западной Сибири
46	1999	Алаферовская Евгения Николаевна	Искусство самусьской общности
47	1999	Поликаров Алексей Николаевич	Керамика корчажкинской и ирменской культур поселения Танай-4 (культурно-хронологический аспект)
48	2000	Зинченко Сергей Сергеевич	Неолитическое искусство Западной Сибири
49	2000	Смышляев Александр Юрьевич	Сравнительная характеристика погребального обряда андроноидных культур
50	2001	Баянова Елена Николаевна	Корчажкинская культура в Кузнецкой котловине (по материалам поселения Танай-4, Танай-4а)
51	2001	Владимиров Павел Александрович	Ранние погребения бассейна Верхней Оби (сравнительный анализ)
52	2001	Кузнецова Татьяна Викторовна	Проблемы изучения самусьской культуры (историографический аспект)
53	2001	Самойлова Наталья Геннадьевна	Особенности погребальных памятников ирменской культуры Кузнецкой котловины
54	2002	Вильчинский Василий Владимирович	Сравнительный анализ керамического комплекса бегазы-дандыбаевской культуры с керамикой культур Юго-Западной Сибири
55	2002	Соколов Павел Геннадьевич	Система жизнеобеспечения поселения Танай-4
56	2003	Корепанов Константин Сергеевич	Исследования экономики населения эпохи палеометалла в археологии Западной Сибири (историографический аспект)
57	2003	Коротицкий Максим Анатольевич	Проблемы хронологии и периодизации культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Верхней Оби (развитие идей и исследований)
58	2003	Куценко Елена Анатольевна	Типы жилищ эпохи неолита Северной Евразии
59	2003	Марочкин Алексей Геннадьевич	Погребальные памятники эпохи неолита-энеолита на территории Юго-Западной Сибири
60	2003	Метелкина Ольга Сергеевна	Социальная структура окуневского общества
61	2003	Пустовалов Дмитрий Михайлович	Солярная символика в наскальном искусстве бассейна реки Лены
62	2004	Мокшин Максим Александрович	Социальная организация древних обществ Юго-Западной Сибири (эпоха неолита)
63	2005	Падалко Анастасия Владимировна	Декоративное искусство самусьско-сейминской эпохи (на примере сейминско-турбинских бронзовых изделий и самусьской антропоморфной керамики)
64	2005	Поздеев Евгений Эдуардович	Социальная организация ирменского общества (по материалам могильника Журавлево-4)
65	2005	Светлаков Александр Владимирович	Культуры эпохи энеолита Южной и Западной Сибири
66	2007	Ожерельева Галина Вячеславовна	Неолит Горного Алтая и Верхнего Приобья
67	2008	Шматова Галина Геннадьевна	Неолит Юго-Западной Сибири
68	2009	Чебокчинов Илья Петрович	Обряд с головой умершего в погребальной практике населения ирменской культуры
69	2009	Артемова Ольга Сергеевна	Социальная реконструкция населения андроновской культуры Кузнецкой котловины
70	2010	Смердов Денис Павлович	История изучения культур сейминско-турбинского периода на территории Верхней Оби
71	2010	Чебокчинова Виктория Алексеевна	Методика изучения антропологических материалов эпохи бронзы Западной Сибири
72	2012	Филиппова Анастасия Владимировна	Особенности большереченской культуры на территории Кузнецкой котловины в раннем железном веке
Заочное отделение			
73	1982	Гричан Юрий Владимирович	Некоторые проблемы создания теории археологической науки

Продолжение таблицы

74	1982	Эрлих Виктор Альбертович	Бронзовый век на территории Западной Сибири
75	1985	Буймова Наталья Петровна	История изучения неолита в Восточной Сибири
76	1985	Панфилов Анатолий Николаевич	Погребальный обряд в эпоху неолита и энеолита на территории Западной Сибири
77	1987	Суховеев Игорь Николаевич	Орнаментация андроновского керамического комплекса Кузнецкой котловины
78	1987	Шаров Виктор Борисович	Бронзовый век Кузнецкой котловины
79	1988	Жукова Татьяна Александровна	Культурная принадлежность поселения Третьяково–II
Магистерские диссертации			
80	2012	Юракова Алена Юрьевна	Неолит лесостепной Барабы (по материалам поселения Автодром-2)
81	2014	Акименко Алина Владимировна	Керамические комплексы поселений постандроновского времени на территории Кузнецкой котловины: сравнительно-типологический анализ и культурная интерпретация

Литература

1. Археология, этнография и музейное дело: сб. научных трудов кафедры археологии КемГУ. Кемерово, 1999. 132 с.

2. Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 132 с.

3. Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920 – 1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 2007. 272 с.

4. Китова Л. Ю., Исмайылова Э. Р. История формирования Кемеровской научной школы исследователей древнего и средневекового искусства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3(55). Т. 4. С. 24 – 31.

5. Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи. Сюжеты и образы. Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 140 с.

Информация об авторе:

Китова Людмила Юрьевна **–** доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, lyudmila.kitova@mail.ru.

Lyudmila Yu. Kitova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 94(517)"6/8"

ПЛЕМЕННАЯ ИЕРАРХИЯ И СТАТУС ПЛЕМЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ИМПЕРСКИХ СИСТЕМАХ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ (середина VI – первая половина VIII вв.)

С. А. Васютин

TRIBAL HIERARCHY AND STATUS OF TRIBAL ALLIANCES IN THE IMPERIAL SYSTEMS OF TURK KHAGANATES (mid 6th century – early 8th century)

S. A. Vasyutin

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России № 33.1175.2014К.

В статье рассматриваются вопросы этнополитического устройства тюркских кочевых империй середины VI – первой половины VIII в. Цель работы – реконструировать племенную иерархию в Тюркских каганатах, выявить статус конкретных племенных объединений в системе этнополитического ранжирования каганатов и проследить трансформации в составе племенной иерархии в период господства тюрков в степях Центральной Азии (555 – 630 гг., 689 – 744 гг.). Особое внимание уделяется положению племенных союзов в Монголии на этапе существования самостоятельных объединений кочевников (647 – 580-е гг.). Методология статьи строится на неоэволюционистской классификации надплеменных структур и конструктивистской теории этноса. В результате исследования выявлен примерный состав племенных иерархий в Тюркских каганатах и динамика их изменений на протяжении VII – первой половины VIII в. Такие системы ранжирования включали до 4-х – 5-ти

уровней. Наиболее высоким статусом вслед за господствующим племенным союзом тюрков во главе с Ашина обладали несколько племен, составлявших основу армии. Такие племенные объединения (в Восточно-тюркском каганате токуз-огузы и сеяньто, во втором Тюркском каганате – токуз-огузы, карлуки и басмылы) могли играть двоякую роль: в период роста могущества тюрков они являлись опорой их власти, но в условиях кризиса каганатов превращались в независимые политические союзы, способные к открытому противостоянию с тюркскими правителями.

The paper deals with some issues of ethno-political structure of Turk nomadic empires of middle 6th – the first half of the 8th century. The purpose of the work is to recreate the tribal hierarchy in Turk Khaganates, to determine the status of specific tribal alliances in the system of ethno-political grading of the Khaganates and to trace the transformations inside the tribal hierarchy during the Turks' rule in Central Asia steppes (555 – 630, 689 – 744). Special attention is paid to the tribal alliances position in Mongolia at the stage of independent nomads alliances (647 – 580s). The research methods are based on the neo-evolutionistic classification of supratribal structures and constructivist theory of ethnos. The research has resulted in an approximate structure of tribal hierarchies in Turk Khaganates and their changes dynamics during the 7th – first half of the 8th century. Such grading systems included up to 4–5 levels. After the dominating tribal alliance of Ashina, the highest status belonged to some tribes which were the base of the army. Such tribal alliances (Toquz Oghuz and Xueyantuo in the Eastern Turk Khaganate, Toquz Oghuz, Karluks and Basmyls in the Second Turk Khaganate) could play a double role: during the period of Turks' might growing, they supported their governors, but in the crisis of Khaganates they became independent political unions capable to a direct confrontation with Turkic governors.

Ключевые слова: кочевники Центральной Азии, кочевые империи тюрков, племенная иерархия, статус племенных объединений в системе этнополитического ранжирования каганатов.

Keywords: nomads of Central Asia, nomadic Empire of the Turks, tribal hierarchy, status of tribal alliances in the system of ethno-political grading.

Говоря о Тюркских каганатах и о кочевых империях Центральной Азии в целом, следует отметить, что важным фактором их возникновения было завоевание и принуждение к покорности доминирующей племенной группой других кочевых объединений и племен. В тюркских надписях начала VIII в. сюжет о покорении тюрками кочевых племен Центральной Азии занимает одно из центральный мест. Подчинение племенных союзов и линиджей представлено в рунических текстах весьма ярко: «Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган… Четыре угла (т. е. народы, жившие вокруг по всем четырём странам света) все были (им) врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырём углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить (головы), имеющих колени они заставили преклонить колени» [18, с. 36]. В тексте Онгинского памятника идея насильственного подчинения номадов правящему роду тюрков Ашина и, прежде всего, кагану выражена еще более отчетливо: «Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил, повалил, победил, раздавил» [19, с. 9]. В другом эпизоде Большой надписи Кюль-тегину рассказывается о том, что Ильтериш-кагану (Ильтерес-кагану), вернувшему тюрков в степь в конце 680-х гг., пришлось вести противоборство не только и не сколько с Китаем, сколько с разными кочевыми объединениями Монголии и Южной Сибири: «Справа (т. е. на юге) народ табгач был (ему) врагом, слева (т. е. на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был (ему) врагом, киргизы, курыканы, «тридцать татар», кытай и татабы все были (ему) врагами; мой отец-каган... сорок семь раз… ходил с войском (в поход) и дал двадцать сражений. По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы (т. е. у враждебных ему ханов) и отнял каганов у имевших (своих) каганов (т. е. у враждебных ему народов, элей), врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить (головы)» [18, с. 38]. Ильтериш-кагану пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением кочевников и в буквальном смысле «выстраивать» («устанавливать» и «заводить» порядок) империю. Таким образом, племенная иерархия являлась результатом завоеваний и подчинения номадных линиджей и союзов племен правящему клану во главе с каганом и возглавляемого Ашина «тюркскому народу». Данная система тем самым строилась не только на принципах сакрализации власти кагана, его верховной ритуальной роли, «престижной экономике» (раздачи правителем престижных даров аристократии и племенным вождям в обмен на их лояльность и признание авторитета главы империи), т. е. консенсуальных связях [16, с. 320 – 321, 329; 17, с. 30]. В ее основе лежали господство и повиновение, она скреплялась военной силой (мятежи жестоко подавлялись) и принуждением. К тому же племенная иерархия одновременно была основой военной организации [7; 8, с. 60; 27, с. 163 – 166; 11, с. 218 – 219; 12, с. 470; 13, с. 464; 15, с. 162 – 166; 16, с. 319 и др.], и в распоряжении кагана был еще один инструмент политического контроля за подчиненными племенами – военная дисциплина.

Вопросы племенного состава и племенной иерархии в Тюркских каганатах рассматривали В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский [23, с. 16], В. В. Бартольд [1, с. 40, 43, 200 – 201, 584, 586, 587 – 588], А. Н. Бернштам [3, с. 70 – 74, 100, 102], Р. Груссэ [6, с. 132, 135. 137], Л. Н. Гумилев [7; 8, с. 59 – 63, 179 – 182, 263 – 268, 280 – 282 и т. д.], Л. Кредер [30, p. 127 – 134; 31, p. 84 – 89], М. Масао [22; 33], И. Эчеди [29], Д. Г. Савинов [24; 26], С. Г. Кляшторный [11, с. 218; 12, с. 469; 14, с. 150 – 151, 152 – 153], Т. Барфилд [2, с. 19, 111, 122], Н. Н. Крадин [15, с. 134, 136; 16, с. 315, 320 – 322; 17, с. 29 – 30] и многие другие исследователи. Так, Д. Г. Савинов трактует существование этноса-элиты как одну из специфических черт социально-политической системы кочевых государств «древне-

тюркского времени». Другие племена, инкорпорированные в состав этносоциального объединения, по отношению к этносу-элите занимали вассальное положение, и тем самым социальное неравенство выносилось за пределы привилегированной этнической группы [24, с. 44; 25, с. 32 – 33]. В этой ситуации этнос-элита направлял свои усилия на создание и сохранение полиэтнического государственного образования с целью использования экономического потенциала подчиненных областей. В свою очередь зависимые племена, «особенно относящиеся к тому же (или близкому) хозяйственно-культурному типу, что и этнос-элита», стремились к выходу из-под протектората доминирующей кочевой группы и создать свое государство [25, с. 40].

Ряд ученых настойчиво отрицают существование жестких форм подчинения племен властвующему племени. К примеру, японский исследователь Н. Широиси подчеркивал, что, несмотря на обладанием каганом единоличной властью, «подчиненные племена сохраняли свою территорию и прочно удерживали свою независимость» [28, с. 243]. Еще ранее Г. Е. Марковым была высказана точка зрения о том, что кочевые империи выступали как «временные, эфемерные образования», чье возникновение определялось внешними вызовами – войнами и миграциями. В «ответ» на подобные «вызовы» у кочевников «военные и политические интересы выступали на первый план» (семьи, скотоводческие группы и объединения выступали как подразделения военной системы; высшие звенья племенной структуры упорядочивались и «воплощались в реальные …политические образования»; появление более или менее централизованной власти и т. д.). В результате, как считал ученый, и возникали кочевые империи, «олицетворявшие военную централизацию скотоводов» [21, с. 312]. Однако, когда задачи военно-политического объединения (военные победы, окончание завоеваний, завершение миграции и адаптация к новой местности) реализовывались, регулярное существование централизованной власти у кочевников утрачивало смысл и по мере «распадения империи и децентрализации племен», власть и влияние «военно-племенных предводителей ослабевала» и вскоре следовал крах имперской организации [21, с. 312].

В свете разных подходов к характеру племенной иерархии и трактовке отношений правящей элиты с племенами в Тюркских каганатах в данной статье будут проанализированы данные источников по обозначенным вопросам с целью определения степени зависимости племен от Ашина, их статуса в имперских структурах каганатов.

Описание периода формирования Тюркского каганата в китайских хрониках практически не содержит указаний на подчинение и принуждение племен к признанию власти тюрков. Исключением являются столкновения с бывшими властителями монгольских степей жуаньжуанями, которые закончились разгромом последних. Акт подчинения тюркам племен теле в китайских хрониках описан буквально одной фразой («Или-хан совершенно поразил тйелэсцев и покорил более 50000 юрт» [4, с. 221]) и достаточно труден для интерпретации (было ли сражение или подчинение прошло мирным путем). Китайские авторы, уделявшие внимание внутреннему политическому развитию каганата, в том числе междоусобицам и столкновениям в 580-х – начале VII вв., не указывают на конфликты теле с тюрками. Более того, как подчеркивается в Тан-шу тюрки силами уйгуров (а за ними могли стоять и другие племена теле) «геройствовали в пустынях севера» [4, с. 301]. Однако, в надписях эпохи Второго Тюркского каганата, как мы указывали выше, отчетливо говорится о завоевании имперского пространства и покорении народов, живших «по четырем сторонам (углам)». Еще раз приходится констатировать, что власть кагана держалась не только на престижных раздачах и совместных набегах с подчиненными племенами. Изначально она имела насильственный характер, предполагала подчинение и контроль.

До начала рубежа VII в., если судить по письменным источникам, структура зависимых кочевых племенных союзов в составе Тюркского каганата, по крайней мере на территории Монголии, выглядела весьма аморфной. Кристаллизация надплеменных структур началась в период раскола Великого Тюркского каганата в конце VI – начале VII в. Этому способствовали внутренние конфликты между представителями калана Ашина, ослабление контроля и весьма неустойчивое положение восточного кагана Жангара, вынужденного укрыться со своими сторонниками в приграничной зоне Китая и признать протекторат Суй. В 605 (606) г. западно-тюркский каган Чуло напал на племена теле, «обложил их тяжелой податью», «но опасаясь возмущения, он собрал несколько сот их предводителей и убил их всех». В ответ на это последовало восстание племен теле [4, с. 301; 32, s. 350; 8, с. 143], в результате которого киби и сеяньто провозгласили независимую державу в Джунгарии, а уйгуры, объединившись с племенами пугу, тунло и байегу, создали союз во главе с Сыгинем из рода Яглакар и «отложились» от власти тюрков. Местом их расселения стал бассейн р. Селенги [4, с. 301 – 302, 339]. Усиление власти тюрков при каганах Шиби, Чуло и Хели (Эль-каган) позволило, по всей вероятности (источники дают весьма скудную информацию), восстановить контроль над телескими союзами в Монголии. Но политика Хели-кагана (замена должностных лиц согдийцамм и китайцами, попытки сбора налогов, конфликт с Тули-ханом, представителем династии Ашина и наместником юго-восточных владений тюрков) и дипломатия Тан сделали возможным формирование антитюркской коалиции в степи. В 627 г. сеяньто, уйгуры и байегу подняли мятеж и смогли разбить войска Тули-хана. Наказанный за поражение Тули вскоре сам выступил против Хели-кагана, который оказался в окружении врагов [2, с. 120]. Сеяньто и токуз-огузы, превратившиеся в мощные племенные союзы, начали открытую борьбу с тюрками. Довершили дело китайские войска, разгромившие сторонников Хейли и в конечном итоге пленившие тюркского правителя.

Более чем 50 лет (630 – конец 680-х гг.) в монгольских степях не существовало единой империи. Возвышение каганата Сеяньто окончилось его разгромом в 646 г. китайцами и подчиненными Тан тюрками. В 647 г. 12 вождей племен теле (эльтеберы уйгуров Тумиду, пугу Гэлянь Баянь, баегу Цзюэлиши, тунло Шицзянь, эркин доланьгэ Мо, а также вожди

племен хунь, хусе, сицзе, аде, циби и бай си) прибыли к танскому двору (по другой версии император встретил их в Линжоу) с дарами и признанием подданства. Китайское правительство провело районирование загобийских территорий, разделив земли телеских племен на шесть управлений (губернаторства) и семь округов [20, с. 114, 118]. Точка зрения об образовании в Монголии в период после столкновений токуз-огузов с Китаем в 660 – 663 гг. так называемого «Первого Уйгурского каганата» [20, с. 119, 120 – 123; 10, с. 7, 62 – 63], вне всякого сомнения, имеет основания в целом ряде тюркских и уйгурских текстов. Однако эпитафия из кургана Шоорон-дов говорит о довольно самостоятельных связях вождей пугу с Тан (вожди пугу в конце 640-х – 670-х гг. одновременно являлись генерал-губернаторами округа Цзиньвэй / Цзиньвэйчжоу) [9, с. 256; 20, с. 114, 118]. Это позволяет предполагать, что племенная структура токух-огузов при главенстве уйгуров (десяти племен уйгуров) не подвергалась жесткой централизации и ранжированию как в Тюркских каганатах. Только в воссозданном в конце VII в. Тюркском каганате (Второй Тюркский каганат) вновь оформилась племенная иерархия. Ильтериш-кагану пришлось вести борьбу с Китаем, с каганами токуз-огузов, кыргызов, тюргешей, с другими племенными объединениями Внутренней Азии [18, с. 65 – 69]. В столкновения с племенами на территории Монголии приходилось вступать Капаган-кагану и Бильге-кагану. Покорность зависимых племен все время требовала военных усилий. Так, Ильтеришу-кагану пришлось 5 раз совершать походы на токуз-огузов и 7 раз «ходить» на киданей [18, с. 69]. В конечном итоге в подчинении Ильтериш-кагана оказалось более 60 родовых групп и кланов [5, с. 88]. Именно военная сила тюрков скрепляла империю.

Каково же было положение крупных племенных объединений кочевников в имперской иерархии Второго Тюркского каганата? Тюркские надписи, не отвечая напрямую на этот вопрос, все же дают некоторые сведения по обозначенной проблеме. Однако подход к источникам не должен быть формальным. Иерархические титулы не всегда отвечают реальному рангу предводителей племенных союзов. Обладателями титула «каган» («хан») помимо тюркских правителей названы лидеры токуз-огузов (до покорения тюркам) тюргешей, кыргызов, асов (временно, при исключительных обстоятельствах) [18, с. 38, 41, 43, 66, 67, 68; 19, с. 20, 21, 23]. Другие надплеменные вожди носили титулы эльтеберов, идыкутов, иркинов (Великий Иркин Йэр Байырку), сенгунов [18, с. 41, 42; 19, с. 20, 22, 23]. Анализ текстов показывает, что иерархия строилась на иных принципах.

Наиболее влиятельное положение в каганате после тюрков занимали токуз-огузы во главе с уйгурами. О высоком статусе «девяти племен» говорит знаменитая фраза рунических памятников в честь Кюльтегина и Бильге-кагана «народ токуз-огузов был мой собственный народ» («Токуз-огузы были мой собственный народ») [18, с. 42; 19, с. 21]. Несмотря на мятежи и выступления уйгуров и входивших в возглавляемый ими племенной союз линиджей, весомую роль токуз-огузов в свержении власти тюрков в степи в 630 г., их ожесточенную борьбу с Ильтериш-каганом, откочевки на границу с главным врагом тюрков – Китаем, тюркская элита продолжала рассматривать «девять племен» как главную опору своей власти в Центральной Монголии. Стоит обратить внимание на тот факт, что в сохранившейся части Малой надписи памятника Кюль-тегину наряду с родственниками кагана, должностными лицами империи, «тюркскими племенами и народами» названы только «начальники и народ девяти племен» [18, с. 33]. Это явно не случайно, поскольку в Большой надписи данного памятника имеется обращение от лица правителя к «тюркским и огузским бегам и народу» [18, с. 39]. Стоит подчеркнуть, что подобная текстовая комбинация встречается еще раз в надписи на памятнике в честь Тоньюкука: «Тюркский Бильге-каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов» [18, с. 70]. Оставим в данном случае в стороне разбор политонима «тюрки-сиры», так как эта проблема заслуживает отдельного исследования и, скорее всего, здесь говорится о союзе внутри «тюркского народа» [12, с. 301 – 312]. Важно отметить, что кроме токуз-огузов больше не одно подчиненное тюркам племенное объединение не удостаивалось такой чести, как упоминания их «бегов и народа» вместе с «тюркским народом» и причисления их каганом к «моему собственному народу».

Полагаю, что в рассмотренных отрывках тюркских текстов речь шла не только об этнической близости тюрков с токуз-огузами (данные связи не во всех случаях очевидны, а родство тюрков и уйгуров весьма сомнительно), но и о признании реального влияния данного племенного объединения в политической жизни центрально-азиатских степей. Уйгуры вместе с пугу, тунло, цзегу и другими токуз-огузскими племенами, занимавшие территории от среднего течения Селенги и до бассейна Толы, играли стратегическую роль в степном пространстве Центральной и Северной Монголии. Без лояльности токуз-огузов власть тюрков была неустойчива. Кыргызы, карлуки, кидании и другие племена могли поднимать мятежи на периферии каганата, но при спокойствии в центре империи эти выступления не угрожали тюркской власти непосредственно. А вот токуз-огузские племена могли решить судьбу Второго Тюркского каганата одним успешным ударом по ставке правителя в Отюкенской черни. Не случайно, что именно столкновения с токуз-огузами были наиболее продолжительными и упорными. После прихода к власти Бильге-кагана тюркам пришлось неоднократно сражаться с токуз-огузами и их союзниками и проводить карательную акцию на Селенге [18, с. 42 – 43, 21 – 22], в то время как для усмирения других племен обычно хватало одной – двух побед. Тюрки осознавали силу и потенциал уйгуров, намеренно приближая их к тюркской элите и конструируя этнополитическую общность тюрков и токуз-огузов. При этом, однако, в текстах всегда четко дифференцируются тюрки и токуз-огузы. В этом контексте можно рассматривать токуз-огузов как племенной союз, непосредственно подчиненный кагану.

Следующую ступень составляли племена, чьи воины могли играть вспомогательную роль в тюркской армии либо оказывать помощь в противостоянии с противниками тюрков. К примеру, стратегическое положение на границах каганата занимали чики и азы

в Туве. Здесь основную угрозу для интересов тюрков представляли кыргызы, укрывшиеся за труднодоступными горами в Минусинской котловине и способные совершать рейды против каганата. Не случайно Капаган-кагану на первых порах пришлось азскому Барс-бегу «при тех обстоятельствах» даровать титул кагана и отдать замуж свою младшую сестру [18, с. 38]. Лишь после «провинности» и смерти азского кагана народ азов был подчинен тюркским тутукам («народ его стал рабынями и рабами»). Особое положение занимало и племя (племенное объединение) байырку («племя Йэр Байырку»), кочевавшее к северу от Керулена и фигурирующее в надписях отдельно от токуз-огузских племен [18, с. 41; 12, с. 113, 114].

Ряд тюркоязычных племен, входивших в каганат, выплачивали правителю дань и должны были «посылать караваны» [19, с. 20, 22]. В частности, в надписи в честь Бильге-кагана указывается, что еще в 20-летнем возрасте будущий правитель империи «пошел против народа басмылов и его ыдук-кута…, так как он не посылал …караван данью» [19, с. 20]. Возможно (из-за разрушения надписи данный фрагмент не совсем понятен), дань в центр империи должны были поставлять и карлуки [19, с. 22].

Другую группу «подданных» составляли монголоязычные племена киданей, татабийцев (хи – си – кумоси). Их положение не совсем ясно. В иерархии племен они не были на первых местах. Но сам регион, где располагались данные племена, играл важное значение, находясь между восточными владениями тюрков и северо-восточными провинциями Китая. Тюрки использовали противоречия между хи и киданями (известно совместные нападения тюрков и си на киданей) [26, с. 143 – 144, 159; 12, с. 127], хотя, судя по руническим надписям, хи и кидании несколько раз совместно выступали против тюрков [18, с. 38, 40; 19, с. 22]. Кидани были ненадежными участниками имперской системы, переходили в подданство Китаю [264, с. 158, 159] и подчинялись только военной силе тюрков.

Еще одну ступень составляли полуоседлые племена Саяно-Алтая. Характеристика отношений тюрков с населением данных территорий требует отдельного исследования, так же как и разговор о положении в каганате разных страт оседлого населения.

Выводы

Племенная иерархия, так же как и вся имперская система в Тюркских каганатах, была весьма динамичной. Отношения Ашина и подчиненных племенных союзов сильно влияли на устойчивость всей кочевой империи. Примеры из истории Второго Тюркского каганата показывают, что в условиях крупных поражений тюркских армий, смены власти, стремлений Китая ослабить каганат, мятежи и выступления подвластных племен были нередким явлением. Но при Капаган-кагане и Бильге-кагане бывали и «золотые времена», когда правителям удавалось «завести порядок» в народе, и в восприятии тюркских текстов не только тюрки, но и другие племена «процветали»: «в то время (наши) рабы стали рабовладельцами, а (наши) рабыни рабовладелицами» [18, с. 39]. Тем самым периоды «расцвета» Тюркских каганатов предполагали, что каган «устроил эль», «завел в нем порядок», «поднимает» и «вскармливает народ», «делает богатым неимущий народ», «…многочисленным малочисленный народ», ему «народы всех четырех сторон света отдают… труды и силы» [18, с. 34, 35, 36, 37, 39, 40; 19, с. 9, 24]. В этих условиях политическая автономность племенных вождей заключалась в отсутствии прямого вмешательства в их дела, но при этом сохранялся контроль за племенными элитами через институт тутуков, подтверждавших их лояльность верховному правителю.

Таким образом, в племенной иерархии Тюркских каганатов можно выделить несколько ступеней. На примере Второго Тюркского каганата можно конкретизировать положение и статус отдельных племенных союзов. Возглавлял имперскую систему клан правителя, который опирался на тюркскую аристократию и «тюркский народ». Ключевую роль в имперской системе играли токуз-огузы, занимавшие стратегически важные земли в Центральной и Северной Монголии. Среди других кочевых племенных объединений высоким статусом обладали байырку, азы. Определенной автономией располагали племенные союзы, расположенные в удаленных западных и восточных владениях каганата (карлуки, кидании). Более низким статусом обладали племена, платившие тюркам дань и возглавляемые тюркскими наместниками. Таковым, к примеру, было положение басмылов в начале VII в. Однако роль племенных групп в имперской системе была непостоянной и могла меняться со временем. Хорошо известно, что в свержении власти тюрков в 742 – 744 гг. наряду с токуз-огузами активное участие приняли карлуки и басмылы.

Литература

1. Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1968. 757 с.

2. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.); пер. Д. В. Рухлядева, Б. В. Кузнецова. СПб., 2009. 248 с. Режим доступа: http://barfield.narod.ru (дата обращения: 12.07.2012).

3. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI – VIII веков: Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.

4. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I.

5. Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. М.: Наука, 1996. 152 с.

6. Груссе Р. Империя степей. Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан. Алматы: Наш мир, 1992. 592 с.

7. Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР. Ч. I. Доклады за 1958 – 1961 гг. Л.: ГО СССР, 1961. С. 15 – 26.

8. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 527 с.

9. Данилов С. В., Бураев А. И., Саганов Б. В., Очир А., Эрдэнболд Л., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы Международной научной конференции (Улан-Удэ, 20 – 24 сентября, 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. С. 254 – 257.

10. Камалов А. К. Древние уйгуры VIII – IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.

11. Кляшторный С. Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI – X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М.: Наука, 1986. С. 217 – 228.

12. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.

13. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.

14. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

15. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

16. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос, 2000. С. 314 – 336.

17. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.

18. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л.: АН СССР, 1951. 452 с.

19. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: АН СССР, 1959. 112 с.

20. Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1980. С. 103 – 126.

21. Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 318 с.

22. Масао М. Политическая структура древнего государства кочевников Монголии // XIII Международный конгресс исторических наук. Доклады конгресса. М.: Наука, 1970. С. 1 – 8.

23. Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиции. Т. IV. Древне-тюркскиіе памятники въ Кошо-Цайдамъ. СПб., 1897. 33 с.

24. Савинов Д. Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГУ, 1979. С. 41 – 45.

25. Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 143 с.

26. Савинов Д. Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 31 – 43.

27. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с

28. Широиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 239 – 251.

29. Escedy I. Tribe and Society the 6th Century Turk Empire // Acta Orientalia Hungaricae. 1972. Vol. XXV. P. 23 – 38.

30. Krader L. The Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague: Mouton, 1963. 412 p.

31. Krader L. Peoples of Central Asia. Bloomington: Indiana University Publications, 1966. 277 p.

32. Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). B. I. Texte. Wiesbaden, 1958. 484 s.

33. Mori Masao. The Tu-chueh Concept of Sovereign // Acta Orientalia. Bulletin of the institute of Eastern Culture. Vol. 41. Tokio: The Toho Gakkai, 1981. P. 47 – 75.

Информация об авторе:

Васютин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, vasutin@history.kemsu.ru, vasutin2012@list.ru.

Sergey A. Vasyutin – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of the History of Civilizations and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902/903:902.65

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ МЕЗОАМЕРИКАНСКИХ ПИГМЕНТОВ ДОИСПАНСКОГО ПЕРИОДА НА СКАЛАХ И В ПЕЩЕРНОЙ ЖИВОПИСИ

Е. Г. Дэвлет, Э. А. Грешников, А. И. Фахри

STUDY OF MESOAMERICAN PIGMENTS OF THE PRE-COLUMBIAN PERIOD IN ROCK ART AND CAVE PAINTING BY THE NATURAL SCIENCE METHODS.

E. G. Devlet, E. A. Greshnikov, A. I. Fakhri

Работа была выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-31-01015а1).

В работе исследуются методы получения пигментов, широко использовавшихся в росписях скал и пещер на территории мезоамериканского региона. Рассмотрены такие важные памятник наскального искусства и пещерной живописи, как Куэва ла Конга (Никагаруа), Каса де лас Голондринас (Гватемала) и Нах-Тунич (Гватемала). Метод термического гидролизного метилирования – газовой хроматографии – масс-спектрометрии (THM-GC-MS) был использован для тестирования и сравнения химических составов, чтобы определить, имеются ли органические связующие, которые могут быть датированы. Представлен обзор проблем датирования. В итогах работы приведены данные исследований, которые показали что анализ мезоамериканских пигментов несет информативный аспект их использования в качестве хронологического индикатора, а в составе красок для фресковой живописи использовался лишь ограниченный набор красок, в основном применялись минеральные пигменты.

The paper investigates the methods for obtaining pigments that were widely used in the cave and open air rock art in Mesoamerica. Cueva la Conga (Nicaragua), the Casa de las Golondrinas (Guatemala) and Naj Tunich (Guatemala) are under consideration. The method of thermal hydrolysis methylation – gas chromatography – mass spectrometry (THM-GC-MS) was used to test and compare the chemical compositions to determine whether any organic binders survived which could be dated. Problems of the pigments component dating are described. The outcome of the study provides data that showed that the analysis of Mesoamerican pigments can be used as a chronological indicator, and the paints for cave painting mainly consisted of mineral pigments.

Ключевые слова: наскальное искусство, пигменты, естественнонаучные методы в археологии, археология Мезоамерики.

Keywords: rock art, pigments, cave painting, Pre-Columbian art, Mesoamerica.

Хотя художественное своеобразие центральноамериканской иконографии известно в больше мере благодаря искусству мезоамериканских цивилизаций, наскальные изображения составляли один из древнейших видов изобразительной деятельности обитателей региона (рис. 1). В данной работе будут рассмотрены разнообразные пигменты, которые применялись в нанесении изображений на открытые скалы и стены пещер, а также позже были использованы во фресковой живописи майя. В регионе пигменты разных цветов добывались из растений (корней, стеблей, цветов, семян), насекомых, глины и минералов. С древности основу колористики составляли оттенки красно-коричневого и черный, постепенно добавлялись белый, желтый, синий и зеленый. Со временем предпочтение начинает отдаваться красному, желтому, голубому, и зеленому цветам [1]. Художники майя классического и постклассического периодов использовали палитру более чем из 30 цветов [9].

Пигменты, использовавшиеся местными художниками в рисунках на скалах, представляли для исследования особый интерес. Росписи местонахождения Куэва Ла Конга (Cueva La Conga), Никарагуа, впервые получили датировку радиоуглеродным методом, поскольку в охре содержалась примесь угля. Памятник наскального искусства Куэва Ла Конга (пещера Конга) расположена в северной части Никарагуа, в 50 километрах от границы с Гондурасом, в департаменте Хинотега. Изучение пигментов было инспирировано идеей поиска критерия, являлись ли культура и ритуалы, отраженные в росписях Куэва Ла Конга, результатом автохтонного развития местной традиции, или они были результатом влияния культуры майя или народов, населявших Карибский бассейн. Четырнадцать выполненных краской изображений расположены в основной полости пещеры, куда не проникает дневной свет. Изображения и резьба на сталактитах в пещере являются свидетельствами культового значении объекта (рис. 2). Изображения различны по стилю, но большинство из них представляет собой абстрактные изображения – круги, точки и солярные знаки, также изображены кисти руки и персонажи с символами высокого статуса.

Некоторые росписи созданы углем, но большинство красными, желтыми и пурпурного цвета пигментами. Описаны результаты анализа 11 образцов красок: пять состояли из древесного угля, шесть – из неорганического пигмента (охры), также изучены восемь образцов подложки. Метод пиролитической хромато-масс спектрометрии метилированных производных (THM-GC-MS) был использован для тестирования и сравнения химических составов краски (охры) и подложки образцов, целью исследования являлось выявление органических связующих, пригодных для датирования, однако они не были выявлены. Хотя

связующее отсутствовало, методом сканирующей электронной микроскопии в охристой краске некоторых образцов был обнаружен древесный уголь, который, по мнению исследователей, был преднамеренной примесью в пигменте. Датировка этого компонента на разных рисунках позволила обозначить временной диапазон от 680 – 905 гг. н. э. до 1440 – 1520 гг. [2].

Рис. 1. ***Карта региона***

Другое исследование состава пигментов наскального искусства Центральной Америки связано с памятником Каса де лас Голондринас (Casa de las Golondrinas) в Гватемале. Каса де лас Голондринас («Дом ласточек») расположен в центральной части нагорья Гватемалы, в районе Антигуа, который был населен на протяжении 6000 лет. Памятник является крупнейшим в Гватемале, здесь выявлено более 225 рисунков на подвертикальных скальных выходах (рис. 3, 4).

Образцы пигмента росписей Каса де лас Голондринас исследовались во Франции для определения возраста наскальных изображений. Было установлено, что в Каса де лас Голондринас рисунки выполнялись на протяжении почти 2500 лет и древнейшие из них относятся к раннему и среднему доклассическому периодам (1150 – 700 до н. э.) [11]. В Каса де лас Голондринас представлены символы, находящие соответствия в иконографии майя позднего постклассического периода (1200 – 1520 гг. н. э.) (рис. 5). Даты радиокарбонного анализа подтвердили предполагавшиеся на основании стилистических исследований широкий временной диапазон существования традиции создания наскальных изображений, которая сохранялась вплоть до колониального периода [6].

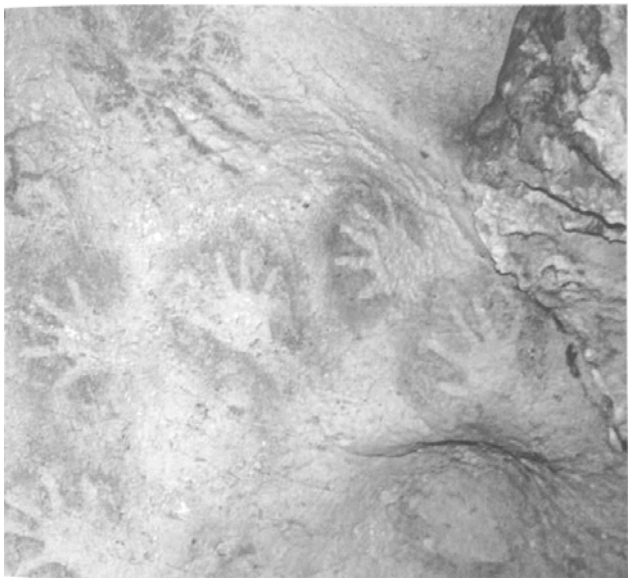

Рис. 2. ***Фрагмент росписи из Куэва Ла Конга, Никарагуа*** (по *Kunne et al*. Fig. 19.7)

Рис. 3. ***Общий вид на Каса де лас Голондринас, Гватемала***

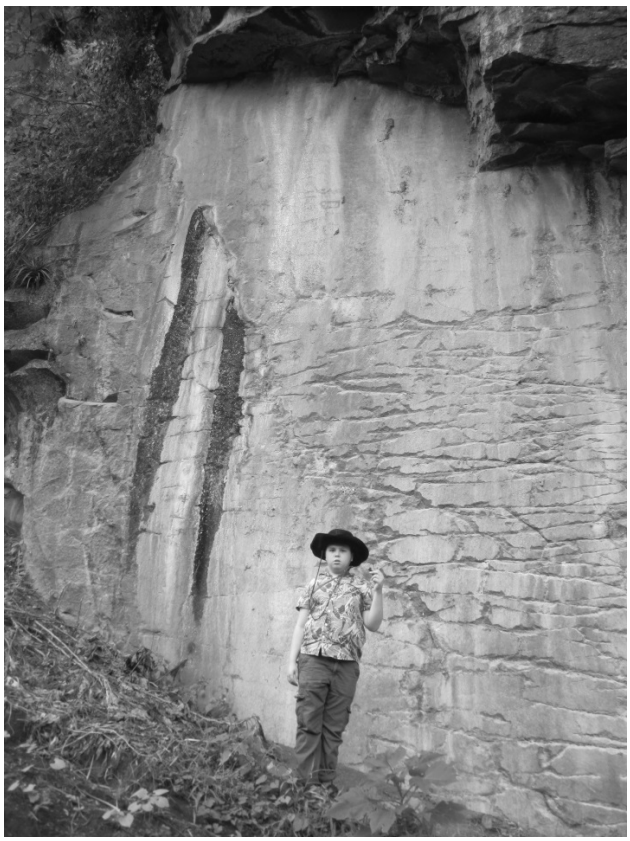

Рис. 4. ***Общий вид основной плоскости с изображениями Каса де лас Голондринас, Гватемала***

Поскольку преобладающий цвет росписей – красный различных оттенков: от оранжевого до фиолетового, предполагалось, что пигмент может быть охрой. При нагревании оксидов железа (гетит, лепидокрокит и т. д.) их цвет изменяется: чем больше нагрев, тем темнее и насыщеннее становится цвет из-за обезвоживания и окисления. Известно, что обезвоженный оксид железа приобретает темно-красный оттенок. При исследовании образцов методами сканирующей электронной микроскопии во всех образцах выявлены железо и кремний, что подтверждает предположение об использовании охры, которая в местной традиции называется «красная земля» («terra roja»). Присутствие в образце в качестве следового элемента хрома могло бы помочь локализовать источник сырья, если будет найдено месторождение, содержащее хром. Важно выяснить происхождение красного пигмента, примененного в рисунках «Дома Ласточки». С одной стороны, в Гватемале известны восемь месторождений гематита в р-не департамента Чикимула. Однако значительное расстояние от Чикимулы до «Дома Ласточек» ставит под сомнение возможность использования древними художниками этих месторождений. В качестве красного пигмента более вероятно использование глинистой охры, тем более что источник охры хорошего качества, не тускнеющей со временем, известен в 13 км от «Дома Ласточек», в районе Чимальтенанго [5; 6].

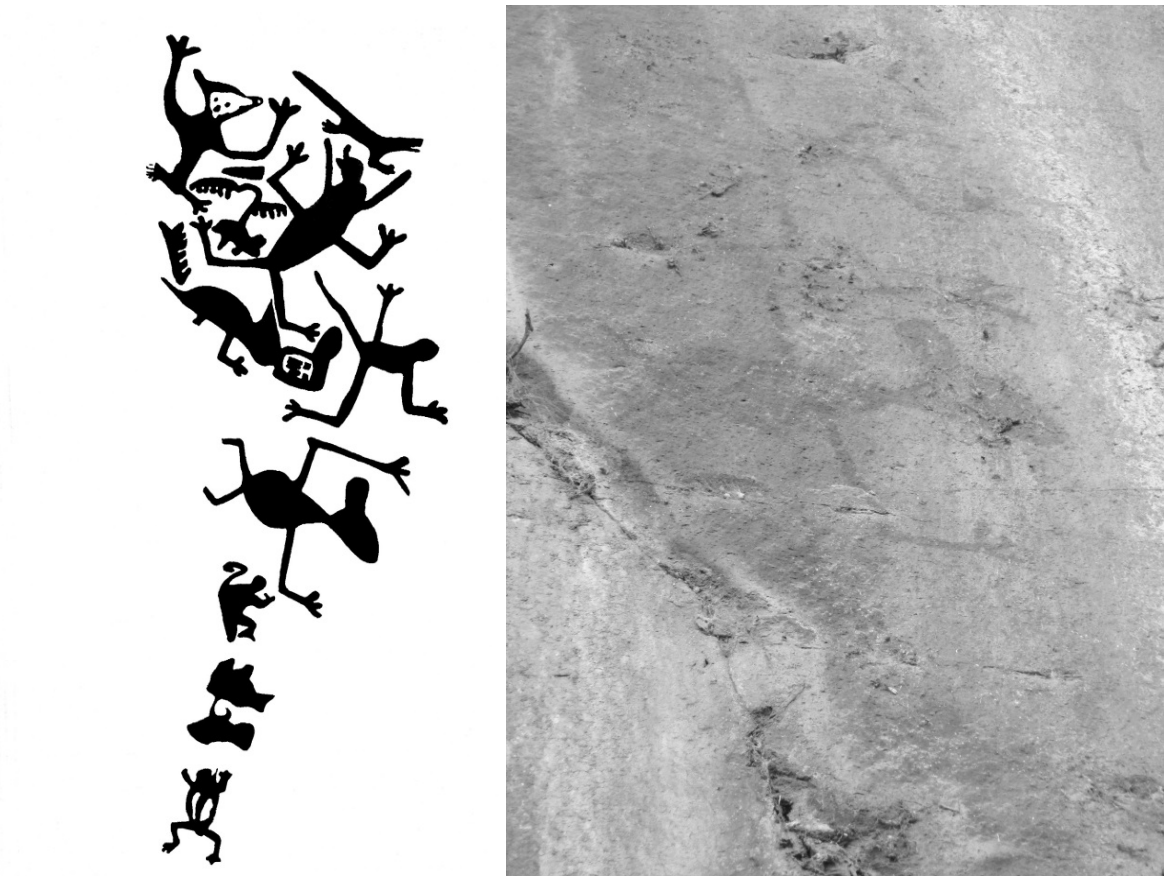

Рис. 5. ***Прорисовка основной плоскости росписей красным пигментом*** (по *Kunne et al*. Fig. 19.13) ***и ее фрагмент***

Другая серия образцов анализировалась в лаборатории университета восточного Мичигана методом плазменно-химического окисления и ускорительной масс-спектрометрии. Для двух красных образцов из Каса де лас Голондринас были получены радиоуглеродные даты в диапазоне 6250 – 5550 гг. до н. э. [14]. Другой образец получил калиброванные радиоуглеродные даты 1500 – 900 лет до н. э. [15]. Также были обнаружены углеводы – длинные цепи жирных кислот, включающие азотсодержащие соединения, которые могли быть признаком связующего органического происхождения. Однако без сравнения краски и подложки из одной области скальной плоскости эти данные недостаточно надежны: нельзя исключить, что углеводы и липиды имели экологическое происхождение. Органические компоненты краски образца № 8 дали некалиброванную дату 6890 ± 160 лет назад. Полученная радиоуглеродная дата скорее всего связана с загрязнением образца почвенными гуминовыми веществами, не удаленными полностью стандартной предварительной обработкой. В образце № 5 была обнаружена более длинная цепь углеводов и ненасыщенные липиды, возможно, свидетельствовавшие о наличии связующего, но сравнение с составом скальной подложки не было проведено.

В целом исследование проиллюстрировало важность выяснения происхождения органического вещества в наскальных рисунках, особенно при применении прямого радиоуглеродного датирования.

В 2008 г. были исследованы четыре образца пигментов росписей черного и кофейного цветов из пещеры Нах-Тунич (Naj Tunich), департамент Петен (Гватемала). Установлено, что наскальные изображения (рис. 6) были созданы в позднем классическом периоде (600 – 800 гг. н. э.) [18; 19]. Анализ состава пигментов выявил наличие пережженной размолотой кости, смешанной с охрой [12]. Присутствие помола кости в составе черной краски, по мнению исследователей, может рассматриваться в качестве свидетельства ее особого ритуального назначения.

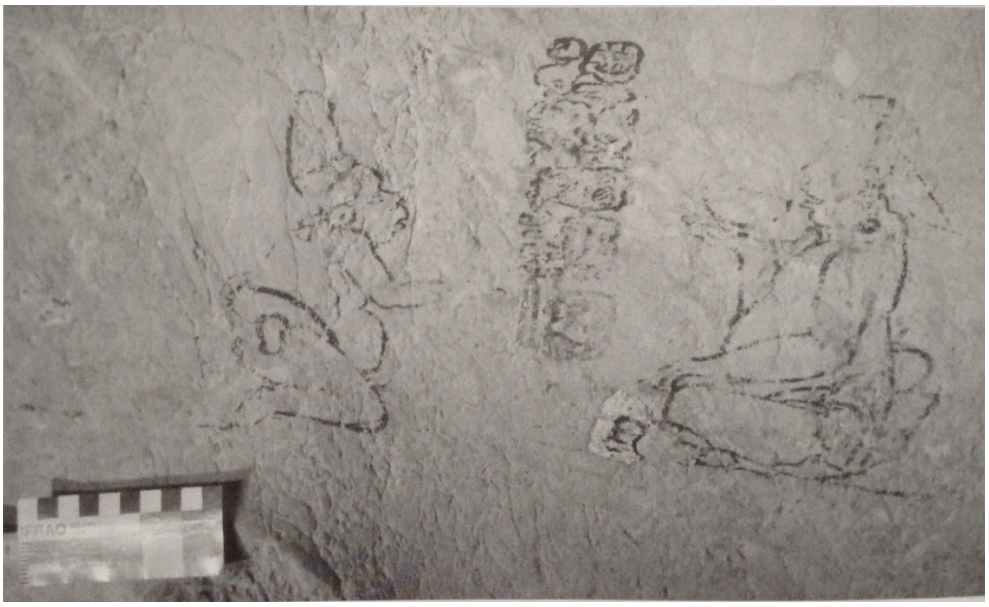

Рис. 6. ***Фрагмент росписи из пещеры Нах-Тунич, Гватемала, пигментом*** (по *Kunne et al*. Fig. 19.3)

Результаты анализа двух образцов охры показали присутствие железа и кремния. Метод пиролитической хромато-масс спектрометрии метилированных производных THM-GC-MS продемонстрировал отличный потенциал в качестве экспресс-метода скрининга для сравнения подложки и краски образца при определении, какой из них пригоден для прямого радиоуглеродного датирования. Почвенные гуминовые кислоты сохраняются на поверхности скал длительное время и их присутствие в красителе образцов приводит к ошибочному датированию рисунков: возраст загрязнений может быть не связан с возрастом краски. Органический материал может возникать под воздействием различных факторов, например, когда люди прикасаются к поверхности с изображениями.

Рамановская спектроскопия – другой современный метод качественного исследования образцов краски, состоящей из неорганических компонентов, однако его возможности ограничены при исследовании сложных смесей органических соединений биологического происхождения. Этот метод нашел применение при анализе пигментов на фрагментах настенной живописи майя [20].

Значительный интерес представляют рецептуры получения оттенков синего и зеленого, использовавшихся в частности и в декоре стен. Фрагменты полихромных фресок майя позднего классического периода (~900 г. н. э.) были выявлены в 2004 г. во время раскопок городища Эк'Балам на Юкатане (Мексика). Методом спектроскопии комбинационного рассеяния (рамановской спектроскопии) был исследован набор использованных в них пигментов, представленный красными и желтыми оттенками, а также гаммой от зеленого и синего до черного. В образцах, происходящих из помещения № 23 «акрополя», были выявлены гематит, кальцит, углерод, киноварь и индиго. Последний компонент характерен для ярко-голубой краски, широко известной как «Maya blue», установить состав которой

удалось лишь относительно недавно [10]. Она представляет собой пигмент индиго, включенный в алюмосиликатный минерал – палыгорскит [palygorskite – $Mg_5(Si_4O_{10})2(OH)2(H_2O)4˙ 4(H_2O)$]. Уникальность *Maya Blue* заключается в том, что краска характеризуется стойкостью, яркостью и насыщенным цветом, оттенки которого могут варьировать от светло-бирюзового до темного сине-зеленого. Такой краситель отличался цветовой насыщенностью и долговечностью [4]. Анилин или индиго – синий краситель – добывался из листьев растения *Indigofera guatemalensis* или *Indigofera suffruticosa* вплоть до колониального периода. Особенностью таких красителей является то, что они были искусственно синтезированными пигментами, созданными из природных компонентов. Его получали, нагревая синий пигмент индиго, выделяемый из листьев травянистого растения *Indigofera guatemalensis*, с глинистым минералом палыгорскитом, имеющим волокнистое строение. В процессе нагрева пигмент абсорбировался минералом (наночастицы красящего пигмента были обнаружены как внутри полых канальцев волокон глинистого материала палегорскита, так и вне их), что приводило к многократному увеличению стойкости цвета. Исследовательской группой из Университета Валенсии установлено, что ряд желтых пигментов майя состоит из подобных компонентов [7]. Как сообщают исследователи, майя предвосхитили современный синтез органических-неорганических гибридных материалов, разработав технологию получения красок разного цвета, а не только ярко-синей. Используя методы микроскопии, спектроскопии и вольтамперометрии, исследователи на основании результатов анализа желтых пигментов, отобранных с различных образцов настенной живописи майя из нескольких археологических памятников на Юкатане, выяснили, что разработанные майя желтые пигменты представляли собой красители-индигоиды, соединенные с палыгорскитом с небольшой примесью охры. Они предположили, что оттенок определяется соотношением количества индиго и его окисленной формы. Индиго теряет свой цвет и становится желтым, если в нем разрушаются углеродные связи. По версии исследователей желтые пигменты были побочным продуктом на стадии получения индиго и *Maya Blue*. Древние мезоамериканцы применяли сложную технологию – листья и ветви растений индиго замачивали в водной суспензии гашеной извести, после чего отфильтровывали сырой материал. Затем часть желтой суспензии отбирали и добавляли к палыгорскиту для получения желтого пигмента, а оставшуюся часть интенсивно перемешивали и продували через нее воздух до приобретения синей окраски, после чего суспензию фильтровали и выделяли индиго, которое смешивали с палыгорскитом для получения *Maya Blue*.

Еще одно исследование древних мезоамериканских пигментов высветило необычный информативный аспект их использования в качестве хронологического индикатора. Это выявленная возможность археомагнитного датирования используемых древними художниками пигментов-ферромагнетиков, соединений обладающих повышенной, по сравнению с другими минералами, природной намагниченностью. Разница в магнитной восприимчивости ферромагнитных минералов и других элементов горной породы может различаться на четыре порядка. Среди ферромагнетиков, носителей естественной намагниченности, известны оксиды железа и титана – магнетит (Fe_3O_4), ульвошпинель (Fe_2TiO_4), маггемит (у-Fe_2O_3), гематит (Fe_2O_3) и ильменит ($FeTiO_3$), гидроксид железа – гетит (FeO(OH)) и сульфид железа – пирротин (Fe1-xS). Частички краски, содержащие, например, гематит или магнетит – минералы, входящие в состав части пигментов росписей (охристых красителей), при нанесении на поверхность (до полного отвердевания краски) ориентируются по направлению земного магнитного поля, уникальному для определенного времени и места. Фрески нескольких храмов Центральной Мексики классического и раннего постклассического периода в 2004 г. получили археомагнитную дату по пигментам росписей, содержащим смесь гематита и магнетита. Были подвергнуты магнитным измерениям четыре фрески из Центральной Мексики: из Темпло де Венус («Храм Венеры», культура Какаштлы), Темпло Рохо («Красный храм», главный храм Теночтитлана), Чапулинес и Эстрейас, принадлежащих к комплексу Чолулы. В соответствии с имеющейся «эталонной кривой» для Мексики направление средней характерной остаточной намагниченности (ChRM) от Темпло Венус, Эстрейас и Чапулинес соответствовало интервалу между 1000 н. э. и 1200 г. н. э., что коррелировалось с археологическими датировками. Изученные мезоамериканские фрески сохранили направление магнитного поля в момент их окрашивания и стали бесценным источником информации как о его вековой вариации, так и времени создания художественной росписи [9].

Подводя итоги, необходимо отметить, что население древней Мезоамерики на протяжении достаточно длительного временного интервала в художественной и хозяйственной деятельности активно использовало множество красителей различного происхождения. В наскальном искусстве и при создании фресок использовался лишь ограниченный набор красок: применялись в основном минеральные пигменты, к ним в качестве примесей также добавлялся древесный уголь или пережжённая кость. Использование в наскальном искусстве и во фресковой живописи пигментов растительного и животного происхождения не получило подтверждения.

Литература

1. Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства. Изучение, сохранение и использование. М., 2002. 340 с.

2. Baker S. M., Armitage R. A. Cueva La Conga: First Karst Cave Arhaeology in Nicaragya // Latin American Antiquity, 2013. 24(3). P. 309 – 329.

3. Chiari G., Giustetto R., Ricchiardi G. Crystal structure refinements of palygorskite and Maya Blue from molecular modelling and powder synchrotron diffraction // European Journal of Mineralogy. 2003. 15(1). P. 21 – 33.

4. Chiari G. Pre-columbian nanotechnology: reconciling the mysteries of the maya blue pigment // Applied Physics. 2008. 90(1). P. 3 – 7.

5. Costa P. Proyecto de conservacion de La Casa de Las Golondrinas, un Sitio Mayor de arte rupestre en Las tierras altas de Guatemala. Tesis de Maestría en Restauración de Monumentos de la Facultad de Arquitectura de la Universidad de San Carlos de Guatemala. 2010. Режим доступа: http://biblioteca.usac.edu.gt/tesis/02/02_2925.pdf

6. Costa P., Touron S., Duchêne S. Conservación de arte rupestre y análisis físico químico de los pigmentos de la cueva de Naj Tunich y de la Casa de las Golondrinas // XXIV Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala 2010 / J. P. Laporte, B. Arroyo, H. Escobedo y H. Mejía (eds.). Guatemala. 2010. P. 823 – 831.

7. Doménech A. Evidence of topological indigo/dehydroindigo isomers in maya blue-like complexes prepared from palygorskite and sepiolite // The Journal of Physical Chemistry. 2009. 113(28). P. 12118 – 12131.

8. Franklin J. The science of conjecture: evidence and probability before Pascal. Baltimore, 2010.

9. Guirola C. Tintes naturales: su uso en Mesoamérica desde la época prehispánica. Asociación FLAAR Mesoamérica, 14. 2010. Режим доступа: http://www.mayaarchaeology.org/FLAAR_Reports_on_Mayan_archaeology_-Iconography_publications_books_articles/12_tintes_naturales_maya_mesoamerica_etnobotanica_codice_artesania_prehispanico_colonial_tzutujil_mam.pdf

10. Magaloni D. Materiales y técnicas de la pintura mural maya // La pintura Mural Prehispánica en México. II, 2001. P. 155 – 198.

11. Krunne M., Perez de Batres L., Costa P. Recent rock art studies in Eastern Mesoamerica and lower Central America. 2005 – 2009 // News of the World IV. ROck Art Studies. Oxford: Oxbow Books, 2012. 400 p.

12. Laporte J. P., Arroyo B., Escobedo H. y H. Mejía (eds.). Conservacion de arte rupestre y analisis fisico quimico de los pigmentos de la cueva de Naj Tunich y de La Casa de Las Golondrinas // XXIV Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala. Guatemala, 2010.

13. Li R., Baker S., DeRoo C. S., Armitage R. A. Characterization of the Binders in the Rock Art of Cueva La Conga, Nicaragua. Collaborative Endeavors in the Chemical Analysis of Art and Cultural Heritage Materials // American Chemical Society, 1103. 2012. P. 75 – 89.

14. Livingston E., Robinson A. J., Armitage R. A. THM-GC-MS Analysis of Rock Paintings from Casa de Las Golondrinas, Guatemala: Implications for Radiocarbon Dating // International Journal of Mass Spectrometry. 284. 2009. P. 142 – 151.

15. Reimer P. J., Reimer P. J., Baillie M. G. L., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Bertrand C. J. H., Blackwell P. G., Buck C. E., Burr G. S., Cutler K. B., Damon K. B., Edwards R. L., Fairbanks R. G., Friedrich M., Guilderson T. P., Hogg A. G., Hughen K. A., Kromer B., McCormac G., Manning S., Ramsey C. B., Reimer R. W., Remmele S., Southon J. R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F. W., v. d. Plicht J., Weyhenmeyer C. E. 2004: IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0-26 cal kyr BP // Radiocarbon. 46(3). P. 1029 – 1058.

16. Robinson E., Garnica M., Freidel D., Braswell G., Carr S. Nuevos hallazgos en la Casa de Las Golondrinas, un sitio con arte rupestre en las Tierras Altas Centrales de Guatemala // XVII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala. 2004. P. 165 – 172.

17. Robinson E., Garnica M. A, Armitage R. A., Rowe M. W. Los Fechamientos del Arte Rupestre y La Casa de las Golondrinas, San Miguel Dueñas, Sacatepéquez // XX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala / J. P. Laporte et al (eds.). Guatemala, 2002. P. 959 – 972.

18. Stone A. Las pinturas y petroglifos de Naj Tunich, Petén: Investigaciones recientes // II Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala / J. P. Laporte, S. Villagrán, H. Escobedo, D. González de, J. Valdés (eds.). Guatemala, 1991. P. 187 – 201.

19. Stone A. J. Images from the Underworld. Naj Tunich and the Tradition of Maya Cave Painting. Austin, 1995.

20. Vandenabeele P., Bode S., Alonso A., Moens L. Raman spectroscopic analysis of the Maya wall paintings in Ek'Balam, Mexico // Spectrochimica Acta. Part A: Molecular and Biomolecular Spectroscopy. 61 (10). 2005. P. 2349 – 2356.

Информация об авторах:

Дэвлет Екатерина Георгиевна – ученый секретарь Института археологии РАН, руководитель центра палеоискусства.

Ekaterina G. Devlet – Academic Secretary of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Studies of Paleolithic Art, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences.

Грешников Эдуард Аркадьевич – ведущий специалист лаборатории естественнонаучных исследований в социогуманитарных науках Национального Исследовательского Центра «Курчатовский Институт», levkon1963@yandex.ru.

Eduard A. Greshnikov – Leading specialist at the Laboratory for Natural Science Methods in Social Sciences, National Research Centre "Kurchatov Institute", Moscow.

Фахри Амина Ильгизовна – младший научный сотрудник Центра палеоискусства Института археологии РАН, fakhri.amina@gmail.com.

Amina I. Fakhri – Junior Research Associate at the Centre for Studies of Paleolithic Art, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902/904

HOMO LUDENS БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА (игры и игрушки)

А. В. Епимахов, Н. А. Берсенева

HOMO LUDENS IN THE SOUTH URAL BRONZE AGE (games and toys)

A. V. Epimakhov, N. A. Berseneva

Работа выполнена в рамках программы "Среда обитания и социокультурное пространство Южного Урала и Зауралья в эпоху палеометалла" и при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (госзадание 33.2644.2014/к).

Игра является универсалией человеческой культуры, однако ее опознание в археологических материалах сопряжено с серьезными трудностями, т. к. в большинстве случаев невозможно реконструировать правила, состав участников и пространство действия. Основным доступным источником информации об играх уральского бронзового века является сохранившаяся часть атрибутов игры (астрагалы, миниатюрные глиняные изделия и пр.). Часть из них имеет прямые следы участия детей в изготовлении. Судя по косвенным данным, игровой элемент входил и в такие занятия, как охота, тренировки колесничих или кулачные бои, т. е. игра была частью жизни не только детей, но и взрослых. Большинство свидетельств игровой деятельности выявлено при исследовании поселений, однако значительная часть этих находок либо не была выделена авторами раскопок как самостоятельная категория, либо не была интерпретирована как атрибуты ролевой стохастической или иной разновидности игровой практики. Данная работа призвана заполнить этот пробел хотя бы отчасти.

The game is a universality of the human culture. Nevertheless, it is difficult to identify its traces through the archaeological record so it is impossible to reconstruct the rules, teams of participants and space of activity. The main available source for the Ural Bronze Age can be the material attributes of the games (astragals, miniature ceramic items etc.). A part of them has the direct evidence of children's participation in their making. Judging by the substituted data, the game element was also included in the hunting activity, training of charioteers and fisticuffs because the game was a vital part of life not only for the children but also for the adults. The main body of evidence was discovered during the excavation of the settlements but the archaeologists did not consider these artefacts as a special category of items or did not interpret them as game attributes. Our work starts filling this gap.

Ключевые слова: игра, игрушки, бронзовый век, Южный Урал, синташтинская культура, алакульская культура.

Keywords: game, toys, Bronze Age, South Ural, Sintashta culture, Alakul' culture.

Игра – это функция, которая исполнена смысла
Йохан Хейзинга

Игра является одной из универсалий человеческой культуры на протяжении всей истории. Вряд ли удастся привести примеры коллективов, не имеющих этой традиции. Не углубляясь в вопрос об истоках, ограничимся данной констатацией, на которой базируются остальные построения настоящей работы. Имеющиеся исторические и этнографические свидетельства игры сколь многочисленны, столь и разнообразны: варьируют практически все элементы – пространство, уровень сложности, состав участников и т. д.

Сущность игры автор термина Homo Ludens определял как «свободное действие» в особом «игровом пространстве», подразумевающее строгий внутренний порядок (правила) и присутствие игрового сообщества [17]. Этой трактовке соответствует множество вариантов физической и ментальной активности, совершаемых не только детьми, но и взрослыми. В зависимости от специализации ученые различают разные функции игры: катарсис (психология), образование и инкультурация (педагогика), эволюция во времени и распространение в пространстве (антропология) и т. д. [23, p. 18 – 19].

В свете изложенного гипотеза о возможности опознания следов игровой деятельности в археологических данных представляется достойной рассмотрения. На первый план выходит проблема критериев. Исходя из характеристики Й. Хейзинги, приведенной выше, задача не выглядит тривиальной. Ключевой трудностью, с нашей точки зрения, является то, что игра – это, прежде всего, *процесс*, а археология практически всегда имеет дело с его *результатом*, точнее – материальным отражением, искаженным к тому же в результате конверсии археологической информации [8]. Очевидно, что огромное большинство игр следов не оставляет. Сходным образом обстоит дело и с игровым пространством, которым в разных ситуациях мог служить едва ли не любой локус. Наконец, правила игры также недоступны прямому изучению археологическими методами. Таким образом, с одной стороны, игры, несомненно, были непременной частью повседневной жизни в древности, с другой – сам факт их существования, не говоря уже о формах, не слишком легко проиллюстрировать археологическими материалами. De facto основным источником сведений остаются атрибуты игры.

Археология игры (на примере древностей бронзового века)

Возможности извлечения информации мы попытаемся продемонстрировать на примере бронзового века Южного Урала, представленного большой группой культур, связанных не только соседством, но и родством, которые формируют в ряде случаев культурные секвенции. Их совокупность А. В. Матвеев рассматривает в качестве «семьи археологических культур» [12 с. 44]. Общими для них являются основы системы жизнеобеспечения, строительные технологии, погребальная обрядность и пр. Во многих случаях речь идет о синкретических культурных типах, возникавших на базе взаимодействия (абашевско-синташтинские, срубно-алакульские, алакульско-федоровские древности). Большинство культур представлено и поселениями, и могильниками, иногда формирующими синхронные комплексы, что существенно расширяет круг познавательных возможностей.

Мы исходим из того, что игра была занятием не только детей, но и взрослых. Принятие этого тезиса позволяет иначе взглянуть на некоторые хорошо известные факты. Для начала обратимся к парадоксальному сочетанию многочисленной военной атрибутики в синташтинских материалах (фортификация, оружие, колесницы) с полным отсутствием надежных свидетельств реальных военных действий. Несмотря на значительные вскрытые площади поселений, нет примеров военных катастроф, если, конечно, не считать таковыми следы пожаров. Между тем для абашевских и алакульских поселений Зауралья такими памятниками мы располагаем (Мало-Кизильское селище, Коркино I). Отсутствуют и аргументы в части травматизма.

Специализированное оружие и колесничный комплекс предполагают значительную, а главное, практически непрерывную работу по тренингу человека и лошадей [19 и др.]. Для того и другого имеются трассологические доказательства. В случае с роговыми деталями лука и псалиями следы *длительной* эксплуатации несомненны [21]. Как известно, состязательность существенно стимулирует качество тренировок, поэтому нет никаких причин отрицать возможность ристалищ на колесницах или соревнований по стрельбе из лука. Хронологически близкие письменные источники не имеют прямого отношения к уральскому бронзовому веку, но колесничная символика представлена в них обильно, в том числе и в интересующем нас аспекте.

В этом же ключе могут быть оценены следы охотничьей деятельности, во всяком случае, для степной части региона, где доля костей диких животных в составе остеологических коллекций обычно составляет несколько процентов [25 и др.]. Ясно, что роль этой отрасли в системе жизнеобеспечения несопоставима с животноводством, но факт стабильного присутствия останков диких животных в составе коллекций требует объяснения, вовсе не обязательно исходящего из сугубо прагматических соображений (пища, мех, рог). Охота, как и состязания, могли служить вариантом тренинга (в том числе военного), что по мотивации близко не производственной, а игровой деятельности. Агрессивные игры часто выполняют и другую функцию – понижают уровень агрессии, которая присуща огромному большинству человеческих коллективов.

«Спортивная» (от старофранц. desport – «игра», «развлечение») версия хорошо согласуется и с некоторыми, увы, единичными антропологическими фактами периода бронзового века. В могильнике Бестамак (погребение 40) был захоронен мужчина 30 – 40 лет, спектр прижизненных травм которого невозможно объяснить бытовым насилием или участием в военных действиях (переломы носовых костей, коренных зубов, ребра, локтевого отростка, деформация пястной кости и пр.). С большой долей вероятности можно предполагать, что он был «профессиональным» кулачным бойцом и участвовал в схватках регулярно в течение нескольких лет [13, с. 77 – 78]. Эта картина подразумевает стабильное существование состязаний, близких спортивным, каковы бы ни были их мотивы. Таким образом, малочисленность фактов связана не только с редкостью овеществления игровой деятельности, но и острым дефицитом детальных антропологических анализов.

Наряду со «спортивной» разновидностью игр явно существовали и другие, например, ролевые и стохастические. Последние имеют достаточно аргументов в свою пользу в виде находок игральных костей со знаками на гранях, обнаруженных в широком спектре культур и за пределами рассматриваемой территории [9] и в ее пределах. Разумеется, разграничить гадание и игру по артефактам невозможно, т. к. в обоих случаях они использовались в качестве генератора случайных чисел [14, с. 295].

В коллекциях поселений и могильников бронзового века хорошо представлены и наборы астрагалов. Их трактовка в качестве орудий труда (лощил) состоятельна лишь отчасти. Огромное большинство таких находок не имеет явных следов придания новой формы, что мало согласуется с «орудийной» версией, о том же может говорить и серийность находок в погребениях. Большая доля этих «артефактов» формирует комплексы и сопровождает не только детей и подростков, но и взрослых. Трассологические данные, увы, пока представлены недостаточно, однако примеры трактовки астрагалов в качестве атрибута игры имеются [11; 15, с. 126 и др.; 20], в том числе и со ссылкой на следы манипуляций. Наряду с ними фигурируют и иные интерпретации – культовая, гадальная, символ благополучия [10; 18 и др.]. Очевидно, что строгое разграничение сакрального и профанного в данном случае также вряд ли реально.

Для уточнения понимания обратимся к контексту этой категории находок. В качестве полигона нами избрана синташтинская серия погребений, которая располагает информацией о поле и возрасте погребенных и сравнительно полно опубликована. Астрагалы сопровождали 55 погребений (16 %) практически всех могильников (за вычетом кургана Халвай-3), из которых 48 дают возможность соотнести их с иными категориями инвентаря, антропологические определения имеются для 42 индивидов. Треть от этой выборки составляют захоронения взрослых индивидов, преимущественно женщин (восемь против двух). Обычной была практика включения астрагалов в состав разнообразного погребального инвентаря, вклю-

чая колесничный комплекс. Достоверно известно лишь одно не потревоженное захоронение, сопровождаемое только астрагалами и посудой. Из оставшихся двух третей выборки большинство составляют дети (53 %). Наборы инвентаря этих захоронений не имеют значимых отличий от стереотипа с учетом общей вариативности синташтинской обрядности [6]. Показательно, что доли погребений с астрагалами к общему числу захоронений лиц соответствующей возрастной группы очень близки: для взрослых – 12,4 %, для детей – 16 %. Таким образом, данная категория инвентаря, вероятно, не служила гендерным и возрастным маркером.

Стоит отметить, что в отличие от поселений, единовременные комплексы включают от 4 до 100 экземпляров астрагалов. В некоторых случаях хорошо фиксируется компактность их расположения и даже форма емкости – удлиненный мешок (?), подквадратный туес (?) и пр. В свете обсуждения темы должна быть упомянута находка 12 астрагалов совместно с массивной пластиной из рога лося [5], что позволило предложить версию ее использования в качестве биты.

Примеры, говорящие «за» игровую версию, могут быть умножены за счет срубной, алакульской и других культур. Согласно подсчетам, выполненным авторами данной статьи, в срубных памятниках Южного Урала все астрагалы (количеством от нескольких экземпляров до двух сотен в одном погребении) принадлежали детям и подросткам возрастом от 5 до 14 лет. В большинстве случаев это был их единственный инвентарь, не считая посуды. Петровские и алакульские памятники дают в целом сходную картину, однако четверть погребений с астрагалами принадлежала взрослым (26,3 %), что интересно – это были центральные коллективные погребения (Степное 7, Кривое Озеро). В целом мы не видим причин сомневаться в интерпретации наборов астрагалов как атрибутов игры, учитывая кросс-культурные свидетельства со всего Старого Света, начиная с IV тыс. до н. э. и до наших дней. Однако, данная позиция совершенно не исключает использования астрагалов в обрядовых целях, поскольку игра и обряд, как известно, неразрывно связаны в традиционной культуре.

Дополнительной иллюстрацией реальности игровой деятельности стали результаты анализа традиционно малочисленной, но весьма информативной категории находок, миниатюрных сосудов укрепленного поселения Каменный Амбар [7]. В числе глиняных изделий, многие их которых явно не могли служить посудой, выделяется по данным трассологического анализа одно. Судя по равномерной затертости венчика по всему периметру, этот баночный сосуд *многократно* передвигали в перевернутом состоянии. В этой связи с большой долей вероятности можно утверждать, что он использовался в качестве атрибута игры («наперстки»?), а не в качестве емкости. В синхронном контексте постройки 1 обнаружено скопление из семи железистых конкреций округлой формы (1 – 1,5 см диаметром), утилитарное назначение которых трудно даже предположить. Правда, в рамках нашей версии они вполне могли использоваться и как атрибуты такой широко известной игры, как «пять камней» или подобной ей.

До сей поры мы делали акцент на возможном участии взрослых в игровых акциях, однако, главными их субъектами должны быть дети. Археология детства – пока сравнительно молодая отрасль, хотя значимость этой категории населения в традиционных обществах была велика [23]. Трудности изучения вовсе не исключают саму такую возможность, в том числе и в материалах бронзового века. Для описываемого периода доля детских захоронений была очень высока, зачастую превышая 60 %. Эта картина совершенно нетипична для древних кладбищ, однако интерпретация данного обстоятельства не входит в наши задачи. Важно лишь, что дети явно были включены в социальную практику и хорошо представлены археологически. В целом археологические следы участия детей в жизни коллектива могут быть сведены к нескольким позициям: это предметы, изготовленные самими детьми в процессе обучения или игры, и предметы, изготовленные взрослыми для детей: игрушки, предметы одежды, украшения и амулеты, посуда [3, с. 89].

В первую очередь, надо рассмотреть тему игрушек. Исследования на эту тему для других культур, включая обобщающие труды, имеются, хотя чаще связаны с более поздними периодами, чем эпоха бронзы [2]. В составе археологических коллекций, особенно античного времени, обычно выделяется сравнительно небольшое число «общепризнанных» игрушек, специально изготовленных для детей (куклы, погремушки, игрушечные лошадки и др.) [26, p. 126 – 130]. Иногда этот список расширяется за счет миниатюрных изделий, которые, правда, с тем же успехом могут интерпретироваться как вотивы [22, p. 60 etc.]. В подтверждении или опровержении интерпретации находки в качестве игрушки важную роль играет контекст находки, его ассоциация с индивидом или местом. Кроме того, в качестве следов деятельности детей могут фигурировать неумелые копии реальных предметов. Очевидно, что и в этом случае приходится во многом ориентироваться на аналогии, изобразительные источники и кросс-культурные штудии.

Конечно, каждый из вариантов в отдельности может быть оспорен с приведением альтернативных трактовок. С другой стороны, не следует забывать, что в пространство игры обычно вовлекаются обыденные предметы. В этой связи нет ничего невозможного, например, в использовании керамических и каменных «пряслиц» в качестве деталей юлы. Трассологические анализы эту версию не могут ни опровергнуть, ни подтвердить. Не следует забывать и о более чем вероятном использовании органических материалов при изготовлении игрушек, что позволяет увидеть их только в условиях уникальной сохранности. Циркумполярное поселение Теутсей-Сале 1 периода средних веков, например, демонстрирует это с полной наглядностью: здесь были найдены многочисленные деревянные игрушки (луки, стрелы, нарты, волчок и пр.) [16, с. 42, рис. 19, 21 – 22].

Пожалуй, единственным хорошо сохраняющимся в археологических памятниках материалом является глина, которая к тому же сравнительно легко доступна для добычи и обработки. Поэтому не вызывает

удивления, что именно она несет прямые свидетельства приобщения детей к овладению этим материалом. Уже упомянутый анализ серии миниатюрных сосудов поселения Каменный Амбар дает блестящие примеры такого рода. Очевидно, что большинство рассмотренных изделий не могли использоваться в качестве посуды в силу очень малого объема. Мастерство исполнения некоторых артефактов заставляет думать об участии взрослых в производстве, другие же не отличаются высоким качеством исполнения. Более того, на них есть отпечатки ногтей, судя по толщине ногтевой пластины, принадлежащие детям [3, с. 92 – 93]. Насколько мы можем судить по опубликованным и неопубликованным материалам поселений эпохи бронзы Зауралья, миниатюрные формы представлены на большинстве из них. Углубленное изучение керамических коллекций способно существенно расширить круг источников, но и без того ясно, что деятельность детей (в первую очередь, игровая) может и должна изучаться.

На поселениях эпохи поздней бронзы Южного Урала можно встретить немало интересных артефактов, некоторые из которых могут быть также интерпретированы как атрибуты игры или игрушки, но часто либо не рассматриваются исследователями в подобном аспекте, либо предпочтение отдается другим версиям (утилитарное или культовое назначение). На многослойном поселении Чебаркуль III были найдены пять керамических шариков. Со ссылкой на аналогии из других памятников эпохи бронзы З. А. Вершинина причислила их к атрибутам гадания [4]. Не отрицая такой возможности, отметим, что подобные шарики встречены и на европейских памятниках эпохи бронзы, где с той ж убедительностью интерпретированы как шарики для игры в «nuts», распространенной у индоевропейских народов [24, p. 345 – 348].

Уникальной находкой можно назвать серию из трех миниатюрных керамических топориков, происходящих из алакульских материалов поселения Малая Березовая IV [1, с. 129]. Автор раскопок интерпретировала их как амулеты, основываясь в основном на наличии отверстий (для подвешивания?) и аналогиях с «древнерусскими амулетами-подвесками в виде миниатюрных предметов быта» [1, с. 130]. Однако трасологический анализ показал отсутствие следов какого-то бы то ни было использования этих артефактов, включая подвешивание (*прим. автора – Трассологическое исследование выполнено А. Г. Берсеневым (ЭКЦ ГУ МВД по Челябинской области)*). Это означает, что мы не можем с уверенностью установить их назначение и отдать предпочтение какой-то одной версии. Способ, которым были проделаны отверстия – сверление в сырой глине – не предполагает серийного производства таких предметов. Не все изделия удались: один из топориков лопнул при обжиге. Нам представляется, что эти керамические копии настоящих предметов могли быть изготовлены взрослыми или старшими детьми для игровых целей, при этом поделки носили разовый характер, и мастера не имели опыта в их изготовлении.

Заключение

Данная работа является одним из первых опытов поиска в направлении изучения игры по археологическим данным, и нам кажется важным привлечь внимание коллег к этой тематике. Особенно перспективными представляются поселенческие материалы, где протекала повседневная жизнь древних людей, в данном случае людей бронзового века – и взрослых, и детей. Здесь должна была происходить, по меньшей мере, часть ритуалов и игр, здесь изготавливались и терялись (выбрасывались?) их атрибуты, включая и детские игрушки. При соответствующем взгляде на археологические материалы их звучание может существенно измениться, а картина жизни древнего населения обогатится совершенно новыми оттенками.

Литература

1. Алаева И. П. Миниатюрные предметы из материалов поселения бронзового века Южного Зауралья // XVII Уральское археологическое совещание: мат. науч. конф. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 128 – 130.

2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. 416 с.

3. Берсенева Н. А., Куприянова Е. В., Берсенев А. Г. Следы детства: поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 88 – 100.

4. Вершинина З. А. Керамические шарики из материалов поселения Чебаркуль III // XLV Урало-Поволжская археологическая конф. студентов и молодых ученых. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2013. С. 49 – 50.

5. Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

6. Епимахов А. В., Берсенева Н. А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 148 – 170.

7. Епимахов А. В., Берсенева Н. А., Пантелеева С. Е. Миниатюрные сосуды поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. 2012. № 4. С. 70 – 77.

8. Клейн Л. С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. 472 с.

9. Клейн Л. С. Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Индом и Дунаем // Стратум: структуры и катастрофы. СПб.: Нестор-История, 1997. С. 47 – 66.

10. Куприянова Е. В. Женский погребальный костюм эпохи средней – начала поздней бронзы Южного Зауралья и Казахстана: на материалах синташтинской, петровской и алакульской культур: автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2009. 21 с.

11. Марков С. С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // Вестник общества открытых исследований древности. Научный альманах. Вып. 1. Челябинск, 2002. С. 39 – 48.

12. Матвеев А. В. Лесостепное Зауралье во II – I тыс. до н. э: автореф. дис. … докт. ист. наук. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2000. 50 с.

13. Семьян И. А. Воины в культуре населения Южного Урала и Северного Казахстана эпохи бронзы. Погребение кулачного бойца в могильнике Бестамак // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2013. С. 73 – 79.

14. Стефанов В. И., Коряков И. О., Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В. Игральные кости из срубно-андроновских памятников Урала и Западной Сибири // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: мат. Междунар. науч. конф. "К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы". Самара: НТЦ, 2001. С. 290 – 298.

15. Усманова Э. Р. Погребальный обряд: позиции и символика // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда-Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 88 – 130.

16. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке / под общ. ред. Н. В. Федоровой. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. 180 с.

17. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

18. Цимиданов В. В. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул: Азбука, 2009. С. 61 – 66.

19. Чечушков И. В., Епимахов А. В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Бочкарев В. С., Бужилова А. П., Епимахов А. В. и др. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Челябинск; Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. С. 182 – 229.

20. Юдин А. И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов: Научная книга, 2009. С. 146 – 170.

21. Bersenev A., Epimakhov A., Zdanovich D. Sintashta bow (Bronze Age of the South Trans-Urals, Russia) // M. Uckelmann and M. Modlinger (eds.). Bronze Age Warfare: Manufacture and Use of Weaponry. BAR. S 2255. Oxford: Archaeopress, 2011. P. 175 – 186.

22. Crawford S. The Archaeology of Play Things: Theorising a Toy Stage in the Biography of Objects // Childhood in the Past. 2009. Vol. 2. P. 56 – 71.

23. Kamp K. A. Where Have All the Children Gone? The Archeology of Childhood // Journal of Archaeological Method and Theory. 2001. Vol. 8. № 1. P. 1 – 34.

24. Kristiansen K. The dialectics of gender: Ritualizing gender relations in Late Bronze Age Southern Scandinavia // Med hjärta och hjärna: En vänbok till professor Elisabeth Arwill-Nordbladh. GOTARC Series A, Gothenburg Archaeological Studies, Vol. 5. Göteborg, 2014. P. 339 – 354.

25. Rassadnikov A. Ju., Kosintsev P. A., Koryakova L. N. Chapter 10.2. The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // R. Krause, L. Koryakova (eds.) Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 239 – 283.

26. Rowson B. Children and Childhood in Roman Italy. Oxford: Oxford University Press, 2003. 419 p.

Список сокращений

ИАиЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
УрГУ – Уральский государственный университет.
ЭКЦ ГУ МВД – Экспертно-криминалистический центр Главного Управления МВД.
BAR – British archaeological reports.

Информация об авторах:

Епимахов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии РАН, Южно-Уральский филиал (г. Челябинск), eav74@rambler.ru.

Andrey V. Epimakhov – Doctor of History, Associate Professor, Leading Research Associate at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, South-Ural Department (Chelyabinsk).

Берсенева Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии РАН, Южно-Уральский филиал (г. Челябинск), bersnatasha@mail.ru.

Natalia A. Berseneva – Candidate of History, Senior Research Associate at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, South-Ural Department (Chelyabinsk).

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 903.6

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ИЗВАЯНИЕМ В ДОЛИНЕ Р. АЙБАС

Л. Н. Ермоленко, Ж. К. Курманкулов*

EARLY IRON AGE BURIAL MOUND WITH ANTHROPOMORPHIC STONE STATUE ON IT FROM THE AYBAS RIVER VALLEY

L. N. Ermolenko, Zh. K. Kurmankulov

Работа выполнена в рамках госзадания № 33.1175.2014/К Министерства образования и науки Российской Федерации.

В статье вводятся в научный оборот материалы исследования уникального погребального памятника раннего железного века – кургана № 6 с изваянием из могильника Айбас дарасы 3. С помощью радиоуглеродного метода безынвентарное скорченное погребение датировано в пределах первой четверти VIII – последней трети V в. до н. э. Охарактеризованы признаки сходства айбас-дарасинского изваяния с раннескифскими, выявлены изобразительные соответствия вещественному атрибуту (кинжал) в иконографии изваяний раннего железного века Сарыарки. Обосновано предположение о связи изваяния с погребением (неоднократное нахождение изваяний в контексте курганов раннего железного века, однонаправленность передней грани изваяния и головы погребённого и др.). Произведено сравнение публикуемого памятника с аналогичными памятниками V в. до н. э. южноуральских степей, изваяний Сарыарки и степей Южного Урала. Сделан вывод о том, что появление сарыаркинских изваяний, подобно южноуральским, связано со «скифским» культурным импульсом.

The paper introduces into scientific use the materials of the research done on the unique funerary monument of the Early Iron Age – the mound number 6 with a statue of the cemetery Aybas Darasy 3. With the radiocarbon method the burial – one crouched skeleton without any inventory – was dated within the first quarter of the 8th – the last third of the 5th centuries BC. The authors characterize the signs of similarity of Aybas Darasy statue with early Scythian ones; identify correspondence of the depicted object to the real attribute (dagger) in the iconography of the Early Iron Age statues from Saryarka. The assumption about the connection between the burial with the statues is validated (the repeated finding of statues in the context of the Early Iron Age mounds, common direction of the statue's front face and the buried person's head, etc.). Comparison of the published site was made with similar sites of the 5th century BC from the South Ural steppes, statues of Saryarka and steppes of the Southern Ural. It is concluded that the appearance of Saryarka statues, like the South Ural ones, was associated with the "Scythian" cultural influence.

Ключевые слова: курган, скорченный скелет, каменное изваяние, ранний железный век, скифы, Сарыарка, южноуральские степи.

Keywords: burial mounds, crouched skeleton, stone statue, Early Iron Age, Skythians, Saryarka, South Ural steppe.

В 2012 – 2013 гг. отряд Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством Ж. К. Курманкулова производил раскопки сооружения с изваянием раннего железного века на могильнике Айбас дарасы 3. (Местонахождение изваяния в 2004 г. указал местный житель К. Бейсембаев).

Могильник находится в 3,7 км к юго-западу от зимовки Айбас дарасы, в левобережной долине пересыхающей реки Айбас (Улутауский р-н Карагандинской обл.). Могильное поле, вытянутое по линии СВ – ЮЗ, включает сооружения из камня: 3 кургана диаметром от 7 до 12 м, высотой до 0,40 м и 6 – 7 плоских выкладок диаметром от 1 до 4 м.

Курган. Самый крупный курган (сооружение № 6) – с изваянием – располагался на возвышенном участке в средней части могильника. Диаметр кургана – 12 м, высота – 0,4 м. В центральной части насыпи имелась овальная, вытянутая в широтном направлении западина размерами около 3 × 4 м, глубиной 0,2 м, на южном краю которой стояло каменное изваяние с отбитой головой. Оно возвышалось над поверхностью на 0,4 м, было обращено передней гранью на юго-запад и наклонено к северо-западу. В западине лежали незадернованные камни размерами до 27 × 15 × 7 см, среди которых встречались окатанные. Остальная поверхность насыпи была задернована, из дёрна выступали колотые камни (кварц, гранит, брекчия, осадочные порфириты, по определению техника-геолога Ж. А. Кудабаева); местами прослеживались крупные от 35 – 70 × 40 до 50 × 30 – 60 см камни кольца. Плоские камни кольца, уложенные плашмя и радиально ориентированные, расчищены по всему абрису насыпи в северо-восточном секторе. Фрагмент кольца сохранился на западном краю кургана; в юго-восточном секторе кольцо не прослеживалось. В насыпи встречались участки без камней, заполненные аналогичным материковому светло-коричневым суглинистым грунтом, содержащим дресву и щебень. Не исключено, что камни из сооружения № 6 были частью выбраны и переиспользованы, в том числе в более поздних сооружениях могильника Айбас дарасы 3, поскольку ближайший источник камня находится в нескольких километрах. Между тем незадернованные камни могли быть доставлены на курган сравнительно недавно (для засыпки углубления?).

Верхние границы ямы фиксировались по оползанию камней, оконтуривших овальное пространство размерами 3,60 × 3 м, в средней части которого располагалось изваяние. При расчистке нижних камней насыпи в 1 м к югу-юго-западу от ямы обнаружены

2 коренных зуба лошади. Размеры могильной ямы по нижним очертаниям – 215 × 120 – 145 см, глубина от уровня поверхности, на которой лежали нижние камни насыпи – 180 см.

В заполнении ямы содержался светло-коричневый суглинистый грунт с дресвой, щебнем и камнями. Основание изваяния находилось на глубине (-70), под ним почти плашмя располагался плоский камень толщиной 5 см. При разборке нижележащего каменно-земляного заполнения в южной части ямы найдены фрагменты конского копыта.

На конфигурацию ямы, видимо, повлиял грабительский лаз, очертания которого не прослеживались, но проявились в виде лакуны в слое камней разных размеров, залегавшем на глубине (-140) – (-150). Размеры лакуны около 1,2 × 0,4 – 0,5 м, длинной осью она была ориентирована почти в меридиональном направлении (ССЗ – ЮЮВ). Возле южного края свободного от камней пространства найдены корень переднего резца лошади и обломки плоской кости. Судя по локализации лакуны, грабительский лаз был выкопан перед изваянием. В нижнем, лежащем на уровне (-160) – (-170) слое мелких камней, имелась небольшая (0,5 × 0,2 м) лакуна, направленная осью СВ – ЮЗ. Её размеры свидетельствовали о сужении лаза, а расположение – о том, что костяк не был затронут. Хотя нарушенность верхней части скелета позволяет предположить, что грабительский ход был не один.

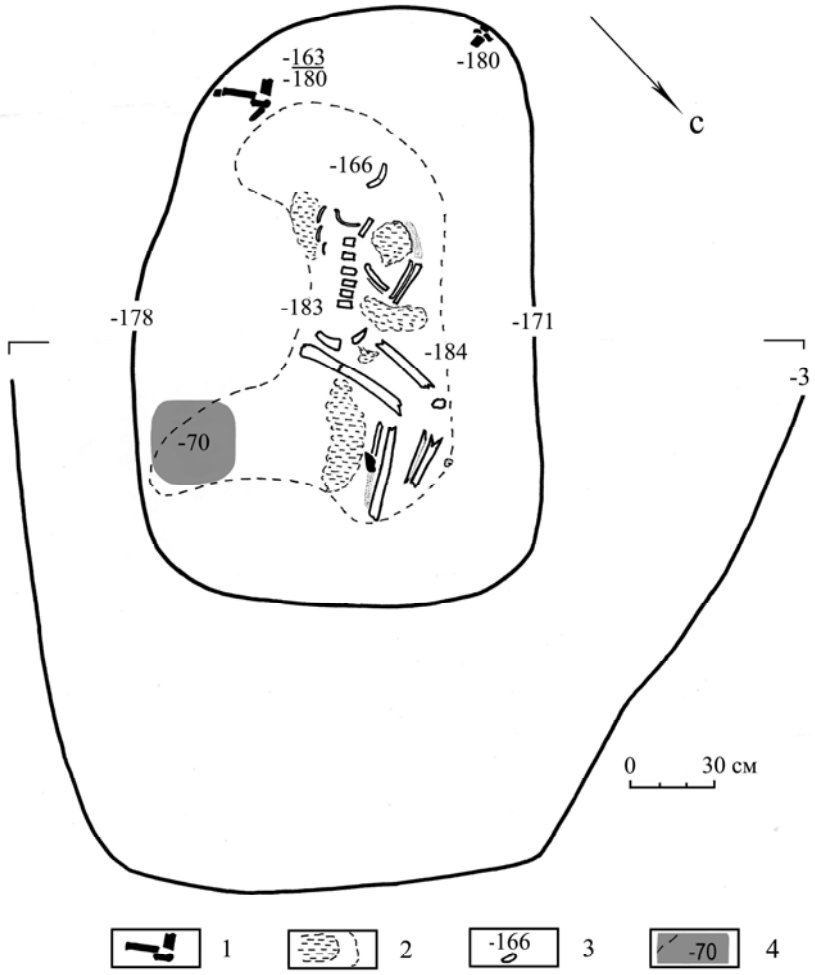

Рис. 1. ***Погребение из кургана № 6 могильника Айбас дарасы 3. План погребения по нижним очертаниям могилы и разрез ямы. 1 – кости животных; 2 – чёрный тлен; 3 – фрагмент черепной коробки человека; 4 – место установки изваяния***

Погребение (рис. 1). Фрагменты раздавленного черепа зафиксированы на глубине (-166) в плотной массе камней. На этом же уровне расчищен фрагмент лопатки. Глубже (-183) – (-184) залегали плохо сохранившиеся кости посткраниального скелета. Среди них различались остатки нескольких правых ребер, шести позвонков (очевидно, из грудного и поясничного отделов), длинных костей конечностей (локтевые и лучевые кости рук, бедренные, большеберцовые и малые берцовые кости ног), фрагменты тазовых костей. Со скидкой на неполноту скелетных останков можно констатировать анатомический порядок, который мог определяться позицией умершего на левом боку с согнутыми в коленях ногами и скрещенными (связанными?) в области запястий руками, направленного головой на юго-запад. Что касается «раскрытого» состояния правых рёбер, то оно могло быть вызвано деформацией верхней части тела под давлением кам-

ней или причинено грабителями. К сожалению, не удалось выявить отростки позвонков и установить их направленность, но некоторый наклон оси позвоночника, односторонняя локализация костей предплечий, костной трухи левой и предполагаемого фрагмента правой плечевой костей, может трактоваться в пользу положения на боку. Под костями скелета и вокруг них наблюдался чёрный тлен толщиной 1 – 1,5 см.

Кроме человеческих в могиле содержались кости животных. Копыто парнокопытного животного лежало на средней части малой берцовой кости правой голени погребенного. У юго-западного края могильной ямы найдены два скопления костей животных. Одно из них располагалось к югу, другое – к западу от остатков человеческого черепа. Первое включало тазовую кость, крестец, позвонки, бедренную и берцовую кость задней ноги мелкого рогатого скота, залегавшие на разной глубине – от (-163) до (-180). Второе содержало кости передней ноги и грудину мелкого рогатого скота, обнаруженные на глубине (-180).

Вещественного материала в могиле не найдено. Датировка погребения основывается на результатах радиоуглеродного датирования костного образца в лаборатории геологии кайнозоя, палеоклиматологии и минералогических индикаторов климата Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН. Радиоуглеродные даты переведены в календарные с использованием *Radiocarbon calibration program rev* 7.0.2.

Номер образца	***Вещество***	^{14}C	***Калиброванная дата (1σ)***	***Калиброванная дата (2σ)***
СОАН-9299	Кость (человеческая)	2485 ± 60	[cal BC 766: cal BC 701] 0,282294 [cal BC 698: cal BC 540] 0,717706	[cal BC 786: cal BC 428] 0,996602 [cal BC 417: cal BC 416] 0,003398

Таким образом, с вероятностью 68,3 % (1σ) истинный возраст погребения определяется в интервале начала VII – начала второй половины VI в. до н. э., а с вероятностью 95,4 % (2σ) – в интервале первой четверти VIII – последней трети V в. до н. э.

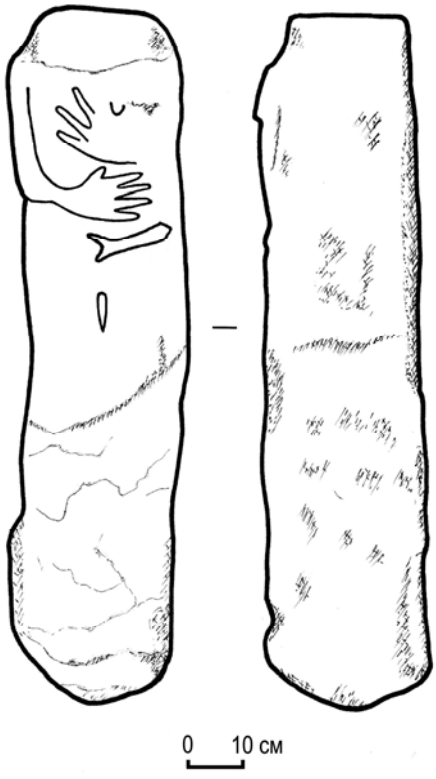

Рис. 2. ***Изваяние из кургана № 6 могильника Айбас дарасы 3***

Изваяние (рис. 2). Поясное изваяние человека в позе с прижатыми к туловищу кистями рук. Голова отбита в области шеи, моделированной уступами спереди и с боков. Размеры: 129 × 22 (шея) – 33 × 22 (шея) – 30 см. Неравномерно зернистый среднезернистый лейкократовый биотитовый гранит (определение с. н. с. Института геологии им. К. И. Сатпаева МОН РК Э. Ю. Сейтмуратовой). Детали на торсе выполнены барельефом. Левая рука представлена гипертрофированной трехпалой кистью, размещённой на груди. Барельеф большого и указательного пальцев на разрушенной поверхности камня не прослеживается, но различима межпальцевая выемка. Пальцы руки разведены, концы их направлены вверх. Между кистью и левым краем передней грани в камне имеется небольшая каверна.

Правая рука воспроизведена полностью. Она согнута в локте почти под прямым углом, её кисть с расставленными пальцами находится ниже кисти левой руки. Пальцы кисти правой руки направлены влево. Под кистью показан предмет, ассоциирующийся с клинковым оружием, рукоять которого имеет антеннновидное навершие. Оружие расположено рукоятью вправо под наклоном в сторону рукояти. Ниже навершия, на некотором расстоянии показана деталь вытянутой каплевидной формы (в положении перевернутой капли).

Ранее Л. Н. Ермоленко и Ж. К. Курманкуловым была установлена принадлежность публикуемого изваяния, документированного в 2004 г. во вкопанном состоянии, к группе статуарных изображений раннего железного века [8, рис. 1- *3*, с. 158]. Айбас-дарасинское изваяние, подобно части изваяний сакской эпохи, характеризуется, с одной стороны, чертами иконографического сходства с (ранне)скифской скульптурой (жест рук, видовой состав реалий и пр.), с другой, своеобразием оружейных атрибутов [9, с. 92 и сл.]. Так, навершие рукояти клинкового оружия изваяния из кургана № 6 могильника Айбас дарасы 3 походит

на навершия рукоятей кинжалов, изображенных на двух изваяниях сакской эпохи – хранящемся в музее г. Степногорска [1, с. 56 / 182] и Втором сартоганском [9, рис. 4- *1*]. На кинжале айбас-дарасинского изваяния, так же как степногорского, не показано перекрестье. Этим признаком кинжалы обоих изваяний отличаются от кинжала Второго сартоганского, наиболее близкой вещественной аналогией которому, по-видимому, является случайная находка из с. Палимовка в Самарском Поволжье [7, рис. 2- *6*]. А. В. Денисов предварительно датировал палимовский кинжал V в. до н. э. [7, с. 228].

Такие особенности изображения кинжала на изваянии из могильника Айбас дарасы 3, как почти горизонтальное положение, направленность рукояти вправо, находят соответствия в иконографии обоих сартоганских изваяний. Кроме айбас-дарасинского изваяния кинжал размещён в левой части передней грани Первого сартоганского [8, рис. 1- 4]. Вертикальный каплевидный атрибут изваяния из Айбас дарасы 3, возможно, обозначает фаллос, воспроизведённый (с тестикулами) на Втором сартоганском изваянии. Характерно, что в иконографии скифских изваяний встречается изображение фаллоса как с тестикулами, так и без них [10, ил. 37- *69*, 38- *70*, 44- 77, 48- *83*].

Приступая к обсуждению вопроса о связи айбас-дарасинского изваяния с погребением, отметим, что лицевая сторона изваяния и голова погребенного одинаково направлены на юго-запад. При этом изваяние было установлено в верхней части заполнения могилы не над головным её краем, а близ противоположного – над участком позади ног погребенного (точнее, у длинной юго-восточной стенки возле восточного угла могильной ямы).

Косвенным подтверждением того, что изваяние имеет отношение к погребению, могут служить факты нахождения изваяний в или на насыпях курганов раннего железного века Сарыарки (курган 2 могильника Кособа, курган 7 могильника Талды 2, курган Жиланды, курган 2 могильника Бегазы) [3]. При сравнении айбас-дарасинского памятника с курганом 2 могильника Кособа выявляется ряд соответствий. Изваяние из Кособы также характеризуется иконографическим сходством со скифской скульптурой VII – V вв. до н. э. [3, с. 35 – 36]. Погребение кособинского кургана датируется по радиоуглероду (2σ) в пределах первой трети VIII – первой четверти V в. до н. э. [2, с. 15]. Очевидно значительное совпадение радиоуглеродных датировок погребений кособинского и айбас-дарасинского курганов с изваяниями.

Следует также отметить почти одинаковую глубину могил, сходное направление осей могильных ям сравниваемых погребений (к сожалению, из-за разграбления положение костяка в кособинском кургане установить невозможно). Курган 2 могильника Кособа, наряду с другими большими (диаметр 20 – 50 м, высота 1,5 – 6,5 м) курганами из могильников Нуркен 2, Талды 2 и др., А. З. Бейсенов считает памятниками знати раннесакского периода (раннетасмолинскими), в конструкциях которых сохранились элементы архитектуры бегазы-дандыбаевских мавзолеев, в частности, дромос. Эта особенность, по мнению исследователя, отличает памятники знати от погребений общинников [14, p. 155 etc.]. Изваяния сакского времени обнаружены А. З. Бейсеновым при исследовании трёх больших (могильники Кособа, Тадды 2, курган Жиланды) и одного малого (могильник Бегазы 2) курганов [3, с. 34 – 37, 39]. Кроме кособинского разрозненные остатки человеческого скелета найдены в бегазинском; талдинский курган погребения не содержал, а жиландинский не раскопан.

Курган № 6 могильника Айбас дарасы 3 не принадлежит к разряду больших, но поза и ориентировка похороненного в нём человека нехарактерны для тасмолинской культуры. Некоторые аналогии позиции айбас-дарасинского скелета обнаруживаются в памятниках бассейна р. Илек. Подобную направленность и расположение имеет, например, костяк подростка из впускного погребения 1 кургана 14 могильника Жаман-Каргала I, которое С. Ю. Гуцалов относит к предсавроматскому периоду и датирует VIII – VII вв. до н. э. [4, рис. 1, *1*, с. 158]. О положении умершего скорченно на левом боку, головой на запад, свидетельствует подвергшийся «ритуальному разрушению» скелет погребения 3 кургана Имангазы-Карасу II [6, рис. 1, *3*, с. 227, 247]. С. Ю. Гуцалов и А. Д. Таиров датируют курган, все три его погребения, серединой V в. до н. э. [6, с. 228].

Скорченный скелет в кургане Имангазы-Карасу II – не единственная параллель с айбас-дарасинским памятником. В заполнении могильной ямы, содержащей погребения 2 и 3, в вертикальном положении найдена каменная стела с тамгообразным знаком. По предположению С. Ю. Гуцалова и А. Д. Таирова, нахождение стелы в могиле вторичное; первоначально она стояла на кургане и была связана с погребением 3 (скорченный костяк) или 1 (вытянутый костяк, ориентированный черепом на запад-юго-запад) [6, с. 247].

Стелу из Имангазы-Карасу II авторы рассматривают в совокупности с антропоморфными изваяниями раннего железного века урало-казахстанских степей, проявляющими сходство со скифской скульптурой. Некоторые из изваяний тоже обнаружены в засыпи могил (курган 1 курганной группы Жанабаз (Урбаз) на р. Орь, курган 1 могильника Наурзум IV в Кустанайском Притоболье), которые датируются V в. до н. э. [6, рис. 4, 6, с. 237, 243]. Согласно С. Ю. Гуцалову и А. Д. Таирову, наурзумские изваяния могли быть сначала установлены на вершине кургана, а в заполнении могилы оказались в результате проседания свода катакомбы [6, с. 243]. Вопрос о возможном перемещении жанабазского изваяния авторы не обсуждают, поскольку, вслед за В. В. Ткачёвым, считают курган, в котором оно было найдено, святилищем [6, с. 247]. Так или иначе, в обоих памятниках изваяния найдены в головном конце могилы и направлены лицевыми гранями одинаково с костяками – в западный сектор горизонта.

Специфично, что в кургане 1 могильника Наурзум IV найдены два изваяния – одно почти целое и голова другого. В кургане 4 этого же могильника тоже обнаружены два изваяния, которые стояли близ головного и ножного концов могилы, впущенной в катакомбу [6, рис. 7]. С. Ю. Гуцалов и А. Д. Таиров соотносят изваяния с основным захоронением в катакомбе, объясняя их нахождение в контексте «верхне-

го» погребения переустановкой [6, с. 243]. При этом обращает на себя внимание, что скелеты и впускного (одиночного), и основного (парного) погребений ориентированы почти одинаково – в западном направлении, в обоих захоронениях не содержится инвентаря.

Элементы морфологического сходства и общность способов установки изваяний южноуральских степей со скифскими С. Ю. Гуцалов и А. Д. Таиров объясняют культурным воздействием пришельцев, которых одни авторы связывают с Геродотовыми «отложившимися скифами», другие – с эпизодически вторгавшимися «скифскими» военными формированиями [6, с. 248]. С. Ю. Гуцалов придерживается первой версии и предполагает, что миграция, начавшаяся около середины VI в. до н. э., шла по двум направлениям – из Поднепровья и с Северного Кавказа на Южный Урал (и в Западный Казахстан) [5, с. 166]. А. Д. Таиров, будучи сторонником второй гипотезы, подчёркивает: «Наиболее активное …проникновение (из Предкавказья – *авт.*) скифского этнического компонента, прежде всего воинских контингентов, в этом направлении (т. е. в Южное Приуралье и Зауралье – *авт.*), также как и на другие территории, происходит на рубеже VII – VI вв. до н. э., после возвращения их из переднеазиатских походов» [5, с. 130].

В. С. Ольховский поставил под сомнение синхронность некоторых стел и изваяний, отнесённых С. Ю. Гуцаловым и А. Д. Таировым к раннему железному веку, погребениям, в связи с которыми они были обнаружены (курган Имангазы-Карасу II, курганы 1 и 4 могильника Наурзум IV и др.); в ряде случаев он предложил рассмотреть версию о «ритуальном перезахоронении» изваяний. Исследователь усомнился в сходстве изваяний из могильников Жанабаз (Урбаз) и Наурзум IV со скифскими, в том числе из-за отсутствия «изображений предметного репертуара» [11, с. 132 и сл.].

Доводы В. С. Ольховского имеют под собой основание, однако следует признать, что с точкой зрения С. Ю. Гуцалова и А. Д. Таирова согласуются находки изваяний в контексте курганов эпохи раннего железного века в Сарыарке – Центральноказахстанском (Казахском) мелкосопочнике, главным образом, в пределах современной Карагандинской области. Всего известно около двух десятков изваяний раннего железного века. От изваяний южноуральских степей сарыаркинские отличаются большей детализированностью, свыше трети из них представляют собой поясные изображения, на которых запечатлены жесты рук, в том числе повторяющиеся. Изобразительные особенности именно поясных изваяний позволяют констатировать аналогии со скифской скульптурой. Формы воспроизведенных на этих изваяниях предметов вооружения – чеканов, кинжалов, напротив, оригинальны, и точных соответствий им в инвентаре погребальных памятников Сарыарки пока не выявлено. Почти на всех погрудных сарыаркинских изваяниях зафиксирован устойчивый признак – полусферическая («шишкообразная») выпуклость на макушке. Серия изваяний с таким своеобразным атрибутом, пока насчитывающая 8 экземпляров, является свидетельством существования самобытной изобразительной традиции.

Появление в Сарыарке изваяний, несущих отпечаток влияния иконографии раннескифских изваяний, так же как определённые аналогии оружейным атрибутам сарыаркинских изваяний в восточноевропейских материалах, например, из Самарского Поволжья [9, с. 88 и сл.], свидетельствуют о западных истоках генезиса этого феномена. В южноуральских степях «скифский» культурный импульс, по мнению А. Д. Таирова, А. Г. Гаврилюка, С. Ю. Гуцалова, был фактором формирования прохоровской культуры [12, с. 151; 6, с. 247 – 248]. Согласно С. Ю. Гуцалову, данный импульс также имел резонанс в сопредельных регионах, выразившийся в появлении «скифских» культурных маркеров – предметов вооружения и конской сбруи – в инвентаре памятников рубежа VI – V вв. до н. э. На территории Казахстана, включая Центральный, в это время распространяются элементы элитной культуры – большие курганы с деревянными сооружениями, дромосами, катакомбами [5, с. 171]. К сожалению, руководствуясь основательной статьей С. Ю. Гуцалова об этнокультурной ситуации рубежа VI – V вв. до н. э. на территории Казахстана, невозможно строить предположения относительно того, с чем было связано локальное распространение такого производного от «скифского» импульса, как каменные изваяния Сарыарки.

Литература

1. Акишев К. А., Хабдулина М. К. Древности Астаны: городище Бозок. Астана: НИИ археологии им. К. А. Акишева, 2011. 260 с.

2. Бейсенов А. З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 7 – 16.

3. Бейсенов А. З., Ермоленко Л. Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Вып. № 3(59). Т. 3. С. 34 – 40.

4. Гуцалов С. Ю. Впускные погребения Илека предсавроматского времени // Вопросы археологии Западного Казахстана: сб. научн. трудов. Самара: Актюбинская областная Гос. инспекция историко-культурного наследия, 1996. С. 156 – 163.

5. Гуцалов С. Ю. Об этнокультурной ситуации на территории Казахстана на рубеже VI – V вв. до н.э. // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. Междунар. науч. конф., посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. 2. С. 166 – 173.

6. Гуцалов С. Ю., Таиров А. Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 226 – 251.

7. Денисов А. В. Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: Офорт, 2010. С. 222 – 230.

8. Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К. Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я. А. Шера. Вып. 25. Кемерово: РИО КемГУ, 2011. С. 156 – 161.

9. Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К. Новое изваяние раннего железного века из Сары-Арки // Археология, этнография и антропология Евразия. 2012. № 4(52). С. 86 – 94.

10. Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII – III вв. до н. э. М.: ИА РАН; ИА АНУ, 1994. 188 с.

11. Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.

12. Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1988. С. 141 – 159.

13. Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII – VI вв. до н. э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.

14. Beisenov A. Results of new researches of the Sak Time in Central Kazakhstan // International academic conference on cultural exchange between Korea and Altai regions. Bundang, Korea, 2014. P. 147 – 167.

Информация об авторах:

Ермоленко Любовь Николаевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, lyubov.ermolenko@mail.ru.

Lyubov N. Ermolenko – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Курманкулов Жолдасбек Курманкулович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета Науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, kurmankulov@gmail.com.

Zholdasbek K. Kurmankulov – Candidate of History, Leading Research Associate at A. H. Margulan Institute of Archaeology, Kazakhstan.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 903

К ВОПРОСУ О НЕОЛИТИЗАЦИИ В ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В. А. Зах, Д. Н. Еньшин

TO THE QUESTION OF NEOLITHISATION IN THE FOREST-STEPPE OF WESTERN SIBERIA

V. A. Zakh, D. N. Yen'shin

В статье рассматриваются вопросы формирования неолитических комплексов на территории Западной Сибири от Притоболья до Кузнецкой котловины. Достаточно длительное время считалось, что сложение западносибирских неолитических комплексов произошло на основе мезолитических, уходящих своими корнями в местный палеолит. Традиционно считается, что керамическое производство на этой территории возникло самостоятельно, а наиболее древней является остро- и круглодонная посуда с отступающим и прочерченным орнаментом. Однако открытие и исследование в последние десятилетия к востоку от склонов Урала комплексов т. н. боборыкинской культуры позволило изменить представления на формирование и развитие западно-сибирского неолита и процессах неолитизации на восточных территориях равнины. В понимании этих проблем большое значение имеют материалы поселений мергенского района Нижнего Приишимья, Автодром 2/2 в лесостепной Барабе и Иня 11 в Присалаирье, позволяющие проследить процесс продвижения боборыкинских коллективов на восток и внутреннее развитие в мигрантских обществах.

Становление, развитие неолитической культуры в Западной Сибири и миграционный процесс приходится на конец бореального – начало атлантического периода голоцена, характеризующимся постепенным увеличением аридности климата и остепнением ландшафтов. Боборыкинские поселки приурочены к речным и озерным террасам, а позднее сооружаются в поймах, у русел рек и береговой линии озер. Эти комплексы на побережье озера Мергень датируются атлантическим временем (Ki 17070 7290±140; OxA 27615 7321±33; OxA 27706 7147±38). Боборыкинской и кошкинской керамике мергенских поселений близка посуда поселка Автодром 2/2 расположенного в Барабе, с другой стороны в комплексе Автодрома 2/2 находятся сосуды с орнаментом в виде овальных вдавлений присутствующих на керамике поселения Иня 11. Сходство с керамическим комплексом Иня 11 имеет и посуда поселения Мергень 7, отмечающееся в форме сосудов, профилировке венчиков и отсту-

пающей технике нанесения узора. Материалы поселения датируются серединой атлантического периода голоцена (СОАН 8897 5790±115; СОАН 8898 5705±95; СОАН 8899 5765±95).

Судя по материалам рассматриваемых комплексов процесс формирования лесостепных западносибирских неолитических обществ происходил, на наш взгляд, на основе мигрирующего населения с включением местных групп с докерамическим хозяйством.

The paper deals with the development of the Neolithic complexes in Western Siberia from the Tobol river to the Kuznetsk Basin. For a long time it has been considered that the forming of the West Siberian Neolithic complexes was based on the Mesolithic ones, rooted in the local Paleolith. It is traditionally thought that pottery production in this area arose independently, and the most ancient ceramics is sharp-pointed and round-bottomed vessels with a receding and drawn-line decoration. However, the discovery and research of complexes of Boborykino culture in the past decade to the east of the Urals allowed to change the conception of the formation and development of the West Siberian Neolith. For understanding these issues the materials of the settlements on Lake Mergen in Low Ishim basin, Avtodrom 2/2 in the forest-steppe Baraba and Inya 11 in the Salair Ridge area (Prisalairie) have great significance. They allow us to trace the process of Boborykino groups moving to the east and the internal development in migrant communities.

Formation and development of Neolithic culture in Western Siberia and the migration process took place at the end of the Boreal and the beginning of Atlantic Holocene period, which is characterized by a gradual increase aridity of the climate and steppe formation landscape. At first Boborykino sites were located on river and lake terraces, and later they were constructed in floodplains, by river beds and lakes shoreline. These complexes on the coast of Lake Mergen are dated by the Atlantic period (Ki 17070 7290 ±140 BP; OxA 27615 7321 ±33 BP; OxA 27706 7147 ±38 BP). The pottery of the Boborykino and Koshkino cultures from settlements of Lake Mergen is similar to the Avtodrom 2/2 ones. On the other hand in the complex of the Avtodrom 2/2 there are vessels with an ornament in the form of oval depressions similar to decoration on ceramics of the Inya 11 site. They noted the similarity between ceramics of Inya 11 and Mergen 7 which have the same form of vessels and ornamentation in receding technique. Materials of the settlement date to the mid-Atlantic Holocene period (SOAN 8897 5790±115 BP; SOAN 8898 5705±95 BP, SOAN 8899 5765 ±95 BP).

According to the considered complexes, the process of Western Siberian forest-steppe Neolithic societies formation was based on the interaction between migrants and local population of pre-pottery period.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Приишимье, Бараба, Присалаирье, боборыкинская, полуденковская, верхнеобская неолитическая культуры.

Keuwords: Western Siberia, Low Ishim basin, Baraba, Prisalairie, Neolith, Boborykino culture, Poludenka culture, Verkhneobskaya culture.

Западносибирская лесостепь протянулась неширокой полосой (200 – 300 км с севера на юг) от восточных склонов Урала до Енисея. В западной части (Тоболо-Ишимье) северная граница проходит по кромке осиново-березовых лесов, южная почти по границе с Казахстаном, частично в Прииртышье и в Барабе с Кулундинской степью. В этой части Западной Сибири лесостепь в меридиональном направлении с юга на север пересекают Иртыш и его притоки Ишим и Тобол. В Барабинской лесостепи реки Омь, Тартас, Каргат и Чулым имеют широтное направление, первые две принадлежат Иртышскому бассейну, последние впадают в оз. Чаны. Лесостепные территории Присалаирья и Приобья лежат в юго-восточной части Западной Сибири, с запада граничат с обширными пространствами Барабинской низменности, с юга и юго-востока – с залесенными склонами Кузнецкого Алатау и Саяно-Алтая, с севера – с таежными районами. Самая значимая водная артерия, р. Обь, протянулась здесь почти в меридиональном направлении. Наиболее крупные ее правобережные притоки – реки Иня, Томь, Бердь берут начало в отрогах Кузнецкого Алатау и Салаирского кряжа.

В северной лесостепи преобладают осиново-березовые колки, занимающие до 60 % площади, к югу их становится меньше. На дренированных участках растут черемуха, жимолость, шиповник, боярышник, смородина. На открытых пространствах развивается густой травостой из мезофильных растений. Между колками расположены остепненные луга с обилием бобовых, тысячелистника, из злаковых – вейника, мятлика, тимофеевки. В южной части увеличивается число степных растений и разнотравья. На солонцах растет полынь, эстрагон и типчак. Под колками и ленточными борами, где грунтовые воды залегают неглубоко, развивается камыш и покров из зеленых мхов, плаунов и брусники. На песчаных участках надпойменных террас вдоль рек растут сосновые боры, в поймах и на склонах террас – черемуха, смородина, малина. Предгорья и отроги Алтая и Салаирского кряжа покрыты темнохвойными лесами с участием березы и осины.

В междуречьях в лесостепи находится масса озер, наиболее крупные из которых: система Андреевских озер, Мергень, Большие и Малые Чаны, Сартлан, в пределах долин крупных рек много стариц. Обь в границах лесостепной территории имеет широкую, до 10 км, пойму с массой пойменных озер и останцов, большинство из которых уничтожено в результате сооружения Обского водохранилища. Притоки р. Оби в отдельных местах также разработали достаточно широкую пойму со множеством стариц и останцов высоких террас.

Животный мир лесостепи разнообразен, состоит из обитателей лесов и степей. Водятся медведь, лось, косуля, лисица, заяц. В борах много боровой дичи – глухарей, тетеревов, куропаток, рябчиков. На озерах гнездится масса уток, гусей и журавлей. Многочисленные водоемы изобилуют рыбой.

Судя по палеогеографическим исследованиям климат западносибирской равнины в постледниковое время несколько раз претерпевал глубокие изменения, что приводило к перестройкам ландшафта и, как следствие, передвижениям человеческих коллективов. Заселение равнины и процесс формирования неолитических комплексов происходил, судя по всему, в бореальный (ВО) и атлантический (АТ) палеоклиматические периоды голоцена, выделяемые Н. А. Хотинским [31], и продлившиеся более 4000 лет с IX по V тыс. до н. э. Первый характеризуется теплым и влажным климатом и развитием темнохвойной тайги в северных районах Сибири. На Русской равнине и на юге Западной Сибири в это время господствуют березовые леса, вероятно, в условиях холодного и сухого климата. Климат и ландшафты атлантического периода неоднородны, выделяется аридностью и высокими температурами средний этап ($АТ^2$), когда происходит некоторое обмеление водоемов, прекращение половодий и, вероятно, смещение на север границы леса.

В плейстоценовое время Западная Сибирь была крайне слабо заселена, а в конце сартанского оледенения на территорию в условиях лесостундр в средней части и холодных сухих степей в пределах современных лесостепей и степей, проникало ограниченное количество населения с сопредельных пригорных областей (Урал, бассейн Енисея), деятельность которых была привязана в основном к местам скопления мамонтовой фауны, связанной с выходами естественных солончаков [24; 14]. Но комплексы таких стоянок, как Черноозерье 2, а возможно, и Венгерово 5 и Новотартасская свидетельствуют об определенной самостоятельности развития групп населения в пределах Западносибирской равнины [24].

Произошедшие последующие коренные изменения климата и ландшафтов привели к смене холодных степей и тундр, распространенных на территории современной лесостепи на березовые и сосновые леса, лесостепные и степные растительные ассоциации, а плейстоценовый фаунистический комплекс – современными видами животных. Изменения привели к развитию каменной индустрии, хозяйства и, скорее всего, социальной организации человеческих коллективов, но судя по количеству поселенческих комплексов, заселенность территорий осталась прежней. В лесостепи открыто около восьми мезолитических стоянок, расположенных от Приисетья до междуречья Томи и Чулыма [10]. На стоянках, как правило, нет долговременных углубленных в материк жилищ. Инвентарь изготовлен из различных пород камня, с преобладанием пластинчатой индустрии. Характерной чертой кремневых комплексов является практически полное отсутствие геометрических микролитов. Судя по спорово-пыльцевым спектрам и каменного инвентаря из культурного слоя поселения Катенька, расположенного на оз. Мергень в Нижнем Приишимье, человек осваивал окрестности озера, скорее всего, в конце бореального периода голоцена, около 9 тыс. л. н.

До недавнего времени доминировала точка зрения о сложении западносибирских неолитических комплексов на основе мезолитических, уходящих своими корнями в местный палеолит. Традиционно считалось, что керамическое производство на этой территории возникло самостоятельно, а наиболее древней является остро- и круглодонная посуда с отступающим и прочерченным орнаментом [27; 22, с. 3 – 17]. На этих постулатах построены большинство периодизационных схем развития неолита Западной Сибири [32, с. 41 –53; 1, с. 157 – 171; 27; 17]. Открытие и исследование в последние десятилетия к востоку от склонов Урала комплексов т. н. боборыкинской культуры позволило изменить представления на формирование и развитие западносибирского неолита [10] и процессах неолитизации на восточных территориях равнины. Большое значение в понимании этих проблем имеют материалы поселений Юртобор 3 в Притоболье, мергеньского района Нижнего Приишимья [10], Автодром 2/2 в лесостепной Барабе [2, с. 4 – 13] и Иня 11 в Присалаирье (рис. 1, *1*) [11]. Комплексы первых позволяют проследить процесс продвижения боборыкинских коллективов, считающихся нами мигрантами из западных и юго-западных областей Восточной Европы на восток, а первые и последний – внутреннее развитие в мигрантских обществах и дальнейшее продвижение от Барабы в Приобье.

Становление, развитие неолитической культуры в Западной Сибири и миграционный процесс приходится на конец бореального начало атлантического периода голоцена, характеризующегося постепенным увеличением аридности климата и остепнением ландшафтов. Боборыкинские коллективы, сооружавшие свои поселки на речных и озерных террасах, вероятно, в связи с изменениями гидрологического режима, постепенно переносят их в поймы, к руслам рек и береговой линии озер. Это достаточно наглядно фиксируется на поселениях на побережье оз. Мергень. Так три жилища поселка Мергень 3 находятся на террасе озера, а поселение Мергень 6 расположено у истока речки Мергеньки из озера, в зоне подтопления половодьями в последующее время. В конце существования поселка Мергень 6 в Приишимье начинается гумидизация климата, что, вероятно, из-за начавшихся частых половодий, на наш взгляд, заставило обитателей побережья оз. Мергень перебраться на террасу и построить новое поселение Мергень 7. Подобное расселение неолитических коллективов отмечается также в Барабе и Присалаирье. Так, поселение Автодром 2/2 приурочено к краю второй надпойменной террасы р. Тартас в месте ее наиболее высокой точки, а поселок Иня 11 на склоне высокого берега р. Ини.

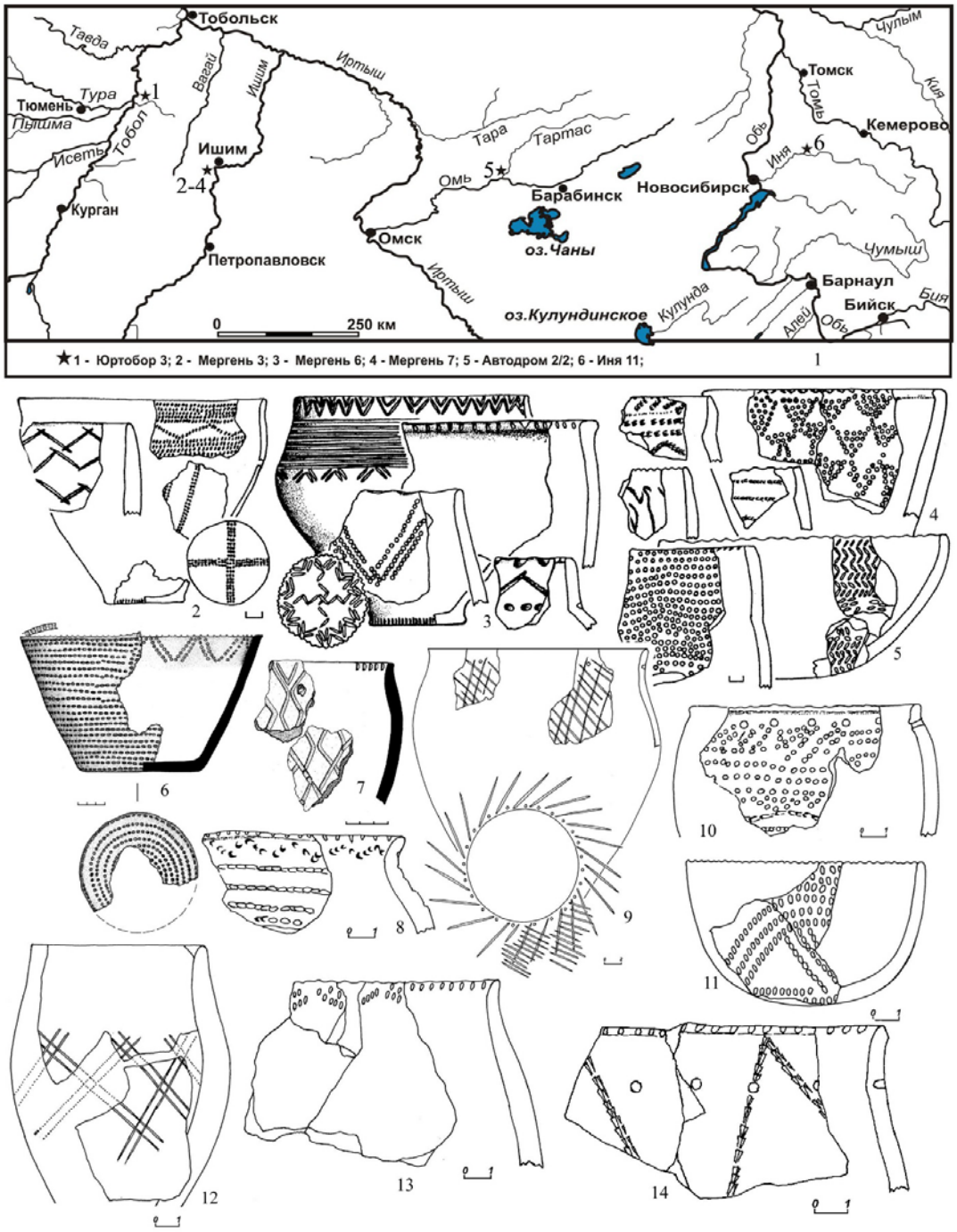

Рис. 1. ***1 – карта-схема расположения неолитических памятников; 2 – 7 – боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3; 8 – 14 – боборыкинский комплекс поселения Мергень***

Керамические комплексы Юртобора 3, мергеньских поселений, Автодрома 2/2 из Барабы и Ини 11 из Присалаирья свидетельствуют, с одной стороны, о сходстве боборыкинских и кошкинских материалов Приишимья и автодромовских из Барабы, с другой – орнамент в виде овальных вдавлений на посуде Автодрома 2/2 находит аналогии на керамике поселения Иня 11. Отмечается также, вероятнее всего, определенное хронологическое сходство между комплексами поселений Мергень 7 и Иня 11. Исходя из серии радиоуглеродных дат по керамике (Ki 17070 7290±140 л. н.), кости (OxA 27615 7321±33; OxA 27706 7147±38 л.н.) поселения Мергень 6 и по углю (СОАН 8897 5790±115; СОАН 8898 5705±95; СОАН 8899 5765±95 л. н.) поселка Мергень 7, рассматриваемые нами материалы относятся к двум периодам. С первым связаны боборыкинские и кошкинские комплексы Юртобора 3 (рис. 1, *2–7*), оз. Мергень (рис. 1, *8–14*; 2, *1–8*) и Автодрома 2/2 (рис. 2, *9–17*), датирующиеся атлантическим временем, со вторым – материалы поселков Мергень 7 и Ини 11, относящиеся к середине – концу атлантика.

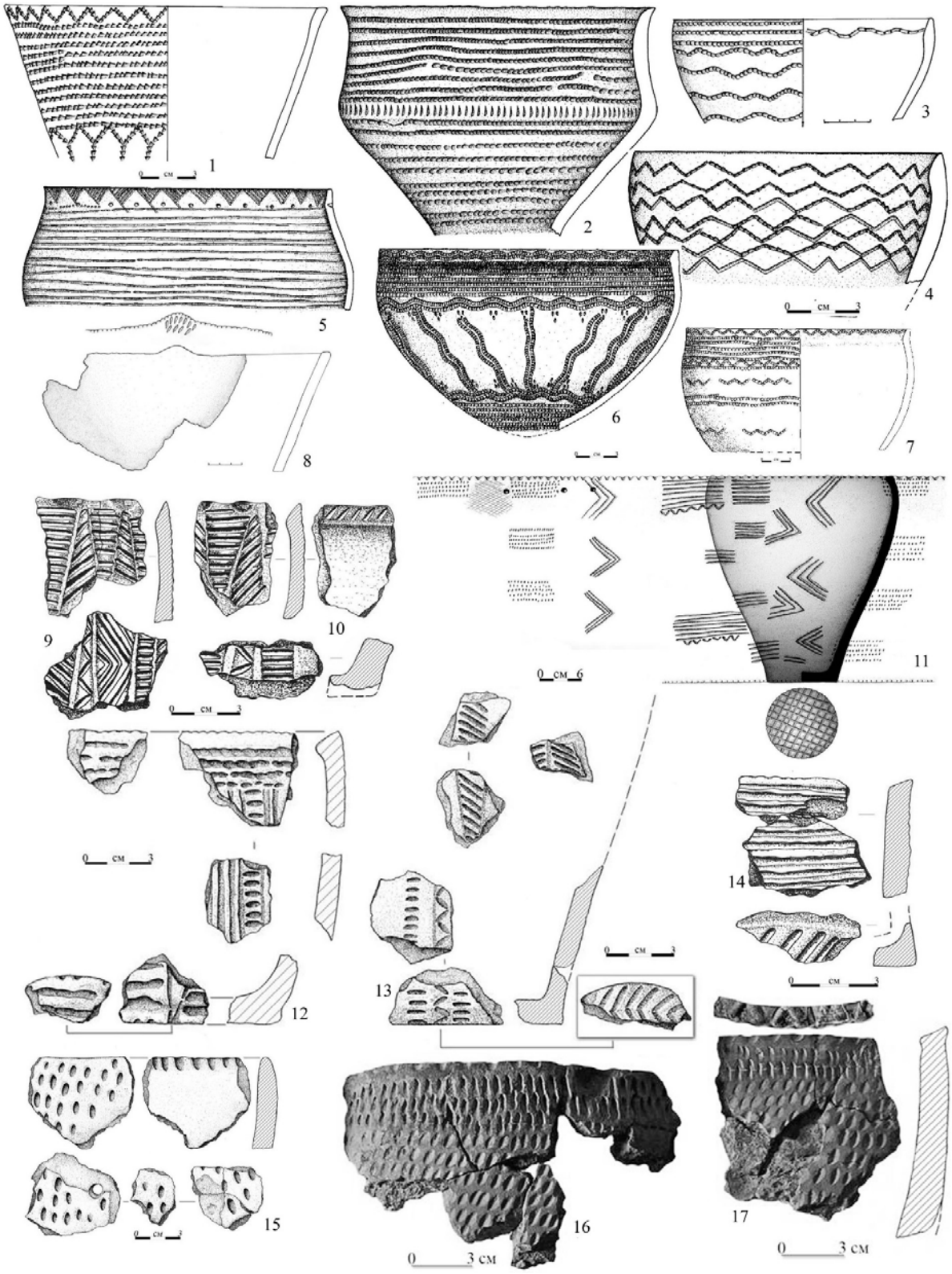

Рис. 2. ***1 – 8 – боборыкинский комплекс (кошкинский этап) поселения Мергень 6; 9 – 17 – боборыкинский комплекс поселения Автодром 2/2 (по В. В. Боброву, А. Г. Марочкину, А. Ю. Юраковой)***

Исследованные в последние годы ранние поселки побережья оз. Мергень в Нижнем Приишимье, безусловно имеющие огромное значение в понимании западносибирского неолита материалы поселения Автодром 2/2, не вызывают у исследователей особых возражений в определении их близкими к боборыкинским комплексам. Авторы исследований Автодрома 2/2, не считая возможным в настоящее время расширить боборыкинский ареал, рассматривают неолитический поселок как «маркер миграции группы боборыкинского населения из Среднего Зауралья на восток, вдоль лесостепного и предтаежного пояса За-

падной Сибири» [2, с. 4 – 13]. О возможности миграции боборыкинского населения на восток мы высказывались еще раньше, на основании исследования поселения Юртобор 3 из Притоболья, памятников Приобья (Крохалевка 1А, 4) и Присалаирья (Иня 11) [9, с. 12 – 28]. К сожалению, в то время не были исследованы поселения Мергень 7 и Автодром 2/2, свидетельствующие о таком миграционном потоке и связывающие, на наш взгляд, боборыкинские комплексы Зауралья и материалы раннего комплекса с р. Ини.

Комплекс поселка Мергень 7 является важным в плане продолжения развития боборыкинских и кошкинских древностей, и пока первым во многом аналогичным козловско-полуденковским древностям Зауралья, показывающим сходство процессов развития неолита в Нижнем Притоболье и Приишимье. В заполнении котлованов двухкамерного жилища обнаружены фрагменты от 58 сосудов, из которых 79,3 % баночной, а 20,7 % слабопрофилированной формы. Венчики представлены закрытыми, прямыми и отогнутыми формами, для баночных сосудов характерны все три типа венчиков, а для горшков – преимущественно с отогнутым краем. Срезы венчиков плоские или округлые. Из 13 донышек 7 приостренные, 6 имеют округлую форму. Толщина стенок сосудов в среднем варьируется в пределах 0,5 – 0 ,8 см. У 42 емкостей на внутренней стороне венчика присутствует наплыв подтреугольной или округлой формы. Чаще всего он хорошо выражен, реже – лишь намечен. Наплыв зафиксирован на сосудах обеих групп, но более характерен для посуды баночной формы. От края венчика «ребро» наплыва удалено от 2 см до 3 см. У пяти сосудов по краю отмечаются выступы – «ушки», а у двух по тулову намечено «ребро» (рис. 3, *1–7*).

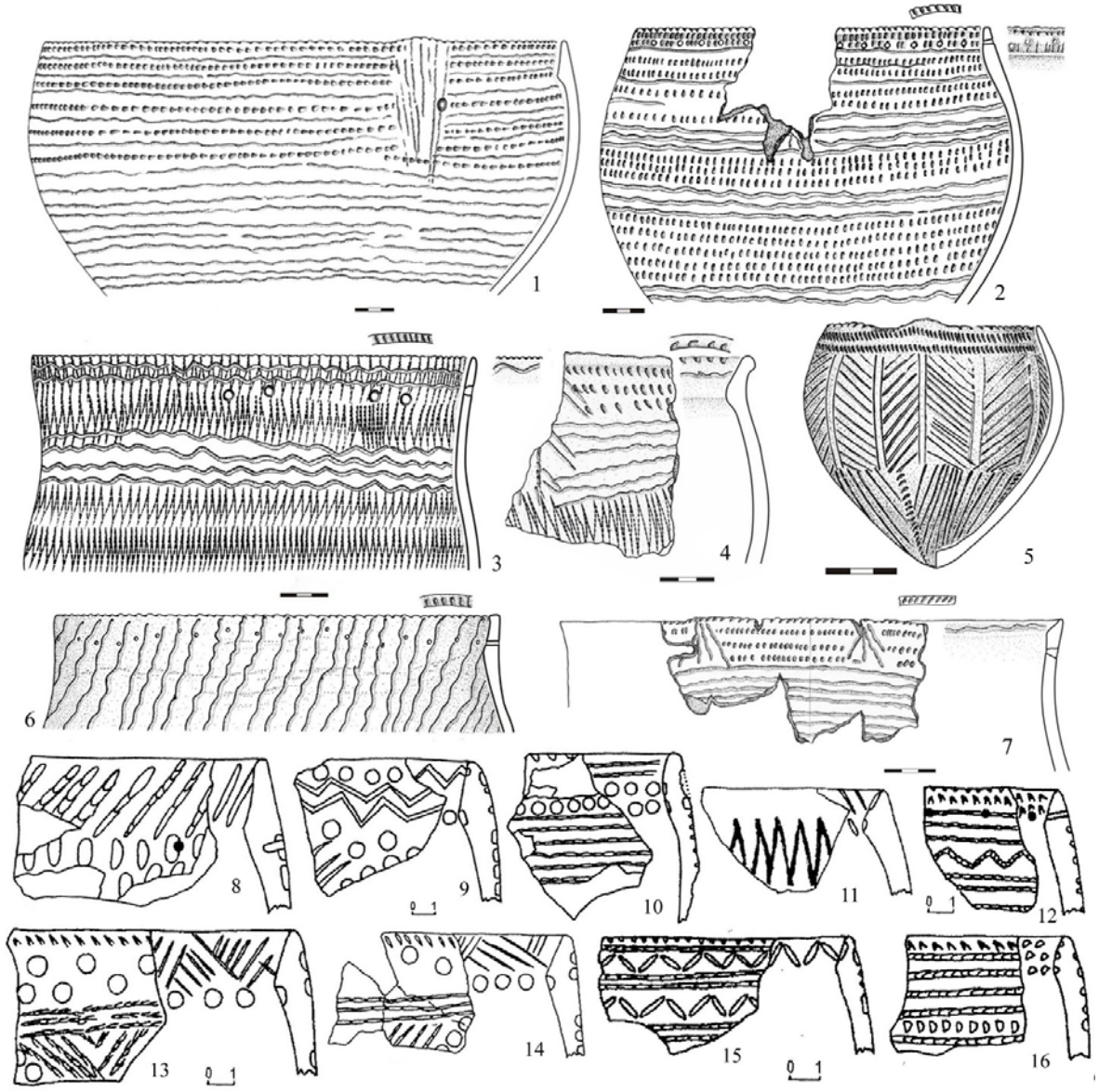

Рис. 3. ***1 – 7 – козловский комплекс поселения Мергень 7; 8 – 16 керамика изылинского этапа верхнеобской неолитической культуры поселения Иня 11***

В орнаментальном плане комплекс демонстрирует определенную монолитность. Выделено четыре техники нанесения орнамента: прочерчивание, накол, «шагающая гребенка» и печатные оттиски, из которых доминирующими являются прочерчивание и накол. В комплексе также выявлен один неорнаментированный сосуд. В качестве орнаментиров использовались стержни с округлым или приостренным концом, стержни с раздвоенным концом, гребенчатый штамп, гладкий штамп и естественный орнаментир, предположительно челюсть животного. Наиболее используемыми являются стержни с гладким или приостренным концом и гребенчатый штамп. Всего выделено 15 элементов орнамента, абсолютно преобладающими являются горизонтальная волнистая линия и ряд наколов.

Основными мотивами орнаментации служат монотонные горизонтальные ряды наколов и волнистые линии, но на некоторых сосудах выявляются композиционные построения. Наиболее распространенными являются сочетания, в различных вариациях, горизонтальных рядов наколов и волнистых линий, рядов «шагающей» гребенки и горизонтальных волнистых линий. Меньше распространена композиция из трех элементов – горизонтальных рядов наколов, волнистых линий и «шагающей гребенки». На двух сосудах отмечено нанесение одного орнамента поверх другого, в обоих случаях это прочерчивание горизонтальных волнистых линий поверх «шагающей» гребенки. Орнамент на сосудах характеризуется преимущественно сплошным расположением и горизонтальной зональностью. В качестве разделителей выступают прочерченные линии, ряды наколов, реже пояса «шагающего» гребенчатого штампа.

Из 42 сосудов, имеющих с внутренней стороны наплыв, у 17 он орнаментирован волнистой линией, реже гладким «шагающим» штампом, в единичных случаях двойной волнистой, прямой линиями и зигзагом. Прочерченная волнистая линия отмечена на внутренней стороне под венчиком у четырех сосудов без наплыва.

В орнаментации комплекса отмечаются «древовидные» мотивы на сосудах, так, на одном поверхность поделена на две равные части. В верхней расположено чередование прочерченных «древовидных» фигур с «ветвями», направленными вниз или поднятыми вверх. Нижняя зона сосуда заполнена теми же фигурами с «ветвями», направленными только вверх, исполненными в двух техниках – «стволы» в накольчатой, «ветви» в прочерченной.

Анализ морфологических и орнаментальных признаков сосудов позволяет выявить основные черты комплекса поселения Мергень 7, к которым следует отнести преимущественно баночную форму сосудов с закрытыми, прямыми или отогнутыми венчиками, слегка раздутым туловом и округлыми или приостренными донышками. 2/3 сосудов имеют наплывы с внутренней стороны. По краям венчиков присутствуют выступы – «ушки». Основная часть емкостей орнаментирована полностью, чаще всего в прочерченно-накольчатой технике. Гребенчатый компонент составляет около 20 % от всего комплекса. Доминирующими элементами орнамента являются горизонтальные волнистые линии и ряды наколов, при подчиненном значении «шагающей» гребенки, а также присутствии «древовидных» фигур в оформлении поверхностей сосудов. Орнаментальное поле в целом имеет горизонтальную зональность с редкими вертикальными разделителями.

К особенностям комплекса следует отнести достаточно высокий процент ямок и сквозных отверстий под краем венчика (31 %), наличие неорнаментированного сосуда, присутствие на двух изделиях пустых зон по тулову и группу емкостей со слабопрофилированной горшечной формой.

Набор основных характеристик, безусловно, сближает материалы поселения Мергень 7 с кругом памятников Зауралья, таких как Евстюниха 1, Ташково 1, Уральские Зори 2, Исетское Правобережное, Кокшаровский Холм, Полуденка 1, Шайдурихинское 5, Козлов Мыс 1, ЮАО 15, ЮАО 18 («8-й пункт»), Дуванское 5 и т. д. [6, с. 44 – 72; 19, с. 112 – 131; 25, с. 32 – 45; 16, с. 46 – 67; 35, с. 162 – 169; 3, с. 125 – 144; 15, с. 148 – 149; 36, с. 86 – 91; 18, с. 30 – 43; 30, с. 116 – 133; 28, с. 144 – 160].

Такая особенность комплекса, как сквозные отверстия и ямки под краем венчика, позволяет сузить круг памятников до расположенных в Нижнем Притоболье – ЮАО 15, «8-й пункт», Дуванское 5 и Сосновый Остров, расположенными в Андреевской и Тарманской озерных системах у г. Тюмени.

Интересен развал сосуда, слабопрофилированной горшечной слегка вытянутой формы, с приостренным дном, и округлым срезом венчика, орнаментированным косыми оттисками гребенки. Орнамент разрежен, представлен горизонтальными рядами «шагающей» гребенки по тулову, разделяющими сосуд на верх и низ. Верхняя и нижняя части украшены вертикальными с небольшим наклоном рядами «шагающей» гребенки. Отличие данного горшка от основного комплекса проявляется не только в форме и разреженности орнаментации, но и в технологии изготовления. В формовочной массе присутствуют кварцевая дресва и волос животного. Эти компоненты не характерны не только для керамики поселения Мергень 7, но и для неолитических комплексов Тоболо-Ишимья в целом. Форма сосуда, орнаментация и наличие шерсти и волоса в формовочной массе находит ближайшие аналогии в керамике маханджарской культуры Тургайского прогиба. Вместе с тем для маханджарских комплексов не характерно наличие в формовочной массе дресвы [34, с. 262 – 269; 33, с. 21 – 28]. Примесь дресвы отмечена В. Ф. Зайбертом в атбасарских материалах Северного Казахстана [8], данных же о наличии в них примеси волоса или шерсти животных нет. Возможно, появление профилированных форм сосудов в основном комплексе поселения Мергень 7 связано с контактами с населением Северного Казахстана и Казахстанского Притоболья.

Озеро Мергень находится к востоку от основного ареала козловско-полуденковских древностей, лежащего в лесостепном (Тоболо-Исетское междуречье) и

горно-лесном Зауралье. Поселение Мергень 7 пока можно считать периферийным, маркирующим его восточную границу, вместе с тем имеющем достаточно много сходства в керамическом комплексе Иня 11.

Неолитический комплекс многослойного поселения Иня 11, расположенного на правом берегу р. Ини в 200 – 250 м к юго-востоку от Изылинской пещеры, рядом с сильно заросшей (древней) старицей, достаточно специфичный и выделяется вместе с материалами Крохалевка 1А, 4, 5 среди ранее открытых поселений на территории Приобья и Присалаирья [11]. Раскопом площадью 368 м^2 вскрыта часть склона плавно понижающейся террасы и пойменный участок, на котором отмечалось чередование почвообразовательных горизонтов (погребенных почв, содержащих археологические находки) с речными отложениями, образовавшимися, скорее всего, в результате обильных половодий. Культурные слои неолитического времени находятся на 2,1 – 3,5 м выше июльского уровня р. Ини, а при исследовании самого удаленного в пойму участка раскопа на нижнем уровне активно проступали грунтовые воды, связанные, по всей видимости, с расположенной рядом заросшей древней старицей, уровень воды в которой был выше самой низкой отметки в раскопе. По образцам из разреза Т. Г. Семочкиной проведен спорово-пыльцевой анализ, показавший существование неолитического поселка в аридных условиях среди остепненной лесостепи [13, с. 119 – 130].

Неолитическая керамика встречалась в верхнем горизонте серого суглинка, в слое светло-серого суглинка, глинисто-песчаной прослойке и нижних горизонтах серого суглинка. Представлена сосудами двух типов преимущественно круглодонной, закрытой полуяйцевидной формы, серого и красноватого цвета, с диаметром устья 30 – 40 см. Тесто хорошо отмучено, в качестве отощителей добавлялись песок, шамот, органика, иногда дресва и волос животных (об этом можно судить по толщине отверстий, появившихся после его выгорания). Отличительной особенностью сосудов является наплыв с внутренней стороны венчика, который варьирует по форме и размерам. Скорее всего, он формировался посредством загиба вовнутрь части края сосуда при его лепке, о чем может свидетельствовать несколько фрагментов, у которых с внутренней стороны отмечен своеобразный "карнизик".

В неолитическом керамическом комплексе выделено два типа посуды (второй и третий), в третьем выделено две группы сосудов, различающихся лишь присутствием на первой под краем венчика ямок небольшого диаметра, сквозных или образующих с внутренней стороны "жемчужины". В остальном, в частности, в орнаментации, посуда первой и второй групп практически идентична.

Второй тип керамики, на наш взгляд, генетически связан с 1 и 2 группами 3 типа посуды: сохраняется полуяйцевидная форма, в тесто добавлялись песок, шамот, органические остатки иногда дресва. Обжиг светло- и темно-коричневого цвета. Венчики приостренной, округлой и плоской формы, правда, наплыв с внутренней стороны отсутствует. В комплексе присутствует один фрагмент венчика с защипом или «ушком», что сближает его с керамикой Зауралья. В другом количественном соотношении, но сохраняется такая же орнаментация и приемы нанесения орнамента, как на посуде третьего типа. Исчезает фигурно-штамповая орнаментация, сокращается доля орнамента с внутренней стороны венчика.

Неолитические комплексы с р. Ини оригинальны и достаточно специфичны, были выделены в изылинский этап верхнеобской неолитической культуры (рис. 3, *8–16*). По форме сосудов, оформлении внутреннего края венчика, в некоторых приемах орнаментации посуда находит близкие аналогии в керамике культур Зауралья, Приуралья, Приаралья и Прикаспия [27; 21; 5; 4, с. 6 – 31]. Некоторые элементы орнамента, такие как отступающая палочка, распространены на широкой территории: от Украины на западе, до Ангары на востоке. Орнаментация глубокими круглыми ямочными вдавлениями, характерная для неолитических памятников Европейской части России, встречается в Приуралье, на Усть-Бельском поселении при впадении р. Белой в р. Ангару. Круглые неглубокие ямки, наряду с прочерченной и отступающей техникой нанесения узора, встречаются на керамике боборыкинской культуры Зауралья и других районов [29, с. 173 – 183; 7, с. 109 – 115; 26, с. 88 – 92; 17].

Время существования инских неолитических комплексов определяется на основе палинологических данных. Судя по спорово-пыльцевому спектру нижний слой (светло-серый), суглинок, в котором находилась посуда изылинского этапа, формировался как почва в атлантический период голоцена, в условиях аридного климата. Ландшафты в это время представляли собой остепненные пространства с полынно-маревыми зарослями и небольшими березовыми колками. Стратиграфия голоцена, предложенная Л. А. Орловой для Барабы, позволяет отнести изылинский комплекс к концу первой половины (зона IX) или же самого начала второй половины (зона X) атлантического периода, во временной интервал 6600 – 5410 л. н. [23].

Наиболее близкие аналогии керамические материалы поселения Иня 11 находят в козловских комплексах и, прежде всего, поселка Мергени 7. Их сближает круглодонная форма посуды, а также часть сосудов, имеющие наплыв с внутренней стороны венчиков, в большинстве случаев орнаментированные наколами, рядами отступающей палочки, прочерченной волной, зигзагом и вдавлениями круглой и овальной формы. Комплексы сближает также наличие небольших круглых глубоких ямок иногда с образовавшимися «жемчужинами» с внутренней стороны сосуда. Наряду с перечисленными аналогами, сходство прослеживается частично в геоморфологическом положении культурного слоя, ландшафтах, окружающих поселение и, скорее всего, в хронологическом положении.

При всей специфике орнаментации в виде округлых, овальных вдавлений на Ине 11 этот элемент находит аналоги в небольшой группе керамики поселе-

ния Автодром 2/2, что, на наш взгляд, может свидетельствовать об определенном сходстве, возможно, нового формирующегося орнамента.

Судя по материалам рассматриваемых комплексов процесс неолитизации лесостепных западносибирских обществ происходил, на наш взгляд, на основе мигрирующего населения с включением местных групп с докерамическим хозяйством. О миграции, по нашему мнению, свидетельствуют боборыкинские и кошкинские керамические комплексы, в частности из Приишимья и Барабы, распространение которых шло в восточном направлении. Развиваясь, эти комплексы приводили к формированию новых синкретичных обществ, в которых развивались пришлая отступающе-прочерченная орнаметальная традиция и местная – гребенчатая в пределах Зауралья [12, с. 4 – 14] и, вероятно, с ямочно-отступающе-прочерченными орнаментами в Приобье и Присалаирье.

Процесс неолитизации или контакт мигрантов, пришедших с южных и юго-западных территорий и принесших технологию изготовления глиняной посуды, с западносибирскими аборигенами проходил поразному. Первые активные взаимодействия начинались, как нам представляется, с восточных склонов Урала, Притоболья и Приишимья. Именно в этих областях наблюдаются наиболее ранние контакты и проявления местных орнаментальных традиций. В районах Приобья и Присалаирья неолитизация, судя по материалам с поселения Иня 11, происходит несколько позднее. Этот процесс, скорее всего, происходил на основе комплексов аналогичных Автодрому 2/2, где основу составляли боборыкинские материалы. В результате продвижения неолитических обществ на восток происходило, с одной стороны, их внутреннее развитие, с другой – передача передовых технологий, в частности, керамического производства, местному населению у которого его не было. Правда, необходимо отметить, что в отличие от территории Зауралья в Приобье и Присалаирье с ранних этапов неолита достаточно длительное время отсутствовала орнаментация гребенчатыми оттисками, что позволило М. Ф. Косареву выделить в этом регионе культурную область с отступающе-прочерченной орнаментальной традицией [20, с. 3 – 13]. На наш взгляд, этот факт может свидетельствовать о довольно слабой заселенности этих территорий аборигенным населением и развитии, в основном, культуры мигрантов.

Таким образом, открытие и исследование поселений на оз. Мергень в Нижнем Приишимье, Автодром 2/2 в Барабе и Крохалевка 1А, 4, 5, Иня 11 в Приобье и Барабе, протянувшихся цепочкой по западносибирской лесостепи, показывают направление миграционного потока и первичной неолитизации территории. Для Западной Сибири рассматриваемый процесс принес не только керамическое производство, новые технологии, но произошло и увеличение населения равнины, о чем свидетельствует выросшее количество неолитических поселков.

Литература

1. Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 157 – 171.

2. Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3(18). С. 4 – 13.

3. Бунькова А. А. Керамика из жилища I поселения Полуденка I // ВАУ: сб. науч. трудов. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2011. № 26. С. 125 – 144.

4. Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ. 1986. С. 6 – 31.

5. Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука. 1981. 173 с.

6. Герасименко А. А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // ВАУ: сб. науч. трудов. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 44 – 72.

7. Гусенцова Т. М. К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья // КСИА. М.: Наука. 1981. Вып. 165. С. 109 – 115.

8. Зайберт В. Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 220 с.

9. Зах В. А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1995. С. 12 – 28.

10. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск.: Наука, 2009. 320 с.

11. Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.

12. Зах В. А., Исаев Д. Н. Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций в неолите Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1(12). С. 4 – 14.

13. Зах В. А., Семочкина Т. Г. Палинокомплексы поселений неолита – бронзы Присалаирья (бассейн р. Ини) // Палинологические критерии в биостратиграфии Западной Сибири. Тюмень, 1994. С. 119 – 130.

14. Зенин В. Н. Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 59 с.

15. Зырянова С. Ю. Многослойное поселение Шайдурихинское V и проблемы хронологии неолита Среднего Зауралья Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; М-Великий Новгород, 2011. С. 148 – 149.

16. Кернер В. Ф. Поселение Исетское правобережное // Неолитические памятники Урала: сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46 – 67.

17. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ. 1989. 80 с.

18. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // ВАУ: сб. науч. трудов. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 30 – 43.

19. Ковалева В. Т., Ивасько Л. В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала: сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112 – 131.

20. Косарев М. Ф. К проблеме западносибирской культурной общности // СА. М., 1974. № 3. С. 3 – 13.

21. Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала // МИА. М.: Изд-во АН СССР. 1968. Вып. 141. 179 с.

22. Молодин В. И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология южной Сибири. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985. С. 3 – 17.

23. Орлова Л. А. Голоцен Барабы (стратиграфия и радиоуглеродная хронология). Новосибирск: Наука. 1990. 128 с.

24. Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1986. 143 с.

25. Сериков Ю. Б. Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала: сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 32 – 45.

26. Синицына Г. В. Керамика Усть-Бельского поселения // КСИА. М.: Наука. 1979. Вып. 157. С. 88 – 92.

27. Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука. 1990. 218 с.

28. Стефанов В. И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала: сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144 – 160.

29. Телегин Д. Я. Неолитические памятники северной Украины и южной Белоруссии // МИА. М.: Наука. 1973. Вып. 172. С. 173 – 183.

30. Усачева И. В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 116 – 133.

31. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Азии. М.: Наука, 1977. 198 с.

32. Чернецов В. Н. К вопросу о сложении Уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 41 – 53.

33. Шевнина И. В. Гончарство маханджарской культуры // ВААЭ. 2012. № 2(17). С. 21 – 28.

34. Шевнина И. В. Неолитическая керамика Тургайского прогиба (по материалам стоянки Соленое Озеро 2) // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова: сб. науч. трудов. Омск: ОмГУ, 2008. С. 262 – 269.

35. Шорин А. Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 162 – 169.

36. Юровская В. Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // ВАУ: сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрГУ, 1975. № 13 С. 86 – 91.

Информация об авторах:

Зах Виктор Алексеевич – заведующий лабораторией археологии и естественнонаучных методов Института проблем освоения Севера СО РАН, viczakh@mail.ru.

Viktor A. Zakh – Head of the Laboratory of Archeology and Natural Science Methods, Institute of Northern Development, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Еньшин Дмитрий Николаевич – младший научный сотрудник лаборатории археологии и естественнонаучных методов Института проблем освоения Севера, dimetrius666_72@mail.ru.

Dmitriy N. Yen'shin – Junior Research Associate at the Laboratory of Archeology and Natural Science Methods, Institute of Northern Development, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902(571.150)

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ В ФОРМИРОВАНИИ РАННЕБРОНЗОВЫХ КУЛЬТУР БАРНАУЛЬСКО-БИЙСКОГО ПРИОБЬЯ

Ю. Ф. Кирюшин, К. Ю. Кирюшин

TO THE QUESTION OF PARTICIPATION OF THE LOCAL ENEOLITHIC POPULATION OF NORTHERN KULUNDA IN THE FORMATION OF THE EARLY BRONZE AGE CULTURES OF BARNAUL-BIYSK OB' RIVER REGION

Yu. F. Kiryushin, K. Yu. Kiryushin

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Участие местного энеолитического населения в процессе формирования елунинской культуры уже отражалось в научной литературе. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод, что энеолитическое население Северной Кулунды внесло свой вклад в формирование раннебронзовых культур Алтая и сопредельных территорий. Особенно хорошо это просматривается при сопоставлении материалов «уткульской» группы памятников эпохи ранней бронзы на правобережье Барнаульско-Бийского Приобья и энеолитических поселений в Северной Кулунде Новоильинка-III и Новоильинка-VI.

На поселениях эпохи энеолита в Северной Кулунде обнаружены только остродонные и круглодонные сосуды, на памятниках ранней бронзы Барнаульско-Бийского Приобья все посуда плоскодонная. Различается техника орнаментации керамики. Для энеолитической керамики ведущим орнаментальным приёмом является отступающая палочка с элементами накалывания, для раннебронзовой – отступаюшая и шагающая гребёнка.

В орнаментальной схеме и в отдельных орнаментальных приёмах керамики поселений эпохи энеолита в Северной Кулунде и памятниках эпохи ранней бронзы Барнаульско-Бийского Приобья прослеживаются черты сходства.

The participation of the local Eneolithic population in the process of formation of the Elunino culture had already been reflected in the scientific literature. The available materials suggest that the Eneolithic population of North Kulunda participated in the formation of the Early Bronze Age cultures of the Altai and adjacent territories. This is clearly visible when comparing the materials of «Utkul» group sites of the Early Bronze Age on the right bank of the Barnaul-Biysk Ob' River Region and the Eneolithic settlements in North Kulunda: Novoilinka-III and Novoilinka-VI.

In the settlements of the Eneolithic in North Kulunda only ceramics with a round or sharp bottom was found. At the Early Bronze Age settlements of Barnaul-Biysk Ob' River Region, all ceramics is flat-bottomed. The technique of ornamentation in Early Bronze Age and Eneolithic ceramics differ. The prevailing ornamentation for the Eneolithic ceramics is the retreating stick with picking elements. The Early Bronze Age ceramics is ornamented with serrated-stamp prints. The prints of this stamp applied retreat and pacing.

Thus, similarities can be traced in the scheme of ornamental ceramics of the Eneolithic settlement in North Kulunda and Early Bronze Age sites of Barnaul-Biysk Ob River Region.

Ключевые слова: керамика, поселение, энеолит, ранняя бронза, техника орнаментации.

Keywords: ceramics, settlement, Eneolithic, Early Bronze, ornamentation technique.

Памятники ранней бронзы Барнаульско-Бийского Приобья были выделены одним из автором статьи в елунинскую культуру, названную по грунтовому могильнику у д. Елунино Павловского района Алтайского края [8, с. 46]. Памятники елунинской культуры протянулись широкой полосой по предгорно-равнинной зоне Алтая, от верховий Алея, левого притока Оби, до среднего течения Чумыша, правого притока Оби. В последние годы елунинские материалы получены с многочисленных памятников Средней Катуни [8, с. 46].

Елунинская культура представлена многочисленными поселениями, могильниками, кладами и большим количеством случайных находок. На памятниках елунинской культуры получен многочисленный инвентарь, первое место среди которого по количеству занимает керамика. Выделяются четыре группы керамики [8].

Могильники дают обычно только посуду первой группы и реже второй, в орнаментации которой преобладают шагающая гребенка и гребенчатая качалка. Для елунинской посуды, как с поселений, так и из могильных комплексов, характерно сплошное заполнение стенки сосуда волнистыми или горизонтальными лентами из отступающей и шагающей гребенки или из отступающей, переходящей в шагающую.

На поселениях получена более разнообразная посуда, которую по различиям в орнаментации и технике нанесения орнамента один из авторов статьи разделил на три группы [8, с. 48 – 51]. На поселениях встречены сосуды, украшенные шагающей гребенкой и гребенчатой качалкой, очень часто шагающая гребенка переходит в отступающую, в нескольких случа-

ях стенки сосудов украшены оттисками отступающей палочки [8, с. 48]. Венчики и шейки сосудов часто украшены жемчужником и оттисками гребенчатого штампа. В верхней части некоторые сосуды покрыты вертикальными или наклонными лентами из отпечатков отступающей и шагающей гребенки или гребенчатой качалки.

На поселениях встречена посуда третьей группы, которой совершенно нет в могильниках. Одним из авторов статьи уже отмечалось, что это, возможно, отражает проникновение какого-то иного населения носителей керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией [8, с. 88].

Формирование елунинской культуры происходило в последней четверти III тыс. до н. э. в степных и лесостепных районах левобережья Оби и ее притоков. В территорию формирования культуры входили и районы Восточного Казахстана, примыкающие к Алтайским горам. Эту территорию обычно называют Рудным Алтаем.

Памятники Рудного Алтая и Приобского плато относятся к классическим, т. е. более «чистым» по сравнению с другими. Формирование культуры заканчивается к концу III тыс. до н. э. Постепенно елунинцы осваивают правобережную зону Оби, прилегающие предгорные районы Алтая. На востоке они заселяют верхнее Причумышье, достигая современной границы Алтайского края и Кемеровской области, на юге проникают на Среднюю Катунь.

Как уже отмечал один из авторов, в формировании елунинской «культуры приняли участие несколько компонентов: местное население, жившее здесь с энеолита, пришлое европеоидное, относящееся к восточносредиземноморской ветви, родиной которого являются юго-западные районы Средней Азии. На заключительных этапах в этом процессе, видимо, приняли участие племена – носители посуды с гребенчатой орнаментацией, проживающие со времен энеолита в более северных районах Приобья или пришедшие из Северного Казахстана» [8, с. 88].

С накоплением фактического материала начался процесс деления единого массива елунинской культуры на более мелкие группы памятников. Так внимание исследователей привлекла посуда третьей группы, которая большей частью встречается на поселениях Костенкова Избушка, Коровья Пристань III (правый берег р. Оби Барнаульско-Бийского Приобья) и на памятниках в районе сел Алексеевка и Павловка (Угловский район Алтайского края на границе с Казахстаном) [8]. Особенности орнаментации и орнаментальной композиции керамики поселений Костенкова Избушка, Коровья Пристань I, II, III, Ляпустин Мыс, Аэродромное, Малоугренево и др. правобережья Барнаульско-Бийского Приобья и их отличие от памятников елунинской культуры на территории Приобского плато, отмечались С. П. Грушиным [3, с. 53 – 56]. По мнению С. П. Грушина, большая часть поселенческих комплексов правобережья Оби, содержащих керамику второй и третьей групп, расположена на озере Уткуль (Иткуль) [1, с. 417]. С. П. Грушин отмечает, что «наполнение конкретным содержанием таких параметров, как территория, хронология, особенности керамических комплексов и инвентаря, хозяйства и погребального обряда дают основания для выделения особой уткульской археологической культуры» [1, с. 419].

Как отмечает С. П. Грушин, в формировнии уткульской культурной традиции значительную роль сыграли местные нео-энеолитические традиции [1, с. 419]. К сожалению, эпоха неолита до сих пор остаётся наименее изученным периодом в древнейшей истории Алтайского края в целом и Барнаульско-Бийского Приобья в частности. По эпохе энеолита в последние годы получены новые материалы, которые позволяют нам более подробно остановиться на проблеме участия энеолитических традиций в формировании материальной культуры уткульской группы памятников.

На материалах Большемысского могильника и поселенческих комплексов Барнаульско-Бийского Приобья одним из авторов статьи была выделены большемысская энеолитическая культура [8, с. 16]. Материалы ранних памятников в южной части Новосибирского и частично Барнаульского Приобья исследователи относили к «кипринскому» или «ирбинскому» типу. Вопросы хронологии, периодизации и культурной принадлежности большемысских, кипринских и ирбинских материалов носят дискуссионный характер. Это связано с несколькими обстоятельствами: отсутствием радиоуглеродных дат и «чистых», стратифицированных комплексов. Так, например, «кипринские» коллекции керамики и каменного инвентаря получены в результате сборов подъёмного материала с памятников с разрушенным культурным слоем [7; 9; 10].

В последние годы на территории Северной Кулунды исследуются поселения эпохи энеолита Новоильинка-III [6] и Новоильинка-VI [5]. В результате археологических раскопок с этих поселений получены представительные коллекции керамики и каменного инвентаря. По костям животных получена серия радиоуглеродных дат.

Для поселения Новоильинка-III получены четыре радиоуглеродные даты: 4270 ± 170 л.н. (Ле-7534), 4585 ± 170 л.н. (СОАН-8318), 4310 ± 110 л.н. (СОАН-8319), 4250 ± 120 л.н. (СОАН-8320) [6, с. 207]. Калибровка этих дат почти на тысячу лет удревняет время формирования культурного слоя этого поселения. Максимальный разброс по сигме 2 (95,4 % probability) составил интервал от 3700 – 2850 ВС до 3500 – 2400 ВС.

Для слоя поселения Новоильинка-VI, содержащего «отступающее-накольчато-гребенчато-ямочную» керамику, получены две радиоуглеродные даты 4290 ± 95 л. т. н. (СОАН-9042) и 4320 ± 100 л. т. н. (СОАН-9043), что позволяет датировать материалы памятника серединой – 2-й половиной III тыс. до н. э. [5, с. 169]. Калибровка дат почти на тысячу лет удревняет время формирования этого слоя памятника. Максимальный разброс по сигме 1 (68,2 % probability) и по сигме 2 (95,4 % probability) составил 800 лет. Это очень значительный интервал. Скорее всего, процесс формирования культурного слоя памятника происходил в течение более короткого временного промежутка. С учетом калибровки радиоуглеродных дат можно

датировать материалы этого комплекса первой половиной III тыс. до н. э.

Керамика поселения Новоильинка III, декорированная отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания и рядами ямок, по композиционному построению орнаментов и орнаментальным мотивам имеет черты сходства с гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой посудой лесной зоны Зауралья и Северного Казахстана. Очевидно, это поселение расположено на восточной периферии ареала т. н. гребенчато-ямочной, ямочно-гребенчатой и отступающенакольчато-ямочной общности, протянувшегося от лесной зоны Восточной Европы (Прибалтика) до Верхнего Приобья [4, с. 35].

Керамические коллекции поселения Новоильинка-VI очень оригинальны и, имея черты несомненного сходства, выделяются из массива имеющихся данных по неолиту и энеолиту степного, лесостепного Алтая и Верхнего Приобья. Главное отличие керамики поселения Новоильинка-VI от синхронных памятников Алтая заключается в ярко выраженном «геометризме» [5].

На поселениях Новоильинка III и Новоильинка-VI обнаружены только остродонные и круглодонные сосуды, на памятниках уткульской группы все посуда плоскодонная. Различается техника орнаментации керамики. Для энеолитической керамики ведущим орнаментальным приёмом является отступающая палочка с элементами накалывания, для раннебронзовой – отступаюшая и шагающая гребёнка. «Жемчужник», который широко встречается на керамике уткульской группы, в энеолитических коллекциях неизвестен. Различия между энеолитической и раннебронзовой керамикой сразу бросаются в глаза.

Несмотря на различия, в материалах коллекций керамики поселений Новоильинка III и Новоильинка-VI и памятниках уткульской группы прослеживаются черты сходства. Это, прежде всего, относится к орнаментальной схеме сосудов.

И те и другие сосуды орнаментированы от венчика до днища (рис. 1 – 3). Характерно «плотное» заполнение поверхности сосуда. Насечки, отпечатки гребенчатого штампа, отпечатки гребенчатого штампа в пальцевых вдавлениях на внутренней поверхности сосуда по венчику (рис. 1 – *3, 5, 6*; 2 – *3, 5*; 3 – *7*). Для энеолитической посуды Северной Кулунды и раннебронзовой Барнаульско-Бийского Приобья характерно линейное построение орнамента – горизонтальные ряды прямых и волнистых линий, ромбов, треугольников, елочки (рис. 1 – *2, 3, 5, 6*; 2; 3). Вертикальное и диагональное расположение рядов орнамента изредка встречается на елунинской керамике эпохи ранней бронзы [8, рис. 73 – *3*; 79 – *3*; 87 – *3*] и на энеолитической керамике поселений Новоильинка III и Новоильинка-VI (рис. 1 – *1, 4*).

Керамика с поселения Новоильинка-III имеет много общего с посудой поселения Костенкова Избушка. Так, сосуд с поселения Новоильинка-III орнаментированный рядами ромбов с ямками внутри (рис. 1 – *5*), чередующихся с рядами прямых линий имеет черты сходства с найденным на поселении Костенкова Избушка (рис. 1 – *2*). На поселении Костенкова Избушка обнаружен сосуд орнаментированный рядами вертикальных и диагональных отпечатков гребенчатого штампа разделённых горизонтальными рядами отступающей гребёнки (рис. 1 – *3*). По композиционному построению орнамента он очень напоминает сосуд с поселения Новоильинка-III (рис. 1 – *6*).

Вертикальные и диагональные ряды отступающей палочки по венчику и горизонтальные по тулову украшают керамику с поселения Новоильинка-III (рис. 2 – *4, 5*). В похожем стиле орнаментирован сосуд с поселения Костенкова Избушка (рис. 2 – *1*).

Несколько сосудов поселения Костенкова Избушка украшены отпечатками гребенчатого штампа образующими ряды ромбов в верхней части тулова (рис. 2 – *2*) или в придонной части (рис. 2 – *3*). Эти сосуды также декорированы рядами прямых и волнистых линий, которые в некоторых случаях точнее будет назвать зигзагообразными (рис. 2 – *2*). На фрагментах керамики с поселения Новоильинка-III (рис. 2 – *6-7*) присутствуют аналогичные сюжеты.

Стоит отметить, что энеолитическая керамика из Северной Кулунды имеет аналоги не только в материалах уткульской группы, но и в «чистых» елунинских памятниках. Развал сосуда из межмогильного пространства могильника Староалейка-II, орнаментированный треугольниками по венчику и рядами отпечатков шагающей гребёнки по тулову (рис. 3 – *1*), очень похож на фрагмент венчика с поселения Новоильинка-III, украшенный аналогичным образом (рис. 3 – *4*). Треугольниками по венчику орнаментированы сосуды кротовской культуры в Ордынском [13, табл. LIV – *2*; LVI – *1*].

К числу наиболее ярких находок, сделанных в 2014 г. на поселении Новоильинка-VI, относится керамика, сочетающая в себе энеолитические черты – орнаментация отступающей палочкой с элементами накалывания и ряд ямок по венчику и раннебронзовые – налепной валик в верхней части сосуда (рис. 3 – *5*). Отпечатки отступающей палочки образуют треугольники по венчику сосуда, что вызывает ассоциации с сосудом могильника Староалейка-II (рис. 3 – *1*). Валик очень выразительный – крупный, волнистый (рис. 3 – *5*). На поселении Новоильинка-VI обнаружено ещё два фрагмента керамики с валиком (рис. 3 – 6). Валик небольшой, прямой, ровный, рассечённый вертикальными рисками.

В материалах елунинской [8] и кротовской культур [12 – 13] керамика, декорированная валиками, встречается и на поселениях, и в погребениях. Подобная керамика известна в материалах ранней бронзы Павлодарского Прииртышья [11, рис. 83 – *1*].

Керамика с валиком встречена в материалах уткульской группы памятников на поселении Аэродромное в г. Бийске (рис. 3 – *3*). Этот сосуд орнаментирован отпечатками гребенчатого штампа, образующими ряды елочки. Керамика, декорированная аналогичным образом, найдена на поселении Новоильинка-VI (рис. 3 – *7, 8*).

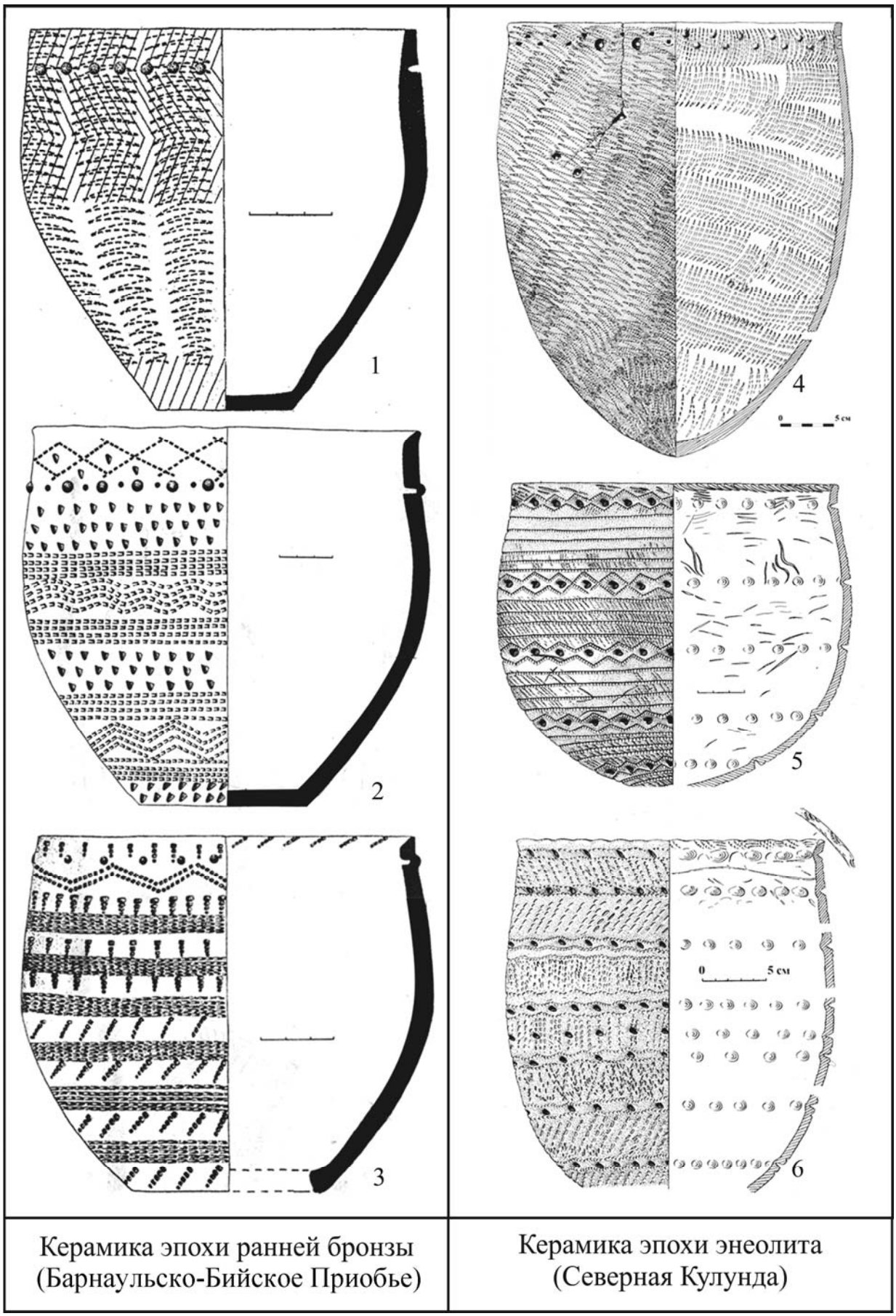

Рис. 1. ***1 – 6 – керамика: 1 – поселение Коровья Пристань II; 2 – 3 – поселение Костенкова Избушка; 4 – 6 – поселение Новоильинка-III***

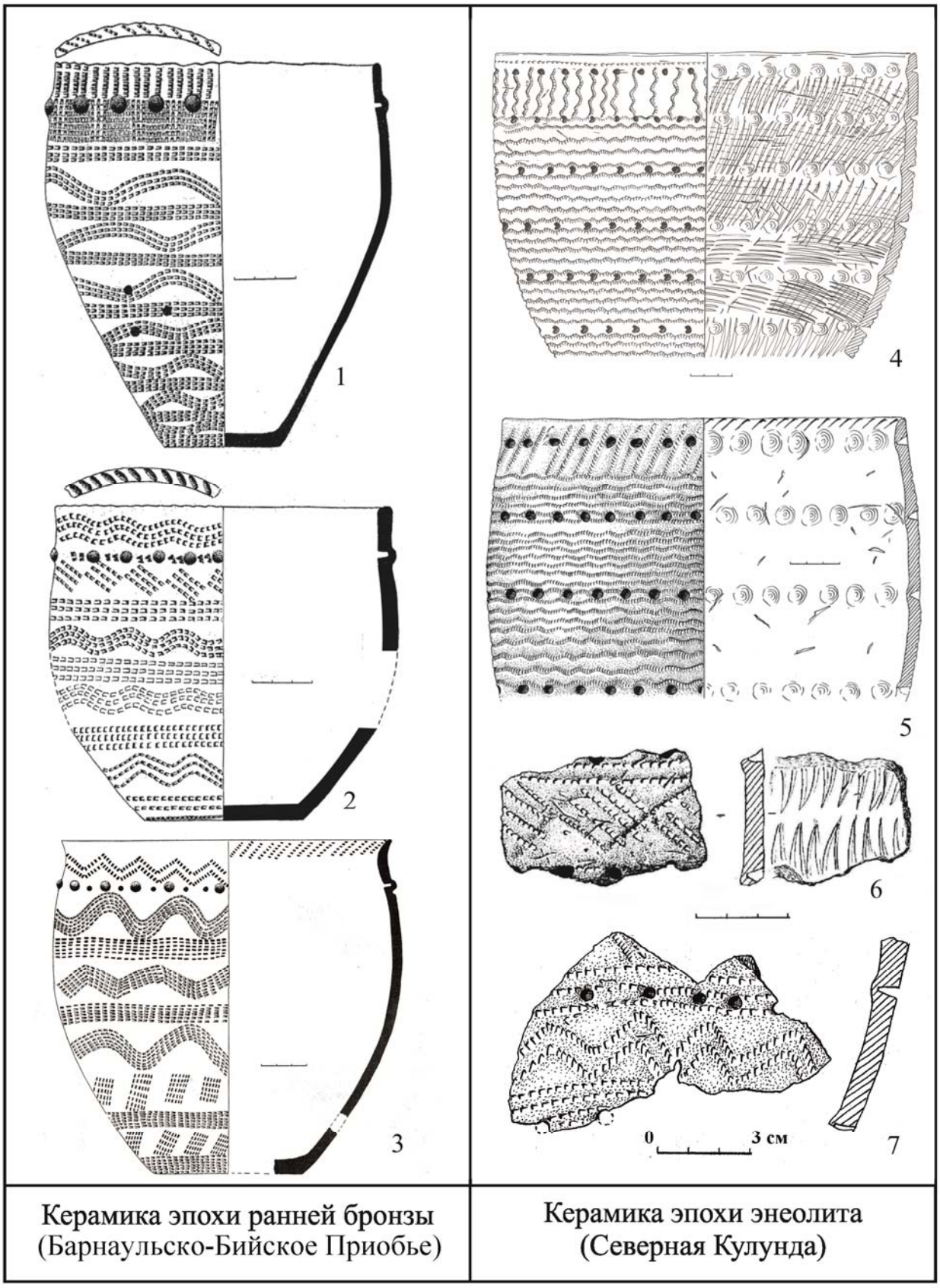

Рис. 2. ***1 – 7 – керамика: 1 – 3 – поселение Костенкова Избушка; 4 – 7 – поселение Новоильинка-III***

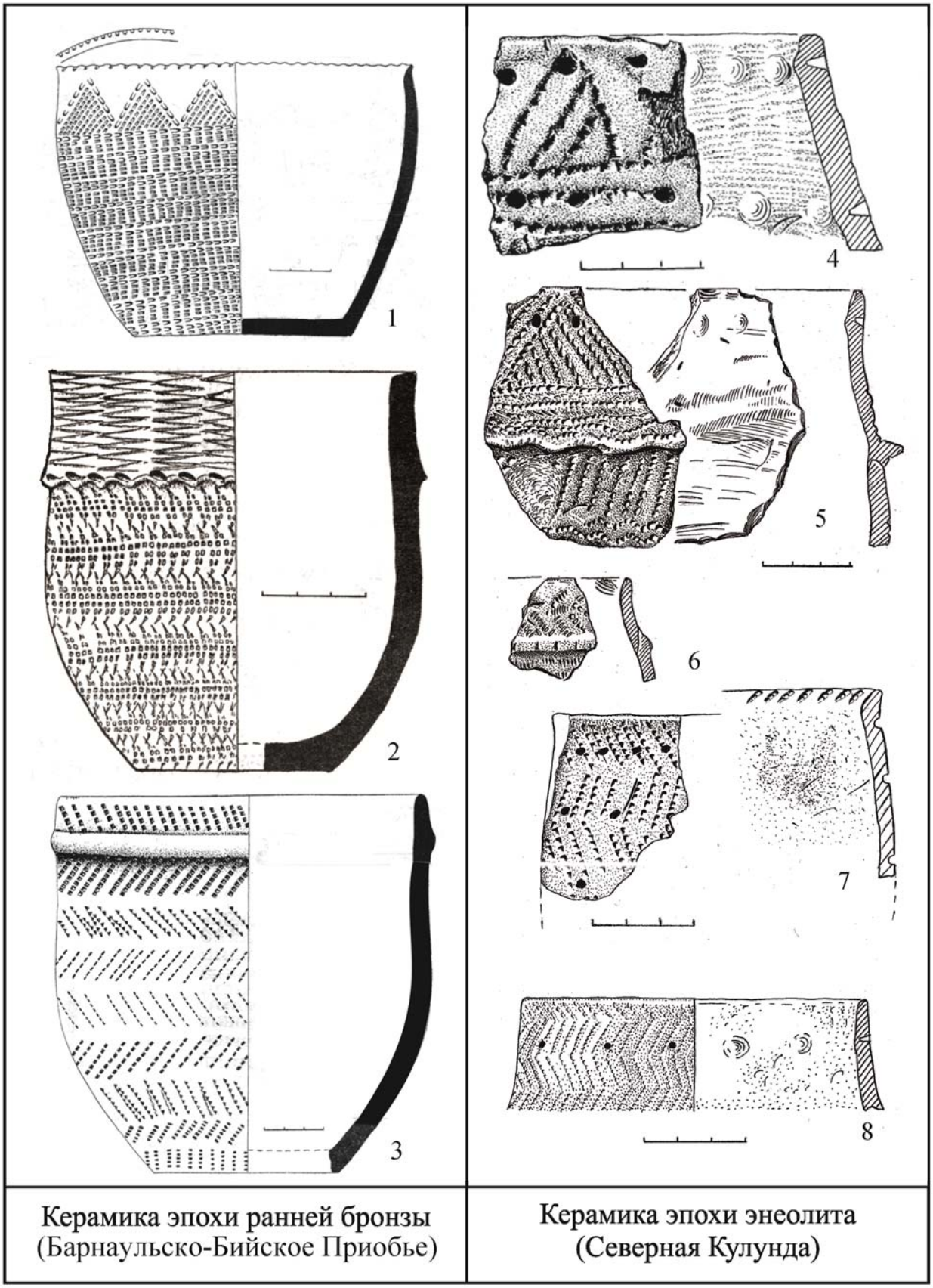

Рис. 3. ***1 – 8 – керамика: 1 – могильник Староалейка II (развал из межмогильного пространства); 2 – Чудацкая гора; 3 – поселение Аэродромное; 4 – поселение Новоильинка-III; 5 – 8 – поселение Новоильинка-VI***

Участие местного энеолитического населения в процессе формирования елунинской культуры уже отражалось в научной литературе [2, с. 23; 8, с. 84]. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы фрагментарны, и мы не претендуем на окончательные выводы, но, видимо, энеолитическое население Северной Кулунды внесло свой вклад в формирование раннебронзовых культур Алтая и сопредельных территорий. Особенно хорошо это просматривается на материалах уткульской группы памятников на правобережье Барнаульско-Бийского Приобья.

Литература

1. Грушин С. П. «Уткульская» группа памятников бронзового века в Верхнем Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 416 – 420.

2. Грушин С. П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и Лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н. э.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 56 с.

3. Грушин С. П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 49 – 60.

4. Кирюшин К. Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 1(61). С. 25 – 36.

5. Кирюшин К. Ю. Поселение эпохи энеолита Новоильинка-VI (по материалам исследований 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2014 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. Т. XX. С. 168 – 171.

6. Кирюшин К. Ю., Ситников С. М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012 – 2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 207 – 211.

7. Кирюшин К. Ю., Фролов Я. В., Редников А. А. Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. XX. С. 112 – 119.

8. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 293 с.

9. Кирюшин Ю. Ф., Шмидт А. В., Грушин С. П. Неолитический комплекс Иня-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 12. Барнаул, 2001. С. 75 – 79.

10. Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. Вып. 64. М., 1956. С. 93 – 103.

11. Мерц В. К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 297 – 301.

12. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

13. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 174 с.

Информация об авторах:

Кирюшин Юрий Федорович – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета, president@asu.ru.

Yuri F. Kiryushin – Doctor of History, Professor at Altai State University.

Кирюшин Кирилл Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Алтайского государственного университета, kirill-kirushin@mail.ru.

Kirill Yu. Kiryushin – Candidate of History, Research Associate at Altai State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 903.27

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СМЫСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ АНДРОНОВСКОЙ КАННЕЛЮРНО-«ЁЛОЧНОЙ» ОРНАМЕНТАЦИИ

И. В. Ковтун

ORIGIN AND MEANING OF ANDRONOVO CANNELURE-“HERRINGBONE” ORNAMENTATION

I. V. Kovtun

Статья посвящена истокам и семантике орнаментального сюжета, распространённого на востоке андроновского ареала. Установлен аркаимо-синташтинский прообраз андроновских каннелюрно-«ёлочных» композиций. Обосновано восходящее к эпохе индоиранской общности исходное смысловое содержание подобной орнаментации, означавшей мироздание поддерживаемое козлом-одноногом.

The paper is devoted to the origins and semantics of the ornamental plot prevailing in the East Andronovo area. The Arkaim-Sintashta prototype of the cannelure-“herringbone” compositions was determined. The author proves the original meaning of such ornamentation dating back to the Indo-Iranian community that the universe was supported by a one-legged goat.

Ключевые слова: андроновский орнамент, Синташта, Бестамак, одноногий козёл, образ мироздания, стилизация, лугавская культура.

Keywords: Andronovo ornament, Sintashta, Bestamak, one-legged goat, image creation, stylization, Lugavsk culture.

В восточной части собственно андроновского культурного массива заметно увеличивается представительство ряда орнаментальных композиций, редко встречающихся в центральной и западной областях общеандроновского ареала. Одно из таких построений представлено сочетанием каннелюр во второй зоне орнаментального поля с вертикальной «ёлочкой» в третьей зоне сосуда. При такой инвариантной комбинации орнаментальных элементов украшение венчика – первой зоны – определяло двух- или трёхзональность сосуда, а равно сам тип композиционного построения. Первую зону – зону венчика – могли заполнять треугольники (таблица 1), иные элементы декора (таблицы 2 – 4), либо орнаментация в ней отсутствовала вовсе (таблица 5).

Перечисленные отличия, вероятно, отражают развитие и трансформации андроновского орнаментального комплекса в целом, его хронологию и окончательную стилизацию изначальной орнаментальной схемы. Но сохранение ключевой инвариантной связки каннелюров и «ёлочки» удостоверяет неизменность означаемого данным сочетанием смыслового значения орнаментального построения представленного различными композиционными вариациями.

Истоки представительной серии подобных орнаментальных композиций, по моему мнению, восходят к аркаимо-синташтинскому периоду и специфическому сюжету, зафиксированному на сосудах этого предили раннеандроновского времени. Это схематичное изобразительное воплощение одного из индоиранских, а равно древнеиранских мифологических персонажей, запечатлённое на синташтинской керамике из Синташтинского могильника и могильника Бестамак. Ключевые признаки главного персонажа переданы либо как винтообразные «рога», включённые в орнаментальную схему (таблица 6, *1, 2*), либо как знаковые символы запечатлевшие стилизованную одноногость подразумеваемого образа (таблица 6, *3-9*). Особенно характерно стилизованное изображение «одноногого козла» на сосуде из могильника Бестамак (таблица 6, *2*). Судя по форме рогов на бестамакском, а также на одном сосуде из Синташтинского могильника, схематично запечатлены головы восточнокавказского (или дагестанского) тура или же западнокавказского тура (кубанский тур или кавказский горный козёл) (таблица 6, *1, 2*). Не исключено, что данные орнаментализованные изображения указывают на ареал протоаркаимо-синташтинского населения, предшествовавший его исходу в Южное Зауралье и Северный Казахстан.

На ряде сосудов изображение стилизованной головы козла утрачено, но «подпирающий» её вертикальный зигзаг не исчезает, опоясывая тулово сосудов (таблица 6, *3-9*). Это удостоверяет единство смыслового значения символа, переданного и со схематичными козлиными рогами, и без этих деталей. Другим примечательным признаком данной орнаментальной схемы представляется неорнаментированная зона шейки, отграниченная от венчика и тулова горизонтальными рядами гребенчатого штампа или каннелюрами. Можно предположить, что таким образом передавалось небо, поддерживаемое божественными персонажами.

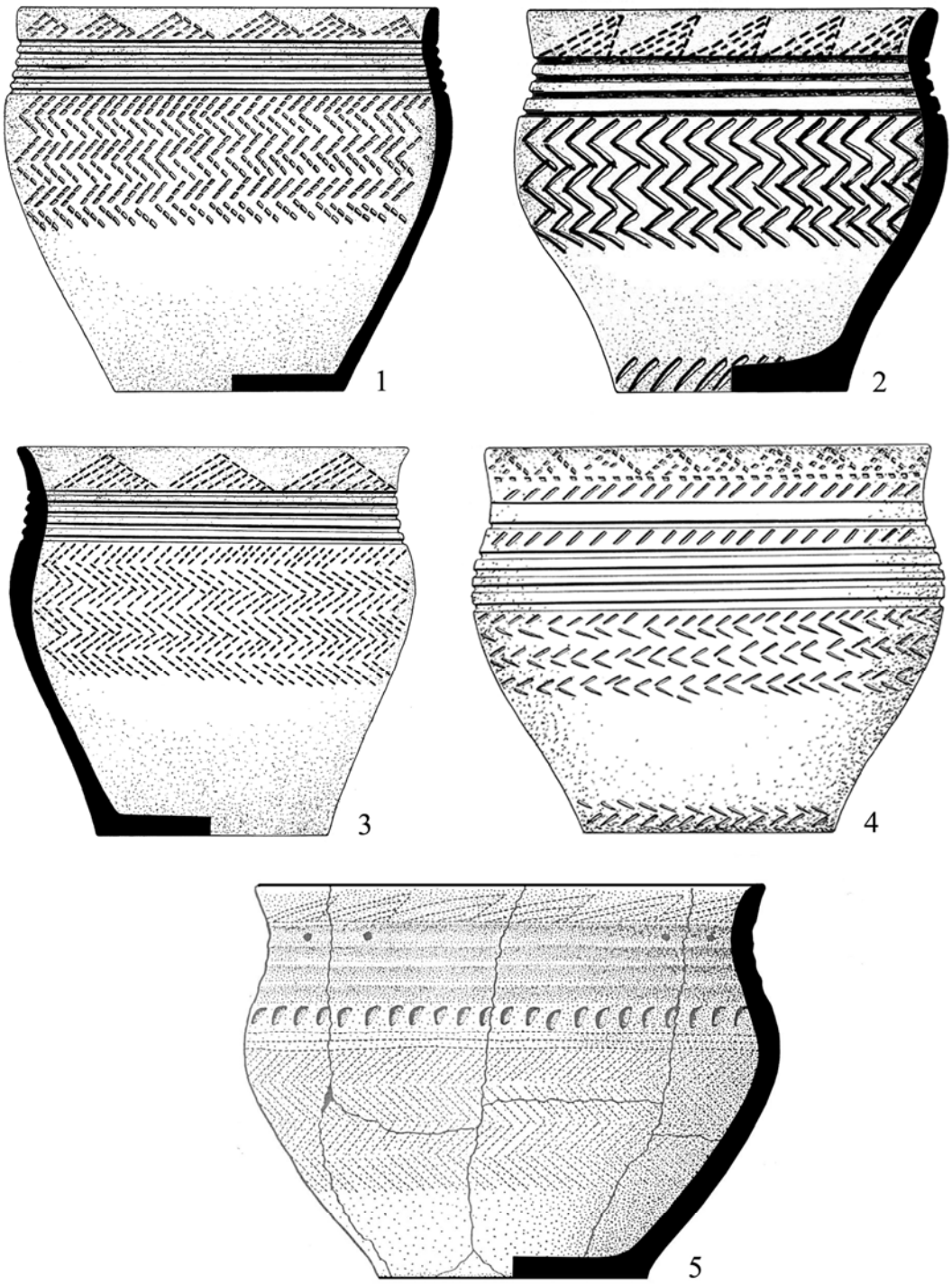

Таблица 1. ***Андроновские сосуды с каннелюрно-«ёлочной» орнаментацией. 1 – Сухое озеро I, к. 440, м. 1; 2 – Солёноозёрная III, м. 1; 3 – Танай I, к. 10, м. 3; 4 – Анаш; 5 – Чудиновка, сос. 1, к. 9, м. 2 (по: Боброву, Борисову, Михайлову, Максименкову и др.)***

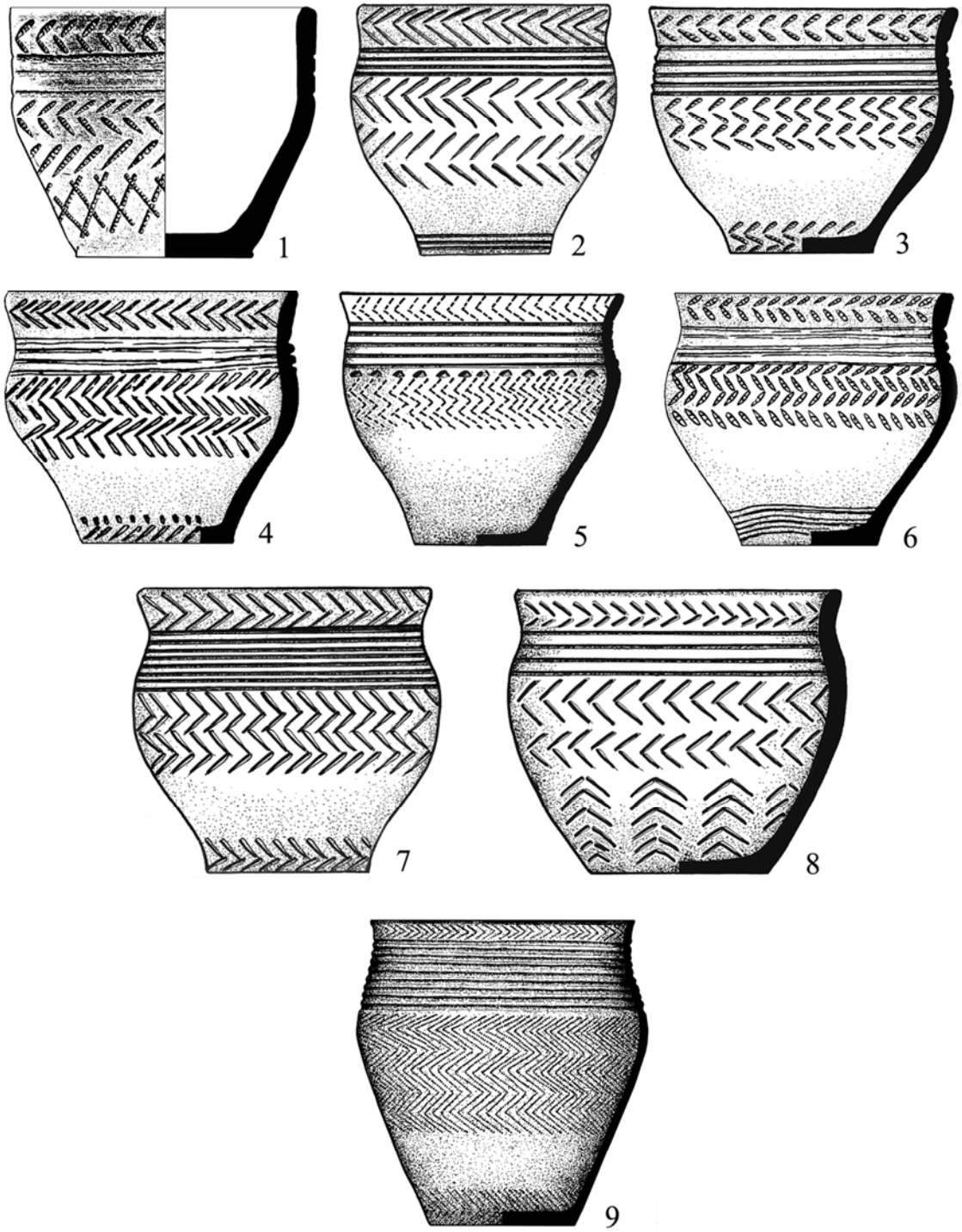

Таблица 2. ***Андроновские сосуды с каннелюрно-«ёлочной» орнаментацией. 1 – Кытманово, м. 32; 2 – Боровое, огр. 36; 3 – Титово II, к. 6, м. 1; 4 – Боровое, огр. 16; 5 – Титово II, к. 6, м. 3; 6 – Бурлук I, к. 11; 7 – Боровое, огр 6; 8 – Солёноозёрная I, погр. ком. 1, м. 1; 9 – Танай XII, п. кв. ф-у-18-19 (по: Боброву, Горяеву, Грушину, Зданович, Кирюшину, Максименкову, Михайлову, Оразбаеву, Уманскому)***

Таблица 3. ***Андроновские сосуды с каннелюрно-«ёлочной» орнаментацией. 1 – Устье-Бири IV, м. 1; 2 – Орак, м. 24; 3 – Кытманово, м. 8; 4 – Солёноозёрная IV, погр. ком. м. 3; 5 – Лебяжье I, м. 9; 6 – Кадат IX, м. 1 (по: Боброву, Вадецкой, Комаровой, Максименкову, Михайлову)***

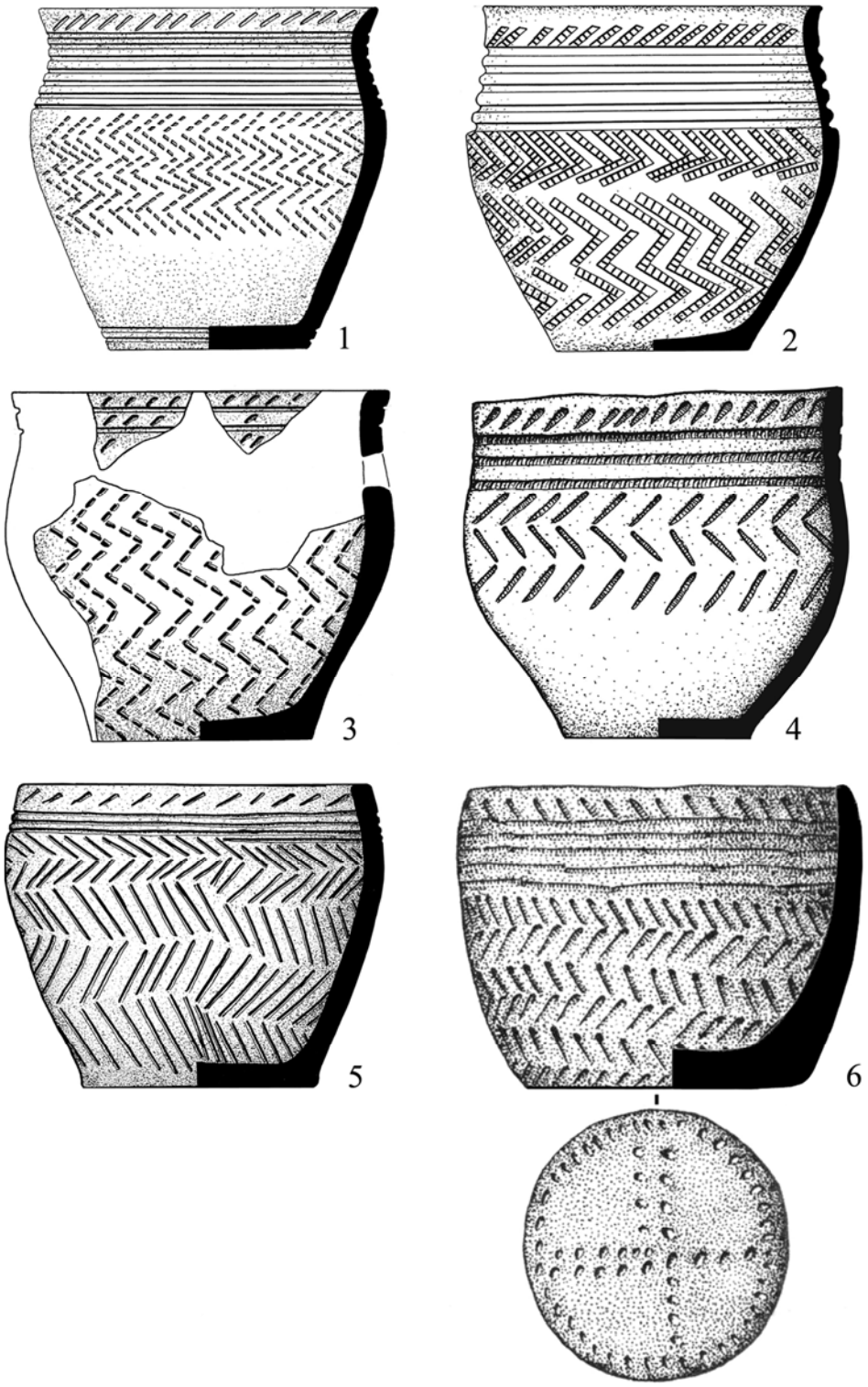

Таблица 4. ***Андроновские сосуды с каннелюрно-«ёлочной» орнаментацией. 1 – Урский, к. 15, м. 1; 2 – Зевакино, огр. 91, м. 2; 3 – Солёноозёрная I, м. 33; 4 – Танай XII, п. кв. R-S-LVI; 5 – Танай XII, п. 56, сос. 2; 6 – Тартас-1, захор. 358 (по: Арслановой, Боброву, Горяеву, Максименкову, Михайлову, Молодину)***

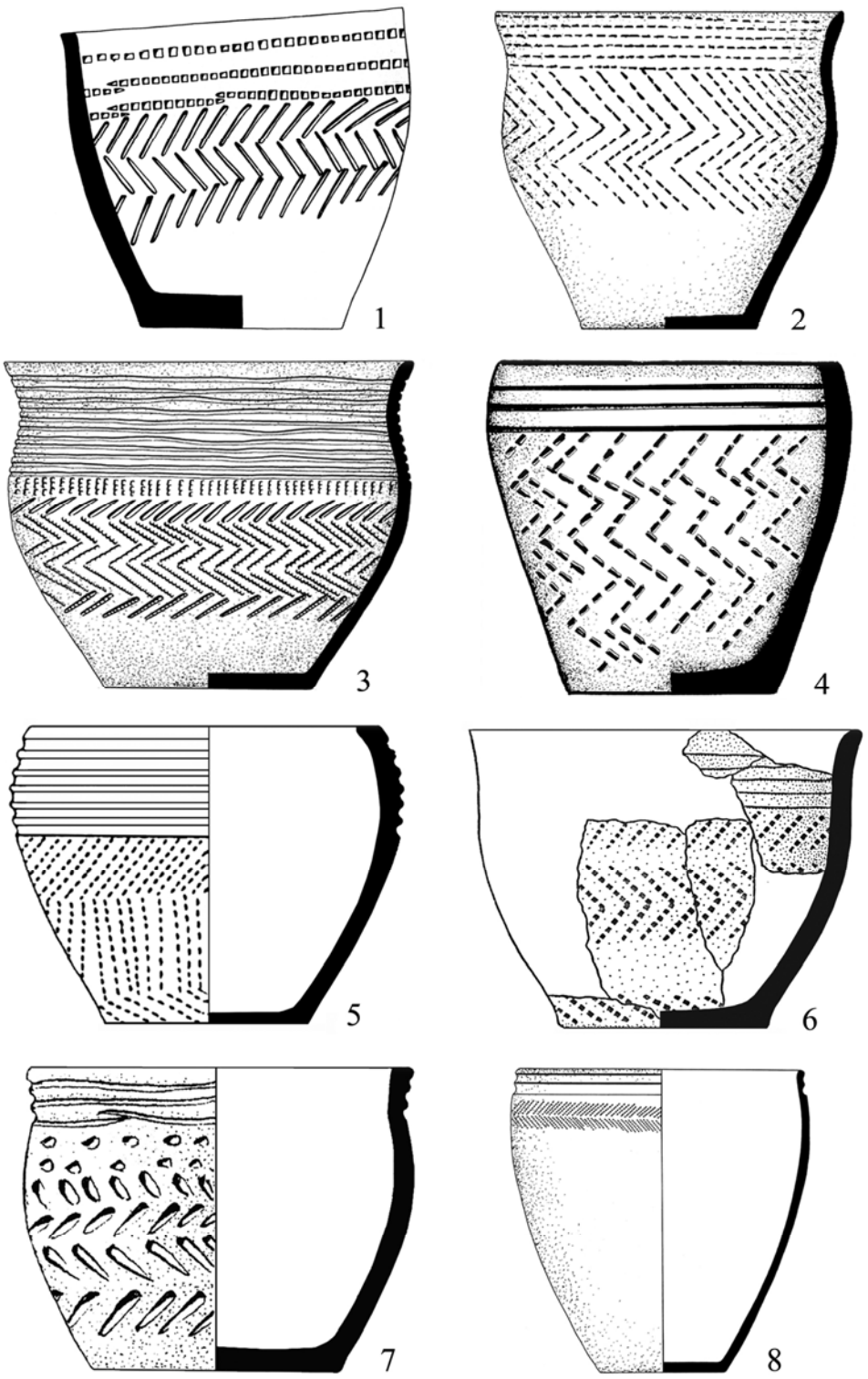

Таблица 5. ***Андроновские сосуды с каннелюрно-«ёлочной» орнаментацией. 1 – ЕК-II, м. 178, № 1; 2 – Титово II; 3 – Юрман I, к. 3, м.; 4 – Орак; 5 – Берёзовский, огр. 22Б; 6 – Чудиновка, сос. 1, к. 6, м. 2; 7 – Кытманово, ммп; 8 – Ташик (по: Боброву, Борисову, Грушину, Кирюшину, Комаровой, Матющенко, Михайлову, Савинову, Ткачёвой, Ткачёву, Труфанову, Уманскому)***

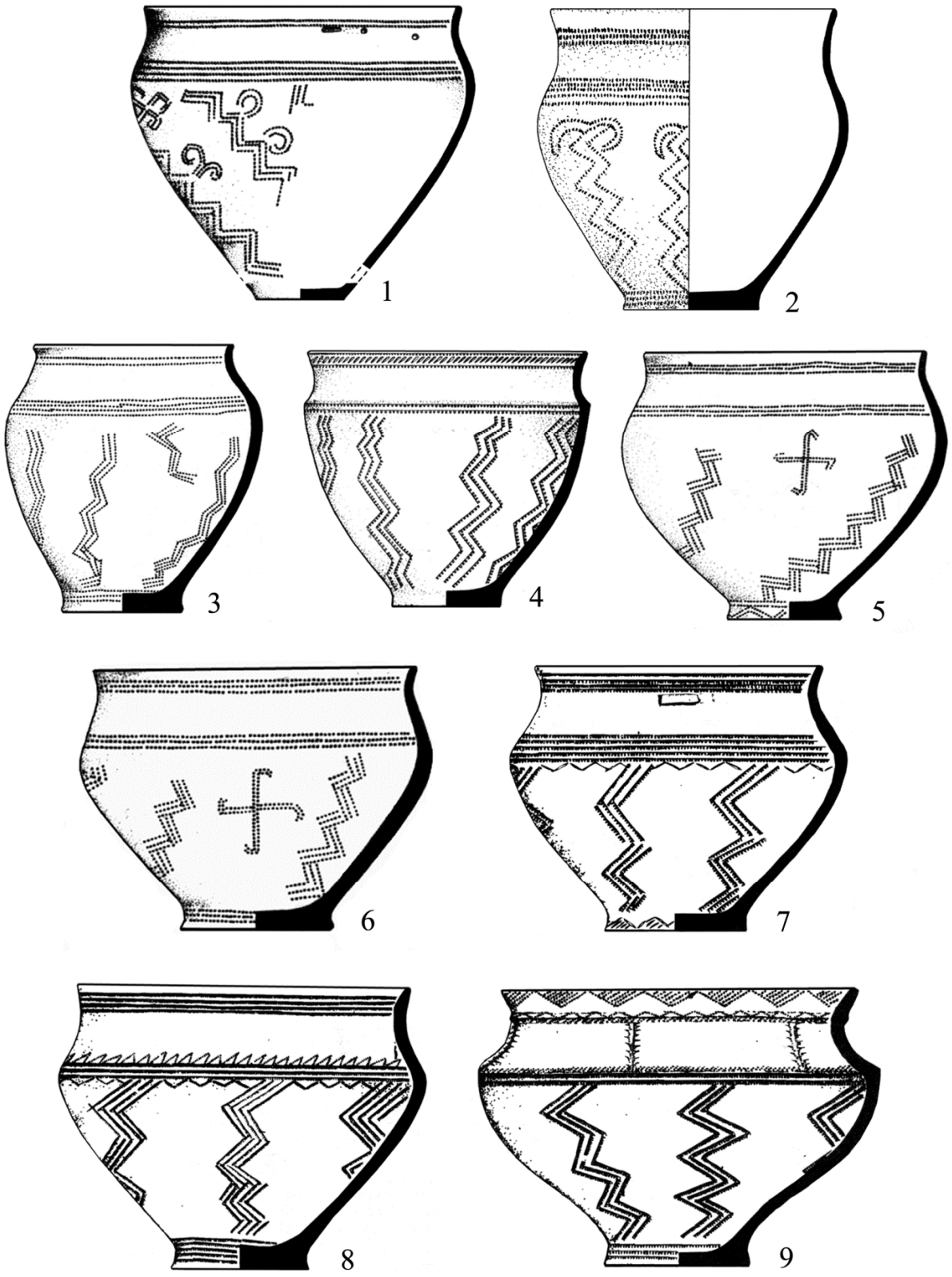

Таблица 6. ***Орнаментальный образ «козла-одинонога». 1, 3-9 – Синташтинский могильник; 2 – могильник Бестамак (по: Генингу, Здановичу, Логвину, Шевниной)***

Так, в Ригведе поддерживающему небо одноногому козлу Адже Экападу уподобляется сам Варуна, считавшийся «создателем изначального мира» [2, с. 159]:

Тот измерил древнюю область,
Кто опорой держал врозь два мира,
Как Аджа (поддерживает) небо.
[6, VIII. 41. 10].

Стоящий у Мирового дерева и поддерживающий небо одноногий козёл Аджа Экапад [1, с. 587] в Ригведе независимо упоминается лишь однажды. В оставшихся же четырёх случаях его имя связано с именем «змея глубин» Ахи Будхнья, равно как и их объединение в домашнем ритуале. Подлинное имя божества, скрытое под эпитетом Аджа Экапад, осталось неизвестным. Но его связь со змеем Ахи, молнией и одноногость [9, с. 44] указывают на серпентоморфные признаки [4, с. 81]. Поэтому зигзагообразность синташтинского орнаментального символа одновременно олицетворяет и «змея глубин» Ахи Будхнью, связанного с одноногим козлом Аджа Экападом [10, с. 91], имя и одноногость которого, как уже отмечалось, представляются метафорой молнии [9, с. 44].

Не исключено, что бестамакско-синташтинской композицией, включая её стилизованные версии, подразумевался более содержательный семантический план с широким кругом персонажей. Так, восходящий к индоиранской эпохе и известный в Авесте как дух вод, живущий в их глубинах ведийский бог Апам Напат родственен Трите, олицетворяющему божество молнии, воплощение огня в молнии, рождающейся в тучах, среди атмосферных вод, откуда его эпитет – Аптья, т. е. «Водяной». Предполагается, что Апам Напат или «Сын Вод» также представлялся воплощением молнии [12, p. 69 – 70; 11, с. 72]. Он связан с водой и огнём и выступает как эпитет Агни и Савитара, будучи одновременно причастным к «змею глубин» Ахи Будхнье и одноногому козлу Адже Экападу [10, с. 91], имя и одноногость которого, в свою очередь, являются метафорой молнии [9, с. 44]. Поэтому можно допустить, что вариации смыслового значения бестамакско-синташтинской орнаментальной серии, помимо стоящего у Мирового дерева и поддерживающего небо одноногого козла Аджи Экапада, включали ещё и ряд соотносящихся с ним персонажей: Триту Аптью, Апам Напата, Ахи Будхнью и Варуну. Данный перечень мифологических образов удостоверяет древность рассматриваемого орнаментального сюжета восходящего, как и его предполагаемые герои, к индоиранской архаике. С этими образами соотносится устойчивый ассоциативный ряд инвариантных представлений о молнии (небесном огне) и водах – атмосферных (т. е. небесных) водах, а также о различных ипостасях Мирового дерева, воплощённых в фигурах Варуны, Аджи Экапада и, вероятно, в облике соединяющей небо и землю молнии.

На аркаимо-синташтинской стадии ключевая семантическая составляющая композиции, по-видимому, сводилась к Адже Экападу и сопутствующим ему символизациям, иллюстрирующим общую картину мироздания. Но судя по смутной причастности к фабуле реконструируемого повествования отца Трайтаоны (Триты) Атвьи, соответствующего имени ведийского божества Триты & Атвьи и идентичного Трите Аптье упоминающегося при победе над трёхглавым Вишварупой [7, X. 8. 8] и участвующего в убийстве Вритры [5, I. 187. 1; 8, с. 94 – 95], протосюжету аркаимо-синташтинской композиции были присущи ещё и змее- / драконоборческие мотивы.

Последующая стилизация рассматриваемой орнаментальной композиции аркаимо-синташтинского времени отразила утрату содержательного разнообразия сюжетных линий подразумеваемого ею мифологического повествования. Примечательно, что подобное орнаментальное построение не получило своего заметного продолжения в петровской, алакульской, нуртайской, кожумбердынской и других культурных традициях западной и центральной части общеандроновского ареала. Но в собственно андроновском орнаментальном комплексе представлена серия типологически однородных композиций, восходящих к бестамакско-синташтинскому сюжету.

Среди инвариантных комбинаций собственно андроновской орнаментации усматриваются позднейшие реминисценции бестамакско-синташтинской композиции. Это каннелюрно-«ёлочные» сочетания характеризующиеся особой территориальной локализацией (таблицы 1 – 5). Возможно, под каннелюрами подразумевалось небо и атмосферные воды, к которым причастны Трита & Атвья (Трите Аптья) и Апам Напат, а вертикальная «ёлочка» – это декоративно стилизованный образ Аджи Экапада и его метафоры – молнии.

Каннелюрно-«ёлочные» инвариантные комбинации, главным образом, найдены близ или к востоку от р. Оби, на восточной периферии андроновского ареала. Это четвёртая по численности орнаментальная схема передана двумя сравнительно архаичными мотивами – «ёлочкой» и каннелюрами (таблицы 1 – 5). Древность мотивов свидетельствует о раннем формировании смысловой подоплёки данной инвариантной комбинации, восходящей к вышеописанному орнаментальному сюжету бестамакского и синташтинских сосудов. В свою очередь, древность мифологемы, подразумеваемой этим инвариантным сочетанием, удостоверяется длительностью её бытования, включая транскультурные параллели-заимствования на лугавских сосудах [3, с. 164 – 165, таблица 113] (таблицы 7 – 8).

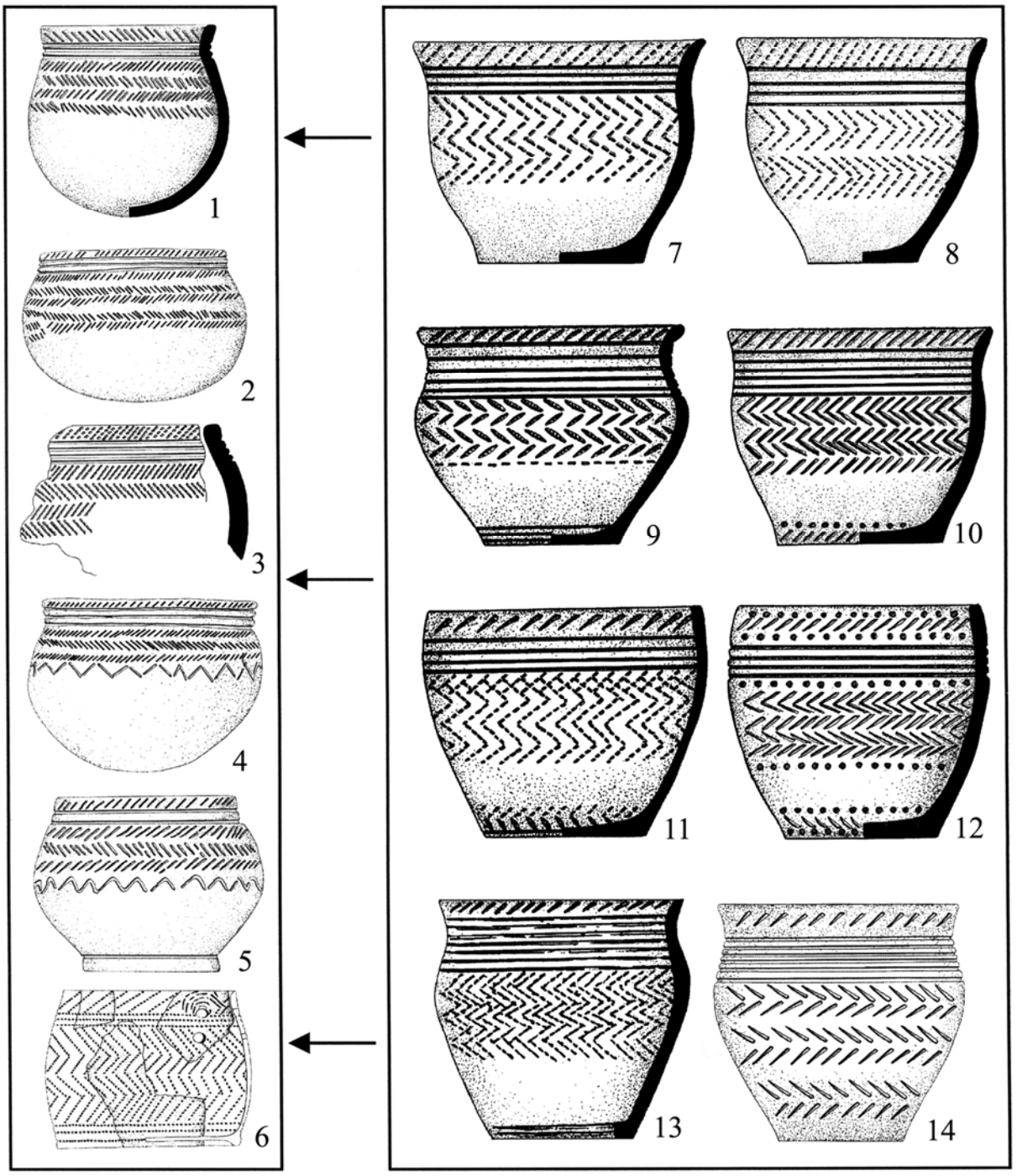

Таблица 7. ***Андроновская каннелюрно-«ёлочная» орнаментация в декоре лугавских сосудов. 1 – Лугавское; 2, 6 – Устинкинский могильник; 3 – Улус Фёдорова; 4 – Кызлас; 7 – Солнечный Лог; 8 – Аскыз; 9, 10 – Боровое; 12, 13 – Устье Бири IV; 14 – Михайловка (по: Боброву, Боковенко, Вадецкой, Грязнову, Елькину, Кадырбаеву, Комаровой, Мартынову, Михайлову, Нащёкину, Оразбаеву, Савинову, Сорокину, Членовой)***

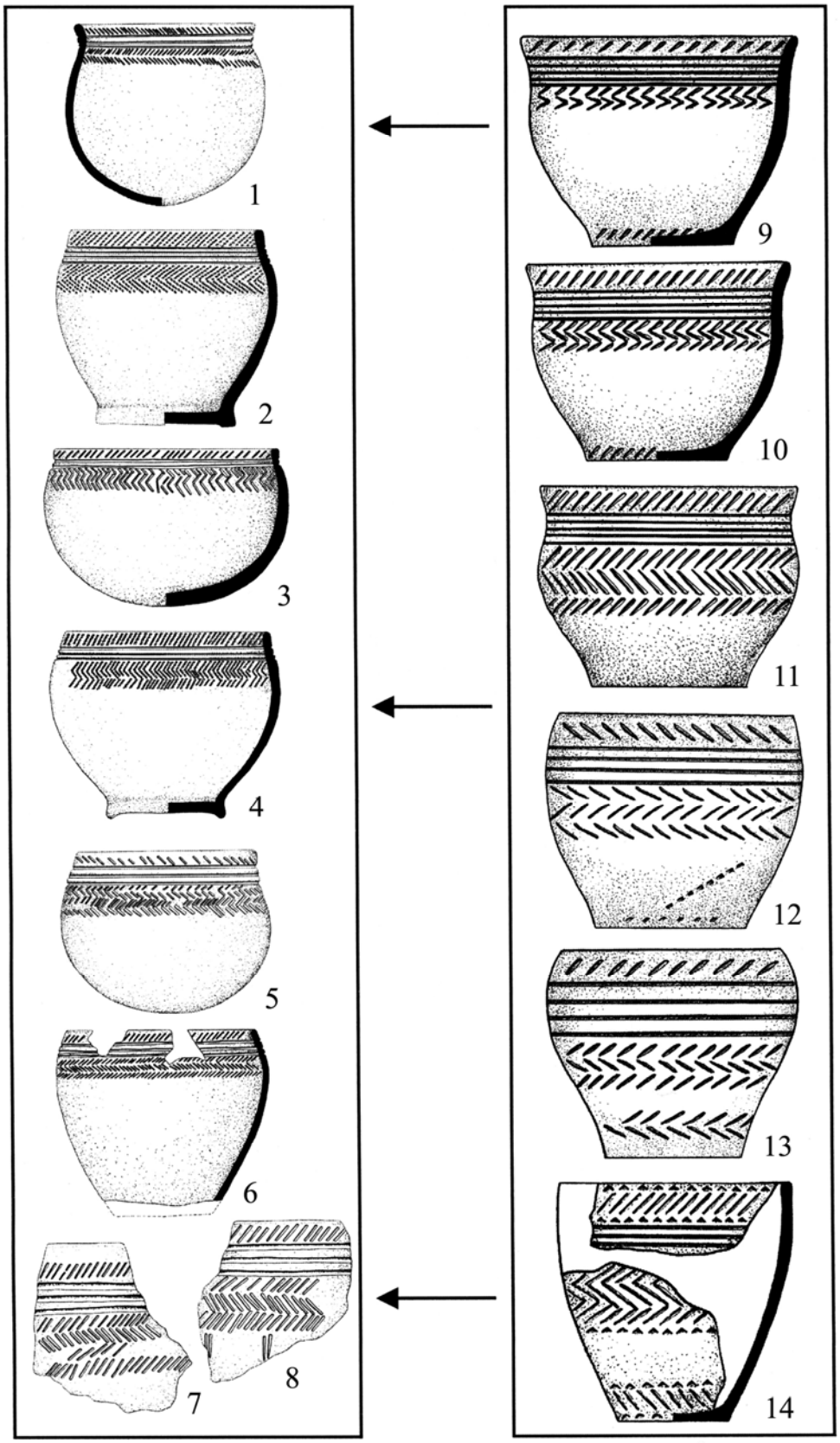

Таблица 8. ***Андроновская каннелюрно-«ёлочная» орнаментация в декоре лугавских сосудов. 1 – Лугавское; 2, 4, 5 – по М. П. Грязнову [1962]; 3 – Устинкинский могильник; 6 – Торгажак; 7, 8 – Солёноозёрная III; 9, 11 – Титово II; 10 – Орак; 12 – Б. Пичугино; 13 – Урский; 14 – Зевакино (по: Боброву, Боковенко, Грязнову, Елькину, Кадырбаеву, Комаровой, Мартынову, Михайлову, Нащёкину, Оразбаеву, Савинову, Сорокину, Членовой)***

Литература

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. Т. I – II. 1328 с.
2. Кёйпер Ф. Б. Я. Небесная бадья // Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 156 – 162, 183 – 188.
3. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. 184 с.
4. Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
5. Ригведа. Мандалы I – IV. М.: Наука, 1989. 768 с.
6. Ригведа. Мандалы V – VIII. Изд. втор., испр. М.: Наука, 1999. 743 с.
7. Ригведа. Мандалы IX – X. М.: Наука, 1999. 559 с.
8. Топоров В. Н. Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции // Историко-филологический журнал. 1977. № 3. С. 88 – 106.
9. Топоров В. Н. Аджа Экапад // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 44.
10. Топоров В. Н. Апам Напат // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994а. Т. 1. С. 91.
11. Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. 231 с.
12. Macdonell A. A. Vedic mythology. Strassbourg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. 189 p.

Информация об авторе:

Ковтун Игорь Вячеславович **–** доктор исторических наук, заведующий лабораторией Института экологии человека СО РАН, ivkovtun@mail.ru.

Igor V. Kovtun – Doctor of History, Head of the Archaeological Laboratory, Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902/904, 902.01

О МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ГОРНО-ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ: КЕЛЬТЫ КИЖИРОВСКОГО ТИПА

О. Н. Корочкова, И. А. Спиридонов, В. И. Стефанов

ON THE METALWORK DURING THE LATE BRONZE AGE IN THE MOUNTAIN-FOREST TRANS-URALS: THE PALSTAVES OF THE KIZHIROVO TYPE

O. N. Korochkova, I. A. Spiridonov, V. I. Stefanov

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 13-06-00202а.

Активное вовлечение населения Северной Евразии в систему связей металлоносных культур передают металлические предметы сейминско-турбинского и самусьско-кижировского типов. В центре внимания данной публикации – находки, сделанные на территории горно-лесного Зауралья. Мы решили собрать в одной публикации разрозненные по разным изданиям сведения, а также опубликовать недавно сделанные находки, представить возможные варианты их культурно-хронологической атрибуции.

Metal objects of Seima-Turbino and Samus-Kihzirovo types show active involvement of the Northern Eurasia population in the system of relations of Late Bronze Age cultures. This paper focuses on the finds made in the Trans Urals. The authors gather here the information scattered in different publications as well as publish the recent findings and present the options for their cultural and chronological attribution.

Ключевые слова: Зауралье, эпоха бронзы, сейма-турбино, самусь-кижирово, кельты.

Keywords: Trans Urals, Bronze Age, Seima-Turbino, Samus-Kizhirovo, palstatives.

В истории изучения металлообрабатывающего производства в лесном Зауралье эпохи поздней бронзы особое место занимают исследования двух замечательных памятников – поселения Палатки I–II (руководители В. Д. Викторова и С. Н. Панина) и святилища Шайтанское Озеро II (О. Н. Корочкова, Ю. Б. Сериков, В. И. Стефанов), расположенных недалеко от Екатеринбурга. Повышенное внимание к результатам их раскопок в значительной мере объясняется великолепной сохранностью, типологическим разнообразием и многочисленностью предметов из меди и бронзы, а также иных свидетельств местной металлообработки (литейные формы, тигли, лом изделий, слитки и др.) в составе полученных материалов – около 25 единиц на поселении и свыше 220 на святилище (из них около сотни целых предметов). В обе-

их коллекциях доминирует металл евразийской и самусьско-кижировской морфологических групп; на Шайтанском Озере II, кроме того, найдено довольно много вещей классического сейминско-турбинского облика и оригинальных. Обстоятельства нахождения и сами артефакты в основном опубликованы [4 – 6; 8; 9; 15 – 17], изучен их химический состав [8; 10 – 12], материал датирован и на обоих памятниках связан с керамикой и прочим инвентарем коптяковской археологической культуры. Синкретичный характер комплекса медных и бронзовых предметов Шайтанского Озера II, по мнению специалистов, имеет сейминско-турбинскую основу и отражает начальную фазу сложения металлообработки самусьско-кижировского типа, со временем получившей распространение в ряде культур лесной и лесостепной зон Западной и Восточной Сибири [17, с. 77].

При проведении сравнительного анализа новых находок авторы пришли к убеждению о необходимости, во-первых, дополнительной проверки базы известных источников по теме исследования и, во-вторых, введения в научный оборот металлических изделий, по разным причинам не учтенных в предыдущих сводках [19 – 21; 9]. Второй тезис в обосновании не нуждается, он очевиден. Что касается потребности в ревизии известных источников, она доказывается просто, достаточно сравнить рисунки одного кельта (рис. 1, *10а, 10б, 10в*), приведенные в работах Б. Г. Тихонова, Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, и выполненный В. И. Стефановым с оригинала в Свердловском областном краеведческом музее (СОКМ – справедливо будет отметить, что в последнем случае зарисовывалась вещь, очищенная, хотя и не совсем удачно, от окислов меди).

Из-за лимитированного объема в данной публикации мы решили ограничиться только одной категорией инвентаря – топорами-кельтами, обнаруженными при археологических раскопках и найденными случайно на территории горно-лесного Зауралья, известными и еще незнакомыми, хранящимися в музейных коллекциях и частных собраниях. Так получилось, что все они имеют явные соответствия в шайтаноозерском металлокомплексе.

Изделия картографированы, уточнены описания, указанные в них культурно-типологические разряды (КТР) в целом соответствуют системе, предложенной в работах Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых [21, с. 146 – 157].

1. *Фрагмент кельта с поселения Палатки I–II* (рис. 1, 3), левый берег р. Исеть, недалеко от станции и поселка Палкино, территория г. Екатеринбурга. Находка хранится в Институте истории и археологии УрО РАН, опубликована [21, с. 155, рис. 79,*7*; 4, с. 100, рис. 5,*3*; 9, с. 108], хотя и не подробно.

Судя по обломку размером около 50×30 мм, целое орудие имело в средней части шестигранное сечение, слабо выпуклые фаски, ребра жесткости и втулку, едва заметно расширяющуюся кверху. Широкие плоскости украшены, на боковые грани узор не переходит. Композицию открывает – в 14 мм от края втулки – поясок, заполненный зигзагами или треугольниками (узор плохо различим), снизу к нему прикреплен ряд ромбов. Определение КТР затруднено, материал Cu+Sn, № анализа 36698 [8, с. 110].

2. *Кельт с р. Исеть* (рис. 1, 8) обнаружен, предположительно, в 5 км к западу от Екатеринбурга. Точное место нахождения и условия залегания неизвестны; не исключено, что вещь происходит с территории поселения Палатки I–II или с какого-то из близлежащих памятников. Хранится в частной коллекции. Нам удалось ознакомиться с находкой, сделать ее описание и зарисовать. Кельт разряда К-50, форма в плане – близкая к трапециевидной, орудие расширяется к лезвию, клин в профиле слегка ассиметричный, втулка овальная, корпус в сечении шестигранный, широкие плоскости отчленены от боковых граней четко моделированными гребнями – ребрами жесткости. Имеет два боковых ложных ушка. На втулке сохранились следы литника, лезвие заточено с одной стороны и местами смято, литейный шов сглажен. Размеры: общая длина 119 – 121 мм, втулка по внешнему контуру 50,5 × 35 мм, глубина втулки 94 – 97 мм, ширина орудия в средней части 51 – 54 мм, в лезвийной – 68 мм, толщина стенок по верху 3 – 4 мм.

Кельт орнаментирован по обеим фаскам, на боковые грани узор не переходит. Композиции начинаются в 25 мм от края втулки. На одной плоскости она состоит из классической «лесенки», к которой снизу прикреплены два пояска заштрихованных равносторонних треугольников, обращенных друг к другу и соединенных в вершинах. В каждом ряду по три треугольника, штриховка фигур косая, в образованных ими промежутках четко прослеживаются два фоновых ромба. Узор на противоположной широкой грани прочитывается не полностью, особенно в верхнем ярусе. Похоже на то, что место «лесенки» здесь занимает поясок из взаимопроникающих треугольных зон. Треугольные фигуры, аналогично скомбинированные в средней части композиции, более вытянуты, иначе заштрихованы, а к нижней планке бордюра прикреплен еще один треугольник, из вершины которого исходят две линии с поперечными насечками.

3. *Кельт с р. Аять* (рис. 1, 2), Невьянский р-н Свердловской обл. Представлен двумя фрагментами, обнаруженными в 1959 г. в шурфе на южной окраине многослойного Аятского поселения в комплексе с керамикой эпохи бронзы, остатками плавильной печи, обломками тиглей, каменным сердечником [1, с. 196; 2, рис. 79а]. Рисунок деформированного обломка верхней части орудия сделан с оригинала в СОКМ, фрагмент лезвийной части приведен по фотографии из отчета Е. М. Берс. Нельзя утверждать, что сохранившиеся части происходят от одного орудия (может быть это лом, приготовленный в переплавку?), но и в этом случае один исходный экземпляр был довольно крупным, имел овальную или овально-подпрямоугольную втулку, шестигранное сечение корпуса, ребра жесткости и орнамент на фасках и боковых гранях. Полностью восстановить узор невозможно. Судя по дошедшему фрагменту, он начинался в 12 – 13 мм от края втулки и состоял из пояска взаимопроникающих разноштрихованных треугольников.

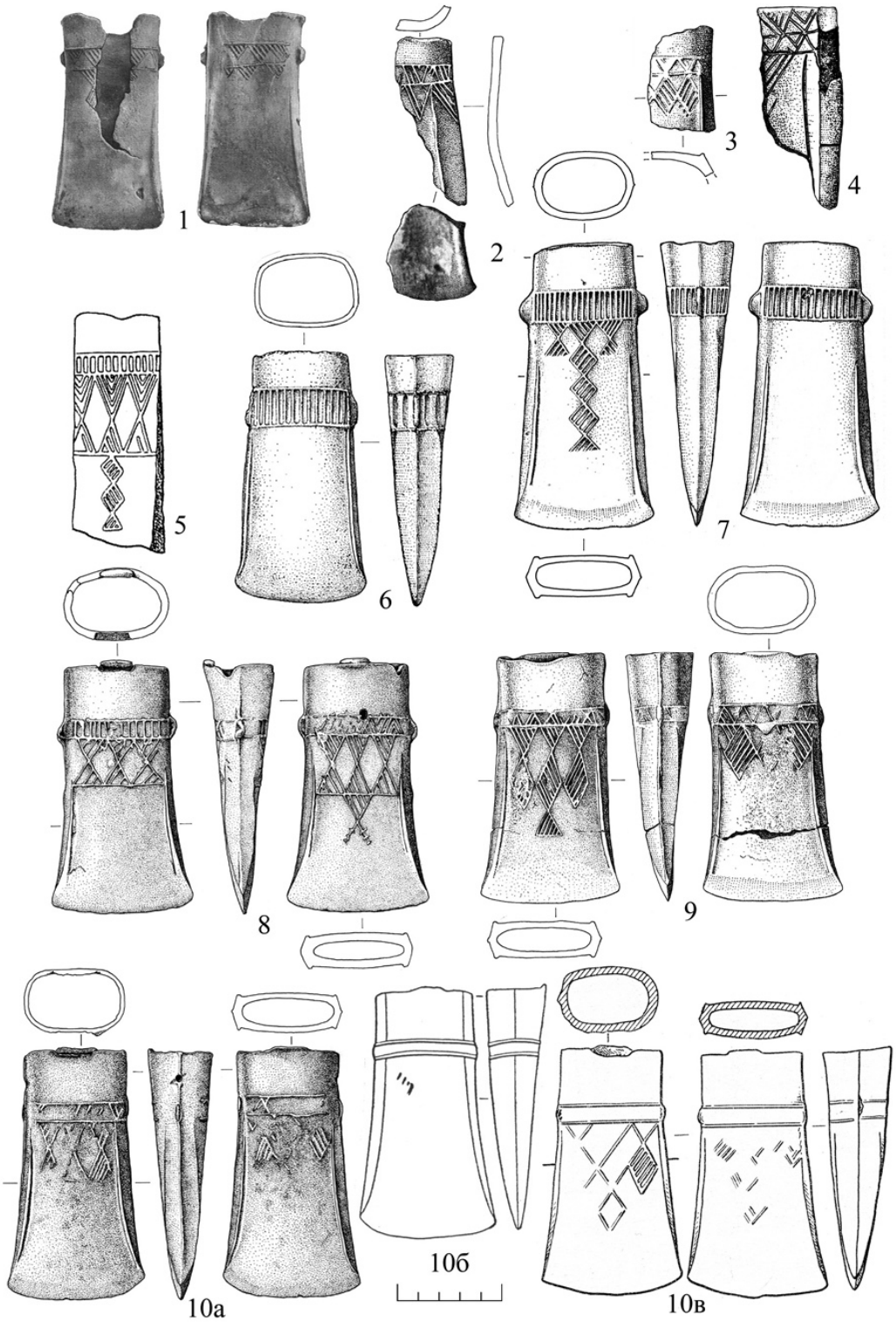

Рис. 1. ***Кельты горно-лесного Зауралья: 1 – оз. Иткуль, 2 – р. Аять, Аятское поселение; 3 – поселение Палатки I-II; 4 – Горбуновский торфянник; 5 – оз. Аятское; 6 – р. Сулем; 7 – Аргазинское водохранилище; 8 – р. Исеть; 9 – оз. Березовское; 10 – р. Крутобереговая (10а – по В. И. Стефанову, 10б – по: Тихоноув, 1960. Табл. X, 2; 10в – по: Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 79, 5)***

4. *Кельт с оз. Аятское* (рис. 1, 5). В свое время на озере (вполне возможно, что на том же Аятском поселении, которое расположено при истоке р. Аять) был найден предмет, упоминаемый в книге Г. Мерхарта как фрагмент кельта, а в работах Б. Г. Тихонова и М. Ф. Косарева как обломок литейной формы. Более подробно эта вещь и сведения о ней рассмотрены Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых [21, с. 59, 61], которые условно отнесли данный фрагмент орудия в разряд К-28 кельтов сейминско-турбинского типа. На

наш взгляд, с равными основаниями он может быть отнесен к группе постсейминских изделий. Об аятском экземпляре можно сказать лишь то, что он был украшен пояском-«лесенкой» и бордюром из обращенных друг к другу и соединенных в вершинах треугольников, к которому на одной фаске привешена цепочка из двух ромбов и треугольника. Кроме того, кельт был крупным – длина сохранившегося обломка около 110 мм.

5. *Кельт с оз. Березовское* (рис.1. *9*), около 4 км к СЗ от с. Сосновское Каменского района Свердловской области. Вместе с другими случайными находками в 1914 г. передан в музей Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ – ныне это Свердловский областной краеведческий музей – СОКМ), опубликован [3, табл. 5, К-№ 129; 19, табл. X.1; 21, с. 155, рис. 79, *б*]. Изображения кельта, сведения о месте его нахождения и описания разнятся, в данной работе приведена последняя зарисовка орудия, сделанная с оригинала.

Кельт разряда К-50, трапециевидной формы, втулка овальная, в средней части сечение шестигранное. Имеет два слабо выраженных ложных ушка, широкие грани отделены от боковых вертикальными гребнями – ребрами (по Б. Г. Тихонову – "крыльями"). Размеры: длина 120 мм, втулка по внешнему контуру – 52 × 33 мм, ширина в средней части корпуса 54 мм, в лезвийной – 68 мм, глубина втулки 103 мм, толщина стенок вверху 3 – 4 мм. По бокам четко фиксируется литейный шов. Орудие имеет много поздних повреждений – царапины, вмятины от ударов, лезвийная кромка заточена. На одной фаске произошел разрыв металла, образовавший трещину на противоположной стороне.

Кельт орнаментирован. Декор начинается в 22 – 25 мм от неровного края втулки с пояска, заполненного заштрихованными треугольниками вершиной вверх (местами узор прослеживается плохо), заходящего в т. ч. на боковые грани. К этому пояску на одной плоскости прикреплена комбинация из соединяющихся геометрических фигур, включающая – сверху вниз – ряд из трех треугольников, три ромба и еще один треугольник, привешенный к среднему ромбу. На противоположной стороне орнамент сильно поврежден. Как нам кажется, под пояском здесь размещалась комбинация из 4 треугольников вершиной вниз и 3 вписанных в промежутки между ними ромбов.

Орудие изготовлено из сплава Cu+Sn, № анализа 4728 [20, табл. XIII, с. 169].

6. *Кельт с Аргазинского водохранилища* (рис. 1, *7*), недалеко от дер. Сигаево Аргаяшского района Челябинской области. Подобран на территории археологического памятника – поселения Сигаево III (раскопки не проводились), передан в школьный музей соседнего с. Байрамгулово. Опубликован [22, с. 53, рис. 1, *2*; 21, с. 153, рис. 78, *2*; 13 с. 130, рис. 47, *2*]. Кельт разряда К–48, трапециевидный, втулка овальная, сечение корпуса шестигранное, в профиле – симметричный клин. Имеет два ложных ушка (под одним из них расположено небольшое сквозное отверстие), четко выраженные ребра жесткости, лезвие заточено с обеих сторон. Размеры: длина – 140 мм, ширина в средней части – 46 мм, в лезвийной – 68 мм, втулка по внешнему контуру – 48 × 38 мм.

Орудие орнаментировано. В 18 – 19 мм от края втулки нанесен широкий поясок – «лесенка», ниже располагается бордюр из трех равнобедренных треугольников. От среднего из них свисает цепочка из трех ромбов и незамкнутого треугольника. Такие же незамкнутые треугольники подвешены к крайним фигурам бордюра. На боковые грани заходит только поясок – «лесенка», на противоположной фаске под «лесенкой» орнамент отсутствует. Все геометрические фигуры заштрихованы, направление штриховки иногда не совпадает.

Кельт отлит из сплава Cu+Sn, № анализа – 25574 [21, табл. 11].

7. *Кельт из с. Сулем* (рис. 1 *б*) при впадении р. Сулем в р. Чусовая, Горноуральский городской округ Свердловской области. Случайная находка вместе с другими вещами передана Ю. Б. Серикову, опубликована [14, с. 371, рис. 1, *9*; 13, с. 130, рис. 47,*1*].

Кельт разряда К-48, трапециевидной формы, с незначительным расширением к лезвию, клиновидный в профиле, втулка овально-подпрямоугольная. На боковых гранях расположены небольшие, слабо выступающие ложные ушки (одно повреждено), ребра жесткости четко выражены. Размеры: длина – 120 мм, ширина в средней части – 52 мм, по лезвию – 62 мм, втулка 50×35 мм. Орнаментирован по обеим фаскам широким пояском – «лесенкой», заходящим на боковые грани. От неровного края втулки поясок опущен на 16 – 17 мм.

8. *Кельт с р. Крутобереговая* (рис. 1, *10а*) найден на территории городского округа г. Полевской Свердловской области. Хранится в СОКМ, опубликован [19, таб. X-*2*; 21, с. 155, рис. 79,*5*]. Орудие разряда К-50, трапециевидной формы, в профиле симметричный клин, втулка овально-подпрямоугольная, в средней части корпуса сечение шестигранное. Имеет едва намеченные ложные ушки, невысокие грани-ребра, отделяющие слабо выпуклые фаски от боковых граней, аккуратные литейные швы по бокам и следы заточки лезвия с обеих сторон. Во втулке, немного выше одного из ушек, проделано сквозное отверстие. Размеры: длина – 121 мм, ширина в средней части – 53 мм, в лезвийной – 66 мм, втулка – 49 х 31,2 мм, глубина втулки – 104 мм, толщина стенок вверху около 3 мм. Кельт орнаментирован, но не настолько примитивно, как на изображении, приведенном в работе Б. Г. Тихонова (рис. 1, *10б*). Рельефный узор, начинающийся в 22 – 25 мм от неровного края втулки сильно поврежден. В верхнем пояске отчетливо просматриваются лишь две параллельные горизонтальные линии, пространство между ними было заполнено, по-видимому, взаимопроникающими треугольными зонами (или треугольниками?), подобно кельтам с р. Исеть и с р. Аять. На одной стороне к пояску прикреплена конструкция из двух рядов заштрихованных треугольных фигур (по три в ряду), обращенных друг к другу и соединяющихся в вершинах, образуя два фоновых ромба. Рисунок под пояском на другой фаске восстановить невозможно, но в нем определенно присутствовали заштрихованные треугольники и ромбы. На боковые грани узор не переходил.

Орудие изготовлено из сплава Cu+Sn, № анализа 4733 [20, табл. XIII].

9. *Кельт с оз. Иткуль* (рис. 1, *1*), восточное побережье, в 1 км к югу от с. Иткуль, территория городского округа г. Верхний Уфалей Челябинской обл. В месте, где из озера вытекает небольшая речка Исток, засушливым летом 2010 г. образовалась песчаная отмель, на которой была подобрана данная вещь. Со слов автора находки – ученика одной из школ г. Снежинска А. Ковалева, на отмели и прилегающем участке побережья кроме кельта были найдены еще 4 ножа и нож-кинжал из медного сплава, а также много керамики и каменных предметов. На археологической карте оз. Иткуль место произведенных им сборов соответствует многослойной стоянке Иткульская 2, в разные годы обследованной В. Я. Толмачевым, Н. П. Кипарисовой и Г. В. Бельтиковой. Авторы публикации получили возможность бегло ознакомиться с коллекцией А. Ковалева, сфотографировать некоторые вещи, но договориться об их передаче на временное хранение для детального изучения не удалось (среди каменных предметов наше внимание привлекла редкая находка – сапожковидный пест-терочник).

Кельт разряда К-50, трапециевидной формы, шестигранный в среднем сечении, с двумя ложными ушками, фаски отделены от боковых граней ребрами жесткости. Орудие имеет крупный дефект – на одной фаске от недоливки металла образовалась продольная щель, расширяющаяся к верху втулки до 15 – 17 мм. Небольшие отверстия присутствуют в нижней части этой грани и сбоку; лезвийная кромка выкрошена. Несмотря на дефекты, ограниченное использование отливки было вполне возможным. Орудие орнаментировано. Композицию открывает – в 15 – 16 мм от края втулки – рельефный поясок, заполненный заштрихованными треугольниками вершиной вниз, к его нижней горизонтальной линии прикреплен ряд аналогичных фигур и тоже вершиной вниз. На фаске, поврежденной в результате литейного брака, от вершин второго яруса треугольников, по-видимому, должны были быть опущены ромбы (сохранился угол одного из них), но, сколько и в какой комбинации, неизвестно.

Размеры: длина – 99 – 102 мм, ширина лезвия 54 мм.

10. *Фрагмент каменной литейной формы с Горбуновского торфяника* (рис. 1, *4*), территория муниципального образования г. Нижний Тагил Свердловской обл. Происходит из слоя Береговой I стоянки, опубликован [23, с. 21, рис. 10, *2*; 7, с. 139, рис. 51, *12*; 21, с. 156, рис. 80,*4*]. Хранится в ГИМе.

Литейная форма вырезана из талькосодержащей породы. Размеры обломка: длина – 97 мм, ширина около 39 мм, толщина 9 – 12 мм. Матрица служила для отливки кельта – шестигранного в сечении, с ребрами жесткости, украшенного геометрическим орнаментом. Утраты в верхней части затрудняют определение КТР. В отличие от всех орудий, рассмотренных выше, у горбуновского кельта декор начинался сразу под краем втулки. Насколько существенна эта деталь, сказать трудно, тем более что обычный в декоре сейминско-турбинских и самусько-кижировских кельтов «поясок» выделен и на анализируемой створке, и он тоже отнесен от верхнего края, примерно на 12 – 13 мм. Промежуток между двумя параллельными горизонтальными линиями заполнен здесь зигзагом и/или треугольниками. Над пояском нанесены в ряд треугольники с косой штриховкой и из вложенных углов, завершают композицию заштрихованные треугольные фигуры (или один крупный треугольник?), прикрепленные к нижней планке пояска.

Как известно, топоры-кельты относятся к наиболее многочисленной категории металлического инвентаря сейминско-турбинского и самусьско-кижировского типов. Описанные выше предметы образуют сравнительно небольшую серию – 10 единиц. В их числе – 6 целых или археологически целых кельтов, 3 фрагментированных, еще один представлен обломком литейной формы. Из 10 предметов 8 найдены случайно. В сводке не учтены два ложноушковых кельта, известные нам по фотографиям низкого качества и устным сообщениям, за достоверность которых трудно поручиться. Кроме того, в нее не включена каменная литейная форма для кельта из многослойного памятника Кокшарово I [18, с. 102, рис. 4, *4*; 7, с. 139, рис. 51, *8*; 21, с. 151, рис. 77,*4*], датируемая, скорее всего, более поздним временем.

Разумеется, представление о зауральских кельтах постсейминского облика не может быть достаточным без учета находок, полученных при раскопках святилища Шайтанское Озеро II: здесь обнаружены 9 целых и обломки, минимум, еще 5 орудий (рис. 2). С ними база изучаемых орудий увеличивается более чем вдвое, а множественные параллели позволяют трактовать совокупную серию в контексте древностей самусьско-кижировского типа. Особое положение в этой серии занимают 3 изделия с Шайтанского Озера II, чья необычность заключается в первую очередь в очень маленьких размерах (их длина от 57 мм до 72 мм – см. рис. 2, *1, 2, 4*). Попутно заметим, что в ритуальной коллекции имеются и другие миниатюрные предметы – наконечник копья, долотца, каменные наконечники стрел. Если исключить аномальные экземпляры из обсуждения, выяснится, что всем зауральским кельтам в равной степени присущи следующие признаки – трапециевидная форма; шестигранное сечение корпуса, овальная или овально-подпрямоугольная в сечении втулка; ребра жесткости. Все кельты орнаментированы, декор всегда начинается с пояска, расположенного на некотором расстоянии от края втулки. Снизу к нему прикреплены комбинации из геометрических фигур – треугольников, ромбов (исключение – кельт из с. Сулем), узор имеет отличия на разных фасках. Может быть, наиболее яркой особенностью зауральских экземпляров является обязательность боковых ложных ушек: из 12 целых экземпляров 9 имеют по два ложных ушка, 3 – одноушковые. Ложные или «слепые» ушки могут быть четко моделированы или едва намечены (по Б. Г. Тихонову – в виде небольших приливов), но само их присутствие важно для атрибуции орудий и сопровождающего материала.

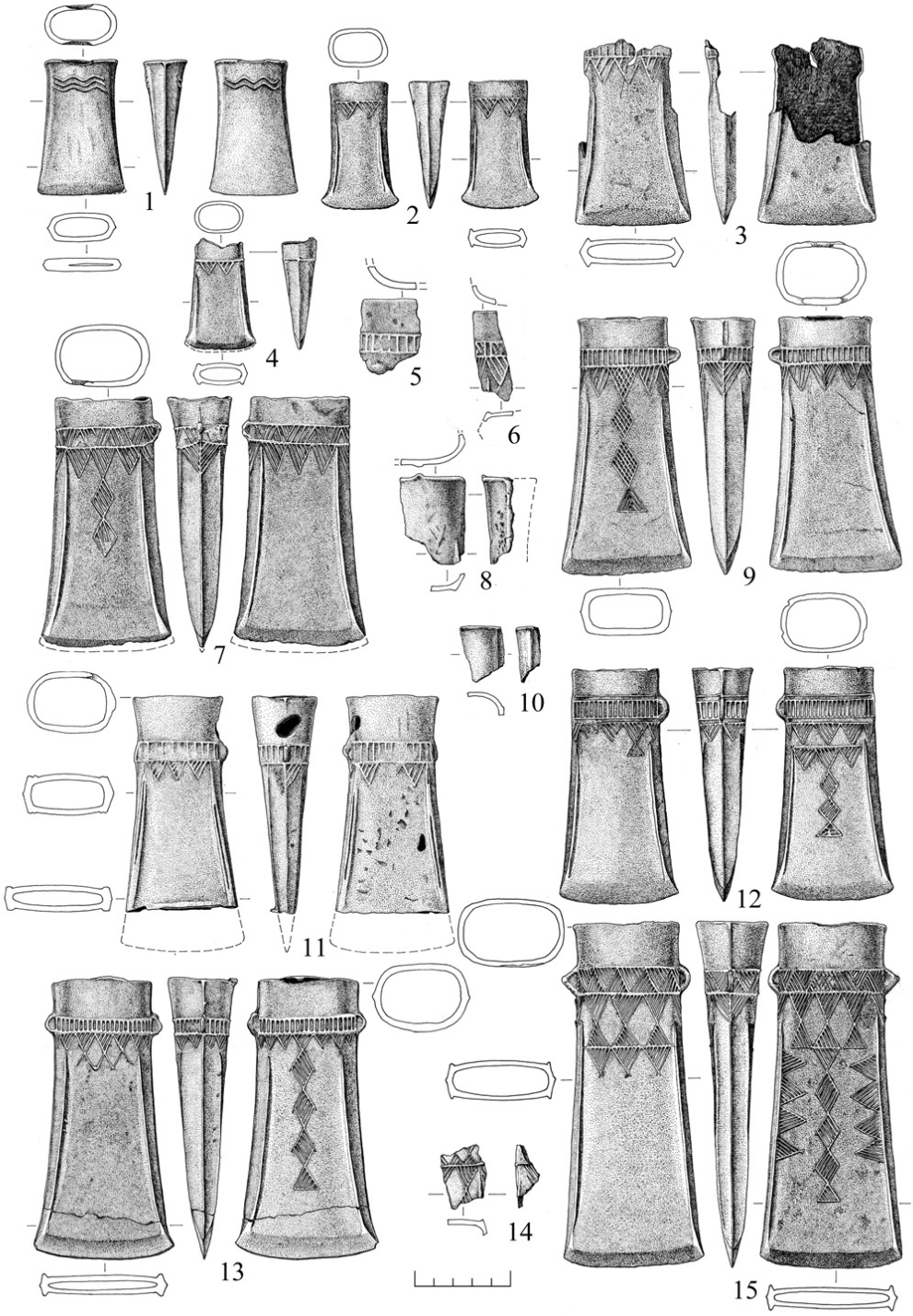

Рис. 2. ***Кельты горно-лесного Зауралья: святилище Шайтанское Озеро II***

Составляя целостный комплекс, зауральские кельты не единообразны. Можно заметить, например, что экземпляры с Шайтанского Озера II имеют более вытянутые пропорции, только среди них есть одноушковые образцы, что поясок в верхней части декора у них чаще оформлен в виде классической «лесенки». В целом они производят впечатление более ранних изделий, что, кстати, подтверждают результаты радиоуглеродного датирования: четыре даты, полученные для этого памятника в ^{14}C лаборатории Оксфорда (OxA – 26595, 26596, 26481, 26482 – датировались остатки древесины из втулок нескольких орудий), образуют довольно компактную группу – 3521 ± 28, 3535 ± 26, 3483 ± 34, 3452 ± 32 л. т. н., а калиброванные значения (95,4 %) совпадают в интервале 1880 – 1770 гг. до н. э. Полагаем, что около этого времени (может чуть позже, но не ранее) могут датироваться остальные орудия.

Топоры-кельты, подобные рассмотренным, неизвестны на территории к западу от Урала, их нет в памятниках и среди случайных находок из лесостепного Зауралья, все аналогии уводят на восток – в область распространения кельтов так называемого кижировского типа. Впрочем, это тема другого исследования.

Литература

1. Берс Е. М. Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // СА. 1976. № 4. С. 190 – 200.
2. Берс Е. М. Отчет по раскопкам Среднеуральской археологической экспедиции за 1959 год // Архив ЦАИ УРФУ. 1959. Ф. II. Д. 18а.
3. Берс Е. М. Каталог археологических коллекций Свердловского Краеведческого Музея. Свердловск: Облполиграфиздат, 1959. 84 с.
4. Викторова В. Д. Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург: Банк Культурной информации, 2001. С. 95 – 107.
5. Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. 2010. № 4. С. 128 – 137.
6. Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009 – 2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 87 – 96 .
7. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 287 с.
8. Кузьминых С. В. О металле эпохи бронзы поселения Палатки I-II // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург: Банк Культурной информации, 2001. С. 108 – 113.
9. Кузьминых С. В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. 2011. № 225. С. 240 – 263.
10. Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В. Рентгено-флуоресцентный анализ: начало исследований химического состава древнего металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М., 2009. Вып. 1. С. 84 – 110.
11. Луньков В. Ю., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б. Рентгено-флуоресцентный анализ меди и бронз: серия 2009 – 2010 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М., 2011. Вып. 2. С. 116 – 136.
12. Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В. Результаты рентгено-флуоресцентный анализа: серия 2011 – 2013 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М., 2013. Вып. 3. С. 116 – 136.
13. Петрин В. Т., Нохрина Т. И., Шорин А. Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 212 с.
14. Сериков Ю. Б. Изделия из цветных металлов на территории Тагильского Зауралья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 366 – 374.
15. Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2013. 408 с.
16. Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН. 2008. С. 341 – 346.
17. Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2(38). С. 67 – 78.
18. Старков В. Ф. Кокшарово I – многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА. 1970. № 1. С. 97 – 108.
19. Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. № 90. С. 5 – 115.
20. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА. 1970. № 172. 180 с.
21. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
22. Шорин А. Ф. Случайные находки сейминско-турбинских и сосново-мазинских бронз в Южном Зауралье // Археология Прииртышья. Томск: ТомГУ, 1980. С. 52 – 56.
23. Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала // Тр. ГИМ. 1940. Вып. 10. 104 с.

Информация об авторах:

Корочкова Ольга Николаевна – доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии УрФУ, Olga.Korochkova@urfu.ru.

Olga N. Korochkova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology and Ethnology, Ural Federal University.

Спиридонов Иван Андреевич – аспирант Института истории и археологии УрО РАН, лаборант-исследователь Центра археологических исследований УРФУ.

Ivan A. Spiridonov – post-graduate student at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Assistant Researcher at the Center for Archaeological Research, Ural Federal University.

(**Научный руководитель**: ***Корякова Людмила Николаевна*** – доктор исторических наук, заведующая сектором Института истории и археологии, lunikkor@mail.ru.

Research advisor: ***Ludmila N. Koryakova*** – Doctor of History, Head of Sector at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences).

Стефанов Владимир Иванович – заведующий лабораторией Центра археологических исследований УрФУ.

Vladimir I. Stefanov – Head of the Laboratory at the Center for Archaeological Research, Ural Federal University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902/904, 902.65

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (медь и бронза)

С. В. Кузьминых

MAIN STAGES IN THE METALWORKING DEVELOPMENT IN WESTERN SIBERIA DURING THE EARLY METAL PERIOD AND THE EARLY IRON AGE (copper and bronze)

S. V. Kuzminykh

Работа выполнена при финансовой поддержке проектов РФФИ (№ 14-06-00287) и РГНФ (№ 14-01-00348а).

Статья посвящена характеристике основных этапов развития металлообработки в археологических культурах Западной Сибири в эпохи раннего металла и раннего железа. Становление древнейшей металлообработки связано с двумя блоками культур – степным (пришлые скотоводы ямной и афанасьевской культур) и аборигенным (охотники и рыболовы области культур гребенчатого геометризма). На разных этапах позднего бронзового века металлообработка западносибирских культур развивалась прежде всего в системе Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции. Лишь в финале эпохи бронзы на восточной и юго-восточной периферии этой системы (ирменская культура) стали играть заметную роль производственные центры Восточноазиатской (Центральноазиатской) металлургической провинции. Металлообработка раннего железного века развивалась в тесной взаимосвязи с культурно-историческими процессами той эпохи. По-прежнему доминировал импорт сырья и готовых изделий из Рудного Алтая и Казахстана. Но в Зауралье (саргатская, гороховская, сарматская культуры) стал заметен приток меди из иткульских производственных центров.

The paper describes the main stages in the metalworking development of Western Siberian archaeological cultures during the Early Metal period and the Early Iron Age. The formation of the most ancient metalworking here is associated with two blocks of cultures: steppe cultures (alien stock-breeders of the Yamnaya and the Afanasievo cultures) and aboriginal ones (hunters and fishermen of cultures with “comb geometrical” decoration on pottery). At the early stages of the Bronze Age the metalworking in Western Siberian cultures had been mainly developing in the system of West Asian (Eurasian) metallurgical province. Only during the Late Bronze Age at the East and South-East periphery of this system (Irmen culture) production centers of East Asian (Central Asian) metallurgical provinces began playing a significant role. Metalworking during the Early Iron Age had been developing in close relationship with the cultural-historical processes of the period. Import of raw materials and products from the Altai and Kazakhstan still dominated. But as for the Trans-Urals (Sargut, Gorokhovo, Sarmatian cultures), one can note a significant influx of copper from the Itkul production centres.

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха раннего металла, ранний железный век, горно-металлургическое производство, металлообработка, медь и бронза, металлургические провинции.

Keywords: Western Siberia, Early Metal period, Early Iron Age, mining and metallurgical production, metalworking, copper and bronze, metallurgical provinces.

Становление древнейшей металлообработки в Западной Сибири связано с двумя блоками археологических культур. Первый – скотоводы ямной и афанасьевской культур. Металлургия первой из них (в ее волго-уральском варианте) развивалась в системе Циркумпонтийской металлургической провинции. Афанасьевцы были первыми горняками и металлургами в центре Азии, территориально изолированными от циркумпонтийской метрополии. Морфологический облик орудий из «чистой» и мышьяковой меди (втульчатые топоры, плоские тесла, двулезвийные и однолезвийные черенковые ножи, шилья и др.), украшения из метеоритного железа, золота и серебра, сложная литейная техника (двусторонние литейные формы) свидетельствуют об изначально высоком уровне афанасьевской металлообработки, которая укоренилась на Алтае и Енисее в уже сложившемся виде [11, с. 194 – 201; 6, с. 213 – 215].

Второй блок наиболее ранних металлоносных культур – энеолитические охотники и рыболовы культурно-исторической области гребенчатого геометризма, охватывавшей горно-лесной Урал (аятская, липчинская, суртандинская, шапкульская, сосновоостровская и др.), таежное Зауралье (атымьинская, волвончинская и др.), лесостепные и степные пространства Тоболо-Иртышско-Обского междуречья (байрыкская, усть-нарымская, ботайская, терсекская и др.). В этих культурах укоренилась выплавка и плавка окисленной меди, литье заготовок в односторонних литейных формах с крышкой, формовка ножей, шильев, колец свободной кузнечной ковкой. Сама металлообработка имела зачаточный характер и была маломощной. Ее становление происходило под влиянием импульсов из прикамских (новоильинских и гаринских) и южноуральских (ямных) производственных центров [4, с. 652; 6, с. 207 – 212].

В конце III тыс. до н. э. с распадом ЦМП в Северной Евразии перестраивается вся прежняя система производственных систем. На разных этапах позднего бронзового века металлообработка археологических культур Западно-Сибирской равнины развивалась прежде всего в рамках Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (ЗАМП) и лишь в финале бронзового века на восточной и юго-восточной периферии этой системы стали играть заметную роль производственные центры Восточноазиатской (Центральноазиатской) металлургической провинции (ВАМП).

На фазе сложения ЗАМП (ПБВ-1, 22/21-18/17 вв. до н. э.) формируются два блока культур с принципиально различными стереотипами металлообработки. Первый блок – абашевская, синташтинская, петровская и, вероятно, ташковская культуры Южного Урала, Зауралья (вплоть до Иртыша) и Северного Казахстана. Металлообработка этих культур ориентирована на воспроизводство орудий и оружия, характерных для системы ЦМП. Здесь доминируют технологии литья и ковки, используется в основном «чистая» и мышьяковая медь, разрабатываются медные рудники Южного Урала, Мугоджар, Северного и, вероятно, Центрального Казахстана. Второй блок – сейминско-турбинская, окуневская, чемурчекская, елунинская, каракольская, одиновская, ранняя кротовская, крохалевская, гребенчато-ямочной керамики (ГЯКК) культуры Иртышско-Обско-Енисейского междуречья. Стереотипы металлообработки этих культур, морфология орудий и оружия не связаны с импульсами из производственных центров Зауралья. Напротив, здесь доминирует технология тонкостенного литья орудий и оружия, формуются упрочняющие ребра жесткости на однолезвийных изогнутых кинжалах, втульчатых кельтах и наконечниках копий, используются главным образом оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы, разрабатываются медные, полиметаллические и касситеритовые месторождения Рудного Алтая, Западных Саян и Тянь-Шаня. Базовые инновации в металлообработке культур этого блока связаны с производственными центрами сейминско-турбинского
(СТ-) транскультурного феномена [11, с. 222 – 225, 269 – 287; 7, с. 224 – 238].

На второй фазе развития ЗАМП (ПБВ-2, 18/17-15 вв. до н. э.), когда завершается процесс формирования провинции и происходит стабилизация ее производственных центров, в степи и лесостепи Западной Сибири доминируют культуры андроновского мира. Орудия и оружие срубной (в зауральском степном пограничье), алакульской, федоровской, черкаскульской и кротовской культур воспроизводят стереотипы абашевско-синташтинско-петровской металлообработки. В числе новаций, заимствованных из СТ-феномена, – литье наконечников копий и стрел, тесел и долот со «слепой» втулкой и повсеместный переход на использование оловянных и оловянно-мышьяковых бронз. Еще одной новацией этого времени является расцвет ювелирного дела, в том числе и златокузнечества. В периферийных культурах андроновского мира (коптяковская, КГЯК, крохалевская, самусьская) доминируют стереотипы СТ-металлообработки (самуськие поясковые кельты, шайтанско-кижировские кельты с «ковровым» орнаментом и «ложными» ушками, наконечники копий с подобными же ушками, пластинчатые ножи и др.). В то же время в морфологии орудий, оружия и украшений этих культур заметны андроновские корни (ножи с перекрестьем и перехватом, кинжалы с прилитыми рукоятями, кованые тесла и др.). Вероятно, немало среди них и импортов. Металлообработка западносибирских культур на этой фазе обеспечивалась за счет поставок меди, бронз, олова и золота из рудников, которые разрабатывались в Мугоджарах, Северном и Центральном Казахстане, Рудном Алтае. Особое значение приобретают оловорудные разработки в Калбинском и Нарымском хребтах [11, с. 222 – 229; 7, с. 224 – 238].

На третьей фазе развития ЗАМП (ПБВ-3, 15/14-12/11 вв. до н. э.) культурно-исторические процессы характеризуются двумя коренными явлениями. Степные пространства от Урала и до Алтая стали ареной консолидации населения культур андроновского мира, что в итоге привело к формированию алексеевско-саргаринской культуры, входившей в общность культур с валиковой керамикой (ОКВК). Эта перестройка культур степного пояса, вероятно, была вызвана начавшейся аридизацией климата, иссушением почв и ухудшением пастбищенских угодий. Напротив, в лесостепных и южнотаежных широтах наблюдается мозаичность культур (пахомовская, федоровская, позднекротовская, черноозерская, сузгунская, еловская и др.), которая плавно переходит в монотонную картину мира лесных охотников и рыболовов с характерной для них гребенчато-ямочной керамикой. На этой фазе происходит передислокация основных очагов металлообработки в лесостепную и лесную зоны. В морфологии орудий, оружия и украшений доминируют алакульско-федоровские традиции, но важнейшей новацией в культурах андроноидного круга стало появление однолезвийных ножей. В таежных районах Западной Сибири сохранилось производство поясковых кельтов самусьского типа, а в Обь-Енисейском междуречье (могильник на горе Татарка) – позднейших вариантов ложноушковых кельтов кижировского типа [11, с. 235 – 241; 7, с. 251 – 254; 1, с. 44 – 59].

На заключительной фазе (ПБВ-4, 12/11-10/9 вв. до н. э.) нарастают процессы деструкции и распада ЗАМП. В азиатской степи теряет былое единство алексеевско-саргаринская культура. Памятники трушниковского, донгальского и бегазинского типа финала ОКВК в Казахстане и на юге Западной Сибири фактически демонстрируют распад восточной зоны этой общности. В то же время в лесостепных и южнотаежных районах набирают силу интеграционные процессы. Мозаичность культур, характерная для фазы ПБВ-3, уходит в прошлое. В Зауралье памятники межовской и бархатовской культур приходят на смену андроноидным. Обь-Иртышская лесостепь и южнотаежные районы Приобья становятся зоной распространения корчажкинской и ирменской культур. На востоке Обь-Енисейского междуречья появляются памятники лугавской культуры, металлообработка которой (наряду с карасукской) развивалась в системе ВАМП. В таежной зоне Западной Сибири атлымская, позднесузгунская, лозьвинская, барсовская, еловская культуры демонстрируют трансформацию некогда нерасчленимого культурного пространства, индикатором которого служила гребенчато-ямочная керамика. Южнотаежные производственные центры уступают главенствующую роль лесостепным – ирменским. Горно-металлургические центры Рудного Алтая и Казахстана в это время заметно снижают производство меди, оловянных и оловянно-мышьяковых бронз, но по-прежнему основные поставки направляется отсюда в очаги металлообработки лесостепных и лесных культур. Металлообработка восточного варианта ирменской культуры, за исключением отдельных племенных объединений (Камышенка), перешла на использование саянских мышьяковых и сурьмяно-мышьяковых бронз. В западном варианте

ирменской культуры эти сплавы не играли заметной роли. В морфологии орудий, оружия и украшений к востоку от Иртыша доминируют ирменские стереотипы, на юге Западной Сибири и к западу от Иртыша сохраняется т. н. евразийская линия развития металлообработки – модификации андроновских и «валиковых» форм [2, с. 55 – 72; 5, с. 206 – 208; 7, с. 251 – 254; 1, с. 44 – 59].

В 9 – начале 7 вв. до н. э. при переходе к раннему железному веку (РЖВ) металлообработка западносибирских культур развивалась в тесной взаимосвязи с культурно-историческими процессами той эпохи. Первый вектор развития был связан с внутренней эволюцией и трансформацией позднебронзовых культур в русле ранее сложившихся традиций. Это привело к формированию баитовской культуры в Зауралье, позднеирменской – в Обь-Иртышском междуречье, большереченской (на ее мыльниковском этапе) – в Верхнем Приобье. Второй вектор обусловлен миграцией таежных групп населения, характерным индикатором которых является «крестовая» керамика. Основная миграционная волна связана с крупнейшими речными магистралями региона – Обью, Иртышом и Ишимом. Не случайно сформировавшиеся на юге Среднего Приобья молчановская, а в Среднем Прииртышье – красноозерская культуры тяготеют к этим речным системам. Третий вектор связан со встречной волной мигрантов из степных районов Казахстана (берликская культура, по В. И. Молодину [10]), адаптировавшихся в Прииртышье и в глубинных районах Барабинской лесостепи в среде позднеирменских групп населения. Аналитически исследованные и представительные серии металла этой эпохи пока что единичны. Все они (Чича-I, Инберень VI, Усть-Барсукское и др.) свидетельствуют о доминировании оловянных и оловянно-мышьяковых бронз в позднеирменских, красноозерских и предкулайских памятниках. Импорт сырья и изделий (кинжалы, двухлопастные наконечники стрел и поясная гарнитура сакских типов), судя по всему, осуществлялся по Иртышу из Рудного Алтая и, возможно, Центрального Казахстана. Разнонаправленность векторов развития западносибирских культур переходной эпохи заметно сказалась на металлокомплексе. В позднеирменском сохранился традиционный набор орудий (прежде всего, однолезвийных ножей) и украшений, характерных для предшествующей ирменской культуры. В красноозерских комплексах показательно присутствие литейных форм для отливки кельтов раннеананьинских типов – на Иртыше наиболее восточный край их ареала. В большереченских памятниках продолжается изготовление двуушковых кельтов. На Верхней Оби, как и на Енисее, эта позднебронзовая традиция оказалась весьма живучей. Во всех культурах Западной Сибири начала РЖВ, включая таежные, заметную долю составляют импорты, характерные для культур ранних кочевников Казахстана и Саяно-Алтая [5, с. 207 – 209].

В последующие периоды РЖВ источники поступления меди и сплавов на Западно-Сибирскую равнину кардинально не изменились. Оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы из Рудного Алтая и Казахстана доминируют в таежных (гамаюнская, белоярская, калинкинская, кулайская) и лесостепных (богочановская, большереченская на ближнеелбанском этапе) культурах. На востоке региона, в памятниках томского варианта кулайской общности, в отличие от сургутского и новосибирского вариантов, основу коллекций составляют изделия из саянской мышьяковой и «чистой» меди. На западе региона, как и в начале позднего бронзового века (абашевско-синташтинские центры), вновь заметен металл уральского происхождения. Орудия, оружие и сырье гороховской и саргатской культур, а также степных савроматской и прохоровской (от Урала до Ишима) – это в основном «чистая» медь, выплавленная металлургами иткульской культуры. В то же время бульшая часть саргатских украшений отлита из сплавов с лигатурой олова и цинка. Заметную часть среди них составляют импорты из южноказахстанских и среднеазиатских мастерских (прежде всего, зеркала), а также из Китая, Индии и Ближнего Востока [3; 5, с. 209 – 211; 8; 9].

Литература

1. Агапов С. А., Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3(18). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 44 – 59.

2. Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 99 с.

3. Кузьминых С. В. Цветной металл Холмогорской коллекции: (Приложение 3) // А. П. Зыков, Н. Ф. Федорова. Холмогорский клад: Коллекция древностей III – IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001. С. 146 – 150.

4. Кузьминых С. В. Гребенчатого геометризма культуры // Большая Российская энциклопедия. Т. 7 (Гермафродит – Григорьев). М.: БРЭ, 2007. С. 652.

5. Кузьминых С. В. О металле городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / отв. ред. В. И. Молодин, Г. Парцингер. Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2009. Т. 3. С. 202 – 212.

6. Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д. Эпоха раннего металла вне пределов Циркумпонтийской металлургической провинции // Археология: учебник / под ред. акад. В. Л. Янина. 2-е изд., исправл. и дополн. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 205 – 219.

7. Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д. Поздний бронзовый век // Археология: учебник / под ред. акад. В. Л. Янина. 2-е изд., исправл. и дополн. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 219 – 270.

8. Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: (Теория, методология, практика): матер. XI Западносиб. арх.-этногр. конференции. Томск: Изд-во Томск. ун–та, 1998. С. 113 – 116.

9. Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. Цветной металл памятников Барсовой Горы I тысячелетия до н. э. (предварительные результаты) // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения: Сборник музея археологии и этнографии им. В. М. Флоринского. Томск: ТГУ, 2005. Вып. 1. С. 123 – 134.

10. Молодин В. И. К вопросу о выделении берликской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: ОмГУ, 2008. С. 78 – 80.

11. Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.

Информация об авторе:

Кузьминых Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, kuzminykhsv@yandex.ru.

Sergey V. Kuzminykh – Candidate of History, Senior Research Associate at the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 930.85:351.853

ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ШЕСТАКОВСКОГО КОМПЛЕКСА ОБЪЕКТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

А. М. Кулемзин

PROSPECTS FOR THE CONSERVATION AND USE OF SHESTAKOVO COMPLEX OF OBJECTS OF HISTORICAL, CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

A. M. Kulemzin

Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России 33.1175.2014К.

Обосновывается идея национального парка на базе комплекса объектов исторического, культурного и природного наследия в Кемеровской области, у с. Шестаково, представляется его научная концепция и этапы создания и развития. Музеефикация Шестаковского комплекса должна осуществляться высококвалифицированными специалистами.

The paper substantiates the idea of a National Park on the basis of the unique set of objects of historical, cultural and natural heritage in Kemerovo region, near the village of Shestakovo; the scientific concept and the stages of its creation and development are introduced. Shestakovo complex should turned into a museum by highly-qualified specialists.

Ключевые слова: национальный парк, зона охраны памятников, зона охраняемого ландшафта, памятники археологии, палеонтологические местонахождения, охраняемый ландшафт, Шестаково, Кия.

Keywords: national park, zone of protection of sites, zone of protected landscape, archaeology sites, paleontologic locations, protected landscape, Shestakovo, Kiya.

На территории Кемеровской области в среднем течении р. Кии, у с. Шестаково имеется уникальный для Сибири и, возможно, для России, комплекс объектов исторического, культурного и природного наследия. Здесь на небольшой территории в Среднекийской микрокотловине компактно расположены ценные для науки, культуры и туризма уникальные природные объекты, памятники истории и культуры. На территории микрокотловины длиной около 45 км и максимальной ширины около 25 км сосредоточено:

– 3 палеонтологических местонахождения окаменевших скелетов животных раннемелового периода;

– 48 археологических памятников от верхнего палеолита до развитого средневековья;

– 14 исторических памятников периода гражданской войны;

– реликтовое Шестаковское болото – место обитания 18 видов животных и 26 видов растений, занесенных в «Красную книгу»;

– озера Большой Базыр и Малый Базыр – место отдыха на мощном пролетном пути северной водоплавающей птицы;

– в р. Кии водятся более двух десятков видов рыб, в том числе 8 из них являются редкими и занесенными в «Красную книгу Кемеровской области»;

– два вулкана девонского периода [1 – 3; 5 – 7; 13; 16 – 17].

Такие объекты, как палеонтологические местонахождения, палеолитическая стоянка Шестаково IX, Шестаковское болото, могут быть отнесены к объектам наследия федерального значения. Наиболее ценные из них компактно расположены у с. Шестаково и у с. Чумай. Ценность объектов наследия Шестаковского комплекса, потребности их научного изучения и дальнейшего использования в социальном и культурном развитии региона, а также бурно развивающийся туризм в нашей стране выдвинул в качестве актуаль-

ной потребности безотлагательную задачу их реального сохранения и музеефикации.

Начиная с 80-х гг. прошлого века нами неоднократно выражалась обеспокоенность состоянием археологических памятников и необходимости создания на базе Шестаковского комплекса объектов наследия музея-заповедника [8 – 13]. В докладах профессора КемГУ А. И. Мартынова, профессора КемГУ Н. В. Скалона, депутата Кемеровской областной Думы Г. М. Соловьевой, директора Государственного Дарвиновского музея, доктора педагогических наук А. И. Клюкиной, главы Чебулинского муниципального района А. И. Часовских и других, выступавших на форуме, посвященном использованию историко-культурному наследию в развитии туризма (Кемерово – Верх-Чебула, 26 – 28 февраля 2015 г), прозвучала идея создание здесь национального парка федерального значения [4].

На форуме автором настоящей статьи была презентована книга «Восьмое чудо Кузбасса – Шестаковский музей-заповедник: концепция создания и развития». В ней была изложена история открытия и изучения объектов наследия Шестаковского комплекса, обосновано создание музея-заповедника, обозначена предметная база будущего музея, потенциал возрождения традиционной культуры региона (нематериальное культурное наследие), структура и этапы создания музея-заповедника. Основное назначение книги состоит в ознакомлении с концепцией лиц, заинтересованных в сохранении, музеефикации и использовании объектов наследия Шестаковского комплекса [8].

Шестаковский национальный парк должен стать одним из лучших достижений отечественной музееведческой науки и практики. Его создание – дело высококвалифицированных специалистов.

Ниже излагаются основные положения научной концепции создания и развития национального парка на базе Шестаковского комплекса объектов исторического, культурного и природного наследия.

Цели создания национального парка: **с**охранение комплекса ценных объектов исторического, культурного и природного наследия; возрождение традиционной культуры и духовных ценностей; развитие туризма в Кузбассе; создание привлекательного образа Кузбасса.

Социальное значение: повышение культурного уровня местного населения; создание новых рабочих мест; пополнение местного бюджета; развитие науки об историко-культурном и природном наследии; укрепление патриотических чувств и любви к Малой Родине; популяризация историко-культурного и природного наследия Кузбасса.

Создание предпроектной документации

Создание музея, как и любого другого сложного учреждения, дело высококвалифицированных специалистов: ученых различного профиля (музееведов, археологов, этнографов, палеонтологов, биологов, экологов, геологов), работников культуры, проектировщиков, экономистов, представителей администрации областного и муниципального уровня.

Решение о создании национального парка федерального значения принимается Министерством культуры РФ, решение о создании национального парка регионального значения – высшим должностным лицом исполнительного органа субъекта РФ. В данном случае – Губернатором Кемеровской области.

Созданию музея федерального уровня или национального парка должно предшествовать создание предпроектной документации в следующей последовательности:

а) обоснование создания;

б) распоряжение главы администрации Кемеровской области о создании национального парка;

в) утверждение коллектива для создания предпроектной документации;

г) разработка и официальное утверждение концепции;

д) решение областной кадастровой палаты о выведении территории парка из земель сельскохозяйственного назначения и отнесение к землям культурного назначения;

е) зонирование территории парка, т. е. определение зоны охраны памятников, зоны регулирования застройки, зоны охраняемого природного ландшафта;

ж) назначение директора парка;

з) заключение договора с исполнителем на разработку проекта музея.

До утверждения научной концепции и проекта на территории парка недопустимы какие-либо работы, связанные со сносом, перемещением, реставрацией или реконструкцией имеющихся объектов наследия, нарушающие сложившийся историко-культурный ландшафт.

Концепция Шестаковского национального парка

Согласно Закону РФ «Об особо охраняемых природных территориях» *«Национальные парки являются особо охраняемыми природными территориями, территории (акватории) которых включают в себя природные комплексы и объекты, имеющие особую экологическую, историческую и эстетическую ценность, и которые предназначены для использования в природоохранных, просветительских, научных и культурных целях и для регулируемого туризма»* [15, ст. 12].

Национальные парки создаются для решения следующих задач:

а) сохранение природных комплексов, уникальных и эталонных природных участков и объектов;

б) сохранение историко-культурных объектов;

в) экологическое просвещение населения;

г) создание условий для регулируемого туризма и отдыха;

д) разработка и внедрение научных методов охраны природы и экологического просвещения;

е) восстановление нарушенных природных и историко-культурных комплексов и объектов.

Структура Шестаковского природного парка

На территории парка выделяются следующие функциональные зоны: зона охраняемого природного

ландшафта; зона регулирования застройки; зона охраны памятников.

Зона охраняемого природного ландшафта. *Это территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий или ограничивающий хозяйственную деятельность, строительство и реконструкцию существующих зданий и сооружений в целях сохранения (регенерации) природного ландшафта, включая долины рек, водоемы, леса и открытые пространства, связанные композиционно с объектами культурного наследия* [15, ст. 11].

Территория зоны охраняемого ландшафта предполагается в восточной части Среднекийской микрокотловины по обеим сторонам р. Кии от выхода из створа скал Кузнецкого Алатау в районе впадения р. Кожух в Кию до с. Дмитриевки, длиной около 45 км, максимальной шириной около 16 км. В северной части её граница начинается от с. Дмитриевка до моста через Кию, до дороги Дмитриевка – Усть-Серта. Восточная граница проходит в юго-восточном направлении по верхней (первой) правобережной террасе р. Серты до южного края д. Курск-Смоленка. Далее – в южном направлении до оз. Сахменского, обходя его с восточной стороны. От него – по краю древней тарраса до с. Новоивановка, охватывая Шестаковское болото, до сопки Кондовый Бухтай, обходя его с восточной стороны до места на р. Кии, имеющее местное название «Черный Плес». Западная граница – от Устья Кожуха в северном направлении по верхней древней левобережной террасе Кии до с. Чумай, с. Карачарово, с. Михайловка, с. Алчедат, замыкаясь у с. Дмитриевки.

В зоне охраняемого ландшафта сосредоточено большое количество объектов культурного и природного наследия, которые могут составить предметную базу музея:

– памятники археологии,

– палеонтологические местонахождения,

– памятники истории,

– ключевые ботанические территории уникальные геологические образования.

Зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности. *Это территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, ограничивающий строительство и хозяйственную деятельность, определяются требования к реконструкции существующих зданий и сооружений* [15]. В зоне регулирования застройки должна сохраняться исторически сложившаяся планировка и сложившийся ландшафт.

В территорию зоны регулирования застройки предполагается включение территории населенного пункта села Шестаково площадью около 2 кв. км. На территории зоны регулируемой застройки подлежит согласованию с государственным органом охраны культурного наследия любое строительство, связанное с нарушением поверхности земли, изменением ландшафта, планировки жилой и производственной застройки, имеющих возраст более 40 лет.

Зона охраны памятников. *Это территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его историческом ландшафтном окружении устанавливается особый режим использования земель, ограничивающий хозяйственную деятельность и запрещающий строительство, за исключением специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия* [14].

Зона охраны памятников состоит из четырех комплексов: Шестаковского, Чумайско, Уть-Сертинского, Курск-Смоленского.

Шестаковский комплекс. Расположен на правом берегу р. Кии, с восточной стороны от с. Шестаково, площадью около 19 кв. км. Охранная зона памятников утверждена Распоряжением главы администрации Чебулинского района от 25 мая 1996 г. № 184-р.

В охранную зону памятников Шестаковского комплекса включаются следующие объекты исторического и культурного наследия: три палеонтологических местонахождения, три курганные группы раннего железного века, девятнадцать стоянок и поселений от верхнего палеолита до раннего средневековья.

Чумайский комплекс. Расположен около с. Чумай, состоит из трех групп памятников археологии.

Первая группа расположена на северной окраине села, включает две курганные группы раннего железного века, пять стоянок и поселений от неолита до раннего железного века.

Вторая группа расположена на правой стороне р. Кии, на краю террасы, начиная от дороги в с. Кураково до Берлюцкого ручья. Она включает пять поселений и стоянок от эпохи бронзы до раннего железного века.

Третья группа сосредоточена на левом берегу р. Кии при впадении Смирновского ручья, состоит из трех стоянок неолита, бронзового века и раннего железного века.

В Чумайский комплекс входят также потухшие вулканы девонского периода: Кондовый Бухтай, Барабинский бухтай и МТСовский.

Усть-Сертинский комплекс. Расположен в 4 км с южной стороны от села на краю верхней правобережной террасы р. Кии. Здесь находятся группа земляных курганов и три поселения тагарской культуры.

Курск-Смоленский комплекс. Расположен в окрестностях с. Курск-Смоленка с западной стороны и включают два одиночных кургана и два поселения тагарской культуры.

Река Серта и её побережье в окрестностях с. Курск-Смоленка богаты скоплениями окаменелостей палеолитической фауны: мамонта, шерстистого носорога, кулана, гигантского лося и других животных эпохи голоцена. Это обстоятельство предполагает вероятное наличие пребывания человека в данной местности в верхнепалеолитическое время.

На территории Шестаковского национального парка предполагается четыре формы сохранения, музеефикации и использования объектов исторического культурного и природного наследия: природный заказник, музей-заповедник открытого типа, музей павильонного типа, туристический комплекс.

Природный заказник. Включает следующие ключевые объекты природы: Шестаковское болото площа-

дью около 30 кв. км; озера Большой Базыр и Малый Базыр площадью около 8 кв. км. Два вулканических образования у с. Чумай Кондовый Бухтай и Барабинский Бухтай площадью около 2 кв. км и 1 кв. км.

Музей-заповедник. Включает два комплекса объектов наследия у с. Шестаково и у с. Чумай. На территории Шестаковского комплекса расположатся зона открытого показа и музейный павильон.

Зона открытого показа:

– сохранившаяся курганная группа (Усть-Серта I);

– реконструкция погребальной камеры в кургане (Шестаково II);

– реконструкция земляного вала и жилища городища (Шестаково I);

– разрез геологической колонки Шестаковского яра;

– слой залегания фоссилий Мелового периода (Шестаково II);

– транслоцированная усадьба переселенца;

– транслоцированная усадьба зажиточного сибиряка;

– усадьба колхозника (реконструкция);

– усадьба чулымских татар (реконструкция);

– селькупское жилище (реконструкция);

–промысловый участок старателя-золотодобытчика (реконструкция).

Музейный выставочный павильон:

– экспозиция «История села Шестаково»;

– экспозиция «Животные Мелового периода»;

– экспозиция «Шестаковский археологический комплекс»;

– экспозиция «Шестаковское болото»;

– экспозиция «Животный и растительный мир Среднекийской микрокотловины»;

– экспозиция «Река Кия»;

– экспозиция «Геология и минералогия Кузнецкого Алатау».

Офис: хозяйственный комплекс; база учебных практик для студентов специальностей: археология, биология, музееведение; пункт первичного приема туристов (въездная зона); туркомплекс в с. Шестаково; Туркомплекс в с. Чумай.

Этапы создания парка

Первый этап. Обоснование создания музея-заповедника, разработка и принятие решения о создании национального парка. Продвижение идеи создания музея-заповедника в СМИ. Просвещение местного населения в необходимости и полезности музея для развития региона.

Второй этап. Разработка и утверждение научной концепции. Решение земельного вопроса. Определение границ музея-заповедника, историко-культурное и природно-экологическое зонирование. Назначение директора музея. Определение штата музея. Разработка сметы материально-финансовых расходов на создание и развитие музея. Поиск инвесторов и заключение договоров с ними.

Третий этап. Проведение научной историко-культурной и природно-экологической экспертизы территории музея-заповедника. Подготовка и принятие нормативно-правовой базы создания и деятельности парка. Принятие «Положения о Шестаковском природном парке».

Четвертый этап. Определение проектной организации. Оформление заказа (задания) на выполнение проекта парка. Разработка научно-проектной документации. Разработка методов консервации и реставрации недвижимых музейных объектов.

Пятый этап. Строительство или приспособление здания музейного павильона и офиса, создание открытых экспозиций в с. Шестаково. Создание экспозиций в павильоне. Строительство или приспособление помещений хозяйственного комплекса Проведение природоохранных мероприятий. Строительство пункта первичного приема туристов. Осуществление архитектурного и археологического надзора. Открытие музея.

Шестой этап. Строительство или приспособление здания офиса и туркомплекса в с. Чумай. Проведение консервационных и реставрационных работ с архитектурными объектами и памятниками истории в с. Чумай.

Таким образом, на основе предметного комплекса объектов исторического, культурного и природного наследия сделано научное обоснование создания в Кузбассе национального парка федерального уровня, разработана его научная концепция и составлен алгоритм пошаговых мер по реализации проекта.

Заинтересованность администрации Кемеровской области и администрации Чебулинского района придает уверенности в том, что Шеастаковский комплекс будет музеефицирован.

Литература

1. Алифанов В. Р., Ефимов М. Б., Новиков И. В., Моралес М. Новый пситтакозавровый комплекс тетрапод из нижнемелового местонахождения Шестаково (Южная Сибирь) // Доклады Академии наук. 1999. Т. 369. № 4.

2. Горелов Ю. П., Барабанов Ю. В., Кимеев В. М. Памятники революции и гражданской войны в Кузбассе // мат. к Своду памятников истории и культуры СССР. Вып. 2. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1991.

3. Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Мащенко Е. Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск: Изд. Института археологии и этнографии СО РАН, 2003.

4. Историко-культурное и природное наследие как основа развития внутреннего туризма в регионе. Кемерово – Верх-Чебула (26 – 28 февраля 2015 г): программа научно-творческого форума с международным участием. Кемерово, 2015.

5. Калягин Ю. С., Ефремова Г. В., Зубко К. С. Некоторые проблемы охраны природного и историко-культурного наследия северной лесостепи Кузнецкой котловины // Степи Северной Евразии: мат. VI Международного симпозиума. Оренбург, 2012.

6. Ключевые ботанические территории Кемеровской области / ред. Ю. А. Манаков. Кемерово: Ирис, 2009.

7. Красная книга Кемеровской области: редкие и находящие под угрозой исчезновения виды животных / под. ред. Т. Н. Гагиной, Н. В. Скалона. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 2000.

8. Кулемзин А. М. Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский музей-заповедник: концепция создания и развития: методическое пособие. Кемерово, КемГУКИ, 2015.

9. Кулемзин А. М. Комплекс археологических памятников у с. Чумай // Археология, этнография и музейное дело: сб. науч. тр. кафедры археологии КемГУ. Кемерово, 1999.

10. Кулемзин А. М. Проект музеефикации Шестаковского комплекса объектов историко-культурного и природного наследия // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. ст. Кемерово: КемГУКИ, 2006.

11. Кулемзин А. М. Шестаковский археологический комплекс // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980.

12. Кулемзин А. М. Шестаковский историко-природный комплекс: концепция создания музея-заповедника // Музей-заповедник «Томская писаница». Вып. 1: Природа. Кемерово, 1998.

13. Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области: мат. к Своду памятников истории и культуры СССР. Вып. I. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989.

14. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации. Закон РФ № 73-ФЗ от 25.06.2002 г.

15. Об особо охраняемых природных территориях. Закон РФ № 33-ФЗ от 14 марта 1995 г.

16. Польских А. М. Справочник сибирского рыболова. Новосибирск, 2012.

17. Скалон Н. В. Рыбы Кемеровской области. Кемерово: Скиф, 2009.

Информация об авторе:

Кулемзин Анатолий Михайлович – доктор культурологи, профессор, почетный профессор Кузбасса, ведущий научный сотрудник КемГУ.

Anatoliy M. Kulemzin – Doctor of Cultural Science, Full Professor, Honourable Professor of Kuzbass, Leading Research Associate at Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902.01, 903.24-25

КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА (зона водохранилища Богучанской ГЭС)

В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов

CULT-OBJECTS FROM THE BURIAL COMPLEX OF THE UST-KOVA SITE (the area of the Boguchanskaya hydro-electric power station water storage reservoir)

V. P. Leontiev, N. I. Drozdov

Археологические памятники Северного Приангарья (ныне площадь водохранилища Богучанской ГЭС) эпохи палеометалла нередко содержат предметы, которые в древности, судя по всему, у местных обитателей имели культовое значение. К таковым следует отнести ряд погребальных изделий из железа и бронзы, которые были обнаружены в захоронениях на стоянке-могильнике Усть-Кова в этом регионе.

Archeological sites of the Northern Angara (the area of the present Boguchanskaya Power Station water storage reservoir) of the Paleometal Epoch rather often contain the objects that appear to have had a cult meaning for the local inhabitants in ancient times. Among such objects, we can note a number of objects made of iron and bronze. The objects were found in the graves at the burial-site of Ust-Kova in this region.

Ключевые слова: археология, Северное Приангарье, палеометалл, ритуальные сооружения, могильник, обряд, реконструкция.

Keywords: archaeology, North Angara area, palaeometal, ritual constructions, cemetery, rite, reconstruction.

Стоянка Усть-Кова была открыта в 1937 г. академиком А. П. Окладниковым.

На протяжении 40 лет, до затопления памятника водами Богучанского водохранилища, здесь проводились комплексные археологические исследования экспедициями Красноярского государственного педагогического института (университета), Иркутского государственного университета, Института археологии и этнографии СО РАН. Результаты археологических работ дают право предполагать, что в эпоху палеометалла стоянка была священным местом для обитавших здесь таежных племен.

Обдуваемая площадка, террасы, обилие рыбы в реках и диких животных в окрестной тайге издревле делали это место во всех отношениях удобным и привлекательным для аборигенов тайги. На протяжении тысячелетий, начиная с эпохи палеолита, вплоть до настоящего времени, человек с завидным упорством обживал эту местность.

Часто конкретные географические объекты (гора, река, перевал и т. д.) в представлениях аборигенов Сибири были местом обитания духов и предметом поклонения им. Это находит подтверждение в многочисленных работах ряда исследователей [6]. Вероятно, таким местом обитания духов была гора Седло, к подножию которой примыкает площадь стоянки. Здесь, на ангарской террасе, был найден могильник и культовые сооружения для совершения поминальных обрядов.

Культовые сооружения представляют собой каменные «ящики» прямоугольной формы длиной 1,5 – 1,8 и шириной 1 – 1,5 метров, выполненные из крупных речных валунов, поставленных на ребро. Стенки этих сооружений с внутренней стороны носят следы обжига и копоти. Внутри сооружений находятся мелкие камни, под которыми располагаются зольные пятна с остатками кремированных костей и сажистыми линзами, вокруг прослеживается прокал ярко-оранжевого цвета с вкраплениями мелких угольков [8]. Вероятно, эти сооружения имеют отношение к погребальному комплексу стоянки. В них во время поминальных тризн и жертвоприношений разводили огонь, осуществляли различного рода магические обряды и действия.

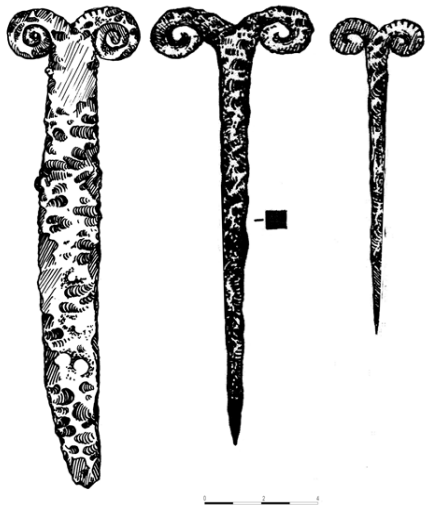

Рис. 1. ***Стоянка Усть-Кова. Погребальный материал из захоронений с навершиями в виде бараньих рогов (1 – нож, 2 – проколки)***

Кроме ритуальных сооружений из камней, на памятнике обнаружено и раскопано двенадцать погребений, четыре ритуальных захоронения предметов из металла и два захоронения изделий из кости. Во всех случаях обращает на себя внимание то, что металлические предметы ритуальных захоронений находились в вертикальном положении. Вероятно, изначально вещи помещались в каких-то емкостях, о чем свидетельствуют частички органического происхождения, обнаруженные на металле. Спекшиеся песчинки на поверхности изделий дают основание предполагать, что вещи перед погребением подвергались ритуальному сожжению. В одном случае изделия из кости были помещены в керамический сосуд круглодонной формы. Верхний край венчика слегка отогнут наружу и утолщен небольшим налепом, орнаментированным тремя горизонтальными рядами наклонных оттисков прямого плоского штампа. Тулово украшают три ряда наклонных линий, образованных тонкими примазанными к поверхности сосуда шнурами. Орнамент тулова сосуда очень близко напоминает орнамент на накладке лука из трех ломаных линий. С внешней стороны стенки сосуда имеют черный цвет от пребывания в огне, следы которого отмечены также на изделиях из кости. Верхний край венчика в двух местах украшают попарно расположенные треугольные налепы, орнаментированные вертикальными оттисками плоского штампа. На дне сосуда, с внешней стороны, остались следы налепа, который может свидетельствовать о том, что у сосуда был поддон. Один из таких поддонов, орнаментированный четырьмя горизонтальными рядами вертикальных оттисков прямого штампа, был найден во время раскопок. Высота поддона – 3,5 – 4 см, диаметр основания – 10,5 см, диаметр посадочного места тулова сосуда на поддон – 7,5 см. Очень вероятно, что этот керамический сосуд является имитацией бронзовых скифских котлов на поддоне.

Набор предметов комплекса достаточно разнообразен. Здесь обнаружены различные по форме и размерам железные ножи и тесла, наконечники стел, подвески, украшения из железа и бронзы, сложносоставные железные изделия.

Ряд предметов погребального инвентаря особенно интересен для понимания отдельных элементов духовной культуры аборигенов тайги.

Многие предметы этого погребального комплекса имеют в своем оформлении черты, близко напоминающие изображения барана. К ним относятся проколки и нож с навершиями в виде бараньих рогов (рис. 1), украшенными неглубокими насечками.

Однако самыми интересными, бесспорно, являются составные изделия из железа (рис. 2). Основные элементы этих предметов представлены деталями в виде двух колец различных диаметров с перекрученным соединением между ними. Скрепленные между собой детали образуют изделие, композиционно дополняемое псалиевидной подвеской, к которой при помощи кольцеобразного навершия на рукояти прикреплен нож. Этот предмет, вероятно, имеет многофункциональное культовое значение (баран, шаман) (рис. 3). Ножи с петлеобразным навершием являются непременной деталью в конструкции всех трех изделий, найденных на стоянке. Использовать ножи в хозяйственно-бытовых целях, не сняв с подвески, невозможно. Снять же нож, не разрушив псалиевидную подвеску или кольцо, было нельзя. Возможность ношения подобных изделий в виде украшений исключало наличие все того же ножа. Вероятнее всего, они использовались для проведения ритуальных обрядов. Присутствие в конструкции изделия ножа можно объяснить существовавшим у некоторых народов Сибири обряда "оживления" изготовленных шаманских атрибутов. Якуты закаливали выкованные шаманские атрибуты в крови животного, принесенного по этому поводу в жертву, буряты "оживляли" изображение духа, помещая его в рану барана; считалось, что жизнь издыхающего барана (его дух) переходит в ритуальный предмет. Подобно приведенным примерам, предметы Усть-Ковинского могильника, вероятнее

всего, использовались для подобного рода обрядов "оживления". Нож использовался для умерщвления животного, а остальная конструкция, выполненная по принципу цепочки, создавала иллюзию шевеления и "оживления" предмета, пока животное агонизировало в предсмертных судорогах. Вероятнее всего, эти предметы являлись своего рода оберегами.

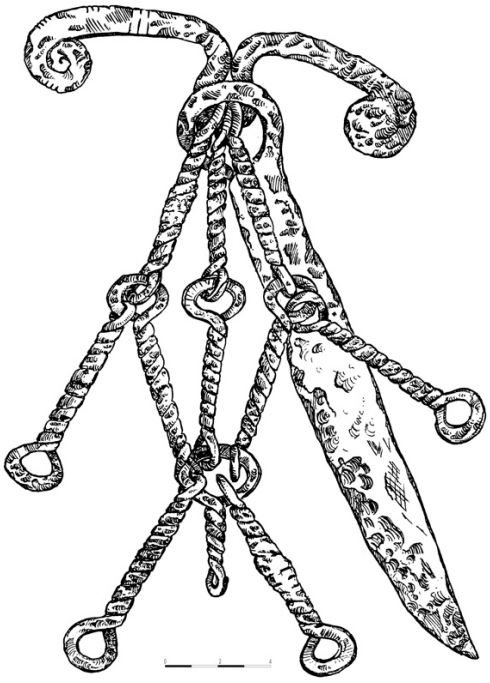

Рис. 2. ***Стоянка Усть-Кова. Сложносоставное изделие из железа***

Присутствие "бараньей символики" в культовых предметах памятника таежной зоны нехарактерно для этого региона и вызывает ряд вопросов. Баран как символ появляется на петроглифах Северной Азии еще в неолите – бронзовом веке – и относился, должно быть, к солнечной символике. Наибольший "расцвет" барана как символа приходится на скифскую эпоху. По всей Азии баран считался охранителем границ, стимулятором плодородия, здоровья, безопасности. В скифскую эпоху баран (козел) являлся одним из наиболее важных символов в системе мировоззрения степного и лесостепного населения Сибири.

В эпоху средневековья, несмотря на сменившуюся этнокультурную обстановку, баран как символ продолжает существовать в верованиях. Совершенно очевидно, что контакты между степным и таежным населением Сибири существовали всегда, правда, степень их взаимодействий в разное время была различной.

Благодаря подвижности своей конструкции, изделие может принимать вид антропоморфного изображения – "шаман в рогатой шапке". Удерживая предмет в вертикальном положении, увидим, что антропоморфная фигура имеет четкие пропорции, туловище в виде ромба в вертикальном направлении разделено "линией жизни" шамана, на голове рогатая шапка с закрепленной на ней "шаманской саблей", при помощи которой он ведет борьбу со злыми духами. Антропоморфная фигура имеет подчеркнутые признаки мужского пола.

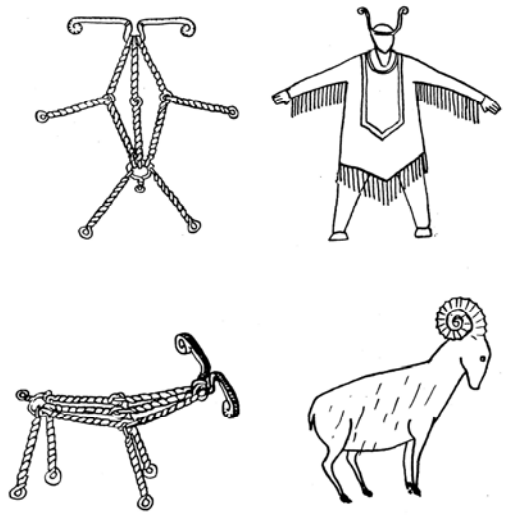

Рис. 3. ***Стоянка Усть-Кова. Примеры трансформации сложносоставного изделия***

По стилю этой фигуре очень близко антропоморфное изображение на костяной обкладке лука. Туловище выполнено тремя ромбами, расположенными в вертикальной плоскости, сверху вниз их пересекает "линия жизни" шамана (рис. 4).

Рис. 4. ***Стоянка Усть-Кова. 1-накладка лука с антропоморфным изображением (кость)***

По этнографическим свидетельствам, сибирские аборигены делили вселенную на три основные сферы: Верхний Мир, отождествляемый с небом, небесными светилами, местом – обиталищем "бессмертной" души и добрыми божествами; Средний Мир – наша земля с водами, сушей, лесами и горами, людьми и животными; Нижний Мир, где обитали злые божества и вообще темные силы; здесь также находилась страна мертвых, куда после смерти человека уходила его душа – тень [1; 13]. Именно в этом отношении большой интерес для нас представляет костяная накладка лука, имеющая гравировку, сюжет которой можно представить как вертикальную модель мира. Верхняя часть накладки обломана, и поэтому можно только предполагать, что на ней был изображен Верхний Мир. Хорошо сохранилась фигура человека (возможно шамана), лицо с приостренным подбородком, с четко изображенными в виде ромбов глазами и ртом, в середине которых имеются горизонтальные черточки, имитирующие разрезы рта и глаз. Овал лица обрамляет украшение (борода?) в виде треугольников. Голова изображена на длинной шее. Фигура человека имеет широкие плечи, трехпалые руки, тело изображено в виде трех вертикально расположенных ромбов, соединенных между собой. Ромбы по вертикали пересекает прямая линия, переходящая в широко расставленные ноги, линию можно представить как "линию жизни" шамана. Вероятно, этот сюжет имеет отношение к Среднему Миру. Под фигурой человека накладку украшают три вертикальных ломаных линии, подобным образом часто у многих народов Сибири изображали змей или ящериц [12]. Те и другие имели отношение к тотемам. Селькупы считали змею покровительницей и охранительницей души-тени во время путешествия последней в Мир Мертвых [11]. У кетов змея олицетворяла мудрость, тайны земли и Нижнего Мира. Похожую роль выполняла ящерица. Она была ближайшим духом-помощником эвенкийского шамана в его путешествии по Нижнему Миру; ей, в отличие от шамана, были доступны абсолютно все закоулки этого мрачного царства [5]. Видимо, изображения змей и ящериц на шаманских костюмах кетов, селькупов и других племен имели цель облегчить и обезопасить путешествие шамана по преисподней. Можно предполагать, что змея и ящерица издревле олицетворяли таинства страны мертвых, символизировали Нижний Мир Вселенной.

Культовое содержание антропоморфных фигур вполне очевидно. На них изображены именно шаманы, которые в прошлом у лесных племен занимали важное место в общественной жизни.

Судя по археологическим данным, шаманский комплекс, возникший еще в процессе перехода от камня к металлу (глазковское время), для района Прибайкалья и долины Ангары, когда обнаруживаются первые шаманские захоронения со специфическим инвентарем, полностью складывается во второй половине второго – начале первого тысячелетия до нашей эры [9; 3].

Уникальным по своему содержанию является шаманское погребение, найденное в 1990 г. на мысовой части при впадении р. Ковы в Ангару. На глубине 0,57 м от дневной поверхности, в буровато-коричневой супеси, зафиксирована каменная кладка из крупных речных камней, под которой прослеживался контур могильной ямы размером -1,9 м по линии север-юг, и -0,9 м по линии запад-восток. Мощность заполнения, составила 0,35 – 0,40 м. Костяк погребенного в вытянутом положении на спине ориентирован в западном направлении параллельно течению реки, руки вытянуты вдоль туловища, череп лежащий глазницами вверх слегка раздавлен, справа от черепа зафиксирована нижняя челюсть.

На груди погребенного обнаружены остатки мешочка из толстой кожи (лось?), в котором находились две бронзовые антропоморфные фигуры, наложенные одна на другую и обращенные лицом вверх [7].

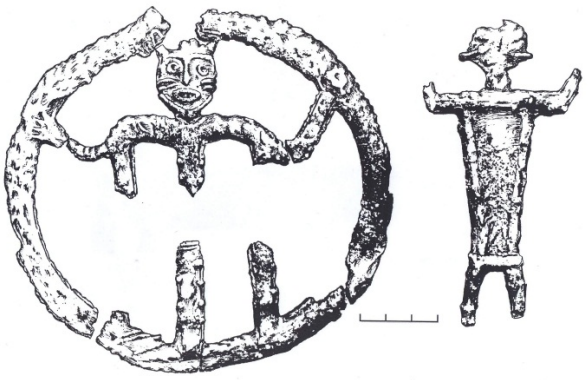

Рис. 5. ***Стоянка Усть-Кова. Антропоморфные изображения из бронзы***

Верхняя фигурка представляла собой изображение человека в фас (рис. 5, 2). Высота изделия – 0,13 м. Круглая голова соединяется с туловищем длинной шеей. Черты лица хорошо детализированы. Глаза в форме симметрично расположенных овальных выпуклостей, такие же выпуклый прямой рот и нос. На щеках расположены рельефно выступающие линии, возможно, имитирующие татуировку. Туловище в форме перевернутой равнобедренной трапеции с широко расставленными ногами. Руки подняты вверх, предплечья расположены параллельно земле. Туловище по периметру обрамлено округлым валиком, украшенным выпуклыми горизонтальными линиями. Этот же прием использован в оформлении рук и ног.

Второе антропоморфное изображение расположено в бронзовом кольце диаметром 0,18 м, ширина полосы, образующей это кольцо, – 0,15 м (рис. 5, 1). Туловище, вероятно, было выполнено тремя вертикальными параллельными полосами, фрагментарно сохранившимися до настоящего времени. Плечи широкие, руки подняты вверх, кисти покоятся с внешней стороны на поверхности кольца. На правой руке четко выражено пять коротких пальцев, три пальца левой руки уничтожены процессом окисления металла. Черты лица достаточно хорошо детализированы. Голова увенчана трехрогой короной, рельефно выступают надбровные дуги, такой же рельефно выступающий приостренный нос. Глаза имеют форму симметрично расположенных выпуклых кругов с углублениями в центре. Щеки, как и у первой фигурки, украшены двумя выпуклыми параллельными линиями, отчетли-

во моделированы крутые скулы. Широко раскрытый овальной формы рот, видны острые зубы по два сверху и снизу. Подбородок покоится на широком выступающем «воротничке».

Оба изделия изготовлены способом плоского литья, тыльная сторона не обработана.

В районе грудной клетки, кроме бронзовых антропоморфных фигур, найдено 22 подвески из зубов марала с биконическими отверстиями для подвешивания. У левого локтевого сустава находились изделия из кости и камня, среди которых: костяной двусторонний гарпун, трубчатый игольник с двумя костяными иглами, прямоугольная в сечении костяная игла с ушком и костяное острие, использовавшиеся вероятно для вязания сетей, здесь же найден каменный наконечник копья. В скоплении предметов обнаружен кусочек охры, мелкие кусочки охры и три подвески из зубов марала найдены у коленных суставов. С внешней стороны у правого бедра обнаружено 20 каменных наконечников стрел, располагавшихся компактной группой, можно предположить, что когда-то они находились в колчане. Здесь же обнаружена тонкая костяная обкладка лука, длиной 0,6 м и шириной 0,03 м.

На территории Западной и Восточной Сибири известно несколько антропоморфных изображений, заключенных в кольцо, обнаруженных преимущественно на памятниках таежной зоны [5]. Пожалуй, последней на сегодня подобной находкой стала ажурная бляха из могильника бронзового века Курма XI на о. Байкал [2].

Подобные изображения появляются на территории Сибири в эпоху бронзы и, трансформируясь, доживают до этнографической современности. Аналогичные находки с поселения Завьялово и из района с. Напас на р. Тым (Западная Сибирь) трактуются М. Ф. Косаревым как предметы, имеющие отношение к солярному и астральному культам.

По всей вероятности в древности и в эпоху средневековья необычайно популярной среди таежного населения Сибири была концепция микрокосмоса, суть которой заключается «в признании души человека некой замкнутой и целостной системой, устроенной разумно и целесообразно и, самое главное, являющейся зеркальным отражением вселенной – макрокосмоса» [4, с. 95].

С шаманскими ритуальными культами связаны писаницы у д. Манзя. Отдельные детали нижнеангарских писаниц безусловно заимствованы у населения степей. Наличие "скифских" котлов на Манзинской писанице является наглядным свидетельством влияния степной скотоводческой культуры. Оттуда же, с юга, проникли на Ангару образы всадника на коне. Следы культурных и, может быть, этнических контактов со степными племенами нашли отражение в наскальном искусстве Приангарья в эпоху бронзы и раннего железного века. "Образы и символы тагарцев и таштыкцев в виде крестов, "скифских" котлов и фигур всадников скрещиваются здесь с "исконными" охотничьими верованиями и обрядами лесных охотников, с первобытным тотемизмом и почитанием лося, с ритуалом охотничьих игрищ" [10, с. 141]. Этот своеобразный культурный синкретизм тайги и степей, сложившийся в I тыс. до н. э. и устойчиво существовавший, вероятно, много веков позже, определил во многом облик той своеобразной религии сибирских племен, которая известна как шаманизм [10].

Во всех раскопанных погребениях и ритуальных захоронениях стоянок Усть-Кова были зафиксированы следы присутствия огня. Причем степень его присутствия в погребениях, относящихся к V – XII вв. н. э., достаточно высока. Этнографические материалы, рассказывающие об отношении аборигенов к огню, разнообразны и противоречивы. Огонь был очистительным и охранительным средством, осквернённые предметы держали над огнем, после похорон, возвращаясь с кладбища, перешагивали через костер, окуривались дымом. Кеты, селькупы и другие народы считали, что сожжение умерших людей и животных означает уничтожение его души и исключает возрождение. Другие же, наоборот, считали сожжение "чистым" и надежным средством доставки богам посвященной им жертвы. Очень возможно, что обряд трупосожжения применялся к членам рода, занимавшим особое положение в обществе.

Присутствие огня в культовых захоронениях вещей объясняется тем, что сожжение было способом их доставки в загробный мир. Многие народы Сибири считали огонь живым существом, которое надо было кормить, оно могло быть добрым и злым, оно рождалось и умирало. Большим грехом считалось плевать в костер, бросать в него мусор. Огонь у многих народов Сибири был символом благополучия семьи. Огонь давал тепло и свет, защищал от диких животных, помогал выжить в суровых условиях таежной Сибири.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы дают возможность реконструировать, опираясь на этнографические данные, обряды и обычаи, связанные с деятельностью аборигенов тайги и их представления об устройстве мира. Уникальные археологические материалы и свидетельства природного характера позволяют думать, что Усть-Кова на протяжении длительного времени было не только местом погребения умерших, но и местом отправления различных обрядов и жертвоприношений.

Литература

1. Анучин В. И. Очерк истории шаманства у енисейских остяков // МАЭ. 1914. Т. II. Вып. 2. С. 17 – 18.
2. Горюнова О. И., Вебер А. В. Комплекс с ажурной бляхой из погребения могильника бронзового века Курма XI (о. Байкал) // Археология этнография и антропология Евразии. 2003. № 4(16). С. 110 – 116.
3. Дроздов Н. И. Кодинское погребение с антропоморфными фигурами из бивня мамонта // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1974. Ч. 1. С. 34 – 37.
4. Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
5. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 242 с.
6. Кызласов Л. Р. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. 1982. № 2. С. 83 – 93.

7. Леонтьев В. П., Дроздов Н. И.Уникальная находка со стоянки Усть-Кова // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. С. 19 – 22.

8. Леонтьев В. П., Степанов С. Г. Археологические работы на многослойном памятнике Усть-Кова в Кежемском районе Красноярского края // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 125 – 128.

9. Окладников А. П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА. 1948. Вып. X. С. 202 – 225.

10. Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М; Л.: Наука,1966. 321 с.

11. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 205.

12. Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII – III в. до н. э. Томск, 1977. С. 31.

13. Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире // МАЭ. 1961. Т. XX. С. 66.

Информация об авторах:

Леонтьев Виктор Павлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири, krasurao@krasurao.ru.

Viktor P. Leontiev – Candidate of History, Research Associate at Krasnoyarsk Laboratory for Archaeology and Palaeogeography of Middle Siberia.

Дроздов Николай Иванович – директор Красноярского филиала УРАО, доктор исторических наук, профессор, заведующий Красноярской лабораторией археологии и палеогеографии Средней Сибири, krasurao@krasurao.ru.

Nikolay I. Drozdov – Director of Krasnoyarsk branch of University of the Russian Academy of Education, Doctor of History, Full Professor, head of Krasnoyarsk Laboratory for Archaeology and Palaeogeography of Middle Siberia.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902/904

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КРЕМАЦИИ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ
(хронологическая и культурно-историческая интерпретация)

А. Г. Марочкин

THE EARLIEST BURIAL CREMATIONS IN TOMSK OB' RIVER REGION
(chronological, cultural and historical interpretation)

A. G. Marochkin

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К.

Статья посвящена вопросам культурно-хронологической интерпретации древнейших погребальных кремаций лесного Томского Приобья – ранних захоронений Томского могильника, Старого Мусульманского кладбища, Самусьского могильника, погребения на Батуринском острове. Рассмотрена историография проблемы в отечественной археологической литературе 1950-х – 2000-х гг. На основании данных планиграфии, сравнительного анализа и результатов радиоуглеродного датирования аргументируется синхронность новокусковских и игрековских захоронений в пределах позднего неолита-энеолита. По материалам погребальных комплексов описаны вероятные сценарии культурного взаимодействия автохтонных верхнеобских популяций (кипринско-ирбинско-новокусковский культурный массив) и пришлого населения лесных районов Западной Сибири (игрековская культурная общность).

The paper deals with some issues of cultural and chronological interpretation of the earliest burial cremations in the forest Tomsk Ob' River region – early burials of Tomsk burial ground, Old Muslim cemetery, Samus' burial ground, Baturinsky Island burial ground; the author considers the historiography of the issue in the Russian archaeological publications of the 1950s – 2000s. The attribution of Novokuskovo and Igrekovo burial mounds to the late Neolithic-Eneolitic period is proved by the data of planigraphy, comparative study and the results of radiocarbon dating. Based on the burial complexes material, the author describes a possible plot of cultural interaction between autochthonous Upper Ob' populations (Kiprino, Irbino, Novokuskovo cultures) and people coming from forest areas of Western Siberia (Igrekovo cultural community).

Ключевые слова: неолит, погребальная практика, ингумация, кремация, кипринско-ирбинско-новокусковский культурный массив, игрековская культурная общность, Томское Приобье.

Keywords: Neolithic, burial practice, inhumation, cremation, Kiprino, Irbino, Novokuskovo cultures, Igrekovo cultural community, Tomsk Ob' region.

В июне 2015 г. празднует свое семидесятилетие выдающийся археолог, доктор исторических наук, профессор Владимир Васильевич Бобров, автор множества научных открытий в области древней и средневековой истории Сибири. Считаю крупной жизненной удачей, что мне довелось учиться у этого замечательного человека и работать вместе с ним.

Одно из направлений плодотворной работы Владимира Васильевича связано с изучением неолита Западной Сибири. Ему принадлежат блестящие открытия нескольких неолитических могильников Кузнецко-Салаирской горной области [1; 50], а также хорошо известного специалистам поселения Танай-4а в Присалаирье [2 – 3]. В последнее десятилетие под его руководством ведутся масштабные раскопки неолитических поселений Автодром-1 и Автодром-2 в Барабинской лесостепи. Сохраняет бесспорную значимость идея контактной зоны западносибирских и восточносибирских неолитических популяций в Верхнем Приобье, сформулированная В. В. Бобровым еще в 1980-е гг. [50]. Важна гипотеза о существовании в Верхнем Приобье самобытной неолитической культуры, объединяющей *большемысские* поселения и *кузнецко-алтайские* могильники [3 – 4]. Новым словом в понимании культурных процессов в неолите Среднеиртышско-Барабинского региона стало выделение *артынской* поздненеолитической культуры [5 – 6] и установление аллохтонной (боборыкинской) линии культурного развития [8].

В предлагаемой статье рассмотрены проблемы хронологической и культурно-исторической интерпретации древнейших погребальных кремаций Томского Приобья. В контексте изучения неолита и раннего металла Верхнеобского региона эта проблематика остается актуальной уже несколько десятилетий (обзор см.: [32; 33]) и близка научным интересам юбиляра.

I

Захоронения по обряду кремации являются специфичной чертой древнейших могильников северной периферии Верхнего Приобья, т. е. лесных районов Нижней Томи. Это такие хорошо известные специалистам памятники, как Томский и Самусьский могильники, могильник на Старом мусульманском кладбище, погребение на Батуринском острове.

Томский могильник на Большом мысе – обнаружен и изучен в 1880-х гг. А. В. Адриановым [9]. Материалы раскопок и полевая документация обработаны и опубликованы М. Н. Комаровой в 1952 г. [24]. Ранний комплекс из восьми грунтовых могил расположен на мысовидном участке берега р. Томи в современной черте г. Томска. По наблюдениям А. В. Адрианова, во всех погребениях размещены остатки кремаций на стороне [24, с. 12]. Возможно, кремация всегда или в некоторых случаях была частичной, что подтверждается залеганием сохранившихся длинных костей в погребениях № 1 – 5 [24, с. 10 – 12]. Погребальный инвентарь, зафиксированный во всех погребениях, представлен только каменными орудиями и керамической посудой. Значительная часть каменных орудий не идентифицирована, но можно говорить о наличии в коллекции отбойников, топоров-тесел, бифасных наконечников стрел, пластин, небольших листовидных клинков-бифасов. Во всех погребениях встречены низкие плоскодонные банки со сплошной ямочной орнаментацией (т. н. игрековский тип). Элементы костюма отсутствуют.

Погребение на Батуринском острове – обнаружено и изучено в 1976 г. А. В. Матвеевым [36, с. 24 – 30]. Могильник расположен на высокой надпойменной террасе р. Уени, недалеко от впадения её в р. Обь. Частично сохранилась грунтовая могила подпрямоугольной формы. На дне ямы располагались обожженные на месте кости черепа и две полуистлевшие длинные кости без следов огня [36, с. 24]. Могила содержала относительно большое количество инвентаря – каменные листовидные наконечники стрел с обломанными жалами, фрагмент клинка-бифаса, топор-тесло, плитчатый абразив, плоскодонную керамическую банку с плотной накольчатой орнаментацией (игрековский тип).

Могильник на Старом Мусульманском кладбище – исследован в 1955 – 1956 гг. А. П. Дульзоном в современной черте г. Томска. К позднему неолиту А. П. Дульзоном отнесены 27 грунтовых погребений, расположенных вдоль края высокой террасы [10; 11; 12]. Возможно, ранний комплекс хронологически и культурно неоднороден. В частности, об этом свидетельствует стратиграфическая ситуация в области последовательного перекрывания погребений № 8, 7, 5, 6, 4 в северной части могильника [12, рис. 1; рис. 2]. Достоверно к древнейшим комплексам можно отнести остатки захоронений № 6 и № 8 по результатам радиоуглеродного датирования, а также остатки могил № 12, 16 – 21, 25 – 30, 32 с характерной керамикой игрековского типа. В могилах № 25, 29, 30 совместно с игрековской посудой залегали сосуды т. н. новокусковского типа. В погребениях № 6, 8, 25, 29 располагались остатки ингумаций, в остальных случаях зафиксированы признаки кремации на стороне. Помимо керамики, погребальный инвентарь представлен каменными топорами-теслами, клинками-бифасами, отщепами, наконечниками стрел, абразивами, в погребении № 6 найдена миниатюрная каменная скульптура медведя [12, с. 322 – 324]. Доказан факт прижизненного использования инвентаря, а также практика обрядовой порчи предметов оружейного набора [22, с. 8 – 10].

Самусьский могильник – впервые обследован в 1924 г. М. П. Грязновым и А. К. Ивановым, затем, в 1928 г. – И. М. Мягковым, в 1950 г. – Р. А. Ураевым и В. С. Синяевым, в 1953 г. – А. П. Дульзоном, наконец, в 1953 – 1954 гг. – В. И. Матющенко при участии М. Ф. Косарева [37; 38; 40; 27, с. 43 – 44]. Находится на высоком мысе в излучине правого берега р. Самуськи, на окраине р. п. Самусь. Включает остатки 16 грунтовых могил, расположенных в один ряд вдоль мыса. Зафиксировано два характерных варианта обращения с останками – ингумация (мог. № 2, 3, 6, 9, 12, 13, 14, 15) и кремация на стороне (мог. № 1, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 16). Погребения с ингумацией распределены группами на юго-западной (№ 2, 3, 6) и северо-восточной (№ 12, 13, 14) оконечностях ряда, а также ровно в его центре (№ 9, 15). В погребальном инвентаре чаще всего встречены тесла, наконечники стрел, ножи-бифасы, вогнутые шлифованные ножи и керамика. Реже всего небольшие плоские лепестковые бусы «из кости или раковины» [38, с. 48], скребки, абразив-выпрямитель, каменная фигурка медведя. Керамические сосуды за-

фиксированы как в межмогильном пространстве, так и непосредственно в могилах. По форме выделяются низкие банки с уплощенным дном и остродонные сосуды. Орнамент представлен узорами в виде волны, псевдоплетенки, сплошных взаимопроникающих треугольных зон, вертикального елочного (зигзагообразного) узора [27, с. 44, 47]. Преобладающая техника нанесения орнамента – прочерченная и отступающе-протащенная, с присутствием гладкого штампа и протащенной гребенки. Выделены безынвентарные погребения (№ 1, 4, 10 – 13); погребения с большим количеством предметов (2 – 7 экз.) (№ 6 – 7, 14 – 15); погребения с очень большим количеством предметов (8 – 15 экз.) (№ 2, 3, 5, 8, 9, 16). Из восьми могил с кремациями инвентарные и безинвентарные распределились поровну. Напротив, из восьми захоронений с ингумацией лишь в двух не было инвентаря.

Следовательно, предметом анализа выступает локально-территориальная группа грунтовых могильников, с определенным набором частных признаков в сопроводительном инвентаре, ассоциированных с двумя группами керамики. Общим является наличие захоронений по обряду кремации, но специфичными чертами этого признака выступают количество подобных могил на памятнике, их планиграфия и насыщенность их инвентарем.

II

Культурная и эпохально-хронологическая принадлежность рассматриваемых могильников уже на ранних стадиях изучения стали предметом острых дискуссий, рассмотренных мною в специальных работах [32 – 33]. Обозначим две сформировавшиеся точки зрения.

Первая рассматривала все перечисленные комплексы в рамках периодизации неолита, т. к. орудийный набор из могил и типологически близких поселений не имел металлических изделий и предметов металлургии. В 1952 г. М. Н. Комарова отнесла Томский могильник к особому томскому варианту неолитической культуры [24, с. 14], а чуть позднее вписала его общую периодизационную схему неолита Верхнего Приобья, соотнеся с кипринским этапом [25, с. 94 – 102]. Эта идея отчасти была поддержана М. П. Грязновым [13, с. 29] и А. П. Дульзоном [12, с. 324]. В 1960 – 1970-е гг. идею неолитической культуры Верхнего Приобья с несколькими этапами развития продолжил в своих работах В. И. Матющенко. Первоначально им предложена следующая периодизация:

1) Кузнецкий могильник;

2) Томский могильник и Старое мусульманское кладбище;

3) Самусьский могильник [37, с. 214].

Позднее им выделены семь локальных вариантов верхнеобской неолитической культуры (нижнетомский, верхнетомский, чулымский, барнаульско-новосибирский и могильницкий) и два этапа развития (ранний – Кузнецкий, Яйский могильники, Дегтяревская и Иштанская стоянки, стоянки кипринского типа; поздний – Томский, Самусьский могильники, Старое мусульманское кладбище, Новокусковская стоянка и стоянки ирбинского типа) [39, с. 60]. То есть в предложенной схеме древние кремации Нижнего Притомья датировались неолитом и соотносились с нижнетомским локальным вариантом, но считались более поздними по отношению к неолитическим ингумациям лесостепи.

Истоки *второй точки зрения* лежат в работах В. Н. Чернецова 1950-х гг. Опираясь на собственную культурно-хронологическую схему неолита Среднего Зауралья и Нижнего Приобья, автор датировал Томского могильник ранней бронзой. Важнейшие признаки палеометаллического статуса он видел в плоскодонности и ямочной орнаментации керамической посуды, которые «близки раннеандроновским памятникам» [49, с. 40, 43 – 44]. В 1960 – 70-х гг. идея была развита М. Ф. Косаревым, объединившим ранние комплексы Нижнего Притомья в новокусковскую (протосамусьскую) культурную общность эпохи палеометалла с двумя этапами развития. К новокусковскому энеолитическому этапу отнесен Самусьский могильник, к игрековскому этапу ранней бронзы – Томский могильники и могильник на Старом Мусульманском кладбище. Ключевым критерием выступила «эволюция» керамики от остродонных форм к плоскодонным и появление абразивов для «заточки металлических изделий» [26, с. 1 – 15; 27, с. 43 – 77]. Новокусковский этап в этой схеме синхронизирован с кипринскими комплексами, что впоследствии поддержал Ю. Ф. Кирюшин [20]. Несмотря на последовательную критику данной концепции со стороны В. И. Матющенко [39; 41], в целом она была признана специалистами в 1970 – 2000-х гг.

В. И. Молодин отнес к раннему металлу Верхнего Приобья ирбинский тип памятников, признав их одновременность новокусковским древностям Нижнего Притомья [43]. В. А. Зах включил все новокусковские памятники в ирбинский энеолитический этап верхнеобской неолитической культуры [14], что полностью поддержано А. И. Петровым [46, с. 54 – 63]. Более того, В. А. Зах предложил считать кремацию одним из ярких признаков погребальной практики ирбинского *энеолитического* населения [16, с. 152 – 153]. Схема М. Ф. Косарева полностью воспроизведена Ю. Ф. Кирюшиным, датировавшим новокусковский энеолитический этап IV – III тыс. до н. э., а раннебронзовый игрековский – концом III – первой третью II тыс. до н. э. Развитие культуры он видит в изменении орнаментации керамики (приглушение местной традиции под воздействием пришлого западного населения) и переход в погребальном обряде от трупоположения к трупосожжению [21, с. 25 – 28].

Таким образом, рассматриваемые нижнетомские могильники датируются в литературе преимущественно энеолитом или ранней бронзой, в первую очередь из-за наличия плоскодонной керамики. Примат этого признака перевесил традиционные принципы археологической периодизации – памятники датировались эпохой палеометалла без малейших признаков металлургии. Даже сторонники неолитической атрибуции не оспаривали относительно поздний возраст могильников с плоскодонной керамикой, отказываясь лишь от их эпохального «омоложения» (периодизация В. И. Матющенко). Ю. Ф. Кирюшин, верно обозначив противоречие устоявшейся датировки Старого Мусульманского кладбища результатам радиоуглеродного датирования и функционально-трасологического анализа каменных орудий, счел более логичным исклю-

чить связь сосудов с могилами, нежели допустить удревнение первых [22; 21, с. 25]. То есть первичным критерием стала морфология посуды, вторичным – постоянно меняющийся список косвенных признаков металлургии (шлифованные ножи, абразивы и т. д.), а также предполагаемые следы «глубинных проявлений энеолитической эпохи» без абсолютизации факта металлообработки [29, с. 66], к каковым была отнесена практика кремации в погребальном обряде.

III

Современное состояние знаний позволяет иначе подойти к проблеме эпохально-хронологической датировки рассматриваемых могильников.

Накоплены данные, отрицающие линейную морфологическую эволюцию древнейшей посуды Западной Сибири от остродонных форм к плоскодонным. В частности, доказан раннеолитический возраст плоскодонных серий амнинского, каюковского типов и «добыстринских» комплексов Сургутского Приобья [30, с. 22]. Получены свидетельства неолитического статуса боборыкинской культуры Зауралья с преимущественно плоскодонной керамикой [23; 17]. На материалах поселения Автодром 2 (северо-запад Барабинской лесостепи) выявлена нижняя хроностратиграфическая позиция боборыкинских древностей относительно остродонной артынской посуды позднего неолита [7]. В развитом неолите (перв. пол. V тыс. до н. э.) в лесостепных и лесных районах Верхнего Приобья имел распространение изылинский тип посуды, включающий как плоскодонные, так и остродонные формы [16; 47; 35]. То есть первичный критерий «палеометаллической» атрибуции целого ряда памятников Томского Приобья утратил значение, что ставит под сомнение правомерность всей схемы [44, с. 116 – 117].

Принципиально изменились представления о хронологии игрековских комплексов. Время бытования стоянок Игреково I и Игреково II, согласно радиоуглеродной датировке, укладывается в диапазон перв. четв. – кон. V тыс. до н. э. [48]. Собственно игрековская керамика датируется «на 1500 лет, чем предполагалось ранее, и древнее на 2500 лет, чем предполагал М. Ф. Косарев» [48, с. 195]. Погребение № 8 Старого Мусульманского кладбища с характерным игрековским сосудом датируется в калиброванных значениях в схожем диапазоне – перв. треть – посл. треть V тыс. до н. э. (публикацию некалиброванных дат см. [18; 19]). С игрековской культурной общностью В. И. Молодин связывает усть-тартасскую культуру раннего металла Барабинской лесостепи (конец V – начало IV тыс. до н. э.), допуская при этом синхронность новокусковских и игрековских комплексов в Нижнем Притомье [44, с. 116; 45, с. 183].

Четких критериев типологической дифференциации кипринских, ирбинских или новокусковских комплексов нет, как нет единства их датировки и периодизации. Напомним, что М. Ф. Косарев и Ю. Ф. Кирюшин предлагают объединить в рамках энеолитического этапа лесные новокусковские памятники и лесостепные кипринские комплексы [27; 20]. В. И. Молодин и В. А. Зах датируют киприно неолитом, но видят в нем культурную основу ирбинско-новокусковского энеолита [43; 16]. Нами был предложен термин *кипринско-ирбинско-новокусковский культурный массив* для обозначения автохтонных комплексов позднего неолита-энеолита Верхнего Приобья. Вероятное время их бытования – V – нач. IV тыс. до н. э., что подтверждено калиброванными датами погребения № 8 Старого Мусульманского кладбища [21, с. 25] и сосуда со стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья [34].

Синхронные друг другу игрековские и кипринско-ирбинско-новокусковские некрополи хронологически близки таким могильникам лесостепного Приобья, как Солонцы-5, Усть-Иша, Лебеди-2, Кузнецкий [31, с. 58]. С нашей точки зрения, это тоже свидетельствует в пользу неолитического статуса рассматриваемых комплексов. Это означает, что следует говорить не о последовательной смене в Томском Приобье кипринско-ирбинско-новокусковского населения носителями игрековской культурной традиции, а об их сосуществовании в позднем неолите и, возможно, в начальных периодах эпохи палеометалла.

IV

Игрековские могильники Томский, Старое Мусульманское кладбище, погребение на Батуринском острове характеризуются почти абсолютным доминированием кремации на стороне как основного способа обращения с останками; отсутствием безынвентарных захоронений; отсутствием в сопроводительном наборе орудий из кости и украшений; обязательным наличием в погребальном инвентаре керамики; большим количеством каменных орудий. Представленный орудийный набор имеет неолитический характер – отщепы, пластины, отбойники, топоры-тесла, иволистные наконечники стрел. В лесостепной части Верхнего Приобья могильники этой типологической группы не известны.

Погребальная практика населения лесостепных районов Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины в период с развитого неолита до раннего металла характеризуется устойчивым обрядом ингумации покойных в вытянутом положении на спине [34]. В полной мере это касается позднеолитических могильников с кипринско-ирбинско-новокусковской керамикой в сопроводительном инвентаре: Ордынское 1е, Крутиха 5, Заречное 1. Автохтонными чертами погребальной практики для всех кипринско-ирбинско-новкусковских комплексов выступают наличие украшений из зубов животных со сверловкой в корневом отделе, обычай помещать в сопроводительный набор предметы мелкой пластики, эпизодическое размещение в могилах керамических сосудов с местной орнаментальной спецификой. Для северной, лесной части кипринско-ирбинско-новокусковского культурного ареала, представленного материалами Самусьского могильника и отдельных погребений Старого Мусульманского кладбища, характерна биритуальность погребальной практики. Захоронения по обряду кремации на кипринско-ирбинско-новокусковских могильниках Томского Приобья, с нашей точки зрения, являются четким маркером культурных взаимодействий с пришлым северным игрековским населением.

Возможные сценарии взаимодействия многовариантны (военное противостояние, совместное хозяйствование, брачные контакты т. д.). Не ясна и временная продолжительность этого процесса. Пока лишь отме-

тим неравномерность распределения бикультурных признаков на различных памятниках. Томский могильник на Большом мысе демонстрирует абсолютное преобладание кремации и наличие только игрековской керамики в погребениях. Вероятным объяснением этому является связь памятника с первыми группами северных мигрантов, сохранивших исходную культурную идентичность. Игрековский могильник на Старом Мусульманском кладбище включает единичные могилы, в которых совместно залегали игрековские и кипринско-ирбинско-новокусковские сосуды. Причем одна из них содержала ингумированный костяк на спине в вытянутом положении [10, с. 315 – 316]. Сочетание ингумации с игрековской посудой зафиксировано на могильнике Иштан [41]. Самусьский могильник, с наибольшим числом собственно кипринско-ирбинско-новокусковских черт, включает кремации без других игрековских признаков. С осторожностью можно говорить о длительном и обоюдном характере культурного взаимовлияния.

Следовательно, обозначенные погребальные комплексы лесных районов Томского Приобья надо датировать второй половиной V – началом IV тыс. до н. э. и идентифицировать с двумя синхронными культурными группами позднего неолита. Появление в погребальном обряде местного населения кремации в таком случае не выступает признаком эпохальных изменений. Вероятно, на начальном этапе погребальная кремация отражает специфику погребальной практики пришлого северного населения с керамикой игрековского типа, а с течением времени становится маркером культурного воздействия мигрантов на носителей кипринско-ирбинско-новокусковской культурной традиции.

Доказанным фактом является влияние восточносибирских популяций на культурогенез автохтонных поздненеолитических групп лесостепного Приобья [43; 50]. Полученные результаты говорят о наличии не только восточного, но и северного аллохтонного импульса. Это подтверждает многофакторность процессов культурогенеза в неолите-энеолите юга Западной Сибири, их зависимость от очагов длительного автохтонного развития, мозаичного расселения разнокультурных групп, эпизодичных и массовых миграций [8].

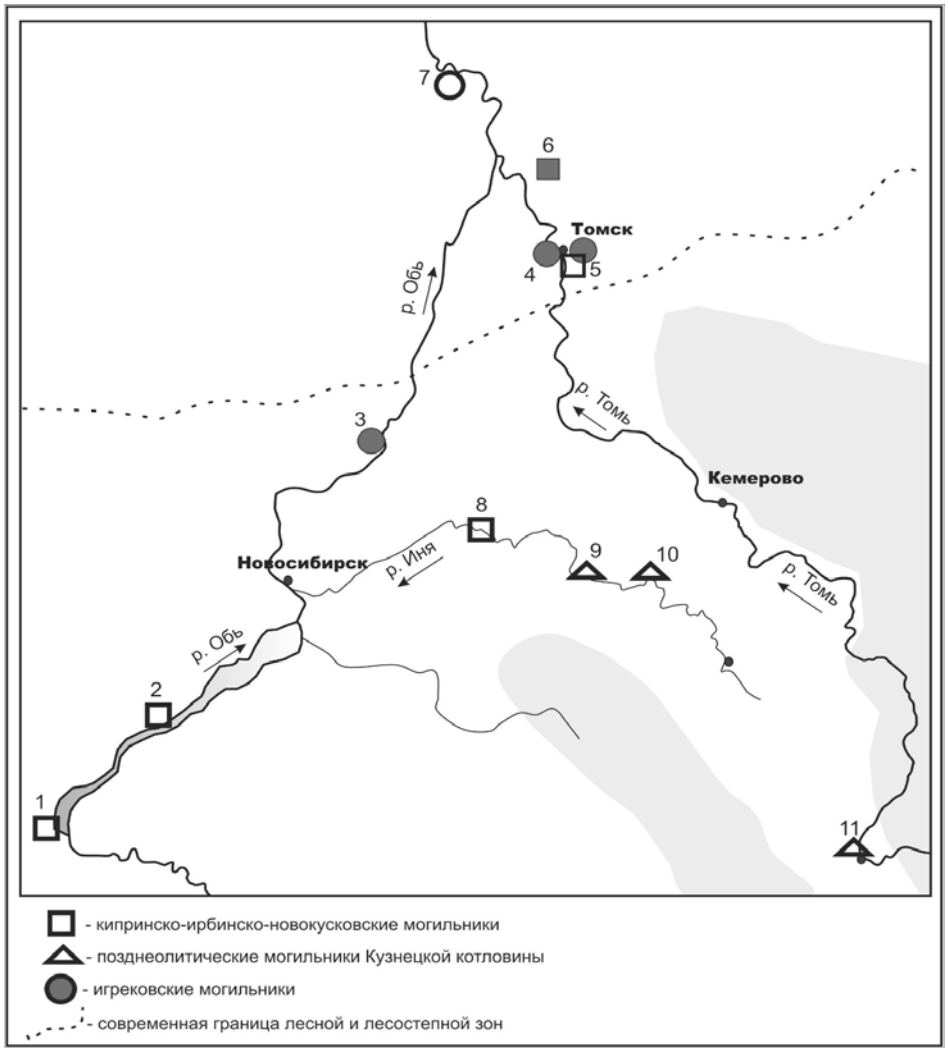

Рис. 1. ***Погребальные памятники позднего неолита Новосибирского Приобья, Томского Приобья и Кузнецкой котловины. 1 – Крутиха 5, 2 – Ордынское-1е, 3 – Батуринский остров, 4 – Томский могильник на Большом мысе; 5 – могильник на Старом Мусульманском кладбище, 6 – Самусьский могильник, 7 – Иштанский могильник, 8 – Заречное-1, 9 – Васьковский могильник, 10 – Лебеди-2, 11 – Кузнецкий могильник. Обозначения без заливки – могильники по обряду ингумации; обозначения с темной заливкой – могильники по обряду кремации и биритуальные могильники***

Литература

1. Бобров В. В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. 1990. С. 19 – 32.

2. Бобров В. В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита–энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 17 – 35.

3. Бобров В. В. Проблемы неолита юга Западной Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 50 – 58.

4. Бобров В. В. Большемысская культура // Культура, как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат. XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 110 – 113.

5. Бобров В. В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром – 2 // Окно в неведомый мир. Новосибирск, 2008. С. 110 – 113.

6. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011а. Т. 1. С. 106 – 108.

7. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 14 – 19.

8. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Боборыкинский комплекс из Барабы: проблема исторической интерпретации // Вестник Томского государственного университета. (Серия: История). 2013. Вып. № 3(23). С. 211 – 215.

9. Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов: (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.

10. Дульзон А. П. Предварительный отчет об археологических раскопках на старом мусульманском кладбище у южной окраины города Томска, произведенных летом 1955 года // Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 3. Оп. 9. Д. 30.

11. Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области (к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 89 – 316.

12. Дульзон А. П. Томский неолитический могильник // Учен. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск: Изд-во Томского университета, 1958. Т. XVII. С. 297 – 324.

13. Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИА. 1956. Вып. 64. С. 27 – 42.

14. Зах В. А. Погребения эпохи неолита – ранней бронзы могильника Заречное I // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 23 – 29.

15. Зах В. А. О культурной принадлежности неолитических памятников Присалаирья и Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 59 – 63.

16. Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.

17. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесостепного Тоболо – Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

18. Кирюшин Ю. Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 59 – 63.

19. Кирюшин Ю. Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 43 – 47.

20. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

21. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 295 с.

22. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. С. 5 – 10.

23. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учебная книга, 2010. 308 с.

24. Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. I. С. 7 – 50.

25. Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИА. 1956. Вып. 64. С. 93 – 103.

26. Косарев М. Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1964. 15 с.

27. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 193 с.

28. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.

29. Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири [эпоха палеометалла – железный век]: общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. М., 1993. Вып. 4. 283 с.

30. Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 16 – 40.

31. Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы 5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т, 2005. 127 с.

32. Марочкин А. Г. Неолит и ранний металл Верхнего Приобья: истоки научного осмысления // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 7(135). С. 96 – 100.

33. Марочкин А. Г. Культурно-хронологические концепции неолита и раннего металла Верхнего Приобья в отечественной историографии 1970-х – начала 2010-х // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 7(135). С. 84 – 90.

34. Марочкин А. Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореферат дис. … канд. ист. наук. Кемерово: Радуга, 2014. 33 с.

35. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Материалы неолита-неолита стоянки Долгая 1 (южные районы Нижнего Притомья) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 189 – 201.

36. Матвеев А. В. Неолитическое погребение на Батуринском острове // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 24 – 30.

37. Матющенко В. И. Вопросы датировки томских неолитических // Ученые записки Томского гос. ун-та. Томск, 1960. № 35. С. 200 – 215.

38. Матющенко В. И. Самусьский могильник // Сборник научных работ кафедр Всеобщей истории и истории СССР. Томск, 1961. С. 46 – 53.

39. Матющенко В. И. О сложении верхнеобской неолитической культуры // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969. С. 60 – 61.

40. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 1. Томск: Изд-во ТомГУ, 1973. 149 с. (Из истории Сибири. Вып. 9).

41. Матющенко В. И. Поздненеолитический могильник у д. Иштан на р. Оби // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 47 – 54.

42. Матющенко В. И. Вновь о неолите и энеолите в Западной Сибири // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 9 – 11.

43. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука. Сиб. отдние, 1977. 169 с.

44. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

45. Молодин В. И. Устьтартасская // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005. С. 180 – 184.

46. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Томского университета, 1994. 475 с.

47. Рудковский И. В. Керамика поселения Чердашный лог // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Томск, 2007. Вып. 1. С. 92 – 102.

48. Синицына Г. В. О хронологии стоянок Игреково 1 и Игреково 2 в Среднем Приобье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2008. С. 193 – 197.

49. Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР. 1953. 360 с.

50. Bobrov V. V. On the problem of interethnic relations in South Siberia in the third and early second millennia B.C // Arctic anthropology. 1988. Vol. 25. № 2. P. 30 – 46.

Информация об авторе:

Марочкин Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела Научно-инновационного управления КемГУ, comcon@yandex.ru.

Aleksey G. Marochkin – Candidate of History, Research Associate at the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Research Associate at the Science and Research Division, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902/904+398

РУССКАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА «СИВКО-БУРКО» В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИИ

Т. В. Мжельская

THE RUSSIAN FAIRY-TALE "SIVKO-BOURKO" IN THE CONTEXT OF ARCHAEOLOGY

T. V. Mzhelskaya

Одним из направлений изучения народных сказок является определение происхождения отдельных мотивов. Обычно в процессе такого исследования привлекаются исторические, этнографические, фольклорные источники. В данной статье показана возможность использования археологических материалов в процессе поиска исторических корней формирования отдельных мотивов волшебных сказок, в том числе в сюжете «Сивки-Бурки». Рассматриваются два мотива: «достижение цели через ухо» и «конь в подвале». Показана возможность их инородного происхождения. При анализе мотива «достижение цели через ухо» привлекались эпизод нартовского эпоса и скифские изображения свернувшихся хищников.

Мотив «конь в подвале» был ранее выделен В. Я. Проппом. Привлечение археологических материалов позволило уточнить вероятные пути его происхождения. Исследование показало, что складывание мотива «конь в подвале» и формирование образа чудесного коня-помощника в русских волшебных сказках могло происходить под влиянием традиций специальных конских захоронений, существовавших у южных степных кочевых племен.

В статье показаны возможные пути появления в русском фольклоре рассмотренных мотивов. Привлечение археологических материалов позволило сделать вывод о глубокой древности происхождения рассмотренных мотивов.

One of the areas of study of folk tales is to determine the origin of individual motifs. Usually in the process of this study historical, ethnographic and folklore sources are appealed to. The paper illustrates the use of archaeological materials in the search for the historical roots of the formation of individual motifs of fairy tales, including the story "Sivko-Bourko." We analyze two motifs: "reaching the goal through the ear" and "horse in the basement." The possibility of foreign origin is revealed. For the analysis of the motif of "reaching the goal through the ear" a Nart epos episode and Scythian images curled predators were considered.

The motif of "horse in the basement" was had been studied by V. Propp. The analysis of archaeological materials served to clarify the possible ways of its origin. The study showed that the motif of "horse in the basement" and the formation of the miraculous image of the horse-assistant in Russian fairy tales may be influenced by the traditions of special horse burials which existed in the culture of the southern steppe nomadic tribes.

The paper shows how these motifs may have appeared in the Russian folklore. The analysis of archaeological materials led to the conclusion about the antiquity of the origin of the considered motifs.

Ключевые слова: мотивы волшебных сказок, археология степных кочевников.

Keywords: motifs of fairy tales, archeology of steppe nomads.

Одним из направлений развития современной науки является включение в процесс исследования методов, приемов, дефиниций, фактов, конкретных достижений из других дисциплин. В публикациях такой подход называют междисциплинарным или мультидисциплинарным. Так определенная часть изысканий в общественных науках проводится в нескольких направлениях: привлекаются или разрабатываются новые методы, в качестве аргументов используется информация из смежных дисциплин или оба эти пути исследований объединяются в рамках комплексных тем. Часто подобные работы позволяют не только подробно изучить новый источник, но и по-новому взглянуть на уже известный предмет исследования [21].

Волшебные сказки являются ценным источником для исследования. Изучая их, исследователи, среди прочих, разрабатывают вопросы формирования сюжетов, появления определенных идей, мотивов, наличия межэтнических взаимодействий, сходства некоторых типов героев и общих мест. Свои изыскания они проводят в основном с привлечением исторических, этнографических, фольклорных источников [8; 25; 32 и др.]. Те же категории источников (в том числе и сказки) исследователи используют для интерпретации археологических данных [42, с. 166; 31, с. 274; 12, с. 26, 27; 29 и др.].

Существует также давняя традиция привлечения археологических материалов к историческим и фольклорным изысканиям [36, с. 326 – 327; 35; 7, с. 63 – 64 и др.]. Подобный опыт есть и у автора данной публикации [18 – 20].

Цель данной работы: показать возможность использования археологических материалов в процессе поиска исторических корней формирования отдельных мотивов волшебных сказок, в том числе в сюжете «Сивки-Бурки».

Словосочетание «исторические корни волшебной сказки» использовал В. Я. Пропп для определения темы одноименной монографии. Один из основных вопросов, разработанных автором, было изучение источников волшебной сказки в исторической дейст-

вительности. В качестве аргументов он использовал фольклорные записи и этнографические данные разных народов [32, с. 3, 21]. С момента первой публикации данной работы в 1946 году был накоплен археологический материал, который на современном этапе можно привлечь для подобных изысканий.

В публикации 2011 г. автор данной статьи уже обосновывала выделение *мотива «достижение цели через ухо»* [18]. Данный мотив в основном ассоциируется с «Сивкой-Буркой», хотя встречается и в других сказках. В ней происходит преображение Ивана из деревенского дурачка в добра молодца. Анализ показал, что герои или героини сказок достигают определенной цели, если действуют по формуле: в одно ухо влез, в другое вылез. В результате они либо преображаются («Сивко-Бурко», «Кобылья голова»), либо оказывается, что сделана какая-либо работа («Крошечка-Хаврошечка», «Строева дочь»). В то же время есть сказки с идентичным сюжетом, но в них нет анализируемого мотива («Принцесса с Хрустальной горы», «Иван-дурак», «Буренушка», «Морозко»). Таким образом, сравнительный анализ текстов сказок показывает, что отсутствие мотива «достижение цели через ухо» практически не меняет сюжета сказочного повествования. Это позволяет говорить о возможности его инородного происхождения. Наметим путь возможного поиска происхождения данного мотива: от нартовского эпоса к археологическим параллелям.

Обратим внимание на эпизод абхазского варианта нартовского эпоса, где герой добывает огонь. Путь к костру преграждал великан, свернувшийся так, что колени его касались подбородка. Нарт разогнал своего коня и влетел в правое ухо великана, а через левое вылетел. Таким образом герой набрал угольев [5, с. 253 – 254]. Идентичность данного эпизода с «Сивкой-Буркой» видна не только с действиями героя, но и в особой роли коня. Встает вопрос в каком из источников данная идея появилась раньше. Его можно решить следующим образом. Эпизод добычи огня имеется во всех рассмотренных вариантах эпоса. Везде герой вынужден совершить подвиг, т. к. у нартов в походе не оказалось никакого приспособления для его добычи. Огниво было изобретено не раньше начала железного века, поэтому можно предположить, что рассматриваемый эпизод эпоса имеет еще более древнее происхождение. Подчеркнем, что в эпосе не упоминаются и другие, более ранние изобретения по добыче огня, известные традиционным обществам. Древность данного эпизода может быть аргументирована также мнением Л. А. Чибирова о том, что прообраз нарта Сослана (героя, добывшего огонь) зародился значительно раньше скифского времени [41, с. 5].

Славяне уже владели огнивом, поэтому добыча огня уже не представляла собой столь сложное дело, которое можно было бы сравнить с неким подвигом за его обладание. Но, видимо, сама идея достижения цели через ухо была настолько колоритна, что сохранилась в поэтическом творчестве, была переработана и вплетена в канву сюжетов некоторых сказок. В данном случае уместным будет привести мнение А. П. Скафтымова о том, что самое главное при переходе какого-либо мотива в другое произведение должно составлять то, как применяется и как понимается он на своем месте в целом. Вполне тождественные мотивы могут выражать нечто совершенно различное в двух произведениях. При изменении поэтических мотивов изменяется весь строй произведения [цит. по: 33].

Древность указанного эпизода в эпосе можно считать аргументом в пользу того, что данный мотив мог быть заимствован русскими сказочниками из кавказских сказаний, а не наоборот.

Основанием для привлечения к анализу данного мотива археологических материалов стало мнение исследователей о том, что период создания основных героев и большинства событий, описанных в памятнике, относится к скифо-сарматскому времени. На осетино-скифское сходство в свое время обращал внимание В. Ф. Миллер, позже оно было описано во многих работах Ж. Дюмезилем и В. И. Абаевым [10, с. 6]. Выше было приведено мнение Л. А. Чибирова о возможности еще более раннего времени формирования образа Сослана.

На абхазскую версию нартовского эпоса в свое время обратил внимание Ж. Дюмезиль в связи со скифскими изображениями «свернувшихся хищников». «В кавказском сюжете существо, свернувшееся в кольцо, – не животное, а страшный великан, но композиция здесь та же: великан, лежа кольцом, обхватывает собой горящие угли, подобно тому как хищник на бляхе окружает туловищем скопление альвеол, в которых, видимо, некогда сверкали инкрустированные камни. Действительно, самые крупные из таких камней сохранились в центре круга. И если они помещены на концах лап и хвоста, а не в анатомически важных точках, значит, надо было, чтобы они находились именно здесь, явно изображая нечто заключенное в кольцо, но чужеродное». Альвеолы, следовательно, символизируют громадный костер, охраняемый великаном [6, с. 93 – 94]. Вслед за Ж. Дюмезилем на подобную скифскую иконографию обратил внимание Чибиров [41, с. 6].

Известно довольно значительное количество изображений свернувшихся хищников. Отмечаются объекты, где альвеолы имеются, как писал Ж. Дюмезиль, на кончиках лап, редко на хвосте [1, табл. I; II, 2, 7, 8; III, 1 – 3, 6 – 8; IV, 1 – 3; V, 2 – 4; VI, 1, 7, 8 и др.]. Однако, не на всех подобного рода изделиях они наблюдаются, так лапы могут заканчиваться когтями [1, табл. V, 1, 5 – 7; VI, 2, 9, 10 и др.].

Изображения хищников, свернувшихся в кольцо, встречаются на широкой полосе Евразии, территории распространения культур скифского круга. Время бытования подобных изделий – с VIII по III в. до н. э. [4, с. 5]. Самая большая группа изображений со свернувшимся хищником относится к кавказскому региону, она же является самой древней. «Этот сюжет являлся принадлежностью мужской субкультуры, по крайней мере, на Кавказе» [4, с. 9, 12]. Данное замечание является интересным в связи с привлечением в процессе исследования нартовского эпоса, записанного у народов Кавказа.

Исследователи при описании подобных изделий дают видовое определение изображаемому хищнику (например, волк, пантера). Однако Е. В. Переводчикова считает, что изначально в скифском звери-

ном стиле различие между хищниками разных семейств, скорее всего, было несущественным. Поэтому можно говорить о понятии «хищника вообще» [27, с. 45]. То же относится и к изображениям свернувшихся хищников, которые, вероятно, ассоциировались для скифов с неким существом или даже событием, связанным с ним.

Такое предположение вполне возможно, если принять во внимание особенности мышления древних людей. Так они считают пластические изображения существ, писанные красками, гравированные или изваянные, столь же реальными, как и изображаемые существа, при этом они могут быть непостижимым для нас образом, одновременно и самими собой, и чем-то иным. Первобытный человек не только имеет образ объекта и считает его реальным, но и надеется на что-нибудь или боится чего-нибудь, что связано с каким-нибудь действием, исходящим от него или воздействующим на него [15]. Исследователи отмечают также полисемантичность религиозной стороны звериного стиля скифского искусства, которая могла выступать также в многозначности его функциональной нагрузки [39, с. 101]. Исходя из данных суждений, мы можем согласиться с Ж. Дюмезилем, что хотя бы часть изображений свернувшихся хищников подразумевает великана из нартовского эпоса. Отметим, что существует несколько интерпретаций данного образа. Исследователи видят в нем хищников, иногда конкретизируя, что это хищник семейства кошачьих, могут определить волка, дракона, змею, зооморфное или синтетическое (волк – тигр – дракон) существо. Имеется несколько трактовок сюжета изображения, а также замечания о разнообразии иконографии данных изделий [1; 4; 11; 14; 31; 40 и др.].

На довольно большом количестве изображений свернувшегося хищника ухо имеет непропорционально большие размеры [1, табл. V, 1, 5 – 7; VI, 2, 9, 10 и др.]. Преувеличение некоторых частей тела животного характерно для скифского звериного стиля. Это делают для того, чтобы подчеркнуть какие-либо детали, привлечь к ним внимание [27, с. 20]. Возможно, мастер хотел указать на эпизод, в котором нарт добывает огонь, попав в центр круга именно через ухо великана.

Таким образом, можно предположить, что хотя бы часть изображений свернувшегося хищника могли служить некой «иллюстрацией» к эпизоду эпоса, напоминанием о подвиге по добыче огня. Это вполне согласуется с особенностями восприятия изображений, характерными для древнего человека.

Для скифов мотивы хищных животных и птиц, или их частей, носили не только орнаментальный, но и сакрально-магический характер. Они как бы усиливали боевые качества оружия и коня, придавали особую силу, смелость, меткость удара, быстроту воинам-всадникам [39, с. 101]. В основном изображения свернувшихся в кольцо хищников являются деталями конского снаряжения, декорируют наконечники ножен, украшают оружие, одежду, пряслица. При этом впервые у скифов они появляются именно на предметах конской упряжи [4, с. 8 – 14, 20]. Украшая таким образом свою лошадь, ее хозяин, вероятно, ставил перед собой определенную цель. Любой всадник мечтает о гармоничных отношениях с лошадью, о взаимопонимании и помощи с ее стороны [19]. Таким был конь героя, добывшего огонь: это друг, соратник, советник. Именно он помогает нарту совершать подвиги. Поэтому конь скифа, у которого имеется такое украшение на гарнитуре, должен стать именно таким.

Особый, неутилитарный статус уздечки был показан исследователями, изучавшими археологические данные с привлечением значительных разнокультурных фольклорных материалов [30, с. 42].

После анализа скифских изображений свернувшихся хищников можно привести еще одну параллель с русскими волшебными сказками. Герой попадает в царство, где «жили одни змеи, да гады. Кругом города лежала большая змея, обвившись кольцом, так что голова с хвостом сходились» [32, с. 247].

Привлечение археологических данных для исследования возможно и для анализа *мотива «конь в подвале»,* который был выделен В. Я. Проппом. Владимир Яковлевич считает, что в данном мотиве заключена идея получения коня в качестве волшебного помощника из склепа. Он дарится герою его умершим отцом из-за могилы. Конь, полученный от живого отца, – обычный конь, он земное существо, он не крылат [32, с. 146 – 149]. Таким образом, волшебные свойства получает только тот конь, который связан с загробным миром и получен от умерших предков [19]. Важность данного тезиса заключается в том, что Иван в «Сивке-Бурке» получает коня непосредственно от умершего отца, тогда как в других сказках герой добывает волшебного помощника из сооружения, по описанию похожего на могилу: некое место под дубами (т. е. под землей), конюшня в горе, выход, погреб. Они очень хорошо закрыты доской, дверью или камнем. При этом Сивка-Бурка обладает важным свойством – крылатостью (эта характеристика волшебного коня также была отмечена В. Я. Проппом, [32, с. 142]), что позволяет ему помочь Ивану выполнить трудную задачу – допрыгнуть до окна, возле которого сидит царевна.

Возможно, рассмотрение археологических материалов позволит выявить источники происхождения данного мотива. Будем исходить из идеи, что волшебного коня герой получает из могилы. В связи с этим необходимо выяснить, для каких народов характерен погребальный обряд, описание которого сходно с тем, что мы имеем в русских волшебных сказках. В нем должны присутствовать два основных элемента: 1 – особое сооружение-могила, 2 – наличие в нем коня или коней. Это могут быть либо специальные камеры с конскими погребениями, либо катакомбы с костями лошади в дромосе или входной яме. Второй признак должен быть признан более важным, чем первый. На это есть несколько причин: 1) сам волшебный конь является одним из основных героев; 2) иногда герой получает коня просто от умершего отца, не спускаясь ни в какое подземелье; 3) описаний самих сооружений в текстах нет, об их особенностях мы можем судить лишь по косвенным данным. Отметим, что в некоторых сказках герой получает волшебного коня от умершего отца («Сивко-Бурко») или от других персонажей, которые либо близки понятию предка (баба-яга, старуха, бабушка-задворенка, старик), либо свя-

заны с загробным миром (умерший богатырь, Гриф-птица), а не из места, которое очень похоже на описание могилы [19]. Видимо, русской сказке не столь важно дать описание могилы, сколько показать происхождение волшебного коня из потустороннего мира.

Несмотря на то, что в работе рассматриваются русские волшебные сказки, подобные сюжеты характерны для более широкой зоны – всего славянского историко-этнографического региона [37, с. 13]. Археологические материалы конца I тысячелетия до н. э. – первой половины I тысячелетия н. э., полученные на территории Северного Причерноморья, от Поднепровья до Закарпатья, показывают, что у славян и их соседей был следующий погребальный обряд. Большинство погребений было совершено по обряду кремации, в урнах либо без них, в могилах небольшого размера. Среди инвентаря практически нет предметов, принадлежавших конской гарнитуре. Говоря о костях животных, исследователи подчеркивают, что это остатки тризны [34, с. 26, 45, 71, 87 и др.]. Однако есть исключения. Так, среди древнерусских элитарных погребений X – начала XI вв. К. А. Михайлов выделил 19 камер с захоронениями лошадей [23, с. 9]. Это незначительная часть относительно общего количества древнерусских погребальных памятников. Таким образом, для восточных славян, а затем и русских не характерны (за редким исключением) погребальные сооружения с захоронениями коней. Когда происходит христианизация Руси, меняется соответственно и погребальный обряд, который захоронения лошадей не предусматривал. Поэтому можно говорить о том, что сказочные эпизоды, в которых описывается добыча коня из погреба или подземелья (т. е. из могилы), могут иметь инородное происхождение.

Соответственно, нужно выяснить, откуда появляется в русских волшебных сказках мотив «конь в подвале». Для этого нужно рассмотреть погребальный обряд соседних народов и племен. Определим два основных направления поиска, условно определим их как южное и северо-западное.

С юга славяне (а также их предки) и русские в течение всей свое истории очень тесно контактировали со степными кочевыми племенами, для которых были характерны различные погребальные сооружения, а также наличие в них коней: скифы, гунны, половцы, тюрки и другие. Северо-западное направление исследования определено условно наличием тесных связей с викингами.

Разнообразные погребальные сооружения и наличие в них коней известны у степных кочевых народов уже со скифского времени. Так, наиболее богатые погребения IV – III вв. до н. э. сопровождают конские захоронения в специально вырытых ямах. Как правило, лошадей хоронили в богатых уздечных, а иногда еще и в нагрудных уборах с украшениями из золота, серебра или бронзы [39, с. 53 – 58]. Часть лошадей была захоронена в узких щелевидных могилах. Традиция погребения коней в вертикальном положении существовала как у скифов, так и у других кочевых народов [2]. Именно такое положение больше схоже с описанием коня, стоящего в подвале-подземелье.

Погребения с конём или его чучелом характерны для таких степных народов, как хазары, печенеги, кипчаки, половцы [28, с. 22, 41, 49, 82, 123, 139, 151, 157]. В Центральном Предкавказье в могильнике Абрау-Дюрсо обнаружены специальные погребения взнузданных и оседланных коней (иногда вместе с ними положено и оружие) [38, с. 91]. Можно говорить о том, что погребения с конем характерны для степных кочевых племен, с которыми контактировали как славяне, так и русские в течение длительного периода.

Следует остановиться на точке зрения о возможном заимствовании данного мотива из культурных традиций викингов [9]. Такая идея основана на том, что одним из элементов их погребального обряда является наличие лошадей. Она вполне имеет право на существование. Однако рассмотрим аргументы, которые говорят не в её пользу. Так, выше уже было указано на существование 19 древнерусских могил с конём. Это «дружинные» могильники на территории Руси: в Ладоге, Гнёздове, Чернигове, Киеве и др. Значительная часть воинского снаряжения связывается со скандинавским или североевропейским влиянием на Руси IX – XI вв. Нельзя говорить о существовании развитой всадниче ской субкультуры и конницы на территории державы Рюриковичей с IX по XI вв. Окончательное ее формирование в древнерусском государстве происходит не ранее середины XI в., после длительного процесса освоения коня в Восточной Европе, многочисленных заимствований снаряжения всадника и коня, а также вероятно, практических навыков коневодства и представлений о роли коня в культуре соседних народов [22, с. 96 – 99].

Здесь важными становятся рассуждения исследователей о том, что ритуальным животным становится в первую очередь то, которое играет определяющую роль в экономике. Коневодство и культ коня возникают и развиваются у народов, ведущих скотоводческое хозяйство уже в эпоху энеолита. Археологическим свидетельством зарождения культа коня служат находки захоронений коня или только его черепа и изображений коня или его головы в памятниках искусства [13].

Таким образом, малочисленность рассмотренных погребений, территориальная ограниченность распространения, не столь развитое коневодство у оседлых народов по сравнению с кочевниками, рассуждения об отсутствии развитой всадниче ской субкультуры не позволяют говорить о существовании глубоких корней в русской культуре представлений о коне как о друге, помощнике, советчике, именно о таком персонаже, который чудесным образом помогает герою сказок в его деяниях. Одним из элементов погребального обряда викингов, является ладья, которая не упоминается ни в одной из рассмотренных нами русских сказок. Кроме того, уже к XI веку связи с северными соседями у славян затухают, а с южными кочевниками наоборот усиливаются как в мирном, так и в военном отношении.

В связи с тем, что автор данной статьи более склоняется к идее, что складывание мотива «конь в подвале» и формирование образа чудесного коня-помощника в русских волшебных сказках происходи-

ло под влиянием традиций южных степных кочевых племен, приведем дополнительную аргументацию. Обратим внимание на то, что герой сказки вместе с конем может найти саблю и седло. Иногда подчеркивается, что седло черкесское [24, с. 180]. В этом случае можно увидеть указание на его инокультурное происхождение, либо на связь с Кавказом, что косвенно указывает на возможное влияние нартовского эпоса. Сабля же – оружие, прежде всего, евразийских кочевников, появление которого характерно для VIII – IX вв. [38, с. 86]. Дополнительным аргументом можно считать замечание исследователей о том, что каждое степное захоронение с конем и оружием можно уверенно считать кочевническим [38, с. 12]. Анализируя уздечные наборы в материалах культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа, авторы обратили внимание на то, что кони, вызывающиеся с помощью уздечки, являются выходцами из потустороннего мира [30, с. 42].

Во многом образ чудесного коня можно считать надкультурным, т. к. он встречается в фольклорных источниках многих народов мира. Однако можно проследить, что между образами коня батыра в тюркомонгольском эпосе и волшебного коня из русских сказок много общего. В обеих группах источников выделяется мотив выкармливания: паршивого жеребенка в сказках, неказистого на вид или даже урода, жеребенка, захудалой клячи в эпосах. В первом случае паршивый жеребенок становится волшебным конем, во втором – невзрачный конь становится несравненным скакуном. И в сказках и в эпосе он владеет искусством перевоплощений.

Среди других аспектов образа волшебного коня выделим следующие: он владеет речью, дает советы, укоряет героя, если тот его не послушался, иногда выполняет за него задания, а то и спасает от смерти. Конь в эпосе тюркоязычных и монголоязычных народов – покровитель и руководитель хозяина, превосходящий его в даре предвидения, быстроте реакций в сложных ситуациях, обладающий твердой волей, подчиняющий себе всадника в минуты, когда тот проявляет слабость, помогает добиться победы [17; 19].

При изучении языка и морфологических мотивов русского фольклора можно выделить элементы, отражающие их восточные признаки. Так, в русских народных сказках обнаруживаются мотивы богатырских эпосов, шаманского поверья и обычного права степных кочевников [26].

Таким образом, анализ археологических источников, а также приведенные параллели из тюркомонгольского эпоса позволяют с большой долей вероятности говорить о том, что мотив «конь в подвале» и образ волшебного коня в русских волшебных сказках сложился под влиянием культуры именно южных кочевых народов. При этом идея конских захоронений не изменила специфику погребального обряда ни славян, ни русских, но нашла свое отражение в сказочных сюжетах. Привлечение археологических материалов позволило показать глубокую древность формирования основной идеи мотива и образа волшебного коня.

Возникает вопрос о возможных путях проникновения обозначенных идей в русские сказки. Самый очевидный из них – это знакомство русских людей с фольклором кавказских народов в процессе устного общения. В данном случае можно говорить о влиянии легенд и сказаний разных кавказских народов, которые были собраны в тексты под единым названием «Нартовский эпос». На территорию Кавказа русские люди попадали по разным причинам. Потом они возвращались в центральную Россию, пересказывали услышанное, вплетая отдельные мотивы в русские сказки. Такой путь не кажется таким уже экзотичным, если учесть широту межкультурных контактов во времени и пространстве. Пожалуй, наиболее известным можно считать появление некоторых мотивов из Эпоса о Гильгамеше в отдельных эпизодах Библии. Л. А. Чибиров рассматривал особенности образа нарта Сослана в рамках общего индоевропейского мифологического пространства, приводя параллели характеру и его деяниям в различных источниках [41]. Это позволяет говорить о возможности восприятия русским фольклором рассмотренных мотивов. В качестве дополнительного аргумента можно привести мнение исследователей о возможном проявлении скифо-сарматского звериного стиля в древнерусском искусстве [3; 16]. Данный процесс возможен в результате генерализации, при которой избирается, усваивается не все содержание старого образа (образов), а наиболее актуальное его (их) свойство, грань, сторона. Поэтому семантика не может остаться неприкосновенной, происходит ее расщепление и акцентировка генерализуемой стороны, с чем связаны существенные изменения в жанре и стиле [16, с. 251, 252].

Практически те же процессы были отмечены исследователями-фольклористами. Так, С. Томпсон считает, что в мотиве должно быть что-то такое, что вызывает особенный интерес и тем самым остается в памяти, что-то не совсем обычное [цит. по: 33].

Появление мотива «конь в подвале» в русских волшебных сказках могло произойти и другим путем. Славяне и русские могли наблюдать погребальную церемонию с ритуалом захоронения лошадей у степных соседей непосредственно, в процессе раскопок могильников учеными XIX века или даже участвовать в разграблении могил в более раннее время.

Таким образом, привлечение археологических материалов позволило уточнить возможные исторические корни происхождения отдельных мотивов русских волшебных сказок, в том числе и в сюжете «Сивки-Бурки». Проведенное исследование позволило сделать вывод об инокультурном происхождении двух мотивов, о глубокой древности их формирования, а также показать возможные пути их появления в русском фольклоре.

Литература

1. Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.

2. Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. Роль коня в погребальной традиции скифов // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры: сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. Т. 2. С. 13 – 36.

3. Вагнер Г. К. Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 250 – 257.

4. Васильев С. А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле. Каталог изображений. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. 80 с.

5. Героический эпос народов СССР // Библиотека Всемирной литературы. Серия 1. Т. 13. М.: Худ. лит., 1975. 558 с.

6. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. Москва: Наука, 1976. 276 с.

7. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 229 с.

8. Зуева Т. В. Волшебная сказка. М.: Прометей, 1993. 240 с.

9. Иванко О. И. О возможных путях появления мотива «конь в подвале» в русских волшебных сказках // Археологическое изучение межкультурных взаимодействий. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012. С. 43 – 50.

10. Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2004. 471 с.

11. Канторович А. Р. Эволюция и хронология сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейской скифском зверином стиле // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск: Магнитогорский государственный университет. 2014. № 4(46). С. 66 – 99.

12. Ковтун И. В., Русакова И. Д. Тутальская писаница // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. № 1(7). С. 5 – 32.

13. Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и Средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 28 – 58.

14. Ларичев В. Е., Комиссаров С. А. Драконический мир, драконическое время (к проблеме семантики свернутого кольцом хищника) // История и культура Востока Азии: мат. МНК (Новосибирск, 9 – 11 декабря 2002 г.). Новосибирск: [б.и.], 2002. Т. 1. С. 181 – 192.

15. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 130 – 140.

16. Лелеков Л. А. Наследие звериного стиля в искусстве средневековой и древней Руси // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 258 – 270.

17. Липец Р. С. Образы Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.

18. Мжельская Т. В. Волшебная русская сказка «Сивко-Бурко»: исторические корни одного мотива // Восток-Запад: проблемы взаимодействия. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2011. С. 46 – 52.

19. Мжельская Т. В. Особенности образа коня в русских волшебных сказках // Восток-Запад: проблемы взаимодействия. Исторический, политический, социальный и религиозный аспекты. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. Ч. 1. С. 180 – 186.

20. Мжельская Т. В. Мотив воцарения героя в русской волшебной сказке «Царевна-лягушка» // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2014. С. 276 – 284.

21. Мжельская Т. В., Дураков И. А. Мультидисциплинарные исследования в археологии. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2011. 133 с.

22. Михайлов К. А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в древней Руси // Новгород и Новгородская земля. Новгород: [б.и.], 1994. Вып. 8. С. 93 – 103.

23. Михайлов К. А. Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв.: по материалам захоронений в погребальных камерах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 24 с.

24. Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева / вст. ст. В. Аникина. М.: Правда, 1982. 576 с.

25. Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 256 с.

26. Пачаи И. Роль наследия А. А. Потебни и Н. С. Трубецкого в исследовании восточных элементов «русской культурной зоны» // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск: [б. и.], 2014. № 4(46). С. 238 – 252.

27. Переводчикова Е. В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. (По следам древних цивилизаций). 207 с.

28. Плетнёва С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV – XIII века). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 248 с.

29. Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013а. № 5(17). С. 25 – 47.

30. Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013б. № 1(7). С. 33 – 48.

31. Полидович Ю. Б. Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2006. Т. 3. Режим доступа: http://www.academia.edu/1529463/ (дата обращения: 28.02.2015).

32. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. 336 с.

33. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999. 104 с.

34. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М.: Наука, 1993. 328 с.
35. Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII – XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне) // СА. 1956. Т. XXV. М.: АН СССР. С. 138 – 170.
36. Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал министерства народного просвещения. 1899. Вып. VIII. С. 301 – 340.
37. Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 438 с.
38. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М.: Наука, 1981. 303 с.
39. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М.: Наука, 1989. 464 с.
40. Чежина Е. Ф. Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып. 25. Л.: Искусство, 1984. С. 61 – 64.
41. Чибиров Л. А. Нарт Сослан и его аналоги в индоевропейском мифологическом пространстве // Вестник Владикавказского научного центра. 2012. № 2. Т. 12. С. 5 – 12.
42. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 304 с.

Информация об авторе:
Мжельская Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета (г. Новосибирск), mzel08@mail.ru.
Tatiana V. Mzhelskaya – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Theory and History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902.2

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕЩЕЙ В ДРЕВНЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ю. И. Михайлов

IMAGES OF THINGS IN ANCIENT PAINTING OF WESTERN SIBERIA

Y. I. Mikhailov

Основное содержание статьи посвящено проблемам реконструкции символики изображений вещей в древнем художественном творчестве Западной Сибири. В бронзовом веке изображения вещей представляли человека как homo instrumentalis. Мир вещей в изобразительном творчестве передавал новую антропоцентрическую картину мира. Формируется мифология вещи.

The paper is devoted to the problems of reconstruction of things symbolism in ancient painting of West Siberia. The bronze age was the time when images of things represented the man as *homo instrumentalis*. The world of things in painting represented the new image of the world. The mythology of things was formed.

Ключевые слова: традиция, сакральный, сейминско-турбинский феномен, скульптура, знак.
Keywords: tradition, sacral, Seyma-Turbino phenomenon, sculptures, sign.

Предметом предлагаемого исследования является вещь, обладающая сакральным статусом в определенном культурно-историческом контексте. Собственно подобный взгляд на вещественные источники составляет основное содержание многочисленных специальных исследований. Тем не менее, такая важная проблема как возникновение и последующее развитие практики изображения вещного мира специально не рассматривается в собственно археологических исследованиях. Во всяком случае, по сибирским материалам. В рамках этого самостоятельного направления исследований непосредственный интерес представляют те случаи, когда изображенная вещь не только символизирует присутствие человека, но и выступает знаком определенного вида человеческой деятельности. Хронологические и территориальные рамки избранной проблематики будут ограничены эпохой бронзы на территории юга Западной Сибири, поскольку для этого времени более или менее уверенно выделен ряд культурно близких изобразительных традиций, в которых представлены изображения вещного мира.

Даже среди наиболее ярких феноменов древнего изобразительного творчества Сибири окуневская традиция с ее разнообразными антропоморфными и зооморфными образами занимает особое место. Вместе с тем в окуневской художественной практике представлены разнообразные реалии вещного мира. Это, прежде всего, изображения колесных транспортных средств. Кроме того, упомянем разнообразные атрибуты антропоморфных персонажей: головные уборы, плечевая одежда, украшения, посохи и пр. Не менее существенно то, что в окуневской изобразительной

традиции известны анатомически достоверные рисунки животных с различными предметными дополнениями. В частности, фигуры быков или коров с шейными «подвесками» и с т. н. «петлями». Относительно реальных прототипов для шейных «подвесок» у исследователей нет единого мнения, хотя для некоторых из них указаны вероятные аналогии среди украшений периода поздней бронзы [5, с. 61, табл. 42]. «Петли» на мордах быков и лошадей были интерпретированы в качестве приспособлений для управления упряжными животными [10 – 11]. Предложенное объяснение представляет особый интерес, так как в этом случае изображение предмета выступает в качестве знака вполне конкретного вида человеческой деятельности связанной с транспортным использованием животных.

На сохранившихся фрагментах крупной плиты из могильника Черновая VIII выполнено изображение женщины в позе «роженицы». Справа и слева от этого персонажа изображены головы быков с «петлями» [9, с. 199]. На каменной плите из могильника Разлив X нанесены фигуры быков с аналогичными приспособлениями [16, рис. 8]. Очевидно, что если в композиции из могильника Черновая VIII связь животных с человеком передана непосредственно, то на плите из могильника Разлив X его присутствие подразумевается благодаря изображениям средств контроля. В окуневской традиции изображения орудий или приспособлений не просто символизируют присутствие человека как субъекта той или иной культурной практики. В исторической перспективе это означает, что в древнем изобразительном творчестве Сибири эпохи бронзы начинается новый этап в развитии мировоззренческих представлений. Образ человека как родового существа постепенно уступает место образу активно действующего индивидуума вооруженного инструментально и технологически.

Интересующий нас художественно-семантический прием не является эксклюзивной особенностью окуневской изобразительной традиции. В сейминско-турбинской художественной практике, которая, как будет показано ниже, культурно связана с окуневской, также представлены два описанных выше варианта овеществленной связи человека и животного. К рукояти выгнутообушкового ножа из могильника Ростовка прилито скульптурные изображения лыжника и упряжной лошади. На аналогичном ноже из Сейминского могильника антропоморфный образ отсутствует, но одна из двух фигурок лошадей, как предполагается, снабжена изображениями деталей упряжи. Таким образом, в сейминском изделии символическое присутствие человека передано посредством вещного кода. Примеры из разных, но хронологически близких изобразительных традиций – окуневской и сейминско-турбинской демонстрируют не только сходные художественно-семантические приемы, но и общий источник содержания изобразительных сюжетов. Технологии транспортного использования животных для населения Среднего Енисея и Среднего Прииртышья в начале II тыс. до н. э. составили одно из важнейших направлений культурной и хозяйственной деятельности. Транспортное использование лошади стало принципиально важной новацией для населения степных территорий межгорных котловин и южной кромки лесных массивов Западной Сибири.

Не менее существенно то, что массивные бронзовые ножи со скульптурными изображениями были образцами прогрессивных приемов металлургии и металлообработки. Именно поэтому изображения вещей, выступая знаком присутствия человека в художественных композициях, одновременно, указывали на исторически актуальную сферу его практической деятельности. Поскольку эта деятельность получала символическое осмысление можно вести речь об активном формировании нового мировоззренческого аспекта – мифологии вещи. Вещь, символически замещая человека в изобразительных композициях, одновременно вбирает в себя его статусные характеристики. Таким образом, эти характеристики обретают самостоятельное по отношению к индивидууму существование и прикрепляются к его вещному окружению. Возникает весьма продуктивный смысловой план, в рамках которого обладание вещью не только расширяет диапазон функциональных возможностей персонажа, но и переводит его в новое статусное состояние.

Наряду с этим вещь, символизируя присутствие человека в изобразительном сюжете, выступает воплощением его связей с сакральным миром. В этом отношении показателен изобразительный сюжет на окуневской стеле из Уйбат Хулгана – фигура быка с шейными «подвесками» и «курильница». Было высказано мнение, согласно которому бык (вол) в этой изобразительной композиции выступает в качестве священного животного [6, с. 253 – 254]. Аналогичные по манере изображения быки, с шейными «подвесками» и «петлями» на мордах выполнены на плите из могильника Разлив X [16, рис. 8]. «Подвески» и «петли» в ритуальном контексте могли непосредственным образом воплощают связь человека с божеством. Например, нганасаны в обрядовой практике привязывали к собаке или оленю ремень, чтобы божеству – матери было удобнее их взять [3, с. 32]. Видимо не случайно в уже упоминавшейся композиции на плите из могильника Черновая VIII быки с «петлями» фланкируют фигуру «роженицы» [9, с. 199]. С почитанием этого сакрального женского образа были связаны и «курильницы». В системе культовых представлений они могли выступать в качестве атрибута женского божества и символически его замещать. В этом отношении наиболее показательна «курильница» из Новой Сыды с объемным изображением обнаженной женской фигурки [8, рис.1 – 1]. В этом случае семантическая близость женского персонажа и «курильницы» как сакрального атрибута передана самым непосредственным образом. Образы человека и вещи даны слитно. Существенно, что изображение «курильницы» с «петлей» представлено на плите раннего окуневского могильника Уйбат III, материалы которого, как предполагается, связаны с индоевропейским культурным миром [см. 7, с. 40]. Представления об особой связи человека и вещи у древнего населения Западной Сибири получают продолжение и в более поздней культурной традиции также связанной с индоевропейским населением. Неоднократно отмечалось, что в

кенотафах андроновской культуры именно глиняные сосуды замещали отсутствующие останки человека.

Андроновская изобразительная традиция, появление которой на лесостепной территории Западной Сибири ныне датируется первой половиной II тыс. до н. э. [см. 12, с. 62 – 63], представлена геометрическими декоративными композициями на глиняных и металлических изделиях. Антропоморфные изображения в собственно андроновских комплексах пока неизвестны. Однако их отсутствие компенсировалось тем, что сосуды в ритуальной практике наделялись антропоморфными характеристиками. Эту особенность символически передавали геометрические орнаментальные композиции на стенках сосудов, которые, как считал М. П. Грязнов, соответствовали особенностям декоративной отделки одежды. Хотя в андроновском художественном творчестве не использовались иконические изображения, сама практика создания изображений вещи у андроновцев получила еще один культурно и исторически важный вариант воплощения. Это миниатюрные изображения металлических орудий. В андроновском могильнике Старый Тартас 4 (Барабинская лесостепь) обнаружена уменьшенная копия вислообушного топора. Длина по лезвию 4 см, ширина обуха 1 см [14, с. 60]. Аналогичная по форме и размерам металлическая модель топора была обнаружена в андроновском могильнике Ланин лог на Среднем Енисее [1, с. 14, рис. 13 – 63].

Появление миниатюрных изображений вещей в погребениях указывает на существование представлений об особых связях человека и вещи. В пользу существования подобных воззрений в среде андроновского населения свидетельствует находка полноразмерного массивного проушного топора с «гребнем». На этом изделии нанесено четыре клейма мастера (?) в виде насечек сделанных зубилом [13, с. 464, рис. 1]. Еще один бронзовый вислообушный топор с гребнем найден у с. Истимис (Кулундинская степь). На лицевой стороне изделия имеются насечки. Авторы публикации допускают, что они образуют тамгообразный знак, в виде латинской «V» [15, с. 87, рис. 5]. Не исключено, что прототипами насеченных знаков на бронзовых топорах с гребнем являются насечки на створках литейных форм, которые наносились для их более точного совмещения перед отливкой. Так, например, насечки в виде латинской «V» имеются на створках литейной формы для отливки кельта самусьско – кижировского типа с пос. Сайгатино VI (Остяцкий Живец) близ г. Сургута [18, рис. 75 – 1]. Причем, еще ранее на отливках сейминско – турбинского круга связь изделия с мастером передавали геометрические композиции на матрицах литейных форм. Эти декоративные композиции, неоднократно повторяясь в готовых серийных изделиях, превращались в орнаментальный «почерк» конкретного мастера. Возможно, согласно представлениям кузнецов – литейщиков, благодаря геометрическому орнаменту вещь приобретала морфологическую завершенность и сакральную сущность.

Независимо от интерпретации знаков на андроновских топорах (клеймо мастера или мета владельца), сам факт их намеренного исполнения служит указанием на механизм индивидуализации вещи и свидетельством новых представлений об особой связи вещи и человека. В новых культурных условиях вещь подобно человеку также могла нести на своем «теле» знак, отметину. В зависимости от конкретного культурного контекста эти «отметины» в виде насечек на орудиях и литейных формах могли выступать знаком принадлежности вещи, а могли, как, например, параллельные риски – насечки на гадальных (игральных) костях с поселения металлургов Горный [19, с. 98], становиться знаками будущего – знамениями. Таким образом, в едином культурном контексте эпохи бронзы одними и теми же изобразительными приемами создавались вещные знаки – метки и знаки – знамения. Кроме того, в контексте погребального ритуала знаки – меты владельца на предметах сопроводительного инвентаря могли осмысляться уже как знаки – знамения.

В связи с этим обратим внимание на устойчиво повторяющиеся комбинации из параллельных линий на оленных камнях. Эти каменные стелы с антропоморфной семантикой демонстрируют еще одну исторически новую практику изображения вещей. Связанные с ними изобразительные традиции получают широкое распространение уже в эпоху поздней бронзы и существуют параллельно с практикой изображения комплектов вооружения на естественных каменных плоскостях. По мнению Д. Г. Савинова, в это время полноразмерные предметы вооружения уже не клали в могилы в виду их особой ценности, хотя отдельные экземпляры представлены в комплексах на периферии основного ареала культур эпохи бронзы. В тоже время, изображения этих вещей запечатлены на скалах Центральной Азии и Южной Сибири. Предметные аналогии и, в частности, рисунки кинжалов, изображенных отдельно или в составе сюжетных композиций, относятся к одному культурно-историческому периоду – конец эпохи бронзы – начало раннескифского времени [17, с. 43 – 46]. Еще раз отметим, что среди многочисленных проявлений этой широкой культурной практики оленные камни занимают особое место, поскольку на них нанесены изображения разнообразных комплектов, включавших оружие, украшения, пояса и пр. Композиционное расположение изображений вещей во многих случаях соответствует позиции реальных атрибутов снаряжения воина. Таким образом, сумма изображений реальных вещей символически передает антропоморфный образ, который на стелах не получил явной анатомической трактовки. В данном случае существенно то, что изображения предметов на оленных камнях передают не просто образ человека, а составляют своеобразный «портрет» воина и, соответственно, персоны с особым социальным статусом. С учетом этого, вещь в изобразительном контексте становиться знаком той или иной статусной характеристики обладателя.

На каменном блоке из урочища Кизань (Минусинская котловина) изображения кинжалов соседствуют с изображениями животных [2, с. 163]. Кинжалы и чеканы вместе фигурками животных и всадника представлены на скале в долине р. Бегире (Тува). Предполагается, что эти изображения передают сцену жертвоприношения [4, с. 8 – 9]. Данная интерпретация, в свою очередь, позволяет предполагать наличие и более широкого смыслового плана. Его присутствие

становиться очевидным, если учесть, что жертвоприношение во многих случаях было призвано моделировать процесс миротворения. Этот «инструментальный» образ мира как комплекса вещей – орудий может рассматриваться в качестве архаического варианта антропоцентрической картины мироздания. На определенном этапе культурного развития за изображениями предметной реальности отчетливо проступает комплекс культурно-хозяйственных практик и, соответственно, образ человека в его деятельности направленной на освоение окружающего мира. Эта своеобразная антропоцентрическая картина мира существенно древнее, нежели чем ее «классическая» модель представленная в античной духовной практике. С того момента, когда в древней художественной деятельности изображение вещи перестает быть продолжением человеческого тела и сама вещь начинает изображаться отдельно или даже вместо владельца, появляются основания предполагать качественно новое осмысление культурно освоенного мира. В этом пока еще архаическом взгляде на мир культуры не человек выступает как мера всех вещей, а сумма вещей измеряет (формирует) его образ как совокупность статусных характеристик и культурных особенностей.

Литература

1. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан УССР, 1991. 200 с.

2. Боковенко Н. А. Петроглифы Хакасско-Минусинской котловины // Наскальные изображения Центральной Азии. Фонд истории Северо-Восточной Азии. 2007 (на корейск. и русск. яз.).

3. Грачева Г. Следы ранних представлений о природных связях у нганасан // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 98 – 113.

4. Килуновская М. Е. Новый памятник наскального искусства раннескифского времени в Центральной Туве // Проблемы развития зарубежного искусства (памяти М. В. Добровольского). СПб., 1999. С. 3 – 12.

5. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. 184 с.

6. Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 295 с.

7. Лазаретов И. П. Окуневские памятники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19 – 64.

8. Леонтьев С. Н. Изображение Матери-прародительницы на курильнице окуневской культуры из Новой Сыды // Вестник САИПИ. 2002, Вып. 5. С. 34 – 36.

9. Миклашевич Е. А. Обломки плит – фрагменты мифов (или о точности копирования и возможностях интерпретации окуневского искусства) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 197 – 200.

10. Миклашевич Е. А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестник САИПИ. Кемерово, 2003 – 2004. Вып. 6 – 7. С. 17 – 27.

11. Миклашевич Е. А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 191 – 212.

12. Молодин В. И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 58 – 69.

13. Молодин В. И., Шатов А. Г., Софейков О. В. Проушный топор с «гребнем» из Южной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 62 – 66.

14. Молодин В. И., Новиков А. В., Жемерикин Р. В. Могильник Старый Тартас – 4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // АЭАЕ. 2002. № 3(11). С. 48 – 62.

15. Папин Д. В., Федорук А. С., Шамшин А. В. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2006. С. 83 – 96.

16. Пшеницина М. Н., Пяткин Б. Н. Курган Разлив X – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 82 – 94.

17. Савинов Д. Г. «Меч-кладенец» Черных Е. Н., Кузьминых С. В на скалах Центральной Азии и Южной Сибири // Тропою тысячелетий: к юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 40 – 52.

18. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Азии. М.: Наука, 1989. 320 с.

19. Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Лебедева Е. Ю., Агапов С. А., Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., Тенейшвили Т. О., Вальков Д. В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие) // РА. 1990. № 1. С. 77 – 102.

Информация об авторе:

Михайлов Юрий Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор КемГУ.

Yury I. Mikhailov – Doctor of History, Professor, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902/904, 902.01

ФЕНОМЕН БРОНЗОВЫХ КИНЖАЛОВ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (хронология, территория распространения, истоки)

В. И. Молодин

THE PHENOMENON OF BRONZE DAGGERS FROM BURIAL COMPLEXES OF THE KROTOVO CULTURE (chronology, area of distribution, beginnings)

V. I. Molodin

Работа выполнена в рамках Программы РНФ (№ 14-50-00036) «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

В работе анализируются последние данные, связанные с находками своеобразных бронзовых кинжалов, в настоящее время представленных на территории Северной и Центральной Азии в виде случайных находок и кладов. Только в трех случаях, в захоронениях кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б, В (Барабинская лесостепь), кинжалы обнаружены in situ. Благодаря последним данным радиоуглеродного датирования эти находки следует синхронизировать с сейминско-турбинским феноменом и датировать периодом развитой бронзы.

The recently obtained data on specific bronze daggers that were discovered either beyond archaeological context or in hoards in Northern and Central Asia are analyzed in the paper. There are only three cases when such daggers were discovered in situ in the tombs of the Krotovo culture at Sopka 2/4 B, C burial ground in Baraba forest-steppe. The recently generated radiocarbon datings make it possible to correlate the daggers with the Seima-Turbino cultural phenomenon and date them to the Middle Bronze period.

Ключевые слова: бронзовые кинжалы, кротовская культура, закрытые комплексы, могильник Сопка-2, сейминско-турбинская эпоха, Северная и Центральная Азия.

Keywords: Bronze daggers, Krotovo culture, intact archaeological complexes, Sopka-2 burial ground, Seima-Turbino period, Northern and Central Asia.

В 2015 г. исполняется семьдесят лет со дня рождения видного российского ученого-археолога, доктора исторических наук, профессора Кемеровского государственного университета Владимира Васильевича Боброва.

С именем этого ученого связано открытие многих археологических памятников и исследование культур эпохи неолита и бронзы Западной Сибири и, прежде всего – Кузбасса. Боброву принадлежит разработанная им концепция историко-культурного развития Кузнецко-Салаирской горной области в эпоху бронзы [3], которая, в настоящее время, является основой для понимания бронзового века обширного региона Южной Сибири от момента знакомства человека с металлом до овладения железом.

Особо следует отметить исследование и последующую публикацию таких комплексов как могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4 [5], а также уникальное поселение большемысской культуры эпохи ранней бронзы Танай-4А, где ученым исследовано несколько десятков построек. Это наиболее полно изученный на сегодняшний день, столь масштабный памятник начала бронзового века в Сибири.

Последнее десятилетие под руководством В. В. Боброва проводятся активные исследования культур эпохи неолита и ранней бронзы в Центральной части Барабинской лесостепи, где открыты принципиально новые и ранее неизвестные здесь образования [4; 6].

Разумеется, это лишь отдельные штрихи научного творчества Владимира Васильевича, более полно его научный портрет будет наверняка показан на страницах этой, посвященной ему книги.

В заказанной мне статье я хочу остановиться на одной из проблем периода ранней – развитой бронзы близкой и интересной для нашего юбиляра.

В настоящее время на территории юга Западносибирской равнины, а также на Алтае в Восточном Казахстане, Средней Азии и Синцзяне выявлена серия бронзовых кинжалов оригинальной формы занимающих явно особое место среди предметов эпохи ранней и развитой бронзы этого обширного региона Азии. Практически все эти изделия найдены либо как случайные находки, либо в составе кладов. Только три предмета были обнаружены одним из авторов настоящей работы в погребальных комплексах кротовской культуры [29]. Значительный массив источников, как и осмысление кротовской культуры на качественно новом уровне, диктует необходимость еще раз обратиться к анализу этих предметов, введя в научный оборот не только малоизвестные источники, но и более детально рассмотреть восточный вектор их аналогий, с привлечением материалов Китая. Кроме того, перед нами стоит задача на качественно новом уровне рассмотреть проблему их хронологии и вероятной территории, откуда эти изделия могли распространяться в соседних регионах Азии.

Кинжалы, обнаруженные in situ, в погребальных комплексах могильника Сопка-2/4 Б, В найдены в трех захоронениях – № 420 (к. 58, п. 21); № 425 (к. 58, п. 26) и № 443 (п. 58, п. 44). Памятник расположен в лесостепной части Обь-Иртышского междуречья (рис. 1-1) [36]. Исследован монографически. В настоящее время опубликованы три монографии [30; 32; 37] и десятки статей, посвященных анализу этого масштабного комплекса. Кроме того, в стадии подготовки находится еще три монографии, одна из которых посвящены кротовской культуре.

Нам представляется, что анализ обозначенных предметов следует начать именно с изделий, найденных в закрытых комплексах, что дает объективную возможность представить культурно-хронологический контекст данных изделий.

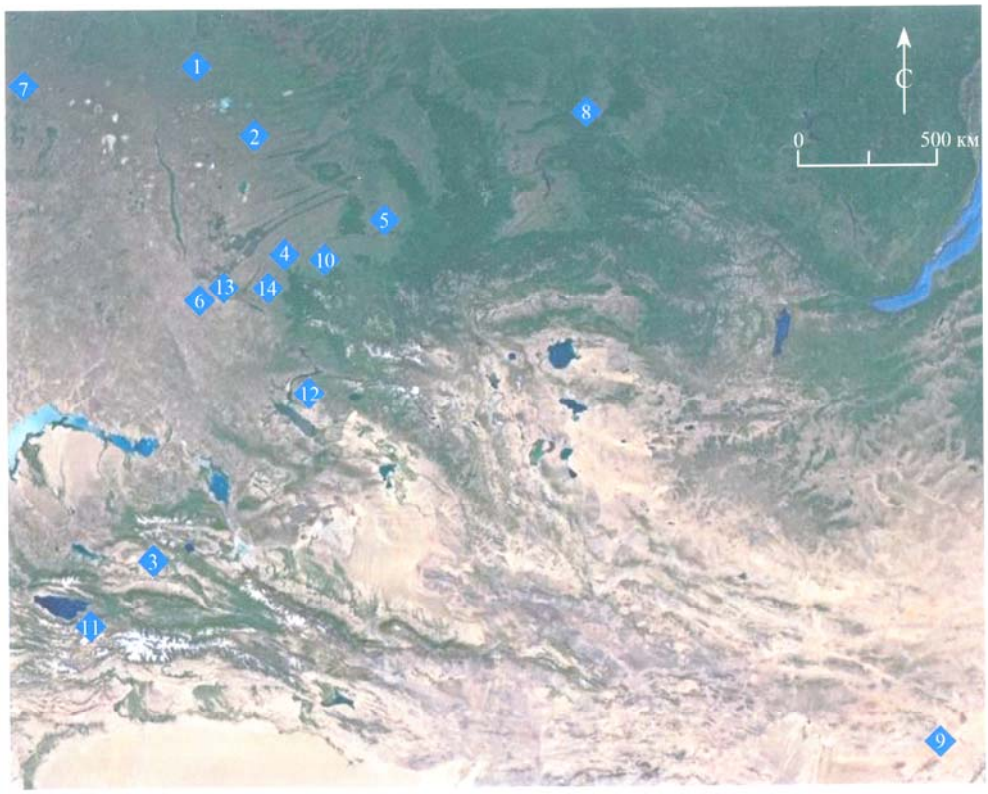

Рис. 1. ***Карта территории Сибири и Центральной Азии с указанием мест находок бронзовых кинжалов, анализируемых в работе. 1 – могильник кротовской культуры Сопка-2/4Б, В (3 кинжала). 2 – окрестности с. Конево; 3 – Синьцзян, долина р. Или; 4 – окрестности г. Змеиногорска; 5 – район г. Бийска; 6 – Семипалатинская область; 7 – окрестности с. Петропавловское; 8 – бывшая Енисейская губерния; 9 – Провинция Ганьсу (2 кинжала); 10 – окрестности с. Чарышское; П – Второй Каракольский клад (5 кинжалов); 12 – окрестности с. Курчум; 13 – окрестности г. Семипалатинска; 14 – окрестности с. Шемонаиха***

Характеристика захоронений, в которых были обнаружены анализируемые кинжалы представлены в упомянутой выше статье [29], к которой мы отсылаем заинтересованного читателя (рис. 2).

Все три захоронения локализованы в северо-западной части грунтового могильника кротовской культуры, и входят в ряды единокультурных погребальных комплексов.

Погребальная практика свидетельствует о полной идентичности комплексов, что позволяет однозначно относить их к кротовской культуре.

Перейдем далее к анализу полученных в захоронении кинжалов.

Ориентируясь на форму лезвия кинжалы следует относить к одному типу, однако специфические детали рукояти позволяют говорить о двух вариантах этих изделий.

К первому варианту относится кинжал из погребения № 425 (к. 58, п. 26) (рис. 3-2). Изделие изготовлено путем одновременной отливки лезвия и рукояти в двухстворчатой литейной форме. Об этом свидетельствует общий для лезвия и рукояти литейный шов, сохранившийся на обеих сторонах рукояти. После получения отливки лезвие было расковано, а затем (как впрочем и весь предмет) залощено и заточено абразивом. Длина кинжала 29 см максимальная ширина лезвия – 5,4 см, длина клинка – 19 см, соответственно длина рукояти – 10 см, указатель стройности 18,62 (*прим. автора* – Указатель стройности рассчитан по методу, предложенному Н. Л. Членовой [62] для карасукских ножей.; указатель клинка – 28,4. Толщина клинка в середине – 8 мм, максимальная ширина рукояти – 3,7 см, минимальная ширина рукояти 2,2 см, разность ширины (максимальной и минимальной) рукояти 1,5 см., максимальная толщина рукояти – 1 см. Сечение лезвия – вытянуто-ромбовидное. По центру клинка проходит ребро жесткости. Сам клинок имеет пламевидную форму и весьма напоминает по своим пропорциям перо наконечников копий сейминско-турбинского типа. Рукоять расширяется к оконечности и имеет тавровидное сечение. С обеих сторон кинжала края рукояти оформлены ритмично чередующимися выпуклостями.

Ко второму варианту относятся два кинжала – целый из погребения № 420 (к. 58, п. 21) и с обрубленным при ограблении кончиком из могилы № 443 (к. 58, п. 44) (рис. 3-1,3).

Оба изделия изготовлены также как и кинжал первого варианта, путем одновременной отливки лезвия и рукояти в двухсторонней литейной форме. Об этом свидетельствуют сохранившиеся на рукояти и прилегающей к ней части лезвия литейные швы. У целого изделия края лезвия не прокованы, у второго они прокованы. Размеры кинжалов имеют следующие параметры.

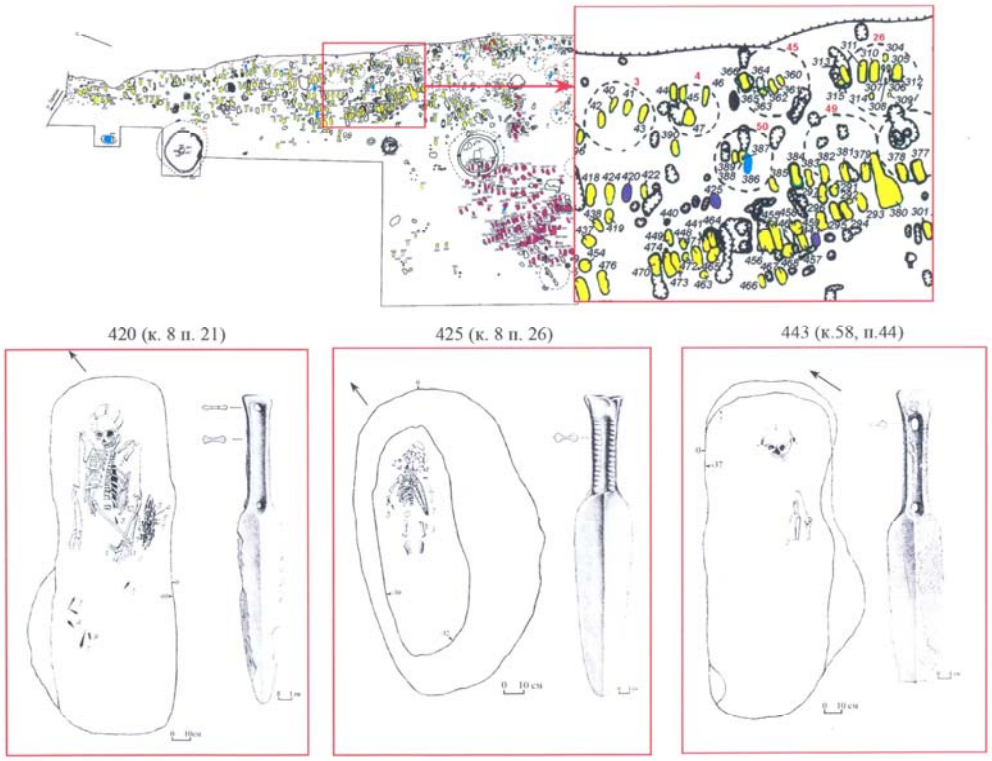

Рис. 2. ***Могильник Сопка-2 (фрагмент) Красным цветом выделены захоронения одиновской культуры ранней-развитой бронзы могильника Сопка-2/4А; желтым цветом – могильник кротовской культуры Сопка-2/4Б, В. Фиолетовым цветом выделены захоронения кротовской культуры с анализируемыми кинжалами № 420 (к. 58, п. 21), № 425 (к. 58, п. 26), № 443 (к. 58, п. 44)***

Кинжал из погребения № 420 (к. 58, п. 21): длина изделия – 24,3 см, максимальная ширина клинка – 3,6 см, длина клинка 15,4 см, длина рукояти 8,9 см. Указатель стройности – 14,81, указатель клинка – 23,3. Толщина клинка в середине – 4 мм, минимальная ширина рукояти – 1,7 см, максимальная ширина – 2,1 см. Максимальная толщина рукояти – 0,6 см. Сечение лезвия вытянуто-ромбовидное. По центру клинка проходит ребро жесткости. Рукоять расширяется к оконечности и имеет тавровидное сечение. В ее противолежащих концах имеются овальные сквозные отверстия диаметром 0,5 и 0,6 мм.

Второе изделие данной серии из могилы № 443 (к. 58, п. 44) хотя и обломано, однако легко реконструируется. Оно абсолютно аналогично выше описанному, но имеет иные метрические параметры. Длина кинжала 27,4 см, максимальная ширина клинка 4,4 см, длина клинка 17 см, длина рукояти – 10,4 см. Указатель стройности – 16.05, указатель клинка 25,8. Толщина клинка в середине 6 мм, максимальная ширина рукояти – 3,1 см, минимальная ширина рукояти – 1,9 см, максимальная толщина рукояти – 1 см. Сечение лезвия вытянуто-ромбовидное. По центру клинка проходит ребро жесткости. Рукоять тавровидная в сечении. В ее противоположных концах имеются овальные отверстия диаметром 0,6 и 0,8 см.

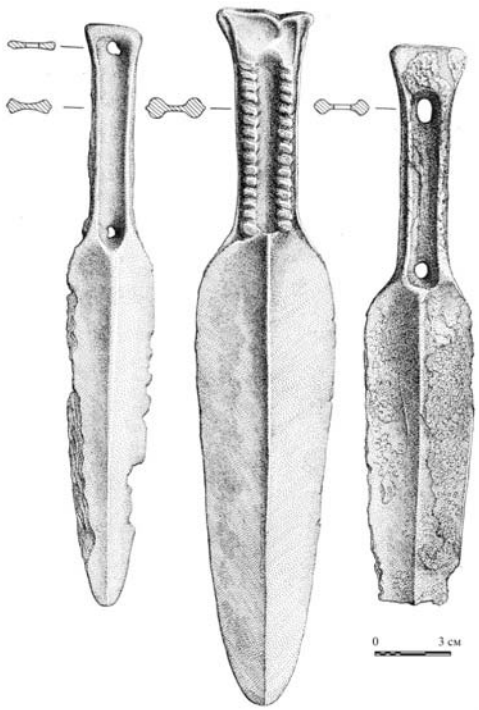

Рис. 3. ***Бронзовые кинжалы из погребений кротовской культуры памятника Сопка-2/4Б, В. 1 – погребения № 420 (к. 58, п. 21), 2 – погребение № 425 (к. 58, п. 26); 3 – погребение № 443 (к. 58, п. 44)***

В работе 1993 г. была предложена реконструкция реального вида рукояти анализируемых изделий. Дело в том, что в пазах рукоятий кинжалов и первого и второго вариантов обнаружены остатки деревянного тлена, а на рукояти кинжала из погребения № 425 (к. 58, п. 26); еще и остатки кожаного ремешка, которым обвивалась рукоять. Таким образом рукоять действующего оружия выглядела следующим образом; в ее продольные пазы с обеих сторон вставлялись деревянные планки делающие рукоять объемной, после чего ручка дополнительно обматывалась кожаным ремешком, для крепления которого использовались круглые сквозные отверстия в противолежащих концах рукояти (рис. 4). На кинжале первого варианта такие отверстия на рукояти отсутствуют, однако для плотности прилегания сыромятного ремешка поверхности четырех выступающих граней рукояти делалась бугристой.

Таким образом, очевиден вывод, что анализируемые кинжалы имели сложносоставную рукоять.

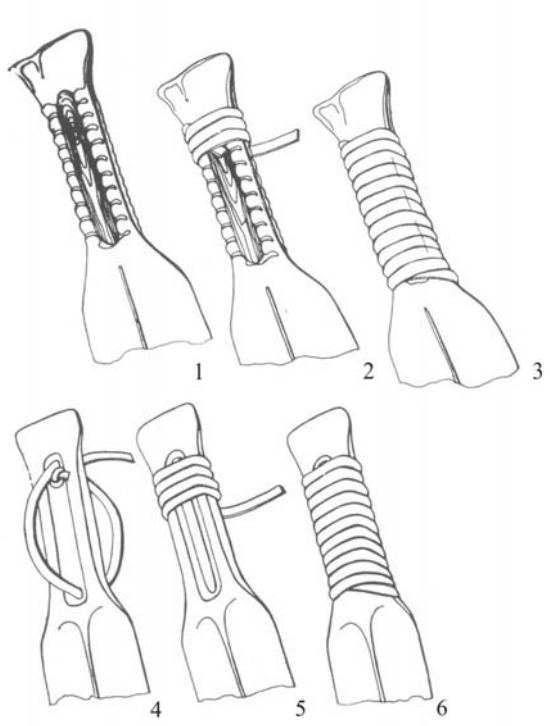

Рис. 4. ***Реконструкция рукояти кинжалов из кротовского могильника Сопка-2/4Б, В***

Несомненный интерес представляет способ ношения данного вида оружия, уже рассмотренный ранее [29, с. 11], однако важный в контексте настоящей работы, поскольку имеет несомненную этнографическую специфику. В двух случаях из трех (погр. № 425 (к. 58, п. 26) и № 420 (к. 58, п. 21) кинжалы лежали in situ под погребенными в области спины. Возможно конечно, в этом заключался ритуальный смысл: по какой-то причине кинжал сначала клали в могилу, а на него помещали труп. Эти предположения выглядят не беспочвенными, если учесть, что в могиле № 425 (к. 58, п. 26) был помещен ребенок 1 – 1,5 лет, для которого массивный кинжал, был абсолютно не функционален (он не мог быть даже игрушкой). Семантически аналогичный случай был зафиксирован в захоронении одиновской культуры № 583 могильника Сопка-2/4А, где в погребении с ребенком в возрасте 6 – 7 лет обнаружена панцирная пластина [32, с. 155]. Оба факта можно объяснить определенными сакральными представлениями, когда предмет вооружения определенно не принадлежавший ребенку при жизни должен был сопровождать его в иной мир. Объяснения данному явлению мы находили в западносибирской этнографии (Выражаем благодарность доктору исторических наук этнографу А. В. Бауло за консультацию по данной проблеме – *примечание автора*).

Как отмечает З. П. Соколова, анализируя погребальную практику хантов и манси, «среди вещей, положенных с умершим, были и такие, которые помещались другим, ранее умершим людям» [48, с. 460]. По данным К. Ф. Карьялайнена «среди оставленных мертвому предметов и монет иногда находятся такие, которые предназначены не ему, а даются для кого-нибудь из ранее умерших родственников», и далее со ссылкой на И. Рослякова: «передача состоится, если умерший кому-нибудь приснился и сообщил, чего ему не хватает» [12, с. 93]. Не исключено, что перед нами явление подобного свойства.

Вместе с тем, не следует исключать, что мы имеем дело с проявлением особого способа ношения кинжалов, который может являться важным этнографическим показателем.

Общеизвестно, что ножи и кинжалы чаще всего носили на поясе. Вместе с тем, известна традиция носить кинжалы и ножи за голенищем сапог (например, у русских воинов [47, с. 85; 14, с. 72], на бедре (в скифское время [23, с. 63; 53, с. 12 – 14; 19, с. 29 – 54], на шее или груди (у угров и самадийцев таежной зоны Западной Сибири) [20, с. 32]. Известны случаи ношения данного вида оружия за поясом сзади, что отмечено для эпохи поздней бронзы Китая [50, с. 44, рис. 6,8], а также для Европейского средневековья [64, s. 81]. Однако фиксируемое в анализируемом могильнике месторасположения кинжалов более всего соответствует способу ношения подобного вида оружия в обрядах Дадао у гоминдина, когда меч помещали на спине, рукоятью вверх [63, p. 169] (Благодарю доктора исторических наук А. И. Соловьева за указание мне этого источника – *примечание автора*), чтобы можно было скрывать наличие оружия или метать его из за спины. Не исключено, что мы имеем дело с аналогичным способом ношения и использования кинжалов.

Как уже подчеркивалось ранее [29, с. 11] и на сегодняшний день все известные нам аналоги (хотя их число и несколько увенчалось) являются случайными находками и не связаны с какими-либо конкретными комплексами. Некоторое исключение представляет кинжал из Афганистана, который связан с поселенческим комплексом эпохи бронзы Дашлы-3 [46, с. 77]. Хотя данная аналогия и не является абсолютной изделие это достаточно близко анализируемым и может быть привлечено в качестве аналогии. Опубликовавший кинжал В. И. Сарианиди указывает на отсутствие ей аналогий в территориально близких комплексах и датирует изделие на основание радиоуглеродной датировки – концом III – серединой II тыс. до н. э. [46, с. 76, 169]. Вместе с тем, имеющая место нечеткость привязок полученных на памятнике радиоуглеродных

дат, равно как их разброс и отсутствие калибровки (в то время вообще не предпринимаемой) позволили И. В. Ковтуну использовать для датировки данного предмета самую «молодую» из имеющихся дат и отнести изделие к XII – XI вв. до н. э. [18, с. 323], с чем, конечно же, невозможно согласиться.

В уже не раз цитируемой статьей 1993 г. были приведены известные на тот момент аналогии анализируемым кинжалам [29, с. 11 – 14], однако с расширением круга этих находок появились специальные работы, предлагающие их хронологию и стилистическую интерпретацию [39; 8; 18].

Абсолютные аналогии

Территориально ближайшей аналогией к анализируемым является кинжал из Кулундинской степи, найденный примерно в 250 км к ЮВ от могильника Сопка-2, в окрестностях села Конево (Краснозерский р-н Новосибирской обл.) [11, с. 67] (рис. 1-2). Несмотря на часть обломанной рукояти, изделие абсолютно аналогично анализируемым и типологически вероятно занимает промежуточное место между выделяемыми на Сопке вариантами. С первым вариантом его сближает украшенная цепочками выпуклостей рукоять, а с кинжалами второго варианта сквозные отверстия в вертикальном пазе рукояти.

Также абсолютно аналогичен кинжалам второго варианта является изделие из Синьцзяна (долина р. Или, пригород Цяоланерека) [65, p. 245; Новоженов 2012 рис. 161 В-4]. Территориально, эта находка одна из самых удаленных от сопкинского могильника, однако морфологически практически идентичная (рис. 1-3).

К разряду абсолютных аналогий следует отнести кинжал, обнаруженный в районе г. Змеиногорска Алтайского края [2, с. 189]. Единственным отличием от сопкинских является своеобразное оформление рукояти. Вся ее поверхность – гофрирована. Может быть это делалось для более жесткого крепления ремешка обмотки рукояти (рис. 1-4).

В данную группу аналогий следует добавить еще один кинжал с территории равнинного Алтая, обнаруженный у совхоза «Урожайный», в 40 км к югу от г. Бийска [62, с. 102, табл. 8,21]. Это изделие наиболее близко кинжалу из сопкинского погребения № 425 (к. 58, п. 26) с той лишь разницей, что рукоять, помимо рельефных бугорков по краям имеет гофрированную поверхность по средним желобкам и одно овальное отверстие у окончания (рис. 1-5).

К этой же группе аналогичных изделий следует отнести кинжалы найденные так же вне комплексов на территории Северного и Восточного Казахстана, т. е. территории, как и равнинный Алтай достаточно близкой к Барабинской лесостепи. Речь идет о кинжале из Семипалатинского музея (рис. 1-6) опубликованного С. С. Черниковым, а затем переизданный Н. Л. Членовой [54, табл. XIV, 4; 62, табл. 8-19]. Данное изделие отличается от сопкинских наличием цепочки желобков, нанесенных под углом, вдоль средней части рукояти (по-видимому имитация обмотки) и только одним отверстием у обушка рукояти. Аналогичное сходство с сопкинскими кинжалами демонстрирует изделия из окрестностей села Петропавловское [18, табл. 111-9]. По центральной части рукояти здесь также нанесены горизонтальные валики, однако отверстия в рукояти отсутствуют (рис. 1-7).

Еще один кинжал, который можно отнести к разряду абсолютных аналогий происходит из бывшей Енисейской губернии [62, табл. 8-22]. Его отличает орнаментированная сетчатым узором центральная часть рукояти. В торцовой части присутствует одно отверстие для крепления обмотки.

Наконец, к наиболее территориально удаленным, однако морфологически абсолютно идентичными барабинским кротовским образцам следует отнести два кинжала из уезда Тяньшуй, провинции Гансю [17, с. 144, рис. 2-2,3]. По сведениям А. А. Ковалева, опубликовавшего эти находки, они экспонируются в музее уезда Тяньшуй провинции Ганьсу и получены от местного населения, т. е. их археологический контекст не известен [Там же]. Первое изделие (рис. 1-9) абсолютно аналогично кинжалам второго варианта предлагаемой нами классификации. Второй кинжал, опубликованный А. А. Ковалевым (рис. 1-9), можно было бы отнести к первому варианту нашей классификации. Их сближает одинаковое оформление краев рукояти бордюрами из выпуклых бугорков, однако в верхней части рукояти изделия из Китая имеет место овальное сквозное отверстие, что позволяет видеть в нем особый вариант. Вместе с тем обозначенная близость изделий, конечно же, несомненна.

Таким образом, несмотря на определенное своеобразие, которое несет почти каждый, приводимый нами в качестве аналогий сопкинским кинжалам их близость не вызывает сомнение, как и время бытования.

Близкие аналогии

К близким аналогиям рассматриваемым изделиям относится кинжал, обнаруженный на территории равнинного Алтая у с. Чарышское [16]. Его отличает от сопкинских более узкое и длинное лезвие, а также наличие навершия на торце рукояти в виде лошадки, как будто привязанной к коновязи (рис. 1-10).

На территории более удаленной от Барабы аналогичными сопкинским, как уже отмечалось ранее, безусловно являются по крайней мере три кинжала – из Второго Каракольского клада из Средней Азии (юго-восточный берег оз. Иссык-Куль). По сути три образца из пяти отличаются от кротовских только наличием навершия в виде лошадки или обломками фигурок животных, на двух остальных образцах [7] (рис. 1-11) По сути три образца из пяти отличаются от кротовских только наличием навершия в виде лошадки или обломками фигурок животных, на двух остальных образцах [7] (рис. 1-11). В продолжение типологии данных кинжалов в этой серии можно видеть третий вариант рассматриваемых изделий, отличающихся от всех выше охарактеризованных во-первых, наличием навершия, во-вторых, своеобразным оформление рукояти (последнее делает возможную типологическую разработку данных кинжалов еще более стойкой).

Аналогии

Кинжалами аналогичными характеризуемым следует признать серию изделий с абсолютно тождественными пропорциями, но с объемной литой руко-

ятью. Их хронологическая идентичность с выше охарактеризованными изделиями по нашему мнению – бесспорна. Кинжалы, о которых пойдет речь, имеют идентичные пропорции с характеризуемыми и их перечисленными аналогами. Речь идет о двух кинжалах из Второго Каракольского клада [7] (рис. 1-11). Пропорции рукоятий этих кинжалов абсолютно аналогичны вышеописанным. Они имеют легкое сужение в средней части и расширяются к противолежащим оконечностям. Рукояти объемны и более удобны, они уже не требовали дополнительной обмотки кожаным ремешком хотя сохранили вероятно имитацию последнего в виде горизонтальных валиков. Кроме того, рукоять этих кинжалов увенчана литыми фигурками животных – баранов (?). К числу этих изделий следует отнести и случайную находку в целом такого же кинжала найденного в окрестностях с. Курчум в Восточном Казахстане [43, с. 50, рис. 56,21; 45, с. 23 – 26] (рис. 1-12) Несмотря на имеющиеся у этого образца особенности (три отверстия на одной стенке рукояти, нанесение орнамента имитирующую все ту же горизонтальную обмотку только на одной ее стороне, фигурку барана) кинжал вне сомнения сопоставим с выше перечисленными из Второго Каракольского клада и с анализируемой серией из Сопки.

Типологически особым, однако несомненно сопоставимым с анализируемыми кинжалами представляется еще один кинжал из района Семипалатинска, опубликованный в сводке Н. Л. Членовой [62, табл. 8-14]. По форме он абсолютно аналогичен рассматриваемым выше, однако его рукоять в разрезе овальная, а на месте отверстий сделанной пазы для крепления ремешка обмотки (рис. 1-13).

К числу аналогичных, хотя и, безусловно, достаточно своеобразных (на сегодняшний день его можно даже назвать уникальным!) относится кинжал из окрестностей с. Шемонаиха (Рудный Алтай) [43; 45] (рис. 1-14). О его безусловном отношении к рассматриваемой серии свидетельствует навершие – объемная скульптурка лошади на привязи абсолютна аналогичная скульптурке лошадки на привязи кинжала из окрестностей села Чарышское на равнинном Алтае [16]. Литая рукоять украшена с одной стороны гофрированным узором, имитирующими обмотку. (Интересно отметить, что оборотная сторона рукояти этого кинжала украшена совершенно иной композицией в виде двух параллельных зон штрихованных прямоугольников [44, с. 55]. Представляется, что аналогичный семантический подход к украшению рукояти с разных сторон различным орнаментам позволяет проводить параллель с однолезвийными кинжалами (или ножами) увенчанных фигурным навершием в виде стилизованного изображения головы лошади из могильника Елунино-I [15] и случайной находке из окрестностей с. Усть-Мута [13] на Алтае. Эта, весьма специфическая параллель может являться свидетельством в пользу их близкой хронологии – *примечание автора*). Клинок имеет ромбовидный разрез и снабжен по всей длине ребром жесткости, что также позволяет нам проводить аналогии рассматриваемых кинжалов с данным изделием.

В развитии анализа данного сюжета небезинтерсно отметить, что Г. Парцингер отнес кинжалы Второго Каракольского клада к Кенкольскому типу [40, с. 71], что выглядит отнюдь не безосновательно. Смущает лишь то обстоятельство, что термин «кенкольская культура» был уже использован для обозначения памятников хунно-сяньбийского времени в этом же регионе Центральной Азии.

Отдаленные аналоги

Представляется, что кроме перечисленных нами изделий в разной степени аналогичных рассматриваемым кинжалам из Сопки будет не лишним несколько слов сказать о более отдаленных параллельных, которые выглядит не бесспорными, однако не упомянуть о них так же было бы неверным, поскольку на лицо и связывающие их элементы, объясняемые разными обстоятельствами. К числу таких предметов относятся по своему уникальные изделия такие как кинжал из разрушенного современными грабителями могильника из окрестностей г. Омска [35, рис. 17]. Уже приходилось подчеркивать его параллели с кинжалом из окрестностей Шемонаихи [Там же, с. 68].

Уместно отметить, что типологическая линия развития анализируемых изделий находит продолжение в позднебронзовых образцах из Осинкинского могильника [42] и Акмолинского Приишимья [52], а также двух кинжалов, найденных на поселении эпохи поздней бронзы в Приишимье Новоникольское-1 [9, рис. 2-3,11], которые демонстрируют несомненную близость (или, если хотите преемственность) формы клинки и рукояти, как и явные новации (кольцевидное навершие, прорезная или своеобразно оформленная рукоять, отсутствие ребра жесткости и т. д.)

В заключение, думается будет уместным отметить, что наряду с охарактеризованными кинжалами на территории современного Казахстана, (возможно Алтая) и Синьцзяна выявлено по крайней мере три однолезвийных бронзовых ножа в определенной степени сопоставимых с рассматриваемой серией. Речь идет о таком ноже, хранящемся в Эрмитаже с территории Алтая или Казахстана [62, табл. 8,20]. Рукоять его абсолютно аналогична рукояткам сопкинских кинжалов, как по пропорциям, так и по наличию пары противолежащих отверстий и двух рядов бугорков по краям. Второй нож из Казахстана имеет почти до предела ассиметрично сточенное лезвие, что затрудняет его однозначную атрибутацию, однако по рукояти тавровидной в сечении, с двумя противолежащими отверстиями он вполне сопоставим с кротовскими [54, табл. XIV-3]. Наконец, последний нож из Синьцзяна, обнаруженный вместе с абсолютно аналогичным кротовским кинжалом, о котором выше уже шла речь [65, p. 245; 38, рис. 1618] имеет массивное лезвие секача, при тавровидной в сечении рукояти с одним отверстием в торце.

Интересно отметить, что как и классические кинжалы, о которых идет речь, нашли свое продолжение и эволюцию формы в культурах поздней бронзы (о чем речь шла выше – Осинкинский могильник, случайная находка из Акмолинского Приишимья, Новоникольское-1), так и однолезвийные ножи с характерной для рассматриваемых кинжалов формой рукояти имеют место в культурах поздней бронзы, конечно в очень сильно измененном виде. Речь идет о двулез-

вийном ноже памятника Шипуновка-5 равнинного Алтая [10, рис. 1].

Такова типологическая схема и максимально полный, на сегодняшний день перечень аналогий сопкинскими кинжалами, что же касается их хронологии, то и в настоящее время, как и двадцать лет назад эта проблема остается остро дискуссионной и требует специального анализа, который мы предлагаем ниже.

Как и классические предметы сейминско-турбинского облика, к числу которых относятся характерные по форме кельты, наконечники копий, однолезвийные и двулезвийные кинжалы [57] исследуемые кинжалы имеэт так называемый «транскультурный характер», распространяясь на огромной территории от Барабинской лесостепи на севере – до Иссык-Куля и далее до Синьцзяна на юге и от степей Казахстана на западе почти до Центрального Китая – на Востоке, при этом отдельные предметы известны даже за пределами этой огромной территории. Понятно, что они использовались населением носителями различных археологических культур, при этом бытовавшим примерно в одно историческое время.

Картографирование анализируемых двулезвийных кинжалов показывает, что означенная территория могла в такой же степени как для сейминско-турбинских являться своего рода очагом и для их производства.

Металлические изделия в археологических комплексах являются одним из важнейших индикаторов хронологии археологических культур [1, с. 6].

Носители кротовской культуры обладали высокоразвитым бронзолитейным производством о чем свидетельствуют как его многочисленные следы на кротовских поселениях [25, табл. LXI; LXII; 34, с. 104 – 119], так и захоронение литейщика обнаруженное на анализируемом могильнике [27] с ярчайшим набором инструментария металлурга-литейщика. Более того, литейные формы и их фрагменты были встречены и в других захоронениях анализируемого в настоящей статье памятника.

Источником сырья для производства бронзовых орудий у носителей кротовской культуры, несомненно, являлся Рудный Алтая связанный с более северными районами, в том числе очевидно и с Барабинской лесостепью, Иртышской магистралью.

Рудный Алтай – несомненно, особый район, охватывающий западные предгорья Алтайской горной системы, включающие верховья Иртыша – важнейшую транскультурную магистраль древности, благодаря которой палеометаллические руды, которыми богата данная территория распространялись на север, а благодаря иртышским притокам – в восточном и западном направлении. Наличие на территории Рудного Алтая месторождений меди и олова способствовали получению высококачественной оловянистой бронзы, что по справедливому заключению ряда исследователей [см. напр., 55; 41; 8] привели к формированию Рудноалтайского металлургического центра в рамках Саяно-Алтайской горно-металлургической области.

Именно Рудный Алтай и прилегающие к нему районы, обладающий запасами источников сырья мог служить как одним из очагов производства сейминско-турбинских предметов [о чем неоднократно говорили исследователи: 49; 22, с. 55; 51, с. 142; 57].

С момента публикации специальной работы посвященной особому типу бронзовых кинжалов кротовских погребений на сопкинском могильнике прошло двадцать лет [29], однако по-прежнему у многих авторов, обращающихся к анализу данного вида кинжалов имеет место явная недооценка трех сопкинских образцов из погребальных комплексов кротовской культуры, что приводит к неверной хронологической атрибутации этого важнейшего вида источников. Такое положение вещей вновь заставляет нас ввернуться к рассмотрению данной проблемы, имея в своем активе принципиально новые данные, касающиеся их датировки. Напомним, что в своей монографии, посвященной кинжалам карасукской культуры Н. Л. Членова отнесла анализируемые в данной работе изделия к карасукскому времени [62, с. 102, табл. 8]. Исследователь в своих посылках руководствовался исключительно морфологическим анализом в оценке их форм, поскольку находки этих кинжалов в закрытых комплексах в то время отсутствовали. Вероятно с ее легкой руки ряд исследователей до сих пор придерживаются данной точки зрения (безусловно ошибочной) [39]. Другие же считают их «постсейминскими» [8; 18], так же тем самым существенно омолаживая последние.

А. В. Папин и А. С. Федорук в коллективной монографии, посвященной анализу бронзовых предметов Алтая в эпоху энеолита и бронзы [39, с. 75 – 121] относит два кинжала с территории равнинного Алтая ранее опубликованных Ю. П. Алехиным, В. И. Владимировым и Н. Л. Членовой и абсолютно аналогичных сопкинским к эпохе поздней бронзы, типу 8 разработанной ими типологии [39, с. 108]. Данная посылка ничем не обосновывается, а единственный памятник (Сопка-2), где аналогичные кинжалы трижды встречены в погребальных комплексах кротовской культуры (где лежали in situ!) попросту игнорируется.

К «постсейминскому» или самусьско-кижировскому этапу предлагаемой периодизации сейминско-турбинского комплекса Алтая отнес кинжал с Чарыша (а следовательно, данные изделия) С. П. Грушин [8, с. 128, табл. I, с. 127]. В культурном отношении исследователь бронзовые предметы этого этапа связывает «с различными андроноидными» культурами Северной Евразии и второй половиной II – первой четвертью I тыс. до н. э.» [8, с. 128].

К «постсейминско-турбинским», понимая под термином эпохальное явление, отнес рассматриваемую группу кинжалов, включая три изделия из могильника Сопка-2, И. В. Ковтун [18, с. 322 – 325, табл. 111]. Исследователь хотя и видит в последних образцах в контексте всей сводки «сравнительно архаичную форму» [18, с. 323] делает, тем не менее, вывод (основанный на исключительно риторических пассажах построения типологической эволюции, которую можно при желании строить по-иному, с точностью до наоборот!) который звучит однозначно: «Все это не означает причастности сопкинских кинжалов или их типологических параллелей к сейминско-турбинскому хронологическому горизонту. С

этим периодом связаны вероятные проформы рассматриваемых изделий» [18, с. 324].

Как видим, исследователи и сегодня склонны следовать концепции Н. Л. Членовой и относить данные кинжалы, число которых, как и территория распространения заметно увеличилась (см. выше) к эпохе поздней бронзы, либо, в лучшем случае, к постсейминскому или постейминско-турбинскому времени, что хронологически уходит во вторую половину II тыс. до н. э. Слабость имеющей место аргументации по прежнему заключается в отсутствии хотя бы одного предмета обнаруженного в надежно датированном комплексе, что не позволяет датировать и кротовские изделия эпохой поздней бронзы. Понимая уязвимость такой позиции Н. В. Ковтун пытается пересмотреть датировку кинжала из памятника Дашлы-3 (Северный Афганистан) отнесенного его исследователем В. И. Сарианиди к концу Ш – серединой П тыс. до н. э. [46, с. 76, 169 и др.]. Из шести полученных радиоуглеродных не калиброванных (!) дат памятника исследователь предлагает использовать наиболее молодую – 1116 ± 70 до н. э. и делая далее логическое заключение о стратиграфическом залегании захоронения с кинжалом ограничивает время его бытования XII – XI вв. до н. э. [18, с. 323].

Мы готовы согласиться с Игорем Вячеславовичем, что «ситуация с дашлинской находкой неоднозначна» [18, с. 323] и поэтому не может быть с нашей точки зрения решающей. Даже если дата единственно верная из шести, полученных на памятнике, даже если она верна без калибровки (последнее вообще маловероятно). Дело в том, что кинжал из Афганистана более сопоставим действительно с позднебронзовыми образцами таких форм, (см. выше: кинжалы из Акмолинского Приишимья и Осинского могильника). С осинским кинжалом его сближает такая своеобразная черта, как продолжения ребра жесткости с клинка через всю рукоять (Сравните: [18, табл. 113-17, 14] – *примечание автора*). Кстати сказать, в этот же ряд его помещает и И. В. Ковтун [18, табл. 113-17, 15,14].

Хронологическая позиция кротовской культуры существовавшей в Обь-Иртышской лесостепи до прихода на данную территорию андроновцев (федоровцев) не раз обосновывалась одним из авторов статьи еще на момент ее выделения [24; 25; 26; 28 и др.]. Появившиеся новые материалы, равно как и завершение исследования памятника Сопка-2 позволили планиграфически четко выделить на нем могильники эпохи неолита, усть-тартасской, одиновской, кротовской и позднекротовской культуры, [30, 31, 32, рис. 7], а также отдельные могилы андроновской (федоровской), ирменской и сузгунской культур (не говоря об эпохах железа и средневековья). Планиграфия кротовского могильника Сопка-2/4/б,в, о котором идет речь может вызывать определенные проблемы лишь в месте его планиграфического соприкосновения с одиновским могильником Сопка-2/4А. Погребения же с рассматриваемыми кинжалами планиграфически расположены в рядах кротовского могильника, в могилах имеет место инвентарь (украшения, оружия, керамика), характерные для других кротовских захоронений памятника (рис. 2).

Так что принадлежность комплексов, в которых данные кинжалы обнаружены к кротовской культуре выглядят с нашей точки зрения абсолютно однозначно и безукоризненно. К сказанному следует добавить, что на данном памятнике обнаружено захоронение литейщик № 282 (к. 25, п. 64) с набором классических сейминско-турбинских предметов и изделий для их производства. Створка литейной формы для отливки сейминско-турбинского копья найденного в погребении № 427 (к. 58, п. 28) что позволяет однозначно говорить об их единой, вместе с рассматриваемыми кинжалами, культурно-хронологической позиции.

Таким образом, мы должны совершенно однозначно констатировать, что характеризуемые кинжалы действительно возникают и существуют в одно время с сейминско-турбинским феноменом, являясь типичным явлением для его восточного ареала.

Несколько слов необходимо сказать относительно морфологии данных изделий. Конечно, за время своего существования изделия эволюционируют, причем порой самым неожиданным образом, когда появляются такие редкие формы как например, кинжал из Шемонаихи [43] или разрушенного современными бугровщиками могильника близь г. Омска [35, с. 67, рис. 17]. С приходом в Западную Сибирь андроновского населения, причем на стадии уже первых контактов, у аборигенов (позднекротовцев) происходит полная смена оружия с сейминско турбинских на срубно-андроновские формы, в том числе и кинжалов, что мы наблюдаем и на Сопке в позднекротовском могильнике, и на соседнем памятнике Тартас-1 [28; 33, рис. 2-14, 15]. Вместе с тем, в каких-то общностях двулезвийная форма кинжала с литой рукоятью продолжает бытовать на Алтае (42, рис. 2-1), Акмолинское Приишимье [52], являясь своего рода предшественниками классических бронзовых карасукских кинжалов [29, с. 14].

Из разработки Н. Л. Членовой критериев типологии бронзовых кинжалов следует, что рукояти бронзовых кинжалов с широкой щелью типологически являются более ранними, чем карасукские и восходят к рукоятям с накладками [59, с. 266; 60; 61, с. 18 – 20; 62, с. 6]. Анализ сопкинских кинжалов позволяет с полным основанием видеть в форме данной рукояти именно рукоять с накладками (рис. 4), типологически более раннюю, чем карасукские. Нельзя также не согласиться с Д. В. Винник и Е. Е. Кузьминой, которые синхронизируют навершия на кинжалах из Второго Каракольского клада с навершиями на однолезвийных кинжалах из Сеймы, Турбино и Ростовки [7, с. 50], что также по нашему мнению свидетельствует в пользу отнесения данных изделий к сейминско-турбинской эпохе. К аналогичному выводу пришли и наши барнаульские коллеги. Так Шульга и С. П. Грушин анализируя навершие кинжала из окрестностей с. Чарышское (как мы уже отмечали аналогично сопкинским см. выше) приходят, с нашей точки зрения, абсолютно справедливому выводу о связях скульптурки лошади с сейминско-турбинским изобразительным канонам [16], что предопределяет и хронологическую и семантическую позиции данного предмета, равно как и всей серии. (В коллективной монографии 2009 г. С. П. Грушин отнес этот кинжал без каких либо ком-

ментариев к «постсейминским» т. е. более поздним образцам, с чем нельзя согласиться – *примечание автора*).

С сейминско-турбинской изобразительной традицией связывает навершия кинжалов в виде бронзовых лошадок из Второго каракольского клада и В. А. Новоженов [38, с. 316, рис. 175].

Разумеется, рассматриваемую серию кинжалов следует понимать как широкое явление характерное для свиты культур развитой бронзы, бытовавшей на этой огромной территории. К их числу несомненно относятся кротовские и елунинская культуры, а также такие как окуневская, каракольская и другие культуры этой эпохи. Аналогичное явление мы наблюдаем применительно для сейминско-турбинских бронз, только значительно более широких пространств Евразии [58]. Наконец последнюю точку в дискуссии, касающейся хронологии рассматриваемых кинжалов ставит датировка комплексов ряда могильников эпохи бронзы Барабинской лесостепи, в том числе и кротовского могильника Сопка 2/4Б; В радиоуглеродным методом.

В настоящее время получена серия дат в различных высокорейтинговых лабораториях России и Великобритании кротовских захоронений, в том числе, погребения с анализируемым кинжалом. В лаборатории Белфастского королевского университета получена дата по кости человека погребения № 425 (к. 58, п. 26) UBA-25026 [21]. В пределах вероятности 88,7 % ее параметры выглядят следующим образом: 2350 ВС – 2120 ВС т. е. последняя треть Ш тыс. до н. э. Если учесть, что созвучные по времени даты получены и из других, соседних захоронений кротовской культуры могильника, равно как и захоронений с сейминско-турбинскими изделиями (к примеру калибрование датировка захоронения литейщика № 282 (к. 25, п. 64) [26] СОАН-7725 в пределах вероятности 95,4 % составляют 2470 – 2030 ВС, что т. е. вторая половина Ш тыс. до н. э.), то очевидны два принципиально важных вывода.

1. Часть кротовского могильника Сопка-2/4Б, А относится ко второй половине (последней трети) Ш тыс. до н. э.

2. Планиграфия памятника с учетом серии радиоуглеродных дат позволяет уверенно свидетельствовать, что анализируемые кинжалы сосуществуют с сейминско-турбинскими бронзами в восточном ареале их распространения.

В заключение следует коснуться еще одной проблемы связанной с вероятным центром происхождения рассматриваемых изделий. В своей недавней статье посвященной, в том числе двум абсолютно аналогичным сопкинским бронзовым кинжалам, найденным глубоко на востоке Китая, в провинции Ганьсю, ее автор А. А. Ковалев полагает, что этот факт свидетельствует о присутствии здесь «пришельцев из Западной Сибири» [17, с. 144].

Можно согласиться с А. А. Ковалевым, что попали они на данную территорию безусловно с запада, только вряд ли это были «пришельцы из Западной Сибири». Мы уже отмечали выше, что центром возникновения сейминско-турбинского феномена (равно как и сопутствующих ему анализируемых кинжалов) был скорее всего Рудный Алтая, вероятно с прилегающими к нему территориями Синьцзяна. В одной из последних своих работ Е. Н. Черных, крупнейший знаток и исследователь сейминско-турбинского феномена, пишет: «Судя по всему именно Синьцзян и является исходным регионом для формирования сейминско-турбинского феномена. При этом территориальное понятие Синьцзян можно трактовать в расширенном формате, соответствующем, к примеру границам Синьцзян – Уйгурского автономного района современного Китая – то есть от Монгольского Алтая вплоть до Восточного Тянь-Шаня, с включением в эти рамки Джунгарии и бассейна Тарима: всего до 1,5 – 1,7 млн кв. км. Этот реконструируемый первичный для сейминско-турбинской культуры ареал мог даже слегка накрывать более западные от Синьцзяна области» [56, с. 283]. Вот из этого то ареала и следует видеть выплекс носителей данного феномена (в том числе и рассматриваемых кинжалов во-первых, на север, вдоль Иртыша, а затем в Сибири веерообразно на запад и восток. Кроме того, некоторые предметы попадали и в восточные (пров. Гансю и Монголия), и западные (Киргизия оз. Иссык Куль) районы Центральной Азии. Носители кротовской культуры не могли стоять у истоков данного феномена, поскольку были лишены собственной рудной базы.

Литература

1. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Изд-во: ФАН УзССР, 1991. 125 с.

2. Алехин Ю. П., Владимиров В. Н. Разведочные работы в Предгорном Алтае // АО 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 189 – 190.

3. Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: дис. … д-ра ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск, 1992. 41 с.

4. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // Труды Ш (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса 2011 г. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород 2011. С. 106 – 108.

5. Бобров В. В., Чикишева Т. А. Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: Наука, 1992. 163 с.

6. Бобров В. В. Юракова А. Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Т. I. Казань, 2014. С. 211 – 213.

7. Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е. Второй каракольский клад Киргизии// КСИА. 1981. № 167. С. 49 – 52.

8. Грушин С. П., Папин Д. В., Позднякова О. А., Тюрина Е. А., Федорук А. С., Хаврин С. В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 122 – 131.

9. Зданович Г. Б. Поселение эпохи бронзы Новоникольское-1 (раскопки 1970 г.) // Из истории Сибири. Томск: изд-во ТГУ, 1974. Вып. 15. С. 61 – 71.

10. Иванов Г. Е. Бронзовый нож из Мамонтовского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: изд-во Алт. гос. университета. 1996. Вып.VII. С. 94 – 97.

11. Из музейных собраний Новосибирской области. Каталог/ сост.: Н. В. Ермакова, М. А. Овчарова / под ред. А. В. Шаповалова. Новосибирск: изд-во НГКМ, 2009. С. 158.

12. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 1. Томск: изд-во ТГУ, 1994.

13. Киреев С. М., Кудрявцев П. И. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, Изд-во АГУ, 1988. С. 164 – 166.

14. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1966.

15. Кирюшин Ю. Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО. 1979. М.: Наука, 1980.

16. Кирюшин Ю. Ф., Шульга П. И., Грушин С. П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. гос. университета, 2006. С. 45 – 53.

17. Ковалев А. А. Новые данные о связях культур Западной Сибири, Монголии и Китая в первой половине II тыс. до н. э. // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. гос. университета, 2013. С. 140 – 146.

18. Ковтун И. В. Предыстория индоиранской мифологии. Кемерово: Изд-во Азия-Принт, 2013. 702 с.

19. Кубарев В. Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 29 – 54.

20. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-Вахавские ханты. Томск: Изд-во ТГУ, 1977.

21. Марченко Ж. В., Молодин В. И., Гришин А. Е., Орлова Л. А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинскими и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. 2014 г. Т. I. Казань, 2014. С. 463 – 468.

22. Матющенко В. И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2. Самусьская культура. Из истории Сибири. Вып. 10. Томск: Изд-во ТГУ, 1973.

23. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. САИ. Вып. BI-4. М.: Наука, 1964.

24. Молодин В. И. Кротовская культура и ее окружение // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1975. С. 259 – 268.

25. Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 175 с.

26. Молодин В. И. Бараба в древности: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1983. 36 с.

27. Молодин В. И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 96 – 109.

28. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

29. Молодин В. И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 4 – 16.

30. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Т. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 127 с.

31. Молодин В. И. Современное представление об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т. Н. Троицкой). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 61 – 76.

32. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Т. 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.

33. Молодин В. И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. 1(57). С. 49 – 54.

34. Молодин В. И., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2012. Т. 11. Вып. 5. Археология и этнография. С. 104 – 119.

35. Молодин В. И., Нескоров А. В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3(43). С. 58 – 71.

36. Молодин В. И., Новиков А. В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области: мат. «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 3. Новосибирск, 1998. 139 с.

37. Молодин В. И., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Т. 2. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 182 с.

38. Новоженов В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М: Изд-во ТАУС, 2012. 500 с.

39. Папин Д. В., Федорук А. С. Поздний период бронзового века переходное время от бронзового к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века / С. П. Грушин, Д. В. Папин, О. А. Позднякова, Е. А. Тюрина, А. С. Федорук, С. В. Хаврин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 75 – 121.

40. Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 66 – 75.
41. Розен М. Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае. Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 112 – 121.
42. Савинов Д. Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л: Наука, 1975. С. 94 – 100.
43. Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1999. 288 с.
44. Самашев З. С., Ермолаева А., Кущ Г. Древние сокровища Казахского Алтая. Алма-Аты: Онер, 2008. 200 с.
45. Самашев З. С., Жумабекова Г. К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Известия НАН РК. (Серия: Общественные науки). Алма-Аты: Гылым 1993. № 5(191). С. 23 – 33.
46. Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
47. Соввотов П. Описание старинных русских утварей, оружия ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположения. СПб, 1806.
48. Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М.: Наука 2009. 755 с.
49. Тихонов Б. Г. Металлургические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА. 1960. Вып. 90. С. 5 – 115.
50. Тун Эньчжан. Исследование бронзовых мечей юго-западных районов нашей страны // Каогу сюсбао. 1977. № 2 (на китайском яз.).
51. Уманский А. П., Демин М. А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 143 – 150.
52. Хабдулина М. К., Плешаков А. А. Случайные находки кинжалов с Прииртышья // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. Т. I. Изд-во KUL TECIN, 2003. С. 215 – 218.
53. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
54. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА № 88. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
55. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА № 172. М.: Наука, 1970. 179 с.
56. Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М.: Изд-во Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. 368 с.
57. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84 – 105.
58. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Азии. М.: Наука, 1989. 320 с.
59. Членова Н. Л. Материалы по истории Сибири. Т. 1. Улан-Удэ, 1964.
60. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
61. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. МИА. М.: Наука, 1967.
62. Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976.
63. Jowett Ph. Chinas wars: Rousing the Dragon 1894 – 1949. L: Osprey Publishing, 2013. 400 p.
64. Müller H., Kőlling H. Europäische Hieb und Stichwaffen aus der Sammbung des Musems für Deutsche Geschichte. Berlin 1981.
65. Qi Xioshan, Wand Bo. The Ancient culture in Xinjang alang the silk Rood. 2008. P. 304.

Информация об авторе:
Молодин Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, Molodin@archaeology.nsc.ru.
Vyacheslav I. Molodin – Doctor of History, Full Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director at the Institute for Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 903.59(470.55)

НЕОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ПРИИРТЫШЬЯ: НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

В. С. Мосин

THE NEOLITHIC OF FOREST-STEPPE TRANSURALS AND IRTYSH AREA: LATEST RESEARCHES AND PERIODIZATION

V. S. Mosin

Последние годы в вопросе о неолитизации Зауралья две основные концепции противостоят друг другу: последовательность традиций кошкино-боборыкино по В. Т. Ковалевой и боборыкино-кошкино по В. А. Заху. Козловские комплексы раннего неолита (В. Т. Ковалева) отнесены к позднему неолиту вместе с полуденковскими материалами (В. А. Зах). Собственно гребенчатая традиция декорирования посуды стала рассматриваться как компонент самого позднего (финального) неолита или же уже как часть энеолита. Обе концепции основывались на порой противоречивых стратиграфических ситуациях и единичных (иногда тоже противоречивых) радиоуглеродных датах. Целью работы является попытка рассмотреть периодизацию неолита указанных регионов с учетом новых данных радиоуглеродного датирования. На основании анализа всех имеющихся в данный момент радиоуглеродных дат можно констатировать, что неолитический период Зауралья, в целом, укладывается в рамки VI – V тыс. до н. э. и условно может быть разделен на два этапа: ранний неолит (кошкинская и коловская традиции) – конец VII – VI тыс. до н. э. и поздний неолит (полуденская и боборыкинская традиции) – V тыс. до н. э. В периодизации лесостепного Прииртышья мы можем наметить два этапа: ранний, представленный пока единичными материалами с посудой неорнаментированной и декорированной отступающее – накольчатой техникой и поздний – с двумя традициями – боборыкинской и артынской.

Recently, the issue of neolitization of Transurals is dominated by two basic concepts that are opposed to each other: the sequencing of traditions as Koshkino-Boborykino by V. T. Kovaleva and as Boborykino-Koshkino by V. A. Zakh. Kozlovo complexes of early Neolithic (by V. T. Kovaleva) are attributed to the late Neolithic with Poludenka materials (by V. A. Zakh). The comb tradition of decorating ceramic pots has been regarded as a component of the late (final) Neolithic or already as part of the Aeneolithic. Both concepts are based on sometimes contradictory stratigraphic situations and single (also sometimes contradictory) radiocarbon dates. The goal is to attempt to consider the periodization of the Neolithic in these regions, in accordance with the new data of radiocarbon dating. Based on the analysis of all the available radiocarbon dates we can say that the Neolithic period of the Transurals was generally within VI – V millennia BC. and included two phases: the Early Neolithic (Koshkino and Kozlovo tradition) – the end of the VII–VI millennia BC, and the Late Neolithic (Poludenka and Boborykino tradition) – V millennium BC. In the forest-steppe Irtysh area periodization we can identify two stages: the Early Neolithic with single artifacts from burials and the Late Neolithic with two traditions – Boborykino and Artyn.

Ключевые слова: неолит, Зауралье, Прииртышье, радиоуглеродные даты, керамические традиции.

Keywords: Neolithic, Transurals, Irtysh area, radiocarbon dates, ceramics traditions.

На протяжении 60-х – 80-х гг. XX в. для неолита Зауралья применялась трехчленная периодизация, разработанная В. Н. Чернецовым, О. Н. Бадером и В. Ф. Старковым [30; 1; 27]. Поскольку радиоуглеродных дат почти не было, основанием для деления на этапы, служили представления ученых об эволюции морфологии, техники декорирования и стилистики декора керамической посуды: от прочерченной и отступающе-накольчатой к прочерченно-гребенчатой и гребенчатой. Ранний неолит ассоциировался у исследователей с керамикой декорированной волнисто-накольчатым орнаментом, происходившей, в основном, с памятников козловского этапа, средний или развитой неолит полуденского этапа – с посудой, украшенной волнисто-гребенчатым орнаментом, к позднему этапу неолита исследователи бесспорно относили гребенчатые комплексы сосновоостровского типа.

Весьма оригинальную по тем временам концепцию зауральского неолита во второй половине 80-х гг. предложила В. Т. Ковалева. Отмечая своеобразие кошкинских и козловских керамических комплексов, она рассмотрела материалы с точки зрения двух различных, параллельных культурных традиций. В таком варианте козловская и полуденковская культуры представляли автохтонную линию развития, а линию с участием мигрантов с юга – кошкинская и боборыкинская культуры. Неолит делился на две стадии: ранний этап – памятники с прочерченно-накольчатой техникой декорирования посуды (козловская и кошкинская), поздний — полуденковская и боборыкинская культуры. Сосновоостровские памятники, ранее считавшиеся поздним неолитом, были отнесены к энеолиту [11]. Позднее концепция была более тщательно проработана и уточнена. Миграцию носителей кошкинской традиции В. Т. Ковалева и С. Ю. Зырянова связали с орловским, каиршакским и джангарским населением Нижнего Поволжья и Прикаспия [12, с. 109, 112]. Было подчеркнуто, что кошкинская и боборыкинская традиции абсолютно не связаны между собой и появление боборыкинского населения в Зауралье связано с миграцией из Северной Месопотамии и Кавказа [13, с. 273 – 290].

Еще более оригинальная концепция развития неолита Тоболо-Ишимья (по сути, речь идет обо всей территории Зауралья, поскольку активно использованы все зауральские материалы) была разработана в

конце XX – начале XXI вв. В. А. Захом [8]. По его мнению, ранний неолит региона представлен комплексами боборыкинской культуры, включавшей два этапа: боборыкинский и кошкинский, датирующиеся VI – первой половиной V тыс. до н. э. (некалиброванные значения). Формирование как отступающе-прочерченной орнаментальной традиции, представленной боборыкинской культурой, так и ранней гребенчатой, автор связывает с мигрантами, у которых аборигены перенимали навыки изготовления посуды, из районов Прикаспия и Приаралья в горно-лесное Зауралье, лесостепное Приишимье, Прииртышье и далее в Барабу. Первый период позднего неолита в Притоболье, со второй половины V по первую треть IV тыс. до н. э., представлен полуденковской культурой с козловским и полуденковским этапами. При этом козловские керамические комплексы являются переходными между кошкинскими и полуденскими. В Приишимье в этот период формируется кокуйская культура, керамический комплекс которой представлен круглодонными сосудами с отступающе-гребенчато-ямочным орнаментом. Во второй период позднего неолита – со второй до последней трети IV тыс. до н. э., на смену полуденковской культуре приходит сосновоостровская с посудой, орнаментированной в гребенчатой традиции. В Приишимье продолжает развиваться кокуйская культура [8].

Считаю необходимым сделать замечание по поводу обеих вышеупомянутых концепций раннего неолита: неоднократное обращение непосредственно к керамическим коллекциям Нижней Волги, Прикаспия и того же Ракушечного Яра, а также длительное и многоразовое обсуждение этой проблемы с И. Н. Васильевой и А. А. Выборновым, досконально знающим различные составляющие этих материалов, позволяют сделать заключение, что ни кошкинская, ни боборыкинская, и, уж тем более, гребенчатая посуда – никакого отношения к технологии и стилю декора керамики Прикаспия, Нижней Волги и Кавказа абсолютно не имеют.

Периодизация неолита Прииртышья, была создана в начале 1970-х гг. работами археологов УрГУ под руководством В. Ф. Генинга. Выделенная среднеиртышская культура делилась на два этапа: ранний – кокуйский с посудой декорированной горизонтальными рядами отступающей палочки или гребенчатых оттисков, разделенных рядами круглых, овальных или иной формы ямок; поздний этап характеризовался материалами гребенчато-ямочной орнаментальной традиции Екатерининской и Артынской стоянок [6]. Позднее эта схема на основании анализа материалов поселения Кокуй 1, была пересмотрена А. И. Петровым [24; 25], который предположил, что «поселения с гребенчато-ямочной керамикой екатерининского типа в целом существовали ранее поселений с линейно-накольчатой керамикой артынского типа и керамикой, орнаментированной шагающей гребенкой» [25, с. 70]. В екатерининской культуре с гребенчато-ямочной керамикой он выделяет два этапа: собственно екатерининский позднего неолита и александровский – энеолита.

В последние годы на территории Центральной Барабы В. В. Бобровым и его учениками А. Г. Марочкиным и А. Ю. Юраковой на материалах опорного памятника для неолита региона – поселения Автодром 2/2 выделено два этапа неолита – боборыкинский и артынский. Стратиграфически установлено, что артынский комплекс (определенно поздненеолитический) позднее боборыкинского, хронология которого в Прииртышье пока не совсем ясна [2, с. 14 – 19; 3, с. 211 – 214].

Огромный интерес вызывают исследования коллективом под руководством В. И. Молодина могильников эпохи неолита Сопка 2/1 и Венгерово-2А. Найденные в погребениях небольшие остродонные сосуды, неорнаментированные и декорированные отступающей палочкой, а также круглодонный сосуд грушевидной формы, тоже с декором отступающей палочкой, позволяют говорить о раннем возрасте и автохтонности отступающе-прочерченной традиции западносибирского неолита. Определить место этих материалов в периодизационной колонке пока сложно. По мнению авторов, архаизм каменного инвентаря, отличающегося от традиционного западносибирского, позволяет предполагать достаточно ранний возраст комплекса, в любом случае, не моложе конца VI – V тыс. до н. э. Об автохтонности комплекса свидетельствуют и антропологические параметры трех черепов [20; 21, с. 117 – 122; 22, с. 302 – 306].

Таким образом, в первом десятилетии XXI в. в изучении неолита интересующих нас регионов сложилась следующая ситуация. В Зауралье (восточные склоны Урала и Притоболье) к раннему неолиту отнесены кошкинские и козловские (кокшаровско-юрьинские, евстюнихские) комплексы, к позднему неолиту – полуденские и боборыкинские комплексы (по В. Т. Ковалевой), или, к раннему – боборыкинские и кошкинские, а к позднему – козловские, полуденские и сосновоостровские (по В. А. Заху). По сути, это означает полный отказ от предшествующих трехчленных периодизаций и перенос материалов, ранее относимых к развитому неолиту в поздний. Собственно гребенчатая традиция декорирования посуды стала рассматриваться как компонент самого позднего (финального) неолита или же уже как часть энеолита. В Прииртышье и Барабе ранний неолит пока неизвестен, к позднему неолиту относят артынские комплексы, ямочно-гребенчатая традиция рассматривается как энеолитическая. Хронологическая позиция боборыкинских комплексов и керамических материалов из могильников не была окончательно определена. Целью работы является попытка рассмотреть периодизацию неолита указанных регионов с учетом новых данных радиоуглеродного датирования.

Массовое датирование органических остатков в керамике сначала в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН г. Киева под руководством Н. Н. Ковалюха, а затем в лаборатории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена под руководством М. А. Кульковой позволило создать для неолита Зауралья начальную базу данных, включавшую около сотни радиоуглеродных дат [5, с. 33 – 48]. Анализ полученных результатов позволил сделать вывод о том, что неолитический период Зауралья и Притоболья, в целом, укладывается в рамки VI – V тыс. до н. э. и условно может быть разделен на два этапа: ранний неолит – конец VII – VI тыс. до н. э. (cal BC) и поздний неолит – V тыс. до н. э. (cal BC). Ранний не-

олит – с начала VI тыс. до н. э. связан с кошкинской и козловской гончарными традициями, характеризующимися преимущественно накольчатой и прочерченной техникой декорирования, при очень ограниченном употреблении и зубчатого орнаментира. Поздний неолит региона представлен полуденской и гребенчатой традициями, сосуществующими с басьяновско-боборыкинской традицией [23, с. 317 – 321].

В последнее время были получены и новейшие данные, позволяющие скорректировать существующие периодизационные схемы. Так, в лаборатории РГПУ им. Герцена было получено пять радиоуглеродных дат по неолитической керамике с поселения Кочегарово I, еще две даты по керамике с этого же поселения были получены в университете Аризоны (Тусон). Наиболее раннее значение 6073 ± 100 (SPb-1272) получили фрагменты от сосуда закрытой формы с подтреугольным хорошо выраженным наплывом. Орнамент геометрический, выполнен цепочками отступающих наколов в виде поясов заштрихованных треугольных зон, разделенных горизонтальными линиями. По срезу венчика также нанесены насечки. Следующее значение принадлежит фрагментам от тонкостенного (0,4 – 0,6 см) сосуда из хорошо промешанного теста с небольшой долей песка в качестве примеси. Обжиг равномерный, желтого и светло-желтого цвета; на внутренней стороне перекрыт слоем нагара. Поверхность хорошо заглажена (замыта?). Сосуд закрытой формы с округлым слабо выраженным наплывом и отогнутым венчиком. Орнамент выполнен тонкими волнистыми линиями – строенные вертикальные линии разбивают верхнюю часть сосуда на орнаментальные зоны, заштрихованные наклонными волнистыми линиями. Дата – 5952 ± 100 (SPb-1269). Фрагменты от сосуда закрытой формы с подтреугольным хорошо выраженным наплывом, с орнаментом геометрическим, выполненным прочерчиванием в виде поясов заштрихованных треугольных зон, разделенных горизонтальными волнистыми линиями, получил дату 5817 ± 130 (SPb-1273_1). Дата фрагмента придонной части сосуда с разреженным декором: прочерченные волнистые линии (4–5) образуют горизонтальный пояс, от которого отходят отдельные вертикальные линии – 5878 ± 120 (SPb-1274_1). Интересна дата, полученная для сосуда закрытой формы с низко опущенным и слабо выраженным наплывом. Орнамент монотонный, линейно-горизонтальный, в виде наклонных оттисков тонкого гребенчатого штампа из 8 – 10 зубцов, покрывающих всю внешнюю поверхность сосуда и наплыв. Срез венчика украшен насечками – 5815 ± 150 (SPb-1271). Сосуд был найден в заполнении ямки в полу неолитического жилища. Одна дата для типичного сосуда козловской традиции оказалась неприемлемо поздней – 4115 ± 100 (SPb-1270). Даты, полученные по керамике в университете Аризоны, наоборот показались несколько заниженными. Так, один образец – с сосуда закрытой формы с отогнутым наружу венчиком и подтреугольным наплывом. Фрагмент с серой и коричневой внешней поверхностью и черного от нагара цвета внутренней стороной. Поверхность заглажена, в тесте примесь песка. Орнамент сплошной, линейно-горизонтальный: тонкие волнистые линии (3 – 4) чередуются с цепочками наколов. Дата – 6619 ± 38 (AA104959). Другой образец – от венчика сосуда закрытой формы с подтреугольным наплывом. Фрагмент со светло-коричневой внешней поверхностью и черного от нагара цвета внутренней стороной. Поверхность заглажена, в тесте примесь песка. Орнамент сплошной, линейно-горизонтальный: тонкие волнистые линии. Лишь по венчику нанесен ряд насечек. Дата – 6539 ± 41 (AA104958). Тем не менее, несмотря на некоторый разброс радиоуглеродных значений, все сосуды (пожалуй, за исключением тонко гребенчатого, который представляет гребенчатый зауральский неолит) относятся к типичной козловской традиции и их датировки не выходят за рамки наших сегодняшних представлений.

Очень интересной, с точки зрения периодизации неолита, оказалась дата боборыкинского сосуда с горизонтальными линиями круглых наколов с поселения Юртобор 3 – 6064 ± 100 (SPb-1275). Первые три даты были получены для боборыкинского комплекса поселения Автодром 2/2 в Барабе. Их значения в интервале 5967 – 5748 BP подтверждают наши представления о поздненеолитическом возрасте этой традиции. Важным было и получение представлений о возрасте артынского комплекса этого же поселения: 5914 – 5342 BP. Нижняя дата кажется очень древней для этих материалов, но, несомненно, нужны дополнительные исследования.

Обратимся к периодизации неолита региона, как она представляется в данный момент. Даты, полученные в последние годы для различных типов неолитической керамики Зауралья, позволяют представить достаточно дробную раскладку на временной шкале (таблица).

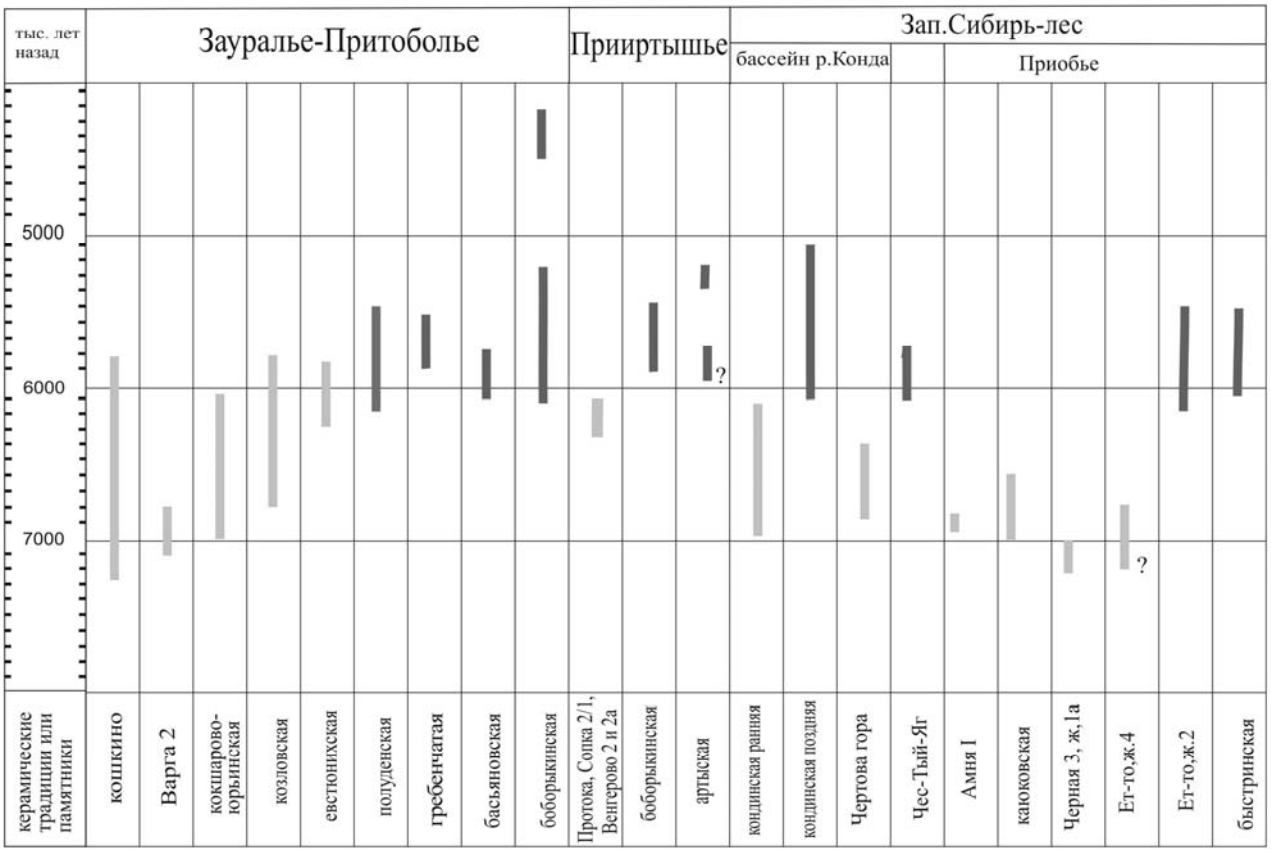
В таблице все радиоуглеродные значения представлены в системе (BP), что позволяет рассмотреть некоторые ньюансы расположения различных традиций и их вариантов относительно друг друга. Калибровка в таком варианте затруднительна, поскольку некоторые позиции представлены малым количеством дат. В любом случае, при калибровке традиции раннего неолита занимают VI тыс. до н. э., позднего неолита – V тыс. до н. э.

В настоящее время для неолита Зауралья выделено восемь типов керамики, которые, на наш взгляд, являются вариантами четырех основных традиций: кошкинской, козловской, полуденской, боборыкинской. Наиболее ранней представляется кошкинская традиция, нижняя дата которой сегодня – 7325 ± 40 (KIA-42074), получена с Береговой II торфяниковой стоянки [32, p. 783 – 794]. Однако нужно учитывать, что эта дата получена по нагару и может быть удревненной от 200 до 1000 лет (устное сообщение М. А. Кульковой) из-за резервуарного эффекта, связанного с приготовлением рыбной пищи. Далее следует козловская традиция, состоящая из трех вариантов: кокшаровско-юрьинского, козловского и евстюнихского. Хронологический приоритет имеет кокшаровско-юрьинский вариант, нижняя дата которого – 6950 ± 80 (Ki-15914) получена с Кокшаровского холма [31, с. 249 – 254]. Однако, есть факт, показывающий синхронность существования кошкинской и кокшаровско-юрьинской посуды – это находки обоих типов в слое стоянки Варга 2, имеющем шесть дат, ранняя из которых – 7106 ± 35 (AAR-14837), однако,

тоже полученная по нагару на сосуде [7]. Далее следуют собственно козловская посуда с нижней датой – 6619 ± 38 (AA104959) по нагару (!) с поселения Кочегарово I и евстюнихская, с датой – 6320 ± 90 (Ki-16039), полученной для сосуда с прочерченным орнаментом с поселения Евстюниха I. Безусловно, по всем морфологическим и декоративным показателям все три варианта относятся к одной традиции и их различия могут иметь хронологические, поскольку традиция существовала на протяжении всего 6-го тыс. до н. э. (cal BC), территориальные или социальные (приоритетные направления связей) причины. Проведенная калибровка и анализ сумм вероятностей позволяют относить кошкинскую и козловскую традиции к раннему неолиту [5, с. 33 – 48].

Таблица

Хронология неолита Урал-Западная Сибирь (BP)

Условную грань между ранним и поздним неолитом можно провести на рубеже VI и V тыс. до н. э. (cal BC). Условность разделения этапов неолита заключается в том, что традиции раннего неолита "заходят" на два-три века в V тыс. до н. э., а традиции позднего неолита – в конец VI тыс. до н. э., то есть, период сосуществования практически всех традиций неолита Зауралья составляет до 300 лет.

Наиболее раннюю дату для позднего неолита получила керамика басьяновского варианта боборыкинской традиции со стоянки Второй поселок I – 6210 ± 90 (Ki-16862), собственно боборыкинские даты начинаются со значения – 6064 ± 100 (SPb-1275) для керамики с поселения Юртобор 3. Полуденская традиция также имеет два варианта – собственно полуденский, который представлен посудой с декором, выполненным оттисками, "шаганием" и протаскиванием зубчатого штампа в сочетании с использованием отступающего накола и гребенчатым, в котором преобладают оттиски и "шагание" зубчатого (гребенчатого) штампа. Этот вариант ранее относили к самому "позднему гребенчатому неолиту", однако, радиоуглеродное датирование показало практическую одновременность обоих вариантов. Так, самая ранняя дата для "классического" варианта полуденского варианта – 6095 ± 80 (Ki-15644) с посуды стоянки Краснокаменка, для гребенчатого варианта – 5930 ± 80 (Ki-15965) с поселения Гилево VIII. Оба варианта заканчивают свое существование 5590 ± 195 (LE-1286) – Карьер II – 5560 ± 120 (СОАН-6127) – Сосновый остров. Технологический анализ керамики разных традиций позднего неолита показал, что навыки составления формовочных масс полуденских гончаров с одной стороны наследуют козловским традициям, с другой – аналогичны басьяновским, которые непосредственно связаны с боборыкинской, что может указывать на вероятность периода сосуществования и взаимодействия гончаров разных традиций [4, с. 122 – 123].

Периодизация неолита лесостепной Барабы пока не так очевидна, но имеющиеся пока немногочисленные радиоуглеродные даты позволяют сделать предварительные выводы (таблица). Наиболее ранними на сегодняшний день представляются материалы могильников Сопка 2/1 и Венгерово 2 и 2а. В материалах

могильника Сопка 2/1, погр. 329 мы видим один сосуд полностью неорнаментированный, другой с небольшой декорированной зоной возле дна с гладкой качалкой и ямочными наколами, а в погр. 342 – сосуд с отступающее-накольчатым орнаментом [20, с. 18 – 19]. Еще одно погребение неолита с сосудом декорированным в отступающее-накольчатой технике зафиксировано на памятнике Венгерово 2 [21, с. 117 – 122]. На территории Зауралья и Западной Сибири неорнаментированные сосуды встречаются только в комплексах раннего неолита с посудой декорированной в отступающее-накольчатой технике. О ранненеолитическом возрасте данных погребений говорят и радиоуглеродные даты, полученные для могильника Протока, с которым авторы синхронизируют материалы Венгерово 2а: 6220 ± 80 (СОАН-2699) и 6355 ± 200 (СОАН-2700), а также и даты погребального комплекса Венгерово-2: СО АН-8738 – 5363 – 5001 г. до н. э. и СО АН-8739 – 5358 – 4864 г. до н. э. (cal BC), т. е. около 6300 – 6100 л. н. [20, с. 27; 21, с. 117 – 122; 22, с. 302 – 306]. Таким образом, считаю возможным отнесение указанных комплексов к концу раннего неолита.

Поздний неолит лесостепной Барабы также как и в Зауралье представлен двумя традициями: боборыкинской и артынской. Наиболее ранняя дата для боборыкинской посуды получена с поселения Автодром 2/2 – 5967 ± 100 (SPb-1277). К ней близка и артынская дата с Автодрома 2/1 – 5914 ± 150 (SPb-1280_1), однако данные стратиграфии показывают более поздний возраст артынского комплекса, поэтому более вероятна другая дата с этого памятника – 5342 ± 100 (SPb-1282). Таким образом, предварительно мы можем наметить и периодизацию лесостепного Прииртышья с двумя этапами: ранним, представленным пока единичными материалами с посудой неорнаментированной и декорированной отступающее – накольчатой техникой и поздним – с двумя традициями – боборыкинской и артынской.

В лесной зоне Западной Сибири ситуация складывается следующим образом. Интересующую нас территорию можно разделить на два региона с близкими, но всеже отличающимися друг от друга гончарными и декоративными традициями – бассейн р. Конда, где в раннем неолите присутствуют уральские компоненты и Приобье. В данный момент для этих территорий известно около 100 радиоуглеродных дат, которые позволяют составить предварительную периодизацию (табл.). В раннем неолите бассейна р. Конда керамические традиции на поселениях Усть-Тетер 1, Большая Умытья 8, Шоушма 10, а также, вероятно, Сумпанья II, IV, VI, Леуши VII, представлены местной кондинской традицией в комплексе с уральскими компонентами кошкинского и кокшаровско-юрьинского облика [14, с. 32 – 44; 19, с. 80 – 99; 10, с. 497 – 524). К этим комплексам можно отнести и материалы памятника Чертова Гора [26, с. 153 – 161; 8], которые называют “кошкинскими”, однако, судя по публикациям, керамический комплекс памятника очень разнообразен и пока типологически полностью не прояснен. Хронологические рамки раннего неолита – 7000 – 6100 л. н. (ВР). Поздний неолит Кондинского бассейна представлен керамическими комплексами кондинской традиции и очень близкой коллекцией поселения Чес-Тый-Яг [28, с. 345 – 354; 18, с. 17 – 32; 10, с. 497 – 524]. Хронологические рамки позднего неолита – 6200 – 5200 л. н. (ВР).

В керамических коллекциях Приобья компонент уральских традиций уже полностью отсутствует и видимая похожесть керамики с отступающее-накольчатой и прочерченной техникой орнаментации носит эпохальный характер. К раннему неолиту региона относятся комплексы с прочерченной, отступающее-накольчатой и гребенчатой техникой декорирования керамики поселений Амня I, Каюково 2, Микишкино 5, Черная 3, ж. 1а, Ет-то, ж. 4 [18, с. 17 – 32; 15, с. 301 – 307; 16, с. 243; 9, с. 112 – 122; 17, с. 199 – 217]. Радиоуглеродные даты – от 7200 до 6600 л. н. (ВР). Поздний неолит региона пока можно связать только с быстринской традицией и керамикой поселения Ет-то, жилище 2. Даты позднего неолита – 6200 – 5600 л. н. (ВР). О датировках поселений и жилищ с Барсовой горы говорить что-то определенное пока затруднительно, поскольку жилищные комплексы содержат посуду разных традиций и разброс дат составляет более тысячи лет [18, с. 17 – 32; 29, с. 247 – 249].

Таким образом, можно констатировать, что неолитические комплексы лесостепного Прииртышья (Барабы), даже по предварительным данным, полностью соответствуют хронологическим и периодизациионным схемам Урало-Сибирского региона.

Литература

1. Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР / МИА. 1970. № 166. С. 157 – 171.

2. Бобров В. В., Марочкин А. Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром 2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 14 – 19.

3. Бобров В. В., Юракова А. Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 211 – 214.

4. Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Вып. 26 / отв. ред. Ю. П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: изд-во Магеллан, 2011. С. 103 – 124.

5. Выборнов А. А., Мосин В. С., Епимахов А. В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Вып. 1(57). С. 33 – 48.

6. Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. [и др.]. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблема хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 12 – 51.

7. Жилин М. Г., Антипина Т. Г., Зарецкая Н. Е., Косинская Л. Л., Косинцев П. А., Панова Н. К., Савченко С. Н., Успенская О. Н., Чаиркина Н. М. Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007. 98 с.

8. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Иртышья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

9. Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таежного Приобъя. Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 112 – 122.

10. Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн р. Конды): полевые исследования 2007 – 2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 497 – 524.

11. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: УрГУ, 1989. 80 с.

12. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 73 – 113.

13. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учебная книга, 2010. 308 с.

14. Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири: сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 32 – 44.

15. Косинская Л. Л. Проблемы хронологии западно-сибирского неолита: (К вопросу о роли радиоуглеродного датирования) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2004. С. 301 – 307.

16. Косинская Л. Л. Радиоуглеродные датировки памятников амнинского культурного типа // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: издательство Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 243.

17. Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Неолитические комплексы селища Черная 3 // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 199 – 217.

18. Косинцев П. А., Бобковская Н. Е., Беспрозванный Е. М. Радиоуглеродная хронология археологических памятников таежной зоны Западной Сибири // Ханты-мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2004. С. 17 – 32.

19. Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Екатеринбург: УрГУ, 1991. С. 80 – 99.

20. Молодин В. И. Памятник Сопка 2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИА ЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

21. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Орлова Л. А. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохинеолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 117 – 122.

22. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Пилипенко А. С., Трапезов Р. О. Неолитический погребальный комплекс Венгерово 2а в Западной Барабе: результаты междисциплинарных исследований // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 302 – 306.

23. Мосин В. С. Неолит Зауралья: хронология и социокультурное пространство // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 317 – 321.

24. Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1986. 18 с.

25. Петров А. И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири: (История и археология). Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. С. 4 – 20.

26. Сладкова Л. Н. Предварительные итоги полевых исследований 1988, 2003, 2004 гг. на Чертовой Горе в Кондинском районе ХМАО - Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 4. С. 153 – 161.

27. Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М: Наука, 1980. 220 с.

28. Тимофеев В. И., Зайцева Т. И. Проблемы абсолютной хронологии // Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 345 – 354.

29. Чемякин Ю. П. Радиоуглеродные даты памятников Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 247 – 249.

30. Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 41 – 53.

31. Шорин А. Ф., Шорина А. А. Радиокарбонные даты Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: издательство Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 249 – 254.

32. Zaretskaya N. E., Hartz S., Terberger T., Savchenko S. N., Zhilin M. G. Radiocarbon chronology of the Shigir and Gorbunovo archaeological bog sites, Middle Urals, Russia. Radiocarbon. 2012. Vol. 54. № 3 – 4. P. 783 – 794.

Информация об авторе:

Мосин Вадим Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, директор Южно-Уральского государственного университета (НИУ), mvs54@mail.ru.

Vadim S. Mosin – Doctor of History, Leading Research Associate at the South Ural branch of Institute of History and Archeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences; Director at South Ural State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902/903

КОМПЛЕКС КЕРАМИКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЕЛОВСКОГО II МОГИЛЬНИКА: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (возможности методики В. Ф. Генинга)

Л. Н. Мыльникова, Д. В. Селин

THE ANDRONOVO CULTURE CERAMIC COMPLEX FROM ELOVSKII II BURIAL GROUND: MORPHOLOGICAL ANALYSIS (possibilities of V. F. Gening's method)

L. N. Mylnikova, D. V. Selin

Работа выполнена за счет финансирования гранта РНФ (проект № 14-28-00045).

В статье отмечено, что тема морфологического анализа сосудов остается до настоящего времени слабо разработанной. Расширенная методика изучения пропорциональности сосудов А. Шепард, Программа статистической обработки керамики, разработанная В. Ф. Генингом, методика выделения «привычных» форм и «форм-подражаний» А. А. Бобринского еще слабо востребованы научным сообществом или не применяются. В статье представлены результаты анализа морфологии керамики андроновского комплекса Еловского II могильника, выполненные по методике В. Ф. Генинга на основе 162 изделий. Прописан усредненный облик сосуда андроновской культуры памятника. Предложены новые направления использования результатов методики. Выделены группы сосудов, сходных между собой по разному количеству указателей. Проанализированы изделия, подобные по всем параметрам. Предположено, что это группы сосудов, изготовленные в рамках одного динамического стереотипа, т. е. они могли быть изготовлены одним мастером или узким кругом гончаров (родственников). Составлена планиграфическая карта захоронений андроновского комплекса Еловского II могильника. Отмечена близость совершения погребений во времени и одновременное функционирование разных частей могильника. Отмечено, что продукция одного «мастера» использовалась не только в захоронениях близких родственников, но и других членов данного общества.

The paper notes that the thopic of the morphological analysis of vessels remains weakly elaborated so far. A. Shepard's expanded technique of studying proportionality vessels, the program of statistical processing of ceramics developed by V. F. Hening, A. A. Bobrinskiy's method of selecting "habitual" forms and "imitation shapes" are still poorly used by the scientific community, or are not applied. The paper presents the results of the analysis of the morphology of the Andronovo ceramics landfill facility Elovskii II, made by V. F. Gening's method based on 162 vessels. The average image of the Andronovo culture vessel of the monument is registered. New directions of using the results of the methodology are proposed. The artifacts similar in all (parameters) are analyzed. It is suggested that this group of receptacles was constructed within a single dynamic stereotype, they could have been made by a single craftsman or a narrow range of potters (relatives). The planografic map of the graves of the Andronovo burial complex Elovskii II is composed. The authors note the time proximity of the burials and simultaneous functioning of different parts of the burial ground. It is noted that the products of one "master" were used not only in the graves of close relatives, but also in those of other members of the given community.

Ключевые слова: керамические сосуды, морфология, методика статистического анализа.

***Keywords*:** ceramic vessels, morphology, methods of statistical analysis.

Тема морфологического анализа сосудов остается до настоящего времени слабо разработанной, не смотря на то, что к ней исследователи обращаются достаточно часто. Чаще всего применяется расширенная методика изучения пропорциональности сосудов А. Шепард [11; 15]. Некоторые исследователи [10; 12] используют Программу статистической обработки керамики, разработанную В. Ф. Генингом [5 – 6]. А. А. Бобринским предложена методика выделения «привычных» форм и «форм-подражаний» [1 – 2; 13]. Однако данные методики еще слабо востребованы научным сообществом или не применяются (например: [14]).

К кругу методик, по отношению к которой сложилось неоднозначное отношение, можно отнести «Программу статистической обработки керамики из археологических раскопок» В. Ф. Генинга [5; 6].

Данная работа посвящена анализу морфологии сосудов андроновской части Еловского II могильника на основе указанной выше Программы и демонстрирует ее потенциал. Памятник исследован В. И. Матющенко в разные годы, материалы были опубликованы им в ряде монографий [7 – 9]. Керамическая коллекция сосудов андроновской культуры насчитывает 162 изделия из 122 захоронений Еловского II могильника, (112 сосудов с горловиной, 50 – без горловины; все изделия плоскодонные). Каждый сосуд в процессе исследования получил свой индивидуальный номер (таблица 1), используемый в дальнейшем для его обозначения в работе.

Содержание программы В. Ф. Генинга заключается в том, что все данные по «просчету» соотношений между различными частями сосудов, выражены в математических показателях, соответственно мера сходства и различия отдельных комплексов между собой может быть выражена в конкретных величинах. Абсолютные размеры отдельных деталей сосуда составляют параметры ($d_в$ – диаметр по венчику, $d_ш$ – диаметр по основанию шейки, D – наибольший диаметр по тулову, $d_{дн}$ – диаметр дна, H – высота сосуда, $h_ш$ – высота шейки, $h_{пл}$ – высота плечика, $h_{пр}$ – высота придонной части). Соотношения параметров дают отно-

сительные величины – указатели форм, позволяющие получить представление о форме сосуда: ФА=H:D; ФБ=$h_ш$:$d_в$; ФВ=(($d_в$+$d_ш$):2):D; ФГ=(($d_в$-$d_ш$)*5):$h_ш$; ФД=($h_{пл}$+$h_{пр}$):D; ФЕ= $h_{пл}$:$h_{пр}$; ФЖ=(D-$d_ш$):($h_{пл}$*2); ФИ=(D-$d_{дн}$):($h_{пр}$*2) [5, с. 115 – 121]. Каждый указатель делится на пять категорий размеров: очень низкий, низкий, средний, высокий, очень высокий, что позволяет получить общую характеристику комплекса. Для отдельного сосуда в зависимости от его конкретной формы и размера категория каждого параметра будет зависеть от других. Это дает возможность получить объективные данные для сравнительного анализа. Мера сходства и различия отдельных комплексов между собой выражается в конкретных величинах.

После снятия промеров производятся необходимые подсчеты, в результате чего для сосудов без горловины результаты высчитываются по пяти указателям форм (ФА, ФД, ФЕ, ФЖ, ФИ), а для изделий с горловиной – по восьми (ФА, ФБ, ФВ, ФГ, ФД, ФЕ, ФЖ, ФИ).

По указателю высотности ФА сосуды андроновского комплекса могильника Еловка II – низкие (31 %) и средние (69 %).

По высотно-горловинному указателю ФБ все изделия с горловиной очень низкогорлые (100 %).

По широтно-горловинному (ФВ) указателю сосуды среднегорлые (1 %); очень широкогорлые (9 %) и широкогорлые (90 %).

Таблица 1

Нумерация сосудов и их местонахождение

№ сосуда	*Местонахождение*	*№ сосуда*	*Местонахождение*
1	*2*	*1*	*2*
Сосуды без горловины			
1	к. 51, м. 1 [8, с. 27, рис. 21,*2*]	26	м. 54, сосуд 2 [Там же, с. 76, рис. 100,*3*]
2	к. 51, м. 3 [Там же, с. 28, рис. 23,*7*]	17	м. 279 [Там же, с. 158, рис. 240,*3*]
3	м. 324 [Там же, с. 169, рис. 256,*3*]	28	м. 31 [Там же, с. 75, рис. 75,*8*]
4	м. 281 [Там же, с. 158, рис. 241,*7*]	29	м. 290 [Там же, с. 160, рис. 243,*3*]
5	м. 289 [Там же, с. 159, рис. 242,*5*]	30	м. 291 [Там же, с. 161, рис. 244,*2*]
6	м. 240 [Там же, с. 149, рис. 225,*3*]	31	м. 48, сосуд 1 [Там же, с. 72, рис. 94,*2*]
7	м. 252 [Там же, с. 151, рис. 229,*3*]	32	м. 48, сосуд 2 [Там же, с. 73, рис. 94,*3*]
8	м. 209 [Там же, с. 137, рис. 204,*4*]	33	м. 49 [Там же, с. 72, рис. 95,*11*]
9	м. 221 [Там же, с. 142, рис. 214,*3*]	34	м. 60 [Там же, с. 79, рис. 106,*2*]
10	м. 194 [Там же, с. 130, рис. 192,*7*]	35	м. 91, сосуд 1 [Там же, с. 89, рис. 124,*3*]
11	м. 193, сосуд 2 [Там же, с. 129, рис. 191,*3*]	36	м. 91, сосуд 2 [Там же, с. 89, рис. 124,*4*]
12	м. 299 [Там же, с. 163, рис. 248,*2*]	37	м. 91, сосуд 3 [Там же, с. 89, рис. 124,*5*]
13	м. 175 [Там же, с. 121, рис. 174,*4*]	38	м. 91, сосуд 4 [Там же, с. 89, рис. 124,*6*]
14	м. 193, сосуд 1 [Там же, с. 129, рис. 191,*1*]	39	м. 110 [Там же, с. 96, рис. 136,*3*]
15	м. 178 [Там же, с. 122, рис. 177,*2*]	40	м. 137, сосуд 1 [Там же, стр. 101, рис. 146,*2*
16	м. 170 [Там же, с. 118, рис. 170,*6*]	41	м. 137, сосуд 2 [Там же, с. 101, рис. 146,*4*]
17	м. 161 [Там же, с. 113, рис. 162,*12*]	42	м. 137, сосуд 3 [Там же, с. 101, рис. 146,*5*]
18	м. 56 [Там же, с. 77, рис. 102,*6*]	43	м. 167 [Там же, с. 116, рис. 166,*5*]
19	м. 54, сосуд 1 [Там же, с. 76, рис. 100,*2*]	44	м. 34 [Там же, с. 62, рис. 78,*2*]
20	м. 254 [Там же, с. 153, рис. 232,*7*]	45	м. 47 [Там же, с. 69, рис. 91,*2*]
21	м. 30 [Там же, с. 59, рис. 74,*5*]	46	к. 52, м. 7, сосуд 4 [Там же, с. 21, рис. 10,*4*]
22	м. 184 [Там же, с. 125, рис. 183,*2*]	47	м. 11, сосуд 2 [Там же, с. 47, рис. 55,*4*]
23	м. 174 [Там же, с. 120, рис. 173,*4*]	48	м. 11, сосуд 1 [Там же, с. 47, рис. 55,*2*]
24	м. 146 [Там же, с. 104, рис. 150,*5*]	49	м. 14 [Там же, с. 49, рис. 58,*2*]
25	м. 56 [Там же, с. 77, рис. 102,*7*]	50	м. 21 [Там же, с. 53, рис. 65,*2*]
Сосуды с горловиной			
1	к. 49, м. 3 [Там же, с. 21, рис. 10,*4*]	24	м. 24 [Там же, с. 55, рис. 68,*11*]
2	к. 49, м. 4 [Там же, с. 21, рис. 11,*4*]	25	м. 25 [Там же, с. 56, рис. 69,*18*]
3	к. 49, насыпь [Там же, с. 19, рис. 7,*3*]	26	м. 52 [Там же, с. 74, рис. 98,*2*]
4	к. 50, насыпь [Там же, с. 22, рис. 14]	27	к. 52, м. 8, сосуд 5 [Там же, с. 37, рис. 37,*4*]
5	к. 50, м. 1, сосуд 1 [Там же, с. 23, рис. 15,*2*]	28	к. 52, м. 9, сосуд 7 [Там же, с. 38, рис. 38,*7*]
6	к. 50, м. 1, сосуд 2 [Там же, с. 23, рис. 15,*5*]	29	м. 6 [Там же, с. 45, рис. 50,*2*]
7	к. 50, м. 2, сосуд 1[Там же, с. 24, рис. 17,*1*]	30	м. 20 [Там же, с. 52, рис. 64,*6*]
8	к. 50, м. 2, сосуд 2 [Там же, с. 24, рис. 17,*2*]	31	м. 22 [Там же, с. 54, рис. 66,*2*]
9	к. 50, м. 3, сосуд 1 [Там же, с. 25, рис. 18,*3*]	32	м. 33 [Там же, с. 61, рис. 77,*6*]
10	к. 50, м. 3, сосуд 2 [Там же, с. 25, рис. 18,*4*]	33	м. 49, сосуд 1 [Там же, с. 72, рис. 95,*2*]
11	к. 51, м. 1, сосуд 1 [Там же, с. 27, рис. 21,*3*]	34	м. 51 [Там же, с. 73, рис. 97,*2*]
12	к. 51, , м. 2 [Там же, с. 27, рис. 22,*2*]	35	м. 53 [Там же, с. 75, рис. 99,*2*]
13	к. 51, м. 4 [Там же, с. 29, рис. 24,*2*]	36	м. 55 [Там же, с. 76, рис. 101,*2*]
14	к. 51, м. 6 [Там же, стр. 31, рис. 28,*9*]	37	м. 59, сосуд 1 [Там же, с. 79, рис. 105,*2*]

Продолжение таблицы1

15	к. 52, насыпь, сосуд 1 [Там же, с. 32, рис. 29,*4*]	38	м. 59, сосуд 2 [Там же, с. 79, рис. 105,*3*]
16	к. 52, насыпь, сосуд 2 [Там же, с. 32, рис. 29,*5*]	39	м. 63 [Там же, с. 81, рис. 110,*2*]
17	к. 52, м. 6 [Там же, с. 35, рис. 35,*2*]	40	м. 64, сосуд 1 [Там же, с. 82, рис. 111,*2*]
17	к. 52, м. 8, сосуд 1 [Там же, с. 37, рис. 37,*4*]	41	м. 64, сосуд 2 [Там же, с. 82, рис. 111,*5*]
19	к. 52, м. 10 [Там же, с. 39, рис. 39,*5*]	42	м. 70, сосуд 1 [Там же, с. 85, рис. 116,*2*]
20	к. 52, м. 12 [Там же, с. 40, рис. 41,*6*]	43	м. 70, сосуд 2 [Там же, с. 85, рис. 116,*4*]
21	к. 52, м. 13, сосуд 1 [8, с. 41, рис. 42,*2*]	44	м. 70, сосуд 3 [Там же, с. 85, рис. 116,*6*]
22	м. 1 [Там же, с. 43, рис. 44,*2*]	45	м. 78 [Там же, с. 87, рис. 120,*2*]
23	м. 2 [Там же, с. 43, рис. 45,*2*]	46	м. 81 [Там же, с. 88, рис. 122,*2*]
47	м 100 [Там же, с. 91, рис. 128,*3*]	80	м. 231 [Там же, с. 146, рис. 221,*7*]
48	м 103 [Там же, с. 93, рис. 132,*2*]	81	м. 232 [Там же, с. 147, рис. 222,*6*]
49	м. 104 [Там же, с. 94, рис. 133,*2*]	82	м. 233 [Там же, с. 148, рис. 223,*17*]
50	м. 109 [Там же, с. 95, рис. 135,*2*]	83	м. 252 [Там же, с. 151, рис. 229,*3*]
51	м. 114 [Там же, с. 98, рис. 140,*2*]	84	м. 253 [Там же, с. 152, рис. 230,*4*]
52	м. 120 [Там же, с. 99, рис. 142,*1*]	85	м. 257 [Там же, с. 154, рис. 234,*2*]
53	м. 141 [Там же, с. 102, рис. 147,*3*]	86	м. 262, сосуд 1 [Там же, с. 155, рис. 235,*5*]
54	м. 153 [Там же, с. 107, рис. 154,*6*]	87	м. 262, сосуд 2 [Там же, с. 155, рис. 235,*11*]
55	м. 154, сосуд 1 [Там же, с. 108, рис. 155,*4*]	88	м. 269 [Там же, с. 157, рис. 238,*3*]
56	м. 154, сосуд 2 [Там же, с. 108, рис. 155,*5*]	89	м. 270, сосуд 1 [Там же, стр. 157, рис. 239,*2*]
57	м. 158 [Там же, с. 111, рис. 159,*10*]	90	м. 270, сосуд 2 [Там же, стр. 157, рис. 239,*3*]
58	м. 161 [Там же, с. 113, рис. 162,*11*]	91	м. 289 [Там же, с. 159, рис. 242,*8*]
59	м. 162 [Там же, с. 114, рис. 163,*11*]	92	м. 302 [Там же, с. 164, рис. 251,*2*]
60	м. 163 [Там же, с. 115, рис. 164,*4*]	93	м. 300, сосуд 1 [Там же, с. 163, рис. 249,*4*]
61	м. 164 [Там же, с. 115, рис. 165,*11*]	94	м. 300, сосуд 2 [Там же, с. 163, рис. 249,*3*]
62	м. 167, сосуд 1 [Там же, с. 116, рис. 166,*4*]	95	м. 307, сосуд 2 [Там же, с. 165, рис. 252,3]
63	м. 167, сосуд 2 [Там же, с. 117, рис. 167,*1*]	96	м. 307, сосуд 3 [Там же, с. 165, рис. 252,*4*]
64	м. 167, сосуд 3 [Там же, с. 117, рис. 167,*2*]	97	м. 309, сосуд 1 [Там же, с. 166, рис. 253,*2*]
65	м. 174 [Там же, с. 120, рис. 173,*3*]	98	м. 309, сосуд 2 [Там же, с. 166, рис. 253,*3*]
66	м. 181 [Там же, с. 123, рис. 180,*3*]	99	м. 309, сосуд 3 [Там же, с. 166, рис. 253,*4*]
67	м. 182 [Там же, с. 124, рис. 181,*2*]	100	м. 318 [Там же, с. 168, рис. 255,*3*]
68	м. 183 [Там же, с. 124, рис. 182,*3*]	101	м. 324 [Там же, с. 169, рис. 256,*2*]
69	м. 185 [Там же, с. 125, рис. 184,*3*]	102	м. 340, сосуд 1 [Там же, с. 170, рис. 257,*5*]
70	м. 186 [Там же, с. 126, рис. 185,*3*]	103	м. 340, сосуд 2 [Там же, с. 170, рис. 257,*3*]
71	м. 191 [Там же, с. 128, рис. 189,*4*]	104	м. 344, сосуд 1 [Там же, с. 171, рис. 258,*4*]
72	м. 201 [Там же, с. 133, рис. 198,*4*]	105	м. 344, сосуд 2 [Там же, с. 171, рис. 258,*5*]
73	м. 204 [Там же, с. 134, рис. 200,*5*]	106	м. 344, сосуд 3 [Там же, с. 171, рис. 258,*6*]
74	м. 207 [Там же, с. 135, рис. 202,*3*]	107	м. 358 [Там же, с. 172, рис. 259,*8*]
75	м. 208 [Там же, с. 136, рис. 203,*2*]	108	м. 8 [Там же, с. 46, рис. 52,*4*]
76	м. 212 [Там же, с. 138, рис. 207,*4*]	109	м. 10 [Там же, с. 47, рис. 54,*2*]
77	м. 216 [Там же, с. 140, рис. 211,*4*]	110	м. 13 [Там же, с. 48, рис. 57,*3*]
78	м. 220 [Там же, с. 141, рис. 213,*2*]	111	м. 16 [Там же, с. 50, рис. 60,*3*]
79	м. 230 [Там же, с. 144, рис. 219,*4*]	112	осыпь [Там же, с. 173, рис. 260,*2*]

Примечания: к. – курган; м. – могила.

По профилировке шейки (ФГ) в коллекции представлены изделия всех пяти категорий: с наклоном внутрь (25 %), слабопрофилированные (3 %), среднепрофилированные (4 %), сильнопрофилированные (15 %), очень сильнопрофилированные (53 %).

По указателю ФД, фиксирующему высоту и форму тулова, изделия распределяются следующим образом: имеющие очень сильноприплюснутое тулово (1 %); приплюснутое (9 %); сильноприплюснутое (90 %).

1 % изделий имеет низкое плечо (ФЕ); 6 % – очень высокое; 43 % – среднее и 50 % – высокое. По указателю выпуклости плечика (ФЖ) получены две группы сосудов – с очень слабовыпуклым (74 %) и слабовыпуклым (26 %) плечом.

Основная масса сосудов имеет широкое дно (77 %); среднедонных изделий – 20 %, очень широкодонных – 3 %.

Таким образом, усредненный облик сосуда андроновской культуры данного памятника таков: средней высоты, с широкой, низкой горловиной, с неустойчивой ее профилировкой, сильноприплюснутым туловом, слабовыпуклым, высоким или средним по высоте плечиком, широкодонный.

Большинство исследователей останавливаются на этом этапе общего морфологического описания коллек-

ции сосудов. Однако полученные результаты позволяют не только проводить описание и сравнение коллекций изделий памятников на основе указателей форм.

Выделяются группы сосудов, сходных между собой по разному количеству указателей. Более всего интересны изделия, подобные по всем параметрам. Например, зафиксированы следующие (указаны номера сосудов, а в скобках – контекст нахождения):

1. 7+77 (к. 50, м. 2, с. 1; м. 216);
2. 19+43 (к. 52, м. 10 с. 8; м. 70, с. 2);
3. 79+18 (м. 230; к. 52, м. 8, с. 6);
4. 50+98 (м. 109; м. 309, с. 2);
5. 13+89 (к. 51, м. 4, с. 3; м. 270, с. 1);
6. 1+85 (к. 49, м. 3; м. 257);
7. 23+28 (м. 2; к. 52, м. 9, с. 7);
8. 38+32 (м. 59, с. 2; м. 33);
9. 64+76 (м. 167, с. 3; м. 212);
10. 47+27 (м. 100; к. 52, м. 8, с. 5);
11. 71+73 (м. 191; м. 204);
12. 94+48+12 (м. 300, с. 2; м. 103; к. 51, м. 2, с. 2);
13. 17+110+40 (к. 52, м. 6, с. 3; м. 13; м. 64, с. 1);
14. 51+63+36 (м. 114; м. 167, с. 2; м. 55);
15. 42+34+90+88 (м. 70, с. 1; м. 51; м. 270, с. 2; м. 269);
16. 16+103+35+111 (к. 52 «насыпь», с. 2; м. 340, с. 2; м. 53; м. 16);
17. 83+81+39+58+30 (м. 252; м. 232; м. 161; м. 63; м. 20) (на плане, рис. 1, обозначены темно-синим цветом) (табл. 2, 3);
18. 99+100+87+45+75+60+33 (м. 309, с. 3; м. 318; м. 262, с. 2; м. 78; м. 208; м. 163; м. 49) (на плане, рис. 1, обозначены сиреневым цветом);
19. 84+10+59+93+96+61+65+55 (м. 253; к. 50, м. 3, с. 2; м. 162; м. 300, с. 2; м. 307, с. 3; м. 164; м. 174; м. 154, с. 1) (на плане, рис. 1, обозначен синим цветом) (табл. 2, 3);
20. 52+95+70+37+26+69+91+14 (м. 120; м. 307, с. 2; м. 186; м. 59, с. 1; м. 185; м. 52; м. 185; м. 289; к. 51 м. 6, с. 4) (на плане, рис. 1, обозначены зеленым цветом) (табл. 2, 3);
21. 72+107+78+9+53+15+68+56+57+62+8+97+6+67 (м. 201; м. 358; м. 220; м. 141; м. 183; к. 52 «насыпь»; м. 154; м. 158; м. 167; м. 309; м. 182; к. 50 м. 1, с. 2; к. 50 м. 2, с. 2; к. 50 м. 3, с. 1) (на плане, рис. 1, обозначен красным цветом) (табл. 2, 3).

Примечания: к. – курган; м. – могила; с. – сосуд

"Цепочки", в которых составляющих более четырех, для наглядности отмечены в таблицах 2 и 3.

Опираясь на разработки исследователей, работающих в рамках историко-культурного подхода в исследовании древнего гончарства [1; 2; 3; 4; 13], можно предположить, что это группы сосудов, изготовленные в рамках одного динамического стереотипа, т. е. они могли быть сделаны одним мастером или узким кругом гончаров (родственников). Таким образом, по числу выделившихся групп (с полным совпадением параметров) можно предположить существование минимум 21 мастера, производящих сосуды.

На основе данных В. И. Матющенко [8] нами была составлена планиграфическая карта захоронений андроновского комплекса Еловского II могильника (рис. 1). На ней были отмечены погребения, в которых располагались сосуды, составляющие одну группу. В выборку вошли «цепочки», где количество сосудов было более четырех единиц (чтобы не загромождать рисунок).

Анализ группы № 21 (на плане обозначены красным цветом) показывает как компактное расположение могил на некрополе, например в рамках одного «кургана» № 50, так и разброс их по территории могильника (рис. 1). Учитывая, что сосуды из этих погребений были выполнены в рамках одного динамического стереотипа (таблицы 2, 3), можно говорить о близости совершения захоронений во времени, т. е. о функционировании разных частей могильника одновременно.

Особо интересны погребения № 154 и № 3 из «кургана» 50, в которых находились сосуды из двух разных групп (21 и 19), т. е. изготовленные разными «мастерами». Соответственно, можно говорить о близком по времени совершении этих погребений и об одновременном существовании гончаров, изготовивших сосуды из групп 21 и 19. Это в свою очередь, позволяет синхронизировать могилы, входящие в эти две разные группы.

То же самое можно сказать о группах 18 и 20 (рис. 1). В могиле № 307 обнаружены сосуды из групп 19 и 20, а в погребении 309 – из групп 21 и 18. Это еще раз свидетельствует об одновременном функционировании всех частей могильника и достаточно коротком временном интервале сооружения захоронений.

Анализ также показывает, что на всем могильном поле зафиксирован лишь один объект, про который предположительно можно говорить, что в нем захоронены близкие родственники – это «курган» 50. По предположению В. И. Матющенко, в него вошли могилы 1 – 3, сосуды в которых относятся к одной группе (№ 21) (причем, все захоронения – детские). Остальные сосуды, относящиеся к этой группе, расположены в разных частях могильника. Опираясь на вышесказанное можно сделать еще один вывод.

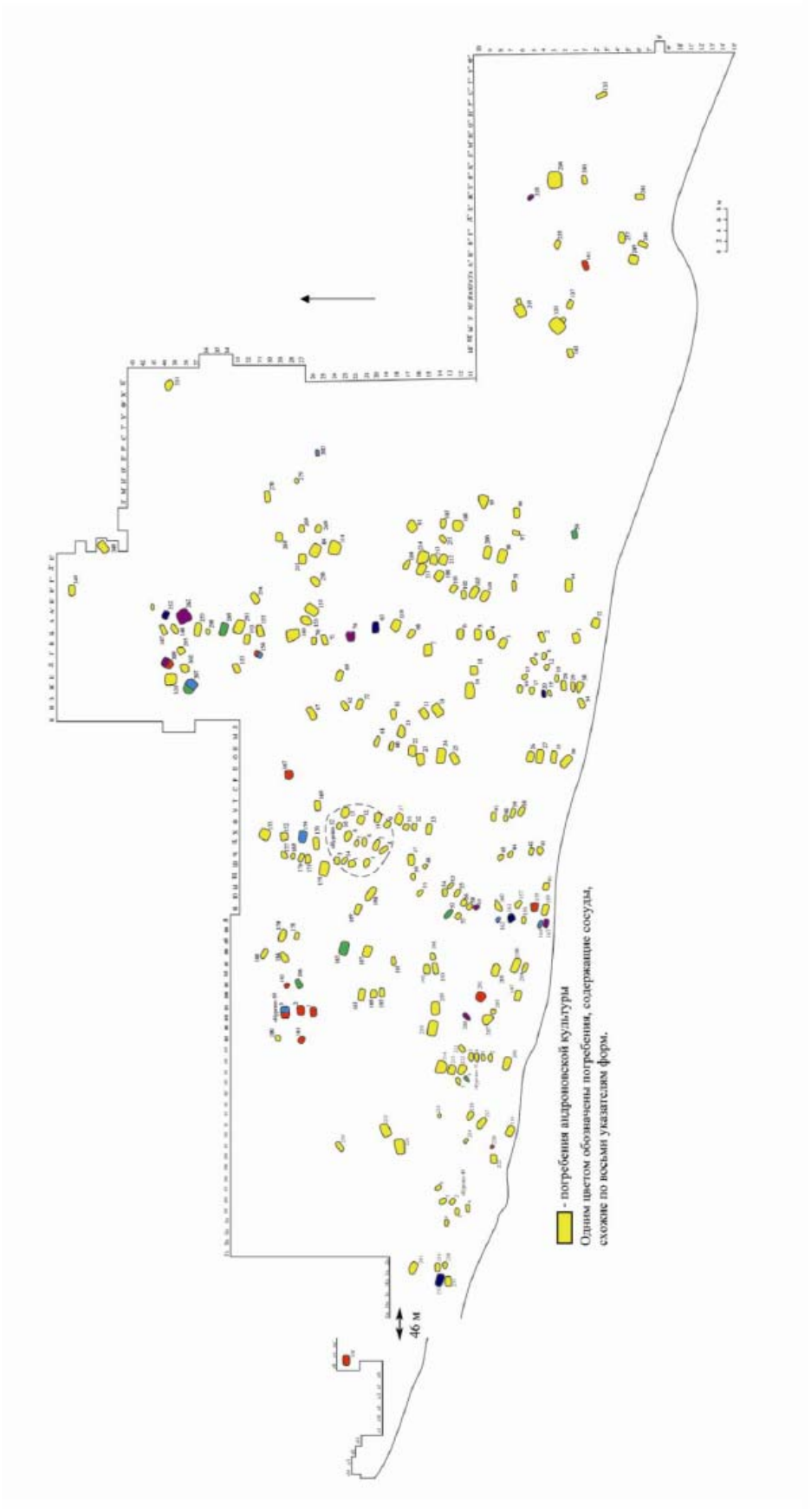

Рис. 1. ***Часть могильника Еловка II с могилами андроновской культуры.*** Составлено по: [8].
Одним цветом обозначены могилы, где располагаются сосуды, выполненные в одном динамическом стереотипе (для групп, в состав которых входят более четырех изделий).

Таблица 2

Корреляция сосудов по категориям. Изделия без горловины

		Указатели							
№ сосудов	**Контекст, составлено по: Матющенко, 2004**	**ФА**	**ФБ**	**ФВ**	**ФГ**	**ФД**	**ФЕ**	**ФЖ**	**ФИ**
33	м. 49	0,79	-	-	-	0,79	0,64	1,63	0,57
41	м. 137, с.2	0,67	-	-	-	0,67	0,79	1,7	0,63
27	м.279	0,78	-	-	-	0,78	0,92	1,33	0,45
46	к. 52, м. 7, с.4	0,76	-	-	-	0,76	0,82	1,46	0,52
31	м. 48, с.1	0,82	-	-	-	0,82	0,67	1,53	0,47
49	м.14	0,81	-	-	-	0,81	0,67	1,54	0,49
39	м. 110	0,87	-	-	-	0,87	0,55	1,62	0,33
45	м. 47	0,89	-	-	-	0,89	0,52	1,65	0,42
23	м. 174	1,02	-	-	-	1,02	0,56	1,36	0,4
30	м. 291	0,98	-	-	-	0,98	0,67	1,28	0,36
32	м. 48, с.2	0,98	-	-	-	0,98	0,59	1,38	0,44
24	м. 146	0,76	-	-	-	0,76	0,39	2,36	0,29
36	м. 91, с.2	0,76	-	-	-	0,76	0,49	2	0,54
38	м. 91, с.4	0,78	-	-	-	0,78	0,41	2,21	0,42
25	м. 56	0,82	-	-	-	0,82	0,39	2,18	0,42
26	м. 54, с.2	0,85	-	-	-	0,85	0,43	1,95	0,38
28	м.31	0,83	-	-	-	0,83	0,33	2,4	0,41
29	м. 290	0,82	-	-	-	0,82	0,41	2,1	0,36
35	м. 91, с.1	0,83	-	-	-	0,83	0,47	1,89	0,43
37	м. 91, с.3	0,83	-	-	-	0,83	0,43	2,02	0,33
47	м. 11, с.2	0,85	-	-	-	0,85	0,45	1,89	0,46
50	м. 21	0,85	-	-	-	0,85	0,44	1,93	0,44

Категории указателей

оч.низкий | низкий | средний | высокий | оч.высокий

м.14 - № могилы с одним сосудом

м. 91, с.2 - № могилы и № сосуда в могиле

Совершенно очевидно, что продукция одного «мастера» использовалась не только в захоронениях близких родственников, но и других членов данного общества.

Таким образом, методика, предложенная В. Ф. Генингом, является не только инструментом для первичной обработки материала, как предполагал сам автор, но и предоставляет возможность для культурно-хронологических интерпретаций и социальных реконструкций.

Таблица 3

Корреляция сосудов по категориям. Изделия с горловиной

		Указатели							
№ сосудов	Контекст, составлено по: Матющенко, 2004	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ	ФИ
7	К. 50, м. 2, с.1	1,03	0,06	0,97	1,67	0,97	0,21	0,13	0,24
77	М. 216	1,04	0,14	0,98	1,15	0,91	0,23	0,09	0,16
19	К. 52, с.8, м.10	0,81	0,18	0,9	-2,11	0,65	0,29	0,22	0,59
43	М. 70, с.2	0,85	0,13	0,91	-0,36	0,74	0,41	0,2	0,61
18	К. 52, с.6, м.8	0,77	0,16	1,03	3,7	0,59	0,48	0,1	0,37
79	М. 230	0,79	0,1	1,02	3,08	0,69	0,32	0,05	0,39
50	М. 109	0,69	0,09	0,94	1,6	0,6	0,46	0,2	0,55
98	М. 309, с.2	0,79	0,13	0,98	1,76	0,66	0,39	0,13	0,55
13	К. 51, с.3, м.4	0,8	0,14	0,86	0	0,68	0,55	0,28	0,45
89	М. 270, с.1	0,71	0,13	0,86	0	0,61	0,57	0,32	0,5
1	К. 49, м.3	0,91	0,15	0,87	0,36	0,78	0,65	0,22	0,55
85	М. 257	0,96	0,3	0,97	0,49	0,67	0,58	0,1	0,4
23	М. 2	0,85	0,14	0,93	0,67	0,73	0,52	0,16	0,49
28	К. 52, с.7, м.9	0,91	0,11	0,95	0,83	0,8	0,52	0,1	0,52
32	М. 33	0,95	0,18	0,88	1,18	0,79	0,54	0,26	0,39
38	М. 59, с.2	0,95	0,17	0,79	1,07	0,82	0,55	0,39	0,5
27	К. 52, с.5, м.8	0,75	0,09	0,95	2,73	0,67	0,56	0,16	0,61
47	М. 100	0,73	0,12	0,91	2,33	0,62	0,67	0,23	0,72
71	М. 191	0,98	0,21	1,02	1,56	0,76	0,55	0,02	0,37
73	М. 204	0,94	0,17	1,01	2,37	0,76	0,59	0,05	0,46
64	М. 167, с.3	0,79	0,22	0,89	1,2	0,59	0,56	0,31	0,48
76	М. 212	0,78	0,13	0,89	2,81	0,66	0,62	0,28	0,27
12	К. 51, с.2, м.2	0,83	0,12	0,9	1,15	0,72	0,3	0,33	0,48
48	М. 103	0,81	0,16	0,92	2,11	0,65	0,49	0,26	0,55
94	М. 300, с.2	0,88	0,26	0,81	1,04	0,67	0,43	0,52	0,42
17	К. 52,с.3, м.6	0,85	0,13	0,86	-0,77	0,74	0,67	0,21	0,51
40	М. 64, с.1	0,82	0,13	0,93	-0,33	0,7	0,52	0,14	0,38
110	М. 13	0,85	0,12	0,86	-0,43	0,76	0,58	0,25	0,45
36	М. 55	0,83	0,15	0,9	-0,31	0,7	0,38	0,26	0,5
51	М. 114	0,85	0,11	0,85	-2,73	0,76	0,34	0,31	0,5
63	М. 167, с.2	0,93	0,28	0,86	-1,2	0,69	0,44	0,26	0,46
34	М. 51	0,75	0,07	0,91	-0,56	0,68	0,47	0,19	0,43
42	М. 70, с.1	0,79	0,17	0,91	-1,84	0,64	0,33	0,2	0,5
88	М. 269	0,67	0,13	0,95	0	0,55	0,34	0,17	0,53
90	М. 270, с.2	0,79	0,18	0,95	-0,24	0,62	0,44	0,13	0,46
16	к. 52, насыпь с.2	0,66	0,17	0,9	1,04	0,5	0,43	0,39	0,67
35	М. 53	0,68	0,12	0,93	1,56	0,58	0,29	0,34	0,59
103	М. 340, с.2	0,77	0,12	0,91	1,07	0,66	0,34	0,3	0,59
111	М. 16	0,79	0,14	0,92	1,82	0,66	0,37	0,29	0,73

Продолжение таблицы 3

30	М. 20	0,89	0,19	0,91	2	0,71	0,67	0,22	0,6
39	М. 63	0,86	0,17	0,92	1,58	0,7	0,76	0,17	0,61
58	М. 161	0,87	0,21	0,92	1,74	0,67	0,67	0,21	0,59
81	М. 232	0,87	0,21	0,92	1,52	0,67	0,75	0,2	0,59
83	М. 252	0,81	0,15	0,89	1,47	0,67	0,66	0,24	0,58
33	М. 49	0,86	0,18	0,94	0	0,69	0,36	0,17	0,36
45	М. 78	0,9	0,13	0,91	-0,38	0,78	0,47	0,18	0,54
60	М. 163	0,91	0,13	0,98	0	0,78	0,28	0,05	0,25
75	М. 208	0,94	0,25	0,96	-0,2	0,71	0,32	0,11	0,36
87	М. 262, с.2	0,93	0,16	0,94	-1,88	0,78	0,31	0,1	0,45
99	М. 309, с.3	0,82	0,11	0,97	-2,31	0,71	0,3	0,02	0,51
100	М. 318	0,97	0,24	0,85	-1,95	0,77	0,45	0,22	0,46
10	К. 50, м.3, с.2	0,81	0,15	0,93	0,59	0,67	0,43	0,2	0,54
55	М. 154, с.1	0,83	0,14	0,95	0,94	0,69	0,33	0,19	0,48
59	М. 162	0,83	0,22	0,93	0,6	0,63	0,44	0,22	0,52
61	М. 164	0,9	0,2	0,94	0,83	0,71	0,44	0,17	0,34
65	М. 174	0,85	0,19	0,95	0,91	0,66	0,42	0,17	0,44
84	М. 253	0,92	0,13	0,93	0,58	0,8	0,4	0,17	0,41
93	М. 300, с.1	0,96	0,23	0,94	0,65	0,74	0,35	0,2	0,32
96	М. 307, с.3	0,82	0,11	1	0,77	0,72	0,28	0,04	0,38
14	К. 51, с.4, м.6	0,83	0,1	0,98	2,5	0,73	0,4	0,1	0,49
26	М. 52	0,83	0,1	0,94	1,25	0,73	0,4	0,18	0,48
37	М. 59, с.1	0,87	0,19	0,96	1,19	0,69	0,49	0,13	0,42
52	М. 120	0,86	0,17	0,94	1,05	0,7	0,4	0,2	0,5
69	М. 185	0,93	0,25	0,98	1,3	0,68	0,38	0,15	0,45
70	М. 186	0,88	0,16	0,97	1,11	0,72	0,34	0,12	0,44
91	М. 289	0,93	0,16	0,93	1,91	0,77	0,38	0,23	0,5
95	М. 307, с.2	0,85	0,13	0,94	1,07	0,74	0,46	0,17	0,44
6	К. 50, м. 1, с.2	0,88	0,1	0,89	3	0,79	0,67	0,22	0,46
8	К. 50, м. 2, с.2	0,91	0,11	0,97	2,5	0,8	0,57	0,09	0,44
9	К. 50, м. 3, с.1	0,93	0,16	0,89	1,25	0,78	0,56	0,23	0,44
15	к. 52, насыпь, с.1	0,99	0,15	0,91	1,43	0,85	0,91	0,13	0,38
53	М. 141	0,94	0,15	0,98	1,25	0,79	0,58	0,06	0,53
56	М. 154, с.2	0,92	0,11	0,9	1,82	0,82	0,71	0,18	0,46
57	М. 158	0,81	0,11	0,9	1,67	0,71	0,54	0,23	0,4
62	М. 167, с.1	0,91	0,19	0,9	1,84	0,74	0,64	0,24	0,55
67	М. 182	0,86	0,16	1	3,25	0,69	0,67	0,11	0,53
68	М. 183	0,96	0,13	0,93	1,54	0,84	0,53	0,15	0,46
72	М. 201	0,97	0,14	0,96	1,07	0,83	0,62	0,09	0,45
78	М. 220	0,88	0,13	0,9	1,15	0,77	0,53	0,22	0,43
97	М. 309, с.1	0,87	0,09	0,95	2,86	0,77	0,54	0,13	0,38
107	М. 358	0,88	0,12	0,98	1,15	0,77	0,51	0,07	0,45

Категории указателей

оч.низкий	низкий	средний	высокий	оч.высокий

м.14 - № могилы с одним сосудом

м. 91, с.2 - № могилы и № сосуда в могиле

Литература

1. Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1986. С. 137 – 157.

2. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5 – 109.

3. Волкова Е. В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник: монография. М.: Старый Сад, 1998. 260 с.

4. Волкова Е. В. Новинковские могильники фатьяновской культуры: монография. М.: ИА РАН, 2010. 248 с.

5. Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология, 1973. № 1. С. 114 – 135.

6. Генинг В. Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии: монография. Киев: Наукова Думка, 1992. 188 с.

7. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 1: Курганный могильник Еловский I: монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. 64 с.

8. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы: монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

9. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 3. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века: монография. Омск: ОмГУ, 2006. 120 с.

10. Папин Д. В., Шамшин А. Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 202 с.

11. Русанова И. П. Славянские древности VI – IX вв. между Днепром и Западным Бугом: монография // САИ. Вып. Е-1-25. М.: Наука, 1973. 240 с.

12. Труфанов А. Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку в лесостепном Прииртышье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 17 с.

13. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода: монография. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

14. Nordström H. A. Cultural Ecology of ceramic technology. Early Nubian Cultures NHI Image (Scion Image): National Institute of Health (Scion Corporation: Windows) V and IV millennium B. C.: monography. Stockholm, 1972. 200 p.

15. Schepard A. Ceramics for archaeologist: monography. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1965. 380 p.

Список сокращений

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ОмГУ – Омский государственный университет.
САИ – Свод археологических источников.
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет.

Информация об авторах:

Мыльникова Людмила Николаевна – ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, L.Mylnikova@yandex.ru.

Lyudmila N. Mylnikova – Candidate of Histrory, Leading Research Associate at the Division for Archaeology of Paleometal, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Селин Дмитрий – магистрант Новосибирского государственного университета, selin@epage.ru.

Dmitry Selin – Master's Degree student at Novosibirsk State University.

(**Научный руководитель – *Л. Н. Мыльникова***).

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 904 (571.1):7.023.1-034

БЛЯХА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА ИЗ ГОРОДИЩА НЯЛИНСКОЕ-1

А. В. Новиков, И. П. Захарова

PLATE WITH THE IMAGE OF THE HORSEMAN FROM NYALINSK-1 FORT

A. V. Novikov, I. P. Zakharova

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

Бляхи из свинцово-оловянистого сплава с различными сюжетами, изображенными на них в технике барельефа, пока довольно редкие находки на севере Западной Сибири и представляют собой отдельный, самостоятельный феномен. Обнаруженная в 2006 г. на городище Нялинское-1 (ХМАО-Югра) бляха с изображением всадника представляет собой произведение русского народного декоративно-прикладного искусства, предназначенное для реализации среди аборигенного населения Западной Сибири. В статье приводится подробное описание изображения на бляхе и предлагаются варианты интерпретации сюжета. Наиболее вероятно, что изображение всадника на коне связано с традициями русского православного искусства, а бляха оказалась на севере Западной Сибири в результате христианизации этой территории. Вероятно, городище представляет собой хантыйское святилище, а бляха оказалась на нем в результате приношения. Датировка бляхи дискуссионна, наиболее вероятно, что она относится к XVI – XVII вв. Бляха могла быть изготовлена в одном из ремесленных центров Восточноевропейской части России и доставлена на территорию Западной Сибири, однако не исключено и местное (сибирское) ее изготовление в формирующейся русской ремесленной среде.

The terne plates with repoussed images of different themes are very rare findings in the north of Western Siberia and represent a specific and independent phenomenon. The plate with the image of the horseman was found at the Nyalinsk-1 fort (KhMAD-Yugra) in 2006. It is an object of Russian native arts and crafts, which which was intended for realization among the aboriginal people of Western Siberia. The paper provides a detailed description of the image on the plate and offers the variants of the theme interpretations. More than likely, the image of the rider on the horse is associated with the tradition of Russian Orthodox arts, and the plate appeared in the north of Western Siberia due to Christianization at this territory. Probably, the fort represents the Khanty sacrarium, and the plate appeared there as a result of oblation. The dating of the plate is discussed and the most probable variant supposes that it relates to the 16th – 17th centuries. The plate could have been made in one of the trade centres in the East European part of Russia and taken to the West Siberian territory. But its local (Siberian) origin in the forming Russian trade community is possible.

Ключевые слова: Западная Сибирь, ханты, городище – святилище, 2-я пол. II тыс. н. э., металлическая бляха, изображение всадника, христианизация.

Keywords: Western Siberia, Khanty, fort-sacrarium, second half of II millennium AD, metal plate, image of horseman, Christianization.

В ходе работ Л. Н. Сладковой в 2006 – 2007 гг. и наших работ 2013 – 2014 гг. [30] на городище Нялинское-1 было обнаружено несколько блях – медальонов из свинцово-оловянистого сплава с односторонними рельефными изображениями, одна из которых уже опубликована [31 – 32]. Данная статья посвящена анализу еще одной бляхи (рис. 1), обнаруженной на городище Л. Н. Сладковой в 2006 г.

Бляха имеет круглую форму диаметром 51 мм, толщиной по краю 0,5 – 1 мм, частично (незначительно) повреждена, выполнена в технике односторонней отливки, без какой-либо последующей доработки, в верхней части имеет небольшое ушко со сквозным отверстием.

Контекст обнаружения бляхи

Городище Нялинское-1 находится в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры, в 5 км к С-З от пос. Нялино. Памятник расположен на доминирующем элементе ландшафта – вдающемся в обширную пойму высоком останце террасы, покрытом темнохвойной растительностью, благодаря чему он резко выделялся на общем фоне пойменно-речного ландшафта. Подобного рода ландшафтные доминанты в традиционных представлениях аборигенного населения западно-сибирского севера рассматриваются как священные места [См., например: 25; 37, с. 133; 3, с. 155 – 161].

Многие исследователи хантов и манси отмечали, что возникновение их культовых мест связано с археологическими объектами – старыми местами проживания [3, с. 155 – 161; 12, с. 126]. Кроме того, в ходе работ на городище обнаружены следы железоделательного производства. Е. Н. Черных подробно рассмотрел различные аспекты мифологических представлений и их ритуальных проявлений у народов мира, связанных с металлургическим производством [42, с. 134 – 173]. Очевидно, что следы металлургического производства на памятнике, также приводили к почитанию этого места хантами. Так, например, при исследовании многослойного памятника Каменные пески (р. Большой Юган), на его площади были зафиксированы позднейшие конструкции и находки, которые можно интерпретировать как культовое место хантов на археологическом объекте, связанном с железоделательным производством [37, с. 134]. Отношение хантов в XVIII – начале XX вв. к археологическому объекту Нялинское-1 как к культовому выра-

зилось, в частности, в многочисленных приношениях на это место «чешуек» и монет XVII – XIX вв. [8, с. 91 – 92], а также в других подношениях, среди которых было и несколько свинцово-оловянистых блях с различными сюжетами. Отметим также, что памятник расположен в районе слияния транспортных артерий – крупнейших рек Западной Сибири Оби и Иртыша. Расположение памятника в относительной близости от крупного населенного пункта (г. Самарово – г. Ханты-Мансийск) обусловили наиболее интенсивные контакты аборигенного населения с русскими в этом регионе.

Рис. 1. ***Бляха с изображением всадника из городища Нялинское-1***

Анализ композиции изображения

Изображение на бляхе имеет четко заданный функциональный и художественно-композиционный верх и низ, которые, в данном случае, совпадают (функциональный верх задается петлей для подвешивания, а художественно-композиционный – головой всадника и общей постановкой его корпуса и корпуса коня). По периметру бляхи изображен орнаментальный бортик, который представляет собой бордюр в виде двух узких валиков, между которыми расположен ряд выпуклых небольших «жемчужин», диаметром до 1 мм. Бордюр расположен по всему периметру круглой бляхи и образует полоску шириной от 4 до 5 мм.

Конь со всадником изображен в движении в левую геральдическую сторону (т. е. слева – направо от зрителя), что «…обычно считается движением с запада на восток… Геральдическое движение влево характерно, видимо, для Восточной Европы, где традиции классической геральдики распространяются относительно поздно. Так, движение влево зафиксировано на некоторых русских монетах XIV – XV вв., оно характерно для русских печатей XV в.» [6, с. 118]. Л. Н. Ермоленко подробно рассмотрела оппозицию «левое – правое» в различных памятниках изобразительного искусства древности [19, с. 53 – 61], в данной работе мы не будем на этом сюжете останавливаться подробно, однако отметим, что подобная ориентация всадника вполне «укладывается» в семантическое наполнение образа.

Конь и правая нога всадника изображены в профиль. При этом туловище всадника развернуто «на зрителя», голова также изображена анфас. Изображение всадника на коне, безусловно, является центральным элементом композиции, но, в целом, изображение имеет и дополнительные детали – внизу и «за спиной» всадника, что подчеркивает его ассиметричность.

Описание всадника

Пропорции коня и всадника не совпадают – конь изображен в меньшей пропорции, по сравнению с наездником, от чего всадник выглядит «великаном» на коне, что, очевидно, подчеркивает его статус и делает именно всадника центральным, основным элементом всей композиции. Фигура всадника изображена с явными несоответствиями в пропорциях человеческого тела – руки и ноги по отношению к размерам корпуса укорочены. Его голова, обрамленная валиком, слегка наклонена к левому плечу, имеет ярко выраженную, удлиненную яйцевидную форму, с четко обозначенными, акцентированными чертами лица – глаза в виде двух небольших «жемчужин» (что позволяет говорить о том, что они широко раскрыты) и крупный, прямой нос, небольшой дугообразный валик над глазами (что можно интерпретировать как изображение сросшихся бровей), изображение рта отсутствует. Руки изображены в движении, правая прямая и резко отведена назад, в ней всадник держит некий предмет, изображенный в виде небольшого валика. Изображение левой руки чрезвычайно интересно, собственно самой руки не видно, поскольку она как бы направлена на зрителя, изображена только кисть, в которой всадник держит ремень узды. Область груди всадника покрыта косой сеткой небольших валиков, область живота и пояса – односторонне направлен-

ными диагональными валиками, область правого бедра «прикрыта» изображением четырех вертикальных валиков, которые ограничены снизу горизонтальным валиком. Правая нога всадника прямая, к области ступни от живота коня к ноге подходит валик.

Описание коня

Конь изображен с правой стороны. Морда коня выполнена очень условно, четко обозначено стоячее ухо, грива представлена нечеткими валиками. От морды коня к левой руке всадника тянется валик. В целом, корпус коня имеет подпрямоугольную форму. Чрезвычайно интересным является использование автором при изображении коня элементов обратной перспективы, что особенно наглядно при анализе расположения его корпуса и ног.

Все четыре ноги коня прямые, с обозначением «ступней». Задние ноги по отношению к корпусу коня расположены под углом близким к 90 градусам, а передние – под углом 110 – 120 градусов, отчего конь выглядит как бы «упирающимся» передними ногами. У передних ног коня мы видим попытку передачи коленных суставов. По правому боку коня изображены вертикальные валики, которые частично перекрыты изображением всадника, в основании шеи коня также изображен горизонтальный валик с отходящими от него вертикальными валиками. Длинный хвост коня изображен валиком, «изломанным» под углом близким к 90 градусам.

Дополнительные элементы

В левой части изображения (за спиной и правой рукой всадника) и внизу (под ногами коня) изображены дополнительные элементы в виде полуовальных «бортиков» из двух валиков «соединенных» поперечными валиками с жемчужинами на внутренней площади.

Интерпретация деталей изображения

Валик, обрамляющий голову всадника может быть изображением:

1) наиболее вероятно – нимба;

2) «шапки» густых, курчавых волос;

3) шлема, о чем может свидетельствовать небольшая «жемчужина» над головой, что, по мнению А. М. Белавина, является имитацией навершия шлема [6, с. 118].

Очевидно, что всадник был облачен в пластинчатый доспех, наличие которого позволяет уверенно говорить, что перед нами изображение воина-всадника. В области груди доспех передан пересекающимися в виде косой сетки валиками, а в области живота только диагональными валиками. Возможно, что воин был с поясом, от которого свисали ремешки, представленные в виде четырех валиков (если это так, то данная деталь связывает изображение всадника с канонами изображений тюркской воинской аристократии, где наборный пояс со свисающими ремешками является обязательным атрибутом). Не исключено также, что так изображена нижняя часть доспеха, который доходил до середины бедра, прикрывая его.

В кисти правой вытянутой руки зажат некий предмет, изображенный в виде небольшого валика. Предположительно это может быть:

1) свиток, который зажат в правой руке всадника;

2) непроработанное изображение птицы;

3) рукоять плети;

4) непроработанное изображение рога.

Отдельными деталями изображения представлена сбруя коня. Два валика, которые тянутся от морды коня к левой руке всадника можно интерпретировать как ремень узды, других деталей уздечного набора (удил, трензелей, других ремней) не видно. Возможно, что всадник сидит на мягком седле или подушке-подстилке. Валик, который расположен под животом коня и соединяющийся с правой ступней всадника, возможно, является изображением стременного ремня. Это предположение подтверждается также постановкой корпуса всадника – его правая нога полностью выпрямлена, носок опущен, он как бы привстал, что возможно только опираясь на стремя. Судя по вертикальным валикам по боку коня и отчетливому изображению валика на шее животного, он был покрыт попоной. Хвост коня в виде валика можно интерпретировать либо как стилизацию, либо как изображение обмотанного хвоста животного. Наличие у коня попоны и, возможно, обмотки хвоста позволяет предполагать, что конь был изображен в парадном убранстве.

Поиск аналогий

В археологических памятниках севера Западной Сибири и Предуралья обнаружено значительное количество разновременных металлических блях с изображениями кентавров и всадников на конях [см., например: 4, с. 123, рис. 6; 6; 24, с. 10 – 12; 34; 39, с. 17 – 120; 40; 44]. Кроме того, образ всадника широко представлен и на других формах культовой атрибутики обско-угорских народов [см., например: 11]. На значительной части металлических блях изображен всадник – сокольничий, хотя встречаются изображения кентавров и другие персонажи. На изображениях сокольничих птица всегда расположена на правой руке всадника, чаще всего в районе локтя или, реже, сидящей на ладони. Вряд ли можно считать, что в правой руке всадника зажат рог, поскольку, на подавляющем большинстве известных нам изображений, рог держится всадником в левой руке. На всех бляхах с сокольничими из Приуралья и Западной Сибири всадники на конях изображены без стремян, что является устойчивой деталью их образа и древней изобразительной традицией, предназначенной показать особый статус и «удалость» наездника – управлять конем без стремян может только настоящий воин-богатырь. В данном случае, мы видим, что снаряжение коня сопровождается стременами.

Таким образом, слабая проработанность ключевых для интерпретации деталей изображения на бляхе не позволяет трактовать их однозначно. В связи с этим, круг аналогий сюжету может быть нами очерчен лишь предположительно, а точные аналогии нам пока неизвестны, что значительно затрудняет интерпретацию сюжета.

Интерпретация сюжета

Для интерпретации сюжета важно обратиться к историческому контексту появления бляхи в таежной зоне Западной Сибири. Проникновение восточнославянского населения с территории Восточной Европы в северо-западную Сибирь в отдельные периоды имело различные по содержанию и интенсивности воздействия формы или «векторы» – хозяйственный, политический, денежно-финансовый, идеологический, нормативно-правовой, этно-демографический. Оценка исследователями последствий хозяйственного воздействия Российского государства на традиционную культуру аборигенов севера Западной Сибири представлена различными точками зрения (оно и было различным по своему содержанию). Если говорить о хозяйственном векторе, то он «…разделяется на несколько этапов: с XIII – XIV вв. внимание новгородцев… привлекли пушные богатства Сибири; с конца XVI до середины XVII вв. русское (неслужилое) население было представлено скупщиками-промысловиками пушнины; с середины XVII до конца XVIII вв. шел процесс формирования сибирско-русской торговли и предпринимательства в «пашенных» районах при сокращении численности «гулящих» людей и увеличения количества постоянного русского населения; с начала и до конца XIX в. наблюдается вторая крупная волна русского торгово-промышленного проникновения в Северное Приобье, распространившаяся на этот раз не из-за Урала, а с юга Западной Сибири (Притоболья) и вызванная не пушнодобычей, а промышленным рыболовством» [14, с. 6 – 7. См. также: 15, с. 89 – 91; 21; 22; 23, с. 98 – 107; 26, с. 98; 27, с. 71 – 73; 28, с. 74 – 76; 35, с. 296 – 310; 38, с. 116 – 118]. Однако, если рассматривать «идеологический» вектор, то сравнивая ситуацию в XVII и XVIII вв., мы наблюдаем существенные различия в формах идеологической экспансии. В XVII в. христианизация была добровольной, а насильственные действия в этом направлении царскими указами были запрещены [13, с. 90 – 94; 15, с. 89 – 91; 33, с. 7 – 24]. В XVIII в. ситуация кардинальным образом изменилась и приобрела формы «насильственной христианизации» аборигенного населения, когда «…уничтожались идолы, крушились святилища, преследовались шаманы» [15, с. 90]. Результатом этого процесса принято считать различные формы «суррогатного» христианства, сочетающего в себе образы, формы и ритуалы статусной, государственной религии (православного христианства), проникающей на новые территории, с изменяющимися под ее воздействием традиционными религиозными представлениями аборигенов Западной Сибири [См., например: 13, с. 90 – 94; 14, с. 16; 23, с. 105; 29; 33; 41, с. 247 – 252]. В области религиозной изобразительной традиции это приводило к поразительным формам синкретизма [5, с. 77 – 83].

Исследователями зачастую не учитывается, что на севере Западной Сибири «столкновение» двух религиозных систем не исчерпывалось только лишь оппозицией «православное христианство русских – язычество аборигенов». Сами переселенцы XVII – XIX вв. из Европейской части России – носители христианских традиций, сочетали их с мощным дохристианским пластом мировоззрения и обрядовой практики, традиционной народной славянской культурой. По понятным причинам, это обстоятельство не декларировалось православными миссионерами в Сибири открыто, а потому и не «лежит на поверхности», тем не менее, мы находим подтверждающие это положение «иллюстрации», в частности, и среди нялинских блях [31 – 32]. Также важно обратить внимание на состав переселенцев XVII – XVIII вв. из восточноевропейских регионов в Западную Сибирь. «Среди них были выходцы из… центра России, Юга, Поволжья, Предуралья, значительная часть из Поморья…» [22, с. 54], т. е. преимущественно это были жители периферийных регионов России (и, прежде всего, северных – поморы), сохранившие наиболее архаичные элементы славянского мировоззрения [16, с. 35 – 39].

При интерпретации изображения на бляхе хотелось бы обратить внимание и подчеркнуть, что перед нами произведение не церковно-канонического, а именно народного декоративно-прикладного искусства. Тем не менее, совершенно очевидно, что это художественный образ, созданный «в пространстве» христианской идеологии. В связи с этим, его какая-либо однозначная интерпретация и тем более идентификация персонажа невозможна, поскольку «гносеология почти всех мировых религий ориентирует верующего и художника на то, что художественное произведение не есть образ, отражающий существенное в реальном объекте, но лишь бледное напоминание (*Подчеркнуто нами. – Авт.*) о совершенном божественном идеальном начале» [43, с. 66].

Если предполагать, что голову всадника в доспехе обрамляет нимб, то перед нами образ некоего святого – Божьего воина. То, что изображен именно воин несомненно, поскольку автор акцентирует на этом внимание зрителя и подчеркивает это обстоятельство тщательным изображением доспеха. Общая ориентация всей композиции («слева – направо» для зрителя), постановка корпуса всадника, экспрессивно отведенная вверх и назад и полностью выпрямленная правая рука, на первый взгляд, сближает иконографию воина нялинской бляхи с многочисленными примерами изображения в различных техниках исполнения образа святого Георгия – Победоносца, поражающего копьем Змея (Дракона). Однако, в данном случае, мы не видим на изображении ни копья, ни Змея. Формирование образа Георгия имеет довольно длительную историю, змееборческая иконография возникла еще в V в. н. э., когда на Ближнем Востоке были воздвигнуты первые, посвященные Георгию святилища [2, с. 331], развивалась длительное время и установился в конце X – XI вв. «В соответствии с требованиями сложившейся традиции Георгий представлен юношей с удлиненным, яйцевидным овалом лица, с острым подбородком, крупным прямым носом и широко открытыми глазами» [36, с. 219]. Сросшиеся брови и густая шапка волос имеет множественные аналогии в изображениях Георгия (в различной технике исполнения) X – XII вв. [36, с. 219]. Обратим внимание на то, что при всех вариантах техники изображения св. Георгия (на иконах, монетах, в рельефах), на коне или пешим, его правая рука с копьем всегда более или менее согнута в локте (вне зависимости от вариантов держания копья – с опущенной вниз рукой или отведенной

назад). В данном случае правая рука всадника полностью выпрямлена и резко отведена назад. Что всадник в ней держит? От того, какой вариант будет принят, зависит и трактовка образа в целом.

Вариант первый: в правой руке всадника зажат свиток. Свиток, как символ Ветхого Завета, пророчества и канонических правил, слова Божьего – характерная и распространенная деталь, изображенная на многих православных иконах. Несмотря на то, что он часто изображался не в свернутом, а в развернутом виде, тем не менее, хорошо известны православные иконы и с изображением свернутого свитка. Обратим внимание на то, что в православной традиции главное, ключевое значение всегда отводилось именно слову. «Определяющее значение слова во всех элементах христианского культа подчеркивают и сами богословы, в частности богословы русской православной церкви. Они говорят о том, что слово должно быть определяющим и в молитве, и в церковной службе и в обрядах, и в церковном пении» [43, с. 38]. Этот принцип доминирующего значения слова разрабатывался богословами еще со времен раннего христианства. «Совершенствуя в вековой практике формы религиозной жизни, и в особенности богослужения, православная церковь всегда следила за тем, чтобы они прежде всего были связаны со священным словом» [43, с. 39]. Это обстоятельство привело к формированию образа слова в православной изобразительной традиции. Символом слова Божьего в христианской иконографии является текст в виде развернутого (или свернутого) свитка.

В христианском искусстве в облике юноши (мужчины) со свитком в руке изображаются несколько очень известных ветхозаветных персонажей. Свиток в руке является атрибутом архангела Уриила [1, с. 222]. Архангел Уриил (от еврейского «огонь» или «свет» Господень) был послан к Ездре для наставлений и объяснений ему сокровенных путей Божьих [7, с. 717]. Свиток с начертанным на нем словом Божьим, это и есть тот свет, который несет архангел. Свиток является атрибутом при изображении великих ветхозаветных пророков Исаии (2-й пол. VIII – нач. VII вв. до н. э.) и Иеремии (2-й пол. VII – нач. VI вв. до н. э.). Отметим, что Исаия в Новом завете упоминается чаще, чем кто-либо другой из ветхозаветных пророков. Книга пророка Исаии (ему приписывается авторство лишь части текста) – одна из самых популярных частей Библии, а из пророческих книг она цитируется чаще других, поскольку более чем кто-либо из ветхозаветных пророков, Исаия говорил о грядущем великом Царстве, куда Израиль войдет благодаря Рабу Господа, Агнцу Божию, Который явится во плоти. Не случайно пророка Исаию называют евангелистом Ветхого Завета.

Таким образом, если мы интерпретируем предмет, зажатый в правой руке всадника как свиток, то мы имеем яркий образ, сочетающий в себе символику слова Божьего (свиток) с образом святого воина, как символ насаждения православной идеологии среди западно-сибирских аборигенов – язычников. Основная идея создателя изображения, при этом, нам представляется очевидной – перед нами образ святого воина, продвигающегося с запада на восток и держащего в экспрессивно поднятой правой руке не меч или копье, а текст Священного Писания.

Вариант второй: на кисти правой руки всадника все же сидит птица, изображение которой плохо проработалось при отливке. В этом случае мы имеем основания предполагать, что на бляхе изображен очень популярный в Москве и Московских землях начиная с XV в. св. Трифон, покровитель охотников и рыболовов. В Москве есть интересный памятник архитектуры – церковь св. Трифона в Напрудном. Сама церковь относится к сер. XVI в., но высказывалось предположение и о более ранней дате ее воздвижения – в XIV – XV вв. [18, с. 36]. Существует народная легенда, сложившаяся вокруг этого памятника архитектуры, связывающая возникновение церкви с чудесным избавлением от царского гнева Ивана Васильевича Грозного одного из его сокольничих – некоего боярина Патрикеева [18, с. 38]. Легенда гласит, что св. Трифон спас от казни царского сокольника, разыскивающего улетевшего кречета. После молитвы св. Трифону, во сне, сокольник увидел юношу на белом коне, с пропавшим кречетом на руке, а поутру пропавшая птица оказалась на руке у проснувшегося сокольника. На этом месте и была воздвигнута церковь. Эта легенда нашла образное воплощение в росписи на северо-восточной стороне алтарной апсиды церкви св. Трифона в Напрудном «Трифон на коне». Фреска относится к кон. XVI – нач. XVII вв., в 1930-х гг. она была снята и перенесена в Государственную Третьяковскую галерею. Изображение св. Трифона на фреске представлено юношей на белом коне с нимбом вокруг головы, за его спиной развивается пурпурный плащ, а на поднятой правой руке сидит кречет с распростертыми крыльями [18, с. 39, рис. 4]. Общая постановка корпуса св. Трифона, отведенная назад и вверх правая рука с птицей, положение правой ноги, конь, покрытый попоной, сближают изображение на фреске с нялинским сюжетом.

Как бы то ни было, исследуемый сюжет являет собой пример художественной контаминации (слияния разнородных факторов в новую совокупность), поскольку имеет длительную историю своего формирования и (буквально) «складывания» из различных символов. Однако при любом варианте интерпретации можно с уверенностью утверждать, что оно выполнено в рамках православной изобразительной традиции. Как-либо однозначно персонифицировать персонаж нялинской бляхи вряд ли возможно.

Итак, отметим три важных и бесспорных обстоятельства. Перед нами:

1) произведение «русского» народного декоративно-прикладного искусства;

2) выполненное в рамках православной изобразительной традиции;

3) предназначенное для распространения среди аборигенного населения.

С какой целью предназначенное? Несмотря на то, что подобные изделия производились ремесленниками, совершенно очевидно, что цель распространения блях с библейскими сюжетами среди аборигенного населения Западной Сибири не ограничивалась лишь получением некоей коммерческой выгоды от их производства и реализации. Христианизация аборигенно-

го населения Западной Сибири осуществлялась не только через миссионерскую деятельность «профессионалов» – представителей православного духовенства, но и посредством «языка образов», создаваемых, в том числе и в народной среде носителями христианских традиций, с использованием христианских символов.

Важно подчеркнуть, что автор данного изображения (носитель одной культурной традиции) мог создавать один образ, в рамках одной религиозно-художественной парадигмы и вкладывать в него соответствующий смысл, а реципиент (носитель иной культурной традиции) в своем сознании увидеть другой образ и, соответственно, интерпретировать его с совершенно другими смыслами. Повторим, что бляха была обнаружена на хантыйском святилище, где она оказалась в качестве приношения. Это позволяет нам говорить о том, что бляха, созданная в рамках православной изобразительной традиции, была включена в совершенно иной мифо-ритуальный контекст. Можно сказать, что он был прямо противоположный изначальному смыслу изображения. Это обстоятельство ставит перед авторами вопрос – в рамках какой идеологической парадигмы («парадигмы создателя» или «парадигмы реципиента») необходимо интерпретировать сюжет изображения нялинской бляхи?

Выше уже было сказано, что образ всадника на коне был хорошо известен и в обско-угорской среде, он был включен в ее мифо-ритуальный контекст задолго до появления нялинской бляхи. Мы сейчас не будем останавливаться на происхождении и содержании этого образа в угорской мифологии, поскольку этому посвящено значительное количество исследований [См., например: 24, с. 12; 44 и др.]. Главное, что и конь [9; 10; 20], и всадник на коне являются распространенными (и совершенно «понятными») образами в различных вариантах исполнения ритуальной атрибутики у обских угров. Так, у некоторых групп хантов, наиболее почитаемым богатырем был Небесный всадник – младший сын Нуми-Торума – Мир вантты хэ «Мир осматривающий мужчина» [См., например: 11].

Ранее неоднократно происходило «включение» обскими уграми в собственное культурное пространство металлических изделий с различными изображениями всадников, проникавших различными путями на север Западной Сибири из удаленных от нее регионов (Волжская Болгария, Иран, Средняя Азия). Примеров тому значительное количество и это хорошо известно исследователям. Однако следует подчеркнуть, что проникновение этих изделий не сопровождалось идеологической экспансией их создателей, поэтому традиционная культура западно-сибирских аборигенов с легкостью адаптировала и «переводила на собственный язык» эти образы «из других миров». Принципиально иной контекст складывается в ходе присоединения Сибири к Российскому государству, сопровождавшийся идеологической экспансией. Для XV – XVIII вв. образы христианства, сформировавшиеся теперь уже в рамках православной восточноевропейской художественной традиции и попадающие в иное мифо-ритуальное пространство, являются не просто «картинками» из «неведомых земель», а символами утверждающейся различными средствами и способами в новой культурной среде, на новой территории, мощной религиозной доктрины.

Выводы

Бляхи из свинцово-оловянистого сплава с различными сюжетами, изображенными на них в технике барельефа, пока довольно редкие находки на севере Западной Сибири и представляют собой отдельный, самостоятельный феномен, который только начинает «наполняться» источниковой базой. Безусловно, что анализируемая бляха из Нялино относится к кругу блях, происходящих из района Северной Сосьвы, которые недавно были опубликованы А. В. Бауло [4]. Кроме состава сплава из которого они изготавливались и размерности, это подтверждается совпадением некоторых деталей оформления блях, таких как оформление выделенной петли для подвешивания, бортик у бляхи с «сокольником» [4, с. 123, рис. 6] и ряд других признаков. Кроме того, к этому же кругу относятся другие бляхи из городища Нялинское-1, одна из которых также уже опубликована [31; 32]. А. В. Бауло предполагает, что бляхи из района Северной Сосьвы датируются началом XVI в. и были «… завезены на север Западной Сибири русскими людьми и подарены вогулам (или обменяны с ними)…» [4, с. 124]. Представляется, что это один из возможных вариантов датировки и их появления в Западной Сибири. Не исключено, что производство подобных блях может относиться и к более позднему времени (XVII в.) в формирующейся в это время сибирской русской ремесленной среде для реализации среди аборигенов. Мы не пытаемся установить какой-либо из центров их производства в Западной Сибири, они сложатся позднее, к концу XIX в. [17, с. 109], но исключать сибирское производство блях нам представляется преждевременным.

Литература

1. Апостолос-Каппадона Д. Словарь христианского искусства: монография. Челябинск: УРАЛ Л.Т.Д., 2000. 267 с.

2. Атанасов Г. Святой Георгий – пеший воин-змееборец: возникновение иконографии, памятники, семантика и распространение // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. СПб., 10 – 16 апреля 2006 г. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 330 – 343.

3. Балалаева О. Э. Священные места хантов средней и нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): научно-исторические очерки. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 149 – 166.

4. Бауло А. В. Металлические бляхи со Старого Искарского городища: атрибуция и сюжеты // АЭАЕ. 2014 № 4(60). С. 120 – 124.

5. Бауло А. В., Голубкова О. В. Икона-идол северных хантов // Памяти И. Н. Гемуева. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 77 – 83.

6. Белавин А. М. Бляхи с «охотничьим» сюжетом из Верхнего Прикамья // Археология и этнография Среднего Предуралья. Вып. I. Пермский государственный университет. Березники. 2001. С. 116 – 122.

7. Библейская энциклопедия. Репринтное издание 1891 г. М.: ТЕРРА, 1990. 904 с.

8. Большакова А. А. Нумизматическая коллекция городища Нялинское – 1 (по результатам раскопок 2013 г.) // Материалы 52-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2014: Археология. Новосибирск, 2014. С. 91 – 92.

9. Викторова В. Д., Краева О. В. Знак коня в идеологии древних угров // II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург, Ханты-Мансийск: Чароид 2006. С. 190 – 191.

10. Винцене К. А. Образ коня у финно-угорских народов Волго-Камья и Зауралья: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1987. 24 с.

11. Гемуев И. Н., Бауло А. В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов: монография. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 160 с.

12. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Святилища манси как феномен культурной традиции // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1986. С. 125 – 141.

13. Главацкая Е. М. Ханты в составе Русского государства в XVII – XX вв. // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): научно-исторические очерки. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 75 – 122.

14. Головнев А. В. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII – XIX вв. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1992. С. 3 – 18.

15. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров: монография. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.

16. Головнев А. В. Верхняя Русь и освоение севера Евразии: разлад истории и историографии // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11 – 13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск – Омск: ОмГПУ, 2000. С. 35 – 39.

17. Гончарова Л. Н. Художественные изделия из металла русских мастеров для народов Севера и Сибири (XVIII – XX вв.) // Общественный быт и культура русского населения Сибири. Новосибирск: Наука, 1983. С. 106 – 120.

18. Давид Л. А. Церковь Трифона в Напрудном // Архитектурные памятники Москвы XV – XVII века. Новые исследования. М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1947. С. 33 – 54.

19. Ермоленко Л. Н. О смысле «левого» и «правого» в композициях некоторых памятников изобразительного искусства древности // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2010. № 1(26). С. 53 – 61.

20. Коников Б. А. О культе коня в воззрениях раннесредневекового населения таежного Прииртышья // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим материалам. Томск: ТГУ, 1985. С. 68 – 71.

21. Курилов В. Н., Люцидарская А. А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1985. С. 26 – 46.

22. Люцидарская А. А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в.: монография. Новосибирск: Наука, 1982. 197 с.

23. Люцидарская А. А. Русско-мансийские отношения конца XVI – XVII вв. // ЭО. 1998. № 3. С. 98 – 107.

24. Малоземова О. В. Русские художественные бронзы на севере Западной Сибири // Научный вестник ЯНАО. Вып. 9. Актуальные проблемы археологии и этнологии Ямала. Салехард: 2002. С. 10 – 16.

25. Малышкина Ю. А. Заверованные места (археологические памятники) в традиционной культуре коренного населения бассейна р. Конды // Ханты-мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 4. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Баско, 2007. С. 129 – 134.

26. Мартынова Е. П. Русское влияние на культуру хантов // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы к конференции. Ч. III: Этнография и изучение культурных процессов и явлений. СПб.: ИИМК РАН, Объединение Тюменский областной краеведческий музей, Международная ассоциация «Всемирный археологический конгресс». 1993. С. 98 – 100.

27. Мартынова Е. П. Этнические контакты русских и обских угров // Русские старожилы: материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11 – 13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск – Омск: ОмГПУ, 2000. С. 71 – 73.

28. Мельников Б. В., Гололобов Е. И. Пути и формы влияния русской культуры на население Западной Сибири в XVII веке (историко-археологический контекст) // Русские старожилы: материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11 – 13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск – Омск: ОмГПУ, 2000. С. 74 – 76.

29. Надь З. Васюганские ханты. Изменение религиозной системы в XIX – XXI веках: монография / пер. с венгерского Дианы Пушкаш; отв. ред. Н. В. Лукина. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета. 2011. 294 с.

30. Новиков А. В., Гаркуша Ю. Н., Новикова О. И., Кениг А. В. Исследования городища Нялинское-I в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 год. Т. XIX. Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН. 2013. С. 302 – 304.

31. Новиков А. В., Новикова О. И., Суховольских Т. В. Металлическая бляха из городища Нялинское-1 // Культура русских в археологических исследованиях: сб. научн. ст. в 2 т. / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан. 2014. Т. II. С. 132 – 136.

32. Новиков А. В., Новикова О. И., Суховольских Т. В. Семантический анализ сюжета изображения на двух позднесредневековых бляхах // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 54 – 58.

33. Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в.: монография. Л., Ленинградское отделение учебно-педагогического издательства Наркомпроса РСФСР. Научно-исследовательская ассоциация Ленинградского педагогического института народов Севера. 1941. 148 с.

34. Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. Вып. XIII. М., 1950. С. 139 – 172.

35. Пивнева Е. А. Исторический опыт русско-угорских взаимодействий // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Стратегия, 2006. С. 296 – 310.

36. Пуцко В. Г. Византийский медальон с изображением Георгия-воина // СА. 1969. № 2. С. 217 – 224.

37. Семенова В. И. Некоторые археологические данные о культовом почитании мест, связанных с металлургическим производством у хантов в начале II тыс. н. э. // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим материалам. Томск: ТГУ, 1985. С. 133 – 134.

38. Федорова Е. Г. Роль русской торговли в процессе трансформации традиционной культуры обских угров // Русские старожилы: материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11 – 13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск – Омск: ОмГПУ, 2000. С. 116 – 118.

39. Фёдорова Н. В. Иконография всадника в художественном металле Приобья (I тыс. н. э.) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): Тез. всесоюз. археол. конф. Кемерово: КемГУ, 1989. Ч. II. С. 117 – 120.

40. Федорова Н. В. Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольничим (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха средневековья) // Археология Арктики. Вып. 2. Екатеринбург: Деловая пресса 2014. С. 162 – 174.

41. Хомич Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры: монография. СПб.: Русский Двор, 1995. 336 с.

42. Черных Е. Н. Каргалы. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов: монография. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

43. Яковлев Е. Г. Искусство и мировые религии. Цит. по: Е. Г. Яковлев Эстетика. Искусствознание. Религиоведение. 2-е изд., стер.: монография. М.: КДУ, 2005. 640 с.

44. Яковлев Я. А. Позднесредневековые бляхи с изображением всадника из Северо-Западной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 51 – 68.

Информация об авторах:

Новиков Андрей Владиленович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, novikov@archaeology.nsc.ru.

Andrey V. Novikov – Candidate of History, Senior Research Associate at the Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Захарова Ирина Павловна – студентка 2 курса Института искусств Новосибирского государственного педагогического университета.

Irina P. Zakharova – student at the Institute for Arts, Novosibirsk State Pedagogical University.

(**Научный руководитель – *А. В. Новиков***).

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902

РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НА КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКАХ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О. И. Новикова, А. А. Дудко

RITUAL COMPLEXES ON THE BURIAL MOUNDS OF THE IRMEN CULTURE

O. I. Novikova, A. A. Dudko

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00045).

В статье рассматриваются критерии классификации и возможные варианты интерпретации сопроводительных ритуальных комплексов на курганных могильниках ирменской культуры. Предложены несколько вариантов классификации ритуальных комплексов: по местонахождению, по содержанию (составу), по ритуальному действию. Местонахождение остатков ритуального комплекса дает информацию о времени проведения ритуала. Состав комплексов позволяет разграничить следы жертвоприношений и поминальных тризн. Следы различных действий (закапывание, сжигание, порча вещей) подтверждают ритуальный характер комплексов. На материалах 16 курганных могильников выделены различные типы ритуальных комплексов: во рвах, в жертвенных ямах, в насыпях курганов. Данные комплексы связаны с разными структурными элементами погребально-поминальной обрядности: с подготовкой погребального пространства, с жертвоприношениями в ходе погребальной церемонии и с поминальными тризнами после ее завершения.

The paper is devoted to the classification criteria and the possible explanations of accompanying ritual complexes from the barrow burial grounds of the Irmen culture. A few variants of classification are supposed: based on either the location, or the content (structure), or the ritual action. The location of the ritual complex remains provides an indication when the ceremony took place. The complex composition gives the opportunity to differentiate the oblation and funeral feast remains. The traces of various actions (embedment, combustion, damage to the things) evidence the ritual character of the complex. The materials of 16 barrow burial grounds permitted to define the different types of ritual complexes: in the ditches, in the sacrificial pits, in the earth fills of the barrows. These complexes are associated with various structural elements of the funeral and memorial ritualism: burial space organization, oblations in the course of the mortuary affairs and the memorial feasts upon their completion.

Ключевые слова: эпоха бронзы, ирменская культура, ритуальные комплексы, погребальный обряд.

Keywords: Bronze Age, Irmen culture, ritual complexes, funeral rite.

Ирменская культура эпохи поздней бронзы изучена и охарактеризована довольно детально и полно, в том числе благодаря многолетним исследованиям В. В. Боброва [1 – 7]. Рассматривая особенности погребального обряда ирменской культуры как в рамках локальных вариантов или отдельных могильников, так и на общекультурном уровне, исследователи неоднократно обращали внимание на многочисленные следы сопроводительных ритуальных действий, фиксируемые в насыпях курганов в виде различных археологических комплексов (объектов) или находок. В качестве таких «опредмеченных» свидетельств сопроводительных ритуалов рассматриваются кости животных, фрагменты керамики (или целые сосуды), предметы, прокалы, рвы, ямы, кладки и т. д. В зависимости от характера и расположения этих комплексов (объектов), они трактуются по-разному: как следы поминальных тризн (кости животных и керамика в насыпи курганов), как способ организации сакрализованного пространства (рвы, ямы, канавки, кладки, столбы, стелы), как следы жертвоприношений (погребения животных, их черепов или частей туш), как следы огненных ритуалов (прокалы). Наиболее полно исследователями рассмотрены и интерпретированы ритуально-жертвенные комплексы с черепами животных, в том числе охарактеризована роль лошади в ритуальной практике ирменцев, способы организации сакрализованного пространства, использование огня в погребальной практике ирменской культуры.

В данной работе предпринята попытка суммировать накопленный методический опыт изучения и интерпретации ритуальных комплексов, выявленных на курганных могильниках ирменской культуры. Необходимо пояснить, что речь идет о материальных остатках сопроводительных ритуалов, которые совершались либо в процессе подготовки к погребению, либо после акта захоронения. Таким образом, мы не рассматриваем ритуальные комплексы, зафиксированные непосредственно в самих погребениях.

В своих построениях мы опираемся на методические и теоретические разработки В. С. Ольховского, касающиеся содержания и структуры погребально-поминальной обрядности как сложной системы, базирующейся на определенных идеологических представлениях и религиозных нормах [21 – 23]. На наш взгляд, корректная интерпретация того или иного ритуального объекта (комплекса) зависит от того, с какой структурной частью обряда и с каким структурным элементом погребального памятника он будет соотнесен. Поэтому первоначальная классификация следов ритуальных действий целесообразна по их местонахождению: на древней дневной поверхности, в насыпи кургана (с учетом пространственной локализации), в ямах или во рву. Местонахождение ритуального объекта может свидетельствовать о времени проведения ритуала. Так, к начальной стадии погребального обряда – процессу подготовки или оформления погребального пространства могут быть отнесены находки на уровне погребенной дневной поверхности

и в нижней части заполнения рвов и ям. Находки в насыпи кургана связаны с пролонгированным во времени процессом формирования насыпи и поминальным циклом. Наконец, находки, обнаруженные непосредственно под дерном (практически на поверхности насыпи) могут быть отнесены к завершающей стадии погребально-поминального цикла, конечно, если они зафиксированы in situ.

Следующий вариант классификации ритуальных комплексов – по их содержанию (составу). Этот состав может быть как гомогенным (только кости животных, только керамика, только вещи, только прокал), так и смешанным (сочетание разных составляющих). Именно по составу комплекса можно сделать предположение в пользу ритуала жертвоприношения (животного, пищи, вещей), в пользу остатков поминальной тризны (кости «мясных» частей животных с характерными следами кухонных сломов), в пользу огненных ритуалов.

Для подтверждения ритуального характера объекта важна также его дополнительная характеристика по ритуальному действию (приему): помещение куда-либо, выставление, закапывание, сжигание, порча (ломка).

Итогом этих последовательных классификаций ритуальных объектов (источниковедческих процедур) должны стать построение вероятной последовательности ритуальных действий в структуре погребально-поминального обряда и их смысловая характеристика (интерпретационная модель).

Напомним основные наблюдения и выводы, сформулированные исследователями о ритуальных комплексах ирменской культуры ранее. Характеризуя ирменские могильники Барабинской лесостепи В. И. Молодин отметил следующие характерные особенности:

– наличие в почти 60 % насыпей ирменских курганов фрагментов сосудов, в ряде случаев – целых горшков;

– наличие в насыпях костей животных (около 50 % курганов);

– наличие в 55 % насыпей следов кострищ. Костры разводились на уровне погребенной почвы либо выше в периферийной части насыпи.

– в ряде курганов обнаружены ровики, различные по конфигурации и глубине. В ровики помещались сосуды и части туш животных, включая голову лошади, быка [17, с. 133]. Обратив внимание на то, что те или иные ритуальные объекты присутствуют в значительной части изученных ирменских курганов, В. И. Молодин интерпретировал их как остатки поминальных тризн.

В. В. Бобровым, Т. А. Чикишевой и Ю. И. Михайловым на материалах могильника Журавлево-4 были рассмотрены способы организации сакрального пространства (рвы, каменные оградки, ямы), зафиксированы свидетельства различных обрядовых действий «связанных с огнем, с нарушением целостности черепа погребенного, поминальными тризнами и жертвенными приношениями» [7, с. 85]

Проанализировав находки лошадиных черепов в ирменских курганах, В. В. Бобров и В. С. Горяев пришли к выводу о том, что они не связаны с поминальными тризнами. Черепами лошадей маркировались погребения мужчин, имеющих высокий социальный статус. Череп (голова) лошади отождествлялись с целым животным, поэтому авторы высказали гипотезу о зарождении в ирменской среде традиции «погребения с конем» [4].

С. А. Ковалевский отметил, что помимо черепов лошади на ирменских могильниках и поселениях встречаются ритуально-жертвенные комплексы с черепами других животных (крупный и мелкий рогатый скот, лось, косуля, собака, заяц, свинья, медведь) и предположил, что это является отражением почитания тотемных животных [13]. Им же были рассмотрены свидетельства ирменских «огненных ритуалов» – кострища в насыпях курганов, практики трупообожжения в могиле и кремации на стороне [14]. Сосредоточившись на характеристике последних, исследователь не представил развернутой интерпретации следов использования огня в насыпях курганов. Но в целом пришел к выводу о существовании в ирменской среде (преимущественно женской) культа огня [14, с. 108 – 109].

Пожалуй, наиболее полная сводка и анализ изученных могильников ирменской культуры были сделаны Д. В. Степаненко [26]. Ею рассмотрены материалы (в том числе и неопубликованные) 323 курганов (905 погребений) из 36 курганных могильников и 103 погребения из 10 грунтовых могильников и составлена база данных, включающая 16 категорий анализа. В качестве отдельных категорий были выделены, в том числе, способы разметки сакрализованного пространства, ритуально-жертвенные комплексы под насыпями курганов (тризны) и ритуально-жертвенные комплексы в погребениях. Описывая ритуально-жертвенные комплексы под насыпями курганов, Д. В. Степаненко выделила 20 их модификаций по содержанию (составу). Отдавая должное тщательности источниковедческого анализа, позволим себе не согласиться с авторской интерпретацией всех без исключения комплексов под насыпями курганов как остатков поминальных тризн.

Тематика, связанная с изучением ритуальных комплексов интенсивно разрабатывается исследователями, занимающимися синхронными, а так же более ранними или поздними культурами Западной Сибири и сопредельных территорий. С. П. Грушиным реконструированы святилище, поминальники и жертвенники елунинской культуры. На памятнике Телеутский Взвоз-1 изучено ритуальное сооружение, расположенное в центре могильника, которое условно обозначено исследователем как «святилище» [9, с. 82].

А. В. Епимаховым описаны ритуальные жертвенные комплексы в погребениях синташтинской культуры, а также огненные ритуалы. Сделано предположение о соответствии этих ритуалов индоиранским [10, с. 70].

А. В. Матвеев по материалам Хрипуновского и Чистолебяжского могильников андроновской культуры пришел к выводу о совершении разнообразных обрядов жертвоприношения, в ходе которых производилось заклание домашнего скота [15]. Д. Г. Зданович, изучив и систематизировав костные остатки животных на некрополях степного Зауралья эпохи средней бронзы (синташтинская и петровская культуры) отметил, что «жертвенные обряды имели массовый характер, сопровождали все стадии погребально-

поминальной обрядности и образовывали сложные ритуальные системы» [11].

Н. В. Росляковой по материалам могильников срубной культурно-исторической общности были выделены 4 категории комплексов с костями животных.

1. «Погребальные жертвенные комплексы» – остеологические комплексы, состоящие из остатков целых туш, голов, голов и дистальных частей конечностей животных, располагающиеся в насыпи курганов, в ровиках, на погребенной почве и около погребений.

2. «Остатки напутственной пищи» – остатки «мясных» частей туш со дна могильных ям.

3. «Погребальный инвентарь» – кости на дне могильных ям, положенные в виде предметов (иногда со следами искусственного воздействия).

4. «Отдельные кости или их скопления» – кости из разных частей туш и их скопления, находящиеся во всех архитектурных структурах кургана, кроме могильной ямы [25, с. 14 – 15].

Как видим, ритуальные комплексы, оставленные носителями разных культур, имеют много общего в своих внешних признаках. Но это не означает, что смысловое содержание ритуальных действий тоже было идентичным.

На ирменских курганных могильниках зафиксированы различные варианты ритуальных комплексов. Начнем с объектов, выявленных в заполнении рвов, ям и на уровне древней дневной поверхности. Как отмечалось многими исследователями, формирование сакрализованного погребального пространства зачастую начиналось с сооружения ограничительного рва различной конфигурации (круг, четырехугольник, полуокружность) или ям, опоясывающих пространство по периметру. Отсутствие таких ограничительных конструкций объясняется, в частности, и тем, что они могли иметь незначительную глубину [7, с. 76]. Мы предполагаем, что ритуальные комплексы, обнаруженные в этих конструкциях, были сформированы в результате ритуалов, имеющих охранительную функцию. Наиболее яркими комплексами этого типа являются: ров кургана № 5 могильника Телеутский Взвоз-1 (череп лошади, два развала сосудов) [24], ров кургана № 4 могильника Милованово-1 (скопления зубов и челюсть лошади, пять черепов баранов) [20], в могильнике Преображенка-3 – ров кургана № 23 (4 сосуда, кости лошади), ров кургана № 35 (2 сосуда и челюсть коровы), ров кургана № 41 (череп и челюсть коровы) [18], ров кургана № 1 могильника Еловский-II (зубы и челюсти коровы, лошади, лося, сосуд) [16]. В целом, нахождение ритуальных комплексов во рвах можно считать отличительной особенностью ирменской культуры (в отличие от андроновской, где такие комплексы размещены преимущественно в жертвенных ямах и в насыпях). Обращает на себя внимание тот факт, что в данной категории представлены исключительно головы животных, либо их заместители – челюсти и зубы, и отсутствуют кости конечностей.

Наиболее масштабные ритуальные комплексы (по составу находок) представлены в жертвенных ямах. В могильнике Журавлево-4: курган № 5, яма № 1 – челюсть и зубы КРС, череп медведя, остатки сосуда; курган № 10, яма № 1 – 9 черепов лошадей [7]. В могильнике Танай-7: курган № 14, яма № 14 – 16 черепов лошадей с проломленными лобными костями, несколько длинных костей ног; курган № 23, яма № 2 – на дне фрагменты нижних челюстей и зубов коровы, 4 длинные кости конечностей [5]. В могильнике Заречное-1: курган № 25, яма № 2 – череп лошади с нижней челюстью (пробит), голень и берцовая кость лошади, позвонки, ребра, зубы; яма № 3 – череп медведя (пробит), в пасти медведя три бронзовых бусины-пронизки, череп, кости ног и лопатки лошади, череп и кости коровы, кости черепа МРС, череп и кости бобра, барсука, зайца и птицы [19]. В могильнике Сапогово-1: курган № 16, яма № 3 – зубы КРС, три черепа зайцев-беляков и почти полные их скелеты [12]. Данная категория комплексов включает не только черепа животных, но в ряде случаев и дистальные кости конечностей, что дает возможность предположить презентацию жертвенного животного в виде «шкуры». Зафиксированы следы забоя животных в виде пробитых отверстий в лобной части. Весьма широк видовой состав животных, включающий не только домашних, но и диких. Данные жертвенники сложно соотнести с конкретными погребениями. Скорее всего, эти жертвы предназначались либо всем погребенным под насыпью, либо так же, как и комплексы во рвах, связаны с организацией и подготовкой сакрализованного пространства.

На уровне дневной поверхности преобладают комплексы, включающие в свой состав сосуды, кости животных, немногочисленные предметы, прокалы. Мы склонны считать, что сосуды предназначались для жертвенной пищи или напитков, огонь мог использоваться как в ходе очистительных ритуалов, так и для принесения в жертву (сжигания) пищи или предметов.

Пожалуй, наиболее распространенной категорией находок, на которые следует обратить внимание, являются кости животных, обнаруженные в насыпях курганов. Эти комплексы разнотипны, и представляют собой как скопления (выкладки) определенных костей, полные погребения животных (единичные случаи), так и значительное количество отдельных разрозненных костей. Для их интерпретации чрезвычайно важна полноценная обработка остеологических коллекций – не только видовые определения, но также половозрастные и размерные, фиксация следов разделки туш, разделение костных остатков на «мясные» и «не мясные», т. к. от этого зависит смысловая интерпретация этих остатков [25]. Собственно, эта интерпретация предполагает два возможных варианта: жертвоприношение или поминальная трапеза. Примеров жертвенников в насыпи (иногда они привязаны к конкретным погребениям) довольно много (Титово-1, Журавлево-4, Танай-7, Сапогово-1, Заречное-1, Катково-2, Камень-1, Преображенка-3, Еловский II и др.). Зачастую в состав жертвенников в насыпи помимо костных остатков животных входят фрагменты керамики или целые сосуды, отдельные предметы, прокалы.

Если говорить о предметных жертвоприношениях, то перечень вещей, обнаруженных в насыпях курганов (помимо керамики), невелик. Ряд предметов представлен единичными экземплярами: костяное пряслице (Телеутский Взвоз, курган № 16), обломки каменных жерновов (Журавлево-4, курган № 2), же-

лезная гривна (Сапогово-1, курган № 19), точильный камень (Танай-7, курган № 9), костяной наконечник (Сапогово-1, курган № 17), каменное грузило (Еловский II, курган № 18). Чаще встречаются бронзовые ножи (10 экз.), причем 5 из них – это сломанные лезвия, бронзовые бляхи (6 экз.), кольца (4 экз.), браслеты (2 экз.), бляшки-пуговицы (4 экз.), серьги и серьги-подвески (6 экз.), альчики (36 экз. в одном скоплении кургане № 18 могильника Сапогово-1). О ритуальном использовании этих предметов (во всяком случае большинства из них) свидетельствуют факты намеренной порчи (ломки) и помещения их в огонь (некоторые вещи находились в прокалах).

Помимо различных сопроводительных ритуалов обращает на себя внимание тот факт, что значительное количество погребений ирменской культуры является нарушенными, что многими исследователями рассматривается как свидетельство вторичного захоронения. Представляется, что данная категория погребений должна быть рассмотрена более внимательно в плане фиксации и выявления нарушенных частей скелета, отсутствующих костей и повторяющихся черт проникновений и нарушений. Учитывая известные факты ритуальных действий ирменцев с черепами, нельзя исключать, что существовала практика постингумационного нарушения погребений с различными целями [8, с. 26].

Изучение «сопроводительных» ритуальных комплексов на курганных могильниках ирменской культуры позволит перейти от характеристики погребальной практики и погребального обряда к рассмотрению более сложной системы – погребального культа. На наш взгляд, это будет определенным шагом вперед в формировании наших знаний об одной из самобытных и ярких археологических культур эпохи поздней бронзы Западной Сибири.

Литература

1. Бобров В. В. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышья: Межведомственный сборник научных трудов. Омск, 1991. С. 60 – 72.

2. Бобров В. В. О демографической ситуации в эпоху поздней бронзы на юге Западной Сибири (ирменская культура) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 8 – 11.

3. Бобров В. В., Горяев В. С. Гипотеза об инкорпорантах в ирменском обществе Кузнецкой котловины // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 67 – 70.

4. Бобров, В. В., Горяев В. С. Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 182 – 186.

5. Бобров В. В., Мыльникова Л. Н., Горяев В. С.Новые исследования на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. III. С. 144 – 149.

6. Бобров В. В., Мыльникова Л. Н., Мыльников В. П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: сб. науч. трудов. Барнаул, 2004. С. 4 – 34.

7. Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4: монография. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.

8. Бондаренко А. В. Практика постингумационного нарушения могил в культурах ранней и развитой бронзы Западной Сибири: археологические факты и этнографические параллели // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3(26). С. 25 – 33.

9. Грушин С. П. Ритуальные комплексы елунинской культуры на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной): сборник статей. Курган, 2007. С. 76 – 84.

10. Епимахов А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.

11. Зданович Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 213 с.

12. Илюшин А. М., Ковалевский С. А., Сулейменов М. Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 204 с.

13. Ковалевский С. А. Ритуально-жертвенные комплексы с черепами животных в эпоху поздней бронзы у населения ирменской культуры // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы всероссийской научной конференции. Омск, 2004. С. 166 – 169.

14. Ковалевский С. А. О роли огня в погребально-поминальной обрядности населения ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. (Серия: История. Политология). 2010. № 4/2. С. 105 – 110.

15. Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья: монография. Новосибирск, 1998. 417 с.

16. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс: монография // Еловский археологический комплекс. Ч. 3. Еловский II могильник. Комплексы Ирмени и раннего железного века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 120 с.

17. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы: монография. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

18. Молодин В. И., Чикишева Т. А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 125 – 206.

19. Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Мжельская Т. В., Савин А. Н., Сяткин В. П. Исследования курганного могильника Заречное-1 в 2007 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 345 – 348.

20. Новикова О. И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // Археология вчера, сегодня, завтра: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1995. С. 41 – 52.

21. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. М., 1986. № 1. С. 65 – 76.

22. Ольховский В. С. Погребальная обрядность // Российская археология. М., 1993. № 1. С. 78 – 93.

23. Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. М., 1995. № 2. С. 85 – 98.

24. Папин Д. В., Грушин С. П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: сборник научных трудов. Барнаул, 2004. С. 93 – 103.

25. Рослякова Н. В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014. 28 с.

26. Степаненко Д. В. Погребальный обряд ирменской и позднеирменской культур: опыт многомерного статистического анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 25 с.

Информация об авторах:

Новикова Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры археологии и этнографии НГУ, novikovolga@yandex.ru.

Olga I. Novikova – Candidate of History, Scientific Secretary at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Assistant Professor at the Department of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk State University.

Дудко Александр Андреевич – старший лаборант Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), a-dudko9@mail.ru.

Alexander A. Dudko – Senior Assistant at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902.652

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Д. В. Папин

CHRONOLOGY OF THE LATE BRONZE AGE SITES OF THE STEPPE AND FOREST-STEPPE ALTAI

D. V. Papin

Работа выполнена в рамках госзадания Алтайского государственного университета, проект № 1006: «Использование естественнонаучных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности» и при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного Алтайским государственным университетом договор № 14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В статье рассматриваются вопросы хронологии эпохи поздней бронзы Алтая. Представлены как единичные, так и серии радиоуглеродных дат для археологических культур рассматриваемого периода. Установлено, что границы рассматриваемого периода, полученные на основе радиоуглеродной хронологии не соответствуют традиционным археологическим представлениям. Наиболее ранние некалиброванные даты относят памятники эпохи поздней бронзы к XIV в. до н.э., а конец эпохи к X веку до н. э. Сопоставление полученных результатов с данными сопредельных территорий показало совпадение основных хронологических линий.

The paper deals with the chronology of the Late Bronze Age Altai. Both single and serial radiocarbon dates for the archaeological cultures of the reviewed the period are presented. It was found that the boundaries of the reported period, derived from radiocarbon chronology, do not correspond to traditional archaeological theories. The earliest uncalibrated dates attribute the Late Bronze Age sites to the 16th century BC, and the end of the Age to the 10th century BC. The comparison of the obtained results with the data of adjacent territories showed coincidence in basic chronological lines.

Ключевые слова: Алтай эпоха поздней бронзы радиоуглеродная хронология.

Keywords: Altai, Late Bronze Age, radiocarbon chronology.

Несмотря на то, что Алтай относится к числу регионов Сибири, где наиболее разработана хронология древних культур бронзового века, многие вопросы, связанные с соотношением разных культурных образований до сих пор носят дискуссионный характер [8; 4].

Важное значение при разработке данного направления приобретает проведение радиоуглеродного датирования не только отдельных памятников, а культур в целом. К настоящему времени, получены результаты для следующих объектов: поселений Цыганкова Сопка I, Рублево VI, Рублево VII, Кайгородка III, Гусиная Ляга, Жарково III, Аллак III, Бурла III и могильников Рублево VIII, Малый гоньбинский кордон 1/5, Телеутский Взвоз I, Бобровский грунтовый могильник. Исследованию были подвержены образцы, как из погребальных, так и поселенческих комплексов, в основном это остатки дерева, кости человека и животных, уголь, реже палеопочва. Наиболее представительные серии были получены для ирменской и саргаринско-алексеевской культур.

Хронология ирменской культуры Верхнего Приобья на основании результатов радиоуглеродного анализа выстраивается следующим образом, наиболее поздние даты получены на основе исследования древесного угля с поселения Цыганкова Сопка I. Это компактная серия в рамках X в. до н. э.: 975 ± 50 г. до н. э. (СОАН 2876), 985 ± 60 г. до н. э. (СОАН 2998), 975 ± 55 г. до н. э. (СОАН 3000), и один образец СОАН (2999) – 760 ± 30 гг. до н. э. [4]. По материалам могильника Телеутский Взвоз I было получено две даты: для кургана № 13 погребение 1 – 1395 ± 55 гг. до н. э. (СОАН 6861), кургана № 16 погребение 1,2 – 1150 ± 55 гг. до н. э. (СОАН 6862) и одна дата происходит с грунтового могильника Малый гоньбинский кордон 1/5 погребение 16 1020 ± 65 гг. до н. э. (СОАН 6860).

Данные по степной зоне Алтая прежде всего представлены серией радиоуглеродных дат для поселения саргаринско-алексеевской культуры Рублево VI. Здесь, в отличие от вышеописанных памятников на анализ отбирались как кости животных, остатки древесины, угля и палеопочвы. По обожженным костям животных было получено две даты: СОАН 4989 – 1050 ± 45 гг. до н. э. и СОАН 4990 – 1120 ± ± 90 гг. до н. э., анализ образцов сажистой супеси залегавшей на разных участках памятника (жилая камера № 2, зольник, хозяйственная яма) позволил определить следующие значения: СОАН 4986 – 865 ± ± 50 гг. до н. э., СОАН 4987 – 995 ± 35 гг. до н. э. и СОАН 4988 – 1040 ± 50 гг. до н. э. Для древесины и погребенной почвы было получено соответственно по одной дате СОАН-4741 1385 ± 45 гг. до н. э. и СОАН-4742 1265 ± 90 гг. до н. э. Не противоречат эти данным, еще три даты: СОАН-7456, СОАН-7457, СОАН-7458. Более сложная ситуация сложилась по материалам поселения Жарково III, где серия радиоуглеродных дат (СОАН-7448 – СОАН-7453) полученная по костям животных продатировала жилище саргаринско-алексеевской культуры в пределах XVI – XV вв. до н. э. Но дата (СОАН-7455 1210 ± 75 гг. до н. э.) полученная по сажистой прослойке залегавшей на более нижних горизонтах, позволяет предположить, что вся серия выполненная по костям животных значительно удревнена.

По костям человека были выполнены определения для позднебронзовых погребений грунтового могильника Рублево VIII (UBA-26766, 25767, СОАН-7821), полученные значения укладываются в рамках XI – IX вв. до н. э.

Кроме того, при датировании погребенной почвы залегавшей под участками зольников поселений Рублево VII и Жарково III, были получены схожие результаты СОАН-6772 – 2005 ± 95 гг. до н. э., СОАН-6771 – 2075 ± 120 гг. до н. э., СОАН 6770 – 1905 ± 95 гг. до н. э., скорее всего эти даты показывают формирование этих почвенных горизонтов к рубежу III и II тысячелетий до н. э. и возможно маркируют какое-то климатическое событие.

Бурлинский тип памятников представлены датами для поселений Кайгородка III (1370 ± 30 г. до н. э. – СОАН 2693) и Бурла III (UBA-24078 – XVI – XIII, UBA-24079 – XVI – XV вв. до н. э. (даты калиброваны по второй сигме).

Таким образом, хронология памятников эпохи поздней бронзы Алтая по материалам радиоуглеродного датирования (некалиброванные значения) представляется следующим образом, серия дат для поселения Цыганкова Сопка-I оказалась самой ранней в этом хронологическом диапазоне синхронизируясь с могилой 16 МГК-1/5 1020 ± 65 г. до н. э. (СОАН 6860). К более позднему времени: относятся курганный могильник Телеутский Взвоз-I 1395 ± 55 г. до н. э. (СОАН 6861), 1150 ± 55 г. до н. э. (СОАН 6862), Гусиная Ляга 1275 ± ± 65 г. до н. э. (СОАН 6882). Так же как Цыганкова Сопка I, относительно узкую датировку имеет Рублево VI, скорее всего, в рамках XII – IX вв. до н. э. Несколько дат относятся к периоду XIV в. до н. э. в том числе и по поселениям Кайгородка III, Бурла III.

Для переходного периода от бронзы к железу получены результаты по материалам Бобровского грунтового могильника, городища Пикет и поселения Аллак III.

Бобровский грунтовый могильник продатирован на основе костей человека. Для большей достоверности результатов одно из погребений (могила № 40) анализировалось по двум пробам, результаты датирования совпали (2575 ± 65 и 2590 ± 65 л. н.), что подтверждает достоверность дат. Если отбросить крайнее значение образца СОАН 6853 (могила 45) дата которого соответствует IV – III вв. до н. э., то для других пяти (СОАН 6848-6852) были получены даты в рамках VII в. до н. э., обобщенный калибровочный интервал для которых составляет 840 – 747 cal BC для 52 % вероятности. Для городища Пикет получена дата по углям со дна жилища Ki-18756 640 ± 25 гг. до н. э., а для поселения Аллак III были изучены кости животных, обобщенный интервал дат относится к периоду XII – X вв. до н. э. (СОАН-7460 – 7463), что существенно отличается от традиционных представлений о хронологии периода.

Наиболее ранние ***некалиброванные*** даты относят памятники эпохи поздней бронзы к XIV в. до н. э., а конец эпохи к X в. до н. э., за исключением даты восьмого века до нашей эры (СОАН 2999), но возможно она связана с позднеирменскими материалами, которые присутствуют на памятнике. Собственно переходное время от бронзового века к железному обозначено Бобровским грунтовым могильником, его

радиоуглеродная дата VII в. до н. э., а калибровочные значения в рамках середины IX – середина VIII вв. до н. э. Близкие значения продемонстрированы данными городища Пикет (материалы поселения Аллак III предварительно исключены из анализа до проверки полученных результатов). Как уже указывалось ранее, построения основанные на радиоуглеродных датах отличаются от традиционной Западносибирской периодизации эпохи поздней бронзы, ограничивающей ее XII – VIII вв. до н. э. [4].

Данные по сопредельным регионам в целом соответствуют имеющимся у нас материалам, так для памятника Кара-Оба, содержащего бегазы-дандыбаевские материалы, по образцам древесных углей было получено три радиоуглеродные даты в рамках XII – XI вв. до н. э.: СОАН 5491 – 3090 ± 60 л. н., СОАН 5492 – 3080 ± 45 л. н., СОАН 5493 – 3095 ± 35 л. н. [6]. Курганы ирменской культуры могильника Танай VII, так же на основании датирования проб древесного угля, датированы X – IX вв. до н. э. (СОАН 5073 – 2940 ± 40 л. н., СОАН 5074 – 2790 ± 90 л. н.) [1]. С ирменского поселения Ясашный Луг опубликованы следующие даты: 1130 ± 100 гг. до н. э., 1289 ± 100 гг. до н. э., 1270 ± 40 гг. до н. э., 1230 ± 40 гг. до н. э. [5].

Безусловно, эталоном в вопросах хронологии памятников эпохи поздней бронзы не только Западной Сибири, но и Северной Азии в целом является городища Чича I. Серия из сорока двух калиброванных дат, связанная с находками хорошо датирующихся предметов, позволила В. И. Молодину предложить новую хронологию ирменской культуры. Собственно ирменский период освоения памятника датируется в рамках XIV – первая половина X в. до н. э., и соответственно позднеирменская культурная традиция вторая половина X – IX, VIII вв. до н. э. [7].

Традиционная археологическая хронология определяет эпоху поздней бронзы для юга Западной Сибири (и в частности для Алтая) в рамках XII – IX(VIII) вв. до н. э. (Ю. Ф. Кирюшин, М. Ф. Косарев, А. В. Матвеев; В. И. Матющенко, В. И. Молодин, А. Б. Шамшин и др.). Эти границы, в свою очередь, обусловлены с одной стороны концом андроновской (федоровской) культуры, а с другой началом переходного периода от бронзы к железу.

В настоящее время андроновское время Алтая представлено пятьдесят двумя радиоуглеродными датами. Это, прежде всего материалы грунтового могильника Рублево VIII (тридцать четыре образца), Фирсово-XIV (соответственно девять), Манжиха V (три), Чекановский лог (три), а так же Подтурино, Восход-I, Телеутский Взвоз-I (с трех последних получено по одной дате). Столь широкий охват позволил получить радиоуглеродные даты для объектов находящихся в различных физико-географических зонах: Кулундинская степь, Приобская лесостепь, предгорья Саяно-Алтая. В культурном отношение представленные памятники относятся к федоровскому типу андроновской культуры, в целом их погребальный обряд демонстрирует единство, но есть различия, выраженные прежде всего в керамическом комплексе, например между Рублево VIII и Фирсово XIV. Керамический комплекс андроновской культурной традиции грунтового могильника Рублево VIII, по-видимому, федоровский по технологии, но с алакульскими признаками в орнаментировании, что может объясняться его более ранней хронологической позицией [2].

В результате обработки полученных данных было выяснено, что не калиброванные значения укладываются в хронологический промежуток XVIII – XVI вв. до н. э., за исключением четырех образцов представленных материалами могильника Фирсово XIV и Рублево VIII. В первом случае, и в случае с образцом с Рублево, дата была значительно удревнена (старше XX в. до н. э.) и в двух случаях значительно омоложена в пределах VII – V вв. до н. э., поэтому при проведении последующей процедуры перевода радиоуглеродных дат в календарные данные материалы были исключены. В данную серию была отобрана 31 дата, имеющая достаточно высокий уровень достоверности. Обобщенный хронологический интервал для серии составляет 1979 – 1618 гг. до н. э. по первой сигме при 88 % вероятности и 2141 – 1451 гг. до н. э. по второй сигме при 99 % вероятности. Как видно из второго значения, даты, полученные в результате радиоуглеродного датирования охватывают промежуток XXII – XV вв. до н. э., что входит в противоречие с традиционным археологическим подходом. Пока трудно выделять на основе этих данных ранние или поздние группы памятников, так как значительная серия была получена только для Рублево VIII. Отметим, так же, что на основе серии образцов с Рублево VIII наблюдается различие в 100 лет между образцами деревянных конструкций и образцами из антропологических коллекций, в сторону удревнения первых.

Представленные результаты, которые отодвигают начало андроновской культуры практически на 300 лет, кроме изменения привычных временных границ самого этого культурного образования ставят вопрос о внутренней хронологии бронзового века (в рамках второго тысячелетия до нашей эры) в целом. Удревнение верхней границы андроновской культуры соответственно связано с нижней границей эпохи поздней бронзы и позволяет по-новому взглянуть на систему традиционных хронологических индикаторов.

Те закономерности, которые зафиксированы по материалам андроновских могильников Алтая, находят параллели на сопредельных территориях. Аналогичная ситуация зафиксирована для андроновской группы могильника Тартас I [8 – 9], для алакульской и федоровской культур Южного и Среднего Урала [3]. Древности андроновской культуры Среднего Енисея по результатам последних исследований предложено рассматривать в рамках XVII – XV вв. до н. э. [10]. Сумма вероятностей радиоуглеродных дат для «федорово» приведенная Е. Н. Черныхом так же указывает на первую половину II тыс. до н.э., хотя четко границы не выделяются, что, по его мнению, объясняется «синдромом культурной непрерывности» [11]. Таким образом, есть серьезные основания для пересмотра существующих подходов к хронологии бронзового века Западной Сибири.

Начало II тыс. до н. э. или может быть, более точно XIX – XVIII вв. до н. э., являются нижней границей андроновской культуры, а актуальный верхний предел относится к XVI – XV вв. до н. э. Видимо, XV век до н. э. является и началом периода поздней бронзы, гораздо сложнее обстоит ситуация с его верхней границей. Несмотря на то, что на Алтае выделяются позднеирменские древности, их радиоуглеродные

даты соответствуют верхней границе, собственно, ирменской культуры (кроме, как указывалось выше, одной даты из Цыганковой Сопки – СОАН 2999). Для большереченской культуры переходного времени от бронзы железы надежно выделяется период IX – VII вв. до н. э., следовательно, IX в. до н. э. возможно принять за верхний предел поздней бронзы. Но при этом надо оговориться, что процессы формирования традиций переходного времени не были выражены на начальном этапе, когда стали выделяться новации, поэтому эту грань вряд ли допустимо провести четко, о чем уже говорилось в научной литературе. К сожалению, полностью отсутствуют радиоуглеродные даты для раннескифских памятников степного Алтая и алтайского Приобья. Выявленный комплекс на могильнике Рублево VIII, с раннескифскими элементами еще не получил должной оценки, хотя полученная оттуда дата вполне соответствует этим ожиданиям.

Если рассматривать внутреннюю хронологию изучаемого периода, то радиоуглеродными датами наполняются ирменское и саргаринско-алексеевское культурное образование, по памятникам других культурных традиций данное направление не разработано. Как удалось продемонстрировать, по результатам радиоуглеродного датирования хронология эпохи поздней бронзы имеет тенденцию к удревнению, но в целом эта тенденция так же характерна и для других периодов бронзового века Алтая [4]. Вместе с тем наблюдается хронологический хиатус, между верхней границей андроновской культуры и нижней границей эпохи поздней бронзы, пока в эту лакуну попадают только даты бурлинского типа. Дальнейшее оформление итогов радиоуглеродного исследования позволит, на наш взгляд, привести в соответствие систему хронологии бронзового века Алтая.

Литература

1. Бобров В. В., Мыльникова Л. Н., Мыльников В. П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 4 – 33.

2. Гутков А. И., Папин Д. В., Федорук О. А. Культурные особенности андроновской керамики могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 311 – 321.

3. Епимахов А. В. Абсолютная и относительная хронология бронзового века Урала бронзового века в свете новых радиокарбонных дат // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: изд-во АлтГУ, 2004. С. 204 – 209.

4. Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Папин Д. В. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований: сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 84 – 89.

5. Матвеев А. В. Ирменская культуры в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 182 с.

6. Мерц В. К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. С. 73 – 82.

7. Молодин В. И. Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 155 – 164.

8. Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: История и филология). 2014. Т. 13. Вып. 3: археология и этнография. С. 136 – 167.

9. Молодин В. И., Парцингер Г., Марченко Ж. В., Пиецонка Х., Орлова Л. А., Кузьмин Я. В., Гришин А. Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильник Таратас I (попытка осмысления) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: изд-во ин-та археологии, 2008. Т. I. С. 325 – 328.

10. Поляков А. В., Святко С. В Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала раннего железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. 5. С. 20 – 56.

11. Черных Е. Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургиии радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: изд-во ИАЭтСО РАН, 2008. № 3(35).

Информация об авторе:

Папин Дмитрий Валентинович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории Междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири, научный сотрудник лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН, papindv@mail.ru.

Dmitry V. Papin – Candidate of History, Leading Research Associate at the Laboratory of Interdisciplinary Study of Archaeology of the Altai and Western Siberia, Research Associate at the Laboratory of Archeology and Ethnography of South Siberia, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902.01, 903.24-25

БРОНЗОВЫЕ СЕРПОВИДНЫЕ КИНЖАЛЫ-БЕБУТЫ ЦЭПАНЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

В. И. Привалихин, Н. И. Дроздов, В. И. Макулов

BRONZE CRESCENT-SHAPED BEBUT DAGGERS OF THE TSEPAN CULTURE REPRESENTING EARLY IRON AGE IN THE NORTH ANGARA REGION

V. I. Privalikhin, N. I. Drozdov, V. I. Makulov

Предметом исследования статьи являются бронзовые серповидные кинжалы-бебуты раннего железного века Северного Приангарья. Авторы статьи знакомят с результатами научных исследований кинжалов-бебутов цэпаньской культуры, обнаруженных в погребальных комплексах и культурных слоях стоянок раннего железного века. Привлечены материалы музейных коллекций и архивные источники. В научный оборот вводится новый пласт источников по археологии раннего железного века Сибири, позволяющий определиться с происхождением кинжалов-бебутов, проследить их эволюцию, уточнить хронологию и время бытования на территории Северного Приангарья. Авторы использовали метод исторической реконструкции, сравнительно-типологический метод, приводят данные спектрального анализа древних бронз, радиоуглеродного анализа угля и бересты. Полученные результаты позволяют расширить и конкретизировать наши представления о жизни и хозяйственной деятельности таежного населения Северного Приангарья в I тысячелетие до н. э.

The paper discusses the bronze crescent-shaped bebut daggers of the Early Iron Age in the Northern Angara Region. The authors present the results of scientific research of the bebut daggers belonging to the Tsepan culture. The daggers were discovered in the burial complexes belonging to the cultural layers of Early Iron Age sites. The material of museum collections and archives sources were also used. A new block of sources belonging to the archeology of the Early Bronze Age in Siberia is introduced into scientific use. It makes it possible to determine the origin of bebut daggers, to trace their evolution, to specify their chronology and the period of use on the territory of the Northern Angara Region. The authors made use of the historical reconstruction method and the method of comparative typology. They also present spectral analysis data of ancient bronze and radiocarbon analysis of carbon and birchbark. The results obtained make it possible to broaden and specify our idea of life and activities of the taiga populace living in the Northern Angara Region during the first millennium BC.

Ключевые слова: Северное Приангарье, цэпаньская культура, кинжалы-бебуты, обоймы, наконечники стрел.

Keywords: Northern Angara Region, Tsepan culture, bebut daggers, arrow heads.

Бронзовые серповидные кинжалы-бебуты цэпаньской культуры Северного Приангарья, имеющие самобытный и выразительный облик, образуют в цэпаньском инвентаре небольшую группу предметов. Нам известны 12 экземпляров, из которых, четыре кинжала обнаружены в погребальных комплексах, пять – отмечены в культурных отложениях стоянок и три происходят из случайных сборов (рис. 1; рис. 2 – (1); рис. 3 – (2); рис. 4 – (2-8)).

Первыми исследователями, обратившими внимание на столь необычные бронзовые изделия, были Г. Мергарт и Г. П. Сосновский. Основываясь на изучении бронзового инвентаря археологических коллекций Красноярского, Енисейского, Минусинского и других краеведческих музеев G. Merhart в своей обобщающей работе « Bronzezeit am Ienissei» [12] выделил особый тип обоюдо-острых кривых ножей, происходящих с территории, приуроченной к нижнему течению Ангары [12, s. 110 – 113; tafel. VII, fig. 1, 4, 5].

Г. П. Сосновский, касаясь проблем археологии бронзового века Ангарского края, отмечал отличительные признаки серповидных ножей, подчеркивая, что: «Оба края у ножей острые. Иногда они оказываются довольно грубой работы и носят следы ковки» [19, с. 19].

В 1937 году А. П. Окладников на правом берегу Ангары, близ устья речки Цэпань раскопал необычное погребение, которое он отнес к бронзовому веку и датировал VIII – IV вв. до н. э. [13, с. 106 – 112]. Характеризуя предметы погребального инвентаря данного погребения, А. П. Окладников упоминает о фрагменте бронзового изделия в виде массивной пластины с изломом на одном широком и утолщенном конце (рис. 4 – (7)). По справедливому замечанию исследователя эта пластина не что иное, как конец клинка большого бронзового кинжала. Судя по рисунку А. П. Окладникова, клинок кинжала массивный, одна сторона плоская, другая выпуклая, оба края остро заточены [13, с. 103; табл. 38 –(3)].

Более обстоятельно и с учетом техники изготовления бронзовые серповидные кинжалы – бебуты рассмотрены в работе Ю. С. Гришина, по классификации которого они были отнесены к изогнутым двулезвийным ножам II типа [2, с. 9 – 10]. Следует отметить, что если в более ранних работах Ю. С. Гришин усматривал определенную связь таких ножей с глазковскими листовидными ножами [14, с. 30 – 34; рис. 11 – 14] и на основании этого датировал их второй половиной II тыс. до н. э., то в последующих своих работах, ссылаясь на отдельные находки изогнутых ножей из Южной Якутии (стоянка Усть-Миль – 1) [21, с. 146 – 158] и Прибайкалья [23, с. 46 – 50], он относит их уже к I тыс. до н. э. [2, с. 10; 3, с. 107 – 112; 4, с. 56 – 57].

По мнению исследователя, енисейско-нижнеангарские и близкие им якутско-забайкальские изогнутые ножи, видимо представляют собой местные варианты еще малоизученных изделий карасук – тагарского времени таежной зоны Восточной Сибири [1, с. 56 – 57].

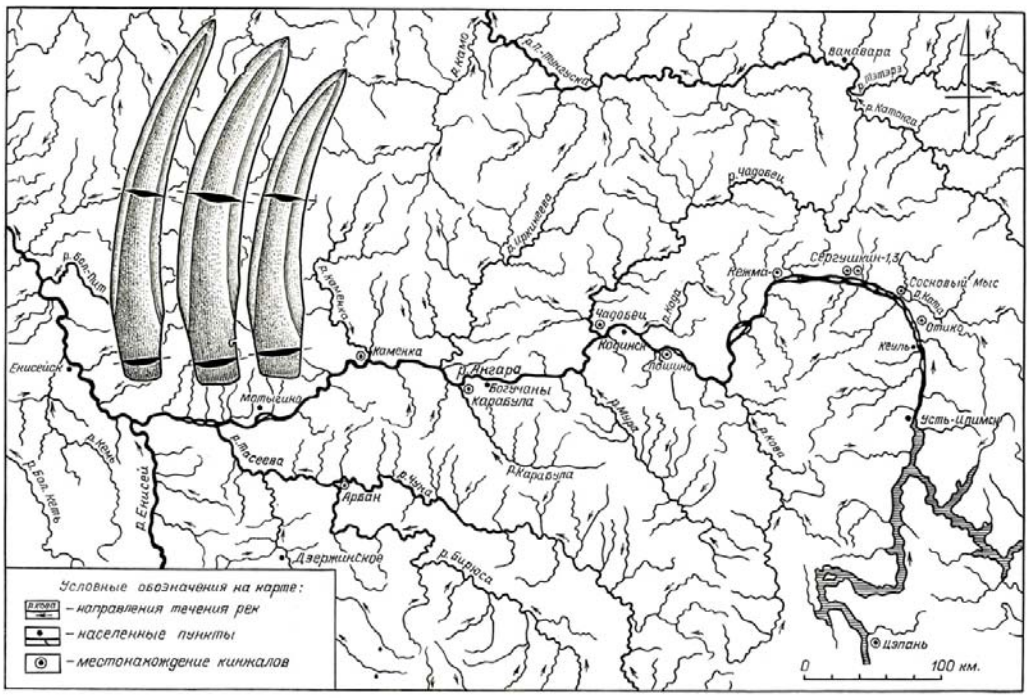

Рис. 1. ***Карта местонахождения бронзовых серповидных кинжалов-бебутов цэпаньской культуры на территории Северного Приангарья***

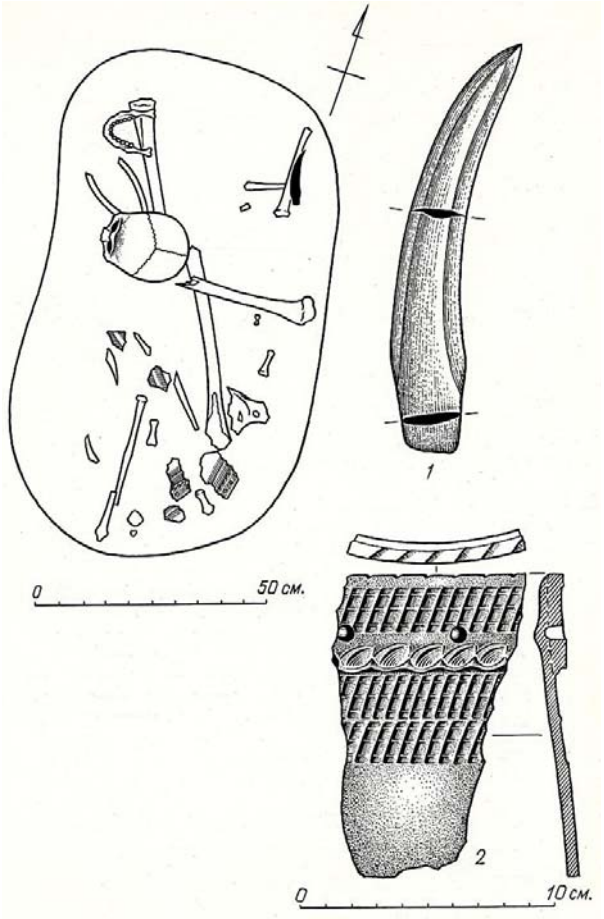

Рис. 2. ***Стоянка и могильник Пашино, погребение № 1 цэпаньской культуры. План расположения костяка и предметы погребального инвентаря. 1 – кинжал; 2 – керамика (раскопки Н. И. Дроздова)***

Точка зрения Ю. С. Гришина на происхождение и датировку изогнутых двулезвийных черенковых ножей нам представляется недостаточно аргументированной. Вместе с тем, мы полагаем, что использование определения «нож» применительно к изделиям такого рода не совсем правильно и допустимо. Если попытаться абстрактно выпрямить «двулезвийный черенковый нож», то мы получим кинжал, лишенный перекрестия и рукояти. По нашему глубокому убеждению первоначальной и исходной формой для серповидно-изогнутых кинжалов – бебутов послужила форма обычного кинжала с прямым клинком (зауженным к боевому острию), перекрестием и рукоятью, какие известны по материалам раскопок памятников тагарской, уюкской и ряда других культур скифо-сибирского круга. Подобная трансформация, обусловленная экономией дефицитного металла, каковым в условиях тайги была бронза, привела к отсутствию у серповидных кинжалов рукояти и перекрестия. В результате приобретенной изогнутости, при наличии двух лезвий, кинжалом можно было не только колоть зверя, но и выполнять различные хозяйственные операции. Не утратив форму кинжала, это изделие стало более универсальным, приобретя некоторые функции ножа. В нашем утверждении нет никакого противоречия или кажущегося абсурда, поскольку природная среда и охотничий уклад жизни цэпаньцев определили подобную рационализацию.

На территории Северного Приангарья отмечены десять пунктов, где бронзовые серповидные кинжалы – бебуты обнаружены в комплексе с другими предметами, позволяющими более точно установить время их бытования (рис. 1). Один экземпляр найден в погребении близ устья р. Цэпань (рис. 4 – (7)) [13, с. 106–112; рис. 38 – (3)], один – в погребении № 2 могильника Пашино (рис. 2 – (4)) [6, с. 50 – 57;

рис. 2), один кинжал в погребении № 6 могильника Отико (рис. 4 – (3)) [15, с. 227 – 228; 16, с. 189 – 198; 17, с. 160 – 183; 18, с. 73 – 91], один кинжал в культурном слое стоянки Сергушкин – 1 в пункте «А» (пойма) (рис. 4 – (6)), обломок кинжала в культурном слое и кинжал в погребении № 9 стоянки и могильника Сергушкин – 3 [1, с. 87 – 91), один кинжал на стоянке Усть-Карабула (рис. 4 – (5)) [9, с. 130 – 175; рис. 12 – (1)], переоформленный обломок кинжала на культовом месте в устье речки Каменки (рис. 4 –(8)) [7, с. 347 – 351; 8, с. 107 – 129; рис. 10 – (3)], один кинжал в культурном слое на культовом месте Мыс Арбан при слиянии рек Бирюсы и Чуны [20, с. 78–83; рис. 8 – (4)], кинжал, найденный И. А. Грачевым при исследовании могильника Сосновый Мыс.

В фондах Красноярского краевого краеведческого музея хранятся два серповидных кинжала – бебута (КККМ, колл. № 41 – (24); колл. № 82 – (82)), найденные на Ангаре. Оба они опубликованы в работе G. Merharta «Bronzezeit am Inissei [12, s. 112 – 113; tafel. VII / 1, 4]. В инвентарной книге по археологии Красноярского краевого краеведческого музея, содержится запись о том, что первый кинжал (КККМ, колл. № 41 – (24)), доставлен в 1903 году из села Кежмы, а второй – (КККМ, колл. № 82 –(82)) поступил в фонды краевого музея в 1913 г. из Ангарского края (р. Чадобец?). Мы полагаем, что эти кинжалы происходят из случайных сборов и скорее всего, были подняты кем – то из ангарских крестьян на пашне или же в местах разрушения древних поселений, стоянок и могильников раннего железного века.

Все известные нам серповидные кинжалы, обнаруженные в разные годы в пределах рассматриваемого региона, имеют короткий широкий черенок, длинный изогнутый клинок с двумя лезвиями и продольным валикообразным ребром посередине одной из сторон (рис. 4 – (2-8)). Они отлиты в литейной форме, вторая створка которой была плоской. Оба лезвия всех без исключения кинжалов дополнительно оттягивались методом холодной ковки, после чего остро затачивались абразивом. Обломок плитки абразива из мелкозернистого песчаника был отмечен нами в погребении № 6 могильника Отико (рис. 3 – (15)).

В Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых был проведен полный спектральный анализ двух серповидных кинжалов – бебутов, найденных в погребении № 6 могильника Отико (шифр № 33311) и в погребении № 1 могильника Пашино (шифр № 33314) (рис. 3- (2); рис. 2 – (1)). Кинжал из погребения № 6 могильника Отико был отлит из оловянистой бронзы с содержанием олова в 1,1 %. Химическая рецептура металла кинжала из погребения № 1 могильника Пашино определена как оловянисто-свинцовая бронза с содержанием 2,7 % олова и 3 % свинца.

Как свидетельствует находка рукояти в погребении № 6 могильника Отико, короткий черенок кинжала – бебута крепился в специальном пазе рукояти из рога (рис. 3 –(5)). Для большей прочности соединения кинжала и рукояти, на узких сторонах последней имелись специальные выемки – углубления, благодаря которым, стягивающая обмотка из сухожильных ниток держалась крепко и надежно, не давая кинжалу выпасть. Мы также не исключаем вероятности существования у древних цэпаньцев деревянных рукоятей, использовавшихся в тех же целях.

Особого внимания заслуживают находки двух миниатюрных бронзовых резцов, отдаленно напоминающих бронзовые кинжалы – бебуты (рис. 4 – (1,17)). Один из них (рис. 4 –(1)) был обнаружен в культурном слое стоянки Усть-Карабула [9, с. 142; рис. 8 –(16)], второй (рис. 4 – (17)) – в погребении № 9 стоянки и могильника Сергушкин – 3 [1, с. 87 – 91]. Обладая коротким, слабо выраженным черенком, они по аналогии с крупными кинжалами – бебутами, имели роговые или деревянные рукояти, но уже меньших размеров. Используя бронзовые резцы, носители цэпаньской культуры обрабатывали рог и кость, выделывали многочисленные обоймы, наконечники стрел из кости, проколки, игольники, различные украшения и культовые предметы, компенсируя тем самым дефицит меди и металлических сплавов на ее основе (рис. 3 – (3-5, 8,13,20-25,30)).

В лаборатории радиоуглеродного анализа Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) было проведено исследование жженой бересты и угля из погребения № 6 могильника Отико с бронзовым серповидным кинжалом – бебутом (рис. 3 – (2)). Результаты радиоуглеродного датирования (шифр ЛЕ – 2166) оказались неожиданными, поскольку была получена дата 1620 + 40 лет до н. э. Сомнения в достоверности и точности этой датировки обусловлены тем, что она не стыкуется с датировкой бронзового трехлопастного черешкового наконечника стрелы, найденного там же в погребении № 6 (рис. 3 –(6)).

Бронзовые трехлопастные черешковые наконечники стрел тагарской культуры, по классификации Н. Л. Членовой, отнесены исследователем к типу А/II – А/III и датируются VII – V до н. э. [22, с. 41–43].

Цэпаньские бронзовые, черешковые, трехлопастные наконечники стрел, близкие по своей конструкции аналогичным наконечникам стрел раннего железного века Южной и Западной Сибири, в условиях относительной таежной удаленности и изолированности Северного Приангарья появляются на Нижней Ангаре позднее и существуют на этой территории более продолжительное время, чем в степных и лесостепных районах юга Сибири. Их эволюция проходила по линии увеличения размеров наконечника и утраты черешка (рис. 4 – (13 – 16, 21 – 23)).

В сопроводительном инвентаре погребения № 6 могильника Отико совместно с кинжалом-бебутом присутствуют обоймы из рога, костяные и каменные вкладышевые наконечники стрел. Они хорошо коррелируются с аналогичными артефактами из цэпаньских погребений могильников Сергушкин – 3, Сосновый Мыс-2 и Пашино. Цэпаньские костяные наконечники стрел с уплощенным черешковым насадом и пером с ланцетовидной и удлиненно треугольной формы с оттянутыми шипами из погребения № 2 могильника Сосновый Мыс-2 почти – что идентичны костяным наконечникам стрел из курганов тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины и лесостепных районов Кемеровской области, где они датируются V–III вв до н. э. [17, с. 173; рис. 5 – (14-17, 21); 10, с. 163, табл. 13 – (1-71); с. 164, табл. 14 – (1-61)].

С учетом этих замечаний, бронзовые серповидные кинжалы – бебуты цэпаньской культуры Северного Приангарья датируются нами VII–II вв. до н. э.

Таким образом, территория Северного Приангарья представляет собой регион с наибольшей концентрацией и локализацией местонахождений бронзовых серповидных кинжалов-бебутов. В комплексе инвентаря цэпаньской культуры раннего железного века Нижнего Приангарья, кинжалы-бебуты являются одним из определяющих признаков – маркеров.

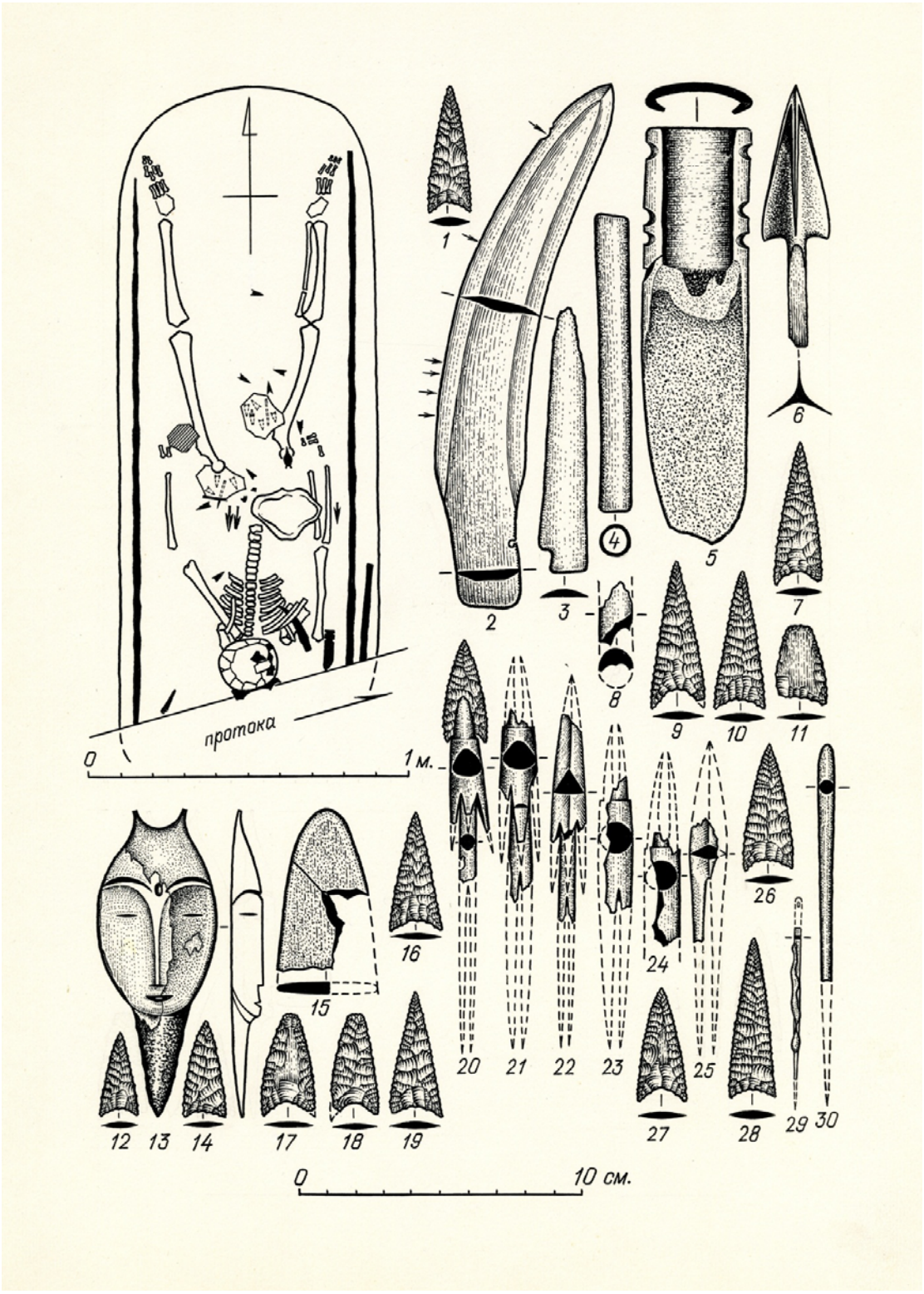

Рис. 3. ***Стоянка и могильник Отико, погребение № 6 цэпаньской культуры. План расположения костяка и предметы погребального инвентаря. 2 – бронзовый кинжал – бебут; 5 – рукоять кинжала из рога; 15 – плитка – абразив из песчаника (раскопки В. И. Привалихина)***

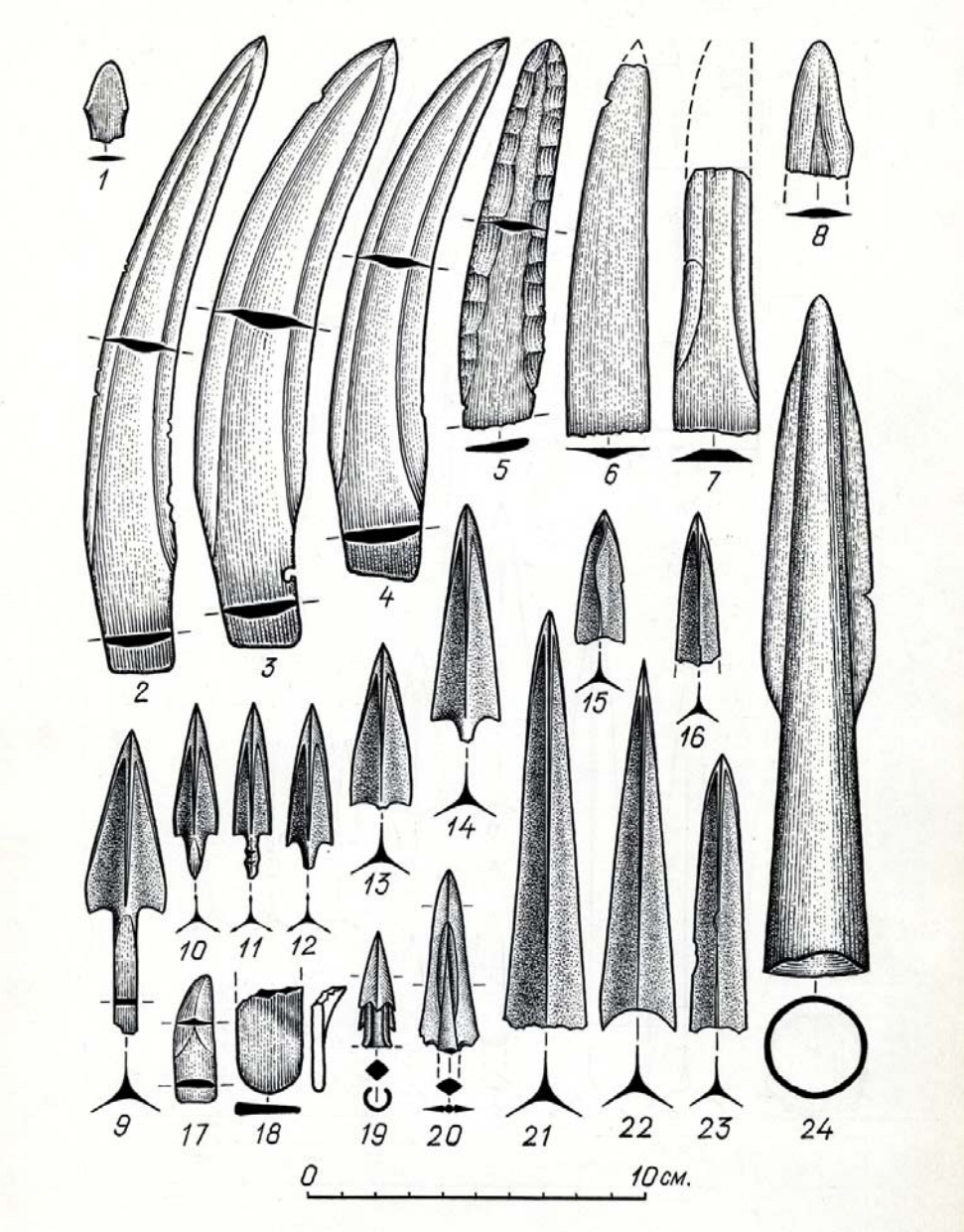

Рис. 4. ***Бронзовые кинжалы – бебуты, резцы, наконечники стрел и копий цэпаньской культуры. 1,5 – стоянка Усть-Карабула (раскопки Н. П. Макарова); 2 – Ангарский край (р. Чадобец ?), 1913 г., случайная находка (КККМ, колл. № 82 – (82)); 3,9 – могильник Отико, погребение № 6 (раскопки В. И. Привалихина); 4 – могильник Пашино, погребение № 1 (раскопки Н. И. Дроздова); 6 – стоянка Сергушкин –1 (раскопки В. И. Привалихина); 7, 13, 14 – устье р. Цэпань, погребение (раскопки А. П. Окладникова); 8, 15 – устье р. Каменка (раскопки А. Л. Заики); 17 – могильник Сергушкин – 3, погребение № 9 (раскопки П. В. Германа); 10, 11, 12, 18 – стоянка и могильник Сергушкин – 3 (раскопки В. И. Привалихина); 21 – Большая Курья (раскопки Р. С. Васильевского, В. В. Бурилова); 22 – устье р. Чадобец (раскопки Н. И. Витковского); 23 – устье р. Чадобец (раскопки Н. И. Дроздова); 24 – устье р. Кова (раскопки Н. И. Дроздова)***

Литература

1. Герман П. В., Леонтьев С. Н., Савельева А. С., Герман В. В. Предварительные результаты исследований на памятнике Сергушкин-3 в Северном Приангарье // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН. Вып. 3. Кемерово, 2011. С. 87 – 91; табл. I, рис. 32.

2. Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М., 1971. С. 10.

3. Гришин Ю. С. О некоторых погребальных памятниках бронзового века в Бурятской АССР // КСИА. Вып. 161. М.: Наука, 1980. С. 107 – 112.

4. Гришин Ю. С. Об особенностях некоторых бронз карасук-тагарского времени из Красноярско-Канского района // Вопросы истории Южной Сибири. Абакан. 1984. С. 53 – 59.

5. Дроздов Н. И., Королева В. Н., Пашинов А. М., Привалихин В. И. Исследования в Северном Приангарье // АО 1977 года. М., 1978. С. 226 – 227.

6. Дроздов Н. И., Леонтьев В. П., Привалихин В. И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашино в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. Вып. IV. Красноярск, 2005. С. 50 – 57.

7. Заика А. Л., Оводов Н. Д., Мартынович Н. В., Орлова Л. А. Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. 1 // Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 года, посвященной 95- летию со дня рождения академика А. П. Окладникова. Новосибирск, 2003. С. 347 – 351; рис. 2 – (3).

8. Заика А. Л., Оводов Н. Д., Орлова Л. А. Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре в эпоху раннего железного века – средневековья (фрагментарный обзор проблемы) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. ст. Красноярск, 2013. С. 107 – 129; рис. 10 – (3).

9. Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. ст. Красноярск, 2013. С. 130 – 175; рис. 8 – (16); рис. 13 – (1)).

10. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. С. 163, табл. 13 –(1-71); С. 164, табл. 14 – (1-61)).

11. Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае (Автореферат) // Известия Красноярского Отдела Русского географического Общества. Т. III. Вып. I. Красноярск, 1923. С. 29 – 36.

12. Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926. 190 s.

13. Окладников А. П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. Вып. VIII. М.; Л., 1940. С. 106 – 112; рис. 38 – (3)).

14. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III (глазковское время). М.; Л., 1955. 373 с.

15. Привалихин В. И. Исследования в зоне Богучанской ГЭС и в Эвенкии // АО 1982 года. М., 1984. С. 227 – 228.

16. Привалихин В. И. В поисках научной истины // Век подвижничества. Красноярск, 1989. С. 189 – 198; табл. 2 – (1)).

17. Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества: сб. науч. ст. Красноярск, 2011. С. 160 – 183.

18. Привалихин В. И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин – 1, пункта «А» в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сборник научных статей. Красноярск, 2013. С. 73 – 91; рис. 7 – (2).

19. Сосновский Г. П. К археологии Ангарского края. Иркутск, 1923. 21 с.

20. Тарасов А. Ю. Культовый комплекс археологического местонахождения «Мыс Арбан» на реке Тасеевой (предварительные материалы) // Дуловские чтения 1997 года (Секция археологии и этнографии): материалы докладов и сообщений. Октябрь 1997 г. Иркутск, 1997. С. 78 – 83; рис. 8 –(4)).

21. Федосеева С. А. Усть – Мильская культура эпохи бронзы Якутии //Древняя история Восточной Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1974. С. 146 – 158.

22. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с.

23. Шмыгун П. М., Сергеева Н. Ф., Лыхин Ю. П. Погребение с бронзовым инвентарем на Северном Байкале // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981. С. 46 – 50.

Информация об авторах:

Привалихин Василий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея.

Vasily I. Privalikhin – Candidate of History, Senior Research Associate ar Krasnoyarsk Regional Museum.

Дроздов Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий лабораторией археологии и палеогеографии Средней Сибири, директор Красноярского филиала.

Nikolay I. Drozdov – Doctor of History, Full Professor, Head of Krasnoyarsk Laboratory for Archaeology and Palaeogeography of Middle Siberia, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Director of Krasnoyarsk branch of the University of the Russian Academy for Education.

Макулов Владимир Иванович – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири, начальник коммерческого отдела Университета Российской академии образования Красноярский филиала, makulov@krasurao.ru

Vladimir I. Makulov – Research Associate in Krasnoyarsk Laboratory for Archaeology and Palaeogeography of Middle Siberia, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of Commercial Division, Krasnoyarsk branch of the University of the Russian Academy for Education.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902/904

НАХОДКИ ХУННСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ БРОНЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Д. Г. Савинов

XIONGNU BRONZE ART OBJECTS FOUND IN THEIR HISTORICAL CONTEXT

D. G. Savinov

Статья посвящена рассмотрению бронзовых художественных изделий, в первую очередь ажурных поясных пластин – одного из наиболее ярких компонентов культурного комплекса хунну (II в. до н. э. – I в. н. э.). Главная задача – проследить распространение этих изделий в различных районах их нахождения в контексте исторических событий, связанных с образованием государства Хунну. По опубликованным материалам дается краткий обзор таких находок по регионам (Ордос, Монголия, Забайкалье, Тува, Горный Алтай, Минусинская котловина и др.). Выделяются их специфические особенности в каждом из этих регионов. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что обладатели «парадных» поясов с такими пластинами занимали определенное социально ориентированное положение как «проводники» хуннской культуры на местах, а сами эти изделия могут рассматриваться как маркирующие, в целом очерчивающие северные границы государства Хунну.

The paper considers some bronze art objects, basically – openwork belt plates, one of the brightest components of Xiongnu cultural complex (2nd century BC – 1st century AD). The main aim is to trace the distribution of these objects in various regions where they were found, in the context of historical events associated with formation of the Xiongnu state. According to the published materials the author gives a brief review of such findings in each region, such as Ordos, Mongolia, Transbaikalia, Tuva, Altai, Minusinsk basin, etc., as well as reveals their specific features. The analysis conducted allows the following conclusion: the owners of such "ceremonial" belts decorated with bronze plates of the considered type occupied a certain socially oriented position as "conductors" of Xiongnu culture in local societies, and these bronze art objects themselves may be considered as sort of markers, generally outlining Northern boundaries of the Xiongnu state.

Ключевые слова: хунну, художественные бронзы, поясные ажурные пластины.

Keywords: Xiongnu, bronze art objects, openwork belt plaques.

Уже очень давно, в 1975 году, при раскопках кургана тагарской культуры у оз. Утинка, В. В. Бобровым была найдена бронзовая поясная ажурная пластина, до сих пор представляющая самый западный образец изделий подобного рода в пределах государственного и культурного влияния хунну. С тех пор им сделано много крупных открытий, но именно эта давняя – 40 лет тому назад – находка и замечательный юбилей Владимира Васильевича Боброва явились поводом для написания настоящей статьи.

Хуннские художественные бронзовые изделия являются одним из самых ярких культурно-дифференцирующих признаков культуры Хунну. Нахождение их в тех или иных памятниках на разных территориях свидетельствует о присутствии хуннов или, что отмечается чаще всего, влиянии культурных традиций, связанном с эпохой завоеваний Хунну. Установлено время их бытования (II в. до н. э. – I в. н. э.), что, в свою очередь, послужило основанием для уточнения датировки ряда южносибирских археологических культур. Благодаря исследованиям А. В. Давыдовой доказано, что подобного рода ажурные бронзовые пластины служили украшениями верхнего («парадного») пояса людей, занимавших особое социальное положение; причем, судя по находкам в Забайкалье, это касается не только мужчин, но и женщин [6]. В соответствии с указаниями письменных источников о перенесении хуннских владений «на север» (120 г. до н. э.), было предложено ограничить время появления хуннских памятников в Забайкалье начиная с конца II в. до н. э. [17]. Очевидно, что это должно учитываться и при рассмотрении других областей распространения хуннских художественных бронз.

Ясно, что культурно-историческая интерпретация хуннской проблемы имеет не узко региональное, а поистине континентальное значение: по сути дела, с этого в Центральной Азии началась эпоха Великого переселения народов [3]. Эти, как и многие другие общие положения, приняты всеми исследователями и в целом не требуют подтверждения. Вместе с тем, в каждом из конкретных регионов распространение хуннских художественных бронз имело свою специфику, выявление которой возможно, главным образом, в историческом контексте, благодаря чему общая картина данного феномена становится более конкретной и логически обоснованной. В плане рассматриваемой темы кардинальное значение имеет решение двух вопросов: 1) определение места первоначального сложения хуннского культурного комплекса; 2) сведения письменных источников о возможности времени появления хуннских художественных изделий на севере Центральной Азии и в Южной Сибири.

Наиболее убедительное и аргументированное решение первого вопроса предложено А. А. Ковалевым, детальным образом рассмотревшего соответствие сведений письменных источников и ранних археологических памятников «доциньского времени с признаками влияния хунну», указывающих на место формирования их культуры – территория Внутренней Монголии, севернее провинции Шаньси и к северо-западу от провинции Хэбэй [11]. Что касается решения второго вопроса, то здесь решающее значение

имеет территория Ордоса, судя по многочисленным находкам хуннских художественных бронз бывшего основным источником распространения таких изделий в более отдаленных районах Центральной Азии и Южной Сибири.

Как следует из письменных источников, появление хуннов в Ордосе уходит еще в «скифскую» древность. Однако в конце III в. до н. э. (215 г.) китайские войска под водительством Мэнь Тяня разбили хуннов и завоевали Ордос. По словам Н. Н. Крадина, «потеря Ордоса являлась для номадов тяжелым ударом» [14, с. 41]. Очевидно, к этому событию имеет отношение сообщение о том, что Тоуманъ, первое достоверное лицо хуннской истории, «оказавшись не в силах победить (царство) Цинь, переселился на север, где хунны пробыли… более десяти лет». В 205 – 204 гг. до н. э. уже после своего воцарения (209 г. до н. э.) фактический основатель хуннского государства шаньюй Маодунь отвоевал Ордос и, очевидно, уже отсюда предпринял свой знаменитый поход 201 г. до н. э., в результате которого «покорил на севере владения хуньюев, цюйше, гэгуней, динлинов и синьли» [31, с. 43]. Рассказ о походе Маодуня послужил основой для красивой и внешне убедительной гипотезы Л. Р. Кызласова о завоевании хуннами Саяно-Алтая [15, с. 79 – 80], воспринятую как уже доказанную большинством исследователей. Однако в источниках нигде не говорится о местонахождении этих народов, хотя археологический материал, в том числе и находки хуннских художественных бронз, вполне соответствуют такой реконструкции событий. Появилось и иное толкование источников, представляющее локализацию носителей данных этнонимов значительно западнее, в областях, прилегающих к Притяньшанью [35, с. 20 – 22]. Но здесь нет никаких археологических следов столь раннего появления хуннов, в том числе и находок хуннских художественных бронз.

Массовый характер оно приобретает в связи с событиями более позднего времени. В 127 г. до н. э. под давлением войск китайских полководцев Вэй Цина и Хо Цюй-бина хунны вновь теряют Ордос. В 120 – 119 гг. до н. э. центр хуннского государства переносится в Монголию, после чего к югу от пустыни (Гоби – *Д. С.*) «уже не было ставки их правителя». Здесь же, на севере, находится теперь и некрополь хуннских шаньюев – знаменитый могильник Ноин-Ула, датированный по находкам лаковых изделий самым началом I в. н. э. [28]. Отсюда и, очевидно, очень быстро экспансия хуннов охватывает Забайкалье, где образуется плотное население и представлено большое количество археологических памятников хунну [24, с. 255, карта 15]. Далее следовал Саяно-Алтай. В этих «заданных» исторических рамках можно представить находки художественных изделий хунну, в первую очередь, поясных ажурных пластин, по основным областям их распространения.

Ордос – огромное пастбищное плато в большой излучине Хуанхэ на севере Китая – был первой территорией, откуда находки хуннских художественных бронз стали известны прежде всего. Характеристике этих изделий, получивших по месту своего нахождения наименование ордосских бронз, посвящено много специальных работ. В основной своей массе это вещи, найденные при случайных обстоятельствах и тем или иным образом попавшие в музейные и частные коллекции. В последней их сводке представлены все известные к настоящему времени комплексные находки, в том числе из эталонного здесь погребального памятника Маоцингоу [36, s. 95 – 101, 110 – 115]. В отечественной литературе они наиболее полно представлены в трудах С. И. Руденко, М. А. Дэвлет, Е. С. Богданова и Д. В. Кузнецова и др. По характеру изображений ордосские поясные пластины наиболее разнообразны: здесь представлены все типы изделий данного рода, как имеющие сходство (иногда доходящее до тождества) с находками на других территориях, так и вполне оригинальные. Особенностью ордосских поясных пластин является большое количество композиций с передачей образа дракона, а также общая, даже излишняя декоративность многих изображений, отражающая влияние ханьской изобразительной традиции.

С территории Ордоса хуннские художественные бронзы расходились в различных направлениях. Причем в новых местах имперских владений хунну (Монголия, Забайкалье, Саяно-Алтай) происходила их естественная «селекция»: в основном исчезают наиболее характерные и богато декорированные образцы, отражающие влияние ханьской традиции, и преобладает сравнительно небольшая выборка пластин с более динамичными изображениями, в какой-то мере соответствующими традициям «звериного стиля». Наибольшая степень близости связывает ордосские художественные бронзы с забайкальскими и среднеенисейскими. Одной из первых показала близость ордосских и минусинских бронз М. А. Дэвлет [9, рис. 1–5]. И наоборот, в экземплярах, найденных в более южных провинциях Китая, абсолютно преобладают изображения в бóльшей степени «китаизированные», редкие для Центральной Азии. Особенно это видно по материалам расположенного поблизости от Ордоса могильника Даодуньцзы [4, рис. 1–3]. При этом, как отметил С. А. Комиссаров, «центром, вокруг которого концентрируется наибольшее количество находок, является Ордос. Однако временами они встречаются далеко за пределами этой исторической области» [12, с. 273].

Монголия. На территории Монголии, судя по имеющимся изданиям, поясные бронзовые пластины известны в достаточно большом количестве [37]. Однако все они, насколько можно судить, представляют случайные находки, лишенные конкретного исторического контекста. Некоторые из них более всего соответствуют забайкальским образцам; другие, в первую очередь, с сюжетными изображениями, не имеют аналогов в Саяно-Алтае. При этом на территории Монголии известно огромное количество погребений рядовых хуннов, образующих целые «могильные поля». Так, на одном из могильников на р. Тамир насчитывалось более 200 курганов [5, с. 503]. По данным Ц. Турбата, их здесь еще больше – 306, а в другой расположенной здесь же долине – 367 [34, с. 135] и т. д. Многие из этих погребений раскопаны и по всем признакам являются упрощенной «копией» хуннских захоронений более высокого социального уровня. Ни в одном из этих погребений бронзовых ажурных поясных пластин не обнаружено.

Обращает на себя внимание, что и в погребениях представителей высшей знати хуннского общества с их великолепными находками предметов торевтики из золота и серебра, ковров, колесниц, китайских лаковых изделий и др., хуннских художественных бронз также не найдено. Причем это касается не только «царских» или династийных курганов в Ноин-Уле [26] и в пади Царам [23] с их глубочайшими (до 20 метров!) могильными ямами и сложными входными устройствами-дромосами, копирующими усыпальницы имперской знати династии Хань, но и так называемых «княжеских» погребений типа Ильмовой пади [13], в свою очередь повторяющих основные конструктивные особенности «царских» захоронений. Очевидно, что обладание художественными бронзами, в первую очередь поясными ажурными пряжками-пластинами с различного рода изображениями, есть не просто знак социального достоинства, а, в первую очередь, прерогатива определенного слоя населения, скорее всего, имевшего непосредственное отношение к распространению политического влияния и культурных ценностей хунну.

Забайкалье. Общее количество поясных бронзовых пластин, найденных в Забайкалье, сравнительно невелико, но, поскольку большинство из них происходит из непотревоженных комплексов, значение этих находок для культурно-исторической интерпретации подобного рода изделий вообще является не только крайне важным, но и определяющим. Большинство из найденных в Забайкалье хуннских художественных бронз происходит из двух наиболее исследованных могильников – Иволгинского [8] и особенно Дырестуйского [22]. По характеру оформления и мотивам изображений забайкальские поясные пластины имеют как некоторое количество китайских (ордосских) параллелей, так и в основном уже более западных (южносибирских). Производство их, согласно исследованиям С. С. Миняева, производилось в трех металлургических центрах – Иволгинском, Чикойском и Джидинском [21, с. 61, рис. 6]. Изготовление в Джидинском центре предполагается и для некоторых южносибирских пластин; в частности, урбюнской в Туве и пяти поясных пластин (из семи имеющихся) из Минусинской котловины. По заключению С. С. Миняева, анализ поясных пластин, найденных на Енисее, позволяет говорить не о «широком распространении сюннусских бронз, а о хорошо организованном в различных, весьма удаленных друг от друга областях, процессе воспроизводства, репродуцировании бронзовых изделий по сюннуским образцам и, вероятно, для самих сюнну» [20, с. 103].

Обращает на себя внимание, что все наиболее известные в настоящее время хуннские памятники Забайкалья, также как и выделенные С. С. Миняевым центры производства хуннских бронзовых изделий, находятся в одном районе. Это юго-западное Забайкалье – бассейн р. Селенги с притоками, район их наибольшей концентрации. Крайний северн памятник здесь – Иволгинский археологический комплекс; крайний южный – «царский» курган Царам (уже на границе с Монголией). Между ними располагаются Дырестуй, Ильмовая падь, Черемуховая падь, поселение Дурены и другие известные комплексы. Скорее всего, именно эта культурно-историческая область могла быть своего рода «плацдармом» для дальнейшего распространения хуннских владений на севере после потери ими традиционных земель и торговых путей на юге. Вместе с находками китайских монет *у шу* (первый чекан 118 г. до н. э.) это является важным указанием на наиболее вероятное время широкого распространения бронзовых художественных изделий за пределами основной метрополии хунну. В этой связи справедливо замечание А. В. Давыдовой о том, что «на первых этапах значение (*Иволгинского – Д. С.*) городища было преимущественно военным, но в дальнейшем (по мере освоения территории – *Д. С.*) роль поселения далеко вышла за эти рамки» [7, с. 59].

Нахождение всех бронзовых поясных ажурных пластин из Забайкалья в погребениях с каменными выкладками (Дырестуйский могильник) или в грунтовых захоронениях (Иволгинский могильник), возможно, указывает, с какими именно видами погребальных памятников связаны такие социально ориентированные изделия.

Тува. В Туве бронзовая поясная пластина с изображением сцены борьбы тигра и ушастого грифона была найдена во впускном погребении в кургане скифского времени на могильнике Урбюн III. Пластина со следами сильной изношенности, была сломана еще в древности и помещена в специально сделанную для этого деревянную основу с плоским углублением и с отверстиями для крепления по краям [30, рис. 51]. Точно также на деревянную основу были положены две прямоугольные бронзовые пластины со сценой схватки лошадей из погребения 107 Дырестуйского могильника. Долгое время урбюнская находка оставалась единственной на территории Тувы, несмотря на явное влияние и даже присутствие здесь самих хуннов (могильник Бай-Даг II). И только в 2007–2010 гг. целая серия предметов хуннской художественной бронзы была обнаружена при исследовании разрушающегося (и, очевидно, уже разрушенного) грунтового могильника Терезин около пос. Чаа-Холь, там же, в Центральной Туве [30, с. 66 – 68]. Обилие и разнообразие найденных здесь изделий сразу ставит Туву на одно из первых мест по количеству находок подобного рода предметов, наряду с Забайкальем и Минусинской котловиной. По всем имеющимся данным, включая радиокарбоновый анализ, этот памятник датируется I в. н. э.

Горный Алтай. На территории Горного Алтая до недавнего времени находки хуннских художественных изделий вообще не были известны, хотя о присутствии здесь хуннов свидетельствовали специально сделанные печи для обжига хуннской керамики на р. Юстыд, а также фрагменты таких же сосудов, найденные в ограбленных погребениях скифского времени в Узунтале. То и другое – юго-восточный Алтай. Первые образцы хуннских художественных изделий были обнаружены при раскопках могильника Яломан II в Центральной части Горного Алтая [32, рис. 1]. По заключению авторов исследования этого памятника, крайне важного для общей реконструкции событий конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э., они относятся к тому же эталонному периоду (II в. до н. э. – I в. н. э.), по характеру изображений аналогичны забайкальским,

а по составу металла близки бронзовым предметам пазырыкской культуры [33]. На Северном Алтае (большереченская и каменская культуры), по всей видимости, не входивших в систему протектората хунну, таких изделий до сих пор не обнаружено.

Минусинская котловина. Находки хуннских художественных бронз на Среднем Енисее (Минусинская котловина), пожалуй, в количественном отношении занимают второе место после Ордоса, но при этом лучше изучены и систематизированы. Специальное исследование им посвятила М. А. Дэвлет, показавшая устойчивость выделенных ею типов поясных ажурных пластин и канонический характер представленных на них изображений: парные фигуры стоящих быков, схватка лошадей, пряжки в виде свернувшегося «дракона», решетчатые пластины и др. [10]. Однако комплексных находок подобного рода на Енисее известно немного. Большинство из них представляют собой обломки предметов, бывших в употреблении и найдены в погребениях тесинского этапа, датируемых II в. до н. э. – I в. н. э.; например, Тепсей VII [27, рис. 52]. Более мелкие изделия этого же времени сохранились полностью; например, могильник Есино III. Как отметил С. С. Миняев, «имеется основание связывать производство бронз хуннских типов, найденных на Среднем Енисее, с деятельностью местных металлургических центров. В свою очередь хуннские бронзы Забайкалья, металлургически отличные от среднеенисейских, не находят себе аналогии по составу среди однотипных хуннских бронз Ордоса» [19, с. 101].

Особое значение имеют обнаруженные на северной окраине Минусинских степей клады хуннских бронзовых изделий – Июсский [2] и Косогольский [25]. В состав Косогольского клада входило около 200 предметов, из них 130 – «бляхи и пряжки, выполненные в зверином стиле» (большинство из них хуннские). Многие из хуннских вещей сломаны и, как отдельные слитки бронзы и куски бронзовой стружки, предназначены для переплавки. По мнению того же С. С. Миняева, «большинство изделий Косогольского клада изготовлено в Минусинской котловине» и «клад был предназначен, вероятно, для племен Ачинско-Мариинской лесостепи, испытывавших в то время нужду в металле» [18, с. 45]. Вполне возможно, что из этого металла была изготовлена и бронзовая пластина, найденная в соседней Кузнецкой котловине. Таким образом, как будто выстраивается своеобразная «эстафета» передачи изготовления данного вида престижных изделий – от Ордоса до Забайкалья, от Забайкалья до Енисея, от Енисея до Ачинско-Мариинской лесостепи.

Кузнецкая котловина. Единственная известная здесь находка изделий подобного рода была сделана В. В. Бобровым при раскопках кургана тагарской культуры на оз. Утинка. «В насыпи кургана 5, видимо в том месте, где был грабительский лаз, найден большой, хорошо сохранившийся кусок шерстяной ткани, на котором лежала часть кожаного ремня с прикрепленной к нему бронзовой прямоугольной ажурной пластиной» [1, с. 254]. Мотив изображения здесь – две геральдически расположенные фигуры стоящих яков – достаточно традиционный. Как и урбюнская бляха в Туве, пластина из кургана у оз. Утинка была сломана еще в древности, скреплена ремешками в двух местах и уже затем, через специально сделанные отверстия, прикреплена к кожаному ремню. Больше пока таких находок в Кузнецкой котловине нет.

Западная Сибирь. Отдельные изделия хуннского облика или, точнее, сделанные под влиянием образов и стиля хуннской изобразительной традиции, известны в Западной Сибири [29, рис. 1–3]. Возможно, что они, будучи несколько «смещены» во времени, археологически одновременны с южносибирскими. Однако отсутствие подобных находок на территории Северного Алтая позволяет предполагать возможность и их иного, среднеазиатского источника происхождения.

Наиболее яркая серия аналогичных золотых и серебряных изделий, выполненных по образцу хуннских художественных бронз, в том числе и парные прямоугольные пластины с изображением противоборства дракона и двух тигров, происходит из могильника Сидоровка в Омском Прииртышье. Судя по найденным здесь же украшениям, керамической фляжке-баклажке и серебряным фалярам с фигурой свернувшегося тигриного грифона, об их среднеазиатском происхождении можно говорить уже более определенно. Вместе с тем, по всему остальному комплексу предметов сопроводительного инвентаря, в первую очередь, характерным формам и орнаментации керамики, а также устройству погребального сооружения, принадлежность данного памятника к местной саргатской культуре сомнения не вызывает. Богатейший комплекс находок из кургана 1 могильника Сидоровка свидетельствует об очень высоком социальном статусе погребенных. «Можно предполагать, – отмечают авторы, – что могильник Сидоровка входит в заключительную фазу существования саргатской культуры, а именно: II – IV вв. н. э.» [16, с. 82], то есть относится уже к самому позднему, среднеазиатскому периоду истории хунну. Знаковая, социально обусловленная сущность хуннских художественных изделий при этом остается неизменной.

Рассмотренные материалы не только подтверждают, но и во многом конкретизируют несколько существенных выводов.

1. Находки хуннских художественных бронзовых изделий в целом очерчивают государственные границы этносоциального объединения Хунну в северных пределах их владений – от Забайкалья до Минусинской котловины и от Кузнецкой котловины до юго-восточного Алтая, включая Монголию и Туву, и в этом отношении являются маркирующими.

2. С точки зрения хронологии все находки хуннских художественных бронз относятся к одному периоду (II в. до н. э. – I в. н. э). Правда, необходимо иметь в виду, что широкое распространение этих изделий, скорее всего, могло произойти только с 20-х гг. II в. до н. э.; при этом не исключена возможность появления отдельных образцов даже раньше, с рубежа III – II вв. до н. э. Все зависит от конкретной исторической ситуации и места нахождения памятника.

3. Учитывая географические ареалы, в которых в том или ином количестве имеются находки хуннских художественных бронз, а также наиболее вероятную последовательность исторических событий, можно

представить их распространение в различных областях севера Центральной Азии и Южной Сибири в виде следующей *схемы*, где утолщенной рамкой обведены места наибольшей концентрации подобных находок – в Ордосе и в ареале северных владений хунну (рис.).

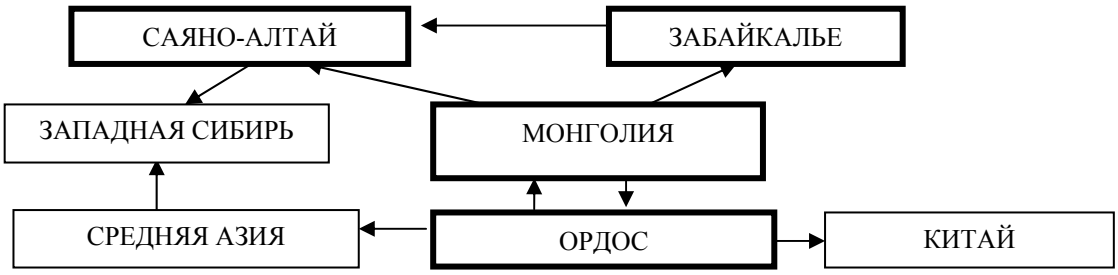

Рис. ***Схема мест находок хуннских художественных бронз***

4. Люди, обладавшие поясами с бронзовыми ажурными пряжками, конечно, занимали какое-то особое, социально привилегированное положение. Ими могли быть как хунну, так и представители инокультурного населения. Однако чем именно мотивировалось такое положение (представители местной администрации? успешные воины? члены каких-то кланов или конфессиональных групп?), сказать трудно. Можно предполагать, что они выделялись по образцу хуннской аристократии (и, скорее всего, под контролем самих хунну) и могли быть основными «проводниками» хуннского влияния на местах. (В этой связи можно вспомнить практику «пожалования» поясов, украшенных золотыми подвесками, представителям местной знати в более позднее древнетюркское время). Наличие таких поясов, указывающих на принадлежность к социальной иерархии хунну, должно было интегрировать общество в пределах всей страны. По духу это соответствует образному выражению источника о том, что после успешных походов Маодуня «все народы, натягивающие лук, оказались объединенными в одну семью».

5. Очевидно, что такими поясными пряжками дорожили. Именно бронза оставалась «сакральным» металлом в эпоху широкого распространения железа. Однако многие из этих пряжек были сломаны еще в древности, что, возможно, означает прекращение их «знаковых» функций. Вместе с тем, некоторые пластины в случае их поломки связаны или положены на специально сделанную деревянную основу, что зафиксировано археологически (Урбюн III, Дырестуйский могильник, бронзовая пластина с оз. Утинка). Возможно, что это свидетельствует не только о внимании к сохранности подобного рода предметов, но и о наследовании права обладания такими престижными изделиями.

Литература

1. Бобров В. В. О бронзовой поясной пластине из тагарского кургана // Советская археология. 1979. № 1. С. 254 – 256.

2. Бородовский А. П., Ларичев В. Е. Предметный комплекс Июсского клада // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2011. С. 196 – 208.

3. Боталов С. Г. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1(13). С. 106 – 127.

4. Варенов А. В., Полосьмак Н. В. Новые образцы поясных пластин гуннского времени из могильника Даодуньцзы в Северном Китае // Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения). Ч. II. Кемерово: КемГУ, 1989. С. 111 – 115.

5. Волков В. В. Археологические исследования в МНР // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 503.

6. Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // Советская археология. 1971. № 1. С. 93 – 105.

7. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 92 с.

8. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 176 с.

9. Дэвлет М. А. О происхождении минусинских ажурных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 219 – 227.

10. Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. // Свод археологических источников. Вып. Д. 4–7. М.: Наука, 1980. 67 с.

11. Ковалев А. А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб.: Петроскандика, 2002. С. 150 – 194.

12. Комиссаров С. А. Ордосские бронзы в бассейне Янзцы // Социогенез в Северной Азии. Ч. 1. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. техн. ун-та, 2005. С. 273 – 276.

13. Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского НЦ СО РАН, 2008. 98 с.

14. Крадин Н. Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.

15. Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.
16. Матющенко В. И. Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.
17. Миняев С. С. К хронологии сюннуских памятников Забайкалья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. С. 47 – 48.
18. Миняев С. С. Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1978. С. 26 – 45.
19. Миняев С. С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфным изображениями (по данным спектрального анализа) // В кн.: М. А. Дэвлет. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. Свод археологических источников. Вып. Д. 4–7. М.: Наука, 1980. С. 29 – 34.
20. Миняев С. С. Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 101 – 103.
21. Миняев С. С. Производство бронзовых изделий сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 47 – 84.
22. Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Европейский дом, 1998.
23. Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронения в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1. С. 159 – 166.
24. Могильников В. А. Хунны Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время («Археология СССР»). М.: Наука, 1992. С. 254 – 273.
25. Нащекин Н. В. Косогольский клад // Археологические открытия 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 163 – 165.
26. Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый Ноин-Улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
27. Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 70 – 89.
28. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
29. Савинов Д. Г. Культурные контакты в Западносибирской части сферы влияния Хунну // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. К юбилею Т. Н. Троицкой. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 2010. С. 163 – 173.
30. Семенов Вл. А., Килуновская М. Е. Художественное литье эпохи ранних кочевников Тувы // Тува – в беге времен. Каталог выставки. М., 2014. С. 62 – 68.
31. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1968. 177 с.
32. Тишкин А. А. Предметы торевтики хуннусского времени из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 40 – 45.
33. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Предметный комплекс в памятнике Яломан II на Алтае как отражение влияния материальной культуры Хунну // Социогенез в Северной Азии. Ч. 1. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. техн. ун-та, 2005. С. 327 – 333.
34. Турбат Ц. Могилы рядовых хунну. Улан-Батор, 2004 (на монг. языке).
35. Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири в хунно-сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. 130 с.
36. Kost C. The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th – 1st centuries BCE) // Bonn Contributions to Asian Archaeology. Volume 6. Bonn, 2014.
37. The sword of Heaven. Culture of bronze artefacts of the Bronze Age and Hunnu Empire. Ulaanbaatar, 2011.

Список сокращений

АГУ – Алтайский государственный университет.
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
МГУ – Московский государственный университет.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт.
ТГУ – Томский государственный университет.

Информация об авторе:

Савинов Дмитрий Глебович – доктор исторических наук, профессор Института истории кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, lazarevskaya_n@mail.ru.

Dmitry G. Savinov – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Institute for History, Saint-Petersburg State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902/903.27

ТЕМА ПЛОДОРОДИЯ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

О. С. Советова*, Ю. М. Ладыгина

THE THEME OF FERTILITY IN THE ROCK ART OF THE MIDDLE YENISEY

O. S. Sovetova, Yu. M. Ladygina

****Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России № 33.1175.2014К.***

В статье рассмотрены некоторые сюжеты наскального искусства Минусинской котловины, посвященные теме материнства и плодородия в целом. Выделены сцены с участием животных и женских антропоморфных персонажей, связанных с данной темой. Проанализирована новая сцена с роженицей из пункта Тепсей II. Делается вывод о времени распространения таких сюжетов, их ритуально-мифологическом содержании и роли в жизни древних коллективов.

The theme of motherhood and fertility in general in the rock art of Minusinsk basin is discussed. Some individual scenes involving animals and anthropomorphic female characters are considered in detail, Especially the newly found scene with a woman in labor (Tepsey II). The conclusion is the notion on time frame of such scene creation and its meaning in the ancient community.

Ключевые слова: петроглифы, тема плодородия, материнства, Минусинская котловина.

Keywords: petroglyphs, fertility, motherhood, Minusinsk basin.

Одной из фундаментальных тем в искусстве всего человечества является тема плодородия со всеми ее производными, и прежде всего – тема материнства. Как известно, она воплощалась в разных материалах – камне, глине, металле, и в силу своей универсальности нашла отражение и в наскальном искусстве. На многих памятниках наскального искусства запечатлены сцены так или иначе связанные с самыми сокровенными и насущными проявлениями человеческой жизни, призванными гарантировать благополучие и продолжение рода: это сцены так называемого «священного брака», отдельные персонажи, отражающие беременность и роды человеческого существа и животного: беременные самки (с детенышами в животе) или матери (лосихи, оленухи и т. п.) с детенышем, сосущим молоко или укрытым под ее животом. Такие рисунки нашли отражение на многих памятниках наскального искусства обширного ареала – они встречаются и в Карелии, и в Средней и Центральной Азии, но наиболее часто – на памятниках Алтая и Монголии [12, с. 34 – 78; 6, с. 99 – 104 и др.]. В наскальном искусстве Минусинской котловины подобные сцены также заняли свое достойное место.

Прежде всего отметим *«женские»* знаки, известные на многих памятниках наскального искусства. Чаще всего это перевернутый треугольник – очень древний знак, трактуемый как женский и лунный символ, представляющий Великую Мать, воду, плодовитость и т. п. [31, с. 374]. Символизм женского треугольника иногда обозначен непосредственно – путем добавления короткой внутренней линии, проведенной от вершины. И. В. Калинина отмечает, что треугольник означал «чрево», нутро, внутреннюю полость, а в его семантике отражены представления о смерти и возрождении. По мнению исследовательницы, доминантной идее плодородия в архаических обществах соответствовали исторически разные типы представлений о «получении» потомства. В земледельческих культурах треугольник = «чрево тотема» = знак «женщины». Для стратифицированных обществ возможна уже трактовка треугольника и как «мужского» символа [9, с. 262]. Треугольный орнамент связывался в древности с культом Матери, ему приписывалась магическая сила, несущая плодородие всему живому. Чаще всего символизировал женщину именно перевернутый треугольник, хотя, по-видимому, для наскального искусства его положение не имело существенного значения. В наскальных изображениях треугольник может дополняться точкой, черточкой и т. д. – именно такие знаки зафиксированы, например, на Шалаболинских скалах [23, таблица 41 – 7, 10, 11; и др.] (рис. 1 – *1-5*). В. Д. Кубарев относил к женским знакам калбак-ташские треугольники, разделенные пополам [13, с. 47]. В данном случае для нас важен сам факт, что треугольник, уголок, ромб семантически – это знаки плодородия [8, с. 262].

С темой плодородия связаны также сцены *«священного брака»*, которые в мифопоэтическом сознании символизируют брак земли и неба, в целом – космогонический акт творения. На памятниках Среднего Енисея они немногочисленны: на Шалаболинской писанице, среди петроглифов Боярского хребта [9, рис. на с. 141], на Абакано-Перевозе [24] и других памятниках [28 – 30] (рис. 1 – *6*).

Несомненно, идея плодородия и преумножения рода была заложена также и в сценах с беременными. Изображения *беременных* женщин встречаются нечасто, нам известна такая сцена на Оглахтах, очевидно, этнографического времени, в которой женщина показана с фигуркой маленького человечка в животе и, вероятно с еще одним ребенком рядом, и поодаль от них мужской фаллической фигурой (отца?) (рис. 1 – 7). Чаще же беременные изображались просто с округлыми животами. Встречаются также беременные самки животных с детенышем в животе – есть такой персонаж на Большом фризе Суханихи, на одном из

камней в Барсучьем логу и в других местах [10, таблица 97 – 1, 2] (рис. 1 – *8*).

Одними из наиболее выразительных можно считать сцены с роженицами, получившими в научной литературе устойчивое название – *«мать-прародительница»*. Такие сцены известны на Шалаболино [23, рис. 114; таблица 3 – 5, 7], Абакано-Перевозе [24], в разных пунктах на горе Тепсей: Тепсей II, Усть-Тубе III [35, рис. 125], также на плитах из Черновой VIII [10б, рис. на с. 102] и Сыды V [2, табл. 12 – 1]. Об этом сюжете написано уже немало (см. литературу по теме: [29; 30]) (рис. 1 –*9-11*), тем не менее, новый материал позволяет дополнить наши представления о самом сюжете и его пространственном распространении.

Обратимся к одной из сцен, недавно задокументированной в Волчьем логу на Тепсее (Тепсей II). Там была обнаружена большая плоскость (ее высота – 142 см, максимальная ширина – 133 см, минимальная – 62 см), местами сильно разрушенная и затянутая лишайниками черновато-зеленого цвета.

После удаления лишайников были выявлены фигуры, выполненные техникой выбивки и расположенные на некотором удалении друг от друга: это изображение роженицы в центральной части, фигура быка, чуть выше и правее роженицы, ориентированная головой вверх, а также в левой части непонятное изображение, напоминающее перевернутую лодку с гребцами (аналогичные, но не перевернутые лодки изображены на Шалаболинской писанице [23, табл. 8 – *4, 9*]), и несколько пятен – скоплений выбивки. Лишь изображение быка попало в «Корпус петроглифов Центральной Азии» [36, pl. 17, fig. 23.1], поэтому остальные изображения, в том числе роженицы, в научный оборот пока введены не были (рис. 1 – *9*).

Как известно, ранее на Тепсее экспедицией Я. А. Шера, проводившей здесь изыскания в 1960 – 70-х гг., в пункте Усть-Туба III была обнаружена композиция с роженицей [35, рис. 125 – *1*], опубликованная в его книге «Петроглифы Средней и Центральной Азии» (1980) (рис. 1 – *10*). Здесь же были приведены рисунки «матерей-прародительниц», зафиксированных на плитах Черновой VIII и Сыды. Автором отмечено, что этот образ встречен четырежды среди петроглифов Минусинской котловины [35, рис. 125]. Были приведены точки зрения Э. Б. Вадецкой и М. Д. Хлобыстиной относительно трактовок этих персонажей, сводившихся к тому, что Э. Б. Вадецкая, не обратившая внимания на связь изображения женщины с изображением быка, трактовала эти петроглифы как магических помощников при родах (ею они были отнесены к искусству окуневского времени). М. Д. Хлобыстину Я. А. Шер критиковал за то, что она отнесла их к древним обрядам, но по сути дела не соотнесла с каким-то из мифов о тотеме-прародителе [32 – 33]. Им была выдвинута гипотеза о том, что на скалах Енисея представлен некий семантический блок – сочетание образа женщины в эротизированной позе, с быком (или фантастическим «зверем-божеством»). Развивая идею связи: рожающая женщина – бык, он привел аналогии из петроглифов Иордании, Гобустана, Байкала (где вместо быка изображен лось), Якутии и др. и связал существовавшую мифологему (объединяющую этих двух персонажей) с доиноевропейской основой, воплощавшейся в изобразительном искусстве в сходных сюжетах. По его мнению, эта мифологема была занесена волнами перемещавшихся по степи европеоидов ямно-афанасьевского облика далеко на восток, где и наложилась на близкие по содержанию мифологические универсалии палеосибирских племен [35, с. 276 – 277]. Эти предположения нашли дальнейшее развитие и показали состоятельность идеи привнесения подобных представлений с территории Леванта, в работах французского археолога Ж. Коэна о теории «революции символов», а также его последователей [11, с. 50 – 59]. Основная идея сводится к тому, что в «период символов» и становления производящего хозяйства появляется «всеобщая» идея, объединяющая начала плодородия, бессмертия, власти над животным миром и рассматривающая истоки формирования на территории Леванта устойчивых представлений о паре божеств – матери-богине (Великой Богине) и Быке, символизирующем мужскую силу [11, с. 50]. Косвенным подтверждением плодотворности высказываний Я. А. Шера свидетельствуют и новые исследования, показывающие, что общества Востока (например, Северной Месопотамии) имели, очевидно, несколько иную гендерную составляющую – доминирование зоо- и антропоморфных мужских образов и символов над женскими [11, с. 53].

Новый персонаж, обнаруженный нами на Тепсее, имеет ряд особенностей: во-первых, он менее реалистичен, чем изображения из Сыды и из Черновой VIII, хотя показан в той же позе, но колени поставлены более высоко, пожалуй, как у усть-тубинской фигуры, с которой это изображение сближает также и явное отсутствие рук (характерных для других енисейских рожениц). Имеющиеся на теле небольшие выступы с определенными оговорками можно характеризовать как женскую грудь. Но главной отличительной чертой этого персонажа является необычное для данной серии оформление головы в виде пучка торчащих из одной точки линий, напоминающих куст дерева. К сожалению, под нижней частью фигуры проходит скол, уничтоживший небольшой фрагмент правой ноги роженицы, и все то, что могло быть изображено ниже. Был ли там изображен плод (или что-то иное) или нет – навсегда останется загадкой. Важно отметить, что на этой плоскости имеется также фигура быка, запечатленного в неестественной позе – головой вверх, с ногами-рудиментами – что, впрочем, вполне типично для данного памятника (фигуры быков, а также лосей, оленей, показанных так же, на Тепсее и соседних памятниках зафиксированы неоднократно). Вероятно, в данном случае представлен, пусть и разрушенный композиционно, тот же семантический блок: роженица – бык.

Бесспорно, обращает на себя внимание «прическа» данного персонажа. В наскальном искусстве мы найдем немало антропоморфных фигур с «кустообразными» отростками на голове, причем следует отметить, что к ним мы не относим солнцеголовых, рогатых и т. п. персонажей, в данном случае будет большой натяжкой говорить, что таким образом были переданы волосы. Следуем заметить, что «роженицы» с волосами на головах известны на памятниках наскального искусства, например, у персонажа со стелы

из окуневского кургана с. Верхний Аскиз они переданы линиями гравировки, но не имеют ничего общего с «прической» рассматриваемого персонажа [5, рис. на с. 102]. В одной из статей М. А. Дэвлет и Е. Г. Дэвлет приведена таблица, в которую объединены персонажи с древовидными отростками на головах/или замещающими голову с разных памятников наскального искусства: Средней Лены (Ак-Дабан) [22, табл. 13 – 2], Нижней Ангары [8, табл. 125 – *5, 6*], Китая [3, табл. 7] и др. За исключением ленской фигуры, которая представлена в позе с расставленными ногами [3, табл. 7 – *2*], все остальные мало напоминают роженицы (рис. 1 – *13-15*). Наибольшее сходство обнаруживается между тепсейским и ак-дабанским изображениями (рис 1 – *13*). Стилистически близки к ним и некоторые китайские изображения, показанные в позе с присогнутыми и расставленными ногами. Среди петроглифов Нижней Ангары также имеются сходные антропоморфные образы с древовидными отростками на головах у «решетковидных» фигур (подобные решетчатые персонажи чаще всего трактуются как изображения женщин) [7, рис. 2; 8; табл. 125 – *5, 6*], причем так же с отростками вверх, как и у тепсейского персонажа (датируются А. Л. Заикой в пределах окуневской культуры [8, с. 143]). Известны подобные решетчатые фигуры с отростками на головах и среди петроглифов Монголии [20, рис. 14; 15]. Э. А. Новгородова в одном случае писала, что «елкообразные символы» на головах рожениц могли означать рога, в другом – что так могли выглядеть матери-прародительницы в масках для ритуальных танцев [20, рис. 18]. Пожалуй, наибольшее количество изображений с древовидными отростками на/или вместо головы известны по публикациям китайских петроглифов [34, с. 251]. К сожалению, информацией об их семантике мы практически не располагаем, за исключением ремарки новосибирских авторов, писавших о тибетских петроглифах, что так могли выглядеть маски, украшенные перьями [34]. Отметим, что такой признак, как вертикальный отросток, чаще с тройной развилкой или – реже – древовидный, характерны для личин «каменского типа» [7, с. 94, рис. 2], хотя зафиксированы и аналогичные древовидные отростки у одной из личин «джойского типа» (Саяны) [8, рис. 2 – *18*]. А. Л. Заикой ангарские личины датируются в диапазоне от к. III до сер. II тыс. до н. э. [7, с. 94]. Изображения рожениц также датируются в пределах эпохи бронзы.

Из изображений с соседних памятников наиболее близкой по оформлению головы является фигура из Оглахты, выполненная техникой выбивки, анфас, со ступнями, повернутыми таким образом, что создается ощущение его движения влево (вправо от зрителя) [26, табл. 8, рис. 8] (рис 1 – *16*). Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев, датировавшие этот «дендроморфный» (по Вл. А. Семенову: [26, с. 441]) персонаж этнографическим временем, трактовали его как героя хакасских сказок «Кащея бессмертного» [14, табл. 31-*1*]. На наш взгляд, очень сомнительно, что это единственно верная его трактовка, поскольку отростки по сути дела находятся не «на голове», а замещают ее, да и в изобразительном искусстве имеются, пусть и отдаленные (обнаруженные в Куэва-де-ла-Роса, Испания) антропоморфные фигуры с многочисленными отростками в верхней части тела, замещающими голову [26, рис. 300].

Не исключено, что рассматриваемое тепсейское изображение в большей степени связано с символикой древа – развилки дерева как «женского родящего органа» [9, с. 257] (головы как таковой у этого персонажа нет, поэтому нет и исходящего «сияния», рогов и т. д., а есть именно «куст»). Следует иметь в виду, что, например, у хакасов оберегом беременной женщины был иней тёсь – фетиш богини Умай: березовая ветка. Он помогал при родах, его ставили рядом с роженицей [25, с. 73]. И. В. Калинина отмечает, что семантические поля образных понятий «развилка дерева» и «голова» пересекаются [9, с. 257]. По Т. А. Молдановой, образное понятие «голова-ветвь» восходит к материальным прототипам – древовидным идолам кулайской культуры, относящейся к эпохе бронзы, а именно здесь «ветка» одновременно «голова» [17, с. 137]. Ю. И. Ожередов отмечает, что дерево, особенно береза, обычно отождествлялось с женщиной: аналогии проходили по меридиану между головой и кроной, стволом и туловищем, ногами и корневой системой [21, с. 128]. Таким образом, становится понятно, что в рассматриваемой сцене женский персонаж является главенствующим хотя бы уже потому, что занимает на плоскости центральное место, и, возможно, объединяет остальные имеющиеся здесь фигуры: быка и перевернутую лодку (если трактовать последнюю фигуру именно так). Роженица и лодка в данном случае маркирует главные явления в природе: жизнь (роженица) – смерть (перевернутая лодка). Ю. Н. Есин писал, что изображения окуневских богинь были приурочены к обряду, связанному с темой плодородия животного и растительного мира, во время которого люди стремились заручиться ее покровительством. Он справедливо полагает, что сводить иконографически разные рисунки к образу одной богини вряд ли правильно. Скорее всего, в окуневской ритуально-мифологической системе имелись различные женские божества с разными функциями, как в древнеиндийской, греческой, переднеазиатских и других мифологиях [5, с. 102].

Перекликается с темой материнства и тема *«рода»* – сюжет с многоступенчатыми антропоморфными фигурами, передающими идею связи поколений, во множестве встречающимися на камнях тагарских курганов и изредка на памятниках наскального искусства (Улазы) [29, с. 96] (рис. 1 – *17*), впервые выявленный Э. А. Новгородовой среди петроглифов Монголии [20, с. 43 – 47].

На скалах Минусинской котловины некоторые сцены с животными также можно связывать с темой плодородия. Например, сюжет с *брачными играми коней*, дважды запечатленный на Большом Улазе, имеющий аналогии в наскальном искусстве сопредельных территорий, но, к сожалению, на других памятниках наскального искусства Среднего Енисея больше нигде не зафиксированный [18, рис. II, вклейка]. Дерущиеся кони Большого Улаза, как и многие другие изображения этого памятника, выполненные в схожей манере и технике, датируются эпохой раннего средневековья [16, с. 124, 132] (рис. 1 – *18*).

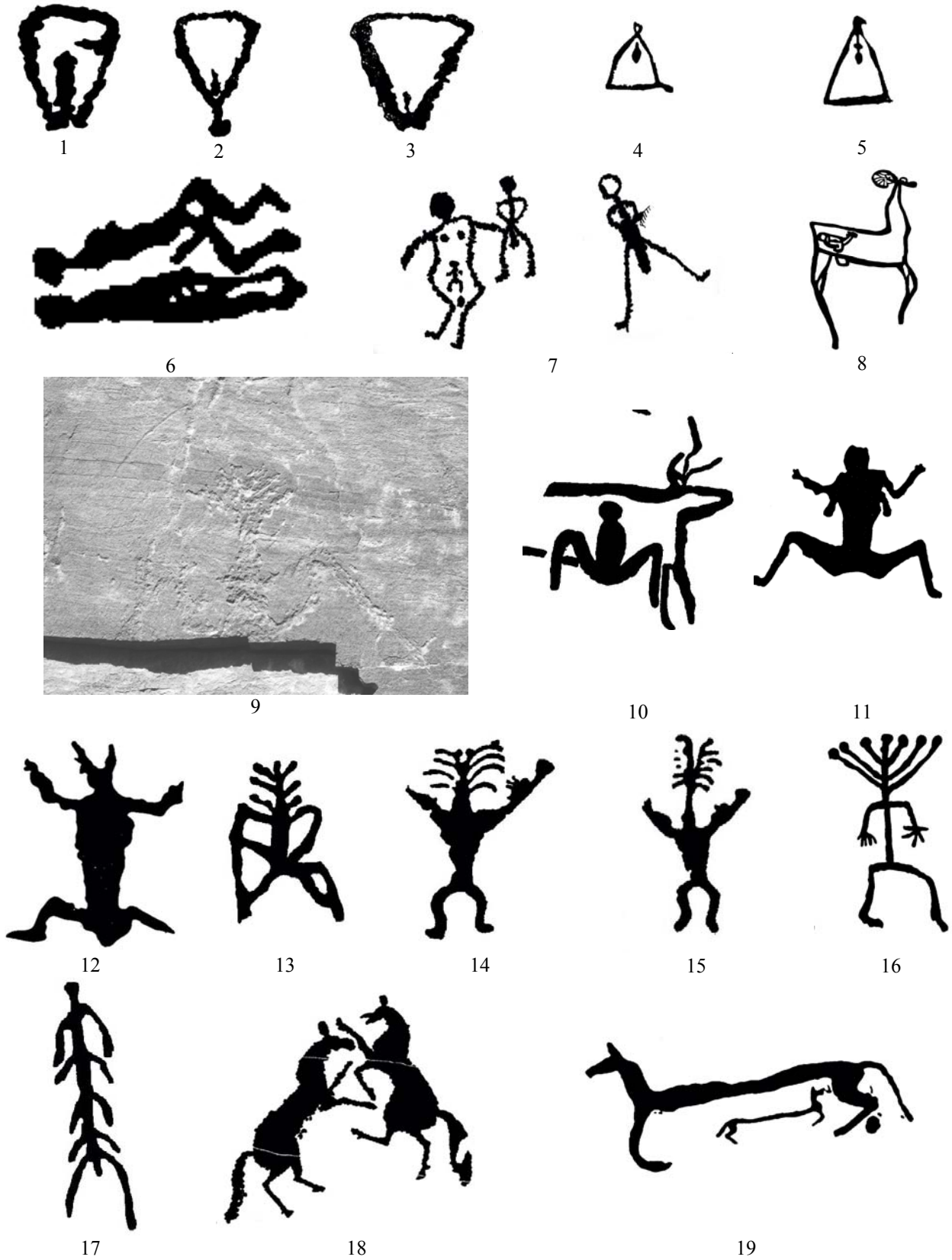

Рис. 1. ***Тема плодородия в наскальном искусстве: 1 – 5 – «женские» знаки. Шалаболино [по: 23]; 6 – сцена «священного брака». Абакано-Перевоз [по: Русакова, 1997]; 7 – Оглахты; 8 – Барсучий лог [по: 10]; 9 – фрагмент сцены с роженицей. Тепсей II; 10 – «роженица». Усть-Туба III [по: 35]; 11 – «роженица». Сыда V [по: 2]; 12 – «роженица». Шалаболино [по: 23]; 13 – персонаж с древовидным отростком на голове. Средняя Лена. Ат-Дабан [по: 22]; 14, 15 – антропоморфные фигуры с древовидными отростками на голове. Провинция Юань, Китай [по: 3]; 16 – «дендроморфный» персонаж. Оглахты [по: 14]; 17 – «сцена поколений». Улазы [по: 18]; 18 – «брачные игры» коней. Улазы [по: 18]; 19 – «мать и дитя». Шишка [по: 19]***

Еще одним сюжетом, который можно связать с идеей плодородия, материнства и жизни в целом, являются замечательные парные сцены, в которых показано животное-мать с детенышем, которого она либо кормит, либо укрывает под животом (условно названные нами – *«мать и дитя»*). Они выявлены среди петроглифов Тепсея, Куни, Георгиевской, Быстрой II, Шишки, Улазов и многих других памятников Минусинской котловины, в том числе на курганных плитах [29, с. 95 – 99; 15, с. 63 – 64 и др.] (рис. 1 – *19*). Пожалуй, это один из наиболее излюбленных и универсальных сюжетов, характерных не только для данного региона, но и для многих мировых культур в целом. Этот сюжет особую популярность приобрел в Минусинской котловине, по всей видимости, на рубеже эпох – тагарской и таштыкской, хотя временные рамки его существования строго определить невозможно.

Таким образом, перечисленные нами сюжеты, зафиксированные на скалах Минусинской котловины, свидетельствуют о том, что наскальное искусство живо откликалось на кардинальные идеи определенных эпох. Во многих из запечатленных сюжетов отражены самые насущные чаяния создателей рисунков. В эпоху бронзы расцвела идея плодородия – одна из основ мироздания. Она воплотилась в разных сюжетах, с той или иной наглядностью передающих тему материнства, объединенных единой идеей преумножения, процветания, в конечном итоге – Жизни. Вытесненная со временем другими соответствовавшими эпохам героическими, эпическими и другими темами, продолжала пульсировать и в эпоху раннего железного века, прожив в наскальном искусстве практически до этнографического времени.

Литература

1. Вадецкая Э. Б. Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // Сибирь и её соседи в древности: мат. по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1970. Вып. 3: Древняя Сибирь. С. 261 – 264.

2. Грязнов М. П., Комарова М. Н. Сыда V – могильник окуневской культуры // Окуневкий сборник: культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 53 – 71.

3. Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г. Антропоморфные личины как маркеры древних миграций // Окуневский сборник: культура ее окружение. СПб., 2006. С. 325 – 329.

4. Есин Ю. Н. Изображение «Богини-матери» в окуневском искусстве Минусинской котловины // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). Новосибирск, 2010 а. С. 111 – 122.

5. Есин Ю. Н. Тайна богов древней степи. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 2010 б. 184 с.

6. Жульников А. М. Петроглифы Карелии: Образ мира и мир. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.

7. Заика А. Л. Антропоморфные личины в петроглифах Азии – парадоксы соответствий // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Изд-во Сиб. Федер. ун-та, 2013 а. Вып. VI. С. 94 – 102.

8. Заика А. Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск, 2013б. 178 с.

9. Калинина И. В. Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2009. 272 с.

10. Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2011. 160 с.

11. Корниенко Т. В. Женские символы и образы Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита (XI – VIII тыс. до н. э.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. С. 53 – 56.

12. Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 640 с.

13. Кубарев В. Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2011. 444 с.

14. Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.

15. Ладыгина Ю. М. Тема материнства в наскальном искусстве // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 41 – 43.

16. Леонтьев Н. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященных 60-летию со дня рождения В. В. Боброва. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 120 – 132.

17. Молданова Т. А. Стилизованные изображения в орнаменте хантов р. Казым // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 75 – 102.

18. Мухарева А. Н., Советова О. С. О некоторых сюжетах петроглифов горы Большой Улаз // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ. Вып. IX. М., Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 67 – 75.

19. Наскальные изображения Центральной Азии. Сеул, 2007. 353 с.

20. Новгородова Э. А. Петроглифы Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

21. Ожередов Ю. И. «Ведийские ритуалы» у народов северо-западной Сибири: посмертная посуда // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2013. № 2(21). С. 120 – 132.

22. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены Л.: Наука, 1972. 270 с.

23. Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 192 с.

24. Русакова И. Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница Абакано-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1997. Вып. 2. С. 101 – 112.

25. Сагалаев А. М. Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991. 156 с.
26. Семенов Вл. А. Первобытное искусство: Каменный век. Бронзовый век. СПб.: Азбука-классика, 2008. 592 с.
27. Серкина А. А. Опыт дешифровки древнекитайского письма (надписи на гадательныхх костях). М., 1973. 130 с.
28. Советова О. С. Тема «Священного брака» в наскальном искусстве // Древние культуры Евразии: мат. Международной науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама. СПб.: Изд-во ИИМК, 2010. С. 246 – 251.
29. Советова О. С., Ладыгина Ю. М. Сцены с женскими персонажами в наскальном искусстве Саяно-Алтая // Вестник ТГУ. История. № 2(22). Томск, 2013 а. С. 95 – 99.
30. Советова О. С., Ладыгина Ю. М. Сцены с женскими персонажами в наскальном искусстве Саяно-Алтая // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Томск: Изд-во ТГУ. Вып. 3. 2013 б. С. 291 − 304.
31. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
32. Хлобыстина М. Д. Древнейшие южно-сибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1971. С. 165 – 180.
33. Хлобыстина М. Д. Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы // Первобытное искусство. У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978. С. 155 – 163.
34. Черемисин Д. В., Прокофьева И. В., Комиссаров С. А. Петроглифы Тибета // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). С. 248 – 255.
35. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
36. Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J. A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Siberie du Sud 2: Tepsej I-III, Ust-Tuba I-VI (Russie, Khakassie) // Repertoire des Petroglyphes d`Asie Centale; Fasc. 2. Paris: De Boccard, 1995. P. 93.

Информация об авторах:
Советова Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, olgasovetova@yandex.ru.
Olga S. Sovetova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Ладыгина Юлия Михайловна − аспирант кафедры археологии КемГУ, ladyginayulia@yandex.ru.
Yulia M. Ladygina – post-graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo state University.
(**Научный руководитель – *О. С. Советова***).

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902.01, 903.24-25

СЪЕМНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

О. В. Умеренкова

DETACHABLE DECORATIONS OF WESTERN SIBERIA BRONZE AGE

O. V. Umerenkova

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К

В работе представлена систематизация комплекса металлических украшений эпохи бронзы и выявлены закономерности распространения этих изделий. Определены ареалы типов украшений и их хронологическая принадлежность. Спецификой распространения съемных украшений в эпоху развитой бронзы на территории Кузнецко-Салаирской горной области является практически полное отсутствие в сопроводительном инвентаре предметов бронзолитейного производства, кроме низок бронзовых бус, найденных в районе голеностопных суставов погребенных. На территории степного и лесостепного района Алтая зафиксированы основные типы металлических и биметаллических украшений, характерные для восточного ареала андроновских (федоровских) комплексов. На территории Барабинской лесостепи и в Новосибирском Приобье для кротовских комплексов не известны серьги с раструбом. Анализ андроновских украшений из памятников Томского Приобья выявил наличие аналогий с предметным комплексом кротовского времени Барабинской лесостепи и андроновской культурой Алтайского региона: браслеты и кольца со спиральными навершиями.

Характерной особенностью ирменской культуры является наличие в сопроводительном инвентаре погребенных съемных украшений, не получивших распространения в западных районах: желобчатых браслетов и колец с таким же оформлением поверхности. Отличительным признаком является содержание в предметном комплексе изделий, типичных для карасукской культуры среднеенисейского региона, а именно перстней со

щитком. Типолого-морфологический анализ съемных украшений позволил выявить специфические предметы ирменской культуры, к которым относятся гвоздевидные подвески и браслеты с оформленными в виде «жемчужника» концами.

The paper presents a systematization of the complex of metal adornments from the Bronze Age and reveals some regularities in distribution of these artifacts. The areas of the adornment types and their chronological attribution are defined. For the territory of Kuznetsk-Salair mountain region during the Developed Bronze Age, the most specific feature is the almost complete absence of bronze production in the burial assemblage (apart from the bronze beads located usually next to the ankle joints of the buried). On the territory of the steppe and forest-steppe Altai the main types of metal and bimetal adornments are recorded, which are typical for the Eastern area of the Andronovo (Fedorovo) complexes. On the territory of Baraba forest-steppe and in the Ob basin in Novosibirsk region, the so called earrings with bell mouth are not known in the Krotovo complexes. Analysis of the Andronovo adornments from the sites in the Ob basin in Tomsk region revealed a presence of analogies to the assemblage of the Krotovo period in the Baraba forest-steppe zone and of the Andronovo culture at the Altai: bracelets and rings with spiral finials. A characteristic feature for the burial assemblage of the Irmen culture is the presence of removable adornments which were not widely spread in the west areas, such as grooved bracelets and rings with the same design for the surface. The distinctive feature is a presence of rings “with a shield”, which are typical for the Karasuk culture of the Middle Yenisei basin. The typological-morphological analysis of removable adornments allowed revealing the objects that are specific for the Irmen culture such as nail-shaped pendants and bracelets which endings decorated with “pearls”.

***Ключевые слова**:* эпоха бронзы, Западная Сибирь, погребения, украшения.

Keywords: Bronze Age, Western Siberia, burials, adornments.

Эпоха бронзы Западной Сибири характеризуется наличием изделий, являющихся превосходными образцами бронзолитейного декоративного искусства. Появление и распространение украшений в эпоху бронзы представляет особый научный интерес, т. к. на данном археолого-историческом этапе происходили крупнейшие социальные и экономические изменения, оказавшие значительное влияние на все сферы человеческого бытия и нашедшие свое отражение в материальной культуре общества и его духовном мире. Опыт исследования данной категории материальной культуры позволил выявить ряд проблем археологической и исторической интерпретации украшений, основанных на информативных возможностях источника: стилистико-морфологические особенности, особенности территориального распространения и определения роли этих изделий в мировоззрении по археологическим источникам различных эпох Западной Сибири и сопредельных территорий. Решение этих проблем возможно посредством систематизации материала, т. к. в археологической науке за последние десятилетия накоплен огромный источниковый фонд этих изделий, требующий осмысления и комплексного анализа.

Сложности процедуры систематизации для украшений заключаются в уникальности многих изделий как «авторских» работ древних ювелиров и однозначно воспринимать их с позиции типового изделия не совсем правильно. Произведение украшений является, прежде всего, творческим процессом. Основным утилитарным условием для их создания выступало удобство ношения/крепления – браслеты и кольца должны были иметь соответствующую удобную форму для надевания на руки, серьги иметь заостренные на конце дужки для продевания в уши, бусины содержать отверстия для нанизывания на нить, бляшки-пуговицы и бляхи – петельки либо отверстия для крепления и пр. В силу традиций общества мастера-ювелиры изготавливали определенный набор украшений, присущий тому миру, в котором они существовали и творили. Но, в то же время, всегда находились определенные элементы своеобразной фантазии мастеров при изготовлении того или иного изделия. Поэтому, на наш взгляд, систематизация украшений не должна быть отягощена большим количеством признаков.

Нами был проведен анализ предметного комплекса эпохи бронзы Западной Сибири, в результате которого использование украшений в зависимости от места ношения выглядит следующим образом. По функциональному назначению данные изделия были разделены на две группы. Первая из них представлена изделиями, украшавшими непосредственно человеческое тело, т. е. съемными: ручные (браслеты, кольца); шейные (нити бус, ожерелья, сложносоставные гарнитуры); головные (серьги).

Вторая группа представлена украшениями одежды и прически: головные (накосники, нити бус, височные кольца и подвески, бляшки, которыми крепились концы кос); нагрудные (пронизки, кольца, нити бус, бляхи, бляшки-пуговицы); ножные (бляшки-пуговицы, бусы, кольца, пронизки).

Основной задачей данной статьи является систематизация значительного комплекса съемных украшений эпохи бронзы Западной Сибири и выявление закономерностей распространения отдельных изделий во времени и пространстве. С этой целью анализируемые украшения были подвергнуты открытой системе описания по признакам, широко используемым в археологических работах. В основе систематизации материала использованы признаки формы предметов, т. к. морфологическая классификация является наиболее приемлемым видом для нашего исследования. Подобный подход обусловлен и тем, что внешняя форма украшений напрямую связана с назначением, распространением и использованием изделий. Сопоставление морфологических признаков украшений помогает установить хронологическую и территориальную принадлежность этих предметов.

При проведении данной научной процедуры нами учитывались лишь изделия, доступные для непосредственного визуального изучения либо иллюстративно

представленные на соответствующем уровне. Украшения, не оформленные должным образом при составлении полевых и научных отчетов, без фото- и графического оформления, а также источники-«упоминания» в специальной литературе в расчет не принимались. В связи с этим обстоятельством, общее количество предметов, указанных в работе может не совпадать с количеством реально существующих изделий того или иного памятника либо региона.

Инвентарь памятников эпохи бронзы Западной Сибири содержал достаточно представительный комплекс съемных украшений. Нами были учтены порядка 2707 экземпляров, из них: 184 браслета, 439 колец, 28 колокольчиковидных (конических) привесок/серег, 157 гвоздевидных привесок/серег, 152 экземпляра серег и 1747 бусин.

Браслет (от франц. Bracelet – запястье, браслет) представляет собой кольцеобразное (сомкнутое или разомкнутое) украшение из разнообразных материалов. В словаре В. И. Даля браслет определяется как «запястье», «поручье» [5, с. 79]. Для анализа было отобрано 185 изделий. Этот тип украшений широко распространен в могильных комплексах эпохи бронзы. Изделия, выполненные из свернутой бронзовой пластины или проволоки, надеваемое на руку (от запястья до плеча). Браслеты эпохи бронзы на территории Западной Сибири различаются пластинчатые (174 экз.; 94 %) и проволочные (11 экз.; 6 %). Наиболее массово в материалах памятников представлены пластинчатые браслеты, выполненные из бронзовой пластины, согнутой по форме круга с несомкнутыми концами. По способу оформления поверхности были выделены следующие типы.

Рис. 1. ***Браслеты эпохи бронзы Западной Сибири. Пластинчатые браслеты с гладкой поверхностью: 1 – концы заужены; 2 – окончания в виде рельефных шишечек-«жемчужин»; 3 – концы спиралевидные. Браслеты с желобчатой поверхностью: 4 – окончания в виде рельефных шишечек; 5 – концы закругленные***

Пластинчатые браслеты

I. Изделия, выполненные из пластины с гладкой поверхностью, без декорирования (158 экз.) (91 %). По оформлению окончаний браслеты различаются: концы заужены; спиралевидные; оформлены рельефными шишечками.

Браслеты с зауженными концами (55 экз., 34 %) широко известны в инвентаре памятников ирменской культуры (X – VII вв. до н. э.). и, в большинстве своем, происходят из Кузнецкой котловины (72 %) (рис. 1 – 1).

Браслеты со спиралевидными окончаниями (51 экз.) (33 %) оформлены завитой спиралью в 7 – 10 витков в виде пирамидальных шишечек. Ободок слегка выпуклый (рис. 1 – 3). Известны, в основном, по материалам памятников развитой бронзы (92 %) в Новосибирском Приобье и Барабинской лесостепи (32 %), Томском Приобье (6 %) и Степном и лесостепном Алтае. (62 %), а так же в незначительном количестве известны по материалам могильников постандроновского времени (еловская культура).

Представленный подтип браслетов имеет достаточно широкий ареал и включает памятники андроновского круга. Аналогичные браслеты найдены на памятниках сопредельных территорий могильников Алакульский [28, с. 56, рис. 5 – 4]), Алексеевский [19, рис. 36, рис. 37 – 1, 2, 4], Кулевчи-6 [6, рис. 3 – 10-12, 14; рис. 4 – 6, 17], Бозенген и Лисаковский [11, рис. 2 – 6, 18], Субботино [26, рис. 101 – 2-4, 6)]. В некоторых алакульских комплексах присутствуют браслеты с высокими коническими спиралями, которые более характерны для федоровской культуры (литые) [11, с. 70]. У браслетов из могильника Лисаковский обруч и головка – цельнолитые. По обручу проштампован орнамент в виде меандра. У браслетов алакульской культуры уплощенные концы расклепаны в виде длинного узкого усика, который закручен в спираль [11, рис. 2-6].

По мнению Н. А. Аванесовой, развитие спиралевидных наверший андроновских браслетов шло от плоской спирали, характерной для алакульских племен, к высокой спирали [2, с. 68 – 70]. А. А. Ткачев полагал, что эта тенденция в развитии браслетов характерна как для алакульского, так и для федоровского варианта андроновской культурно-исторической общности [29, с. 180]. Специалисты сходятся в более поздней хронологической позиции браслетов с высокими спиралевидными навершиями этого типа: третья четверть II тыс. до н. э. [17, с. 22].

Браслеты, окончания которых заужены относительно медиальной части и декорированы рельефными шишечками-«жемчужинами» (30,4 %) представлены только в ирменских погребальных комплексах (X – VII вв. до н. э.) и могут быть отнесены к культурно-диагностирующим предметам (рис. 1 – 2). Большинство изделий было найдено на территории Кузнецкой котловины (67 %). На памятниках степного и лесостепного Алтая зафиксировано 21 % экземпляров, в Новосибирском и Томском Приобье представлены незначительно (10 % и 2 % соответственно).

По мнению специалистов, округлые формы окончания браслетов могут свидетельствовать о том, что их прототипом были андроновские браслеты со спиралевидным окончанием, широко представленные на территории Средней Азии и Казахстана. В качестве примеров приводятся изделия, концы которых были оформлены бугорком с «прочерченной» на шишечке спиралью [4, с. 89; 22, с. 247; 23, с. 308 и др.]. Нам представляется, что подобные формы окончания не связаны друг с другом. Не вдаваясь в семантическое содержание отметим, что на символе «спираль» построены практически все мировоззренческие реконст-

рукции андроновского общества: спираль – комбинация спирали и свастики – спиралевидная свастика – явление времени, циклических ритмов, фаз «рождения»-«смерти» и т. д. В эпоху поздней бронзы тема «спирали» практически нигде не проявляется, за исключением нескольких экземпляров серег со спиралевидными окончаниями, которые были обнаружены в ирменских погребениях. Представляется, что при определении прототипов оформления браслетов, да и других изделий, необходимо сместить акцент на мировоззренческие позиции, которые с переходом на «новый уровень развития», естественно, поменялись.

II. Поверхность желобчатая (16 экз.). Массивные браслеты, выполненные из пластины с несколькими выпуклыми округленными ребрами, тыльная сторона, как правило, гладкая. Окончания либо закруглены (рис. 1 – 5) либо оформлены небольшими рельефными шишечками (рис. 1 – 4). Несмотря на малочисленность, такие браслеты, в основном, представлены в погребальном инвентаре ирменского времени Кузнецкой котловины (73,4%) (X – VII вв. до н. э.). На территории Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи подобный тип нами не зафиксирован. Аналогичное оформление поверхности браслетов известно достаточно широко в андроновском мире южных районов, при этом у изделий были загнуты в спираль концы: Сангру II [21, с. 316, рис. 229 – *1, 2*], Беласар [21, рис. 229 – *3, 7, 9-12*], Айшрак [21, рис. 229 – *4*], Аксу-Аюлы [21, рис. 229 – *6*], Белкылдак III [21, с. 316, рис. 229 – *8*].

Примечательно, что практически во всех случаях находок браслетов этого подтипа в инвентаре памятников Кузнецкой котловины присутствовали пластинчатые кольца с аналогично оформленной поверхностью. В целом, изделия по типолого-морфологическим характеристикам могут рассматриваться как специфический предмет восточного варианта ирменской культуры.

Проволочные браслеты (11. экз.) изготовлены из округло-овальной, редко – ребристой, в сечении проволоки сгибанием в кольцо. Отличались от серег и колец большим диаметром и фиксировались среди костей рук. По материалам памятников развитой бронзы зафиксированы только в погребениях Еловского комплекса, в эпоху поздней бронзы единично представлены в инвентаре погребенных на памятниках Кузнецкой котловины и лесостепного Алтая.

Н. А. Аванесова относит данные изделия к кольцам вне зависимости от местоположения находок. Проволочные украшения хорошо известны на памятниках эпохи бронзы и раннего железного века сопредельных территорий, например, в мог. Черноозерье I [8, рис. 15 – 1, рис. 27 – 1], Сейминском могильнике, в лугавских комплексах Хакассии [3, рис. 6 – 2, 3].

Таким образом, практически все браслеты, представленные в материалах памятников эпохи бронзы Западной Сибири, являются пластинчатыми (94 %). Основная часть находок приходится на постандроновское время и эпоху поздней бронзы – 127 экз. (69 %). Для развитой бронзы характерными изделиями являлись браслеты со спиралевидными концами (33 %), встречающиеся на памятниках в 92 % случаев. Для поздней бронзы типично наличие пластинчатых браслетов со слегка зауженными окончаниями без декорирования и браслетов с желобчатой поверхностью. Изделия с рельефными шишечками-жемчужинами на концах представлены в ирменских памятниках на 100 % и могут являться культуроопределяющими. Остальные украшения встречаются незначительно. Браслеты, выполненные из очень узкой пластины известны в единичных количествах только на памятниках Томского Приобья и Кузнецкой котловины, а браслеты с желобачтой поверхностью и проволочные не известны для памятников Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи, что может являться специфичной чертой развития ирменской культуры для этого региона.

Кольца. Изделие в форме окружности, спирали, ободка из твердого материала. Украшение такой формы носили на пальце. Проанализировано 439 экземпляров, относящихся к инвентарю памятников эпохи бронзы. Изделия подразделяются на пластинчатые (212 экз.; 48 %) и проволочные (227 экз.; 52 %).

Пластинчатые кольца выполнены из узкой бронзовой пластины путем сворачивания до необходимого диаметра, а основные различия этих изделий заключаются в оформлении ее поверхности.

Самым распространенным типом колец являются изделия, выполненные из пластины без декорирования с гладкой поверхностью (172 экз.) (81,2 %). При этом ширина пластины одинаковая, на концах слегка закругленная. Различаются такие изделия по оформлению окончаний: закругленные и спиралевидные.

Кольца с закругленными концами наиболее массово представлены в инвентаре погребенных (164 экз.; 95,3 %) (рис. 2-1). Некоторые исследователи различают кольца с несомкнутыми концами и внахлест, но нам представляется, что делать подобное подразделение нецелесообразно – скорее всего, они изготавливались определенного размера и подгонялись до необходимого диаметра путем сгибания-разгибания.

Такие кольца известны только в эпоху поздней бронзы для ирменских памятников (X – VII вв. до н. э.) и в большинстве представлены на территории Кузнецкой котловины (76 %).

Кольца со спиралевидными окончаниями зафиксированы только в Еловском комплексе, относящемся к постандроновскому времени (8 экз.) (рис. 2-2).

Интересным представляется оформление пластинчатого кольца в виде круглых щитков, получившим в специальной литературе название «щитковый перстень» (5 экз.) (2,3 %) (рис. 2 – 3). Кольцо выполнено из бронзовой пластины, внешняя часть расплющена, по обе стороны от нее располагаются два сферических выступа. Эти украшения характерны для карасукской культуры Среднего Енисея [4, с. 91; 35, табл. 17 – 10; 27 – 27; 39 – 5; 51 – 24], а на территории Западной Сибири являются предметами культурного взаимодействия и соотносятся со временем бытования ирменской культуры (X – VII вв. до н. э.). Известны в инвентаре могильников Журавлево-4 (к. 22, п. 9), Сапогово-1 (к. 19, п. 9), Камышенка (к. 30, п. 1), ЕК I (к. 14, п. 2) и Рублево VIII (п. 55).

Рис. 2. ***Кольца пластинчатые. Поверхность гладкая: 1 – концы закругленные; 2 – окончания спиралевидные; 3 – щитковый перстень. Поверхность желобчатая – 4***

На территории Западной Сибири кольца с желобчатой поверхностью известны только по материалам памятников Кузнецкой котловины (35 экз.) (16,5 %). Изделия, выполненные из пластины с несколькими выпуклыми округленными ребрами, внутренняя поверхность, как правило, гладкая (рис. 2 – 4). Выше мы говорили о наличии в сопроводительном инвентаре желобчатых браслетов с такими же кольцами. В этой связи правомерно говорить о представлении данных изделий в качестве специфических предметов ирменской культуры (X – VII вв. до н. э.).

Проволочные кольца (227 экз.) (52 %) изготовлены из округлой или овальной в сечении, узкой проволоки путем сгибания в кольцо до необходимого диаметра. Находки фиксировались среди (на) фаланге пальцев погребенного, поэтому идентифицируются данные изделия как съемные украшения пальцев рук.

Большинство колец представлены выполненными из проволоки в 1 оборот (171 экз.) (75,4 %) с заходящими либо несомкнутыми концами (рис. 3 – 2). Подразделять данные изделия по окончанию – приостренные/притупленные, на наш взгляд, не имеет смысла – внешний вид изделия от этого не меняется и говорит лишь о различных способах обработки заготовки древними мастерами. Как показал проведенный анализ, кольца с различно оформленными концами могли встречаться в инвентаре одного и того же погребения. Данные изделия единично представлены в инвентаре памятников развитой бронзы ЕК II – 3 экз, Сопка-2 – 5 экз. Такие кольца характерны для памятников эпохи поздней бронзы (98,2 %), наиболее массово встречаются в Кузнецкой котловине (71 %) и имеют широкий ареал.

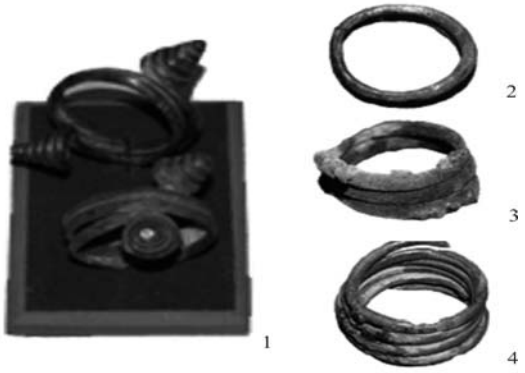

Рис. 3. ***Проволочные кольца: 1 – спиралевидные окончания; 2 – кольцо в 1 оборот; 3 – 4 – кольца в 2,5 – 3 оборота и более***

Другим типом оформления проволочных колец является спираль в 2,5 – 3 и более оборота в виде пружины (рис. 3 – 3, 4). Таких изделий проанализировано 56 экземпляров. Различают кольца по оформлению окончаний.

Наиболее распространены изделия без оформления (75 %). Проволока закручена в спираль (пружинка), концы либо слегка приостренные, либо закругленные и известны только по памятникам поздней бронзы: на территории Кузнецкой котловины (42,8 %), степного и лесостепного Алтая (23,8 %), Новосибирском Приобье и Барабинской лесостепи (33,4 %). Представленный тип колец синхронизируется со временем бытования на территории Западной Сибири ирменской культуры (X – VII вв. до н. э.).

Характерными для андроновского круга культур являются проволочные кольца со спиралевидными окончаниями (рис. 3 – 1). Всего проанализировано 14 экземпляров, изготовленных из бронзовой проволоки в 2 – 2,5 – 3 оборота со спиралевидными навершиями – щитком в виде закрученных в разные стороны плоских спиралей-«волют».

Найдены на памятниках развитой бронзы на территории Западной Сибири, за исключением Кузнецкой котловины: мог. Фирсово XIV – 2 экз. (п. 222); мог. Рублево VIII – 2 экз. (м. 72; м. 85); ЕК-I – 1 экз.; ЕК II – 1 экз. (м. 49А); Сопка-2 – 2 экз. (к. 15, п. 5). В материалах памятников поздней бронзы встречаются на могильнике Танай-12 – 3 экз. (к. 9, п. 13 (2 экз.), п. 18); ЕК II (м. 284; м. 322; к. 14, п. 2), в последнем случае, спиралевидное навершие не конусовидное, а плоское в сечении.

Ареал колец достаточно представителен, но на территории Западной Сибири найдены в незначительном количестве. Аналогии известны по памятникам на сопредельных территориях: в Хрипуновском и Чистолебяженском могильниках [22, рис. 53 – 4; рис. 54 – 10], мог. Синташта [7, рис. 126 – 18-20; рис. 153 – 3; рис. 161 – 4; рис. 184 – 2], Кулевчах VI [6, 1984, рис. 7 – 4], в центрально-казахстанских памятниках [11, 1990, рис. 2 – 7, 16], Алексеевском могильнике [19, рис. 40].

Проведенный анализ показал, что изделия в равной степени представлены пластинчатыми (48 %) и проволочными (52 %) типами. Большинство пластинчатых колец было выполнено из гладкой пластины (81,2 %) без какого-либо оформления (95,3 %). Все экземпляры происходят из погребений эпохи поздней бронзы, в основном, памятников Кузнецкой котловины (76 %). Еще одной характерной особенностью данного региона является 100 % нахождение здесь колец пластинчатых с желобчатой поверхностью. Незначительно представлены пластинчатые кольца со спиралевидными окончаниями (4,7 %) только для памятников Томского Приобья. Среди пластинчатых колец зафиксированы щитковые перстни – изделия, характерные для среднеенисейской культуры и в единичных экземплярах, встречающихся по всей территории Западной Сибири, за исключением Барабинской лесостепи. Проволочные кольца в большинстве представлены изделиями, закрученными в 1 оборот (75,4%) и также характерны для постандроновского времени и эпохи поздней бронзы. Большинство колец, учтенных нами, происходят из памятников Кузнецкой котловины (71 %). Кольца в 2,5 – 3 оборота и больше не известны в памятниках андроновской культуры, а проволочные кольца в несколько оборотов со спиралевидными окончаниями характерны для развитой бронзы и постандроновского времени.

Серьги (152 экз.). Украшение, носимое в ушах, в которых для этого прокалываются специальные отверстия, либо створчатое колечко, с украшениями и с подвесками, пронятое в мочку уха [5, с. 586].

Рис. 4. ***Серьги спиральные:***
1 – спираль-пружинка конусовидная;
2 – спираль в виде диска

В специальной литературе довольно часто можно встретить определение, например, проволочных колечек либо гвоздевидных подвесок в качестве серег. Такие выводы делаются исследователями исходя из местоположения либо размеров изделия. Поэтому, как нам представляется, отношение таких изделий к категории «серьги» носит весьма условный характер. В данном случае, мы сгруппировали изделия, абсолютно соответствующие определению «серьги».

Серьги спиральные. Дужки изделия морфологически приближены к форме «знак вопроса», имеют вертикально расположенное спиралевидное окончание. Для анализа было отобрано 37 экземпляров, различающихся по оформлению окончания: в виде спирали либо диска.

Спираль-пружинка (13 экз.) конусовидная (рис. 4 – 1). Изделие изготовлено из проволоки, верхняя часть которой формирует крючок для крепления либо за отверстие в мочке уха, либо для фиксирования в верхней части ушной раковины. Нижняя часть проволоки закручена и представляет собой вытянутую спираль. Н. В. Аванесова относит этот тип к андроновскому времени [2]. В то же время наличие таких серег, хоть и в единичных случаях, известны по материалам памятников поздней бронзы: Новоалтайское пос. 1 экз.; Телеутский Взвоз 1 – 1 экз., Камышенка – 2 экз., Журавлево-4 – 1 экз. (к. 11, п. 2), ЕК II – 8 экз. (к. 11, п. 3 (2 экз.); к. 11, п. 4 (2 экз.); к. 13, п. 7 (3 экз.); п. 347). На территории Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи такие изделия не известны.

Спираль-диск (24 экз.) представляет собой спиральное окончание, которое имеет круглую форму, в виде плоского диска (рис. 4 – 2). Все находки этого украшения относятся к эпохе поздней бронзы: мог. Журавлево-4 – 6 экз.; Иваново-Родионово – 1 экз.; Пьяново – 1 экз.; Ваганово-2 – 1 экз.; Титово II – 1 экз.; Танай I – 3 экз.; Танай-12 – 2 экз.; Сапогово-1 – 1 экз.; Томский могильник – 1 экз.; ЕК I – 1 экз.; ЕК II – 4 экз.; Фирсово I – 1 экз.; Плотинная I – 1 экз. На территории Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи такие изделия также не известны.

Наличие таких серег в погребениях ирменской культуры является, скорее, исключением. Выше мы говорили о существовании в андроновском мире символа «спираль» и его утере в более позднее время. Спиральные серьги являются, судя по всему, изделиями, в которых этот знак продолжал существовать в ирменской культуре.

Серьги с раструбом представляют собой изделие, один конец которого заострен, другой выполнен в виде конусовидного расширения, полого внутри. На стенке раструба, в некоторых случаях, имелся замок, куда входил заостренный крючковидный конец. Нами было зафиксировано и подвергнуто анализу 68 экземпляров. Серьги отличаются по форме, технике изготовления, материалу, что позволяет наметить эволюцию данного типа украшений. Литые серьги с последующей проковкой и кованные из пластин изготовлены не по шаблону, практически все имеют различия по форме раструба, поэтому мы не будем подробно останавливаться на всевозможных вариантах производства древних мастеров. Только для могильника Рублево VIII авторами отмечено как минимум 3 варианта проработки исходной заготовки, соответственно и выделено три разновидности этих украшений [15]:

1. Колоколовидной формы. По мнению специалистов, неполая вершина «колокола» представляет собой остаток заготовки, которая по каким-то причинам не была проработана до конца. Внутри раструба были зафиксированы следы органики и фрагмент золотой фольги. Абсолютных аналогий изделию не обнаружено.

2. Очень широкий неглубокий раструб.

3. Золотые литые с полым колокольчиковидным раструбом правильной формы. Раструб плавно расширяется от основания к краю и имеет небольшой диаметр. По мнению Н. А. Аванесовой группирование

этих изделий необходимо проводить без учета технологических особенностей оформления раструба и систематизировать по вариантам: литые и кованные [2, с. 50 – 51], т. к. в данном случае способ изготовления в достаточной мере влиял на внешний вид колец. Нам представляется важным выделение типов по способу фиксации – отсутствию или наличию «замка» в виде острого кончика, иногда загнутого крючком, и отверстия в раструбе, в которое он входил.

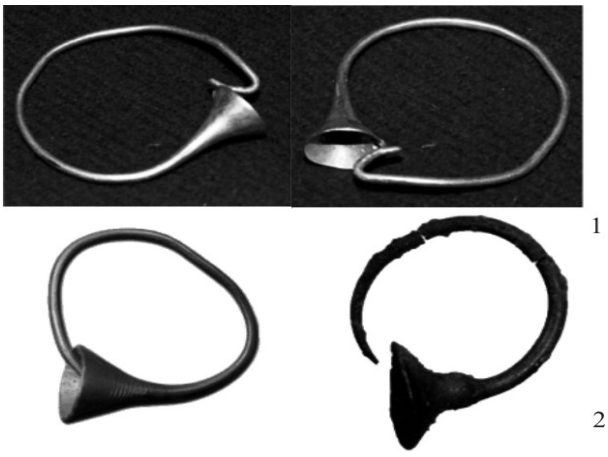

Рис. 5. ***Серьги с раструбом: наличие «замка»; 2 – отсутствие «замка»***

Подобные изделия Н. А. Аванесова относит к типу литых серег с раструбом. По ее мнению, такие серьги характерны для восточноказахстанских, прииртышских, алтайских, верхнеобских и приобских федоровских племен, время существования которых она определяет рамками XIV – XIII вв. до н. э. [2, с. 50 – 51].

Изделия являются одним из характерных элементов материальной культуры восточно-андроновского круга. По мнению А. А. Ткачева и Н. А. Ткачевой, появление данного вида изделия можно отнести к началу второй половины II тыс. до н. э. Исследователи считают, что литые серьги с последующей проковкой являются более ранним вариантом, чем кованные из пластин. Серьги были изготовлены древними мастерами из золота, либо бронзы, достаточно часто покрытые золотым листом. В последнее время Н. А. Ткачевой была предложена теория, согласно которой появление серег с раструбом на обширной территории связано с миграциями андроновско-канайского населения Верхнего Прииртышья. По ее мнению, украшения такого типа, ставшие впоследствии характерным признаком восточно-андроновских племен, появились в кызылтаском этапе канайской культуры в начале второй половине II тыс. до н. э. и распространились вместе со второй миграционной волной андроновско-канайского населения, которая приходится на XIV – рубеж XIII вв. до н. э. [31, с. 18). Абсолютные датировки, которые предлагают исследователи андроновских памятников юга Западной Сибири не противоречат предлагаемой концепции. Появление данного варианта украшений относится исследователями к XIV – XIII вв. до н. э. [30, с. 81]. Ю. Ф. Кирюшин и С. Ю. Лузин датировал время существования этих серег XIV – XIII вв. до н. э. [14, с. 43]. Верхнюю границу появления федоровцев на территории Барабинской лесостепи В. И. Молодин определил XIII в. до н. э. [24, с. 116]. В кротовском комплексе Барабинской лесостепи и андроновском Кузнецкой котловины подобные серьги отсутствуют. В Еловском комплексе II известны серьги с утолщением перед раструбом в виде шишечки, и у нескольких экземпляров кончики оформлены «змейкой».

Серьги кольчатые представляют собой кольцо, свернутое из тонкой бронзовой пластинки и обернутой золотой фольгой, один конец заострен, второй оформлен в виде трубчатого расширения и служит своеобразным замком (рис. 6). Всего было зафиксировано 47 экземпляров, изделия соотносятся с памятниками развитой бронзы (98 %) и известны, в основном, на территории степного и лесостепного Алтая (74 %). 1 экземпляр зафиксирован среди инвентаря Еловского комплекса постандроновского времени.

Данные изделия широко представлены среди материалов андроновских памятников. Н. А. Аванесовой было предложено деление этих изделий на два варианта.

1. Кованные трубчатые серьги, изготовленные путем сворачивания в полую трубочку на органической основе. Подобные изделия, по мнению автора, являются наиболее архаичными и характерны для алакульского населения Приуралья, Центрального, Северного и Западного Казахстана.

2. Литые трубчатые серьги, типичны для федоровских племен, обитавших на территории Прииртышья и Верхнего Приобья [21, с. 52 – 53]. Данные полевых исследований памятников, содержащих андроновские материалы, такие как РублевоVIII, Кытманово, Фирсово XIV несколько противоречат такой трактовке и требуют дополнительной аргументации [29, с. 179; 16, с. 35; 33, с. 29].

Рис. 6. ***Серьги кольчатые***

Известны подобные украшения и среди материалов алакульских памятников – Алексеевский могильник – 1 экз. [19, с. 111, рис. 37 – 3]. Н. А. Аванесова отнесла эти изделия к типу 1Г3 [1, с. 73]. По мнению исследователя, область распространения этого вида подвесок почти полностью совпадала с ареалом памятников федоровского типа, где известны трубчатые серьги [2, с. 56].

На территории Кузнецкой котловины подобные серьги не известны.

Далее представлены украшения, которые к категории «серьги» мы можем отнести условно, но в специальной литературе атрибутируются именно так.

Гвоздевидные подвески/серьги выполнены из стержня, круглого или четырехгранного в сечении и загнутого в форме овала. Один конец слегка приострен и, как правило, выгнут наружу, другой заканчива-

ется шляпкой. Сама привеска по конфигурации напоминает гвоздь, загнутый по форме ушной раковины человека, что и дало подобное название. Всего было проанализировано 157 экземпляров. Изделие имеет различные размеры, что дает возможность некоторым специалистам атрибутировать гвоздевидные привески как серьги. В определенных случаях исследователи прослеживают зависимость размера подобных украшений от возраста [24, с. 126]. Мы не будем разграничивать данные изделия на подвески и серьги в связи с отсутствием антропологических определений целого ряда погребений и, соответственно, невозможности установления взаимосвязи между размером изделия и возрастом погребенного и рассмотрим данные изделия как съемные украшения.

Отличия гвоздевидных подвесок составляет морфология шляпки. В специальной литературе акцент делался на выделение места крепления стержня – в центре бляшки-шляпки или с краю [12; 27, с. 52; 34]. Изучение в области технологических особенностей металлопроизводства в древности показали зависимость места крепления от способа изготовления изделия и конфигурации двухсторонних двухчастных литейных форм [10, с. 116). Анализ изделий показал, что при креплении стержня по центру, шляпка имеет круглую форму, а при креплении с краю – подтреугольную. Поэтому мы считаем правомерным подобное различие изделий, тем более, что предоставляется возможность для определения технологических особенностей древних мастеров общества, оставивших могильник. В тоже время установлено, что на одних и тех же памятниках находили подвески с разным способом крепления, поэтому делать однозначные выводы не представляется возможным. Различия этих изделий предлагается сделать по оформлению окончания стержня.

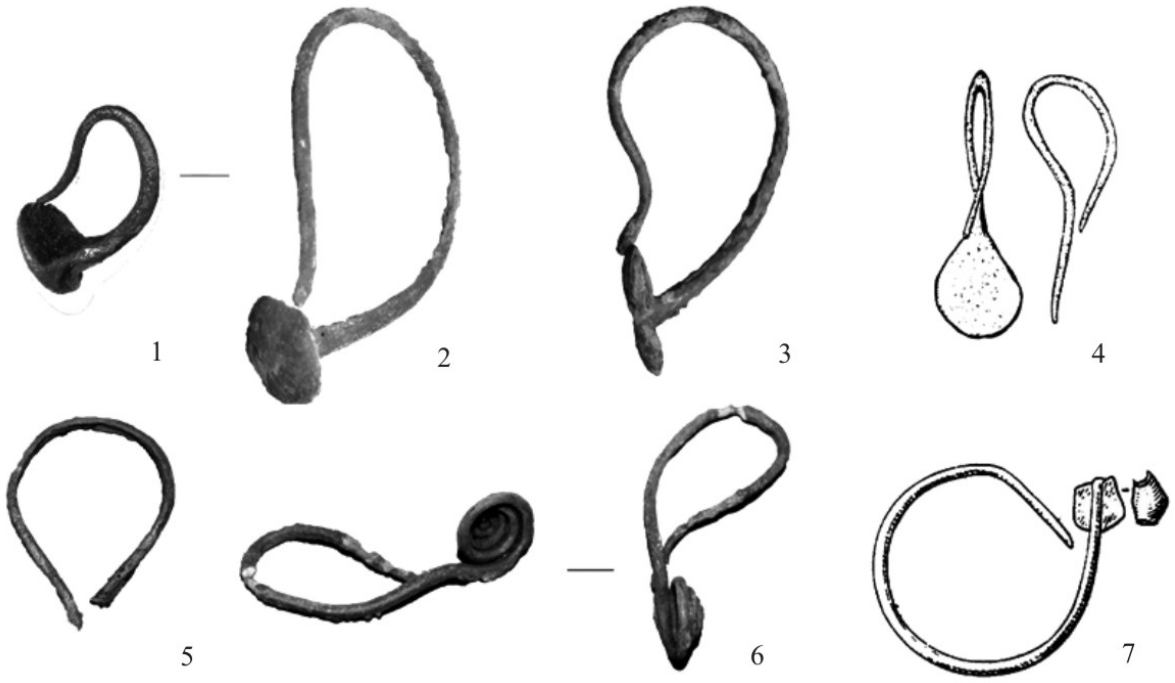

Рис. 7. ***Гвоздевидные подвески: 1, 2 – шляпка-бляшка; 3 – пистонная шляпка; 4, 7 – шляпка-лопаточка; 5 – шляпка-утолщение; 6 – шляпка-спираль***

Шляпка-бляшка гвоздевидной подвески, окончание которой оформлено в виде округлой шляпки, морфологически схожей с бляшкой-пуговицей (84,7 %) (рис. 7 – 1, 2). Такие украшения различаются по месту крепления шляпки – в центре (78 %) либо на краю шляпки, которая, как правило, с противоположной стороны слегка вытянута и принимает подтреугольную форму (22 %). Единично представлены гвоздевидные подвески/серьги, у которых окончание стрежня оформлено пистонной шляпкой (двухъярусной бляшки) (рис. 7 – 3). Стержень, как правило, крепится по центру, между шляпками. Известны по материалам пос. Быково III – 1 экз.; мог. Сапогово-1 – 1 экз.; единичная находка близь с. Бачаты на р. Ине подвеска украшена шляпкой из трех бляшек.

Оформление стержня в виде ушной раковины слабо выраженной шляпкой, которая, по сути, представляет собой, утолщение конца стержня (7 экз.) (рис. 7 – 5) в ирменской культуре Западной Сибири встречается в единичных экземплярах и вполне вероятно, что является подвеской с отломанной шляпкой. Зафиксированы на мог. Журавлево-IV – 4 экз.; Камышенка – 2 экз. Подвеска из к. 67 могильника Камышенка была изготовлена из серебра, а на ее конец была надета цилиндрическая синяя стеклянная бусина. Аналогичное изделие, только с пронизью, было найдено в Новосибирском Приобье в мог. Красный Яр [32].

Оформление стержня, выгнутого в виде ушной раковины навершием в виде лопаточки, которая, в

отличие от гвоздевидной шляпки, находится в одной плоскости с «крючком» отмечено у 9 экземпляров (рис. 7 – 4, 7) характерно для памятников степного и лесостепного Алтая и зафиксировано в инвентаре мог. Камышенка – 2 экз.; Плотинная I – 4 экз.; Суртайка – 1 экз.; Фоминское – 1 экз.; БЕ IX – 1 экз. Для этой же территории известны изделия, у которых стержень выгнут виде ушной раковины и оформлен спиральной шляпкой в виде диска, сделанного из закрученной в несколько витков проволоки (5 экз.): мог. Плотинная 1 – 2 экз.; Заречное 1 – 2 экз. на территории Кузнецкой котловины такое изделие зафиксировано на мог. Журавлево-4 (рис. 7 – 6).

Гвоздевидные изделия являются украшениями, известными только по материалам ирменской культуры и являются культуродиагностирующими предметами [4; 9; 24 и др.]. Изделия найдены в равной степени во всех регионах Западной Сибири, за исключением Томского Приобья, где они зафиксированы единично.

Колокольчиковидные подвески морфологически близки к гвоздевидным изделиям и представляют собой украшения в виде колокольчика полого внутри, литого, либо выполненного из пластины, свернутой на конус и прикрепленного к изогнутой в форме «знака вопроса» дужке (28 экз.). В специальной литературе иногда определяются как конические подвески [18; 23].

Данная категория инвентаря характерна для памятников постандроновского времени Кузнецкой котловины и Томского Приобья (еловская культура) и известны только по материалам погребений (XII – IX вв. до н. э.).

Бусы. При рассмотрении этой категории украшений гораздо правильнее бы было использовать в археологической литературе термин «бусины» или «зерна». Украшение в виде нанизанных на нитку шариков, зерен [5]. Ж. мн. общее название дутых стеклянных, а иногда и граненых, пронизей, разного вида и цвета. Долгие пронизи называют стеклярусом, а самые мелкие и кругленькие – бисером. Буса, бусина, одно зерно бус, одна пронизка. Бусовый или бусяный, относящийся до бус [5]. Для эпохи бронзы представлены во всем многообразии, хотя и являются, зачастую, единичными экземплярами в погребальном инвентаре. Четкой систематизации поддаются бусы, найденные на костях голеностопов в погребениях андроновской культуры, еловских комплексах и андроновско-еловских. Как правило, эти изделия имеют вид колечек (диаметром до 0,5 мм), выполненных из свернутой проволоки или пластины разной ширины.

Для эпохи бронзы наиболее массово представлены круглые бронзовые бусы (1317 экз.) – изделия из толстой округлой в сечении проволоки/пластины (рис. 8 – 1, 2, 6), зафиксированные по материалам памятников развитой бронзы (91 %) Кузнецкой котловины – 367 экз.; Степного и лесостепного Алтая – 340 экз.; Томского Приобья – 497 экз. На памятниках поздней бронзы известны незначительно (9 %) и найдены в погребениях могильников Кузнецкой котловины – 9 экз. и Томского Приобья – 104 экз.

Другой разновидностью этих изделий являются пирамидальные бусины (12 %). Изделия выполнены из треугольной в сечении пластины (рис. 8 – 4, 5). Все бусины имеют ровные стыки и только у отдельных экземпляров края пластины заходят друг за друга. Технология их изготовления была описана Г. А. Максименковым по материалам андроновских могильников на Енисее. По его мнению, пластина навертывалась на стержень плотной спиралью, а затем разрубалась вдоль. Полученные таким образом колечки обжимались и им придавалась кольцевидная форма [20, с. 72]. Зафиксированы среди материалов памятников развитой бронзы (60 %) степного и лесостепного Алтай – 131 экз.; на памятниках поздней бронзы известны только в Еловском комплексе Томского Приобья – 86 экз.

Цилиндрические бусины представлены единично (51 экз.), выполнены из свернутой пластины (рис. 8 – 3) и характерны для памятников поздней бронзы: Кузнецкая котловина – 9 экз.; Новосибирское Приобье, Барабинская лесостепь – 31 экз. (61 %); степной и лесостепной Алтай – 3 экз.; Томское Приобье – 8 экз.

Биконические бусы зафиксированы на памятниках развитой бронзы в количестве 162 экз. в Новосибирском Приобье и Барабинской лесостепи.

Бусы, выполненные из других материалов, в том числе из камня и стекла, довольно редко встречаются в памятниках Западной Сибири эпохи бронзы. Случаи их нахождения единичны.

Бронзовые бусы, найденные в связке, практически во всех случаях были зафиксированы на голеностопных суставах погребенных. Такого типа украшения широко известны в андроновских и постандроновских комплексах еловской культуры, имеют широкий ареал и представлены даже в памятниках Кузнецкой котловины. Бронзовые бусины гораздо реже встречаются в составе ожерелий. Для их декорирования использовались бусины из различных пород камня и стекла.

Помимо металлических изделий, среди памятников эпохи бронзы часты случаи находок бусин, выполненных из других материалов. Мы считаем необходимым учитывать эти изделия при анализе, т. к. они практически всегда являлись составными элементами наборных украшений, выполненных из металла. Чаще всего такие бусины использовались в составе ожерелья в единичных экземплярах с бусинами, выполненными из других материалов, в том числе и природных, не сохранившихся до нашего времени. В то же время в археологической практике эпохи бронзы известны случаи единичного положения бусин ярких цветов, например, перед лицом погребенного [7, с. 221]. В этом контексте представляется уникальным погребение мог. Танай-XI, (погребение № 12), в котором был найден комплект из сердоликовых (33 экз.), керамических и аргелитовых бусин (всего 43 бусины). Сердоликовые бусины разновеликие в диаметре до 25 мм, изготовлены методом двустороннего сверления, уплощены, торцевые грани пришлифованы. Керамические бусины изготовлены путем обжига глины на бронзовых трубочках, свернутых из пластинок. В погребении № 17 на конце проушины колокольчиковидной подвески находилась аргиллитовая бусина. На этом же памятнике была найдена бусина из синего минерала (к. 9, п. 21). Всего зафиксировано 18 экз. цилиндрических белых пастовых бусин.

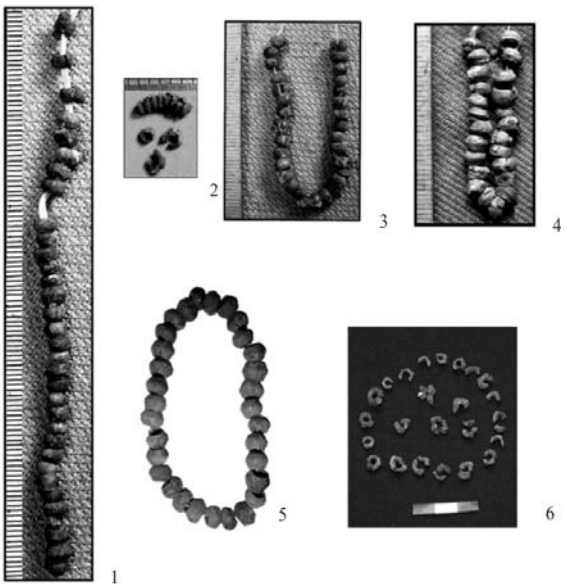

Рис. 8. ***Бусы эпохи бронзы Западной Сибири***

При раскопках погребения мог. Камышенка (курган 67) найдены бусины различных видов: цилиндрическая аргиллитовая – 2 экз.; стеклянная синяя бусина – 2 экз.; бочонковидная сердоликовая – 2 экз.; цилиндрическая белая пастовая – 12 экз.; бочонковидная бронзовая – 2 экз.; бочонковидная лазуритовая – 2 экз.; цилиндрическая бронзовая – 18 экз.

Таким образом, основное количество находок бус сделано в погребениях андроновской культуры (76 %). Для эпохи поздней бронзы находки в погребениях единичны и выполнены они не из бронзы, а ракушек, камня, глины и стекла. Исключением является территория Томского Приобья, где во время существования еловской культуры осталась андроновская традиция оформления обуви (штанов?) бронзовыми бусинами.

В заключение можно сказать, что в настоящее время накоплен представительный комплекс бронзовых изделий. Нами было проанализировано порядка 2707 экземпляров съемных украшений, в том числе 184 браслета, 439 колец, 28 колокольчиковидных (конических) привесок/серег, 157 гвоздевидных привесок/серег, 152 экземпляра серег и 1747 бусин.

Особенностью эпохи ранней бронзы на территории Западной Сибири является отсутствие украшений, изготовленных из металла. Исключение составили найденные на территории лесостепного Алтая девять металлических проволочных кольца в 1 – 1,5 оборота. Шесть экземпляров найдено в могильниках Ордынское-1, Телеутский Взвоз-1, Березовая Лука и три из культурного слоя поселения Березовая Лука. Данные предметы по результатам полуколичественного спектрального анализа состоят из свинца, что резко выделяет их из других категорий металлического инвентаря, в котором преобладают оловянистые бронзы [13].

Проведенный анализ позволил выявить особенности распространения съемных украшений в эпоху развитой бронзы на территории Кузнецко-Салаирской горной области: спецификой региона являлось практически полное отсутствие в сопроводительном инвентаре предметов бронзолитейного производства, кроме низок бронзовых бус, найденных в районе голеностопных суставов погребенных. На территории степного и лесостепного района Алтая найдены основные типы металлических и биметаллических украшений, характерные для восточного ареала андроновских (федоровских) комплексов. На территории Барабинской лесостепи и в Новосибирском Приобье для кротовских комплексов не известны серьги с раструбом. Анализ андроновских украшений из памятников Томского Приобья выявил наличие аналогий с предметным комплексом кротовского времени Барабинской лесостепи и андроновской культурой Алтайского региона: браслеты и кольца со спиральными навершиями.

Своеобразие ирменской культуры в значительной степени представлено в северных районах Салаирской горной области. Одной из характерных особенностей является наличие в сопроводительном инвентаре погребенных съемных украшений, не получивших распространения в западных районах существования ирменской культуры: желобчатых браслетов и колец с таким же оформлением поверхности. Отличительным признаком является содержание в предметном комплексе изделий, типичных для карасукской культуры среднеенисейского региона, а именно перстней со щитком.

Типолого-морфологический анализ съемных украшений позволил выявить специфические предметы ирменской культуры, к которым относятся гвоздевидные подвески и браслеты с оформленными в виде «жемчужника» концами.

Литература

1. Аванесова Н. А. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 67 – 73.

2. Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям): монография. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

3. Белокобыльский Ю. Г. Бронзовые браслеты из лугавских погребений у села Ефимкино (Хакасия) // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. овосибирск: Изд–во ИАЭт СО РАН, 1998. С. 43 – 57.

4. Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4: монография. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.

5. Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка: монография. ИДДК, 2005.

6. Виноградов Н. Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. М.: Наука, 1984. № 3. С. 136 – 153.

7. Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-казахстанских степей: монография. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1992. 408 с.

8. Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья: монография. Препринт. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. 66 с.

9. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близь с. Большая Речка: монография // МИА СССР. № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956а. 256 с.

10. Дураков И. А., Мыльникова Л. Н. Технология изготовления бронзовых изделий с могильника Танай-7 // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3(19). Новосибирск, 2004. С. 106 – 119.

11. Евдокимов В. В., Усманова Э. Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурной общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 66 – 80.

12. Илюшин А. М., Ковалевский С. А., Сулейменов М. Г. Аварийные раскопки курганов близь с. Сапогово: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 204 с.

13. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Грушин С. П. Археологическое изучение памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-1 (2001 – 2002 гг.) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002.

14. Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Поселение Большой Лог – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 42 – 56.

15. Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Позднякова О. А., Шамшин А. Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. С. 62 – 85.

16. Кирюшин Ю. Ф., Позднякова О. А., Папин Д. В., Шамшин А. Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. С. 33 – 44.

17. Ковтун И. В. Хронология андроновских браслетов с конусовидными спиралями // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1999. С. 21 – 26.

18. Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. М.: Наука, 1952. № 24. С. 7 – 50.

19. Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. 1948. Вып. 17. С. 57 – 172.

20. Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее: монография. Л.: Наука, 1978. 190 с.

21. Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана: монография. Алма-Ата: Наука, 1979. 309 с,

22. Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья: монография. Новосибирск: Наука, 1998. 415 с.

23. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы: монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

24. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы: монография. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

25. Ожегов С. И. Словарь русского языка: монография. М., 1990. С. 828.

26. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья: монография. М.: Наука, 1985. 376 с.

27. Савинов Д. Г., Бобров В. В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибирь. Новосибирск: Наука, 1978. С. 47 – 65.

28. Сальников К. В. Курганы на оз. Алакуль // МИА СССР. 1952. № 24. С. 51 – 71.

29. Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы: монография. Ч. 2. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 243 с.

30. Ткачев А. А., Ткачева Н. А. Серьги андроновской культуры (проблема датировки) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 76 – 81.

31. Ткачев А. А., Ткачева Н. А. Социальная структура андроновского общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 49 – 52.

32. Троицкая Т. Н. Памятники андроновской культуры (по материалам Новосибирской археологической экспедиции) // Из истории Западной Сибири. Научные труды НГПИ. Вып. 31. Новосибирск, 1969. С. 3 – 20.

33. Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф. Грушин С. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово): монография. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. 132 с.

34. Умеренкова О. В. Классификация украшений ирменской культуры // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: АГУ, 1994. С. 55 – 57.

35. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи: монография. М.: Наука, 1972. 248 с.

Информация об авторе:

Умеренкова Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Кузбасской лаборатории археологии КемГУ, klae@kemsu.ru.

Olga V. Umerenkova – Candidate of History, Research Associate at Kuzbass Laboratory of Archaeology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 903.2

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ОРУДИЙНОГО НАБОРА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ХАРГАНЫН-ГОЛ-5 В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ

А. М. Хаценович, Е. П. Рыбин, С. А. Гладышев, С. В. Маркин

TOOL KIT VARIABILITY OF THE PALEOLITHIC KHARGANYN-GOL-5 SITE IN NORTHERN MONGOLIA

A. M. Khatsenovich, E. P. Rybin, S. A. Gladyshev, S. V. Markin

Статья посвящена анализу каменного орудийного набора культурных горизонтов 4 – 7 стоянки Харганын-Гол-5 в Северной Монголии. На основании радиоуглеродных дат возраст культурного горизонта 5 с индустрией, характерной для начала верхнего палеолита является древнее 40 тыс. л. н. Нижние горизонты 6–7 содержат скребла, леваллуазские ретушированные сколы и шиповидные орудия. Вероятно, эти комплексы могут быть отнесены к финальному среднему палеолиту. Горизонт 5 характеризуется сочетанием среднепалеолитических леваллуазских традиций в первичном расщеплении и верхнепалеолитических типов орудий, таких, как и пластинки с притупленным краем. Ассамбляж орудий горизонта 4, может быть определен как типичный для раннего верхнего палеолита. На основании комплексов стоянки Харганын-Гол-5 впервые на территории Северной Монголии может быть выделен комплекс признаков, характерных для среднего палеолита.

During the Late Pleistocene, Mongolia was probably a land of many population dispersals. The cultural shifts observed in archeological sequences document some of these events. Two lines of Upper Paleolithic development have been defined: industries rooted in the local Middle Paleolithic and intrusive assemblages from Siberia. At Orkhon-1, (Horizon 3 – Pits 1, 2) in Central Mongolia and Kharganyn-Gol-5, Horizons 7-6, in Northern Mongolia, transitional assemblages are characterized by the coexistence of Levallois with blade technology. The paper is devoted to stone tool kit analysis of cultural Horizons 4 – 7 from Kharganyn-Gol-5 site in Northern Mongolia. According to radiocarbon dating, the age of cultural Horizon 5 is older than 40,000 BP. The lower Horizons 6-7 contain the side-scrapers, Levallois retouched blanks and spur-like tools. Probably, these complexes can be related to Terminal Middle Paleolithic. Horizon 5 is characterized by combination of Middle Paleolithic Levallois tradition in primary flaking and Upper Paleolithic tool types, such as backed bladelets and can be determined as typical for Initial Upper Paleolithic. Tool assemblage of Horizon 4 is characteristic for the Early Upper Paleolithic. The assemblages of Kharganyn-Gol-5 site give the opportunity to define the complex of cultural attributes, which characterizes the Middle Paleolithic of Northern Mongolia.

Ключевые слова: Северная Монголия, средний палеолит, ранний верхний палеолит, многослойная стоянка, типология каменных орудий, вторичная обработка, хронологическая последовательность.

Keywords: Northern Mongolia, Middle Paleolithic, Early Upper Paleolithic, multilayer site, stone tool type, retouching, chronological sequence.

Введение

Долина р. Их-Тулбэрийн-Гол, правого притока р. Селенга в Булганском аймаке (северная часть Республики Монголия) является территорией, где обнаружен ряд многослойных палеолитических памятников. На сегодняшний день известно около 30 пунктов, как стратифицированных, так и экспонированных, где были найдены каменные артефакты. На основании изучения коллекций каменных артефактов из стратифицированных комплексов стоянок Толбор-4, 15, 16 было определено, что на данной территории представлена культурная последовательность развития каменных индустрий, начиная с самых ранних этапов верхнего палеолита (около 40 тыс. л. н.) до финала палеолита и раннего голоцена. Было установлено, что наиболее древние комплексы толборских стоянок (горизонты 6–5 стоянки Толбор-4, радиоуглеродные даты ок. 37 – 41 тыс. л. н.) характеризуются доминированием нелеваллузской бипродольной технологии редукции подпризматических нуклеусов, служившей для производства крупных пластин. Эта техника раскалывания близка по своим характеристикам технологии, которая выделена в комплексах карабомовского типа начальной стадии верхнего палеолита Алтая. В ассамбляжах из горизонта 4 стоянки Толбор-4 и горизонтов 5–7 стоянки Толбор-15 (около 33 – 27 тыс. л. н.) прослеживаются отчетливые изменения в технологии расщепления, наблюдается резкое увеличение доли плоскостных, ортогональных и кубовидных нуклеусов, а также уменьшение размеров сколов и ядрищ. Отмечается сокращение производства пластин и увеличение доли отщепов. Основная тенденция развития индустрий на стоянках Толбор-4 и Толбор-15 может быть сформулирована следующим образом: происходили изменения в технике раскалывания, при этом, орудийный набор характеризуется высокой степенью гомогенности, при сохранении схожих типов и структуры орудийного набора на протяжении всего верхнего палеолита [1; 3 – 5].

Вместе с тем, ряд весьма существенных проблем остается до сих пор нераскрытым: является ли уникальным и единственным вариант культурного развития индустрий раннего верхнего палеолита, показанный на примере стратифицированных комплексов долины Их-Тубэрийн-Гол, или же здесь могут быть выделены и другие культурные траектории развития; можно ли однозначно говорить об экзогенном, пришлом характере начального верхнего палеолита Монголии, или же возможно проследить местные корни этого явления; какое влияние на облик индустрий оказывали особенности использовавшегося сырья. Анализ индустриальных комплексов стоянки Харга-

нын-Гол-5, изучавшейся в 2012 и 2014 гг., позволяет внести существенный вклад в понимание характера вариабельности начального верхнего палеолита Монголии и его генезисе.

Расположение, геоморфология, стратиграфия и сырьевая база стоянки Хараганын-Гол-5

Памятник Харганын-Гол-5 был обнаружен на одноименном притоке р. Алтаатын-Гол, впадающей в р. Селенгу. Долину Харганын-Гол и соседнюю с ней долину протекающей параллельно р. Их-Тулбэрийн-Гол, разделяет невысокий хребет Чагтагын Нуруу, через который проходит перевал, соединяющий долины. Стоянка приурочена к делювиальному шлейфу, вытянутому с северо-запада на юго-восток на высоте 1000 м над уровнем моря. Стратиграфический разрез состоит из 7 литологических слоев, сформированных преимущественно в результате эолового осадконакопления, при значительном участии делювиальных и пролювиальных процессов. Семь культуросодержащих горизонтов соответствуют выделенным литологическим слоям. Стерильных прослоек между культуросодержащими горизонтами не зафиксировано. Слой 1 сформирован дерном и поддерновым гумусом. Мощность слоя не превышает 0,15 м. Слой 2 имеет эоловый генезис, мощность составляет около 0,4 м. Слой 3 представлен смешанными отложениями, эоловыми с участием делювиальных осадков. Мощность слоя колеблется от 0,4 до 0,9 м. Слой 4 представляет собой чередование двух видов маломощных слойков с неясной смятой текстурой. Мощность отложений составляет 0,2 – 0,25 м. В этом слое, в южной стенке раскопа, выявлено кострище. Слой 5 также имеет смешанный генезис отложений, эоловый, при значительном участии делювиальных процессов, его мощность около 0,3 – 0,4 м. Слой 6 имеет значительные колебания мощности от 0,18 до 0,40 м, и он прослеживается не по всей длине разреза. Генезис слоя также эоловый, со значительным участием делювиальных процессов. Слой 7 имеет пролювиальный генезис отложений и связан с действием русловых процессов реки, расположенной к западу от шлейфа (мощностью слоя 0,6 м). Учитывая значительную мощность слоя и характер его структуры, а также небольшое количество находок (29 артефактов), обнаруженных только на 9 м^2 раскопа, можно предположить, что археологический материал был перемещен с верхних высотных отметок. Слои 1 и 2 сформировались в голоцене и на рубеже с плейстоценом, тогда как слой 3 относится к финальному палеолиту. Наибольший интерес представляют материалы горизонтов 4 – 7, возраст которых, согласно пока неопубликованной серии радиоуглеродных (дата для слоя 5 – старше 40 тыс. л. н.) позволяет отнести эти комплексы к стадиям раннего и начального верхнего палеолита и, вероятно, к предшествующим этапам.

Артефакты из этих горизонтов изготавливались из местного сырья, которое генетически относится к тулбурской свите. Это алевролиты с фитоалевритовой структурой, аргиллиты с фитоалевропелитовой структурой и аргиллиты с пелитовой структурой. Все эти разновидности сырья имеют схожие свойства (с позиции пригодности, или непригодности для расщепления), с небольшими различиями в степени вязкости и «колкости» сырья, которые во многом зависят от размеров зерен пород. Предпочтений в использовании одной из разновидностей сырья для изготовления орудий выявлено не было. Применение инородного сырья, а также использование конкреций аргиллитов с пелитовой структурой для получения широких отщепов с заданной морфологией, появляются лишь в комплексах финального палеолита стоянки (горизонт 3, возраст около 12 тыс. л. н.). В культурных горизонтах 4 – 7 использовалось сырье, выходы которого находятся на склоне, расположенном непосредственно над памятником. Подобная ситуация зафиксирована и для других стоянок долины р. Их-Тулбэрийн-Гол [2], где расположены наиболее мощные отложения тулбурской свиты. Однако в долине р. Харганын-Гол находятся ее окраинные участки, выходы сырья бедны, петрохимический состав тех же пород, что в долине Их-Тулбэрийн-Гол, изменен, на многих выходах породы обладают тонкоплитчатой отдельностью, поэтому они малопригодны для расщепления. Исходя из морфометрических параметров отдельностей сырья, выявленных в комплексах Хараганын-Гол-5, а также размеров преформ для нуклеусов, ни один измерительный показатель конкреции исходного сырья не превышал 10 см, за исключением единственного первичного краевого скола на пластине с длиной 22 см, из горизонта 5, скорее всего, принесенного на стоянку. Эти показатели значительно уступают тем параметрам, которые характерны для стоянок из долины р. Их-Тулбэрийн-Гол, где известны нуклеусы, достигавшие длины 30 см. Меньшее количество выходов пригодного сырья, по сравнению с соседней долиной, где расположена основная часть тулбурской свиты, обусловило тип данного памятника. Если Толбор-4 и Тоблор-15 могут быть определены как мастерские, то Харганын-Гол-5, с учетом морфологии предметов коллекции и небольшой занимаемой площади, скорее всего, является временной стоянкой.

Характеристики орудийного набора индустриальных комплексов культуросодержащих слоев 4 – 7 стоянки Хараганын-Гол-5

Вероятно, особенностями характера заселения территории памятника обусловлена высокая вариабельность орудийного набора: в горизонтах 5 и 4, при наличии трех фоновых групп ситуационных изделий, характерных для верхнего палеолита, число устойчивых серий формальных орудий минимально. Большинство типов орудий встречаются в малом количестве в коллекции каждого горизонта. Общее количество изделий с вторичной обработкой невелико. В нижнем горизонте 7 они составляют 20,5 % от общего числа находок (29 экз.). Несколько большее число изделий найдено в горизонте 6 – 93 экз., из которых вторичной обработке подверглось 6,5 %. Технология расщепления, в силу немногочисленности коллекции, пока не может быть охарактеризована полным образом. Тем не менее, в ней отмечается присутствие леваллуазских сколов и крупных пластин с бипродольной огранкой, преобладание крупных широких отщепов и наличие преформы для одноплощадочного монофронтального нуклеуса с широким фронтом скалывания. В горизон-

те 6 зафиксирована отщеповая техника раскалывания. Исходя из стратиграфической позиции индустрии горизонта 6 и присутствия в комплексе определенного леваллуазского компонента, он может быть предварительно отнесен к финалу среднего палеолита.

Процент орудий понижается до 5,9 % в горизонте 5, где отмечается наибольшее количество артефактов (1082 экз.). Технология расщепления характеризуется получением пластин в плоскостной системе параллельного принципа скалывания, наличием мелких подпризматических нуклеусов для снятия пластинок, присутствием леваллуазских нуклеусов, как классических черепаховидных, так и конвергентных, а также единичных леваллуазских отщепов с продольно-поперечной и субконвергентной огранкой. Формирование горизонта 5 происходило раньше 40 тыс. л. н., и, вероятно, он относится к начальному этапу верхнего палеолита, индустрия которого сложилась на местной среднепалеолитической основе, или к переходному этапу от среднего к верхнему палеолиту.

Самая большая доля орудий (8 %) обнаружена в горизонте 4, при общей численности артефактов 565 экз. Технология первичного расщепления, при наличии определенного сходства с комплексами ранней поры верхнего палеолита из долины р. Их-Тулбэрийн-Гол, имеет специфические черты [1; 4 – 5]. Основу расщепления составляют плоскостные и подпризматические нуклеусы с параллельным встречным или однонаправленным принципом скалывания, предназначенных для получения отщепов и пластинок. Пластины получали с плоскостных одноплощадочных монофронтальных ядрищ, подпрямоугольных в плане и сечении, а также с торцовых нуклеусов. Присутствует и простое ситуационное расщепление, представленное кубовидным и радиальным ядрищами.

В составе коллекций преобладающим типом сколов являются отщепы (таблица 1). Тем не менее, как целевые сколы-заготовки они наиболее активно задействованы только в горизонте 7, который не может быть показательным из-за малочисленности коллекции. В горизонте 6 предпочтение отдавалось пластинам и продуктам леваллуазского расщепления.

Таблица 1

Сколы и предметы со вторичной обработкой. Стоянка Харганын-Гол-5

Типы сколов	Горизонт 4				Горизонт 5				Горизонт 6				Горизонт 7			
	Всего сколов		С вторичной обработкой		Всего сколов		С вторичной обработкой		Всего сколов		С вторичной обработкой		Всего сколов		С вторичной обработкой	
	Кол.	% *	Кол.	% **	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Отщепы	362	78,4	25	6,9	579	75	43	7,4	41	55,5	2	4,8	20	83,3	4	80
Пластины	72	15,6	11	15,2	112	14,5	4	3,5	24	32,5	2	8,3	3	12,5	1	20
Пластинки	23	5	4	17,3	79	10,3	10	12,6	7	9,4	-	-	1	4,2	-	-
Микропластины	5	1	-	-	1	0,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Леваллуазские отщепы	-	-	-	-	1	0,1	1	100	1	1,3	1	100	-	-	-	-
Леваллуазские острия	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1,3	1	100	-	-	-	-
Всего	462	100	44	8,9	772	100	58	7,5	74	100	6	8,1	24	100	5	20,8
Обломки, осколки***	32	-	4	12,5	206	-	4	1,9	11	-	-	-	4		1	25

Примечания: * Процент от общей численности сколов в горизонте.
** Процент от общего количества данного типа сколов в горизонте.
*** Эти данные в статистике не учитываются.

Пластинки присутствуют, но вторичной обработке они не подвергались. Удельный вес предметов, подвергшихся вторичной обработке среди каждого типа заготовок, по отношению к общему количеству внутри каждого типа, показал, что пластинки использовались в качестве заготовок для орудий в горизонтах 4 и 5. Значительные колебания в удельном весе демонстрируют пластины, роль которых при оформлении орудий достигает своего максимума в комплексе гор. 4 (рис. 1).

Типология орудий достаточно разнообразна во всех комплексах, наибольшее количество типов наблюдается в горизонте 4, что может быть связано как с большей численностью коллекции, так и с характерным для раннего верхнего палеолита разнообразием орудийных форм. Для орудийного набора стоянки Харганын-Гол-5 отмечается наличие фоновых групп орудий – изделий, представленных массово, но не имеющих специфических способов обработки, позволяющих придать им значение артефактов, характеризующих культурную традицию (более подробно см. [3, с. 25]). Они не обладают устойчивой морфологией, их тип определяется только наличием определенного искусственно модифицированного элемента. Вторичная обработка, как правило, занимает небольшой участок заготовки.

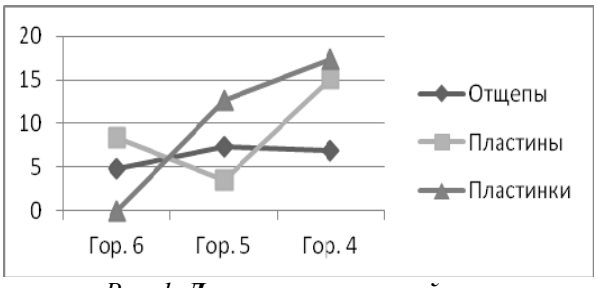

Рис. 1. ***Динамика изменений типов целевых заготовок в горизонтах 4 – 6 стоянки Харганын-Гол-5, %***

Наиболее представительной является группа *ретушированных отщепов*, как с эпизодической ретушью, так и покрывающей большую часть одного из продольных краев или дистальной части (таблица 2). Ретушь наносилась слабомодифицирующая краевая чешуйчатая или параллельная, угол мог быть от полукрутого до отвесного, но никогда – плоским (рис. 2, *1*).

Таблица 2

Типологический список орудий стоянки Харганын-Гол-5

Типы орудий	Археологические горизонты							
	гор. 4		гор. 5		гор. 6		гор. 7	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Скребла	**2**	**4,2**	**1**	**1,6**	**-**	**-**	**1**	**16,7**
одинарные продольные прямые	-	-	1	-	-	-	1	-
одинарные поперечные прямые	1	-	-	-	-	-	-	-
двойные конвергентные	1	-	-	-	-	-	-	-
Скребки	**1**	**2,1**	**3**	**4,8**	**-**	**-**	**-**	**-**
одинарные концевые	1	-	1	-	-	-	-	-
боковые высокой формы	-	-	1	-	-	-	-	-
кареноидные скребки	-	-	-	-	-	-	-	-
с "носиком"	-	-	1	-	-	-	-	-
Выемчатые	**4**	**8,3**	**5**	**8,1**	**-**	**-**	**-**	**-**
Зубчатые	**-**	**-**	**-**	**-**	**1**	**16,7**	**-**	**-**
Шиповидные	**6**	**13**	**10**	**16**	**-**	**-**	**2**	**33,3**
Проколки	**2**	**4,2**	**4**	**6,5**	**-**	**-**	**-**	**-**
Провертки	**1**	**2,1**	**6**	**9,7**	**-**	**-**	**-**	**-**
Резцы	**1**	**2,1**	**3**	**5**	**-**	**-**	**1**	**16,7**
угловые	-	-	1	-	-	-	1	
срединные	1	-	2	-	-	-	-	-
Резцы-нуклеусы	**2**	**4,2**	-	-	-	-	-	-
Острия симметричные	**1**	**2**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**	**-**
Орудия с поперечной вентральной подтеской дистального края	**1**	**2,1**	-	-	-	-	-	-
Комбинированные	**2**	**4,2**	**1**	**1,6**	**1**	**16,7**	**-**	**-**
Оригинальные	**2**	**4,2**	-	-	-	-	**1**	**16,7**
Ножи с притупленной спинкой	**-**	**-**	**1**	**1,6**	**-**	**-**	**-**	**-**
Струги	**3**	**6,3**	**1**	**1,6**	**-**	**-**	**-**	**-**
Скобели	**1**	**2,1**	**1**	**1,6**	**-**	**-**	**-**	**-**
Остроконечники леваллуазские	**-**	**-**	**-**	**-**	**1**	**16,7**	**-**	**-**
Пластины/пластинки со вторичной обработкой	**8**	**16,7**	**8**	**12,9**	**2**	**33,3**	**-**	**-**
пластинки с притупленным краем	-	-	5	-	-	-	-	-
пластинки с черешком	2	-	-	-	-	-	-	-
пластинки с ретушью по продольным краям	1	-	1	-	-	-	-	-
пластинки с поперечным усечением	2	-	-	-	-	-	-	-
пластины с диагональным усечением	2	-	-	-	-	-	-	-
пластины с ретушью по продольным краям	1	-	2	-	2	-	-	-
Отщепы с ретушью	**11**	**22,9**	**17**	**27,4**	**1**	**16,7**	**-**	**-**
Обломки с ретушью	**-**	**-**	**1**	**1,6**	**-**	**-**	**1**	**16,7**
Всего	**48**	**100**	**62**	**100**	**6**	**100**	**6**	**100**

Также значительной является доля *шиповидных орудий* – изделий, характерных для всего раннего верхнего палеолита Северной Монголии. Специфической чертой этой группы изделий можно назвать тщательную вторичную обработку некоторых предметов при использовании естественной формы заготовки, чем и обуславливалась неустойчивость морфологии. В качестве заготовок применялись как пластины и отщепы, так и, в меньшей степени, обломки и осколки. Основную массу шиповидных орудий можно определить как перфораторы. По расположению шипа выделяются следующие разновидности: на углу заготовки; на поперечном крае; на продольном крае. На продольном и поперечном краях заготовок шип выделялся анкошем, ретушированным анкошем, крутой или отвесной ретушью. Нередко использовалось сочетание этих приемов (рис. 2, *2, 3*) Во всех анализируемых горизонтах наблюдается стабильность приемов оформления этих орудий.

Выемчатые орудия, составляющие значительную долю на памятниках Толборской группы [3], представлены в небольшом количестве только в горизонтах 4, 5 стоянки. Оформление выемки производилось с помощью ретуширования или оформления клектонского анкоша (рис. 2, *4*). При оформлении выемок использовались слабо или средне модифицирующая чешуйчатая и ступенчатая ретушь.

Таким образом, выделенные для памятника Харганын-Гол-5 три фоновые группы в полной мере представлены в ранневерхнепалеолитических горизонтах 4, 5, что, в целом, соответствует общей картине этого культурно-хронологического этапа в Северной Монголии. Небольшой комплекс горизонтов 6, 7 практически не содержит эти типы. Незначительное число выемчатых орудий может объясняться как спе-

циализированной деятельностью на стоянке, так и общими особенностями орудийных наборов. Вероятно, именно этим объясняется наиболее яркая специфическая черта инвентаря Харганын-Гол-5: два наиболее широко представленных типа орудий на всем южносибирском и центральноазиатском палеолитическом пространстве – скребки и скребла – представлены единичными образцами.

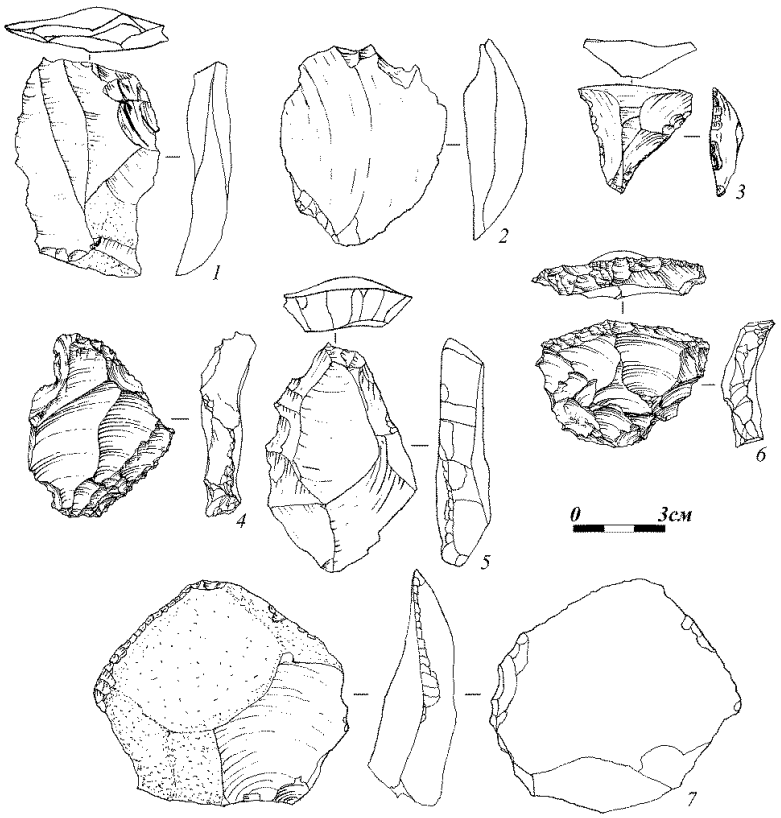

Рис. 2. ***Орудия горизонтов 4, 5, 7 стоянки Харганын-Гол-5. 1 – отщеп с ретушью (горизонт 5); 2 – шиповидное орудие (горизонт 4); 3 – шиповидное орудие (горизонт 5); 4 – выемчатое орудие (горизонт 4); 5, 6 – скребла (горизонт 4); 7 – скребло (горизонт 7)***

Скребла представлены по одному изделию в горизонтах 7 и 5. Все предметы не отличаются тщательностью обработки. Это продольные прямые дорсальные скребла, выполненные на отщепах (рис. 2, *7*). Два орудия были выделены в горизонте 4. Они имеют другую морфологию. Это конвергентное скребло высокой формы с обработкой на 2/4 периметра, изготовленное на обломке (рис. 2, *5*)и одинарное поперечное скребло, выполненное на целом крупном отщепе (рис. 2, *6*).

Скребки представлены только в горизонте 4 (1 экз.) и 5 (3 экз.). В горизонте 4 концевой скребок оформлен на дистальном фрагменте пластины. Лезвие выполнено на дистальном окончании полукрутыми сколами и дополнительно подправлено чешуйчатой краевой ретушью (рис. 3, *1*). Подобные скребки на пластинах широко представлены на памятниках толборской группы. В горизонте 5 концевой скребок выполнен на крупном первичном отщепе, рабочий край занимает незначительную часть заготовки и оформлен с помощью крутых сколов и отвесной параллельной ретушью (рис. 3, *2*). Боковой скребок высокой формы, напоминающий кареноидное изделие, оформлен на отщепе серией параллельных микропластинчатых снятий, по негативам которых была нанесена крутая среднефасеточная субпараллельная ретушь (рис. 3, *3*). Скребок с носиком имеет подтреугольную форму, изготовлен на фрагменте отщепа, рабочий край оформлен на узком конце изделия с помощью мелкой отвесной параллельной ретуши.

Памятник Харганын-Гол-5 характеризуется широким типологическим рядом *перфорирующих орудий*. Наряду с шиповидными изделиями в значительном количестве в горизонте 5 и, в несколько меньшем количестве, в горизонте 4 представлены специализированные проколки и провертки.

Провертка отличается более мелкими размерами и сильно выступающим массивным краем, в отличие от шиповидных орудий, где рабочий элемент мог быть достаточно плоским. Проколка имеет более острый, сильно выступающий перфорирующий край и, как и провертка, мелкие размеры. Заготовками этих орудий, как правило, служили фрагментированные отщепы и пластинки, рабочий элемент оформлялся на углу поперечного и продольного краев. Наиболее часто провертки и проколки оформлялись сколами и мелкой краевой ретушью, реже – ретушированным анкошем, чешуйчатой или параллельной ретушью (рис. 3, *4–6*). Следует отметить, что при высоком содержании шиповидных орудий в горизонтах 5, 6 стоянки Толбор-4 и горизонтах 6, 7 и 5 стоянки Толбор-15, там отсутствуют проколки и провертки.

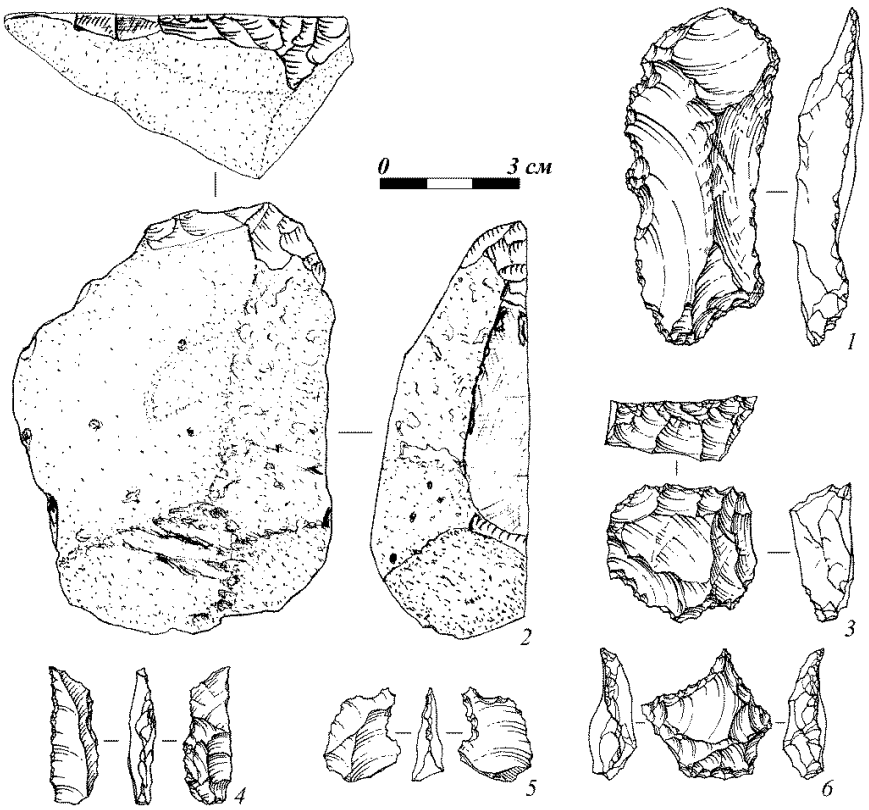

Рис. 3. ***Орудия горизонтов 4, 5 стоянки Харганын-Гол-5. 1, 3 – концевые скребки (горизонт 4); 2 – концевой скребок (горизонт 5); 4 – 6 – проколки (горизонт 4)***

Резцы являются категорией, представленной во всех горизонтах, кроме слоя 6. Наибольший интерес представляют срединные ретушные резцы из гор. 4 и 5. Орудия данного типа, как правило, оформлялись на дистальном окончании пластинчатой заготовки (рис. 4, *1, 2*). С вентральной поверхности, ударом по центру дистального или проксимального окончания, снимался резцовый скол. Не фрагментированная часть окончания оформлялась чешуйчатой краевой лицевой ретушью, заострявшей образовавшийся рабочий край. Ретушь могла быть однорядной или двурядной, от крупно- до мелкофасеточной крутой или полукрутой. Угловые резцы были обнаружены в горизонтах 5 (рис. 4, *3*) и 7 (рис. 4, *4*). Первое изделие изготовлено из массивного отщепа, а второе сделано из фрагмента пластины. Резцовые сколы наносились по краям заготовок, на одном из орудий они были нанесены по ретушированному краю.

В отдельную категорию выделяются *резцы-нуклеусы*, обнаруженные в горизонте 4. Для одного изделия заготовкой послужил краевой скол пластинчатых пропорций. На противоположных концах предмета изготовлены две ударных площадки, скошенных в сторону латерали нуклеуса, край основной ударной площадки подправлен мелкими обратными сколами. С нее произведено снятие нескольких пластинок на торце заготовки. С нижней противолежащей ударной площадки было произведено два снятия (рис. 4, *7*). Другой нуклеус-резец изготовлен на массивной краевой пластине с галечным обушком, дистальное окончание, также покрытое естественной коркой, послужило ударной площадкой для снятий, производившихся по латерали пластины (рис. 4, *6*).

Также в горизонте 4 присутствует единственное во всей коллекции *симметричное острие*. Оно оформлено на проксимальном окончании пластине с помощью сплошной полукрутой и крутой параллельной ретушью по обоим маргиналам. Пластина была преднамеренно фрагментирована, место слома отретушировано эпизодической крутой чешуйчатой мелкофасеточной ретушью (рис. 4, *5*).

Орудия с поперечной вентральной подтеской дистального окончания являются маркирующим типом изделий в комплексах раннего верхнего палеолита на памятниках Толбор-4 и Толбор-15. На стоянке Харганын-Гол-5 этот тип представлен единственным экземпляром в горизонте 4. Предмет представляет собой дистальный фрагмент пластины, поперечный край которой подработан мелкими продольно-поперечными плоскими сколами. Тем не менее, в коллекции есть изделия с вентральной подтеской, не имеющие устойчивой морфологии, в связи с чем, они были отнесены к *оригинальным орудиям*, например *орудие* с вентральной подтеской поперечных краев, которое также относится к горизонту 4. Другое оригинальное изделие обнаружено в горизонте 7. Оно представляет собой орудие с вентральной подтеской проксимального окончания на отщепе треугольной формы (рис. 5, *1*). В отдельную категорию был выделен *нож* из горизонта 5. Он выполнен на удлиненном отщепе, обушок ножа был оформлен на продольном краю притупляющей ретушью.

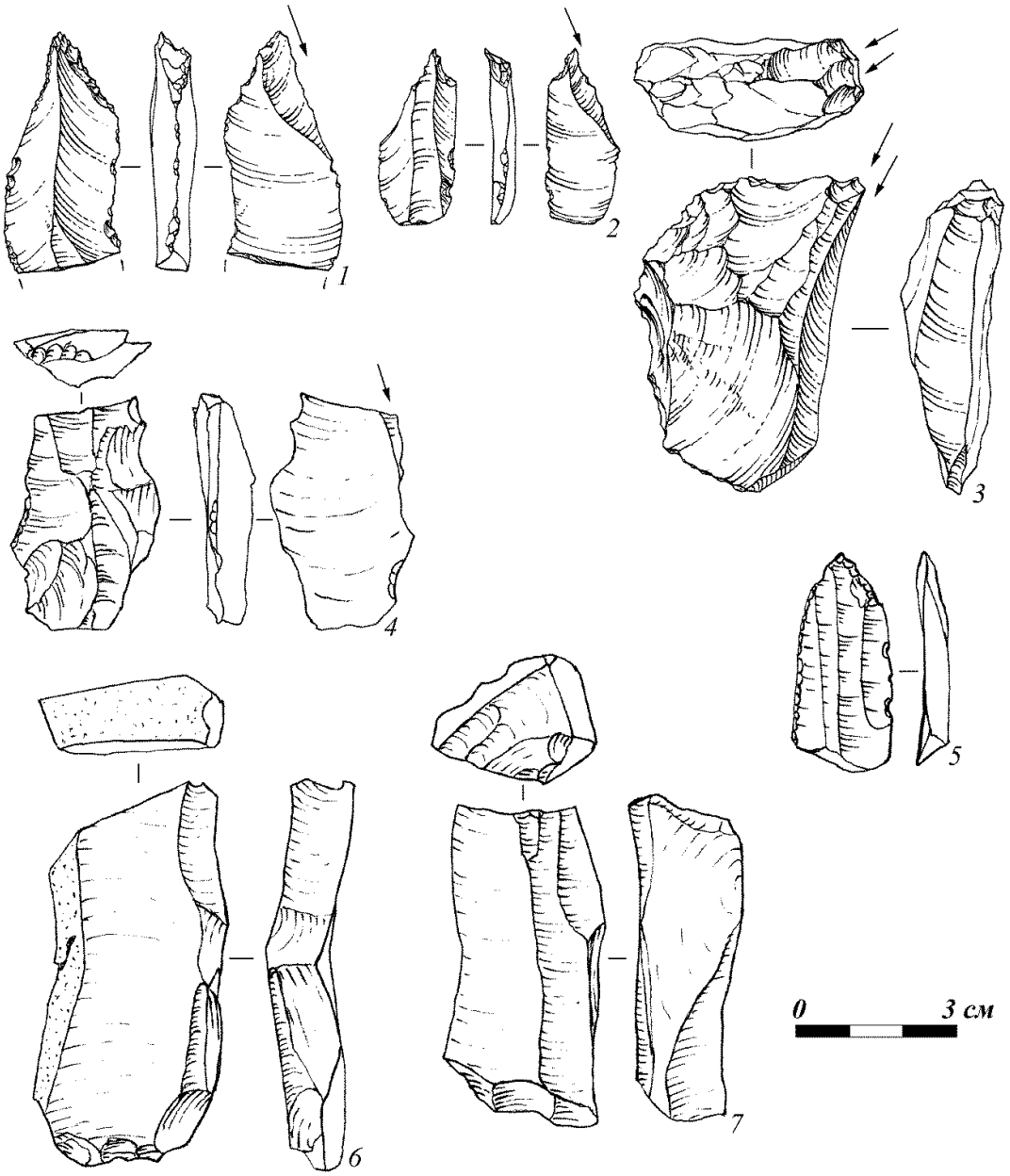

Рис. 4. ***Орудия горизонтов 4, 5, 7 стоянки Харганын-Гол-5. 1, 2 – резцы (горизонт 4); 3 – резец (горизонт 5); 4 – резец (горизонт 7); 5 – симметричное острие (горизонт 4); 6, 7 – резцы-нуклеусы (горизонт 4)***

Комбинированные орудия на стоянке Харганын-Гол-5, как и на памятниках толборской группы, представлены преимущественно сочетанием скребков и шиповидных орудий. Наибольший интерес в этой категории представляет изделие из горизонта 6 на леваллуазском отщепе со слабоконвергентной огранкой (рис. 5, *2*). Другое орудие из этого горизонта представляет собой сочетание скребла и шиповидного изделия. В горизонте 5 присутствуют два комбинированных орудия, сочетающих элементы скребка и шиповидного изделия (рис. 5, *3, 4*).

Две отдельные категории составляют изделия, которые функционально можно отнести к орудиям для грубой обработки: струги и скобели. *Скобели* оформлялись на крупных обломках, отщепах или утилизованных и фрагментированных нуклеусах (рис. 5, *5, 6*). Лезвие у этих предметов вогнутое, оформлялось мелкими сколами и дополнялось чешуйчатой ретушью. *Струги* имеют угол рабочего лезвия <75°, что позволяет внести их в категорию орудий, а не ядрищ. В сечении они плосковыпуклые, в плане – овальные, и различаются только протяженностью и интенсивностью обработки рабочего края, оформлявшегося крупными сколами и, иногда, подправленного чешуйчатой или параллельной ретушью (рис. 6, *3*).

В горизонте 6 присутствует единственный во всей коллекции *атипичный леваллуазский остроконечник с ретушью* (рис. 6, *7*). Он имеет ассиметричные треугольные очертания, выпуклую площадку, которая занимала значительную часть площадки нуклеуса. Огранка дорсального фаса однонаправленная конвергентная. В центре скола находится негатив треугольного снятия, окаймленного двумя негативами, имеющими конвергентное направление. Один из продольных краев изделия обработан полукрутой параллельной ретушью.

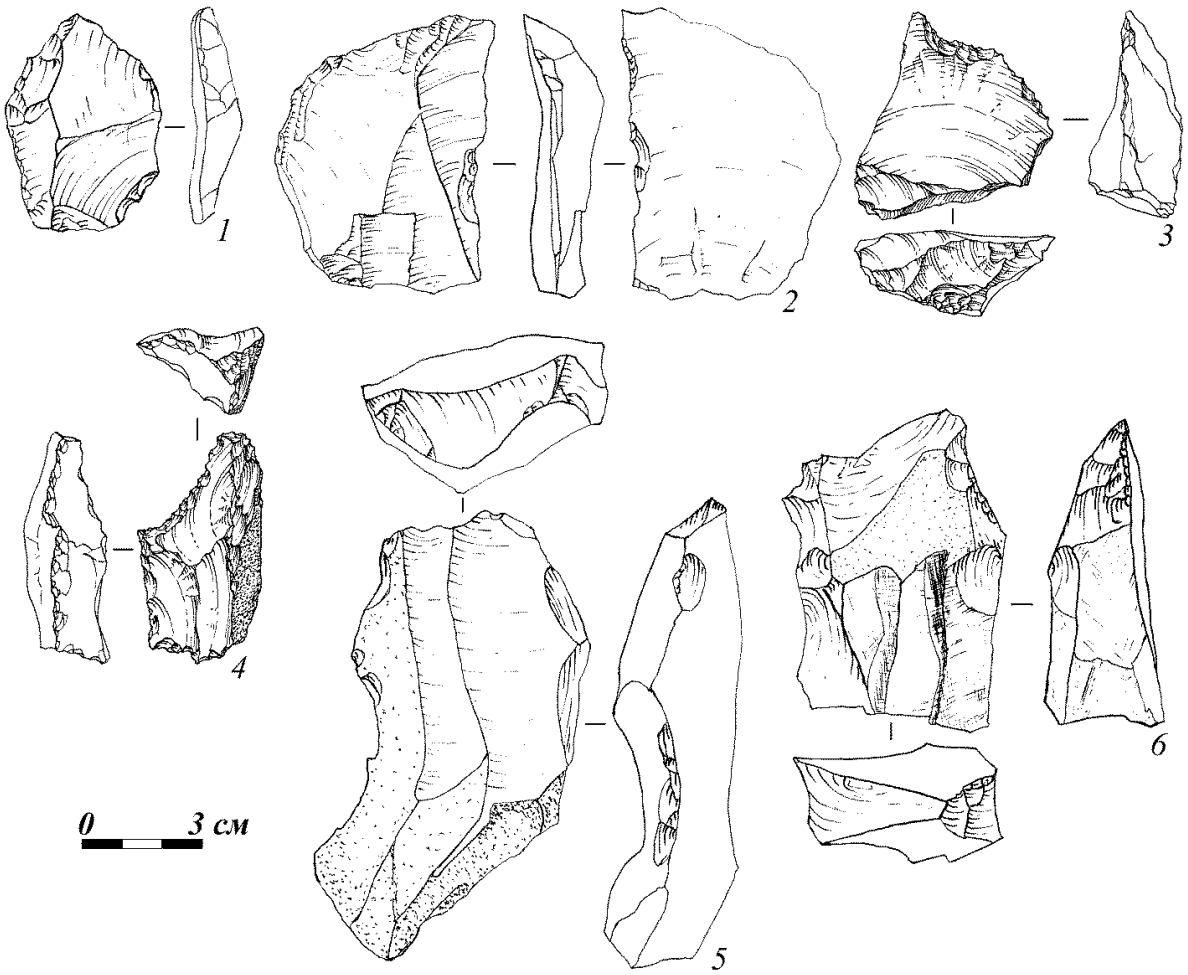

Рис. 5. ***Орудия горизонтов 4 – 7 стоянки Харганын-Гол-5. 1 – орудие с вентральной подтеской (горизонт 7); 2 – комбинированное орудие (горизонт 6); 3, 4 – комбинированные орудия (горизонт 4); 5 – скобель (горизонт 4); 6 – скобель (горизонт 5)***

В горизонте 5 присутствует серия (5 экз.) значимых для стадии раннего верхнего палеолита типов орудий – *пластинок с притупленным ретушью краем*. Все, кроме одной, фрагментированы. Предметы имеют стандартное оформление: ширина изделия составляла 8 мм, по одну из краев наносилась отвесная чешуйчатая или параллельная ретушь (рис. 6, *1, 2*).

Крайне необычно в комплексе горизонта 4 выглядят пластины с *диагональным усечением* (рис. 6, *5, 6*). Обработанные отвесной ретушью, формирующей скошенные поперечные края, они напоминают по своей морфологии геометрические микролиты – трапеции. Кроме того, в этом же комплексе имеются две пластинки с поперечным усечением (рис. 6, *4*). У изделий этого типа сначала совершалась преднамеренная поперечная фрагментация, а затем место слома ретушировалось. Типологически соответствующие трапециям, данные изделия не имеют аналогий в комплексах раннего верхнего палеолита Северной Монголии. В горизонте 4 присутствуют *пластина и пластинка с черешком*. Оба предмета фрагментированы, черешок оформлялся сколами и чешуйчатой ретушью.

При оформлении орудий применялись устойчивые способы ретуширования. Ретушь во всех рассматриваемых горизонтах преобладает чешуйчатая, реже встречается параллельная, и совсем редко – ступенчатая. Распространенными приемами при оформлении орудий фоновых групп – шиповидных и выемчатых изделий является анкош, как клектонский, так и ретушированный. Кроме того, широко использовались специфические приемы вторичной обработки. Распространена преднамеренная фрагментация заготовок, особенно часто этот прием фиксируется в комплексе горизонта 4. Точка удара при фрагментации располагалась в центре заготовки на вентральной, реже на дорсальной поверхности. Иногда фрагментация производилась боковым ударом по продольному краю заготовки. Чаще фрагментация встречается среди пластин и пластинок. Также применялась оббивка, в основном при оформлении проверток, проколок, концевых скребков, орудий на сколах для уплощения предмета и/или придания ему формы, а также являлась первой стадией при формировании рабочего края у стругов и скобелей, причем для первых она могла быть единственным способом обработки.

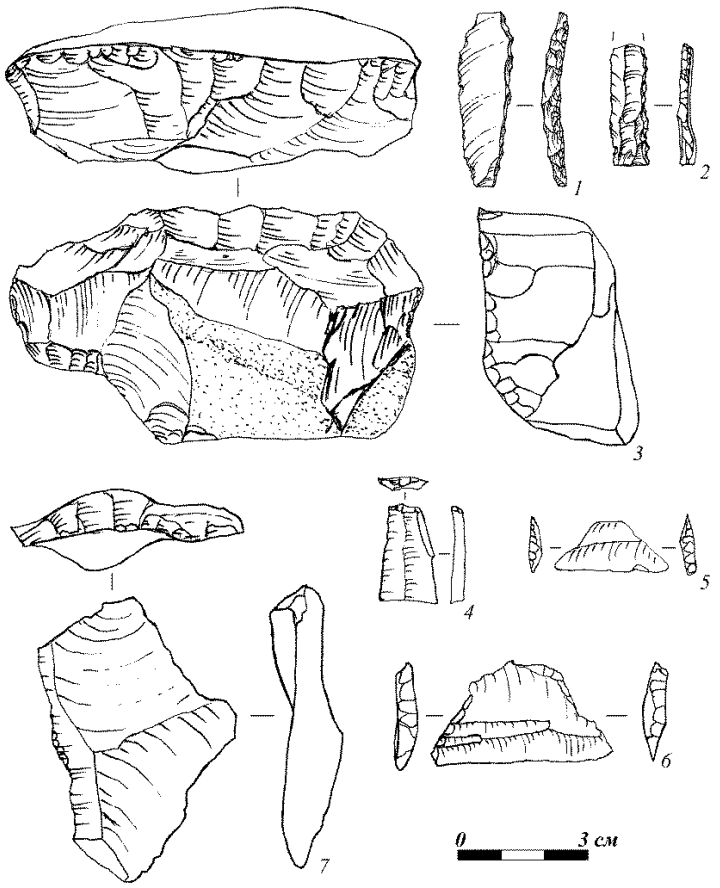

Рис. 6. ***Орудия горизонтов 4 – 6 стоянки Харганын-Гол-5. 1, 2 – пластинки с притупленным краем (горизонт 5); 3 – струг (горизонт 4); 4 – пластинка с поперечным усечением (горизонт 4); 5, 6 – трапециевидные сегменты (горизонт 4); 7 – атипичный леваллуазский остроконечник (горизонт 6)***

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ показывает, что орудийный набор двух нижних горизонтов 6, 7 стоянки Харганын-Гол-5 довольно заметно отличается от наборов вышележащих горизонтов. Есть типы орудий, которые были характерны только для комплексов этих горизонтов, и, напротив, только для коллекций из горизонтов 4, 5. Так, леваллуазские изделия, при их небольшом количестве, встречены только в горизонтах 6, 7, где, в свою очередь, отсутствуют верхнепалеолитические формы. Струги, скребки, проколки и проверткы, орудия на пластинках, характерные для верхнего палеолита, становятся распространенными в горизонтах 4, 5. Наиболее устойчивыми типами для индустрии верхних горизонтов 4 и 5 стоянки Харганын-Гол-5 являются – пластинки с притупленным ретушью краем (слой 5) и срединные ретушные резцы (слои 4, 5). Орудийный набор горизонта 4 приближается по своим характеристикам к раннему верхнему палеолиту, в месте с тем, здесь представлены элементы, фиксирующиеся и в начальном верхнем палеолите. К специфическим типам, характерным для орудийного набора этого технокомплекса относятся резцы-нуклеусы, орудие с вентральной подтеской дистального окончания и симметричное острие. В комплексе горизонта 5 также имеются в наборе орудия-маркеры начального этапа верхнего палеолита – пластинки с притупленным краем, соседствующие с леваллуазскими элементами в первичном расщеплении. Объединяет эти горизонты и серия срединных ретушных резцов. В целом это типичный индустриальный комплекс начального этапа верхнего палеолита в том виде, в каком он появился на памятниках толборской группы в результате предполагаемых инфильтраций населения с территории Горного Алтая. В то же время, коллекции слоев 6, 7 не имеют общих маркирующих типов с вышележащими горизонтами, в их инвентаре сочетаются леваллуазские изделия и типы, широко распространенные в верхнем палеолите, но появляющиеся уже в финале среднего палеолита: резец и шиповидные орудия. Вероятно, материалы горизонта 5 является ключевыми для понимания процессов эволюции технологии расщепления и инвентаря и роли в них инфильтраций населения, поскольку именно во время его формирования появляются инновационные формы, не связанные с нижележащими горизонтами – целенаправленное производство пластинок, новые типы орудий-маркеров, но при этом сохраняется преемственность ряда технологических стратегий.

Следует отметить, что при наличии общих черт с индустриями начального верхнего палеолита толборского комплекса, все же нельзя говорить об их идентичности с материалами стоянки Харганын-Гол-5. На общем фоне палеолита региона харганынский технокомплекс выглядит довольно своеобразно. Структура орудийного набора отличается весьма заметно – такие распространенные и развитые в толборском комплек-

се формы орудий, как концевые скребки, скребла, разнообразные острия и крупные ретушированные пластины либо отсутствуют в коллекции стоянки Харганын-Гол-5, либо представлены в единичных, морфологически атипичных изделиях. Вероятно, следует предполагать, что эти особенности явились результатом своеобразного первичного расщепления, имеющего выраженную специфику. Каменное сырье было невысокого качества, его внутренняя структура отличалась плитчатостью и малыми размерами, что не позволяло производить крупные орудия, обработка которых зачастую отличалась небрежностью. Те же самые особенности плитчатого сырья могли способствовать ориентации на утилизацию мелких нуклеусов для пластинок. Все это нашло свое отражение в относительно небольших размерах орудий стоянки Харганын-Гол-5. В целом, орудийный набор комплекса, как кажется, отражает его функциональную особенность памятника, как кратковременного охотничьего лагеря, при использовании ограниченного по своим возможностям источника каменного сырья.

Анализ орудийных комплексов из горизонтов 4 – 7 памятника Харганын-Гол-5 позволил показать наличие финально-среднепалеолитической индустрии, которая замещается комплексом начального верхнего палеолита. При этом не исключается и взаимодействие этих культурных традиций, что находит свое отражение в материалах культурного горизонта 5 памятника. Учитывая очень поздний (в пределах среднего палеолита) возраст коллекции горизонта 6 стоянки Харганын-Гол-5, данная картина создает совершенно новую для палеолита региона проблемную ситуацию.

Литература

1. Гладышев С. А., Олсен Дж., Табарев А. В., Кузьмин Я. В. Хронология и периодизация верхнепалеолитических памятников Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии, 2010. № 3(43). С. 35 – 42.

2. Рыбин Е. П., Шелепаев Р. А., Хаценович А. М. Исследования источников каменного сырья палеолитических объектов долин рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол в Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2014 года. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 87 – 91.

3. Деревянко А. П., Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Гунчинсурэн Б., Олсен Д. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и Толбор-15) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4(56). С. 21 – 37.

4. Rybin E. P. Tool, beads and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quaternary International, 2014. № 347. P. 39 – 52.

5. Zwyns N., Gladyshev S., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Flas D., Dogandzic T., Tabarev A., Gillam J.C., Khatsenovich A., McPherron Sh., Odsuren D., Paine C., Purevjal Kh., Stewart J. The open-air site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): Preliminary results and perspectives // Quaternary International, 2014. № 347. P. 53 – 65.

Информация об авторах

Хаценович Арина Михайловна – младший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск), ada1985@yandex.ru.

Arina M. Khatsenovich – Junior Research Associate at the Laboratory for Humanities, Scientific Research Division, Novosibirsk National Research State University.

Рыбин Евгений Павладьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), rybep@yandex.ru.

Evgeny P. Rybin – Candidate of Historiy, Senior Research Associate at the Department of Stone Age Archaeology, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Гладышев Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), старший научный сотрудник, paleomongolia@yandex.ru.

Sergey A. Gladyshev – Candidate of History, Senior Research Associate at the Department of Stone Age Archaeology, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Маркин Сергей Васильевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), markin@archaeology.nsc.ru.

Sergey V. Markin – Doctor of History, Chief Research Associate at the Department of Stone Age Archaeology, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

УДК 902 + 903.26(571.1)

ОБ ОДНОЙ ГИПОТЕЗЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛАЙСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ

Ю. П. Чемякин

A HYPOTHESIS FOR THE ORIGIN OF KULAIKA CULT DECORATIVE METAL

Yu. P. Chemyakin

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта № 14-06-00287а «Металлургия горно-лесного Урала в раннем железном веке».

В статье анализируется гипотеза о влиянии наскального искусства Саяно-Алтая на становление кулайской культовой металлопластики. Краткий обзор бронзового литья из разных регионов кулайской культурно-исторической общности показывает, что его корни лежат в местных традициях, прослеживаемых вплоть до энеолита. Появление же петроглифов в кулайском стиле на берегах р. Томи может свидетельствовать о миграциях кулайского населения в этот регион или о контактах с кулайским миром.

The paper examines the hypothesis about the influence of rock art of the Sayano-Altai mountains on the formation of Kulaika cult metal. A brief overview of bronze casting from different regions of the Kulaika cultural-historical community shows that its roots lie in the local tradition, traceable up to the Bronze Age. The appearance of petroglyphs in Kulaika style on the banks of the Tom river may indicate the migration of Kulaika population in the region or thecontacts with Kulaika world.

Ключевые слова: кулайская культура, металлопластика, петроглифы Саяно-Алтая.

Keywords: Kulaika culture, cult decorative metal, petroglyphs of the Sayano-Altai mountains.

Десять лет назад юбиляр предположил, что на возникновение кулайского ажурного литья могли оказать влияние петроглифы Саяно-Алтая. «Создатели образов из бронзы в «петроглифической» манере должны были неоднократно видеть наскальные изображения… Не исключено, что создатели своеобразного, плоского художественного литья когда-то и сами имели святилища с изображениями на скалах» [1, с. 312]. Еще раньше близкий взгляд на связь петроглифов с ажурным кулайским литьем выразил А. И. Соловьев [16]. В. В. Бобровым были выдвинуты следующие тезисы:

1) возникновение кулайской культуры и ее искусства (V – IV вв. до н. э.) совпало с бурными демографическими процессами в районах Южной Сибири, с активными историческими событиями в Евразийском поясе степей и Передней Азии;

2) в кулайской металлопластике достаточно высокий процент (около половины) связан с изображением образов лося и хищников; также многочисленны орнитоморфы, что по содержанию близко скифо-сибирскому искусству звериного стиля;

3) нигде в Евразийском пространстве лесной полосы не сложилось такого «петроглифизированного» искусства мелкой пластики, как в тайге Западносибирской равнины;

4) кулайцы, скорее всего, сохранили навыки и технические приемы нанесения изображений на камне, о чем свидетельствуют петроглифы р. Томи [1, с. 312].

Представляется, что, говоря о кулайской культуре, В. В. Бобров имел в виду в первую очередь ее нарымский вариант, материалы которого послужили Л. А. Чиндиной основой для характеристики кулайской культурно-исторической общности (КИО) в целом, в том числе для решения вопросов о генезисе культуры, ее эволюции, миграциях и т. п. [26]. Ее работа во многом предопределила дальнейшее изучение кулайской археологической культуры (АК). По мнению Л. А. Чиндиной, расселение «кулайцев» по Приобью, выразившееся в появлении саровских комплексов и прежде всего керамики на широкой территории, свидетельствует о сложении «кулайской историко-культурной общности» [26, с. 174; 27, с. 410].

В Томском и Новосибирском Приобье, куда, по современным представлениям, мигрировала часть кулайского населения, были выделены локальные варианты кулайской АК [13; 15; 18]. Сложнее ситуация в Среднем Прииртышье, где одними авторами выделяется среднеиртышская АК [25, с. 223 – 224; 9; 10], другими – спирановский этап потчевашской АК [4], третьи полагают, что сегодня нет оснований для выделения особой культуры, и считают ее кулайской саровской [3], но всеми признается ее пришлый характер. Когда в Сургутском Приобье были открыты и изучены памятники, содержавшие «кулайскую триаду» (керамику, украшенную фигурными штампами, в т. ч. «уточкой», оружие, включая наконечники стрел «кулайского типа», и культовое литье), они также были отнесены к кулайской культуре. Позже были выявлены отличия сургутских древностей от нарымских, и возникло представление о сургутском варианте кулайской АК. В отличие от вышеназванных, он имеет местный генезис и может рассматриваться как самостоятельная культура в границах кулайской КИО [22, с. 78 – 94]. Похожая картина вырисовывается в Кондинском крае и Нижнем Приобье, где уже в эпоху бронзы и начале раннего железного века возникла подоснова (в виде культурных типов памятников), подобная той, на какой сформировались кулайские древности Среднеобья.

На мой взгляд, примерно на рубеже IV – III вв. до н. э. в таежной зоне Западной Сибири складываются культуры, определяемые нередко как *локальные вари-*

анты кулайской культуры (точнее – общности) [21]. Ареал кулайской КИО в значительной степени совпадает с ареалом культур керамики с гребенчато-ямочным орнаментом эпохи поздней бронзы. По-видимому, корни первой уходят в КИО «гребенчато-ямочной керамики». Именно генезисом кулайских культур, в первую очередь, а не миграциями, может объясняться та гигантская территория, на которой изначально формируется кулайская КИО.

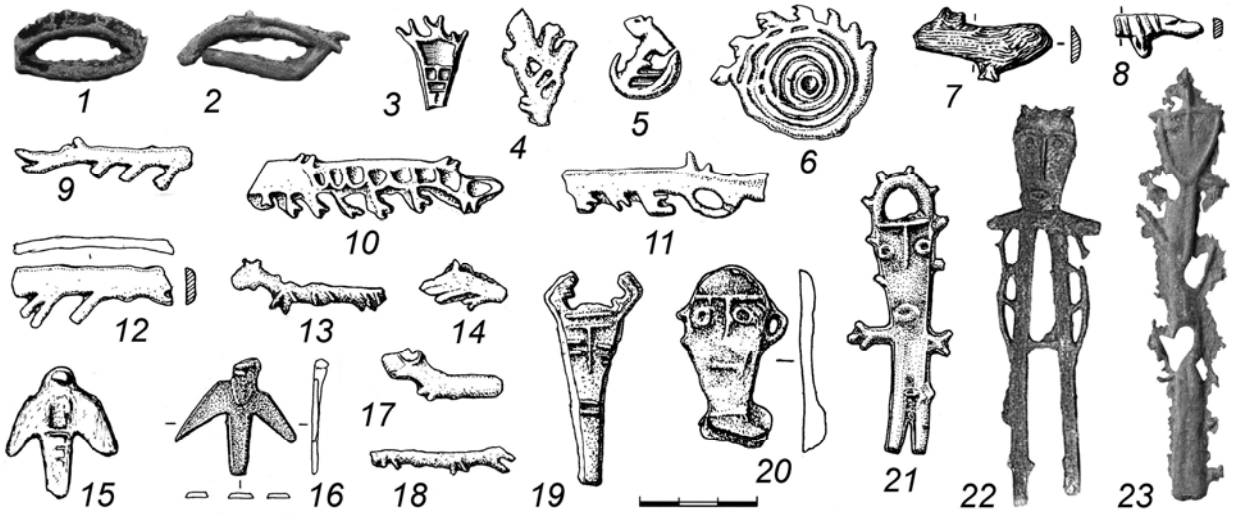

Рис. 1. ***Металлопластика эпохи бронзы и начала железного века из Сургутского Приобья: 1 – 2 – сел. Мохтикъёган 8; 3, 7 – гор. Барсов городок I/3; 4 – 6, 10 – 11, 15, 17 – сел. Барсова гора III/49 (объект 161); 8 – гор. Барсов городок III/1; 9, 20 – 21 – сел. Барсова гора IV/10; 12 – сел. Барсова гора III/22; 13, 18 – сел. Барсова гора I/21; 14 – пос. Барсова гора III, объект 240; 16 – сел. Барсова гора III/72; 19 – сел. Барсова гора III/19; 22 – гор. Стрелка; 23 – сел. Мохтикъёган 4 (1 – 2, 23 – по Е. В. Переваловой, К. Г. Карачарову; 22 – по О. В. Кардашу, Т. М. Пономаревой)***

Представления о кулайском культовом литье, или кулайской металлопластике, также сложились на основе находок в Томско-Нарымском Приобье. В свое время В. Н. Чернецов, не представляя кулайскую керамику, рассматривал «плоское и ажурное литье с их стилистическими особенностями… как западный и восточный варианты одного и того же явления» [24, с. 175 – 176]. Согласно взглядам Л. А. Чиндиной, для ранних изделий характерны плоское одностороннее литье, ажурность, стилизованность, скелетный стиль… [26, с. 40]. В одной из последних обобщающих работ, посвященных кулайскому литью, Ж. Н. Труфанова также ограничилась анализом находок из Томско-Нарымского, Новосибирского и Барнаульского Приобья, которые она объединила понятием «Верхнее Приобье» [19, с. 13]. При этом она отметила, что материалы с территорий Сургутского Приобья, Среднего и Нижнего Прииртышья «несравнимы с верхнеобскими в количественном отношении» и существенно отличаются от них в морфологическом отношении. Соглашаясь со вторым утверждением, отмечу, что сегодня в Сургутском Приобье найдено такое же количество ранней металлопластики, как и в Нарымском [23]. И в этой связи встает вопрос – можно ли считать сургутское литье кулайским? Учитывая, что практически все археологи согласны с тем, что этот регион входил в ареал формирования культуры [26, с. 118], следует признать кулайским и местное литье.

В отличие от Нарымского Приобья, в Сургутском значительное число бронзовых поделок происходит из раскопок, то есть документированы. Поэтому здесь легче проследить эволюцию металлопластики. Самые ранние ее образцы датируются эпохой бронзы. С Сайгатино VI происходит литейная форма, предположительно, антропоморфа в круге [6, рис. 4 – *2*]. Небольшие ажурные абстрактные поделки, напоминающие овалы с короткими отростками на одной из сторон, найдены на атлымском поселении в бассейне Агана (рис. 1 – *1-2*) [12, с. 50]. Следующая серия изделий (21 экз.) связана с белоярской культурой, предшествовавшей кулайской. Это также небольшие фигурки, среди которых преобладают зооморфы, есть также антропоморфы и орнитоморфы (рис. 1 – *3-23*). Все изделия выполнены в технике одностороннего плоского литья с незначительным рельефом, ажурность среди них минимальная. Интересно, что на восточной и южной окраинах региона, в бассейнах р. Аган и Большой Юган, изделия несколько крупнее и ажурнее. Антропоморф, найденный на городище Стрелка [5, ил. 6], близок напасским, но меньше их в 2 – 2,5 раза (рис. 1 – *22*). Собственно кулайские поделки значительно уступают нарымским по размерам, среди них намного меньше ажурных, различаются и сюжеты. Таким образом, сургутская кулайская металлопластика отличается по ряду показателей от нарымской и имеет свои корни, уходящие в эпоху бронзы.

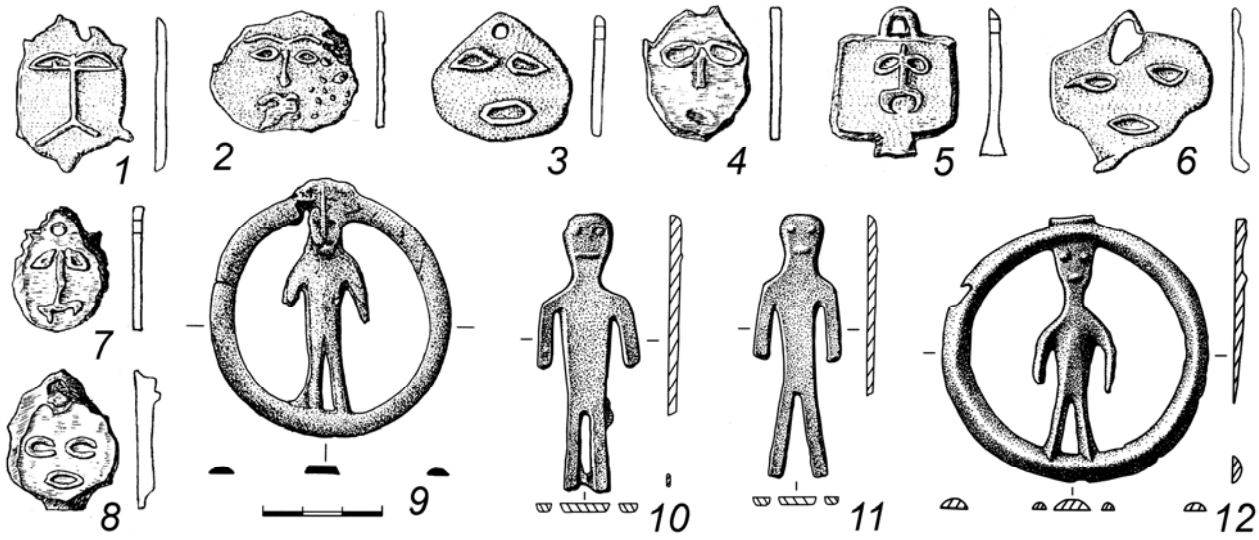

Рис. 2. ***Металлопластика эпохи бронзы и начала железного века из Среднего Прииртышья: 1 – 8 – гор. Старый Погост; 9 – мог. Черноозерье I; 10 – 12 – мог. Боровянка XVII (1 – 8 – по В. А. Могильникову; 9 – по В. И. Стефанову; 10 – 12 – по Л. И. Погодину, А. В. Полеводову, А. Я. Труфанову)***

Оригинальна металлопластика усть-полуйской культуры. Ее генезис еще не стал предметом специальных исследований, но отметим, что в этом регионе также известно культовое литье эпохи поздней бронзы [2, с. 190]. Металлопластика бронзового или начала железного веков известна и в Среднем Прииртышье (могильники Боровянка XVII, Черноозерье I, городище Старый Погост). И хотя могильники относятся к андроновскому миру (рис. 2 – *9-12*), влияние этого мира на культуру населения лесной полосы очевидно [17, с. 116; 14, с. 202]. Своеобразны личины с городища Старый Погост, «которые… входят в круг бронзового плоского зоо- и антропоморфного литья населения лесной полосы Западной Сибири VII – VI – IV – III вв. до н. э., обнаруживая наибольшее сходство, но не тождество с фигурками из Тарско-Тобольского Прииртышья, Нижнего Приобья и лесного Зауралья» [11, с. 119] (рис. 1). Они датируются предкулайским временем, но, при всей оригинальности, выполнены по канонам, характерным для кулайского литья (рис. 2 – *1-8*).

Беглый обзор металлопластики из таежных районов распространения кулайских культур показывает, что культовое литье появляется здесь уже в бронзовом веке и существует в начале эпохи раннего железа, в предкулайский период. А прототипы ряда иконографических образов, в том числе в скелетном стиле, можно увидеть даже в рисунках на энеолитической керамике урало-сибирского региона (рис. 3) и на уральских писаницах. Повсеместно в западносибирской тайге складывается система миропонимания и религиозные представления, при которых в обрядовой практике были задействованы бронзовые отливки. Мне неизвестны таковые только в Нарымском Приобье, но и тут корни бронзового литья эпохи раннего железа видят, в том числе, в самусьских древностях [7, с. 43; 8 и др.]. Я убежден, что и в этом регионе будут открыты предкулайские памятники с культовыми изделиями из бронзы.

Поэтому логично предположить, что не знакомство с петроглифами Саяно-Алтая повлияло на становление кулайского искусства, а наоборот, контакты с кулайским миром привели к появлению «кулайских» образов на скалах р. Томи. В пользу этого указывает и единичность приписываемых «кулайцам» петроглифов, и малочисленность их образов, в отличие от металлопластики. Не исключено непосредственное появление здесь представителей кулайских общин, и возможное изменение или расширение их традиционных ритуальных действий под влиянием местных обрядовых практик у подножья гор. А традиционные ритуалы маркируются такими памятниками, как Елыкаевский клад, Айдашинская пещера, Ишимская коллекция в предгорьях Кузнецкого Алатау и Восточных Саян, «клад» ажурного литья, найденный мародерами от археологии где-то в Хакассии [20].

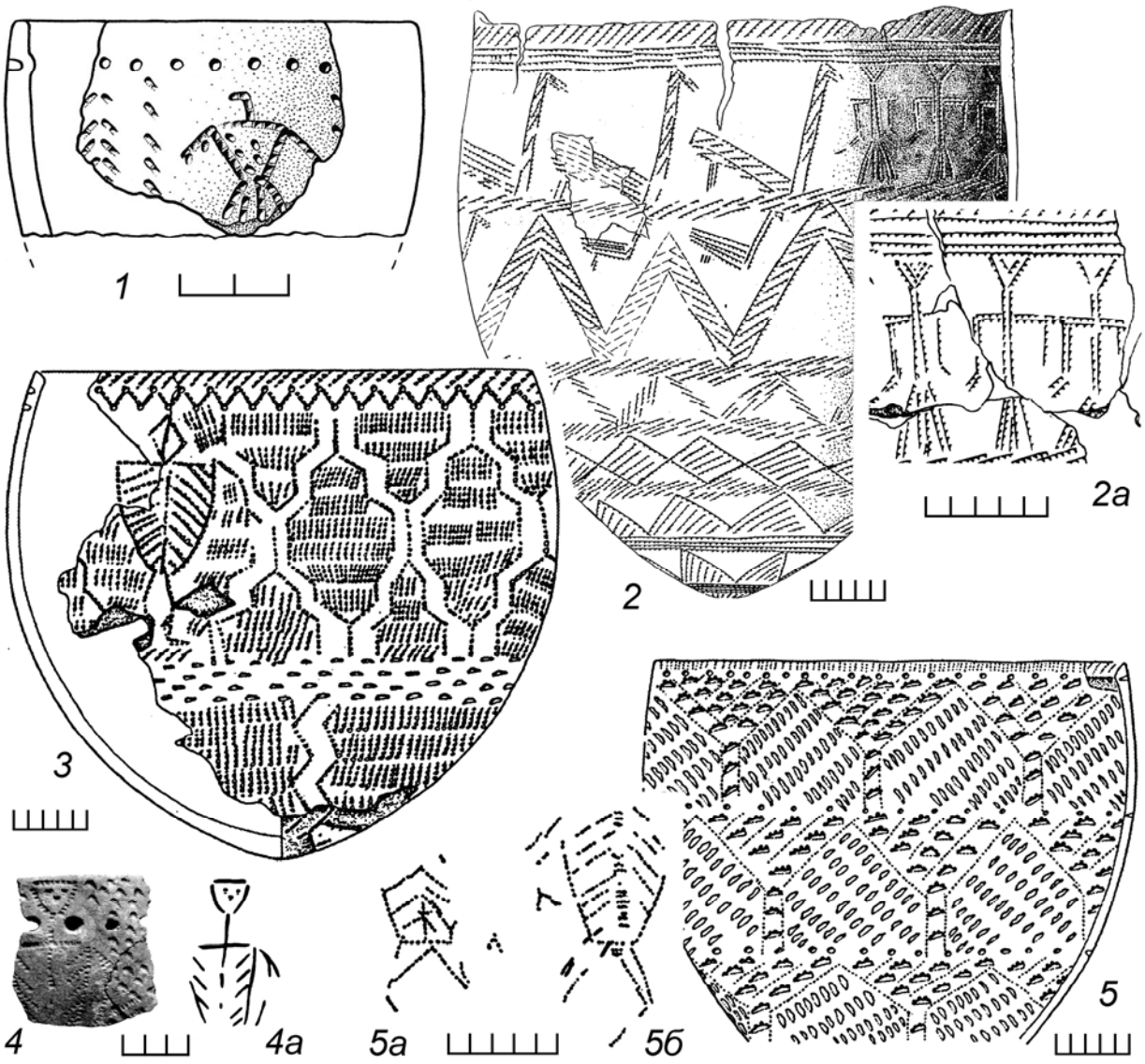

Рис. 3. ***Энеолитические сосуды с орнито- и антропоморфными изображениями с памятников Урала и Западной Сибири: 1 – мог. Боровянка XVII; 2 – пос. Палатки I; 3, 5 – пос. Волвонча I (5а, 5б – рисунки на внутренней стороне сосуда); 4 – пос. Старый Хангокурт II (1 – раскопки Л. И. Погодина; 2 – по В. Д. Викторовой; 3 – 5 – по С. Ф. Кокшарову)***

Литература

1. Бобров В. В. Петроглифы Сибири и кулайская металлопластика // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: мат-лы тематич. науч. конф. (СПб., 1 – 4 декабря 2004 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 309 – 313.

2. Васильев Е. А. Исследования в Нижнем Приобье // АО-1981. М.: Наука, 1983. С. 189 – 190.

3. Данченко Е. М. К вопросу о среднеиртышской культуре раннего железного века // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 59 – 62.

4. Елагин В. С., Молодин В. И. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.

5. Кардаш О. В., Пономарева Т. М. Аварийные археологические раскопки на городище Стрелка в Сургутском районе ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей. Томск – Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 312 – 321.

6. Кокшаров С. Ф., Чемякин Ю. П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 43 – 52.

7. Косарев М. Ф. О некоторых обских орнаментах // КСИА, 1964. Вып. 101. С. 44 – 48.

8. Матющенко В. И. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV // СА, 1961. № 4. С. 266 – 269.

9. Могильников В. А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 172 – 190.

10. Могильников В. А. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 84 – 92.

11. Могильников В. А. Предметы бронзового литья с городища Старый Погост // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. № 3. С. 114 – 121.

12. Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия "ГРАФО", 2006. 352 с.

13. Плетнева Л. М. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 51 – 58.

14. Погодин Л. И., Полеводов А. В., Труфанов А. Я. Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровянка XVII // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург – Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 170 – 194.

15. Рыбаков Д. Ю. Томское Приобье в конце IV/III вв. до н. э. – IV в. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2014. – 24 с.

16. Соловьев А. И. К вопросу о художественном содержании кулайского «плоского» литья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 344 – 350.

17. Стефанов В. И. Забытая находка из Черноозерского могильника // СА, 2004. № 4. С. 114 – 118.

18. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.

19. Труфанова Ж. Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистико-иконографический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 26 с.

20. Филин Д. Кулайский комплекс из Хакасии // Домонгол. Альманах древней культуры и искусства. М.: Форум "Домонгол"; ООО "Альфа 2002", 2011. Вып. 2. С. 44 – 54.

21. Чемякин Ю. П. Кулайская культурно-историческая общность // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 376 – 403.

22. Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут – Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

23. Чемякин Ю. П. Культовая металлопластика раннего железного века Сургутского Приобья // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири. Томск: Том. гос. ун-т, 2013. Вып. 3. С. 372 – 386.

24. Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953а. № 35. С. 121 – 178.

25. Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953б. № 35. С. 221 – 241.

26. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

27. Чиндина Л. А. Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 404 – 421.

Информация об авторе:

Чемякин Юрий Петрович **–** кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, yury-che@yandex.ru.

Yury P. Chemyakin **–** Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World History, Ural State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.

ИСТОРИЯ

УДК 930.1.1:316.752

КОММУНАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА И ТВОРЧЕСТВО

С. Б. Бахитов

THE COMMUNAL ESTRANGEMENT OF LABOUR AND THE CREATIVE WORK

S. B. Bakhitov

Проблема отчуждения труда остается одной из самых актуальных. В России это отчуждение имеет свою историческую специфику. Изучение этой специфики, на наш взгляд, требует обращения к критическим исследованиям советского общества с использованием проблемно-историографического метода. В статье подробно рассматривается концепция «коммунального общества» А. А. Зиновьева и эволюция его взглядов под влиянием постсоветской реальности. Исследуется также концепция зарождения, развития и краха советского общества С. Г. Кара-Мурзы. Результатом краха советской системы и развития «новой экономики» Запада стал глобальный переход к капиталистическому сервисно-рентному способу производства, для которого характерно резкое усиление отчуждения труда. Рассматриваются также концепции развития творчества при современном капитализме, принадлежащие Х. Аренд и Р. Флориде. Статья позволяет путем проблемно-историографического обобщения выявить некоторые особенности отчуждения труда и творческой деятельности как в советском, так и в постсоветском обществе.

The problem of estrangement of labour is the most topical in our time. In Russia this problem has the historical specifics. The author of the paper examines A. A. Zinoviev's conception of "communal society" and the evolution of his views in the post-soviet time, describes S. G. Kara-Murza's conception of forming, development and collapse of the Soviet society. Contemporary capitalist society after the collapse of the Soviet communism is a capitalist service-rent society. In this society we can see the strengthening of the estrangement of labour. The author also examines the creative work in the contemporary capitalist society within R. Florida's and H. Arendt's conceptions. The problem-historiographical investigation discovers some historical specifics of the estrangement of labour and the creative work in the Soviet and post-Soviet societies.

Ключевые слова: отчуждение, коммунальное общество, коммунизм, сервисно-рентное общество, творчество.

Keywords: estrangement, communal society, communism, service-rent society, creative work.

Проблема отчуждения труда, впервые поставленная Г. В. Ф. Гегелем, приобретает особое значение у К. Маркса. В условиях капитализма деятельностное саморазвитие, по мнению К. Маркса, превращается в свою противоположность – в самоотчуждение [13, с. 91]. Важнейшим элементом отчуждения становится разделение труда в условиях промышленной революции: «По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей» [13, с. 50]. Отечественный автор Е. Я. Режабек, анализируя концепцию К. Маркса, отмечает: «Если в рамках системы ее взаимовосполняющие члены испытывают перманентное состояние недовоспроизводства, самообеднения внутренних потенций, то тем самым подрывается и сила их объединения: иначе говоря, система начинает клониться к упадку, дисфункциональные расстройства в содержании системы угрожают ей катастрофой» [15, с. 57].

Эта проблема весьма актуальна и для современной историографии, в т. ч. и с точки зрения ее использования в области исторического прогнозирования (если, конечно, нет религиозной веры в вечность капитализма – перед верой наука бессильна). Специфический вариант отчуждения труда, на наш взгляд, начал складываться после победы коммунистической революции в СССР. К рассмотрению его специфики, думается, следует обратиться особо, так как, по мнению К. Маркса (которое автор этих строк разделяет), коммунизм есть преодоление отчуждения труда. Однако, в силу незрелости нового способа производства в СССР и «азиатской» (по терминологии Ю. С. Семенова – политарной) сущности старого способа производства здесь отчасти реализовался прогноз Г. Маркузе, сделанный им еще в 1941 г., что если обобществленные средства производства «…не будут использоваться для развития и удовлетворения потребностей свободного индивида, они просто перерастут в новую форму подчинения индивидов гипостазированному всеобщему» [14, с. 362]. Для изучения данного явления, как кажется, особенно интересны исследования такого отечественного мыслителя, шедшего против общего течения официальной социологии, как А. А. Зиновьев, рассматриваемые в контексте современных тенденций развития.

В своих ранних социологических работах, написанных и опубликованных в эмиграции или накануне, А. А. Зиновьев, говоря о проблемах коммунистического общества, отчасти отождествляет коммунизм и коммунальное поведение. Особенно важна для понимания его концепции, как нам кажется, работа «Коммунизм как реальность» (1981 г.). В самом начале работы

А. А. Зиновьев пишет: «Коммунизм не есть нечто выдуманное злоумышленниками вопреки некоему здравому смыслу и некоей природе человека, как полагают некоторые противники коммунизма, а как раз наоборот – он есть естественное явление в истории человечества, вполне отвечающее природе человека и вытекающее из этой природы. Он вырастает из стремления двуногой твари, именуемой человеком, выжить в среде большего числа аналогичных тварей, лучше устроиться в ней, обезопасить себя и т. п., – вырастает из того, что я называю человеческой коммунальностью» [4, с. 26]. Вместе с тем, он не отрицает наличия противоречий между коммунистической системой и массовой коммунальностью, но считает их вторичными [4, с. 28].

Коммунальность у А. А. Зиновьева – поведение на основе коммунальных законов: «Примеры таких правил: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя» [4, с. 64]. Всеобщее следование этим правилам приводит к господству такой формы конкуренции между индивидами, как привентация, когда важно не столько выделиться самому, сколько не дать выделиться другому, а распространение привентации ведет к победе посредственности [4, с. 65]. В конечном счете, за редкими исключениями, индивид оказывается под контролем своей группы (трудового коллектива), а саму группу обычно контролирует ее лидер (руководитель), отношения начальствования и подчинения и группового контроля становятся новой силой отчуждения взамен капиталистической эксплуатации [4, с. 75 – 77]. Социальным результатом господства коммунальности и для индивидов, и для коллективов, и для начальствующих лиц становится массовое усреднение при расцвете показухи [4, с. 78 – 80]. В отношении к труду коммунальность также приводит к всеобщему усреднению на уровне посредственности [4, с. 108].

При этом, А. А. Зиновьев не отрицал достоинств коммунистического общества: наличия гарантированного оплачиваемого отпуска и пенсий по старости и по инвалидности; возможности получать путевки в санатории или дома отдыха, в т. ч. со скидкой или бесплатно; бесплатную медицинскую помощь по месту жительства или работы; бесплатное образование и профессиональное обучение; формальную простоту жизни [4, с. 109 – 111]. Важной чертой зрелого коммунизма стало также право на труд [4, с. 107]. Наконец, А. А. Зиновьев указывал и на такие важные черты коммунального общества, как наличие взаимопомощи, взаимовыручки, обмена опытом, нежелательность не только выделяющихся, но и отстающих [4, с. 133].

Позднее, наблюдая разрушение коммунистического общества и его последствия, А. А. Зиновьев серьезно изменил свое отношение к коммунизму. В работе «Русская трагедия» (2003 г.) он пишет о советском человеке: «Если ты обладал какими-то полезными для общества способностями, хорошо учился и добросовестно работал, ты большую карьеру не сделал бы, но на достаточно высокий уровень поднялся бы без всяких карьеристских усилий. Основа советского общества позволяла многим миллионам людей жить достойно» [6, с. 9]. Сами принципы организации общества не выглядят для него теперь столь аморально: «…решающую роль играли личные способности, образование, деловые качества, поведение в коллективе. Играли роль, конечно, и другие, некоммунистические факторы: семейное положение, знакомства, карьеризм, стяжательство, коррупция и даже этническая принадлежность. Но они официально порицались и скрывались» [6, с. 61]. Можно сказать, что в результате антикоммунистического переворота положительные качества коммунального общества исчезли или резко ослабли, а отрицательные – резко усилились, будучи подкреплены официально насаждаемой идеологией и западным влиянием. Как пишет А. А. Зиновьев: «Доминирующую роль захватили западнистские принципы: принадлежность к слою и к группе, собственность, связи, предприимчивость на грани преступности и даже преступность и т. д. Люди почувствовали, что происходит социальное расслоение (имущественное прежде всего), причем на все будущее, и ринулись хватать кто сколько может» [6, с. 61]. Это, кстати, ставит под сомнение прямую связь между разгулом коммунальности и коммунистической системой. Косвенно отсутствие здесь прямой связи признал и А. А. Зиновьев, который в работе «Запад. Феномен западнизма» (1995 г.) писал, например: «По исследованиям социологов и психологов, более миллиона наемных работников в Германии является жертвами систематического психологического террора со стороны коллег. Многие исследователи условий труда считают центральной проблемой 90-х гг. преследование группой сотрудников своих «слабых» коллег. Рабочее место для огромного числа людей превращается в ад. Интриги, оскорбления, шантаж, угрозы, принуждение к сексу и т. п. являются обычными явлениями» [5, с. 71 – 72].

По мнению С. Г. Кара-Мурзы, советская (коммунистическая) система выросла в СССР из крестьянской общины в процессе массовой индустриализации [9, с. 101]. Важнейшей необходимой потребностью нового общества оказалось, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, общее для марксизма и общинного мироощущения право на труд, вытекающее из обобществления средств производства: «Будучи частичным собственником всей суммы средств производства, человек имел право на использование какой-то части средств производства, имел право на рабочее место» [9, с. 272]. При этом в период зрелого социализма многое делалось для внедрения элементов творчества во все звенья производства: «В советской системе рабочие сообщали о своих наблюдениях инженеру или в БРИЗ (бюро рационализации и изобретательства), те – работникам отраслевого НИИ, посещающим завод. Через них импульс шел в НИИ АН СССР, оттуда приезжали посмотреть – и по той же ткани человеческих и организационных отношений шел обратный поток инновации» [10, с. 200]. В более ранний «сталинский» период модернизации немалую роль играло полурелигиозное подвижничество, основанное на вере в светлое будущее, что имело как положительные, так и отрицательные последствия: «По данным психофизиологии труда, произведенная в СССР в 30-е гг. работа теоретически не могла быть сделана при достигнутом тогда уровне питания. Но была сделана – потому что массы людей были «немножко Стахановыми». Строительство и работа стали подвижничеством. Частые неудачи, поломки и аварии, вызванные неумелостью, воспринимались как резуль-

тат действия тайных враждебных сил. Это толкало к поиску врага («ведьм»)» [8, с. 515].

В целом, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, перед началом антикоммунистической кампании эпохи перестройки у большинства сформировался положительный образ труда: «По данным повторного Всесоюзного исследования образа жизни (1987 г.), для всех без исключения категорий населения ценность труда несомненна. Так, выбирая три важнейших для себя стороны жизни, 44 % опрошенных упомянули интересную работу (чаще отмечались лишь супружеское счастье и воспитание детей). 3/4 опрошенных в качестве важнейшего средства достижения успеха, благополучия в жизни отметили трудолюбие, добросовестное отношение к делу» [9, с. 245].

Почему же советский проект потерпел крах? По мнению С. Г. Кара-Мурзы, виноваты здесь урбанизация, неповоротливость идеологической элиты и прямое предательство значительной части номенклатуры и интеллигенции, вызванное желанием сделать все «как на Западе» [9, с. 211]. Если крестьянские потребности в гармонии с миром в значительной степени удовлетворялись за счет гармонии с природой, стрессовая жизнь больших городов породила потребность в большом количестве вещей-знаков (яркая витрина супермаркета, реклама модных брендов и т. п.), которая не была понята и принята правящей элитой [9, с. 213 – 214]. Надежность социального уклада многим (особенно молодежи) стала казаться избыточной, хотелось риска, авантюры, т. к. стремление к «приключению» заложено в нас биологически [9, с. 215 – 216]. По мысли С. Г. Кара-Мурзы, выходом из мира скуки могло стать творчество в широком смысле слова (от занятий искусством до воспитания своих детей). Но выяснилось, что не все мечтают о творчестве: «Во-первых, не все мечтают о творчестве, у многих эти мечты подавлены в детстве – родителями, садиком, школой. Во-вторых, значительная часть тех, кто мечтал, испытали неудачу при первой попытке и не смогли преодолеть психологический барьер, чтобы продолжить» [9, с. 218]. Получив достаток, многие молодые люди стали много есть и долго спать, озлобляясь на мир [9, с. 218].

Так что, коммунистическая система могла развиваться только на основе общинной полукрестьянской ментальности раннеиндустриального общества? Тогда это не коммунизм, а – по терминологии Ю. И. Семенова – индустрополитарное общество, исторический правопреемник азиатских деспотий. На наш взгляд, данный подход вызывает серьезные возражения. Революция Октября 1917 г. и последующие преобразования середины века были действительно прокоммунистическими, о чем свидетельствует формирование (пусть непоследовательное и неокончательное) нового отношения к труду у значительной части общества, в т. ч. и у горожан. Новый способ производства не утверждается окончательно ни за год, ни за пятьдесят лет. В процессе распространения нового способа производства в истории неоднократно встречался регресс, достаточно вспомнить рефеодализацию Северной Италии. Новый способ производства далеко не всегда сразу оказывается продуктивнее старого. Достаточно сравнить классическую римскую рабовладельческую виллу и хозяйство какого-нибудь магната эпохи Карла Великого. Даже в случае с капитализмом не все соответствует прогрессистской схеме: победил он в Западной Европе, как считает большинство исследователей, уже в XVII веке; одновременно этот век стал веком массового обнищания значительной части европейцев в связи с Тридцатилетней войной, глобальным похолоданием, революцией цен и прочими потрясениями; а техническая база под господство капитализма была подведена только в ходе промышленной революции конца XVIII – XIX вв. Если же говорить о коммунистическом способе производства, то очевидно, что обобществление основной массы средств производства (в исторически сложившейся форме огосударствления) является лишь первым шагом на пути его формирования, а реализация права на труд – вторым. Следующие шаги – реализация права на отдых и, самое главное, права на развитие личности – только намечались (например, в сфере образования, в творческой деятельности).

В современной западной историко-философской мысли (если отвлечься от постиндустриальных технократических утопий) существует весьма устойчивая тенденция к противопоставлению труда и творчества. Еще Ханна Аренд противопоставляла труд и создание. Труд, по ее мнению, связан с жизнеобеспечением. Он, конечно, приносит свои радости: «Благословение труда в том, что усилие и награда следуют друг за другом в таком же размеренном ритме как работа или еда, подготовка жизненных средств и их поглощение, так что весь процесс сопровождается чувством наслаждения подобно функционированию здорового тела» [1, с. 138]. Но это счастье весьма неустойчиво: тиски нищеты или скука богатства уничтожают стихийное чувственное блаженство [1, с. 139]. При этом в подобной ситуации оказываются все трудящиеся, включая и интеллигенцию: «Новоевропейский класс интеллектуалов, без которых наше общество все менее умеет обойтись и которых оно поэтому продуцирует в возрастающем количестве, имеет подобно своим древнеримским предшественникам мало общего с ремесленными профессиями; он работает – а не изготовляет – хотя и не «умом», но во всяком случае головой, не только метафорически принадлежащей к трудящемуся физически телу. Поэтому он и неспособен достичь того, что объединяет самого скромного ремесленника с величайшим художником, а именно добавить новую, по возможности долговечную вещь к устроенному человеком миру» [1, с. 119 – 120]. Неразрывная связь труда и потребления, по мысли Х. Аренд, делает неосуществимым идеал К. Маркса, мечтавшего о всеобщем переходе к высшим формам деятельности: «Сто лет спустя после Маркса ложность этого умозаключения нам даже слишком ясна; animal laborans никогда не тратит свое избыточное время ни на что кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит» [1, с. 171].

Труду и потреблению Ханна Аренд противопоставляет создание: «Мастерство наших рук, а не труд нашего тела, homo faber, обрабатывающий данный материал в целях изготовления, а не animal laborans, телесно «сливающийся» с материалом своей работы, телесно поглощающий ее результат, создает то прямотаки несчетное множество вещей, совокупная сумма которых складывается в выстраиваемый человеком мир» [1, с. 175]. Однако далее она сама же замечает, что в современном мире «…созидательные способно-

сти в растущей мере ограничиваются специфической группой художественно одаренных людей» [1, с. 421]. Перед нами, таким образом, ремесленно-художественная утопия, в формировании которой сказывается влияние на Ханну Аренд ее учителей, К. Ясперса и М. Хайдеггера.

Менее явно элитарность проявляется в работе современного американского социолога Ричарда Флориды, посвященной так называемому креативному классу. Американский социолог отмечает рост значения креативности для развития современной наукоемкой экономики, а так же то, что «…капитализм втянул в свою орбиту таланты различных групп эксцентриков и нонконформистов, прежде исключенных из его экономики» [17, с. 20 – 21]. Для Р. Флориды креативность по сути противоположна тому, что А. А. Зиновьев называл коммунальностью: «Тогда как новая рабочая среда «профессионалов без воротничка» выглядит, несомненно, более расслабленной, чем старая, в ней на смену традиционным иерархическим системам контроля пришли новые формы самоорганизации, признание и воздействие со стороны коллег и внутренние формы мотивации, которые я называю «мягкий контроль». В подобной обстановке мы стремимся работать более независимо и с трудом выносим некомпетентность руководства и грубость начальников. Мы отказываемся от гарантии занятости в обмен на самостоятельность. Мы хотим не только приличной оплаты своего труда и навыков, но и возможности учиться и развиваться, влиять на содержание своей работы, контролировать свой график и выражать себя как личность посредством профессиональной деятельности» [17, с. 28]. Такой рост свободы креативного класса, отмечаемый Р. Флоридой, связан, по его мнению, с тем, что средства производства теперь находятся в голове самих «креативщиков» [17, с. 52]. Общая доля креативного класса от всех работающих в США на 1999 г. оценивается американским социологом в 30 %, а суперкреативного ядра – в 12 % [17, с. 91]. Однако, противореча самому себе, Р. Флорида пишет, что этот класс в значительной степени концентрируется в определенных городах [17, с. 247], так что, как нам кажется, американский автор скорее склонен отождествлять креативный класс с суперкреативным ядром.

Кроме того, как отмечает сам Ричард Флорида: «Параллельно росту креативного класса происходит увеличение другой общественной группы, которую я называю обслуживающим классом. В нее входят профессии низкого уровня в так называемом обслуживающем секторе экономики, обычно низкооплачиваемые и исключающие самостоятельность: работники общественного питания, сторожа и дворники, сиделки, секретарши, канцелярские служащие, охранники и т. д.» [17, с. 88]. Общую долю этого класса американский социолог оценивает в 43 % рабочей силы [17, с. 92].

Да и жизнь самого креативного класса оказывается не очень радостной: значительная его часть работает по краткосрочным контрактам, часто сверхурочно [17, с. 131 – 173]. Не всегда понятно, каковы социально значимые результаты роста креативного класса, сам же Р. Флорида говорит, что в первой половине XX в. принципиальных технических изобретений, меняющих жизнь обычного человека, было внедрено значительно больше, чем во второй [17, с. 16 – 17]. Как отмечал современный отечественный критик глобализации С. А. Егишянц, «новая экономика» связана по большей части с избыточным потреблением: «В период кризиса от этих вещей отказываются сразу же – и казавшийся только что таким роскошным мыльный пузырь «новой экономики» благополучно лопается, моментально оставляя не у дел миллионы людей» [7, с. 62].

В чем же причина роста элитарности в оценках возможности совмещения труда и творчества? Современный отечественный философ-марксист А. В. Готнога считает, что ныне в мире в условиях кризиса капитализма формируется новый сервисно-рентный способ производства, характеризуемый утратой работниками личной свободы, расширением сферы услуг и связанных с ней трудоемких видов деятельности, распространением скрытой отработочной ренты на основе бюрократического произвола, превращением капиталистов в паразитирующий на обществе замкнутый класс-сословие рантье, дискриминацией молодежи, женщин, этнических и социальных меньшинств [3, с. 204 – 220]. На наш взгляд, следует говорить скорее о непомерном разрастании сервисно-рентного уклада, что (и тут мы полностью согласны с А. В. Готногой) свидетельствует о глубоком кризисе капитализма. Еще В. И. Ленин, описывая в начале XX века империалистический монопольно-финансовый капитализм, отмечал, что преобладание финансового капитала означает господство рантье и финансовой олигархии, видя в этом начало загнивания капиталистической системы [12, с. 357 – 397]. Несправедливость капиталистического отчуждения труда в новой системе достигнет явной очевидности: «…в сервисно-рентном обществе станет очевидным, что свободное от материального производства время есть подлинное богатство общества. Эту очевидность придаст крайняя степень несправедливости и социального неравенства, когда все общественно-свободное время будет присвоено господствующим классом рантье, а все остальное население, попав в личную зависимость, потеряет остатки свободного времени, которым оно располагало в капиталистическом обществе в нисходящей фазе его эволюции» [3, с. 233]. Думается, в нашем современном обществе справедливость данного тезиса для работников интеллектуального труда мог бы подтвердить почти любой преподаватель вуза, где количество обязательных к составлению (и не имеющих для преподавания практического значения) бумаг возросло раз в десять. Назначение всего этого вала бюрократической продукции зачастую заключается не в повышении качества работы, а в расширении возможности давления на работника. В России, согласно А. В. Готноге, ситуация осложняется тем, что общественный способ производства и в XX в., и в XXI в. сохраняет азиатские черты, связанные с деспотизмом и доминированием государственной собственности [3, с. 222]. Выход А. В. Готнога видит в переходе к коммунистическому способу производства, в котором сотрутся различия между творческой и нетворческой деятельностью. Впрочем, последнее может произойти и в рамках сервисно-рентной системы: «По мере роста и расширения «комплексно автоматического производства» репродуктивная функция труда почти исчезает. Тогда и станет окончательно ясно, что различия между «креативщиками», с одной стороны, и рабо-

чими и служащими – с другой, носят мнимый характер. Всем им придется лицом к лицу столкнуться с истинно противоположным классом – классом рантье» [3, с. 238].

В современном мире все более обостряются противоречия в отношениях между странами ядра и полупериферии мир-системы. Причина банальна – это стремление элит стран ядра присвоить себе ренту, получаемую элитами полупериферийных стран, превратив таким образом полупериферию в периферию. С другой стороны, как отмечает А. А. Вассерман, развитие компьютерных технологий уже в ближайшем будущем (т. е. к 2020-м гг.) создаст условия для формирования бездефицитной плановой экономики при возможности ежедневной корректировки плана [2, с. 10]. Правда, высокие затраты на НИОКР требуют для динамичного развития экономики весьма обширного рынка, соответствующего примерно 200 – 300 миллионам человек населения [2, с. 71 – 75]. Так что вариант Северной Кореи изначально тупиковый.

Рассмотренные в статье исследования показывают, что и отчуждение труда, и возможность творчества – это исторически изменчивые явления, трансформация которых напрямую связана со спецификой господствующего способа производства. Победа раннекоммунистического способа производства в СССР привела к значительному ослаблению отчуждения труда за счет утверждения в обществе права на труд, но не смогла превратить труд в творческую деятельность во всеобщем масштабе, как в силу широкой распространенности коммунальных отношений, так и в силу недостаточной технической базы. Ослабление зависимости представителей креативного класса от бюрократии в современных США осталось элитарным явлением и не привело к значительному ослаблению отчуждения труда в силу специфики самого капитализма. С развитием сервисно-рентных отношений для большинства трудящихся отчуждение в последнее время только растет. Таким образом, можно констатировать, что современные философские и социологические исследования при должном уровне критического к ним отношения могут стать определенным ориентиром для историков как при изучении исторической изменчивости форм отчуждения и творчества, так и при историческом прогнозировании. Философы и социологи часто пишут «вне времени», для историка же время, понимаемое как общий вектор социальных изменений, есть базовая категория.

Литература

1. Аренд Х. Vita active, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; под ред. Д. М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

2. Вассерман А. А. Чем социализм лучше капитализма. М.: АСТ, 2014. 384 с.

3. Готнога А. В. Теоретико-методологические основания исторического прогнозирования. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. 264 с.

4. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. 495 с.

5. Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. 461 с.

6. Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Эксмо, 2003. 512 с.

7. Егишянц С. А. Тупики глобализации: торжество прогресса или игры сатанистов? М.: Вече, 2004. 448 с.

8. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.

9. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. 768 с.

10. Кара-Мурза С. Г. Оппозиция, или Как противостоять Путину? М.: Алгоритм, 2010. 304 с.

11. Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. Интеллигенция на пепелище России. М.: Алгоритм, 2012. 752 с.

12. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299 – 426.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Соч. Изд. 2-е. Т. 42. С. 41 – 174.

14. Маркузе Г. Разум и революция: Гегель и становление социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2000. 541 с.

15. Режабек Е. Я. Капитализм: проблема самоорганизации. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 320 с.

16. Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.

17. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М.: Классика-XXI, 2005. 421 с.

Информация об авторе:

Бахитов Станислав Борисович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель истории и общественных дисциплин БУ Сургутского профессионального колледжа русской культуры им. А. С. Знаменского, Россия, baxitova@mail.ru.

Stanislav B. Bakhitov – Candidate of History, Associate Professor, Lecturer in History and Social Disciplines at Surgut Professional College of Russian Culture named after A. S. Znamenskiy.

Статья поступила в редколлегию 07.04.2015 г.

УДК 94(571.14)«1946/1948»:323

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЦК ВКП(Б) ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ 1946, 1948 гг. В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

М. М. Колязимова

DISCUSSION AND IMPLEMENTATION OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE VKP(в) 1946, 1948 RULINGS ON IDEOLOGICAL ISSUES IN NOVOSIBIRSK REGION

M. M. Kolyazimova

В настоящей статье проанализированы постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946 и 1948 г., их обсуждение и реализация в Новосибирской области. Необходимость послевоенного восстановления народного хозяйства СССР и сложившаяся внешнеполитическая обстановка требовали консолидации общества. Сфера культуры и искусства являлась наиболее доступной для массового сознания в силу ее образности и легкости восприятия, поэтому первые шаги государства по усилению идеологического контроля были сосредоточены здесь. Исследование проведено на основе архивных документов и материалов периодической печати. Автором выявлены значение постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и специфика их реализации в Новосибирской области.

The paper analyzes the 1946 and 1948 rulings of the Central Committee of the VKP(b) on ideological issues, their discussion and implementation in Novosibirsk Region. The need for post-war reconstruction of the Soviet economy and foreign policy and the prevailing foreign policy situation demanded consolidation of the society. The sphere of culture and art was the most approachable for the mass consciousness due to its imagery and ease of perception, so the first steps of the state in strengthening the ideological control were focused on it. The present research was based on archival documents and materials of periodicals. The author reveals the value of the rulings of the Central Committee of the VKP(b) and their implementation in Novosibirsk Region.

Ключевые слова: государственная политика, идеология, идеологические постановления ЦК ВКП(б), сфера культуры и искусства, Новосибирская область.

Keywords: state politics, ideology, ideological rulings of the Central Committee of the VKP(b), sphere of culture and art, Novosibirsk Region.

После окончания Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. перед СССР стояла задача послевоенного восстановления. Разногласия со странами антигитлеровской коалиции привели к «холодной войне». Противостояние социалистической и капиталистической моделей развития вылилось в идеологическую конфронтацию. Это обстоятельство повлияло на внутреннюю политику советского государства. Стремление консолидировать общество привело к усиленному контролю над умонастроениями населения. Начиная с 1946 г., был проведен ряд идеологических кампаний. С их помощью в массовое сознание внедрялись идеологические штампы и стереотипы. Первые мероприятия были нацелены на сферу культуры и искусства. 14 августа 1946 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», 26 августа 1946 г. – постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», 4 сентября 1946 г. – постановление «О кинофильме “Большая жизнь”», 10 февраля 1948 г. – постановление «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели».

Отечественные исследователи уже обращались к данной теме. В рамках отдельных статей идеологические кампании и проблемы их изучения рассматривали Л. И. Пыстина, И. А. Чуднов, А. С. Кимерлинг [19; 26; 12]. Создано несколько фундаментальных трудов, в которых изучены идеологические кампании, проходившие в отдельных регионах страны. В. А. Гижов рассмотрел идеологические кампании послевоенного времени в Саратовской и Куйбышевской областях [7]. О. А. Кунгина подготовила диссертацию по теме «Политико-идеологические кампании в отношении вузовской интеллигенции г. Молотова в 1945 – 1953 гг.» [13]. Косвенно проблему идеологических кампаний затронули С. Г. Сизов и С. В. Зяблицева. Предметом исследования С. Г. Сизова явились взаимоотношения власти и интеллигенции в Западной Сибири в 1946 – 1964 гг. [22]. С. В. Зяблицева, анализируя процессы развития основных отраслей культуры и искусства Западной Сибири в 1920 – середине 1950-х гг., коснулась вопросов идеологического пресса со стороны государства в Новосибирской области [11].

Проведение идеологических кампаний в Новосибирске, как и во всей стране, осуществлялось по заранее спланированному сценарию. Постановления ЦК ВКП(б) подлежали обязательному обсуждению во всех первичных парторганизациях, после чего обком, горкомы и райкомы переходили к его исполнению. О реализации постановлений ЦК ВКП(б) в Новосибирской области свидетельствуют, отчеты, справки, информации и политинформации райкомов в Новосибирский обком ВКП(б).

В постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» критике подверглись М. Зощенко, А. Ахматова и ряд других писателей за создание «безыдейных и идеологически вредных произведений». Журналам ставилось в вину размещение материалов, проникнутых духом «низкопоклонства перед Западом»: редакция «Звезды» печатала произведения, «культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада», редакция журнала «Ленинград» «допустила крупные ошибки, опубликовав ряд произведений, проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному». Постановление напоминало, что журналы «являются могучим средст-

вом советского государства в деле воспитания советских людей… и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, – его политикой». Задачей советской литературы была объявлена необходимость «правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия» [15, с. 588 – 589]. В Новосибирске, единственном городе Западной Сибири, с 1938 г. существовало отделение Союза советских писателей СССР. В 1946 г. был возобновлен выпуск старейшего сибирского литературного журнала «Сибирские огни» (орган Новосибирского обкома и горкома ВКП(б)). Поэтому к постановлению о журналах «Звезда» и «Ленинград» в областном центре отнеслись с особым вниманием.

Газета «Советская Сибирь», орган Новосибирского обкома и горкома ВКП(б), размещала на своих страницах статьи, разъясняющие постановление ЦК ВКП(б) и критикующие местную литературу. Некоторые из них были перепечатаны из газеты «Правда» (орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)). 25 августа 1946 г. «Советская Сибирь» опубликовала передовую «Правды» от 24 августа 1946 г. «Самокритика – испытанное оружие большевизма». В ней подчеркивалось значение постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», уделялось внимание критике и самокритике деятелей литературы [21]. 24 сентября 1946 г. в «Советской Сибири» была напечатана статья «Правды» «Благородные задачи советской литературы» от 22 сентября 1946 г. Вышедшие постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров, о кинофильме «Большая жизнь» были обозначены в ней как «серьезнейшие политические документы», «боевая программа» для дальнейшей идеологической работы». Статья называла следующие «благородные» задачи литературы: воспитывать советского человека, вырабатывать в нем качества «бесстрашного борца за правое дело коммунизма» и «смелого, инициативного строителя новой жизни». Сообщалось, что И. В. Сталин назвал писателей «инженерами человеческих душ», отсюда огромная ответственность советской литературы перед своим народом [2].

«Советская Сибирь» размещала местные материалы, отражающие реакцию на постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Статья А. Высоцкого «Произведения, искажающие советскую действительность», опубликованная 13 сентября 1946 г., явилась отражением сути идеологической кампании. В ней «за ненадлежащее изображение советского общества» критике подверглись романы Ф. Олесова «Прощание молча» и И. Шухова «Накануне». Вместе с тем автор заботился о воспитании советского патриотизма: редакции журнала «Сибирские огни» предписывалось «повернуть внимание писателей к актуальным темам современности, к темам героического труда советских людей, к показу лучших благородных качеств нашего народа, воспитанных в нем партией Ленина – Сталина» [3].

Статья «За большевистскую идейность» в журнале «Сибирские огни» перечисляла те же «политические ошибки» на литературном фронте, что и в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград»: «на страницы наших журналов проникли чуждые советской литературе тенденции и нравы», «на страницах журналов стали появляться произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада». Отмечалось, что ошибки, вскрытые постановлением ЦК партии, имеют место и в редакции журнала «Сибирские огни». Редакция критически проанализировала опубликованные произведения и пришла к выводу о том, что, наряду с интересными ценными произведениями, в журнале были опубликованы две части романа Ф. Олесова «Прощание молча», который «в идейном отношении является произведением путанным, художественно не зрелым, содержит искажения в изображении советской действительности, советских людей». В первом номере «Сибирских огней» за 1946 г. были напечатаны главы из романа И. Шухова «Метель», где была допущена «идеализация старого казачьего уклада» и «искаженно изображена советская колхозная деревня». В вышедших номерах журнала оказался размещенным ряд «пустых и безыдейных» стихотворений Л. Кондырева и стихи И. Мухачева, «ограниченные беспредметным любованием природой». Было опубликовано «заумное формалистической стихотворение» Л. Мартынова «Наяды», идеализирующее старину, что характерно и для некоторых других произведений этого поэта [9, с. 112 – 113].

Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» активно обсуждалось на собрании писателей г. Новосибирска, состоявшемся 20 сентября 1946 г. О данном событии свидетельствуют статья в газете «Советская Сибирь» [23] и стенограмма собрания, сохранившаяся в Государственном архиве Новосибирской области [4, л. 31 – 93]. На собрании писателей с докладом выступил заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Новосибирского обкома ВКП(б) А. М. Ремов. Он говорил о смысле выпущенного постановления, а также о роли советских писателей и их произведений. Для усиления коммунистического воспитания трудящихся и укрепления морально-политического единства советского народа, по мнению А. М. Ремова, писатели должны были «играть выдающуюся роль в формировании человека – активного строителя коммунизма», а советская литература и искусство – «правильно отражать действительность»: показывать «героическую борьбу» советских людей за осуществление «гениальных сталинских планов». Редакция журнала «Сибирские огни» обвинялась в «снижении идейно-политического и художественного уровня» произведений писателей, а также в небольшом количестве произведений на современные темы. Наряду с удачными произведениями, были обнаружены произведения, «сомнительные по своей идейной направленности», а в некоторых было допущено «искажение советской действительности». К таким произведениям он отнес главы из романов Ф. Олесова и И. Шухова «Прощание молча» и «Метель». Кроме того, критике подверглись некоторые поэты г. Новосибирска. А. М. Ремов заявил, что именно в творчестве поэтов «наиболее ярко выражаются безыдейность, аполитичность, оторванность от жизни». Е. Стюарт осуждалась за то, что ее творчество «проникнуто духом пессимизма». Некоторые стихотворения, опубликованные в сборнике «Второе рождение», наполнены «какой-то безнадежной тоской, война воспринимается и изображается только в горе, в слезах». Стихи Л. Кондырева

были названы «пустыми и безыдейными», а стихотворения Л. Мартынова и Г. Замятиной – «политически вредными». Новосибирскому отделению Союза писателей в вину ставилось отсутствие настоящей деловой критики и самокритики: «семейный, приятельский подход в оценке творчества того или иного писателя», «боязнь обидеть друг друга, испортить отношения». Указывалось, что новосибирские поэты и писатели оторваны от жизни и работы заводов и фабрик, колхозов и совхозов своей области. Самоотверженный труд рабочих и колхозников области не находит отражения в произведениях писателей и поэтов Новосибирска [23].

Писатель А. Коптелов, выступая на собрании, говорил об огромном значении постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», так как оно указывало «истинный путь настоящего большого искусства» и выделил «очевидные ошибки» литературной деятельности: «низкую творческую активность писателей Новосибирска, отсутствие внимания к теме труда. Кроме того, он отметил такую тенденцию послевоенных лет, как «демобилизация литературы» после окончания Великой Отечественной войны. Суть данного термина сводилась к тому, что во время войны писатели своим творчеством «вносили огромный вклад в дело разгрома врага», а после ее окончания перестали отражать советскую действительность. О «демобилизации литературы» говорили и другие выступающие. А. М. Ремов высказался о творчестве Л. Кондырева, который во время войны выпустил книгу «Огонь» (песни о гвардейцах, стихи о войне), а после войны «стихи его стали пустыми и безыдейными», «стали безделушками». Линию «демобилизации» отметили и в книге Е. Стюарт «Ласковое солнце». В послевоенный период в ее творчестве «начали проскальзывать нотки нытья, ухода от жизни и даже пессимизма» [4, с. 24 – 25, 36 – 39, 41 – 42].

Собрание писателей Новосибирска признало «совершенно правильным и своевременным» решение ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. и призвало писателей направить всю свою творческую деятельность на быстрейшее исправление недостатков и ошибок, на «яркое и полное» отображение многообразной советской действительности [23]. По итогам собрания была принята резолюция, согласно которой постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» было признано «документом огромного принципиального и программного значения, определяющего направление на пути развития советской литературы». Новосибирским писателям предписывалось сосредоточить свое внимание на темах современности, героического труда народа по восстановлению и развитию социалистического хозяйства, отображению лучших сторон и качеств советского человека. Писателям необходимо было повышать свой идейно-политический уровень, усилить связь с советской жизнью. Предполагалось направлять писателей в командировки на важнейшие предприятия, новостройки и в колхозы для освещения социалистического строительства [20].

На Сибирской конференции писателей, проходившей с 27 ноября по 2 декабря 1947 г. в г. Новосибирске, вновь шла речь о постановлении «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Конференция была посвящена 25-летнему юбилею литературно-художественного журнала «Сибирские огни». Она являлась своеобразным смотром творческих достижений писателей, живущих в Сибири, за три десятилетия советской власти. На конференции были представлены все края и области Сибири, делегация правления Союза советских писателей. Выступавший на конференции ответственный редактор журнала «Сибирские огни» С. Е. Кожевников отметил, что сибирские писатели ни во время войны, ни после нее не создали ни одного монументального произведения, обобщающего героический опыт советских людей, а журнал «Сибирские огни» не отражал тему первой послевоенной пятилетки. Свои доклады о творческой деятельности сибирских поэтов сделали А. Смердов и А. Коптелов. Прения по их докладам продолжались три дня и были очень оживленными. Были затронуты вопросы о низком уровне критического отдела в журнале «Сибирские огни» (М. Юдалевич), об отсутствии в журнале «боевых публицистических статей» (М. Бударин). Сделан вывод необходимости большей требовательности к себе и к своим произведениям [1].

Реализация постановлений ЦК ВКП(б) продолжалась и в 1950 г. Для усиления связи писателей с жизнью и создания произведений на актуальные темы четвертой пятилетки правление Союза советских писателей добилось предоставления новосибирским писателям творческих командировок. А. Волошин отправился в полуторамесячную командировку в Кемеровскую область для работы над романом «Дальние горы». А. Коптелов два месяца пробыл в колхозах Новосибирской области, Алтайского и Красноярского краев, работая над романом о социалистическом преобразовании природы Сибири, о внедрении мичуринской науки в колхозное хозяйство и развитии сибирского садоводства. А. Смердов полтора месяца пробыл в г. Сталинске (ныне Новокузнецк) Кемеровской области за написанием книги о новосибирских и сталинских металлургах-прокатчиках. Е. Стюарт на месяц ездила в колхозы Новосибирской области и Алтайского края для создания книги стихов для детей о колхозном труде [6, л. 79 – 80].

26 августа 1946 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». В постановлении указывалось, что пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными из репертуара крупнейших драматических театров страны, а среди небольшого количества пьес на современные темы «имеются пьесы слабые, безыдейные». Безыдейность заключалась в изображении советских людей в «уродливо-карикатурной форме, примитивными и малокультурными». Подчеркивалось, что многие драматические театры «не являются на деле рассадниками культуры передовой советской идеологии и морали», что не отвечает интересам воспитания трудящихся. В постановлении продолжалась тенденция борьбы с «низкопоклонством перед Западом». Постановка театрами пьес зарубежных авторов трактовалась как «предоставление советской сцены для пропаганды реакционной буржуазной идеологии и морали, попытка отравить сознание советских людей мировоззрением, враждебным советскому обществу, оживить пережитки капитализма в сознании и быту». Причины крупных недостатков в репертуаре драматических театров ЦК ВКП(б) видел в работе драматургов: они «стоят в стороне от коренных

вопросов современности, не знают жизни и запросов народа, не умеют изображать лучшие черты и качества советского человека», «не повышают свой идейно-художественный уровень», а также в отсутствии театральной критики [17, с. 591 – 593].

После принятия постановления «О репертуаре драматических театров…» в театрах Новосибирской области резко сократилось количество пьес зарубежных авторов и увеличилось число постановок русской классической драматургии и особенно пьес советских авторов. Пьесы ставились из списка, рекомендованного Всесоюзным комитетом по делам искусств. Преимущество отдавалось пьесам, имевшим откровенно пропагандистский характер. В искусстве утвердился принцип бесконфликтности и лакировки действительности [22, с. 77].

Постановление «О репертуаре драматических театров…» лежало в основе деятельности всех театральных учреждений и коллективов художественной самодеятельности. Так, в период весеннего сева (апрель – май 1947 г.) Новосибирский обком ВКП(б) контролировал деятельность коллективов художественной самодеятельности. Анализ репертуара был осуществлен в 16 районах Новосибирской области и 22 коллективах художественной самодеятельности. Характерным являлось преобладание произведений советских авторов на современные темы. Несмотря на это, были выявлены драматургические произведения, «засоренные» безыдейными и малохудожественными пьесами. Из восемнадцати пьес пять было снято и не рекомендовано, в вокальном жанре из 37 произведений 2 были сняты и не рекомендованы, в художественном чтении из 17 произведений 2 было не рекомендовано [5, л. 1].

4 сентября 1946 г. вышло постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О кинофильме “Большая жизнь”». Согласно постановлению, кинофильм был признан «порочным в идейно-политическом и крайне слабым в художественном отношении». В результате ЦК ВКП(б) постановил организовать работу художественной кинематографии таким образом, чтобы исключить возможность выпуска подобных фильмов [15, с. 598, 602]. Косвенное влияние постановления можно проследить на примере работы Новосибирской студии кинохроники. На протяжении второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. она являлась единственной на территории Западной Сибири, регулярно выполняла планы съемок для журнала «Сибирь на экране» (48 сюжетов в год) и производства документальных фильмов (3 – 4 ленты), однако со стороны государства регулярно подвергалась критике. В приказах по Главному управлению производства фильмов Министерства культуры РСФСР неоднократно отмечалось, что Новосибирская студия кинохроники «стоит в стороне от жизни Советской Сибири». В вину ставилось то, что в журнале «Сибирь на экране» «большая часть сюжетов приходится на Новосибирскую область», «на студии насаждается тенденция к сужению района съемок», «студией в полном смысле слова провалено освещение Кузбасса». Кроме того, критике подвергалась «тематическая ограниченность» снимавшихся студией сюжетов, преобладание в журнале второстепенных тем, из-за чего важнейшие темы жизни Западной Сибири систематически не находили отражения во всесоюзных киножурналах [16, с. 294 – 295].

Идеологическая кампания коснулась сферы музыкального искусства. 10 февраля 1948 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». В постановлении опера признана «порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении, антихудожественным произведением». Отмечалось, что композитор «не воспользовался богатством народных мелодий», «пренебрег лучшими традициями и опытом классической оперы вообще, русской классической оперы в особенности». Постановление осудило формалистическое направление в советской музыке за то, что последнее «сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отражающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик». Композиторов критиковали за отрыв от народа и отсутствие музыкальной критики. В постановлении утверждалось, что среди части советских композиторов «еще не изжиты пережитки буржуазной идеологии, питаемые влиянием современной упадочной западноевропейской и американской музыки». Управлению по делам пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Комитету по делам искусств предлагалось добиться исправления положения в советской музыке, ликвидации указанных недостатков [18, с. 630 – 634].

Еще до выхода в свет постановления об опере «Великая дружба» В. Мурадели Новосибирская филармония придерживалась творчества русских и советских композиторов. Сезон 1945/1946 гг. начался вводной лекцией-концертом «Мировое значение русской музыки», за которой последовал обширный цикл, посвященный творчеству М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, А. П. Бородина, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова. Эта тенденция продолжала развиваться после выхода постановления «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» в сезоне 1948/1949 гг., прошедшем под знаком оперных монографий в рамках цикла «Отечественная музыка» [11, с. 398].

На страницах «Советской Сибири» публиковались материалы, свидетельствующие о контроле за музыкальным вещанием. В сентябре 1946 г. критике подверглась работа Новосибирской радиостанции. 27 сентября 1946 г. на страницах газеты «Советская Сибирь» появилась статья «О музыкальном вещании». Автор статьи Д. Давыдов сделал вывод о том, что постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров, о кинофильме «Большая жизнь» нашли слабый отклик в практической работе областного радиокомитета, «не вызвали серьезной тревоги», и призывал «вывести музыкально-художественное вещание из полосы застоя». В вину Новосибирской радиостанции ставилась оторванность от жизни: «Работники областного радиокомитета не связаны с массами, не знают их запросов и интересов. За весь год, если не считать праздничного Дня радио, работники комитета и его руководитель К. Н. Зобачев ни разу не встретились с радиослушателями, чтобы обсудить программы вещания». Д. Давыдов обрушился с критикой на музыкальные произведения, транслировавшиеся по радио. Он отмечал, что музыкальное вещание стало скатываться на путь «угождения пошлым обывательским вкусам», передаваемые концерты были составлены из «легковесных» и «низкопробных номеров». Кроме того, в музыкальном вещании было выяв-

лено «низкопоклонство перед Западом»: «потеря политической чуткости, беспринципность и безыдейность в практической работе музвещания привели к тому, что в репертуаре сохранялись иностранные пластинки, представляющие собой типичную кафешантанную порнографию». Приводились примеры подобных пластинок: «Зловещий танец», «Кто-то похитил мою девушку», «Крадучись, потихоньку», «Ничья возлюбленная», «Еду на музе в рай». Д. Давыдов напомнил, что областной радиокомитет не раз выпускал в эфир «творения» «пошляка и подонка литературы» М. Зощенко [8].

Статья «Советской Сибири» от 6 августа 1947 г. осудила меланхоличные настроения «самодеятельных» певцов-музыкантов, которые выступали на пристанях, в вагонах пригородных поездов, на рынках. Подчеркивалось, что в песнях таких музыкантов, «не особенно высоких по своему художественному уровню» часто извращалась советская действительность. Певцы отыскивали такие темы и сюжеты, слушая которые, «большинство советских людей не может не испытать чувство неудобства, а подчас и возмущения». По мнению авторов статьи, самодеятельные певцы пытаются проложить к сердцам слушателей дорогу для плаксивых, безнадежных настроений, «вышибить слезу» рассказом о «несчастненьких», которые якобы «забыты и заброшены» и никому нет дела [14].

После выхода в свет постановления «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» в марте 1948 г. прошло собрание членов Новосибирского отделения Союза советских композиторов. Председатель отделения А. Новиков заявил, что в творчестве композиторов наблюдались элементы формализма, «о Сибири они почти не писали, а если писали, то очень плохо». Отдельным композиторам указывали на их недостатки: музыка композитора В. Неклюдова, написанная к спектаклю «Молодая гвардия», была изменена по настоянию общественности. П. Вальдгардт писал музыку к спектаклям, в которой старался подражать образцам западноевропейского и американского джаза. Композиторы К. Нечаев и М. Невитов почти ничего не писали. В обсуждениях композитор К. Нечаев сказал: «Корни формализма кроются не в тех или иных приемах композитора, а в отношении к жизни, к тому, что происходит вокруг. Если композитор не чувствует, что он органически связан с народом, наравне со всеми участвует в строительстве коммунизма, его произведения будут далеки от духовных запросов советских людей» [10]. Собрание приняло резолюцию, в которой осуждало бездеятельность отделения Союза композиторов и намечало пути дальнейшей творческой работы.

«Советская Сибирь» после выхода постановления размещала на своих страницах соответствующие материалы. Газета информировала население о собрании членов Новосибирского отделения Союза советских композиторов, различных совещаниях музыкальных деятелей. 2 апреля 1948 г. была опубликована статья «Создать музыку, достойную советского народа» о совещании деятелей советской музыки, посвященном обсуждению вопросов состояния и развития советской музыки в связи с итогами общественного просмотра оперы «Великая дружба» В. Мурадели. В статье критиковалась опера, композиторы осуждали отсутствие критики и самокритики [24]. В связи с Постановлением ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба» режиссер Новосибирского театра оперы и балета И. Я. Ажоткин в клубе редакции газеты «Советская Сибирь» провел лекцию-концерт о музыкальной культуре [25].

Таким образом, постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946, 1948 гг. оказали серьезное воздействие на развитие культуры Новосибирской области, как и всей страны. В условиях послевоенного восстановления и неблагоприятной внешнеполитической обстановки государство стремилось сплотить население и мобилизовать его на новые трудовые достижения. Это осуществлялось посредством идеологических кампаний, санкционированных постановлениями ЦК ВКП(б). Первые мероприятия государства были направлены на сферу культуры и искусства, так как она являлась наиболее доступной для советского человека в силу образности и легкости восприятия. В общественном сознании закреплялись идеи о верно избранном пути, о правильности советского курса и вреде всего западного, осуждались любые проявления «низкопоклонства», «раболепия» перед Западом, и даже намеки на «буржуазную культуру». Через художественное воспитание осуществлялась пропаганда советской идеологии и патриотизма. Воздействуя на интеллигенцию, государство пыталось подавить ростки свободомыслия и заставить её «служить народу». Новосибирск являлся крупным культурным центром Западной Сибири. В конце 1940-х гг. здесь находились отделение Союза писателей, единственная в Западной Сибири студия кинохроники, крупные театры, филармония, существовал литературный журнал, действовала радиостанция. Город обладал значительной прослойкой интеллигенции, что давало простор для проведения в жизнь идеологических постановлений ЦК ВКП(б). Реализация постановлений в Новосибирской области была менее масштабной, чем в Москве и Ленинграде, однако здесь присутствовали обсуждение постановлений, критика существующих недостатков, корректировка деятельности органов культуры и искусства и идеологическая работа в духе «советского патриотизма». Под особый контроль была поставлена деятельность поэтов и писателей. На собраниях и в печати критиковались писатели Ф. Олесов и И. Шухов, поэты Л. Кондырев, Е. Стюарт, Л. Мартынов за несоответствие их творений задачам идейного воспитания. Писателям необходимо было сосредоточиться на темах современности и достойно отражать героический труд советских людей. Театры и коллективы художественной самодеятельности Новосибирской области скорректировали свой репертуар в пользу советских пьес, имеющих пропагандистский характер. Под контроль была поставлена деятельность Новосибирской студии кинохроники. Музыкальное вещание «избавили» от иностранного влияния и «меланхоличных настроений». Средства массовой информации способствовали проведению кампаний. Статьи в газете «Советская Сибирь» и журнале «Сибирские огни» отражали основные идеологические установки постановлений, в них критиковались имевшиеся недостатки, они были сигналом другим учреждениям культуры. Постановления ЦК ВКП(б) 1946, 1948 гг. были пронизаны духом кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» (1947 – 1948 гг.), установки которой в дальнейшем использовались во время кампании по борьбе с «космополитизмом» (1949 – 1953 гг.).

Литература

1. Алексеев В. Сибирская конференция писателей // Кузбасс (Кемерово). 1947. 13 дек.
2. Благородные задачи советской литературы // Советская Сибирь (Новосибирск). 1946. 24 сент.
3. Высоцкий А. Произведения, искажающие советскую действительность // Советская Сибирь. 1946. 13 сент.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 10. Д. 345.
5. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 11. Д. 305.
6. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 14. Д. 499.
7. Гижов В. А. Идеологические кампании 1946 – 1953 гг. в российской провинции: по материалам Саратовской и Куйбышевской областей: автореф. … дис. канд. ист. наук. Саратов, 2004. Режим доступа: http://www.-dissercat.com/content/ideologicheskie-kampanii-1946-1953-gg-v-rossiiskoi-provintsii-po-materialam-saratovskoi-i-ku (дата обращения: 13 апреля 2015).
8. Давыдов Д. О музыкальном вещании // Советская Сибирь. 1946. 27 сент.
9. За большевистскую идейность // Сибирские огни (Новосибирск). 1946. № 4.
10. За народность музыки // Советская Сибирь. 1948. 11 марта.
11. Зяблицева С. В. Социокультурный потенциал Западной Сибири и практика его реализации (1920 – середина 1950-х гг.): монография. Кемерово, 2011. 472 с.
12. Кимерлинг А. С. Молотовское эхо идеологической кампании 1946 г.: местная печать разоблачает М. Зощенко и А. Ахматову // Вестник Пермского государственного университета. 2013. Вып. 3 (23). С. 188 – 195.
13. Кунгина О. А. Политико-идеологические кампании в отношении вузовской интеллигенции г. Молотова в 1945 – 1953 годы: дис. … канд. ист. наук. 2014. 295 с.
14. О репертуаре самодеятельных певцов // Советская Сибирь. 1947. 6 авг.
15. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М.: Демократия, 1999. С. 587 – 591.
16. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О кинофильме “Большая жизнь”» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М.: Демократия, 1999. С. 598 – 602.
17. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М.: Демократия, 1999. С. 591 – 596.
18. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М.: Демократия, 1999. С. 630 – 634.
19. Пыстина Л. И. Проблемы изучения научной интеллигенции в послевоенные годы (идеологические кампании 1940-х гг.) // Интеллигенция в советском обществе: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1993. С. 162 – 171.
20. Резолюция общего собрания писателей Новосибирска // Советская Сибирь. 1946. 25 сент.
21. Самокритика – испытанное оружие большевизма // Советская Сибирь. 1946. 25 авг.
22. Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946 – 1964 гг. (на материалах Западной Сибири): монография: в 2-х ч. Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. 224 с.
23. Собрание писателей Новосибирска // Советская Сибирь. 1946. 25 сент.
24. Создать музыку, достойную советского народа // Советская Сибирь. 1948. 2 апр.
25. Среда в редакции «Советской Сибири» // Советская Сибирь. 1948. 2 апр.
26. Чуднов И. А. Партия и интеллигенция. Идеологические кампании 1940-х гг. в Западной Сибири // Интеллигенция России: динамика, образы, потенциал местных культурных гнезд: материалы III всерос. науч. конф. «Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII – XX вв.)». 25 – 27 ноября 1998 г.: в 2 т. Т. II. Омск: Сибирский филиал Российского института культурологи, ОмГУ, 1998. С. 143 – 145.

Информация об авторе:

Колязимова Марина Михайловна – соискатель кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, marina.kolyazimova.90@mail.ru.

Marina M. Kolyazimova – post-graduate student at the Depatment of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

(**Научный руководитель:** ***Генина Елена Сергеевна*** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, whitesiberia@narod.ru.

Research advisor: ***Elena S. Genina*** – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 30.04.2015 г.

УДК 908:027.52 (571.16)

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА СЕЛЬСКИМИ БИБЛИОТЕКАМИ (на примере Томской области)

К. А. Кузоро

PRESERVATION AND PROMOTION OF THE REGION'S CULTURAL HERITAGE IN RURAL LIBRARIES (the example of Tomsk region)

K. A. Kuzoro

Статья подготовлена при финансовой поддержке конкурса РГНФ, проект № 15-33-01261.

В статье на примере современных муниципальных сельских библиотек Томской области проанализированы направления и содержание их работы по сохранению и популяризации культурного наследия. В источниковую базу исследования вошли аналитические отчеты и локальная документация библиотек, материалы библиотечных сайтов, издательская продукция. В ходе проведенного исследования были выявлены основные формы и методы работы библиотек по сохранению культурного наследия края, его актуализации и привлечению к нему внимания населения. В их числе – создание фондов краеведческих документов, архивов неопубликованных материалов по истории районов и сел области; разработка электронных краеведческих ресурсов; издательская деятельность; создание музеев и краеведческих уголков; организация работы клубов и творческих объединений; проведение семинаров, выставок, конкурсов, встреч с писателями, исследователями, общественными деятелями. Выявленный на примере библиотек Томской области опыт может быть применен в практической деятельности сельских библиотек других регионов.

The paper analyzes the focus and the content of the contemporary Tomsk Region municipal rural libraries' work on the preservation and promotion of cultural heritage. The source base of this study includes analytical reports and local records of libraries, materials of library web sites, and published works. The study identified the main forms and methods used by libraries for preserving the region's cultural heritage, its actualization, and their attempts to bring culture preservation to the attention of the population. These include: establishment of funds of local history documents and archives of unpublished materials on the history of the region and the villages of the area; development of electronic local history resources; publishing work; creation of local history museums and local history interpretations; organization of working clubs and creative associations; seminars, exhibitions, competitions, and meetings with writers, scholars, and public figures. The experience of Tomsk Region libraries can be used in practical activities of rural libraries of other regions.

Ключевые слова: культурное наследие, библиотечно-информационная деятельность, сельские библиотеки, краеведение, Томская область.

Keywords: cultural heritage, librarianship, rural library, local history, Tomsk Region.

Сохранение культурного наследия признается сегодня первостепенной общественной задачей. Несмотря на то, что первое упоминание о законодательных нормах по сохранению культурных раритетов датируется XV в., интерес к культурному наследию как к особой категории сформировался к середине XX столетия [9, с. 14]. Значительный вклад в разработку теории культурного наследия был сделан Д. С. Лихачевым, Э. А. Баллером, Ю. А. Ведениным, М. Е. Кулешовой, Э. А. Шулеповой.

В научной литературе под культурным наследием традиционно понимается «совокупность объектов окружающего человека мира, признаваемых на основе культурного опыта человечества и его предпочтений культурными ценностями» [5, с. 312]. В основу современного подхода к пониманию культурного наследия положено широкое представление о наследии, включающее не только памятники истории, культуры и природы, но и живую традиционную культуру, культурные ценности, исторические технологии, культурные ландшафты, цифровое наследие [8, с. 7]. Культурное наследие представляется системным образованием, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и с окружающей средой. Естественно, данный подход к его пониманию далеко не единственный, поскольку культурное наследие – явление крайне сложное и многоаспектное, содержащее множество дискуссионных вопросов и трактовок.

В настоящее время охраной историко-культурного наследия в Томской области занимаются государственные, общественные, муниципальные организации и учреждения: Комитет по культуре, кинофикации и туризму администрации области, Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация», областное отделение всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Свой вклад в дело сохранения, а также актуализации и популяризации культурного наследия вносят и библиотеки.

Участие библиотек в сохранении культурного наследия – тема, в последнее время привлекающая внимание исследователей. Многочисленные вопросы теории и практики были рассмотрены на Международной научной конференции «Раскрывая культурное наследие: новые задачи для библиотек, архивов и музеев» (Санкт-Петербург, 2013); Всероссийских научно-практических конференциях «Проблемы сохранения культурного наследия в библиотеках» (Москва, 2013), «Культура и цивилизация: искусство, библиотеки, музеи» (Томск, 2013), «Культурное наследие: интеграция ресурсов в цифровом пространстве» (Санкт-Петербург, 2014) и т. д.

Следует отметить, что в первую очередь, объектами внимания исследователей становятся областные библиотеки, библиотеки вузов, музеев. При этом подлинным центром общественной и культурной жизни нередко являются муниципальные библиотеки, особенно, если речь идет о сельской местности. На примере современных сельских муниципальных библиотек Томской области проанализируем имеющиеся у них возможности и потенциал в деле сохранения, актуализации, популяризации культурного наследия. Источниковой базой для данного исследования служат аналитические отчеты, локальная документация, издательская продукция библиотек, материалы библиотечных сайтов.

В Томской области действуют 324 общедоступные библиотеки: две государственные (Томская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина и Томская областная детско-юношеская библиотека) и 322 муниципальные библиотеки. Из них 287 библиотек обслуживают население 16 районов области. В большей части районов библиотеки объединены в централизованные библиотечные системы (ЦБС) [11, с. 6].

Универсальный способ сохранения культурного наследия – его освоение, изучение, передача из поколения в поколение, интеграция с новыми формами существования культуры. Актуализация и популяризация культурного наследия библиотеками включает в себя распространение информации о культуре, истории, природе края, обеспечение доступности к ней, в том числе, и через электронные носители информации.

В осуществлении краеведческой работы особое значение приобретает сотрудничество библиотек с различными организациями – муниципальными архивами, музеями, образовательными учреждениями, органами местного самоуправления, центрами культуры, домами детского творчества, музыкальными школами и школами искусств. В числе наиболее распространенных форм сотрудничества – проведение выставок, экскурсий, конкурсов; совместная исследовательская, проектная, грантовая деятельность. Работа по сохранению и популяризации культурного наследия нередко осуществляется в рамках областных и районных программ: «Культура Томского края» (Молчановский район), «Завещано беречь нам этот мир» (Парабельский район), «Возвращение к истокам» (Кожевниковский район) и др.

В каждой из библиотек ведется сбор, хранение и систематизация материала краеведческого характера. Во всех библиотеках организованы и выделены специализированные разделы фонда краеведческих документов, включающие книги, периодические издания, карты, плакаты, электронные документы, аудио-, кино- и фотодокументы. Особое внимание уделяется сохранности районных периодических изданий, содержащих уникальные исторические факты.

Количественный аспект состояния фондов краеведческой литературы отражен в таблице [11, с. 64].

Таблица

Комплектование краеведческих фондов сельских библиотек

Районы Томской области	***Поступило экземпляров***			***Общий объем фонда (экз.)***
	2011 г.	***2012 г.***	***2013 г.***	
Александровский район	19	17	5	794
Асиновский район	964	642	1131	4665
Бакчарский район	119	47	14	869
Верхнекетский район	5	14	0	1826
Зырянский район	178	153	91	1322
Каргасокский район	671	95	278	2820
Кожевниковский район	138	0	64	3500
Колпашевский район	160	193	217	7063
Кривошеинский район	0	26	70	3748
Молчановский район	221	77	52	3014
Парабельский район	135	312	154	2636
Первомайский район	60	167	38	5730
Тегульдетский район	26	23	14	1061
Томский район	90	54	65	4376
Чаинский район	85	87	54	2768
Шегарский район	122	70	111	3340

Способом компенсировать недостаток краеведческой литературы, и в тоже время самостоятельным творческим видом деятельности, является ведение тематических папок, альбомов, дайджестов. Так, в библиотеках Каргасокского района пополняется фонд неопубликованных документов, оформленный в виде документальных досье по таким направлениям, как «Села и деревни Каргасокского района: история и современность», «Экология края, области, района», «Малые народы Томской области: традиции и обычаи», «Каргасокский район: трагедия спецпереселенцев», «Каргасокский район на страницах областной печати» [3, с. 33]. В библиотеках Кривошеинского района создаются папки «Кривошеинский район в годы Великой Отечественной войны», в которых собираются газетные материалы, воспоминания фронтовиков, копии солдатских писем, сочинения школьников, фотографии [7, с. 34]. В Томском районе в данное время в партнерстве с архивом и музеем осуществляется масштабный краеведческий проект по сбору информации об исчез-

нувших селах и деревнях [4, с. 11]. Не менее актуально для сельских библиотек и формирование «народных архивов», содержащих мемуары, дневники, письма, фотографии из личных собраний жителей села, записи воспоминаний старожилов.

К собранным в папках неопубликованным материалам нередко обращаются учащиеся для написания рефератов, докладов, курсовых работ. Кроме того, материалы оказываются востребованными для информационного сопровождения празднования юбилеев районов и сел, открытия памятников.

Проверенной временем, но остающейся по-прежнему эффективной формой популяризации культурного наследия является выставочная деятельность. В сельских библиотеках регулярно оформляются книжные выставки, посвященные природе края и бережному отношению к ней. В год 410-летия Томска в библиотеках были организованы выставки книг и периодических изданий по истории города, области, губернии: «Томск: от крепости к городу», «Стоит над Томью град старинный», «Деревянная архитектура Томска». Книжные выставки способствуют раскрытию фонда и обеспечению большей доступности документов по краеведению.

Большинство сельских библиотек принимает активное участие в совместном проекте по составлению сводной базы данных «Краеведение Томской области», в настоящее время включающей более 24 тысяч описаний статей из районных, городских и областных периодических изданий. Руководит проектом, координирует работу по созданию и развитию базы данных, обеспечивает пользователям доступ к ней Томская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина. Библиотекари районов занимаются библиографической росписью статей из местной прессы и ежеквартально отправляют их в областную библиотеку для включения в сводный электронный каталог на сайте «Земля Томская» [6].

Для продвижения своих услуг и привлечения удаленных пользователей библиотеки ведут работу по созданию сайтов, уделяя особое внимание их наполнению краеведческими материалами. Сайты содержат информацию по истории районов и отдельных поселений, материалы о природных памятниках, о жителях района; библиографические базы данных, виртуальные выставки, литературные произведения местных писателей. Создание электронных историко-краеведческих ресурсов для сельских библиотек – пока еще новое направление, но имеющее большие перспективы, о чем свидетельствует интерес к ним со стороны жителей области.

Располагая богатой документальной и материальной базой, библиотеки становятся инициаторами создания музеев, этнографических уголков, ремесленных мастерских. Также библиотеки содействуют организации краеведческих уголков и кружков в школах, техникумах, училищах.

В Тегульдетской центральной библиотеке работает краеведческий отдел, созданный на основе фондов местного краеведческого музея. В 2001 г. фонды музея перешли в ведение районной библиотеки в качестве краеведческого отдела [10, с. 96]. Отдел располагает четырьмя постоянными экспозициями: «Комната боевой славы», «Русская изба», «Комната ремесел», «Животный мир Тегульдетской тайги». Экспозиции, регулярно пополняемые жителями села, активно используются для проведения образовательных мероприятий с учениками средней школы и профессионального училища.

В 2014 г. в деревне Вавиловка Бакчарского района состоялось открытие историко-краеведческого музея, существенный вклад в создание которого внесла местная библиотека. В музее представлены экспозиции, посвященные истории Вавиловского сельского поселения, Великой Отечественной войне, советской пионерии, быту сельского жителя XX в. В с. Нёготка Каргасокского района также при участии сотрудников библиотеки состоялось открытие краеведческого музея. Основная часть его экспозиции – интерьер деревенской избы, иконы, предметы быта. Библиотека с. Нарым Парабельского района сотрудничает с Музеем политической ссылки, подготавливая совместные мероприятия, обмениваясь материалами, оформляя выставки краеведческого направления в библиотеке [1, с. 57].

Всё большее число сельских библиотек считает значимой задачей создание музейных краеведческих уголков, в их числе: «Галкинская старина» (с. Большая Галка Бакчарского района), «Музей предметов русского быта» (с. Малиновка Томского района), «Истоки» (с. Вороновка Шегарского района), «Уголок боевой славы» (с. Бабарыкино Шегарского района), «Из бабушкиного сундука» (с. Володино Кривошеинского района), «В русской избе» (с. Старица Парабельского района) и др. Читатели принимают участие в создании и развитии таких уголков, пополняя их экспонатами, связанными с историей своих семей.

Все библиотечные музеи и краеведческие уголки выполняют общую цель – сохранение историко-культурного наследия края, возрождение духовных ценностей прошлого, популяризацию фольклора, народных промыслов, ремесел.

В историческом краеведении заложен огромный воспитательный потенциал. Начальные знания о родном крае человек приобретает в детстве, поэтому первоочередная задача, стоящая перед библиотекарями, – пробудить у юных читателей интерес и уважение к истории, обычаям и традициям своего народа, способствовать организации поисково-исследовательской и творческой деятельности. Ряд сельских библиотек постоянно проводит краеведческие уроки для школьников и студентов, ведет работу по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Краеведческие и экологические образовательные программы библиотеки разрабатывают и для детских летних лагерей отдыха.

Формы работы с детьми и подростками различны. Например, Молчановская библиотека сотрудничает с группой «Поиск», организованной при школьном Музее боевой славы, Кривошеинская библиотека регулярно проводит встречи со студентами филиала Томского экономико-промышленного колледжа. На базе Каргасокской библиотеки уже более десяти лет работает «Школа краеведческих знаний», главная задача которой – дать систематические знания об истории, культуре, этнографии и экологии малой родины. Занятия проходят в форме уроков продолжительностью 40 – 45 минут и включают лекционную часть, видеоматериал и обсуждение темы [14]. Среди тем прово-

димых уроков – «Каргасок: лики времени», «Архитектурные жемчужины Каргаска», «Земля переселенцев», «Парад героев», «Литературная карта Каргасокского района», «Информационные ресурсы библиотеки в помощь историко-краеведческой работе» и др. Ежегодно проводится от 15 до 40 занятий, в которых принимает участие от 200 до 700 школьников [14].

Библиотека способна консолидировать местное сообщество в изучении культурного наследия, задавать импульс краеведческим исследованиям. Эффективным способом объединения читателей, привлечения их внимания к сохранению и изучению наследия края является организация клубной работы. В библиотеках действуют клубы как для взрослого населения, так и для детей и подростков: «Раритет» (с. Каргасок), «Краевед» (с. Кривошеино), «Истоки» (с. Большая Галка Бакчарского района), «Помним и чтим» (с. Новоильинка Шегарского района), «Юные краеведы» (с. Трубачево Шегарского района) и др. Основным направлением совместной клубной работы является исследовательская деятельность – сбор материалов о малой родине и ее жителях, изучение родословной представителей местного сообщества, составление генеалогии родов. К поисковой работе привлекаются сельские дома культуры, архивы, школы.

Активизации деятельности населения по изучению края способствуют творческие конкурсы, разрабатываемые и проводимые сотрудниками библиотек. Например, в 2012 г. в Каргасокском районе были проведены творческие конкурсы эколого-социальных и музыкальных видеоклипов. В 2013 г., объявленном годом охраны окружающей среды, в Чаинском районе состоялись конкурсы творческих работ «Вода, озера, реки: как их видят дети», «Жалобная книга природы Чаинского района», в Молчановском районе – конкурс «Посмотри, как мир прекрасен!». В 2014 г., к 90-летию Кривошеинского района был проведен конкурс творческих работ «Я люблю свое село» по направлениям «Видеоролик», «Лучшая презентация», «Литературная работа», «Знаменитые люди» и т. д. В этом же году в Парабели проводился фотоконкурс «В объективе Парабельский район», благодаря которому в фонд центральной библиотеки поступило 172 фотографии [1, с. 54].

Сотрудники библиотек и сами принимают участие в различных конкурсах и проектах. Например, сотрудником Нёготской библиотеки (Каргасокский район) Л. И. Гавриловой был осуществлен проект «Легенды Севера», направленный на сохранение обычаев коренных народов: «Большой праздник в национальном селькупском стиле проходил на берегу реки Акка, в местечке, где в 40-е гг. XX в. располагалось массовое поселение коренных народов Севера» [3, с. 39].

В схожем направлении осуществляется работа в Тегульдетской библиотеке. Коренной малочисленный народ территории района – чулымцы (этнос, появившийся в XVII – XVIII вв., как результат смешения тюркских групп и енисейских кыргызов с мелкими группами селькупов и кетов) сегодня утрачивает свой язык, обычаи и традиции. Поэтому краеведческий отдел библиотеки взял на себя важную задачу «попытаться вызвать у них чувство гордости за свой народ и желание сохранить то, что еще могут передать будущим поколениям старожилы» [2, с. 20]. Сотрудниками библиотеки были разработаны мероприятия для программы «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера Томской области (2014 – 2017 гг.)», направленные на сохранение и популяризацию культурного наследия чулымцев.

Значительную часть краеведческой работы занимает литературное краеведение. В библиотеках проходят литературные вечера, чтения, посвященные творчеству томских писателей, выставки их произведений, творческие встречи и презентации. При библиотеках создаются литературно-творческие объединения и клубы, объединяющие авторов и читателей. Например, «Алексеевская заимка» в Зырянской библиотеке, «Лира» библиотеки с. Красный Яр Кривошеинского района, «Раритет» Каргасокской библиотеки, «Золотое перышко» – детский клуб литературного творчества библиотеки с. Тунгусово Молчановского района и др.

Недостаток публикаций об истории районов, достопримечательностях, природных ресурсах стал предпосылкой для начала систематической издательской деятельности.

В большинстве библиотек отсутствуют издательства, оформленные в качестве самостоятельной структуры. Издательской работой в этом случае занимаются сотрудники отделов обслуживания, автоматизации, методических и библиографических отделов. Лишь у некоторых районных библиотек имеется опыт создания и функционирования собственных издательских центров. В год библиотеки выпускают от 4 до 40 наименований печатной продукции тиражами не более чем по 50 экземпляров.

Развитие библиотечного краеведения активизировало участие библиотек в подготовке и издании краеведческой литературы. Например, в Кривошеино в 2012 г. библиотекой и муниципальным архивом был издан сборник материалов о памятниках и обелисках землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны [12]. Памятники есть в каждом селе района и каждый из них имеет свою историю, отраженную в документах, в сборнике многие из этих материалов были опубликованы впервые. В 2012 – 2013 гг. в Каргасокской библиотеке была подготовлена серия сборников «Архитектурные юбилеи Каргаска». На основе историко-краеведческих исследований сотрудников библиотек и архивов, педагогов, читателей создаются календари юбилейных и памятных дат, путеводители по районам области.

Библиотеки издают библиографические указатели, дайджесты, библиотечные газеты и журналы, рекомендательные списки литературы. Например, к 80-летию Асиновского района в 2012 – 2013 гг. сотрудниками библиотек была проведена масштабная работа по подготовке серии рекомендательных списков литературы: «Батуринское сельское поселение», «Новокусковское сельское поселение», «Большедороховское сельское поселение» и др. Все списки включают историко-географическую справку о поселениях, снабжены вспомогательным справочным материалом.

Еще одним важным направлением издательской деятельности сельских библиотек является публикация литературных произведений местных авторов. В издательском центре «Кедр» Кривошеинской библиотеки ведется активная работа по подготовке к изда-

нию поэтических сборников поэтов-земляков, в Каргасокской библиотеке реализуется проект «Новое имя», в рамках которого публикуются литературные произведения писателей района. В Колпашевском районе издаются сборники с сочинениями учеников детско-юношеской литературной студии: «Первая капель», «Перекресток вдохновений», «Вестник капельской орбиты».

В настоящее время сэкономить на выпуске тиражей печатных изданий позволяет размещение их электронных версий на сайтах. Часть представленных на библиотечных сайтах изданий дублирует печатные экземпляры, часть существует только в электронном варианте. К примеру, не предполагает подготовки печатной версии литературно-художественный краеведческий интернет-журнал Каргасокской библиотеки «Таежная лира» [13]. Его задача – познакомить читателей не только с литераторами, но и с художниками, чье творчество связано с районом, поэтому каждый номер журнала сопровождается рассказом об одном из них и подборкой репродукций картин [3, с. 41].

У библиотек имеется опыт выпуска материалов на CD и DVD-дисках. Сотрудниками Каргасокской библиотеки в 2011 г. была подготовлена подарочная коллекция CD-дисков «Электронная краеведческая АРТ-галерея», состоящая из четырех дисков с мультимедийными презентациями, посвященными творчеству местных художников.

Проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники при осуществлении издательской деятельности – недостаточное финансирование, недостаток времени для подготовки изданий, нехватка специалистов. К тому же, технические возможности библиотек не всегда позволяют осуществить задуманное. Издательская деятельность занимает значительное место в работе сельских библиотек, работая на ее имидж, внося весомый вклад в сохранение культурного наследия края, становясь связующим звеном в передаче накопленных знаний обществу.

Важнейшая задача общественности сегодня – сохранить в культурном наследии все, что достойно памяти нынешних и грядущих поколений, а также сделать культурное наследие доступным для населения, востребованным и актуальным. Благодаря деятельности библиотек происходит сохранение и популяризация историко-культурного наследия края, знакомство с ним жителей сел и деревень области.

Литература

1. Аналитическая справка МБУК «Межпоселенческая библиотека» Парабельского района в 2014 г. / сост. К. В. Красикова. Парабель, 2015. 72 с.

2. Аналитический обзор деятельности МКУ «Тегульдетская районная ЦБС» за 2014 г. Тегульдет, 2015. 38 с.

3. Деятельность библиотек Каргасокского района: аналитическая справка за 2014 г. / сост. И. В. Сурадеева, О. К. Кичигина. Каргасок, 2015. 55 с.

4. Деятельность Межпоселенческой центральной библиотеки и библиотек Томского района в 2014 г.: аналитическая справка. Зональная Станция, 2015. 24 с.

5. Дьячков А. Н. Культурное наследие // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / под ред. В. Л. Янина. М., 2001. Т. 1. С. 312.

6. Земля Томская: краеведческий портал. Режим доступа: http://kraeved.lib.tomsk.ru (дата обращения: 28.03.2015).

7. Информационно-аналитический обзор состояния и деятельности библиотек Кривошеинского района за 2014 г. / сост. Г. Ю. Грищенко. Кривошеино, 2015. 69 с.

8. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

9. Курьянова Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 12 – 18.

10. Масяйкина Е. А. Библиотека и музей: краеведческая деятельность Центральной библиотеки Тегульдетского района Томской области // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 1(13). С. 94 – 98.

11. Муниципальные общедоступные (публичные) библиотеки Томской области: информационно-аналитический обзор состояния и деятельности за 2013 г. / сост. Т. П. Вергановичус. Томск, 2014. 118 с.

12. «Он – образ всех, погибших за Победу»: тематический сборник / сост. Н. П. Пахомова. Кривошеино, 2012. 30 с.

13. «Таежная лира» // Каргасокская межпоселенческая центральная районная библиотека. Режим доступа: http://ru.calameo.com/books/001887182ee28bf1c1b9b (дата обращения: 28.03.2015).

14. Школа краеведческих знаний // Каргасокская межпоселенческая центральная районная библиотека. Режим доступа: http://kargasoklib.sokik.ru/schkola.html (дата обращения: 31.03.2015).

Информация об авторе:

Кузоро Кристина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета, clio-2002@mail.ru.

Kristina A. Kuzoro – Candidate of History, Assistant Professor at the Departement of Library Science, Institute of Art and Culture, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2015 г.

УДК 9.93/94

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА И ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДРОСТКОВОЙ МОЛОДЕЖИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на примере Ставропольского края)

Б. Н. Самбур

MILITARY PATRIOTIC EDUCATION AND LABOUR USE OF TEENAGE YOUTH BEFORE AND AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (the example of Stavropol Kray)

B. N. Sambur

В статье показана эволюция системы военно-патриотического воспитания подростковой молодежи накануне и в начальный период Великой Отечественной войны, уделено внимание особенностям деятельности этой системы в Орджоникидзевском (Ставропольском) крае.

The paper reveals the evolution of the system of military patriotic education of teenage youth before and at the beginning of the Great Patriotic War, attention is paid to the features of this system's activity in Ordzhonikidzevsky (Stavropol) Kray.

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, нормы ГТО, допризывная подготовка, военное обучение, оборонно-массовое движение, трудовое воспитание.

Keywords: military patriotic education, GTO norms, preconscription training, military training, defensive grassroots movement, labour education.

С 1 марта 2015 года в России возрождается военно-патриотическое движение по сдаче норм ГТО (Готов к труду и обороне), впервые введенных еще в начале 1930-х годов. В то время основная цель этого физкультурного комплекса заключалась в повышении уровня оборонно-массовой работы среди населения, прежде всего, учащейся молодежи. По всей стране при активном участии Союза обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства были организованы сотни различных курсов, кружков, школ и центров, которые занялись интенсивной допризывной подготовкой будущих воинов Красной Армии. В них готовились стрелки, водители различных транспортных средств, санитары, связисты и т. д. Популяризация комплексов ГТО расширялась с помощью пропагандистских средств, кроме того, среди учащихся регулярно проводились спортивные соревнования, победители которых награждались специальными значками. К середине десятилетия значкистами ГТО являлись порядка 2,5 млн юношей и девушек [10, с. 218].

Одновременно активисты оборонно-массового движения организовывали для подростков занятия по военной подготовке, знакомили их с основами искусства ведения боя, прививали практические навыки по противовоздушной и противохимической обороне. В конце 1936 года два последних направления подготовки были также включены в комплекс ГТО в качестве самостоятельных дисциплин, предназначенных, в том числе и для учащихся школ, училищ и техникумов. Учебные заведения, которые добивались хороших результатов в выполнении соответствующих норм, награждались коллективным знаком «Готов к ПВХО».

На территории Ставрополья в составе Северо-Кавказского края движение развивалось очень медленно из-за нехватки специалистов, изменения в лучшую сторону произошли после создания Орджоникидзевского края с центром в Ворошиловске. В течение нескольких лет практически во всех городах и районах начали действовать советы Осоавиахима, что позволило значительно увеличить численность секций и кружков, в которых занимались около 120 тысяч молодых людей [1, л. 17]. Три четверти от их общего количества отдавали предпочтение стрелковому делу и другим видам боевой подготовки. В определенной мере этому способствовало большое количество учебных пунктов и летних лагерей, в которых одновременно могли заниматься более двух тысяч человек. Члены стрелковых клубов разбивались на команды примерно по 10 человек, что требовало увеличения штатов инструкторов. К концу 1930-х годов в стрелковых клубах Ставрополья около 200 юных стрелков выполнили нормативы, предназначенные для подготовки снайперов.

Кроме стрелковых секций, среди ставропольских подростков перед войной большой популярностью пользовались конноспортивные кружки и клубы. В городах и в сельской местности края действовали 57 таких структур, которые готовили ворошиловских всадников. В этой связи их работа находилась под постоянным контролем краевых и районных комитетов партии. В результате, к началу Великой Отечественной войны 85 – 90 % ставропольских призывников являлись значкистами ГТО, ГСО и ПВХ, около 500 человек получили знаки ворошиловских всадников [1, л. 18].

В соответствии с законом о всеобщей воинской обязанности допризывная подготовка организовывалась непосредственно в учебных заведениях. Это решение диктовалось необходимостью подготовки резервов для армии и флота. В этих целях с помощью специалистов из Осоавиахима в школах и техникумах комплектовались отряды и команды, которые занимались не только физической подготовкой, но и изучали общевойсковые дисциплины. Периодически с целью практического закрепления полученных знаний проводись учебные сборы. В отчетах центрального комитета Осоавиахима указывается, что к середине 1940 г.

основами военного дела овладели более 2,5 млн допризывников [4, л. 79 – 80].

После нападения Германии на Советский Союз вышло правительственное постановление, согласно которому все граждане СССР должны были обучаться военному делу. Не были исключением и подростки. О том, какое значение придавалось этому вопросу, говорит тот факт, что в военных ведомствах всех уровней были созданы управления, отделы и отделения всеобуча, которые контролировали и направляли работу по военной подготовке на предприятиях и в учебных заведениях. В школьные программы дополнительно к физической культуре были включены занятия по военной подготовке, включая противовоздушную защиту. В августе 1941 года правительство приняло постановление «Об усилении военной и физической подготовки в 8 – 10 классах средних школ», а осенью все школы, училища и техникумы получили указание об организации военно-допризывной подготовки по 110-часовой программе, к которой привлекались учащиеся старших классов. На занятиях подростки учились оборудовать убежища, пользоваться средствами защиты, тушить зажигательные снаряды, оказывать необходимую помощь раненым и пострадавшим. Процесс обучения освещался в периодических изданиях, на страницах местных газет рассказывалось о том, что школьники Ставрополья принимают активное участие в строительстве и оборудовании учебных пунктов и лагерей. На уроках труда они своими руками изготавливали наглядные пособия, макеты оружия и боеприпасов. Позднее по решению крайоно для занятий по военной подготовке в школах, училищах и техникумах был выделен один полный учебный день в неделю [3, л. 24].

В течение этого учебного дня подростки знакомились с прошлым Красной Армии, изучали жизнь и деятельность выдающихся полководцев и военачальников. Большое внимание уделялось военно-физической подготовке, у школьников вырабатывалась выносливость к длительным переходам по пересеченной местности, формировались умения и навыки самостоятельно решать простейшие тактические задачи. Для этого организовывались учебные игры по обнаружению и обезвреживанию диверсионных групп условного противника. Кроме того, школьники знакомились с видами и формами оповещения населения при угрозе воздушного нападения, способами маскировки, строительства укрытий и убежищ. Они приобретали навыки использования индивидуальных и коллективных средств защиты от отравляющих веществ, ликвидации последствий авианалетов и т. п. [11, с. 88 – 90].

Начиная с 1942 года, во всех школьных учебных заведениях страны были установлены так называемые оборонные дни для всех классов без исключения. Ученики начальных классов усиленно занимались физической подготовкой, старшеклассники осваивали программы допризывников в тематических кружках и секциях, тренировались собираться по сигналу тревоги. Девочки изучали основы санитарной работы, практиковались в оказании первой медицинской помощи, посещали курсы радистов и связистов. Одним словом, школьная программа начального периода Великой Отечественной войны была нацелена на подготовку физически крепкого, стойкого и выносливого поколения молодых людей, которые в случае необходимости могли бы достойно заменить своих отцов на фронтах Великой Отечественной войны.

За такими примерами далеко ходить не нужно, источники тех лет сохранили множество свидетельств активного участия подростков в боевых действиях. Взять хотя бы судьбу первого атамана Ессентукского отдела Терского казачьего войска В. А. Коренюгина, который, вопреки существовавшим законодательным нормам, в 14-летнем возрасте взял в руки оружие и встал на защиту родины. В составе действующей воинской части он защищал города и села Северного Кавказа, участвовал в наступательных операциях советских войск, несколько раз был ранен, но всеже выжил и закончил победоносную войну в Берлине. Героическое детство выпало и на долю ставропольца Н. И. Зимина, который уже в 14 лет был награжден медалью «За отвагу», а через год его боевые заслуги были удостоены «Ордена Славы» 3-ей степени [8, с. 58 – 59, 253].

С 12 лет в составе партизанского отряда воевал также житель Станицы Урупской М. И. Муратов; связным командира роты 351 стрелковой дивизии, участвовавшей в обороне Кавказа, служил 15-летний А. Я. Григорьев, в этом же возрасте началась военная биография пятигорчанина И. И. Батарчука, ставропольчанина А. С. Сергеева и многих, многих других.

Несмотря на сложное положение на фронтах в первые годы Великой Отечественной войны, руководство страны продолжало уделять много внимания качеству военной подготовки допризывников. Обо всех мероприятиях военного всеобуча непременно рассказывалось на страницах периодических изданий. Рубрика «Народ готовит боевые резервы для родной Красной Армии» стала составной часть каждого номера центральных и региональных газет. Здесь публиковались результаты учений и соревнований между учебными батальонами старшеклассников, размещались отзывы ветеранов вооруженных сил, бывших и действующих военных. Каждый из них непременно подчеркивал, что подготовка резерва для Красной Армии не должна носить формальный характер. Она должна соответствовать реальным потребностям вооруженных сил и корректироваться с учетом их современного состояния [9].

Инициативу центральной партийной прессы подхватили «Комсомольская правда», «Пионерская правда» и другие детско-юношеские издания. Их публикации сыграли большую роль в организации военно-физической подготовки учащихся. Тематические разделы каждого номера давали доступные для детского понимания объяснения основным понятиям и терминам военной науки. Кроме того, на страницах газет размещались материалы в помощь организаторам военного обучения в подростковой среде, советы и рекомендации по устранению недостатков, подводились итоги. Все это, естественно, способствовало улучшению качества всей системы военного обучения детей, подростков и учащейся молодежи.

Повышению уровня военной подготовки допризывников в рамках всеобуча активно способствовали также добровольные и государственные спортивные общества и организации. При этом они руководствова-

лись постановлением «О работе физкультурных организаций в связи с введением всеобщего военного обучения», которое призывало эти организации предоставлять для проведения военных занятий, тренировок и сборов спортивные сооружения, базы и другие объекты, находившиеся в их ведении. Советы всех добровольных спортивных обществ обязывались участвовать в организации военно-спортивных игр и соревнований. Так физическое воспитание было непосредственно связано с военным обучением подростков, в том числе на уровне школьных программ. Вместе они составили комплекс военно-физической подготовки. Другими словами, массовый спорт приобрел военизированные черты. Эта взаимосвязь была нацелена, прежде всего, на выработку дисциплины, усвоение основных военно-прикладных навыков, необходимых для будущего бойца Красной Армии. Бег на длинные дистанции был заменен кроссом по пересеченной местности с преодолением препятствий, обычные походы стали сочетаться с ориентированием, требовавшим знания топографии и т. п. Кроме того, у учащихся формировался определенный психологический настрой на противодействие агрессии и несправедливости. Эта же взаимосвязь способствовала лучшему усвоению и закреплению военно-прикладных навыков в привычных для подростков естественных условиях [12, с. 54 – 55].

Указ ПВС СССР «О военном положении», подписанный в день начала войны, в числе других вопросов устанавливал и определял порядок трудовой повинности для гражданского населения. Речь идет о работах оборонного характера, восстановлении объектов жизнедеятельности, охране путей сообщения, электрокоммуникаций, линий связи, ликвидации очагов возгорания и т. п. В сельской местности под охрану брались поля и фермы, заготавливались корма, обеспечивалась безопасность складских помещений различного назначения. Формально трудовая повинность предусматривалась для лиц, достигших 16-летнего возраста, однако, довольно часто вместе с взрослыми на оборонных работах трудились и подростки. Здесь-то и пригодились их знания и навыки, полученные на занятиях по военной подготовке.

Вместе с мобилизованными взрослыми, военнослужащими рабочих батальонов и трудармейцами они рыли противотанковые окопы, блиндажи и землянки для укрытий, помогали оборудовать их всем необходимым для размещения постов наблюдения. Когда в 1942 году по решению военсовета Северо-Кавказского фронта началось строительство оборонительных заграждений, протянувшихся от Дона до Терека и Кубани, Ставропольский крайком комсомола организовал участие в работах около 100 тысяч комсомольцев и представителей несоюзной молодежи, в том числе школьников и учащихся средних профессиональных учебных заведений, прошедших военное обучение [7, с. 467].

В то же время далеко не во всех районах Ставрополья военное обучение находилось на должном уровне. В Ипатовском, Новоселицком, Советском и некоторых других сельских районах местное партийное и советское руководство не считало необходимым уделять этому вопросу много внимания и времени. Как следствие, в первые месяцы войны здесь не было организовано патрулирование окрестностей и охрана объектов жизнеобеспечения. В Воронцово-Александровском, Новоалександровском, Старомарьевском и ряде других районов местные руководители отзывали специалистов из состава истребительных и охранных батальонов, а вместо них поручали нести патрульно-постовую службу несовершеннолетним подросткам. Последние к своим обязанностям относились добросовестно и тем не менее краевая военная комиссия указала на необходимость устранения этого недостатка, хотя и не исключала возможности участия юных патриотов в охранных мероприятиях вместе с взрослыми [5, л. 77].

Во время войны в сельской местности действительно не хватало рабочих рук, поэтому партийные органы стали привлекать к мероприятиям и некоторым работам на селе городских учащихся старших классов, профтехучилищ и техникумов. Из их числа создавались отдельные полеводческие звенья и бригады, к которым, кроме учителей, прикреплялись местные специалисты. Сельские районы были заранее распределены между городскими учебными заведениями. Так, учащиеся краевого центра выезжали в колхозы и совхозы Бурлацкого, Дмитриевского, Труновского, Туркменского и некоторых других районов, над которыми шефствовали промышленные предприятия г. Ворошиловска (Ставрополя). Пятигорские школьники трудились в хозяйствах близлежащих Воронцово-Александровского, Курсавского и Курского районов, кисловодчане и ессентучане помогали сельским труженикам Александро-Обиленского, Арзгирского, Архангельского, Левокумского, Новоселицкого и Степновского районов [6, л. 132 – 137].

При этом, однако, организаторы работ в сельской местности не забывали о необходимости продолжения учениками средних школ военной подготовки. То же самое можно сказать и тех старшеклассниках, которые, по решению крайкома партии, изъявили желание и были досрочно приняты на учебу в железнодорожные и ремесленные училища. Данное решение было вызвано необходимостью ускоренной подготовки квалифицированных рабочих специалистов для железнодорожного транспорта и промышленных предприятий. В стенах средних профессиональных учебных заведений вчерашние школьники также занимались военно-физической подготовкой в соответствии с учебными планами. В частности, с ними отрабатывались действия при получении сигнала воздушной тревоги, но уже в условиях производственного предприятия. В Ворошиловске для таких учений была выделена территория одного из металлургических заводов, а в Пятигорске учащиеся совершенствовали свои навыки на мотороремонтном заводе и в депо трамвайного парка [2, л. 48 – 51].

Таким образом, система военного обучения и трудового воспитания подрастающего поколения в советском государстве была создана задолго до начала Великой Отечественной войны, во время которой эта система совершенствовалась и корректировалась в зависимости от реальных условий и обстоятельств военного времени. Эта система значительно ускорила адаптацию подростков в новых социально-политических условиях, помогла многим из них сформировать свое отношение к окружающей действительности, определиться с участием в борьбе с жестокостью и агрессией, найти свое место в жизни.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 490.
2. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18.
3. ГАНИСК. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 5.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 1471.
5. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р. 1852. Оп. 12. Д. 18.
6. ГАСК. Ф.Р. 1852. Оп. 3. Д. 77.
7. Достижения Ставрополья за 40 лет мирного труда. Ставрополь: Книжное изд-во, 1962.
8. Маленькие солдаты Отечественной. 1941 – 1945 гг. / сост. В. Я. Мовзалевский. Ставрополь: ЮРКИТ, 1995.
9. Народ готовит боевые резервы для родной Красной Армии // Правда. 1941. 20 ноября.
10. Отчет Центрального Комитета Осоавиахима СССР и РСФСР Третьему всесоюзному съезду Осоавиахима. М.: Политиздат, 1936.
11. Страницы из истории МПВО-ГО-РСЧС субъектов Российской Федерации / сост. В. А. Владимиров и др. М., 2004.
12. Чудинов И. Г. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917 – 1957 гг. М.: Физкультура и спорт, 1959.

Информация об авторе:

Самбур Белла Наильевна – аспирант кафедры философии, истории и педагогики Северо-Кавказского Федерального университета, филиала в г. Пятигорске, sambur.b@yandex.ru

Bella N. Sambur – post-graduate student at the Department of Philosophy, History and Pedagogics, Pyatigorsk branch of North Caucasian Federal University.

(Научный руководитель: *Рыкун Галина Николаевна –* доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и педагогики филиала Северо-Кавказского Федерального университета в г. Пятигорске, aleksandrrykun@gmail.com.

Research advisor: *Galina N. Rykun* – Doctor of History, Full Professor, Professor at the Department of Philosophy, History and Pedagogics, Pyatigorsk branch of North Caucasian Federal University).

Статья поступила в редколлегию 24.03.2015 г.

УДК 94 (470)

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РЕЭВАКУАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Л. И. Снегирева

ON THE ISSUE OF RE-EVACUATION PROCESS PERIODIZATION

L. I. Snegireva

Предмет исследования – реэвакуационный процесс. Цель статьи – изложение и обоснование авторской точки зрения на важнейшую составляющую реэвакуационного процесса – его периодизацию в связи с дискуссионностью этого вопроса. Исследование осуществлено в соответствии с основными принципами исторической науки. Реализуя принципы историзма, автор рассматривал изучаемые процессы в их развитии, взаимодействии и изменении. В соответствии с принципом объективности использовались разные источники с целью всестороннего изучения вопроса. Проблемно-хронологический метод позволил рассматривать процессы в их динамике. Отмечена слабая изученность проблемы реэвакуации в целом, дискуссионность вопроса периодизации – в частности. Обоснована необходимость начала восстановления народного хозяйства и в связи с этим реэвакуации специалистов. Изложена и обоснована авторская периодизация реэвакуационного процесса. Делается вывод о теснейшей взаимосвязи реэвакуационного и восстановительного процессов и о том, что периодизация реэвакуационного процесса не может рассматриваться без взаимосвязи с периодизацией восстановления народного хозяйства.

The subject of the research is the re-evacuation process. The purpose of the paper is to set forth and substantiate the author's view of a very important and problematical component of the re-evacuation process – its periodization. The research was performed in accordance with the basic principles of historical science. The author implements the principles of historicism by studying the development, interaction and changes of the processes under discussion. The author used various sources in order to make a comprehensive study of the issue in accordance with the principle of objectivity. The problematic-chronological method used for the research allowed to retrace the dynamics of the processes. The author notes that the re-evacuation problem in general and the challenging issue of its periodization in particular appear to be understudied so far. The author substantiates the necessity of starting the recovery of the national economy and thus starting the re-evacuation of specialists. The author develops and substantiates the re-evacuation process periodization and concludes that there existed a very close connection between re-evacuation and recovery processes, and that re-evacuation process periodization cannot be regarded apart from periodization of the national economy recovery.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, реэвакуационный процесс, периодизация, этапы реэвакуации, восстановление народного хозяйства, освобожденные районы.

***Keywords*:** Great Patriotic War, re-evacuation process, periodization, re-evacuation stages, national economy recovery, liberated areas.

По мере освобождения советской территории от врага перед страной вставала новая задача – восстановление разрушенного войной народного хозяйства. В этом сложном процессе важное место занимала реэвакуация – возврат на прежние места эвакуированного населения и материальных ценностей. Являясь составной частью планов военно-хозяйственного строительства в ходе войны, реэвакуация в общем балансе экономики СССР имела огромное значение, как для нужд фронта, так и для повышения уровня жизни населения территорий, пострадавших в результате боевых действий и оккупации.

Проблема реэвакуации населения стала привлекать внимание исследователей только с 90-х годов XX в. [28, с. 186 – 205; 24, с. 173 – 204; 29, с. 22 – 30] и до сих пор остается слабоизученной. В исторической литературе нет единого мнения даже по вопросу периодизации реэвакуационного процесса. Так, уральский историк М. Н. Потемкина, рассматривая качественные и количественные характеристики реэвакуационного процесса, выделяет четыре периода.

1. С декабря 1941 г. по осень 1943 г. – по ее мнению, реэвакуация носила персональный характер, порядок её не был разработан, проходила она параллельно с продолжающейся эвакуацией.

2. С зимы 1943 – 1944 гг. по май 1945 г. – реэвакуация носила организованный и массовый характер, но проводилась в условиях войны; порядок её был регламентирован правительственными распоряжениями.

3. С мая 1945 г. по лето 1946 г. – массовая реэвакуация продолжалась в мирной обстановке, её организацией планомерно занимались переселенческие управления.

4. С лета 1946 г. по 1948 г. – разрешено свободное передвижение по железным дорогам, в результате чего реэвакуация приняла преимущественно индивидуальный самостоятельный характер [24, с. 175].

Не разделяя этой точки зрения, автор выделяет три этапа реэвакуационного процесса.

Первый этап (конец 1941 – 1942 гг.). Начало его связано с разгромом немецких войск под Москвой, в результате которого их продвижение было приостановлено. Одним из первых документов партии и правительства, свидетельствующих о начале восстановительных работ и реэвакуации стало постановление СНК СССР от 29 декабря 1941 г. «О восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне» [27, с. 55], в котором правительство разрешило Наркомуглю возвратить с востока в Подмосковный бассейн эвакуированный инженерно-технический персонал, оборудование и материалы, необходимые для восстановления шахт [27]. В условиях прифронтовой полосы одной из важнейших задач было и восстановление движения поездов на максимально близкое расстояние к линии фронта. Положение на транспорте было тяжелое. К этому времени противнику удалось захватить около 42 процентов протяженности железнодорожной сети [17, с. 170, 172]. Стремясь парализовать работу транспорта, немецкая авиация только в июле 1941 г. произвела 1470 налетов на железнодорожные объекты [17, л. 172]. С 24 июня по 25 августа 1941 г. движение на железных дорогах Белоруссии прерывалось из-за бомбовых и воздушных ударов 49 раз. В октябре-декабре 1941 г. враг производил бомбардировку одновременно 25 железных дорог, в том числе и таких тыловых, как Пензенская, Казанская, Горьковская [30, с. 319, 324].

В результате действий противника железнодорожному транспорту был нанесен большой ущерб. Из 54 железных дорог были разрушены и выведены из строя 32 магистрали (всего 65 тыс. км), 13 тыс. мостов, тысячи станций и депо. Немцы угнали в Германию 15,8 тыс. паровозов и 428 тыс. вагонов [16, с. 177]. Чтобы ускорить восстановление разрушенных железных дорог, от быстрого ввода в эксплуатацию которых зависели темпы наступления Красной Армии, помощь фронту, 3 января 1942 г. ГКО принял постановление «О восстановлении железных дорог», которое обязывало НКПС сосредоточить усилия и средства на первоочередном восстановлении железнодорожных направлений Октябрьской, Северной, Кировской, Московско-Донбасской, Южной. Калининской, Западной, Московско-Киевской дороге. Было организовано Главное управление военно-восстановительных работ, а при фронтах – управления военно-восстановительных работ фронта, что позволило концентрировать силы и средства на первоочередных объектах строительства. Для быстрого и успешного ввода в строй стальных магистралей были созданы специальные подвижные восстановительные и эксплуатационные формирования: военно-эксплуатационные отделения, строительные, монтажные и ремонтные подвижные поезда и т. д. Постановление предусматривало снабжение восстанавливаемых дорог кадрами, необходимыми материалами, строительным лесом, рельсами [15, с. 714 – 719].

Реэвакуация работников железнодорожного транспорта началась в составе военно-эксплуатационных отделений (ВЭО). Эти подразделения были призваны осуществлять эксплуатационные работы на участках железных дорог в прифронтовой полосе. ВЭО следовали за передовыми частями Красной Армии и на освобожденных территориях, организовывали восстановительные и перевозочные работы. Только в первое ВЭО, скомплектованное на Томской дороге в начале 1942 г. вошло 960 железнодорожников разных специальностей. В 1942 на сибирских магистралях были сформированы несколько мостовосстано-

вительных поездов и особых паровозных колонн из 1800 чел. (эвакуированных и сибиряков) [16, с. 82].

18 мая 1942 г. ГКО обязал Наркомат Обороны возвратить на транспорт призванных в Вооруженные силы машинистов, помощников машинистов, то есть рабочих решающих профессий [30, с. 375 – 376]. Согласно распоряжению СНК СССР № 22020 от 18 ноября 1942 г. и Приказу Наркома угольной промышленности Вахрушева от 26 ноября этого же года в Наркомугле было создано Главное управление рабочих кадров, на которое был возложен учёт и перераспределение кадров угольной промышленности, в том числе и эвакуированных на восток страны, их реэвакуация. Это управление занималось в связи с этим организацией и нормированием труда, регулированием заработной платы, трудовой дисциплиной, разработкой и проведением мероприятий по материально-бытовому обслуживанию ИТР, рабочих, служащих, занятых на восстановлении угольной промышленности, в том числе и реэвакуированных [8, л. 7].

Таким образом, на первом этапе, начавшийся после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой процессы восстановления народного хозяйства и реэвакуации, имел ограниченный характер, охватив частично главным образом центральные районы страны (Московскую, Тульскую, Калининскую области). Реэвакуация шла параллельно с продолжающейся эвакуацией из блокадного Ленинграда (январь-апрель 1942 г.), а затем начавшегося второго этапа массовой эвакуации населения (май-декабрь 1942 г.) из Ленинграда, Центральных и Южных районов страны. По данным Статистического отдела Переселенческого управления при СНК РСФСР за первый квартал 1942 г. по реэвакуации из Новосибирской области выбыло 125,9 тыс. чел., а прибыло 46,1 тыс. Западная Сибирь по эвакуации за 1942 год приняла 432,6 тыс. чел. [14, л. 128 – 129]. Гигантские сражения на фронтах, перестройка экономики на военные рельсы, продолжающаяся эвакуация не позволили государству на этом этапе выделить крупные денежные, материальные и людские ресурсы для восстановительных работ. На этом этапе основное внимание концентрировалось на быстром восстановлении отдельных народнохозяйственных объектов и центров. В проведении реэвакуации были сделаны только первые шаги. В это время она касалась главным образом отдельных категорий населения: отзыва ряда партийных, советских, комсомольских, хозяйственных работников, части сотрудников некоторых организаций, НИИ, рабочих коллективов, работников железнодорожного транспорта и сельского хозяйства. Порядок ее еще не был разработан, но был накоплен первый опыт в проводимой работе [4, л. 60; 10, л. 71; 9, л. 16].

Второй этап реэвакуации (январь 1943 – май 1945 гг.) начался после освобождения Красной Армией в ходе зимнего наступления 1942 – 1943 гг. значительной части территории страны. В результате Сталинградской битвы обстановка на фронте изменилась. Это во многом определило особенности процесса восстановления в целом и проведения реэвакуации в частности.

В январе 1943 г. коллегия Госплана СССР начала разработку единого плана восстановления и развития экономики освобожденных областей, включая и механизм реэвакуации [19, с. 13, 15]. Постановлением от 23 января 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов» ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязали Наркомзем и Наркомсовхозов реэвакуировать из тыловых областей, в том числе и Западной Сибири в освобожденные области к началу весеннего сева сельхозтехнику и механизаторские кадры [5, л. 59 – 75]. В феврале 1943 г. при Госплане СССР было образовано Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах, в составе которого действовал Отдел по реэвакуации материальных ресурсов и населения [1, с. 25]. В это же время в стране широко развернулось движение за создание при Правительстве СССР специального фонда помощи освобожденным областям (в том числе и реэвакуированному населению, возвращающемуся в родные края). Инициаторами этого Всесоюзного движения стали колхозники Баядаевского аймака Иркутской области [25].

21 – 22 января 1943 г. на Пленуме Сталинградского обкома партии был рассмотрен и принят план возрождения города, где располагались такие крупные предприятия как Сталинградский тракторный завод, металлургический завод «Красный Октябрь», машиностроительный завод «Баррикады». Одним из первых объектов восстановления стал металлургический завод «Красный Октябрь». 15 мая 1943 г. ГКО принял специальное постановление о восстановлении этого гиганта [2, с. 118]. В феврале-марте 1943 г. после освобождения некоторых районов Ворошиловградской, Сталинской и Ростовской областей начались первые восстановительные работы в Донбассе. Вместе с расширением восстановительного процесса набирал силу процесс реэвакуационный. В марте-апреле 1943 г. из тыловых областей, в том числе и из Западной Сибири усилилась переброска учреждений [10, л. 31], партийных, советских работников [6, л. 310 – 318, 342], специалистов народного хозяйства [11, л. 210, 218; 12, л. 54]. С января по сентябрь 1943 г. только в Москву из 11 городов страны были реэвакуированы 61 учреждение Академии наук СССР, многие отраслевые научные учреждения и высшие учебные заведения [23, с. 10].

Коренной перелом в Великой Отечественной войне стал предпосылкой широкого развертывания восстановительных работ на всей освобожденной от врага территории. Огромную роль в ускорении темпов восстановительных работ и реэвакуации сыграло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» [20, с. 145 – 179]. В нем впервые был поставлен вопрос о комплексном восстановлении экономики, дана развернутая программа первоочередных восстановительных работ в ходе войны в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, образования, культуры, оно обязывало обкомы тыловых

областей возвратить всех эвакуированных к их прежним местам работы [20]. Это означало начало массовой реэвакуации. Во исполнение этого решения при СНК СССР был создан Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от гитлеровской оккупации. Ему поручалось руководить и контролировать выполнение решений партии и правительства [21, с. 65]. При всех наркоматах были созданы специальные комиссии по восстановлению подведомственных им объектов народного хозяйства, обеспечивавшие и организованную реэвакуацию населения [22, с. 386 – 387].

В дальнейшем программа восстановительных работ и реэвакуации была конкретизирована в целом ряде постановлений ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР («О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна» (26 октября 1943 г.); «О неотложных мероприятиях по восстановлению системы водоснабжения Донбассводтреста и предприятий Наркомчермета в Донбассе» (16 ноября 1943 г); «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.» (29 марта 1944 г.) и др. [15, с. 802 – 817, 829 – 834, 843 – 854]. В этой связи особенно остро встал вопрос об умелом перераспределении трудовых ресурсов между тыловыми и пострадавшими районами страны. В освобожденные районы направлялись материальные и людские силы.

Таким образом, на втором этапе восстановление народного хозяйства и связанный с ним реэвакуационный процесс приобретают, во-первых, больший размах, и, во-вторых, четкие организационные формы: создаются Управление по восстановлению народного хозяйства при Госплане СССР, при СНК СССР – специальный Комитет по этим вопросам, при всех наркоматах – специальные комиссии с отделами по реэвакуации населения, строительно-восстановительные управления, специальный фонд братской помощи. С осени 1943 г. в стране началась массовая реэвакуация, которая продолжалась до конца войны.

Третий этап восстановления народного хозяйства и реэвакуационного процесса связан с послевоенным периодом (1945 – 1948 гг.). К концу войны в восточных районах страны, в том числе и Западной Сибири, оставалось еще значительное число эвакуированного населения. По данным Статистического отдела Переселенческого управления при СНК РСФСР на 1 октября 1945 г. только в Западной Сибири (без эвакограждан, проживающих в г. Новосибирске) числилось 201,5 тыс. человек [3, с. 332], а с учетом их, не менее 260 – 270 тыс. [3] Большое число эвакуированных специалистов, подлежащих реэвакуации, продолжало работать на предприятиях, шахтах и т. д. Так, на 17 апреля 1946 г. в восточных угольных бассейнах и, прежде всего в Кузбассе, трудилось 3,5 тыс. шахтеров Донбасса, 14,8 тыс. металлургов Юга. По данным Министерства Черной металлургии СССР на предприятиях Востока на 1 сентября 1947 г. еще было занято 8053 рабочих, эвакуированных с предприятий южных районов страны [26, с. 90, 172, 188; 18, с. 57]. Анализ архивных документов свидетельствует о том, что на третьем этапе массовая и индивидуальная реэвакуация шли параллельно. Массовая реэвакуация носила организованный характер, порядок ее был регламентирован правительственными Постановлениями и распоряжениями [7, л. 176 – 177; 13, л. 72, 72 об, 73]. Индивидуальная реэвакуация до лета 1946 г. была ограничена. С лета, когда правительством было разрешено свободное передвижение по железным дорогам, она усилилась и продолжалась до конца 40-х годов. Общее руководство всей работой осуществлял Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения, действующий в составе аппарата Совнаркома РСФСР, Совнаркомов автономных республик и обл. (край) исполкомов, созданный Постановлением СНК СССР от 31 января 1942 г. В компетенцию отдела ранее входила эвакуация и бытовое устройство эвакограждан. С 14 августа 1945 г. этот отдел вернул себе довоенное наименование – Главное Переселенческое управление при СНК СССР, в составе которого действовал отдел по реэвакуации и репатриации, существовавший до 1950 г. [1, с. 26] К концу 40-х годов эваконаселение было снято с учета перестало существовать как особая социальная категория.

Выводы

Советское государство впервые осуществляло реэвакуацию. И хотя во время проведения эвакуации населения уже был накоплен опыт массового перемещения людей в экстремальных условиях, реэвакуационный процесс во многом отличался от эвакуационного. Основным направлением реэвакуации было западное. Проводилась она постепенно. Начало ее было связано с необходимостью восстановления народного хозяйства. По мере расширения этого процесса усиливались и реэвакуационные потоки, ибо реэвакуация была составной частью планов военно-хозяйственного строительства, имела огромное значение для нужд фронта и возрождения жизни на освобожденной земле. Реэвакуация и восстановление народного хозяйства тесно взаимосвязаны. Периодизация реэвакуационного процесса не может рассматриваться без взаимосвязи с периодизацией восстановления народного хозяйства. Представленная в статье периодизация реэвакуационного процесса, на наш взгляд, наиболее объективно отражает историческую действительность.

Литература

1. Афанасьева Ю. Л. Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны (на примере Курской области): автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2002.

2. Водолагин М. А., Щеглов В. Н. Металлургический завод «Красный Октябрь». М., 1957.

3. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. / сост. и отв. ред. Л. И. Снегирева. Томск, 2005. Т. 1: «Исход».

4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-10. Оп. 25. Д. 1.
5. ГААК. Ф.Р-834. Оп. 11. Д. 44.
6. ГААК. Ф.П-1. Оп. 18. Д. 272.
7. ГААК. Ф.Р-834. Оп. 1. Д. 234.
8. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.Р-456. Оп. 10. Д. 48.
9. ГАКО. Ф.Р-18. Оп. 3. Д. 98.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р-1030. Оп. 1. Д. 129.
11. ГАНО. Ф.П-4. Оп. 7. Д. 373.
12. ГАНО. Ф.П-4. Оп. 7. Д. 8.
13. ГАНО. Ф.Р-1366. Оп. 1. Д. 117.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А-327. Оп. 2. Д. 400.
15. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. (1929 – 1945 гг.). М., 1957.
16. Елизаров И. В. Деятельность партийных организаций по обеспечению бесперебойной работы железнодорожного транспорта Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Томск, 1979.
17. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945: в 6 т. Т. 2. М., 1961.
18. История социалистической экономики СССР. Создание экономики развитого социализма 1946 – начало 60-х годов. М., 1980.
19. История СССР. 1968. № 6.
20. Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 года – 1945 год). Документы и материалы. М., 1961.
21. КПСС в решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 6. М., 1971.
22. Митрофанова А. Ф. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971.
23. Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Очерки. Воспоминания. Документы. М., 1996.
24. Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы: монография. Гл. 6. Магнитогорск. 2002.
25. Правда. 1943. 20 апреля.
26. Приходько Ю. А. Восстановление индустрии. 1942 – 1950. М.. 1973.
27. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917 – 1967. М., 1968. Т. 3.
28. Родионов Н. А. Реэвакуация советских и иностранных граждан из Удмуртской АССР в 1943 – 1948 гг. // Новые исследования по истории Удмуртии. Ижевск, 1991.
29. Снегирева Л. И., Сафонова Т. А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942 – 1945 гг.) // Вестник ТГПУ. 2004. Вып. 4 (41). (Серия: Гуманитарные науки. История. Археология).
30. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941 – 1945. М., 1970.

Информация об авторе:

Снегирева Людмила Илларионовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и культурологии Томского государственного педагогического университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, snegireva@vtomske.ru.

Ludmila I. Snegireva – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian History and Culturology, Tomsk State Pedagogical University, Honorary Worker of Professional Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редколлегию 27.03.2015 г.

УДК 94 (470)

РЕЭВАКУАЦИЯ ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОСВОБОЖДЕННЫЕ РАЙОНЫ СПЕЦИАЛИСТОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (1943 – 1945 ГГ.)

Л. И. Снегирева

RE-EVACUATION OF AGRICULTURALISTS FROM WESTERN SIBERIA TO LIBERATED AREAS (1943 – 1945)

L. I. Snegireva

Предмет исследования – реэвакуация специалистов сельскохозяйственного производства из сибирского региона, вызванная необходимостью восстановления сельского хозяйства в освобожденных от вражеской оккупации районах страны, от чего в немалой степени зависело усиление экономического и военного могущества страны. Цель статьи – путем комплексного изучения вопроса выявить состояние кадров, механизмы реализации основных направлений деятельности, ее масштабы и результаты. Исследование проведено в соответствии с основными принципами исторической науки. Показано, что проведению реэвакуации предшествовала большая подготовительная работа в центре и на местах. Вопросы откомандирования кадров были в центре внимания властных структур. Внимание акцентируется на напряженности заданий, трудности их выполнения, недостатках и итогах. Делается вывод о том, что, несмотря на все сложности, задания по реэвакуации специалистов выполнялись, но это имело серьезные последствия для социально-экономического развития региона.

The research focuses on the re-evacuation of agriculturalists from Western Siberian caused by the necessity of the restoration of agricultural industry in the country's areas liberated from the enemy's occupation. So the strengthening of the country's economical and military power was dependent on this to a significant extent. The objective of the paper is to elicit the state of the human resources, the mechanisms of the performing the activity in its main directions, its extent and results. The research performed in accordance with the basic principles of historical science. The paper allows us to see that the work was preceded by great preparative efforts of the centre and locally. The attention of the authorities was focused on the issues of specialists' re-evacuation. We accentuated the tensity of the tasks, the hardness of their implementation, their disadvantages and results. The author concludes that despite all the difficulties the tasks of specialists re-evacuation were fulfilled, but it led to serious consequences for the social and economic development of the region.

***Ключевые слова*:** Великая Отечественная война (1941 – 1945 гг.), реэвакуация, Наркоматы, Наркомзем, политотделы, освобожденные районы.

Keywords: Great Patriotic War (1941 – 1945), re-evacuation, People's Commissariats (Narkomats), People's Commissariat for Agriculture (Narkomzem), Political Departments (politotdels), liberated areas.

В годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) в СССР имели место широкомасштабные миграционные процессы, связанные не только с эвакуацией, но и с последующей реэвакуацией населения. Опыт, приобретенный нашей страной в связи с решением этих задач, является уникальным. Изучение его необходимо для осмысления причин и цены Победы советского народа в войне. Однако до сих пор эти проблемы относятся к числу слабоизученных и, прежде всего, реэвакуация, которая до последнего десятилетия практически не привлекала внимания исследователей. Между тем её изучение важно для понимания миграционных, демографических проблем в целом, людских судеб в частности, роли реэвакуации и ее влияния на кадровый потенциал восточных областей, в том числе Западной Сибири. Начало реэвакуации связано с разгромом немецких войск под Москвой (1941 г.) и началом восстановления народного хозяйства. Со второй половины 1943 г. восстановительные работы и связанный с ними реэвакуационный процесс расширились. Решающую роль в этом сыграло осуществление мер, предусмотренных Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» [21, с. 131 – 168]. Развернутая программа по восстановлению всех отраслей хозяйства, в том числе и сельского, намеченная в этом постановлении, обязывала властные структуры тыловых областей возвратить всех эвакуированных и прежде всего специалистов к прежним местам их деятельности. Такое решение стало возможным благодаря большой подготовительной работе.

Начиная с 1942 г. Главное Управление кадров Наркомзема вело учет эвакуированных работников и специалистов сельского хозяйства. К началу 1943 г. было выявлено 10525 человек, из которых 1232 человек работали на руководящей работе, а 7426 – специалистами сельскохозяйственного производства [17, л. 195 – 196]. Среди руководящих работников были Наркомы земледелия республик, начальники краевых и областных отделов земледелия и их заместители – 62 человека, директора совхозов – 550 человек, заведующие районными отделами земледелия (РайЗО) – 122 человека, начальники производственных управлений Наркоматов земледелия, краевых и областных земельных отделов – 98 человек, прочие – 400 человек. Из специалистов было учтено 3491 агрономов, 1498 – зоотехников, 1072 – ветработников, 769 – инженеров-механиков, 597 – землеустроителей, гидротехников, мелиораторов. Кроме руководителей и спе-

циалистов, было учтено 587 счетных работников и 1280 работников массовых специальностей [17].

Подобная работа велась и республиканскими Наркомземотделами. Так, Наркомземотделом Украинской ССР в начале 1943 г. было выявлено 2760 работников сельского хозяйства республики, эвакуированных в восточные районы страны, в том числе в Западную Сибирь. В их числе: 254 директора МТС, 89 заведующих райземотделами, 1110 агрономов, 486 зоотехников, 209 ветврачей, 286 механиков, 144 землеустроителя, 137 бухгалтеров, 48 работников хозорганизаций [18, л. 40]. Всем учтенным специалистам были направлены письма, на которые ответили около 1,5 тыс. человек. Они сообщили свои адреса и места работы. Получены были и подтверждения из районов об уходе части эвакуантов в армию, выезде их в другие местности, их новые адреса.

Реэвакуация специалистов осуществлялась по спискам, которые составлялись и представлялись в тыловые районы Наркомземами (республик, областей, крайЗО) освобожденных областей. Руководители тыловых областей, в которых находились выявленные специалисты, получали указания о их реэвакуации на прежние места работы. Работа велась по разным направлениям. Персональная реэвакуация специалистов началась еще в 1942 г. По мере освобождения территорий от немецких захватчиков она усиливалась, а после принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. стала массовой. Многочисленные документы свидетельствуют об огромной напряженности в проводимой работе. Вопросы реэвакуации специалистов, их освобождения от работы рассматривались партийными и советскими органами. По каждой кандидатуре принималось решение, подбиралась и утверждалась их замена. Так, Алтайский крайком ВКП(б) на заседаниях бюро 27 февраля – 3 марта 1943 г. ежедневно рассматривал вопросы об освобождении руководителей от занимаемых должностей в связи с их отзывом по месту прежней работы. 27 – 28 февраля слушался вопрос «О начальниках политотделов МТС и совхозов». В результате обсуждения было освобождено от работы и снято с партийного учета 23 человека, в том числе начальник политотдела Айской МТС И. Н. Шостак, Шипуновской – А. В. Мордвинов, Карасукской – Н. М. Евгожуков, Ситниковской – М. Н. Новохатный, Топчихинский – И. П. Масютин и др. В начале марта обсуждался вопрос «О директорах МТС». Решено было освободить от работы и снять с партийного учета в связи с реэвакуацией 5 директоров, в том числе директора Поспелихинской МТС Н. Т. Шпилько, Приобской – И. В. Кузьмина, Богословской – Г. И. Крендель, Краснощековской – Н. В. Киян, Кипринской – МТС Тюменцевского района – В. И. Пимкина, а 2 – 3 марта на повестке дня стоял вопрос «О кадрах для МТС и совхозов». В принятом постановлении подчеркивалось: «За последнее время большое число работников МТС и совхозов откомандировано по реэвакуации в западные области». Отметив тяжелое положение в крае с кадрами, бюро крайкома партии поручило отделу кадров крайкома ВКП(б) и горкомов к 15 марта 1943 г. мобилизовать из Барнаула – 50, Бийска – 25, Рубцовска – 10 человек на руководящую работу в МТС и совхозы края [2. л. 310 – 318, 342]. Подобное положение было во всех областях Западной Сибири. С осени 1943 г., как указывалось выше, эта работа приобрела массовый характер.

По Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. Наркомзем должен был откомандировать эвакуированных специалистов к прежним местам работы из всех тыловых областей. Согласно этому документу руководство семи восточных областей РСФСР, в том числе и сибирских, должно было реэвакуировать всех руководителей земельных органов и специалистов сельского хозяйства к месту их прежней работы не позднее 15 октября 1943 г. [21, с. 154]. Всего за месяц после выхода в свет постановления из Западной Сибири было откомандировано 879 специалистов [17, л. 168 – 169]. Работа продолжалась и с августа по декабрь 1943 г. Главное управление кадров Наркомзема СССР и Наркомземов республик вновь направили эвакуантам в восточные районы страны 3756 вызовов [17, л. 196]. В дальнейшем СНК СССР принял ряд постановлений, которые непосредственно касались вопросов восстановления сельского хозяйства и реэвакуации специалистов по отдельным освобожденным областям. В них правительство требовало откомандирования эвакуированных кадров к прежним местам работы [4, л. 188, 229, 330 – 331]. Эти постановления стали программой деятельности для властных структур восточных областей, в том числе и Западной Сибири по откомандированию специалистов сельского хозяйства. Так, согласно Постановлению СНК СССР от 19 октября 1943 г. проводилась реэвакуация специалистов сельского хозяйства в Калининскую, Орловскую, Смоленскую, Курскую области; от 7 ноября 1943 г. – в совхозы освобожденных районов Украины; от 20 ноября 1943 г. за № 1300 – в совхозы Ворошиловградской, Сталинской, Сумской и Харьковской областей Украинской ССР; от 2 декабря 1943 г. за № 1344 – в совхозы Ростовской области; от 27 декабря 1943 г. за № 1426 – в Витебскую, Могилевскую, Гомельскую, Полесскую области Белорусской ССР; от 27 декабря 1943 г. за № 1427 – в совхозы Краснодарского края [4].

В начале декабря 1943 г. Алтайский крайисполком принял постановление «О реэвакуации руководящих работников, специалистов, квалифицированных рабочих совхозов, предприятий и учебных заведений системы Наркомсовхозов», обязав директоров трестов и совхозов системы Наркомсовхозов СССР в Алтайском крае, председателей гор(рай)исполкомов выявить все категории указанных выше специалистов, эвакуированных в Алтайский край из Ростовской области, и откомандировать их к месту прежней работы не позднее 15 января 1944 г. [5, л. 340]. Выполняя правительственные задания, в 1943 г. руководство Алтайского края реэвакуировало на запад 954 руководящих работника и специалиста сельского хозяйства. Выбывшие по реэвакуации кадры номенклатуры крайкома ВКП(б) составляли 25,7 % всех сменившихся сельхозкадров в крае за этот период [3, л. 81]. Аналогичная картина наблюдалась в Новосибирской и Омской областях. Из Омской области на 12 ноября

1943 г. было откомандировано на запад 1219 специалистов сельского хозяйства. Из них 45 начальников и зам. начальников политотделов, 44 директора МТС и совхозов, 49 агрономов, 44 механика, 25 работников «Заготзерно» и «Заготскота», 237 комбайнеров, 713 трактористов, и это в условиях, когда только по МТС Омской области недостаток руководящих кадров и ведущих специалистов составлял 487 человек [1, с. 15]. В результате проводимой в Западной Сибири и в целом в восточных районах страны работе уже к концу 1943 г. значительная часть руководящих работников и специалистов сельского хозяйства вернулась в освобожденные районы Воронежской, Курской, Сталинградской, Ростовской, Калининской, Орловской, Смоленской областей, Краснодарского и Ставропольского краев РСФСР и некоторых областей УССР к местам своей прежней работы [16, с. 270]. К началу 1944 г. из эвакуации, в том числе и из Западной Сибири, в освобожденные районы прибыло 2647 человек. Из них: 389 руководящих работников и 2258 специалистов сельского хозяйства, в том числе 754 агронома, 369 ветеринарных врачей, 267 зоотехников, 277 инженеров-механиков и 591 специалист прочих сельскохозяйственных специальностей [16].

Особенно активно работа по отзыву специалистов развернулась в 1944 г. В этот период откомандирование сельхозкадров шло по Постановлениям правительства от 3 апреля 1944 г. за № 108 – в Ленинградскую область; от 22 января 1944 г. за № 78 – в Запорожскую, Полтавскую, Черниговскую, Днепропетровскую области Украины; от 28 февраля 1944 за № 218 – в совхозы Гомельской, Могилевской, Полесской и Витебской областей Белоруссии; от 3 октября 1944 г. за № 1324 – в Белоруссию; от 10 ноября 1944 г. за 1564 – в Киевскую, Житомирскую, Винницкую, Каменец-Подольскую, Кировоградскую, Одесскую, Николаевскую, Херсонскую, Днепропетровскую области Украины; от 3 февраля 1945 г. за № 218 – в Псковскую область [6, л. 54 – 56,149; 14, л. 1, 171]. Уже перечень правительственных постановлений свидетельствует об огромном напряжении в работе. Это можно продемонстрировать и на примере Алтайского края. 14 февраля 1944 г. Алтайский крайисполком выносит постановление «О реэвакуации работников Наркомсовхозов Запорожской, Полтавской, Черниговской, Днепропетровской областей» [7, л. 155]. 1 марта 1944 г. – «О реэвакуации сельхозработников Смоленской области» [8, л. 15], 31 марта 1944 г. – «О реэвакуации специалистов сельского хозяйства Молдавской СССР» [9, л. 26], 17 июня 1944 г. – «О реэвакуации Воронежского сельскохозяйственного института» [10, л. 146]. Столь напряженно велась работа и в других областях.

За первую половину 1944 г. из тыловых областей, включая Западную Сибирь, было реэвакуировано 5325 человек. Среди них – 1760 агрономов, 668 зоотехников, 620 ветработников, 483 механиков, 342 бухгалтера и счетных работника, 1453 человек прочих сельскохозяйственных специальностей [19, л. 13 – 14]. Отзывались и местные кадры. К концу 1944 г. из эвакуированных специалистов, находившихся в восточных областях, в том числе в Западной Сибири, было отозвано 9454 человек и 6078 откомандировано из местных работников [20, л. 113]. Необходимо отметить, что задания по откомандированию руководителей сельского хозяйства и специалистов не всегда выполнялись в срок и полностью. Причины этого были разные. Выше указывалось, что реэвакуация специалистов велась по спискам. В них иногда попадали люди, которые по каким-то причинам не выехали в восточные районы, иногда указывались неточные адреса, что затрудняло поиски реэвакуантов. Многие ушли на фронт уже из мест эвакуации, кто-то погиб, кто-то ушел из жизни в сибирском тылу. Часть специалистов сменила место работы и прописку в связи с переводом на другую работу, подчас не связанную с сельскохозяйственным производством. Были и другие причины, главная из которых – тяжелое положение с кадрами, что заставляло руководителей на какое-то время задерживать эвакуированных специалистов.

Сложность и противоречивость этого процесса можно рассмотреть на примере Новосибирской области. В телеграмме от 29 декабря 1943 г. Наркому совхозов СССР тов. Лобанову и заведующему Управления кадров ЦК КП (б) Украины тов. Бутову, уполномоченный ЦК КП (б) Украины по откомандированию кадров из Новосибирской области тов. Пинчук сообщал о задержке руководителями Новосибирской области директоров: Баклушевского молсовхоза – М. П. Николенко, Коченевского зерносовхоза – А. И. Столпакова, Гандического молсовхоза – А. И. Жуковского, свиносовхоза «Буксир» – М. П. Решетняк, подлежавших реэвакуации на Украину. Обком мотивировал задержку этих специалистов отсутствием вызова Наркомата совхозов и нехваткой кадров. Только вмешательство наркомата решило вопрос об их откомандировании к прежнему месту жительства [11, л. 341, 350]. Иногда в этот противоречивый процесс вмешивались очень высокие инстанции. Так, 10 октября 1943 г. в Новосибирском обкоме ВКП(б) на имя М. В. Кулагина была получена телеграмма серии «Г» за подписью А. И. Микояна, в которой говорилось о недопустимости задержки отзываемых по реэвакуации в освобожденные районы эвакуированных работников Наркомата заготовок Желтковича, Данилюк, Пяткова, Коземова, Черемысина, Базанова, Демченко, Шаталова, Зиновьева. «Это, – указывалось в телеграмме, – приводит к задержке организации заготовительного аппарата и к замедлению развертывания заготовок в освобожденных районах. Необходимо в трехдневный срок откомандировать указанных работников по назначению. Об исполнении прошу телеграфировать» [12, л. 106]. Но, несмотря на строгие требования по откомандированию эвакуированных работников, положение с кадрами было столь сложным, что задержки имели место и дальше. В середине ноября 1944 г. Уполномоченный ЦК ВКП(б) в Новосибирской области по отбору украинских кадров тов. Сахаров направил в ЦК ВКП(б) тов. Шаталину телеграмму о том, что Новосибирский обком, ссылаясь на критическое состояние со специалистами сельского хозяйства в области, категорически возражает против реэвакуации специалистов сельского хозяйст-

ва – украинцев, согласно списков, полученных от ЦК компартии Украины [13, л. 17, 64]. Позиция Новосибирского обкома станет понятна, если учесть, что с сентября по декабрь 1943 г. из области только на Украину уже выехало 400 руководителей сельского хозяйства и специалистов этой отрасли. Не одна сотня специалистов была уже реэвакуирована в другие западные районы [11, л. 355].

Анализ документов свидетельствует о том, что при всей сложности положения с кадрами в сибирском регионе в освобожденных и разграбленных фашистами районах положение было еще более тяжелым, а реэвакуация специалистов – жизненно необходимой для возрождения жизни на освобожденной земле. Как бы ни трудна была проводимая работа, задания по реэвакуации кадров выполнялись. Это позволило людям вернуться в родные края, многим воссоединиться с семьями, родными. Лишь небольшая их часть осталась на сибирской земле на постоянное место жительства. Реэвакуированные кадры вместе с вышедшими из подполья и партизанских отрядов составляли ту силу, на которую опирались местные органы власти, развертывая работу по восстановлению сельского хозяйства своих областей. Пребывание эвакуированных специалистов в сибирском тылу и последовавшая за этим их реэвакуация оказали существенное влияние на дальнейшее развитие Западно-Сибирского региона.

Литература

1. Бобров А. Б. Алтайская партийная организация в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1962.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп.18. Д.272.
3. ГААК. Ф. П-1. Оп.18. Д.549.
4. ГААК. Ф. Р-834. Оп.11. Д.45.
5. ГААК. Ф. Р-834. Оп.1. Д.166.
6. ГААК. Ф. Р-834. Оп.11. Д.48.
7. ГААК. Ф. Р-834. Оп.1. Д.212.
8. ГААК. Ф. Р-834. Оп.11. Д.52.
9. ГААК. Ф. Р-312. Оп.1а. Д.86.
10. ГААК. Ф. Р-834. Оп.1. Д.214.
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп.7. Д.15.
12. ГАНО. Ф. П-4. Оп.34. Д.168.
13. ГАНО. Ф. П-4. Оп.34. Д.179.
14. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф-829. Оп.2. Д.4,11.
15. Козырева С. Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по руководству совхозами в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1973.
16. Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.7486. Оп.18. Д.896.
18. РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.3389.
19. РГАЭ. Ф.7486. Оп.18. Д.900.
20. РГАЭ. Ф.7486. Оп.4. Д.755 (ч.2).
21. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917 – 1967). М., 1968. Т. 3.

Информация об авторе:

Снегирева Людмила Илларионовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и культурологии Томского государственного педагогического университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, snegireva@vtomske.ru.

Ludmila I. Snegireva – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian History and Culturology, Tomsk State Pedagogical University, Honorary Worker of Professional Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редколлегию 23.03.2015 г.

УДК 94(470+571.513

СОЗДАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КООПЕРАТИВОВ В СССР (1987 – 1989 ГГ.)

Е. В. Тышта

CREATING THE NORM OF LAW FOR COOPERATIVES IN THE USSR (1987 – 1989)

E. V. Tyshta

Данная статья посвящена анализу процесса формирования нормативно-правовой основы модернизации советской экономики, появлению в ней новых элементов: кооперативного движения и индивидуальной трудовой деятельности. Автор рассматривает их как ценности эпохи Перестройки и приходит к следующему выводу, что период 1987 – 1989 гг. можно охарактеризовать как поверхностную модернизацию, когда вводились отдельные элементы рыночного хозяйства: кооперативы, индивидуальная трудовая деятельность, возможность более активно организовывать приусадебное хозяйство, но структурные изменения в экономике СССР не произошли.

The paper analyses the process of forming the legal basis for modernization of the Soviet economy, the emergence of new elements of cooperatives movement and individual enterprise. The author considers them as values of the era of Perestroika and comes to the conclusion that the period of was 1987–1989 characterized by superficial modernization, when some elements of the market economy were observed: cooperatives and individual labour activity, but structural changes did not appear in the economy of the USSR.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт, кооператив, модернизация, Перестройка, индивидуальная трудовая деятельность.

Keywords: normative legal act, cooperative store, modernization, Perestroika, individual labors activity.

Период реформирования советского общества 1985 – 1991 гг. традиционно именуется термином «Перестройка». В современной историографии преобладают два основных подхода к изучению этого периода: субъективный, так называемая «революция элит» и теория модернизации, которая характеризует историю как многофакторный процесс преобразования одного типа общества в другое. Основоположником данного подхода в России является профессор МГИМО В. В. Согрин. Реформирование эпохи «Перестройка» он рассматривает как этап российской модернизации, которая берет начало в XVIII в. Причем первый период (1985 – 1987 гг.) автор характеризует как модернизацию внутри социалистической системы, без структурных преобразований, когда некоторые элементы современного западного общества появляются главным образом в экономической сфере. Второй этап (1987 – 1991 гг.) – период, когда структурные изменения происходили во всех сферах советского общества: в экономической, политической, социальной и духовной [15, с. 4 – 5].

М. С. Горбачев, автор «Перестройки», рассуждая о её сути, подчеркивал: «Перестройка охватывает не только экономику, но и социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и методы работы партии, всех кадров» [2, с. 71]. Определение самого термина «перестройка» до сих пор является дискуссионным. Так, А. Н. Медушевский трактует перестройку как «процесс реформации – широкого общественного движения, иногда именуемое «религиозной революцией», которое началось с выступления религиозных диссидентов против индульгенций, привилегий и коррупции аналога католической церкви – КПСС» [6, с. 25]. На наш взгляд данное определение носит скорее философский, чем исторический характер. Используя метод аналогии, автор дает определение категории «Перестройка» через использование другого исторического термина «Реставрация». Некоторые авторы, рассуждая о «Перестройке», вообще не вникают в понимание данного термина. Так, доктор философских наук А. Андреев, сравнивая и анализируя события середины 1980-х и 2000-х гг., находит в них много общего и трактует преобразования второй половины 1980-х гг. как «попытку реконструкции командно-административного социализма» [1, с. 135]. С. А. Залеская в своей монографии период 1985 – 1991 гг. именует «началом системных реформ» [3, с. 5].

На наш взгляд, рассуждая о перестройке, необходимо различать *«политику перестройки»* и сам ее процесс. По мнению одного из её основоположников, члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева: «Политика перестройки – есть осуществление замыслов руководства, а перестройка образа жизни есть реакция страны на эту политику, совсем не адекватная ей» [16, с. 4]. Авторы данной работы рассматривают перестройку в контексте кризиса коммунизма: отказ от коммунизма и переход к капитализму; гибрид коммунизма и капитализма; и восстановление нормального коммунизма. В нашей стране, по мнению авторов, осуществлялась второй вариант, в котором «сверху» внедряются рыночная экономика и «демократия» [16, с. 8]. Однако это лишь усугубило кризис, который привел к распаду советской социалистической системы.

Используя в качестве методологической основы теорию модернизации, под *Перестройкой* мы понимаем *процесс внедрения в советскую социалистическую общественную систему элементов модернизированного (современного) общества, который также включает в себя формирование общественного сознания и нормативной базы модернизационного перехода.*

Исследование эпохи перестроечного процесса возможно на трех уровнях:

– глобальный, то есть с точки зрения его места в контексте истории. В таком случае ценностью явля-

ются основные тенденции макроуровня исторического процесса;

– средний, данный вариант предполагает в качестве основной ценности – тенденции самой Перестройки;

– сиюминутный, в котором ценностью выступает её повседневность и субъективность.

Цель данной статьи – анализ процесса формирования законодательства, которое было призвано регулировать новые, модернизируемые сферы экономической системы советского общества, такие как кооперативное движение и индивидуальная трудовая деятельность. В качестве исторических источников выступают различные нормативно-правовые акты, принятые как союзным, так и российским руководством. Исследовательская работа проводилась на среднем уровне, то есть изучались основные ценности эпохи Перестройки.

Реформированием общества, будь то экономическая, политическая или социальная сфера, должно опираться на нормативную основу. Истоки будущих преобразований были заложены в серии нормативно-правовых актов, принятых вначале 1980-х гг. Но начало полномасштабного и открытого реформаторского процесса связано со сменой руководства политической элиты, когда её возглавил новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Замысел реформ первого этапа был изложен Генеральным секретарём ЦК КПСС М. С. Горбачевым на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. Впоследствии он был развит на последующих форумах, а наиболее полно представлен на XXVII съезде КПСС, который состоялся в 1986 г. Идеологическим стержнем первого этапа стало «ускорение», что говорит об убежденности авторов реформ в том, что первоосновы советского общества здоровы, требуется только ускорение.

О том, что на первом этапе перестройки руководство страны не планировало системных преобразований, говорит следующий факт. В ходе принятия государственного плана экономического и социального развития СССР на 1986 – 1990 гг. [9] рассматривались только традиционные показатели, характерные для командно-административной системы. В качестве инноваций можно отметить введение пункта, посвященного государственной и кооперативной торговле. По-прежнему в РСФСР было развернуто Всесоюзное социалистическое соревнование за успешное выполнение заданий двенадцатой пятилетки [7].

Итак, первый этап Перестройки характеризовался модернизацией внутри социалистической системы при отсутствии структурных изменений. Приход к власти молодого, энергичного Генерального Секретаря СССР во многом отражал стремление как советского общества в целом, так и его правящей элиты к структурным преобразованиям. Задачами реформирования являлось преодоление стагнации, разрешение тех проблем, которые десятилетиями копились в советском обществе. Главной целью было объявлено ускорение социально-экономического развития страны. Для этого планировалось на первый план выдвинуть проблемы интенсификации производства и решения других экономических задач.

Проведение реформы в рамках командно-административной экономики вызывало определенные затруднения. Так, медленно перестраивался стиль и методы работы министерств и ведомств, до производственных объединений в большом количестве доводились утверждаемые и расчетные показатели, не предусмотренные условиями проводимого эксперимента, предприятия не несли экономической ответственности за выпуск морально устаревшей продукции.

Особенностью данного этапа стало несоответствие поставленных целей и методов их достижений. Для того чтобы догнать уровень экономического развития Западных стран, предполагалось использовать командно-административные методы, без какого-либо заимствования экономических и политических механизмов западной цивилизации. Упор делался на укрепление производственной и исполнительной дисциплины, улучшение работы с кадрами, а также «жесткий» контроль над производственной продукцией.

Структурные изменения в экономической системе советского общества начинаются в 1987 г. после XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. В соответствии с решениями данного представительства в стране была развернута работа по ускоренному развитию производства товаров народного потребления. Но из-за особенностей советской экономики уровень обеспечения населения товарами народного потребления, их качество и ассортимент не соответствовало потребностям общества. Руководство страны вынуждено было признать эту проблему. В качестве решения было предложено создание кооперативов как дополнения к действующей системе государственных предприятий, которые могли бы организовать мелкосерийное производство товаров, пользующихся повышенным спросом у населения, и гибко реагировать на его изменения. Законодатели давали следующие определение данного объединения «Кооператив – является организация граждан СССР, добровольно объединившихся на основе коллективного труда и самоуправления в целях совместного выполнения работ по бытовому обслуживанию населения» [14].

Цель, которая была поставлена перед новыми формами хозяйствования в постановлении Совмина СССР, была весьма рыночная «…более полное удовлетворение потребностей населения в товарах народного потребления и развития инициативы граждан» [8]. В феврале 1987 г. Совет министров СССР разработал нормативную базу для деятельности кооперативов по производству товаров народного потребления, кооперативов по бытовому обслуживанию населения, и создания кооперативов общественного питания. Данные кооперативы как форма коллективной собственности создавались при управлениях (отделах) исполкомов местных советов, либо при производственных объединениях (организациях). Инициаторами создания могли выступать граждане, но требовалось согласие исполкома местного совета. В кооперативы принимались в основном граждане, не занятые в общественном производстве: пенсионеры, домохозяйки, студенты и учащиеся. В кооперативах могли работать по трудовому соглашению работники предприятий, организаций и учреждений в свободное от основной работы время. Исполкомы или предприятия, при которых создавались кооперативы, должны были на безвозмездной основе обеспечить их арендой или без-

возмездным пользованием зданием, помещением и оборудованием. Необходимые для начала деятельности кооперативов средства на закупку материальных ценностей, относящихся к оборотным средствам, должны были формироваться за счет выдаваемых Госбанком СССР краткосрочных кредитов. В вышеуказанных нормативно-правовых актах устанавливались следующие принципы функционирования кооперативов в СССР:

– деятельность на основе самоокупаемости и самофинансирования в соответствии с принятыми на общем собрании членов кооператива уставом;

– самостоятельное формирование цены на производимые товары и оказываемые услуги;

– кооперативы были в праве самостоятельно разрабатывать и утверждать планы, которые в последствии обязаны были представить в органы управления той организации, при которой был создан кооператив;

– ставка подоходного налога в местный бюджет составляла в течении первого года поле создания в размере 2 – 3 %, в течении второго года 3 – 5 %, а последующие годы – 10 % дохода кооператива за вычетом расходов на сырье, материалы, амортизацию, оплату услуг сторонних организаций, транспортных расходов и расходов за пользование кредитом и т. д.;

– заработная плата членов кооператива определяется в соответствии с количеством и качеством труда, личным вкладом в создание дохода;

– членам кооперативов разрешалось использовать для его нужд личный автомототранспорт, оборудование, инструмент, то есть разнообразные средства производства [14].

Закон о кооперации вступил в силу с 1 июля 1988 г.

Помимо этого, на общесоюзным уровне были одобрены примерные уставы кооперативов по отдельным видам деятельности. Данные типовые уставы очень подробны. Они содержат главы, посвященные условиям создания кооператива, членству в кооперативе, правах и обязанностях членов кооператива, производственно-хозяйственной деятельности, образованию и использованию средств кооператива, организации, оплаты и дисциплины труда, социальному обеспечению членов кооперативов, управлению кооперативом, принятию и регистрации устава кооператива, прекращению деятельности кооператива. Столь подробная регламентация, с одной стороны, это забота о развитии кооперативного движения, так как из-за отсутствия социального опыта оно могло либо деформироваться в криминальные структуры, либо просто не получить дальнейшего развития. С другой стороны, руководство страны пыталось сохранить новое экономическое течение под своим контролем, чтоб рамки дозволенного не были преодолены. Но тем не менееэто был революционный шаг, который вводил в экономическую систему советского общества элементы рыночной системы: инициатива, свободное ценообразование, зачатки предпринимательской деятельности.

Таким образом, становление кооперативного движения можно считать началом модернизационных изменений в советской экономике, когда в ней стали развиваться элементы рыночной системы хозяйствования. Число действующих кооперативов за два года увеличилось в 5,3 раза, достигнув 38,9 тысяч, количество кооперативов, зарегистрировавших свои уставы, возросло до 64,4 тысяч. Объем реализации кооперативной продукции составил 3,3 млрд рублей. В кооперативную деятельность было включено 708 тыс. человек [10]. Согласно тексту постановления Совмина РСФСР «О Состоянии развития кооперативов в РСФСР», основная часть кооперативов функционировала в сферах производства товаров народного потребления, бытового обслуживания населения и общественного питания. В 1988 – 1989 гг. стали появляться строительные кооперативы, кооперативы по производству и переработке сельскохозяйственных продуктов, оказанию медицинских услуг. Тем не менее кооперация второй половины 1980-х гг. не смогла стать фактором насыщения рынка высококачественными товарами и услугами. В общем объеме производства непродовольственных товаров народного потребления на их долю приходится около 0,5 % [10]. К тому же отмечались и негативные стороны деятельности кооперативов: выпуск товаров низкого качества либо без маркировки, личное обогащение некоторых кооператоров, плохая бухгалтерская отчетность, не возможность банков взыскать ссуды с членов нерентабельных кооперативов.

Говорить о том, что кооперативы были типично рыночным предприятиям, не приходится, государство с одной стороны способствовало модернизационным инновациям, с другой стороны, накладывало на них ограничения. Так, в октябре 1989 г. в закон СССР «О кооперации в СССР» были внесены следующие изменения и дополнения. В частности, разрешалось местным советам народных депутатов устанавливать предельные цены на основные потребительские товары, производимые и реализуемые кооперативами, включая кооперативы системы потребительской кооперации. Государственный контроль за ценами осуществлялся в случаях, когда продукция кооператива реализуется предприятиями и организациями по договору по исполнению государственного заказа либо изготавливается из сырья или материалов, поставленных кооперативу из государственных ресурсов, при продаже кооперативом товаров, выделяемых из государственных фондов. Кооперативы, приобретающие товары по импорту, реализуют эти товары населению по ценам, не превышающим уровень цен, установленных для аналогичных товаров советского производства [4].

Помимо попыток регулировать ценообразования, руководство страны пыталось контролировать торгово-закупочную деятельность кооперативов. В своем постановлении Верховный Совет СССР от 17 октября 1989 г. подтверждал неизменную линию руководства страны на развитие кооперативного движения и создания стабильных и равноправных условий хозяйствования с государственными предприятиями. Но при этом признавал в качестве противоречия основным принципам деятельности кооперативов использование их для спекулятивной деятельности и получения доходов, используя трудное экономическое положение, сложившееся в стране. В качестве борьбы со спекуляцией данное постановление запрещало кооперативам осуществлять торгово-закупочную и посредническую деятельность, связанную со скупкой в розничной и

оптовой сети государственной торговли и потребительской кооперации промышленных и продовольственных товаров и их перепродажей [11].

Следующим направлением, целью которого была легализация предпринимательской деятельности, стало принятие в 1988 г. закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности». Согласно данному закону, в СССР «индивидуально трудовая деятельность допускается в сфере кустарно-ремесленных промыслов, бытового обслуживания населения, а так же других видах деятельности, основанных исключительно на личном труде граждан и членов их семей» [5]. Не допускалась индивидуальная трудовая деятельность с привлечением наемного труда, с целью извлечения нетрудовых доходов. Индивидуальной трудовой деятельностью разрешалось заниматься совершеннолетним гражданам, участвовавшим в общественном производстве, в свободное от основной работы время, домашним хозяйкам, инвалидам, пенсионерам, студентам и учащимся. Исполнительный комитет района, города или поселка имел право выдавать разрешения на индивидуальную трудовую деятельность сроком не более 5-ти лет. Претендент должен был получить регистрационное свидетельство или приобрести патент в финансовом отделе исполнительного комитета районного или городского совета народных депутатов. Граждане, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью, должны были уплачивать налоги с доходов, получаемых от этой деятельности. Закон также четко регламентирует сферы хозяйствования, в которых разрешена либо запрещена индивидуальная трудовая деятельность. Так, в ст. 16 вышеуказанного закона перечисляются виды услуг в сфере бытового обслуживания населения, оказание которых запрещается индивидуальным предпринимателям. Это «ремонт и переделка изделий из драгоценных металлов и янтаря либо изделий с применением таких материалов; содержание игорных домов, аттракционов, бань, организация азартных игр, принятие ставок на спортивных и иных состязаний; ремонт всех видов оружия» [5].

Для реализации закона «Об индивидуальной трудовой деятельности» правительство предприняло ряд мер, в частности регламентировало процесс выдачи кредитов гражданам, занимающимся индивидуальной трудовой деятельностью. Так, «на приобретение сырья, материалов, инструментов, а так же на оплату инструментов и иного имущества, получаемого в аренду или напрокат, в сумме до 2000 рублей в срок до 12 месяцев, с взиманием за пользованием кредитом 3 % годовых. А на приобретение иного имущества в сумме до 3000 рублей на срок до 24 месяцев, с погашением начиная с седьмого месяца со дня выдачи суды и взиманием 2 % годовых» [12].

В рамках данного направления предлагались реальные меры по совершенствованию экономической ситуации в стране весьма рыночными средствами, но без радикальных преобразований (модернизационного излома). На наш взгляд, данные меры были весьма перспективны, но в 1989 г. в общественном развитии нашей страны уже преобладали политические факторы, при которых отказ от социальной направленности политики государства был не возможен. Так как уже начавшаяся политическая модернизация основывалась на демократическом движении, политики, как правые, так и левые, боролись за внимание населения, и отказ от социально направленной политики означал бы политическую смерть.

Тем не менее, несмотря на нововведения, которые в некоторой степени соответствовали принципам рыночного хозяйствования, руководство страны заявляло о том, что «перестройка – это прямое продолжение дела Великого октября, она неразрывно связана с ним и едина в главном – целенаправленном созидании социализма» [13]. Перестройка как политика модернизации в экономической сфере включала в себя реализацию ленинского принципа демократического централизма, повышение роли трудовых коллективов.

Таким образом, период 1987 – 1989 гг. характеризуются поверхностной модернизацией, когда вводились отдельные элементы рыночного хозяйства: кооперативы, индивидуальная трудовая деятельность, возможность более активно организовывать приусадебное хозяйство, но структурные изменения в экономике СССР не произошли. Для этого этапа характерны половинчатость, противоречивость в принятиях решений, невозможность отказаться от активной социальной политики во время экономического кризиса.

Литература

1. Андреев А. От «Перестройки 1» к «Перестройке 2» // Россия и мусульманский мир. 2005. № 1. С. 128 – 136.

2. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Издательство политической литературы. 1988. 137 с.

3. Заельская С. А. Культурное пространство Южного Урала в условиях системных реформ. (1985 – 2000 гг.). Оренбург, Из-во ОГПИ, 2011. 204 с.

4. Закон СССР от 16.10.1989. № 603 -1 «О внесении изменений и дополнений в закон СССР «О кооперации в СССР»».

5. Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» (в ред. Уаза Президиума ВС СССР от 14.03.1988 № 8614 – XI, с изм., внесенными Постановлением ВС РСФСР от 25.12. 1990 № 446-1).

6. Медушевский А. Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 3 – 30.

7. Постановление Совета Министров РСФСР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 25 августа 1986 г. № 374 «О мерах по развертыванию в РСФСР Всесоюзного социалистического соревнования за успешное выполнение заданий двенадцатой пятилетки».

8. Постановление Совмина СССР от 05.02.1987 г. № 162 с изм. от 13.04.1989 «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления».

9. Постановление Совмина СССР от 16.06.1986 № 700 «О государственном плане экономического и социального развития СССР на 1986 – 1990 гг.».

10. Постановление Совмина РСФСР от 06.04.1989 № 115 «О состоянии развития кооперативов в РСФСР».

11. Постановление Верховного Совета СССР от 17.10.1989 от 17.10.1989 «Об упорядочивании торгово-закупочной деятельности кооперативов и регулировании цен на товары (услуги), реализуемые кооперативами населению».

12. Постановление Совмина СССР от 23.03.1987. № 351 «О предоставлении кредитов гражданам, занимающимся индивидуальной трудовой деятельности».

13. Постановление Верховного Совета СССР от 30.06.1987 г. № 7283 – XI «О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны».

14. Примерный устав кооператива по бытовому обслуживанию населения. Одобрен постановлением Совета Министров СССР от 05.02.1987 г. № 161.

15. Согрин В. В. 1985 – 1995: реалии и утопии новой России // Отечественная история. 1995. № 2. С. 3 – 16.

16. Яковлев А. Н., Мигранян А. М., Поздняков Э. А. Перестройка: замыслы и результаты. Ростов н/Д. Изд-во Рост. ун-та, 1995. 176 с.

Информация об авторе:

Тышта Елена Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и государства и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, tyshta@mail.ru.

Elena V. Tyshta – Candidate of Politology, Assistant Professor at the Department of Theory of the State and the Law, Katanov Khakass State University.

Статья поступила в редколлегию 16.02.2015 г.

УДК 94(470.66)

ЛИКВИДАЦИЯ ИНГУШСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Б. М. Ужахов

DISESTABLISHMENT OF THE INGUSH AUTONOMY

B. M. Uzhakhov

В статье рассматриваются процессы, связанные с поэтапной ликвидацией ингушской государственности советской властью в лице товарища Сталина. Приводятся доводы и факты, подтверждающие необоснованность принятых в то время решений советской власти. Тема ликвидации ингушской государственности затрагивалась в работах многих учёных Ингушетии, однако они затрагивают в большинстве своём отдельные этапы лишения ингушей государственности. Автор попытался на основе анализа и обобщения опубликованных литературных источников дать общую картину поэтапной ликвидации ингушской государственности.

The paper discusses the processes related to the phased disestablishment of the Ingush autonomy by the Soviet authorities represented by Comrade Stalin. The author provides the arguments and facts confirming the illegality of the Soviet authorities' decision to eliminate the Ingush autonomy. The topic was addressed in the works of many researchers in Ingushetia, but they discuss mostly the individual stages of depriving the Ingush of their statehood. Basing on the analysis and synthesis of the published literature sources, the author attempts to provide an overall picture of the phased disestablishment of the Ingush autonomy.

Ключевые слова: Ингушская АО, государственность, Владикавказ, Идрис Зязиков, Чечено-Ингушская АССР, депортация, ликвидация.

Keywords: Ingush autonomous oblast, statehood, Vladikavkaz, Idris Zyazikov, Chechen-Ingush ASSR, deportation, disestablishment.

В 1924 г., после упорной борьбы в Гражданской войне, ингуши получили свою автономию. Административным, экономическим и культурным центром Ингушской АО был город Владикавказ, являвшийся одновременно и центром Северо-Осетинской АО.

За небольшой период своего существования Ингушская АО достигла больших успехов в социально-экономическом и культурном развитии, что доказывало необходимость собственной автономии для нормального развития ингушского народа. Так, уже в первой половине 20-х гг. была значительно снижена острота земельной проблемы за счет возвращения Ингушетии части ее бывших исторических земель. В результате значительная часть ингушского населения получила, наконец, возможность выселиться из гор на равнину. Этот естественный процесс, долгие десятилетия искусственно тормозившийся царской администрацией, теперь развивался особенно бурно. Уже к 1926 г. численность жителей горной полосы по сравнению с 1908 г. сократилась почти в 7 раз и плотность составила всего 1,7 чел. на 1 кв. км. [15, с. 62]. К концу 1922 г. площадь землепользования Ингушетии возросла на 108 тыс. десятин по сравнению с довоенной и составила к 1923 г. 198740 десятин. Рост

валовой продукции сельского хозяйства в 1933 г. составил 1026805 центнеров, или 194 % от уровня 1913 г. К концу восстановительного периода в Ингушетии было создано 32 производственных объединения, 3 ТОЗа, 4 машинных товарищества, 1 сельхозартель, 1 пчеловодческое и 23 кредитных товарищества [11, с. 73]. 1 октября 1929 г. в Ингушетии образовано 58 колхозов, включавших 1224 двора [5, с. 44].

Постепенно создавались и условия для становления промышленности. К 1928 г. число предприятий выросло до 19, большинство из них находилось во Владикавказе. В этот период появляется и нефтяная промышленность Ингушетии. В 1933 г. начинается добыча нефти в Малгобеке. Буровики Малгобека в эти годы неоднократно устанавливали всесоюзные рекорды [13, с. 171].

Быстрыми темпами в 20-е гг. развивалось образование. Было построено большое количество школ, следовательно, увеличивалось число грамотных людей. Появились первые средние образовательные учреждения (Ингушский педтехникум). Развивалась наука, в 1926 г. был открыт Ингушский научно-исследовательский институт [9, с. 372 – 373].

Всё вышесказанное показывало преимущества собственной автономии, но в динамичное социальное, экономическое и культурное развитие Ингушской автономной области самым серьезным образом вновь вмешивается общественно-политическая составляющая. С середины 30-х гг. Ингушетия начинает переживать новую драматическую страницу своей истории, связанную с завершением формирования в стране механизмов жесткого тоталитарного подавления, в том числе и прав народов, и бесконтрольной произвольной перекройки национально-территориального и административного устройства субъектов советской федерации. Еще в октябре 1928 г. была предпринята попытка полностью передать Владикавказ в состав Северной Осетии, сделав его административным центром исключительно Северо-Осетинской АО. Было даже принято соответствующее решение Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). Однако в тот же день ингушские руководители (в частности секретарь Ингушского обкома И. Зязиков и председатель Ингушского ОблЦИКа А. Горчханов) выступили с резким осуждением этого решения и выдвинули встречное предложение о передаче Владикавказа Ингушской АО. 16 октября 1928 г. бюро Ингушского обкома поручило председателю Ингушского облисполкома вынести данный вопрос на рассмотрение ЦК ВКП(б), а также направить телеграмму Сталину с просьбой об отмене решения. Хотя на руководство Ингушетии оказывалось серьезное давление, инспирируемое, по некоторым данным, лично Сталиным, все же принципиальная и последовательная позиция, занятая руководителями области, возымела действие. ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР отменили решение краевого комитета «во избежание недовольства и трений между осетинским и ингушским народами» [17, с. 27]. 17 декабря 1928 г. состоялось заседание Центрального оргбюро ЦК партии, на котором было принято постановление: «1). Вопрос о Владикавказе с повестки снять. 2). Поручить Северо-Кавказскому крайкому и крайисполкому разработать вопрос о слиянии Чеченской области и Ингушетии» [16, л. 62].

Таким образом, силы, заинтересованные в отторжении лучших территорий от Ингушетии, не собирались успокаиваться. Для того чтобы передать Владикавказ Осетии, было решено объединить Ингушетию с Чечней, а для этого необходимо было избавиться от патриотически настроенных руководителей Ингушской АО.

В центре и в Северо-Кавказском крае развернулась кампания по дискредитации руководства и народа Ингушетии – руководителям Ингушетии пытались приклеить ярлыки «буржуазных националистов» и «контрреволюционеров». Хотя факты свидетельствовали об обратном – в этот период шел рост численности национальных кадров правоохранительных органов. Среди отличившихся работников правоохранительных органов следует назвать А. Наурбиева, А. Дахкильгова, О. Ахриева, М. Альтемирова, И. и Э. Гандаровых, А. Костоева, Д. Мурзабекова, М. Экажева и др. [10, с. 148].

В ноябре 1928 г. принимается резолюция Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в которой Владикавказская и Ингушская парторганизации объявлялись «центрами троцкистской работы на Северном Кавказе». В 1929 г. И. Зязиков был отстранен от должности секретаря Ингушского обкома партии под благовидным предлогом отправки на учебу на курсы марксизма в Москву. Почти одновременно его освобождают от обязанностей члена президиума Ингушского облисполкома.

Вместо И. Б. Зязикова секретарем Ингушского обкома становится И. М. Черноглаз. Он сразу начал проведение курса, отличавшегося крайней негибкостью и догматизмом, отсутствием понимания местных реалий, пренебрежительным отношением к истории, традициям, религии горцев. Главной своей задачей И. Черноглаз видел чистку Ингушетии от «контрреволюционных элементов» и своеобразно понимаемое «социалистическое строительство». В ряду мероприятий подобного рода особенно шокирующим для местного, глубоко религиозного ингушского населения стала кампания по борьбе с «реакционным духовенством», инициированная и рьяно проводимая новым секретарем обкома, несмотря на протесты многих видных местных деятелей, в том числе и партийных [1, с. 27]. Закономерным результатом этой политики стала конфронтация между Черноглазом и практически всеми слоями ингушского общества и, как логический финал такой конфронтации, покушение на секретаря обкома и его убийство близ селения Галашки в 1930 г. [1, с. 31].

По обвинению в организации убийства Черноглаза был бездоказательно арестован и предан суду И. Зязиков, вообще отсутствовавший в это время в Ингушетии и находившийся в Москве. И. Зязиков был приговорен к смертной казни, но после многочисленных ходатайств общественных организаций, различных государственных деятелей, в том числе хорошо знавших его еще со времен гражданской войны

Г. К. Орджоникидзе и А. И. Микояна, расстрел был заменен на десять лет лишения свободы. В октябре 1937 г., в разгар самой кровавой кампании сталинских репрессий, И. Зязикова вторично арестовывают в Туле и переправляют в тюрьму г. Грозного, где спустя несколько месяцев, подвергшись изощренным пыткам и истязаниям, он умирает [17, с. 39].

Всё это было началом ликвидации ингушской автономии, которую ингуши выстрадали в борьбе за советскую власть, которая теперь повернулась к ним спиной. Ещё в 1918 г. Орджоникидзе, выступая на V съезде народов Терской Республики, говорил: «Я помню тот момент, перед концом IV съезда, когда мы висели на волоске… И в этот момент одиночества Советской власти маленький ингушский народ весь встал на защиту Советской власти» [12, с. 78]. А враг ингушей Деникин писал в «Очерках русской смуты»: «Ингуши наименьший по численности и наиболее спаянный и сильный в военной организации народ оказался, по существу, вершителем судеб Северного Кавказа. Ингуши стали ландскнехтами (наёмниками) советской власти, её опорой…» [4, с. 175]. Получилась парадоксальная ситуация – народ, больше всех сделавший для установления советской власти на Северном Кавказе, больше всех «получил» от этой власти после её установления.

Уже в июне 1933 г. от Ингушетии были отторгнуты в пользу Северной Осетии некоторые приграничные территории, в частности – в окрестностях Орджоникидзе (бывший Владикавказ; переименован по инициативе ингушского руководства в 1931 г). В июле 1933 г. Орджоникидзе был передан Осетии. В январе 1934 г. Ингушетия и Чечня объединяются в один территориальный субъект – Чечено-Ингушскую автономную область, которая затем, в декабре 1936 г., по новой «сталинской» конституции СССР стала Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической республикой в составе РСФСР со столицей в Грозном [9, с. 352].

Таким образом, Ингушетия лишилась своего исторического и культурного центра – Владикавказа (Орджоникидзе). Помимо прочего, данный факт означал потерю практически всей промышленности, всей культурно-образовательной базы, складывавшейся десятилетиями как плод кропотливой деятельности не одного поколения ингушской интеллигенции. Дальнейшему поступательному развитию самостоятельной ингушской государственности был нанесен жесточайший удар. На долгие десятилетия Ингушетии была отведена роль экстенсивно развивающегося, практически сугубо аграрного и сырьевого региона, лишенного современного промышленного потенциала и базы для его развития, своего культурно-исторического очага Владикавказа, своей системы современного профессионального и особенно высшего образования.

В своё время Горская АССР была расчленена на отдельные автономии для их более благоприятного развития. И то решение себя оправдало. Встаёт вопрос, зачем надо было делить ГАССР, чтобы опять объединять некоторые её части (например: Чеченскую, Ингушскую АО и Сунженский округ). Кроме того, ингуши с царских времён в административном отношении никогда не были в одном округе с Чечнёй, а вот с Осетией, городом Владикавказом и казаками Сунженского округа – очень часто. В 1924 г. в составе ГАССР оставались лишь Северная Осетия, Ингушетия и Сунженский округ со столицей в г. Владикавказ [18, с. 213]. Так зачем же надо было её делить, чтобы потом начались споры из-за Владикавказа. Кроме того, ингуши никогда не претендовали на весь город а только на его правобережную (восточную) часть. Фактически город, поделённый рекой Терек на две части – это было два города. Никакой острой необходимости забирать его у ингушей и отдавать осетинам не было, кроме как предвзятое отношение власти к первым и благосклонность ко вторым.

Объединение Чечни и Ингушетии стало сильным ударом по неокрепшей, становящейся на ноги ингушской государственности. По большому счету, данная трансформация административно-политического статуса двух областей в виде их слияния не была выгодна никому, кроме сталинской бюрократии и самого «вождя народов», который уже строил конструкции будущей системы максимально эффективного контроля над территориями национальных окраин СССР. А для этого как нельзя лучше подходили лозунги типа древнеримского «Divide et impera» («Разделяй и властвуй»). Может возникнуть вопрос – о каком же разделении идет речь, если области, напротив, объединялись? Разве это не должно было служить делу подлинного объединения? Именно так реагировала на такие доводы и сталинская пропаганда, выдававшая манипуляции судьбами народов без их согласия и за их спиной, за их же вековую мечту, именуя свой административный произвол «торжеством пролетарского интернационализма и дружбы народов». На деле же преобразования административного статуса, которые превращали две автономные, а значит находящиеся в более или менее равноправном положении по отношению к союзному центру области в составные элементы, пусть и бóльшей по размерам и территории, автономии, оборачивались поруганием прав и тех, и других. Если в отдельной автономии общественное мнение, пусть и слабо развитое в советской действительности, но никогда не сходившее «на нет» и сохранявшееся хотя бы в виде расхожих мнений в среде обывателей, могло за недостатки и упущения в работе предъявлять претензии прежде всего к властям «своей» национальной автономии, то в «общем доме» можно было легко перевести вектор недовольства на «братьев и соседей по общежитию», преимущественному удовлетворению запросов которых (от территориального вопроса до обеспечения промтоварами), якобы, оказывается предпочтение Москвой. В результате сложилась такая широко распространенная в советской действительности практика формирования общественного мнения в национальных частях двуединых автономий, когда одна из областей непременно винила другую в привилегированном положении и ущемлении своих интересов, а руководство всей республики – в том, что оно «работает» только на одну из составляющих. Именно так складывались мифы,

часть из которых живет и поныне, о том, что в той же Чечено-Ингушетии обустраивалась только Ингушетия в ущерб Чечне или наоборот (в зависимости от того, в какой части бывшей автономии родился тот или иной миф). Хотя на самом деле оба народа пострадали от такого объединения, а выиграла, как уже указывалось, одна номенклатура.

Ингушские национальные лидеры того времени должны были проявлять максимальную сдержанность и пытаться изменить ситуацию путем преимущественно не публичных, а кулуарных действий, которые к тому времени, после установления жесткой тоталитарной диктатуры Сталина, стали основным средством осуществления политической деятельности в СССР. Организация общенационального протеста и соответствующих акций проявления этого протеста в условиях, по сути, окончательно сложившегося к тому времени в стране жесткого варианта тоталитарной диктатуры, могла привести только к карательным действиям властей, связанным с ними многочисленным жертвам и разрушением всего того, что было построено за короткий период существования ингушской советской государственности. Однако все попытки ингушских общественных и государственных деятелей (в частности, И. Зязикова) воспротивиться реализации этих совершенно не отвечавших национальным интересам ингушского народа шагам советских центральных властей не увенчались успехом, приведя лишь к усилению репрессий против патриотический настроенной части ингушской элиты и гибели в сталинских застенках многих видных ее представителей, чтобы не допустить антиправительственных выступлений и «в назидание другим».

В ходе репрессий пострадали 30 из 76 членов и кандидатов в члены Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), в их числе все ингуши и чеченцы по национальности. В 1937 г. в ЧИАССР были репрессированы 20 из 28 секретарей райкомов партии, 17 парторгов, 77 членов райисполкомов, 192 работника сельских организаций (учреждений), не считая рядовых тружеников [6, с. 28].

Накануне Великой Отечественной войны в результате сталинских манипуляций с территориальным и административно-политическим перекраиванием карты Северного Кавказа на территории ингушских районов ЧИАССР самым крупным промышленным предприятием был трест «Малгобекнефть» (созданный в 1933 – 1934 гг.) – молодой и бурно развивающийся центр нефтедобычи и нефтепереработки, входивший в состав объединения «Грознефть». В преимущественно аграрных Назрановском, Пригородном, Сунженском, Галашкинском и Ачалукинском районах республики работали крупзавод, мельницы, консервные заводы, предприятия пищевой промышленности, многочисленные колхозы и совхозы. Среди передовиков сельского хозяйства было много стахановцев, среди них Н. Муталиев, Т. Чахкиев и др. [7, с. 32].

Ещё 22 июня 1937 г. Чрезвычайный III съезд Советов ЧИАССР утверждает Конституцию ЧИАССР. 65-я статья этой конституции гласила: «Территория Чечено-Ингушской АССР не может быть изменена без её согласия». А статья 123-я «сталинской» конституции 1936 г. гласила: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом» [2, с. 246]. Но дальнейшие события показали, что всё это лишь чернила на бумаге.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война, принесшая огромные беды всем народам нашей страны. Ингушский народ наравне с другими народами внёс свой вклад в победу. В книге В. И. Филькина «Чечено-Ингушская партийная организация в годы ВОВ» подробно описывается вклад жителей ЧИАССР в борьбу советского народа против немецких захватчиков. Так, например, В. И. Филькин пишет: «По неполным данным, в период войны (не считая призванных до начала войны) было призвано и мобилизовано в Действующую Армию более 18500 лучших сынов чечено-ингушского народа. Многие из них удостоены высоких наград Советского правительства». Там же он пишет: «На 14 июля 1941 года более 17000 трудящихся записались в народное ополчение» [14, с. 43, 44]. Кроме этого, тысячи ингушей и чеченцев трудились на возведении оборонительных сооружений республики. Тысячи тон продовольствия, горючих материалов и многое другое отправлялось на фронт. Что ещё должны были сделать маленькие ингушский и чеченский народы, чтобы доказать свою преданность советской власти? Всё это не спасло ингушей и чеченцев от очередной трагедии.

23 февраля 1944 г. около 500 тысяч чеченцев и ингушей были депортированы в Казахстан и Киргизию. Целые народы (калмыки, балкарцы, крымские татары, турки и др.) были объявлены изменниками родины. При этом более 200 тысяч (точнее 209545) [3, л. 17] сынов этих «изменников», рисковавших своими жизнями, воюя в рядах Красной Армии против врага, были депортированы прямо из своих частей. Со времён Великого переселения народов человечество не знало такого массового переселения целых народов.

7 марта 1944 г. вышел указ Верховного Совета СССР о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве её территории [8, с. 99]. По этому указу ЧИАССР ликвидировалась, а её территория делилась между её соседями и создаваемым Грозненским округом. Почти все ингушские районы оказались в составе Северо-Осетинской АССР. Так ингуши потеряли на долгие 13 лет не только остатки своей государственности, но и свою Родину.

Литература

1. Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа. М., 1991. 62 с.
2. Боков Ф. П. И. Сталин: к национальному вопросу в России (в СССР) (XX век. Чечня. Ингушетия) (Историко-публицистический очерк). Киев, 2001. 392 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р.-9401. Оп. 1. Д. 2704-38.
4. Деникин А. И. «Очерки русской смуты». Октябрь 1918 – январь 1919 гг. Минск. 2002. 560 с.
5. Зоев С. О. Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет. Грозный, 1972. 172 с.
6. Ибрагимов М. М. Репрессивная политика в Чечено-Ингушетии в 1930-е гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 4. С. 27 – 32.
7. Ингушетия в Великой Отечественной войне / сост. Т. У. Яндиева. Кн. 1. Ростов н/Д., 2005. 276 с.
8. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. 1944 -2004. Документы, материалы, комментарии / сост. Я. С. Патиев. Магас, 2004. 608 с.
9. История Ингушетии. ИНИИГН им. Ч. Ахриева. Магас, 2011. 486 с.
10. Курылев И. В. Боевой путь милиции Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. 211 с.
11. Овчинникова М. И. К истории уравнительного распределения земли в Чечено-Ингушетии // Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965. Т. 6. С. 72 – 75.
12. Орджоникидзе С. Статьи и речи. М., 1956. 516 с.
13. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный, 1972. 359 с.
14. Филькин В. И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960. 147 с.
15. Христианович В. П. Горная Ингушетия. Ростов н/Д., 1928. 313 с.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) Ф. 7. Оп. 1. Д. 710.
17. Чахкиев С. Идрис Зязиков: верой и правдой. Грозный, 1991. 67 с.
18. Яндиева М. Ингушетия и ингуши. Т. II. М., 2002. 686 с.

Информация об авторе:

Ужахов Бекхан Магометович – аспирант Ингушского государственного университета, Россия, bechan2014@yandex.ru.

Bekkhan M. Uzhakhov – post-graduate student at Ingush State University.

(**Научный руководитель: *Кодзоев Магомед Асланбекович*** – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России Ингушского государственного университета.

Research advisor: *Magomed A. Kodzoev* – Candidate of History, Professor at the Department of Russian History, Ingush State University).

Статья поступила в редколлегию 17.03.2015 г.

УДК 94(470.66)

РОЛЬ ИНГУШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ

Б. М. Ужахов

THE ROLE OF THE INGUSH NATIONAL MOVEMENT IN THE FORMATION OF THE REPUBLIC OF INGUSHETIA

B. M. Uzhakhov

В данной статье в контексте событий, происходивших в стране во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX века, освещены причины, особенности и место ингушского национального движения в целом и его отдельных представителей в частности в образовании современной Республики Ингушетия. Тема ингушского национального движения затрагивалась в работах многих ингушских авторов. Однако в этих работах это движение упоминается или в контексте событий происходивших в республике в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, или же упоминается о роли отдельных представителей национального движения. Здесь же рассматривается именно само ингушское национальное движение как фактор изменивший будущее народа.

The paper focuses on the causes, characteristics and place of the Ingush national movement as a whole and its individual members in particular for the formation of the modern Republic of Ingushetia in the context of the events that took place in the country in the second half of the 1980s – early 1990s covered. The topic of the Ingush national movement was addressed in the works of many Ingush authors. However, those works either mention the movement in the context of the events that occurred in the Republic in the late 1980s – early 1990s XX century or refer to the role of individual members of the national movement. In contrast, this paper considers the Ingush national movement as a factor that changed the people's future.

Ключевые слова: ингушское национальное движение, перестройка, съезд ингушского народа, Народный Совет Ингушетии, Закон о реабилитации репрессированных народов, Закон об образовании Ингушской Республики в составе РФ.

Keywords: Ingush national movement, *perestroika*, Congress of the Ingush people, the People's Council of Ingushetia, Law on rehabilitation of repressed peoples, Education Act of the Ingush Republic of the Russian Federation.

Наступление бурных общественно-политических перемен в СССР в 1985 г. ингушское общество, как и весь Советский Союз, встретило с большими надеждами и ожиданиями. В первые годы перестройки эти надежды в основном связывались с улучшением положения в социально-экономической области. Однако по мере нарастания процесса десталинизации в советском обществе в ингушской среде начали расти и крепнуть настроения необходимости активизации борьбы за права ингушского народа, попранные в годы сталинщины и не восстановленные даже в период половинчатой реабилитации в период хрущевской «оттепели». В этот же период активизировалось в целом общественное движение Ингушетии.

Тема ингушского национального движения затрагивалась в своё время во многих работах. Внимания заслуживают мемуары и другие работы таких активных участников этого движения, как Б. Богатырёв, Б. Сайнароев и др. Это тему не обходили стороной в трудах по истории Ингушетии при описании периода образования современной Ингушетии. Один из таких трудов – это «История Ингушетии», выпущенная Ингушским НИИ. Однако в этих и других работах упоминается или о роли отдельных представителей национального движения, или же это движение упоминается в контексте событий, происходивших в республике в конце 80-х – начале 90-х годов. Здесь же акцент сделан именно на само ингушское национальное движение как фактор изменивший будущее народа.

Ингушское национальное движение ставило перед собой две основные задачи. Во-первых, восстановление ингушской государственности в рамках Ингушской автономной области или республики, и, во-вторых, ликвидацию последствий сталинской депортации 1944 г., полную правовую, территориальную и другую реабилитацию ингушского народа.

Одной из главных особенностей этого движения было то, что оно являлось неоднородным по своему социальному составу. Если в прежние годы в основном в его ряды вступали представители научной и творческой интеллигенции, то с наступлением перестройки оно стало гораздо шире. К нему подключилась наиболее передовая часть национальной интеллигенции, учащейся молодежи, возрождающееся духовенство.

Особенностью национального движения конца 80-х – начала 90-х гг. явилось то, что оно «вышло из подполья», стало легальным благодаря политике политического плюрализма и гласности, ставшей официальным внутриполитическим курсом Советского государства в этот период. Это сделало возможным небывалое прежде явление – участие в работе общественных организаций, борющихся за национальное возрождение, партийных и комсомольских активистов, советских работников ингушских районов ЧИАССР. Таким образом, в общественном движении данного периода отмечался максимальный национальный консенсус, небывалый с начала века. Оно проникло во все слои ингушского общества.

Другой особенностью можно считать его массовость. Митинги и массовые акции, устраиваемые активистами национального движения в 1988 – 1991 гг., собирали временами десятки тысяч человек, что для народа, насчитывавшего в то время около 300 тыс., являлось очень большой цифрой. Так, например, общеингушский митинг в Назрани в марте 1990 г. собрал, по некоторым оценкам, до 100 тыс. чел., т. е. действительно все тогдашнее взрослое население ингушских районов ЧИАССР.

В середине 80-х гг. ингушское общество, как и вся советская страна, вступило в новый, важнейший этап исторического развития, который ознаменовался началом перестройки и демократизации после прихода к власти М. С. Горбачева.

Провозглашение в 1987 г. политики гласности как одного из неотъемлемых элементов перестройки способствовало оживлению интереса в обществе ко многим замалчивавшимся ранее и находившимся в общественном сознании под негласным табу историческим темам, особенно к таким, которые относились к недавнему прошлому советского общества. Актуальным становится тема реабилитации жертв сталинизма. Разумеется, не могла эта тенденция обойти и вопросы реабилитации репрессированных народов. Процесс этот на конец 80-х гг. по-прежнему оставался незавершенным.

В мае 1988 г. была создана Инициативная группа в поддержку перестройки «Нийсхо» (Справедливость), которая впоследствии (в декабре 1989 г.) преобразовалась в Демократическую партию «Нийсхо» (председатель Иса Кодзоев) [7, с. 448].

В октябре 1988 г. протесты ингушей против дискриминации вылились в обращение ингушского народа к руководителям ЦК КПСС и Советского правительства. 24 октября 1988 г. в ЦК КПСС было передано Обращение ингушского народа с просьбой о восстановлении ингушской автономии, под которым подписались 8 тыс. чел. В январе 1989 г. в Назрани было образовано культурно-историческое общество «Даькъасте» («Отчизна») (председатель Малика Местоева). Важным этапом политической мобилизации ингушей стали митинги в Назрани и в селах Пригородного района в феврале 1989 г. в связи с 45-летием депортации.

В конце марта 1989 г. инициативная группа «Нийсхо» начала сбор подписей под обращением «За Ингушскую АССР». 13 апреля 1989 г. в Верховный Совет СССР, ЦК КПСС и Советское правительство было передано Обращение ингушского народа с требованием создать Ингушскую республику с админи-

стративным центром в г. Орджоникидзе (Владикавказе), с объединением всех исторически сложившихся ингушских территорий, под которым подписалось 51 212 человек [7].

В декларации об образовании «Нийсхо» прямо указывалось, что большая часть территории, на которой до 1944 г. проживали ингуши, отторгнута в пользу Северной Осетии, и перед «Нийсхо» ставилась цель восстановления мирным путем Ингушской автономии в ее исторических границах. Инициативная группа «Нийсхо» требовала возвращения земель, основываясь при этом на советских и российских законах, но никаких вооруженных формирований не имела.

В сентябре 1989 г. в Грозном состоялся II Съезд ингушского народа. На нем вновь были озвучены идеи о необходимости скорейшего восстановления ингушской государственности. Вместе с тем было отмечено, что «некоторые ответственные лица упорно высказываются о неоправданности восстановления ингушской автономии, поскольку на территории западных районов ЧИАССР, где преимущественно проживают ингуши, нет соответствующего потенциала, способного обеспечить экономическую самостоятельность будущей республики и соответствующий жизненный уровень ее населения» [3, с. 37]. На съезде ингушского народа был образован Оргкомитет по восстановлению Ингушской автономии состоявший из 31 человека (председатель Иса Кодзоев, с декабря 1989 г. – Бексултан Сейнароев) [11, с. 32]. Этот Оргкомитет по существу стал мозговым центром национального движения, штабом создателей республики.

6 – 14 марта 1990 г. в Назрани прошел стотысячный митинг, на котором вновь была подтверждена воля народа. Инициатором митинга явилось культурно-историческое общество «Даькъасте». Поводом к митингу стала провокационная статья журналистов Грачева и Халина в газете «Правда» от 5 марта 1990 г. под заголовком «Кунаки всегда поладят». Главным партийным органом печати было продолжено искажение сути требований ингушского народа. Причина, по которой люди собрались в Назрани, была в другом – в том, что на протяжении более года центральные власти делали вид, что не существует ингушского вопроса. Помимо уже упомянутого обращения в верховные органы власти СССР, подписанного более чем 50 тысячами ингушей, в мае – июне 1989 г. делали депутатские запросы народные депутаты СССР М. Дарсигов и Х. Фаргиев. Документы Второго съезда ингушского народа в Грозном также были переданы в центральные органы власти, как государственные, так и партийные. Кроме того, ингуши тысячами посылали частные и коллективные письма и обращения с просьбой справедливо решить вопрос о восстановлении ингушской автономии, с возвращением отторгнутых в 1944 г. территорий. Вместо ответа в самых разных органах печати стали появляться материалы, искажающие суть требований ингушского народа. Восемь суток стоял народ на площади, получившей в результате митинга название Площадь Согласия (Барт-ЦхьоагIон Майда), требуя определить конкретные сроки решения ингушского вопроса, восстановить историческую справедливость [1, с. 2 – 3].

В резолюции митинга от 12 марта 1990 г., направленной в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет министров СССР и РСФСР говорилось: «100 тысяч ингушей, собравшиеся для обсуждения проблем национального возрождения ингушского народа, седьмые сутки, продолжая требовать демократическим путем восстановления своей государственности, решают: 1) объявить общенациональную трехдневную предупредительную забастовку ингушского народа; 2) при отказе удовлетворить указанные требования или при отсутствии приемлемого для ингушского народа соглашения продолжить общенациональную забастовку; 3) добиваться привлечении внимания мировой общественности к проблеме ингушского народа» [4, с. 5 – 6].

13 марта на третьем заседании внеочередного третьего Съезда народных депутатов СССР депутат С. Хаджиев затронул в своем выступлении происходящие в Ингушетии события. В ответ на его выступление председательствующий на заседании М. С. Горбачев предложил создать комиссию Совета национальностей ВС СССР для изучения ситуации на месте, чтобы затем внести предложения в ВС СССР. Большинство членов координационного совета митинга решили, что митинг достиг своей цели, и предложили собравшимся разойтись, что и было сделано 14 марта.

По мере усиления требований ингушской стороны о восстановлении справедливости в отношении ингушского народа в Северной Осетии государственными и общественными структурами, различными неформальными организациями делалось все возможное для того, чтобы Пригородный район оставался в составе СОАССР, как отмечает заключение Генпрокуратуры РФ, в некоторых случаях и с нарушением законодательства РФ. Так, в резолюции митинга, состоявшегося в г. Владикавказе 7 апреля 1990 г., указывалось: «Сознавая всю опасность создавшегося положения, вызванного территориальными претензиями неформальных объединений ингушей на Пригородный район и правобережную часть г. Орджоникидзе… участники интернационального митинга трудящихся Северной Осетии считают необходимым заявить: в соответствии с положениями Конституций СССР и СО АССР… и с учетом волеизъявления абсолютного большинства граждан СО АССР территория последней является неприкосновенной и не может быть изменена ни под каким предлогом» [12, с. 27].

Аналогичной позиции придерживались все государственные структуры Северной Осетии и руководство Республики.

14 сентября 1990 г. Президиумом ВС СОАССР было принято постановление «Об общественно-политической ситуации в республике». Пунктом 3 этого постановления был запрет (мораторий) на прописку и продажу домов приезжающим в республику гражданам. 23 сентября 1990 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СОАССР «О временном ограничении механического прироста населения на территории СОАССР» [7, с. 451]. Указанные законо-

дательные акты противоречили действующему законодательству и являлись препятствием для возвращения граждан в места прежнего проживания. Ингушское население обоснованно восприняло эти шаги как ущемление своих прав.

Если говорить о причинах и механизмах развития ингушского национального движения в период конца 80-х – начала 90-х гг., то необходимо отметить, что истоки и корни этого движения происходили из трагической истории ингушского народа в предшествующее столетие, из нерешенного груза проблем и противоречий, которыми было отягощено ингушское общество на момент вступления всей страны в период ее истории, названный перестройкой. Другими словами, истоки и движущие силы национального движения не были чем-то привнесенным извне. Они развивались на ингушской почве за счет эксплуатации проблем, действительно стоящих перед ингушским народом и обществом в этот непростой период. И то, что столь организованным и мощным это движение стало именно в данный период, не значит, что ранее не было причин или почвы для его развития. Достаточно вспомнить события 1957 или 1973 гг. для того, чтобы убедиться, что это совсем не так. Но именно в момент начала перестроечных процессов СССР, всколыхнувших все советское общество, долгое время находившееся в состоянии стагнации, искусственной консервации, в том числе и консервации проблем, на волне энтузиазма и духовного подъема, охватившего страну, громкое озвучивание проблем, стоящих перед репрессированными народами, было более чем объяснимым. И неслучайно борьба за реабилитацию репрессированных народов стала одной из самых заметных и важных вех перестроечного процесса в целом.

13 августа 1990 г. вышел указ Президента СССР М. С. Горбачева «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20 – 50-х гг.».

16 октября 1990 г. на заседании Совета национальностей Верховного Совета СССР обсуждалась проблема восстановления автономии ингушского народа. В выводах комиссии говорилось: «Требования ингушского населения о возвращении ЧИАССР Пригородного района в его границах до 1944 г. и других территорий, входивших в состав Чечено-Ингушской АССР, имеют основания».

Если же обратиться к роли и месту ингушского общественного движения за восстановление попранных прав народа в советской и российской внутренней политике конца 80-х – начала 90-х гг., то становится ясно, что и в этом плане роль и значение процессов, происходивших вокруг проблемы репрессированных народов, и конкретно вокруг ингушского народа, нельзя недооценивать. В некоторых, в том числе и ключевых, моментах новейшей российской истории влияние это становилось даже определяющим. Так, например, произошло в мае 1990 г. во время выборов Председателя Верховного Совета РСФСР, когда позиция ингушских и чеченских депутатов Верховного Совета привела к победе Б. Н. Ельцина, что вне всякого сомнения оказало если не решающее, то в любом случае огромное воздействие на дальнейшую судьбу как Советского Союза, так и России [2, с. 80].

27 ноября 1990 г. внеочередная сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской республики приняла декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики. Статья 17 Декларации подтверждала право ингушей на восстановление своей автономии. Представители общественных движений, руководство Малгобекского, Назрановского, Сунженского районов Ингушетии выразили свое несогласие с той частью декларации, которая предусматривала выход Чечено-Ингушетии из состава России.

Между тем ингушский вопрос становился чем дальше, тем сильнее втянут в общую систему политических взаимоотношений между союзным и российским центром. Особую остроту и значимость в этих условиях приобрела предвыборная кампания по выборам Президента РСФСР. В марте 1991 г. Б. Н. Ельцин, считавшийся кандидатом от демократических сил, посетил Северный Кавказ. В своих выступлениях в Назрани и Владикавказе он дал фактически взаимоисключающие обещания собравшимся на митинги ингушам и осетинам касательно проблем реабилитации репрессированных народов.

В данный период резко обострилась внутриполитическая ситуация в СССР. Рост напряженности в стране, связанный с экономическим кризисом, усиливающимися межнациональными конфликтами, накладывался на усиливавшееся противостояние центра и республик, грозившее привести к развалу страны. При этом все более теряющее контроль над ситуацией союзное правительство предпочитало реагировать на вспыхивавшие по всей стране очаги разнообразных конфликтов лишь постфактум, вместо того, чтобы заниматься их эффективной профилактикой. При этом предлагались взаимоисключающие варианты реакции на ухудшающееся положение в стране – от предложений радикально ускорить процессы демократизации до требований «закрутить гайки» и предотвратить надвигающийся развал страны. К середине 1990 г. стало очевидным, что руководство страны склоняется скорее к последнему варианту. Под термином «экстремисты» стали огульно понимать всех поднимающих вопросы, связанные с изживанием наследия сталинского режима. Возможно, с опасениями союзных властей вызвать новую волну межнациональных конфликтов была связана тенденция к замалчиванию даже в период разгара перестройки требований ингушского национального движения, а также отказ от принятия на союзном уровне законодательного акта, который позволили бы провести комплекс мероприятий по реабилитации репрессированных народов. В результате в 1989 – 1990 гг. мероприятия о реабилитации в общесоюзном масштабе свелись в основном к признанию преступности депортации народов и осуждению ее на государственном уровне, как это можно проследить на примере Декларации о реабилитации жертв политических репрессий. Однако в целом и основном ингушская общественно-политическая элита, как и все репрессированные народы, связывала свою будущность с победой российской демократии. С весны

1990 г. в условиях фактического игнорирования федеральным центром проблем их ориентация во все более усиливающемся внутрироссийском противостоянии стала однозначно продемократической. В июне 1991 г. на выборах президента ингушские районы ЧИАССР отдали Ельцину наибольший процент голосов.

Закон о реабилитации репрессированных народов был принят Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 г. Он предусматривал полную, в том числе и территориальную реабилитацию народов, подвергшихся депортации в сталинский период [5]. При этом специалисты возражали скептикам, ссылавшимся на ст. 84 Конституции СССР и ст. 80 Конституции РСФСР, гласившие, что «территория автономной республики не может быть изменена без ее на то согласия», и резонно указывали, что эти статьи касаются только собственно территории республик, а не тех территорий, которые насильственно к ним присоединены в годы сталинщины [8]. Впоследствии Закон о реабилитации репрессированных народов остался невыполненным. В дополнение к нему был принят Закон Российской Федерации об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации, ст. 1 которого предполагала установление переходного периода по государственно-территориальному разграничению в РФ до 1 июля 1995 г.

В октябре 1991 г. власть в Грозном захватили сторонники отделения от России во главе с Д. Дудаевым. Был провозглашен суверенитет Чеченской республики. В этих условиях перед ингушским национальным движением встала необходимость выбора: по какому пути идти в дальнейшем ингушскому народу и обществу? Это подтолкнуло Оргкомитет к проведению третьего съезда ингушского народа. Он состоялся 6 – 7 октября 1991 г. в г. Грозном. Съезд создал Народный Совет Ингушетии (НСИ), возглавляемый Президиумом. Территориальные организации НСИ имелись во всех районах компактного проживания ингушей, в том числе и в Пригородном районе. Председателем НСИ стал доктор юридических наук Б. М. Сейнароев [11, с. 36]. Решением съезда всем ингушским движениям, партиям, общественным организациям, а также официальным государственным органам, было предложено «все вопросы, связанные с восстановлением территориальной целостности и государственности Ингушетии, впредь согласовывать с Народным Советом Ингушетии» [6].

Чтобы окончательно решить вопрос о будущем ингушей, Оргкомитетом по восстановлению автономии был организован общенациональный митинг в Назрани в октябре 1991 г., в котором приняли участие, по некоторым данным, до 115 – 120 тыс. человек, т. е. все взрослое население Ингушетии [2, с. 81]. Митинг высказался за провозглашение Ингушской республики в составе России на своей исторической территории с центром в правобережной части г. Владикавказа и вынес этот вопрос на референдум народа, который должен был состояться 30 ноября 1991 г. На референдум был вынесен единственный вопрос: «Вы за создание Ингушской Республики в составе РСФСР с возвратом незаконно отторгнутых ингушских земель и со столицей в городе Владикавказе?». В голосовании приняли участие 97 % избирателей ингушских районов, из которых 92,5 % высказались «За».

Характерная же черта ингушского референдума заключалась, как уже отмечено выше, в нескрываемой заинтересованности его организаторов в обратном – сохранении Ингушетии в составе единого российского государства. И такой выбор приоритетов осенью 1991 г. был сделан именно народом, поскольку в силу приведенных выше доводов становится очевидным, что народное представительство в управлении районами будущей Ингушской республики в период безвластия осени 1991 г. было, пожалуй, максимальным. Но и вставшие во главе ингушского общества в этот переломный момент деятели также были четко ориентированы на сохранение Ингушетии в российском правовом поле. Альтернативы этому в тот момент всерьез никем не озвучивались. Власть, установившаяся в стране в историческом 1991 г., воспринималась ингушами как «своя» власть, точно так же как когда-то в 1918 – 1920 гг. таковой им виделась власть большевиков, пришедшая на смену царскому режиму.

Только 5 февраля 1992 г. в результате настойчивой работы ингушских депутатов и представителей общественности Президент РФ Б. Н. Ельцин внес в Верховный Совет РФ законопроект о преобразовании Чечено-Ингушской Республики в Чеченскую и Ингушскую республики в составе Российской Федерации [10, с. 27]. 4 июня 1992 г. ВС РСФСР принял Закон «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» и Постановление «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации». Принятие Закона требовало от федерального центра реальных действий по его выполнению. Было необходимо создать временные органы власти, способные начать процесс формирования Ингушской республики. В этой связи Президиум ВС РСФСР назначил Представителем Верховного Совета в Ингушской Республике депутата ВС генерала армии В. Ермакова. Представителем Президента РФ по Ингушетии был назначен государственный советник юстиции И. Костоев. Однако вплоть до трагических событий осени 1992 г. так и не был назначен глава администрации Ингушской Республики [10, с. 28].

Таким образом, благодаря самоотверженной и упорной борьбе ингушского национального движения, интеллигенции, общественности, органов власти в ингушских районах ЧИАССР, всего ингушского народа, продолжавшейся на всем протяжении второй половины 80-х – начала 90-х гг., в июне 1992 г. стало возможными воплощение многолетней мечты ингушского народа – восстановление ингушской национальной государственности. Активное участие в движении за восстановление ингушской государственности приняли Муса Дарсигов, Бембулат Богатырев, Хамзат Фаргиев, Ибрагим Костоев, Исса Кодзоев, Бексултан Сейнароев, Ахмед Куштов, Зяудин Богатырев, Дауд Хамхоев, Богдан Барахоев, Магомед Илиев, Магомед Буружев, Якуб Медов, Ваха Хамхоев, Нурдин Кодзоев, Магомед

Тимурзиев, Беслан Костоев, Султан Хамчиев, Джабраил Куштов, Якуб Куштов, Федор Боков, Муса Яндиев, Хажимурат Костоев, Алихан Даскиев, Магомед-Рашид Плиев, Башир Чахкиев, Беслан Котиков, Магомед Ахильгов, Сейт-Салим Ахильгов, Абдул-Хамид Гантемиров, Ахмед Цуров, Башир-Хаджи Аушев, Ахмед-Хаджи Пошев, Сулумбек-Хаджи Евлоев, Аслан Кодзоев, Бек Абадиев и многие другие.

О заслугах лидеров ингушского национального движения в полной мере высказался в день принятия закона «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» первый заместитель Председателя ВС РФ С. Филатов: «Ингушские лидеры не сделали ни одной ошибки на пути восстановления государственности своего народа. Они действовали в высшей степени грамотно, конкретно в рамках парламентской и дипломатической этики и российских законов, а потому им нельзя было отказать. Я восхищён манерами поведения этих людей. Ингуши могут гордиться своими лидерами» [9, с. 33].

Однако люди, сделавшие так много для создания Ингушской Республики, оказались несправедливо забыты и отодвинуты даже не на вторые роли. Один из основателей Республики Б. Сейнароев в своёй книге «На трудном пути создания Ингушской Республики» пишет об этом так: «Поводом для серьёзных размышлений является и тот факт, что ни один из активных участников создания Республики не был назначен на должность в её руководстве. При этом необходимо помнить, что в организационном комитете по возрождению ингушской государственности и в Народном Совете Ингушетии были сосредоточены лучшие силы ингушского общества: профессора, доктора и кандидаты наук, опытные организаторы из числа партийных работников, руководители предприятий, журналисты, инженеры, экономисты, юристы, духовные лица» [11, с. 29].

Спустя всего несколько месяцев после провозглашения республики разразилась трагедия осени 1992 г. в Пригородном районе и Владикавказе, унесшая жизни сотен наших соотечественников, лишившая крова и возможности жить на своей родине десятки тысяч других. Ликвидация последствия этой трагедии, так же как преодоление множества других старых и вновь возникших проблем – основное содержание первых лет существования новой Ингушетии.

Литература

1. Балаев М. Национальная забастовка // Дош. 1990. № 2(4).
2. Богатырев Б. Образование государственности ингушского народа // Точка зрения. Назрань, 2006.
3. Второй съезд ингушского народа. Документы и материалы. Грозный, 1990. 224 с.
4. Документы, принятые на митинге ингушского народа // Дош. 1990. № 2(4).
5. Закон РСФСР о реабилитации репрессированных народов // Советская Россия. 07.05.1991.
6. Ингушское слово. 1991. Ноябрь.
7. История Ингушетии. ИНИИГН им. Ч. Ахриева. Магас, 2011. 486 с.
8. Коваленко А. Восстановление исторической справедливости // Независимая газета. 4.06.1991.
9. Костоев Б. Преданная нация. М., 1995. 112 с.
10. Сампиев И. Политическое самоопределение ингушского народа в постсоветский период: исторические, политические и социально-политические факторы // Актуальные социально-политические и этнокультурные проблемы Ингушетии: сб. науч. ст. Магас, 2007.
11. Сейнароев Б. М. На трудном пути создания Ингушской Республики. М., 2012.
12. События октября – ноября 1992 г. в интерпретации Генеральной прокуратуры РФ. Назрань, 2006.

Информация об авторе:

Ужахов Бекхан Магометович – аспирант Ингушского государственного университета, Россия, bechan2014@yandex.ru.

Bekkhan M. Uzhakhov **–** post-graduate student at Ingush State University.

(**Научный руководитель:** ***Кодзоев Магомед Асланбекович*** **–** кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России Ингушского государственного университета.

Research advisor: ***Magomed A. Kodzoev*** – Candidate of History, Professor at the Department of Russian History, Ingush State University).

Статья поступила в редколлегию 23.03.2015 г.

УДК 94(47)

ЛЮДНОСТЬ РАБОЧИХ ИЗ БЫВШИХ МАСТЕРОВЫХ КАБИНЕТА АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В. Н. Фаронов

POPULATION SIZE OF ALTAI DISTRICT WORKERS FROM THE FORMER ARTISAN CABINET IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

V. N. Faronov

Перемены, вызванные модернизацией, затронули все слои общества и практически все стороны его жизни. Не в последнюю очередь это коснулось и института семьи. Формирующийся рабочий класс оказался в авангарде этого процесса. Перемены были обусловлены новыми требованиями, задаваемыми жизнью индустриализирующегося общества. Одной из таких перемен стало почти всеобщее снижение людности семьи рабочих, в том числе и в Западной Сибири. Если относительно большинства исследованных групп рабочих причины уменьшения людности семьи не вызывают сомнений, то отдельные группы выпадают из этого ряда и требуют дополнительного исследования. Одной из таких групп являлись рабочие Алтайского округа из бывших мастеровых Кабинета. Людность семей рабочих из бывших мастеровых находилась примерно на одном уровне с прочими рабочими. Но, на наш взгляд, причины у этой внешней схожести различны. В первом случае мы имеем дело с последствиями прежнего доиндустриального внеэкономического способа эксплуатации мастеровых Кабинета, во многом схожим со способом эксплуатации крепостных крестьян. Такое положение дел не способствовало росту людности семьи еще в доиндустриальное время и поэтому процесс модернизации не мог быть причиной низкой людности семей у этой категории рабочих.

Changes caused by modernization affected all sectors of society and almost all aspects of its life. Last but not least, the institution of the family was affected as well. The emerging working class was in the vanguard of this process. The changes were due to new requirements defined by the life in the industrialized society. One of these changes was almost universal decrease in the size of workers' families, including those in Western Siberia. For the relative majority of the studied groups of workers, the reasons for this change are obvious, while some other groups require further study. One of such groups is the Altai district workers of the former artisan Cabinet.

Population size of former artisans' families was about on par with other workers. But the authors believe that the reasons for this obvious similarity were different. In the first case we are dealing with the consequences of the previous pre-industrial non-economic method of exploiting the Cabinet artisans, in much the same way as the serfs. This situation was not conducive to the growth of family size since the pre-industrial times, and therefore, the process of modernization could not be the cause of low family size in this category of workers.

Ключевые слова: рабочие, демография, модернизация, семья, мотивация.

Keywords: workers, demographics, modernization, family, motivation.

Модернизационные процессы стали причиной кардинальных перемен практически во всем спектре социального бытия. Не в последнюю очередь это касалось и демографических изменений. Но далеко не всегда процессы, наблюдаемые в эпоху становления модерна, имеют в нем же причину. Иногда внешне схожие по форме явления разнятся по своей сути. Это может касаться и параллельно протекающих внешне схожих демографических процессов, но имеющих различные причины и, соответственно, закономерности своего развития. Об одном из таких явлений и пойдет речь в данной статье.

Здесь мы рассмотрим показатель людности семей («людность» – основной количественный показатель, устанавливающий среднее число людей на семью в изучаемой социальной группе) рабочих из бывших мастеровых Кабинета, величина которого, на наш взгляд, стала следствием иных причин, не связанных напрямую с модернизационными процессами, которые, напротив, оказали большое влияние на демографические изменения в других исследованных группах рабочих Западной Сибири.

Статья основана на материалах архивов Санкт-Петербурга и Барнаула, периодики, фольклора и исследовательской литературы. Методологической базой исследования является теория модернизации. Значительная роль в нем уделяется субъективному фактору, влияющему на демографический процесс. Объектом исследования является семья рабочих Кабинета из бывших мастеровых конца XIX – начала XX в. Предметом исследования является людность рабочей семьи.

В задачу исследования входит изучение и обоснование причины низкой людности семей рабочих из бывших мастеровых Алтайского округа, которая, на наш взгляд, не совпадает с причиной подобного же показателя людности у других категорий рабочих Западной Сибири. Отметим, что в данной статье обосновывается лишь гипотеза, нуждающаяся в дальнейшем исследовании.

В ходе анализа демографии рабочей семьи Западной Сибири был установлен довольно низкий показатель людности семей у всех исследованных групп. Так, в 1894 – 1915 гг. средняя людность семей у исследованных групп рабочих равнялась 3,1 – 4,2 чел.

на семью. Этот показатель варьировался в основном в пределах 3,1 – 3,8 чел. на семью, лишь в одном случае поднимаясь до 4,2. Среднее арифметическое показателя в этот период составляло 3,6 чел. на семью. Немногим выше показатели средней людности наблюдались у мещан и живущих в городе крестьян, т. е. у социальных слоев, являвшихся основным источником кадров рабочего класса [15, с. 239 – 248].

Снижение людности семьи, безусловно, стало следствием модернизационных процессов, меняющих коренным образом демографическое поведение населения. Так, например, в связи со значительным уменьшением роли домашнего хозяйства отпала необходимость в многодетности, а также и в сосуществовании под одной крышей членов семьи различных поколений (основной становится семья из одного – двух поколений). Однако необходимо отдельно оговорить показатель низкой людности в семьях рабочих из бывших мастеровых. Так, в семьях рабочих кабинетских заводов, согласно материалам 1894 – 1895 гг., средняя людность составляла 3,4 человека на семью [14], а в семьях рабочих кабинетских заводов, приисков и рудников согласно материалам 1909 – 1913 гг. этот показатель равнялся 3,7 чел. на семью [4]. Таким образом он не слишком изменился за десять с небольшим лет. Схожие результаты наблюдались у исследованной группы томских рабочих в 1901 г. – 3,8 чел. на семью, чуть ниже у группы барнаульских рабочих в 1914 г. – 3,1 и чуть выше у группы рабочих из Тобольска в 1915 г. – 4,2.

Однако, несмотря на схожесть показателей, причины, приведшие к относительно низкой людности у исследованных групп рабочих, следует признать различными. Если снижение людности основной массы рабочих закономерно проистекает из модернизационных процессов, происходивших в Сибири на рубеже веков, то по отношению к рабочим из бывших мастеровых Алтайского округа мы не можем утверждать подобного. Дело в том, что в среде мастеровых относительно низкая людность семей наблюдалась и ранее. Так, по подсчетам Н. В. Никишиной, средняя людность семей мастеровых Алтая составляла в XVIII – первой половине XIX в. 4,1 – 3,9 чел. (т. е. людность уменьшалась) [11, с. 54, 65]. Таким образом, мы видим столь же низкую людность семей мастеровых в доиндустриальную эпоху. Для сравнения укажем на то, что людность крестьянского двора Западной Сибири в XVIII в. составляла 6,5 – 8,2 чел. [2, с. 73]. Отсюда можно сделать вывод о том, что показатель низкой людности семьи у мастеровых и в дальнейшем, скорее всего, не был связан с индустриализацией региона, но являлся традиционно низким.

Причины низкого показателя людности, на наш взгляд, заключались в подневольном положении мастеровых, которое крайне отрицательно сказывалось на их семейной демографии. Об этом, в частности, писал в 1830-е гг. начальник Штаба Корпуса горных инженеров В. Г. Чевкин: «Положение мастерового населения столь стеснено, что самое благосостояние заводов требует неминуемо некоторого улучшения их содержания… в течение 18 лет, протекших между 7 и 8 переписями, алтайское мастерское народонаселение, живущее в одной из стран России самых благодатных, едва увеличилось на 5 %, когда соседние им крестьяне заводские… получили приращение гораздо большее» [11, с. 61]. Это предположение подтверждает и факт низкой людности в семьях мастеровых из старообрядцев – 3,1 чел., которые в целом отличались своей многочисленностью [11, с. 62].

Но что же оказывало непосредственное отрицательное влияние на данный показатель? Прежде всего, психологическая составляющая. Подавленность человека, как и социальной группы, не способствует развитию личности, появлению требований более-менее сносного жизненного стандарта, уважительного к себе отношения, нормальной семейной жизни. Это относилось не только к рабочим из бывших мастеровых. Например, в описании довольно неплохих жилищных условий рабочих Барнаульского винного склада можно прочесть следующее: «Кругом каждого дома кучи назьма, грязи и всякой мерзости, издающей смрад и зловоние. Все усилия администрации отучить рабочих от содержания своих дворов в таком виде ни к чему до сих пор не вели» [16, с. 46 – 47]. Или другой пример: так, относительно тяжелейших условий проживания рабочих на приисках, В. П. Зиновьев приходит к выводу, что основной причиной этого являлся низкий уровень притязаний самих рабочих, преимущественно выходцев из деревни, готовых жить в самых нечеловеческих условиях [5, с. 29 – 30]. Насколько же хуже должны были обстоять дела у потомков подневольных кабинетских мастеровых!

Вот, например, свидетельство о семейной жизни риддерских рабочих М. Швецовой 1890-х гг.: «Еще заметнее влияние того же прошлого отражается в грубости нравов, не изчезшей до сих пор. В течение нескольких поколений проводя половину жизни в работе под землей; не имея права распоряжаться собой самостоятельно в свободное от казенной работы время, так как и в часы отдыха он (*рабочий – В. Ф.*) обязан был заниматься своим хозяйством по приказанию начальства; живя под постоянным страхом наказания за каждый даже самый ничтожный проступок, а иногда и без всякого проступка, не будучи уверен, что завтра же его не переведут куда-нибудь за тридевять земель и придется бросить все и сызнова обзаводиться и семьей и хозяйством – под давлением всего этого горнорабочий переставал ценить жизнь и заботиться об ее удобствах, становился угрюмым и суровым в отношениях к другим и начинал сам теснить и наказывать кого мог, прежде всего, своих домашних, находящихся в полной зависимости от него. Поэтому и грубость нравов риддерских обывателей с особенной силой сказывается в семейных отношениях» [17, с. 10]. Все это выливалось в бесконечные семейные конфликты: муж открыто тиранил жену, та, в свою очередь, изощрялась с помощью хитрости как можно сильнее отомстить мужу и оба, будучи родителями, срывали свою злость на детях. «Вообще, – пишет М. Швецова, – отношения супругов между собой и родителей к детям, часто прямо поражают зверской жестокостью» [17, с. 12]. Автор отмечает то, что, ко-

нечно же, не все наблюдаемые ею семьи риддерских рабочих отличались подобными внутрисемейными отношениями. Были и примеры совершенно иных взаимоотношений. Но все же большинство семей жили именно в гнетущей обстановки озлобленности и конфликта.

Не менее ярко об угнетенном положении мастеровых свидетельствует фольклор. Приведем только один показательный для нашей темы пример: «В последнее время обязательного труда стало рабочим невтерпеж. Управляющий любитель был до чужих жен. Если красивая – значит ему. Прикажет мужу, что бы привел, и все тут. Потом она ребенка родит, он ее с ребенком отсылает обратно…» [10, с. 111 – 112]. Ну, а если нет, то оставалось только принять мученическую смерть: «Первый пристав Набоков жен красивых у рабочих брал. Одного вызвали в контору (он только женился). – Приведи жену! Он домой прибег, ей сказывает. Она – в слезы. – Не пойду! Приставу докладывают: не пошла, дескать, баба-то. Как не пошла?! Всыпать ему двадцать пять за то, что жену не прислал! Всыпали. Жена ему простоквашей спину мажет, плачет, а все же к приставу не идет. Он и говорит жене: – Ну, Марфуша, значит судьба наша такая. Готовь мне смертную рубашку. Задерут… За такое непочтение назначили семьдесят пять. Унесли на попоне домой мертвого. И жена вскоре померла – с горя и с голоду. А к приставу не пошла. А другая полтора года у Набокова жила. Родила ребенка – он ее к мужу обратно прислал с ребенком-то. За это время мужа ни разу не драли, а тут опять стали драть» [10, с. 126 – 127].

Конечно, в рассматриваемый нами период подобное практиковалось лишь в исключительных случаях, но выработанный веками унижений строй психики сменить было сложно, если вообще возможно. Этот вывод подтверждает, например, рапорт управляющего Кольчугинской копи от 22 января 1893 г., в котором он описывает методы выражения протеста рабочими: «выбивание окон в доме управляющего, приклеивание к дверям самой отборной площадной брани, различные доносы по начальству»; и далее, на наш взгляд, совершенно справедливо уверяет, что ненависть рабочих к начальству является остатком «озлобленности, какую таили в себе рабочие еще во времена крепостного права; это – запоздалая месть за те жестокости, которым подвергались рабочие в минувшее, но еще далеко не забытое время… Старики, испытавшие всю тяжесть крепостного труда, еще живы и передают детям свою ненависть к начальству как к безжалостным притеснителям» [3]. Едва ли этот менталитет существенно изменился за последующее десятилетие. Ведь даже в советской историографии утверждалось, что бывшие мастеровые Кабинета «представляли собой скорее типичных мануфактурных работников, нежели фабрично-заводских: полуграмотных, с узким техническим кругозором, с замкнутым, патриархальным, полукрестьянским устоем жизни, которая в глухих селениях, оторванных от культурных и общественных центров сотнями верст, как бы остановилась в своем развитии» [12, с. 75].

Такая ситуация не могла породить активной жизненной позиции, стремления переустроить свою жизнь к лучшему, что было присуще массам промышленного пролетариата. Напротив, следствием становились пассивность, пессимизм, апатия и иные негативные психологические явления [18]. В этой связи интересным представляется свидетельство одного из авторов начала XX в. об истинном, с его точки зрения, мировоззрении низов сибирского общества, заключающемся «во всепроникающей вере в Богарок, в Бога-судьбу… Этот рок бьет нас, здесь, в этих темных норах – часто, метко и сильно. Иногда он и поддерживает сильных, прочных и энергических питомцев низов; погибают в грязи, в смраде сотни – на одного вышедшего на “вольный воздух”. И вера в божественный рок сильна и искренна у нас; погибающим дает она суровое утешение сознания предопределенной неизбежности, могучим людям, что идут “напролом”, дает она же прочную уверенность в том, что им “Сам” очевидно помогает» [1, с. 71 – 72].

Одним из следствий всего вышеотмеченного и стала низкая людность семей мастеровых, не имевших, по-видимому, сильной мотивации к воспроизводству себе подобных и их дальнейшей социализации. Отметим и то, что такого рода явление не было уникальным для России XVIII – первой половины XIX в. Еще В. О. Ключевский так определил ситуацию: «Известно, что труд подневольный… убивает энергию, ослабляет предприимчивость, развращает нравы и даже портит расу физически. В последние десятилетия перед освобождением крестьян у нас стал прекращаться естественный прирост крепостного населения, т. е. начинала вымирать целая половина сельской России» [7, с. 24]. Действительно, доля помещичьего крестьянства в общем населении страны неизменно сокращалась с началом XIX в.: в 1796 г. – 53,9 %, в 1811 г. – 51,7 %, в 1833 г. – 44,9 %, в 1857 г. – 39,2 %, а с 1830-х гг. полностью прекратился рост его абсолютной численности [9, с. 188]. Наиболее отрицательно это сказалось на приросте населения Центрально-промышленного района России, имевшего самую высокую долю крепостного населения, где с 1719 по 1857 гг. наблюдался самый низкий среднегодовой прирост, составлявший 0,38 %, в то же время по России он в среднем равнялся – 0,81 % [6, с. 16]. Отметим также присутствие низкого показателя средней людности семьи и среди рабочих Урала, бывших прежде тоже подневольными, где в 1899 – 1900 гг. он составил в одной исследованной группе 3,1 чел. на семью [13]. С этими данными согласуются и выводы В. Ю. Крупянской и Н. С. Полищук: «Среди старожильского населения Нижнего Тагила… решительно преобладала так называемая “малая семья”, состоявшая из двух (супруги и их неженатые, незамужние дети) либо из трех поколений (то есть супруги и их женатый сын с детьми или супруги с детьми и одним женатым сыном). Такая структура семьи стала устойчивой традицией, характерной для всего последующего времени» [8, с. 45 – 46].

Таким образом, показатель людности рабочей семьи Западной Сибири конца XIX – начала XX в. в

целом был низким. Однако причины этого могли быть различными у разных категорий рабочих. Например, можно вполне обоснованно предположить, что подневольное правовое положение алтайских мастеровых и все вытекающие из этого последствия стали главными причинами низкой людности их семей. Величина этого показателя в семьях бывших мастеровых начала XX в. являлась в таком случае не результатом модернизации сибирского общества, а пережитком внеэкономической зависимости этой категории населения от Кабинета.

Литература

1. Алтайский Б. В царстве черняди // Сибирские вопросы. 1906. № 6.

2. Борисенко М. В. Семья и двор русских крестьян Западной Сибири конца XVI – середины XIX в. СПб., 1998.

3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 127.

4. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 1001, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050 – 1052. 1056 – 1061, 1063, 1063, 1065, 1067, 1069 – 1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100 – 1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.

5. Зиновьев В. П. Жилищно-бытовое положение семей горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Рабочая семья Сибири. Барнаул, 2012.

6. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России XVIII – первой половины XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971.

7. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга первая. Минск; М., 2000.

8. Крупянская В. Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971.

9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб. Т. 1. 1999.

10. Мисюрев, А. А. Легенды и были: фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. Новосибирск, 1940.

11. Никишина Н. В. Семья горнозаводского населения Алтая второй половины XVIII – первой половины XIX в.: дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

12. Плотников А. Е. О социальном облике сибирских рабочих пореформенного периода // Экономические и социальные проблемы истории Сибири: материалы научной конференции, посвященной 400-летию присоединения Сибири к России. Томск. 1984.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 74. Д. 474, 493.

14. РГИА. Ф. 768. Оп. 23. Д. 1063.

15. Фаронов В. Н. Становление малой семьи у рабочих Западной Сибири в конце XIX – начала XX в. // Известия АлтГУ. 2014. № 4–1(84)

16. Шамина Л. Школа Дионисса. История Барнаульского ликероводочного завода за сто лет, воссозданная по официальным документам, архивным источникам, в цифрах, событиях, фактах, с привлечением живых описаний, воспоминаний и свидетельств тех, кто связал с заводом свою судьбу. 1899 – 1999. Барнаул, 1999.

17. Швецова М. Из поездки в Риддегерский край. Омск, 1898.

18. Яковенко И. Г., Музыкантский А. И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М., 2010.

Информация об авторе:

Фаронов Вячеслав Николаевич **–** кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (АлтГУ), faronoff-vn@mail.ru.

Vyacheslav N. Faronov – Candidate of History, Altai State University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2015 г.

ИСТОРИЯ БЕЛОЙ СИБИРИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С 1995 г. в Кемерово проводятся научные конференции по тематике «История белой Сибири», привлекающей внимание многочисленных исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, других городов России и ряда зарубежных стран. Свои научные исследования на конференции представляли А. Хаумдас (Монголия) и Б. Айситт (Канада). Этот научный форум не только заслужил внимание, но и уважение научного сообщества, интересующегося данной тематикой.

Статьи, присланные на конференции, посвящены изучению многочисленных аспектов функционирования антибольшевистских правительств, экономики, социальной сферы на Востоке России в период Гражданской войны (1918 – 1922 гг.). Ряд статей посвящен вопросам историографии и источниковедения по данной теме. Традиционно в центре внимания участников форума – судьба эмигрантов из Сибири, оказавшихся в Китае и других странах. Материалы конференции представлялись в различных научных изданиях.

Последние годы конференция проходит на базе Кемеровского государственного университета. В связи с растущим вниманием к данной тематике в истории России статьи на основе материалов Десятой конференции «История белой Сибири», состоявшейся 18 февраля 2013 г., представляют значительный интерес для научной общественности.

УДК 94(571.17):929Фукс”1951/1953”

СУДЬБА КОЛЧАКОВСКОГО ВРАЧА Б. И. ФУКСА ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Е. С. Генина

THE DESTINY OF KOLCHAK’S ARMY DOCTOR B. I. FUCHS IN SOVIET TIMES

E. S. Genina

В период позднего сталинизма (1945 – 1953 гг.) участники Гражданской войны на стороне белого движения оставались категорией населения, находившейся под контролем органов власти. Борис Ильич (Бер Ельич) Фукс (1897 – 1973) – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой хирургии Сталинского (Новокузнецкого) государственного института для усовершенствования врачей в 1952 – 1973 гг., основоположник Новокузнецкой хирургической школы. В 1919 г. Б. И. Фукс, студент медицинского факультета Томского университета, был мобилизован в армию А. В. Колчака и несколько месяцев служил зауряд-врачом в Красноярском военном госпитале. Впоследствии указанный факт стал компрометирующим для врача. Он фигурировал при вступлении Б. И. Фукса в ВКП(б) в 1951 г., использовался против ученого вместе с другими «негативными» сведениями во время «дела врачей» в 1953 г. В данной статье впервые воссоздана биография Б. И. Фукса с особым вниманием к последствиям «белого» прошлого и событиям «дела врачей». Основу для проведения исследования составили документы Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Томской области, Государственного архива Кемеровской области, Государственного архива Кемеровской области в г. Новокузнецке, Архива Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей.

In the period of late Stalinism (1945 – 1953), the participants of the Civil War on the side of the White movement remained a category of the population controlled by the authorities. Boris Iljich (Ber Eljich) Fuchs (1897 – 1973) was Doctor of Medical Science, Professor, Head of Surgery Department at Stalin (Novokuznetsk) State Medical Refresher Institute in 1952 – 1973, founder of Novokuznetsk Surgery School. In 1919, B. I. Fuchs, a student of Tomsk University, was mobilized to A. V. Kolchak’s army and served there for several months as a warrant doctor in Krasnoyarsk military hospital. Later, this very fact became a discreditable one for the doctor. It was mentioned when B. I. Fuchs was going to join the All-Union Communist Party of the Bolsheviks in 1951; together with the other “negative” information it was used against the scientist during the “Doctors’ Case” in 1953. For the first time this paper reconstructs B. I. Fuchs’ biography drawing much attention to the consequences of the “White” past and to the “Doctors’ Case” events. The documents of the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of Tomsk Region, the State Archive of Kemerovo Region, the State Archive of Kemerovo Region in Novokuznetsk, the Archive of Novokuznetsk State ***Medical Refresher Institute were the base for the research.***

Ключевые слова: Гражданская война, «бывшие белые», «дело врачей» (1953 г.), Сталинский (Новокузнецкий) государственный институт для усовершенствования врачей, Сибирь.

Keywords: the Civil War, “the former White”, “Doctors’ Case” (1953), Stalin (Novokuznetsk) State Medical Refresher Institute, Siberia.

Гражданская война в России одним из своих последствий имела формирование устойчивого «образа врага» в советской идеологии – «бывших белых». В период позднего сталинизма (1945 – 1953 гг.) назван-

ная категория населения по-прежнему находилась под контролем органов власти. Факты, свидетельствующие об отношении власти к «бывшим белым» (представителям интеллигенции) в первые послевоенные годы, уже отмечали исследователи [6; 8, с. 75 – 109, 112 – 113, 141, 173 – 176, 186 – 188; 23, с. 116, 121 – 122]. В данной статье впервые воссоздана биография доктора медицинских наук, профессора Б. И. Фукса с особым вниманием к последствиям «белого» прошлого и событиям «дела врачей» (1953 г.). Указанные моменты ранее были лишь обозначены при реконструкции биографии ученого [25, с. 450; 24, с. 238; 35, с. 190; 20, с. 108, 123 – 124]. Основу для проведения исследования составили документы Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Томской области, Государственного архива Кемеровской области, Государственного архива Кемеровской области в г. Новокузнецке, Архива Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей. Название последнего архива соответствует современному названию учреждения.

Борис Ильич (Бер Ельич) Фукс, еврей по национальности, родился 1 (13) июня 1897 г. в местечке Лиозно Оршанского уезда Могилевской губернии, в семье врача-дантиста и домохозяйки. *(Прим. автора: в автобиографиях Б. И. Фукс указывал Смоленск как место своего рождения).* Его отец происходил из мещан Могилевской губернии. У Ельи (Ильи) Хацкелевича и Нехамы Зальмановны было еще два сына: Гирш (Григорий), 1894 года рождения, и Самуил, 1901 года рождения. В 1914 г. Борис окончил реальное училище в Красноуфимске Пермской губернии. В 1914/1915 учебном году обучался на биологическом отделении Психоневрологического института (Петроград). В августе 1915 г. выдержал дополнительный экзамен по латинскому языку в Пермской второй мужской гимназии и подал заявление о поступлении на первый курс юридического факультета Петроградского университета. После получения отказа в том же году поступил на медицинский факультет Томского университета. Н. З. Фукс в сентябре 1915 г. обращалась к министру народного просвещения с просьбой о разрешении сыну поступить на юридический факультет Петроградского университета, а в случае невозможности того – зачислить его на юридический факультет одного из университетов страны. Приняв во внимание прошение матери, Министерство народного просвещения дало разрешение на зачисление в Томский университет без учета процентной нормы «для лиц иудейского исповедания». Б. И. Фукс занимался в научном студенческом кружке на кафедре оперативной хирургии с топографической анатомией, который организовал доктор медицины, профессор В. Н. Саввин. Летние каникулы будущий врач проводил в Перми и получал практику в хирургическом отделении Пермской губернской земской больницы [25, с. 449 – 450; 24, с. 237 – 238; 36, с. 192; 27, с. 127; 3, л. 75, 77, 151; 16, л. 8 (об.); 17, л. 3, 24, 25, 29 – 29 (об.)].

Гражданская война внесла свои коррективы в биографию успешного студента. Спустя много лет в автобиографии, датированной 1958 г., Б. И. Фукс написал: «При переходе с 4-го курса на 5-й в мае 1919 . был мобилизован в армию Колчака и отбывал службу зауряд-врачом в Красноярском военном госпитале. С приходом в Сибирь Красной Армии с декабря 1919 г. работал в той же должности и в мае 1920 года был откомандирован для окончания Университета» [3, л. 151]. Зауряд-врачи – это военно-медицинские чиновники, которые окончили неполный курс учебных заведений и назначались в военное время. Зауряд-врачи выполняли обязанности младших врачей, ими руководили старшие врачи или ординаторы. Зауряд-врачам доверяли простейшие медицинские процедуры и несложные операции. После завершения военных действий они должны были сдать выпускные экзамены в своих учебных заведениях. Наименование «зауряд-врач» существовало в России в 1894 – 1917 гг. [5; 19].

Следует отметить, что Б. И. Фукс разделил судьбу томских студентов, мобилизованных в армию А. В. Колчака. Об этом свидетельствуют материалы биографического словаря «Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878 – 2003)». В сентябре 1919 г. в армию А. В. Колчака был мобилизован и направлен на военные курсы в Томске студент первого курса химического факультета Томского технологического института В. М. Колесов. Он служил в Красной Армии с конца декабря 1919 г. до января 1920 г., и его признали негодным к военной службе. В. М. Колесов стал доктором биологических наук, профессором, являлся профессором кафедры органической и физико-коллоидной химии Томского медицинского института с 1968 г. [18]. Осенью 1919 г. в армию А. В. Колчака был призван студент первого курса медицинского факультета Томского университета Б. М. Шершевский. Он служил дезинфектором в 13-м Сибирском кадровом полку в Новониколаевске. Впоследствии Б. М. Шершевский – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней ТМИ с 1951 г. [33].

События Гражданской войны затронули учителей Б. И. Фукса. В. Н. Саввин в марте – мае 1917 г. и в мае – июне 1918 г. исполнял обязанности ректора Томского университета. С сентября по ноябрь 1918 г. он являлся помощником управляющего Министерством народного просвещения Временного Сибирского правительства с пребыванием в должности ординарного профессора университета. Указом Верховного правителя России А. В. Колчака в 1919 г. назначен товарищем (заместителем) министра народного просвещения. Занимал эту должность до декабря 1919 г. [27, с. 127]. Доктор медицины, профессор В. М. Мыш с 1909 г. до 1930 г. заведовал кафедрой хирургической факультетской клиники Томского университета. Во время Гражданской войны он состоял профессором-консультантом Томского военного госпиталя [26, с. 33, 34, 35].

После окончания медицинского факультета Томского университета в декабре 1920 г. с утверждением «в звании врача» Б. И. Фукс был оставлен на кафедре оперативной хирургии с топографической анатомией, где последовательно занимал должности преподавателя, прозектора, профессора и заведующего кафедрой (февраль 1921 г. – сентябрь 1931 г.). Основная научная работа ученого «Анатомия гипофизарной системы человека» в сокращенном виде напечатана на

немецком языке (1924 г.). Б. И. Фукс – доктор медицинских наук (с 1935 г.), профессор (с 1928 г.). В 1930 г. он стал профессором Государственного института для усовершенствования врачей. При переводе института из Томска переехал в 1932 г. в Новосибирск. В июне 1931 г. – сентябре 1935 г. – профессор, заведующий кафедрой оперативной хирургии института. Затем Б. И. Фукс трудился в Куйбышеве: профессор, заведующий кафедрой общей хирургии Куйбышевского медицинского института (сентябрь 1935 г. – июнь 1939 г.), начальник кафедры общей хирургии, госпитальной хирургии Куйбышевской военно-медицинской академии (июль 1939 г. – октябрь 1942 г.). В 1942 г. последовал перевод в Ленинградскую военно-медицинскую академию, находившуюся в Самарканде. Борис Ильич являлся профессором кафедры госпитальной хирургии академии (ноябрь 1942 г. – июль 1944 г.). В сентябре 1944 г. – августе 1945 г. работал заместителем директора по научной части Куйбышевского научно-исследовательского института охраны материнства и детства. В августе 1945 г. призывался во флот, где стал главным (флагманским) хирургом Тихоокеанского флота. Демобилизация подполковника медицинской службы последовала в апреле 1946 г.

С июля 1946 г. Б. И. Фукс возглавил кафедру онкологии Новосибирского государственного института для усовершенствования врачей. В 1951 г. ГИДУВ был переведен в Сталинск (ныне Новокузнецк) Кемеровской области, куда переехал Б. И. Фукс. С апреля 1952 г. он стал заведующим кафедрой хирургии института [25, с. 450 – 451; 24, с. 238; 20, с. 118; 17, л. 30 – 30 (об.); 3, л. 75, 75 (об.), 77 – 78, 151 – 152; 13, л. 3]. Первоначально институт переживал сложный период, обусловленный адаптацией на новом месте, нехваткой кадров и недостаточной материально-технической базой [10, л. 17, 18; 14, л. 1 – 6, 137 – 139].

В период работы в ГИДУВе возникла ситуация, связанная с «белым» прошлым Бориса Ильича. Он был принят кандидатом в члены ВКП(б) в 1948 г., в члены ВКП(б) – в 1951 г. 18 июня 1951 г. на открытом собрании первичной парторганизации Сталинского ГИДУВа рассматривался вопрос о приеме профессора в партию. Из протокола партийного собрания явствует, что присутствовавших ознакомили с единственной имевшейся на тот момент претензией к биографии кандидата: фактом мобилизации в армию А. В. Колчака. Однако Б. И. Фукс был принят в партию при одобрительном единогласном голосовании [3, л. 75, 152; 11, л. 49, 49 (об.)].

Во время «дела врачей» в 1953 г. профессору вновь напомнили о его «белом» прошлом, но уже в совокупности с другими обвинениями. «Дело врачей» стало завершающей акцией кампании по борьбе с космополитизмом в СССР. Данная кампания прошла в 1949 – 1953 гг. и была направлена в первую очередь против еврейской интеллигенции. 13 января 1953 г. «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей», где говорилось о раскрытии органами государственной безопасности «террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В сообщении приводился список участников «группы» – видней-ших советских медиков, большинство из которых оказалось евреями по национальности. «Врачей-убийц» объявили наемными агентами американской и английской разведок. Сообщение ТАСС завершалось информацией об окончании следствия в ближайшее время. Сообщение ТАСС сопровождалось передовой статьей «Правды» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», где последовали призывы об усилении в стране «революционной бдительности» и борьбе с «ротозейством» [1; 29]. Разоблачение столичных «вредителей» повлекло за собой проверку и «чистку» кадров медицинских учреждений и учебных заведений на местах.

В январе, феврале и первой половине марта 1953 г. в Сталинском ГИДУВе дважды работала комиссия Министерства здравоохранения РСФСР, занимавшаяся проверкой деятельности учреждения и переаттестацией кадров доцентов и ассистентов, и бригада Кемеровского обкома КПСС [12, л. 47; 10, л. 1]. При этом угроза для Б. И. Фукса возникла изначально. Основание для подобного заключения дает его служебно-производственная характеристика, подписанная и. о. директора Сталинского ГИДУВа, профессором П. Т. Приходько и секретарем партбюро В. А. Рогулиным (датирована 20 января 1953 г.). В документе, подготовленном в связи с проверкой, говорилось о случае смерти больного в хирургической клинике, которой руководил Б. И. Фукс. Далее в текст документа внесена следующая информация: «Приказом по Сталинскому ГИДУВ (№ 209 от 8 декабря 1952 года) было указано профессору Б. И. Фукс на недостаточное внимание с его стороны к организации работы на кафедре, слабую мобилизацию внимания сотрудников кафедры, врачей отделения и врачей-курсантов на строгое и безусловное выполнение всех хирургических правил, обеспечивающих предупреждение осложнений при операции» [3, л. 218].

Ситуация для Б. И. Фукса еще более осложнилась, когда бригада Кемеровского обкома КПСС подготовила «Справку о работе Сталинского государственного института для усовершенствования врачей» (от 20 февраля 1953 г.). Проверяющие пришли к выводу о подборе кадров института «в основном по национальному признаку, родственным и приятельским связям». В документе отмечалось: «Из 13 профессоров, заведующих кафедрами, 10 человек еврейской национальности, близкие родственники которых (жены, дети, братья и сестры) работают в качестве доцентов и ассистентов ряда кафедр и имеют между собой тесную связь» [10, л. 1]. В «Справке» в отношении Б. И. Фукса выдвинуто несколько обвинений. Одно из них связано с «темными пятнами» в биографии профессора: «…происходит из купеческой семьи, в 1919 г. служил в армии Колчака». Однако информация о происхождении Бориса Ильича не должна была стать новой. В личном деле Б. Е. Фукса, студента медицинского факультета Томского университета, имеется «Купеческое свидетельство первой гильдии» (на 1915 г.), выданное Пермской городской управой отцу будущего профессора [10, л. 3; 17, л. 4 – 4 (об.)]. По свидетельству «Справки», профессор привлекал в институт лиц, которые затем оказались «на заметке». К Б. И. Фуксу и сотрудникам его кафедры имелись претензии по линии «родственных связей» в ГИДУВе.

В институте работал Б. Б. Фукс, сын Б. И. Фукса [10, л. 1 – 4].

Постепенно в Сталинском ГИДУВе назревало уголовное дело. 16 марта 1953 г. заместитель Прокурора Кемеровской области по спецделам П. Ф. Шамарин в совершенно секретном донесении исполняющему обязанности начальника отдела по спецделам Прокуратуры СССР А. Д. Камочкину сообщал о том, что областным управлением МГБ арестованы Б. И. Фукс, М. В. Могилев, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии, А. Р. Розенберг, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой микробиологии, И. И. Карцовник, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой нервных болезней. Все они якобы являлись «участниками еврейско-буржуазной националистической группы» и вершили «контрреволюционную националистическую деятельность»: «Группировали вокруг себя лиц еврейской национальности, в лекциях, читаемых для курсантов-врачей, протаскивали буржуазную идеологию, принижали достоинство и приоритет русских ученых, создавали невыносимые условия для работы в больнице русским врачам и старались выжить их с работы». Действия арестованных квалифицировались по статье 58-10 (ч. 2) и статье 58–11 УК РСФСР [15, л. 1; 37, с. 18; 21, с. 25 – 26]. Статья 58–10 УК РСФСР карала за контрреволюционную пропаганду и агитацию (ч. 2 – за особо тяжкий вид преступления), статья 58-11 УК РСФСР – за участие в контрреволюционной организации [32, с. 73 – 75].

Но затем А. Д. Камочкин был информирован, что 14 марта 1953 г. арестовали А. Р. Розенберга, И. И. Карцовника, М. В. Могилева, а Б. И. Фукс не подвергался аресту, следствие не проводилось по причине его болезни [15, л. 4]. Согласно приказу по ГИДУВу № 25 от 30 января 1953 г., заведующий кафедрой хирургии числился больным с 28 января. Болезнь приняла продолжительное течение. Б. И. Фукс не выздоровел и к лету 1953 г. [3, л. 205, 217; 4, л. 34, 121].

Во время болезни профессору пришлось вынести серьезные испытания. 19 февраля 1953 г. в хирургической клинике первой городской больницы дежурила ассистент кафедры хирургии ГИДУВа. Она ассистировала врачу-курсанту института при операции, когда больному вместо раствора новокаина был введен раствор соляной кислоты. В приказе по институту № 58 от 28 февраля 1953 г., появившемся в связи с чрезвычайным случаем, не идет речь о сознательном вредительстве и не упоминается имя Б. И. Фукса [4, л. 73 – 73 (об.)]. Однако сложившаяся ситуация в условиях «дела врачей» свидетельствовала не в пользу заведующего кафедрой хирургии.

Борис Ильич пережил увольнение сына из института. В учреждении последовала «чистка» кадров по «национальному признаку». Борис Борисович Фукс, 1926 года рождения, выпускник Новосибирского медицинского института, кандидат медицинских наук, работал в Сталинском ГИДУВе с 25 августа 1951 г., занимая должность ассистента кафедры патологической анатомии. Первоначально его перевели на должность ассистента кафедры акушерства и гинекологии с 1 января 1953 г. Б. Б. Фукс был уволен с 10 марта 1953 г. [2, л. 143, 146, 150, 153; 4, л. 25, 59; 21, с. 25; 7].

Б. И. Фукс «не по-партийному» отреагировал на событие, связанное с институтом. 18 марта 1953 г. на заседании бюро Кемеровского обкома КПСС рассматривался вопрос «О недостатках в работе Сталинского государственного института для усовершенствования врачей», где был сделан вывод о «крайне неудовлетворительном положении дел в институте». При этом отмечалось следующее: «Среди руководителей кафедр, профессоров и преподавателей оказались лица, не внушающие политического доверия и имеющие крайне низкие показатели в учебной, научной и лечебной работе (профессор Фукс Б. И., проф. Могилев М. В., проф. Розенберг А. Р. и др.)». Во время обсуждения решения бюро обкома партии Б. И. Фукс «не был самокритичным к недостаткам, отмеченным по кафедре хирургии» [9, л. 61, 62; 3, л. 191 (об.)].

Выступая на закрытом партийном собрании в институте 10 апреля 1953 г., где обсуждалось принятое бюро обкома КПСС постановление, профессор выразил несогласие с обвинением его в «политической неблагонадежности». Кроме того, Борис Ильич во избежание появления «родственных связей» в ГИДУВе предложил во время конкурса на занимаемые должности «лично знакомиться с товарищами, а не по документам». Выражая свое мнение о ситуации подбора кадров «по национальному признаку», он предложил определить ответственного за проведение подобной политики и акцентировал внимание на том, что «профессорский состав утверждается министерством» [12, л. 37, 38].

Уголовное дело в отношении профессоров Сталинского ГИДУВа прекращено 30 апреля 1953 г., арестованные освобождены, затем был отменен приказ об их увольнении из учреждения [15, л. 6; 21, с. 26]. Арестованных профессоров, Б. И. Фукса и других сотрудников института спасла от происходивших и возможных преследований реабилитация «врачей-вредителей». 4 апреля 1953 г. «Правда» опубликовала сообщение МВД СССР о прекращении «дела врачей». Сообщение содержало информацию о незаконном аресте проходивших «по делу группы врачей», ложности выдвинутых против них обвинений, их полной реабилитации и освобождении. Через два дня «Правда» вышла с соответствующей передовой статьей «Советская социалистическая законность неприкосновенна» [31; 30].

После окончания «дела врачей» в 1953 г. Б. И. Фукс вновь утверждался и продолжил работу в должности заведующего кафедрой хирургии института [3, л. 203, 204, 205; 14, л. 3]. Кемеровский обком КПСС снял обвинения политического характера с профессоров ГИДУВа только в 1956 г. На состоявшемся 4 сентября 1956 г. заседании бюро обкома партии поднимался вопрос «О недостатках в работе Сталинского института усовершенствования врачей». Принятое решение отменяло формулировку постановления бюро обкома от 18 марта 1953 г. «не внушающие политического доверия» в отношении Б. И. Фукса, М. В. Могилева и А. Р. Розенберга. Но сохранялось заключение о присутствии в институте «семейственности» [22, с. 139 – 140].

Б. И. Фукс возглавлял кафедру хирургии Сталинского (Новокузнецкого) ГИДУВа в 1952 – 1973 гг. Под руководством профессора и при его личном участии развивались грудная хирургия, онкология, урология, детская хирургия, анестезиология и реаниматология. В основном ученый занимался проблемами оперативного лечения онкологических заболеваний. Он проводил исследования по морфологии и гистохимии соединительной ткани. По сведениям на 1968 г., он являлся автором 57 научных работ. Профессор знакомился со специальной литературой на английском, немецком и французском языках. Под научным руководством Б. И. Фукса выполнено 7 кандидатских и 4 докторских диссертации. Ученики Б. И. Фукса стали заведующими кафедрами в Новосибирске, Челябинске, Курске, Новокузнецке. Он был награжден орденом Красной Звезды (1945 г.), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (1946 г.), «За победу над Японией» (1946 г.), «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (1965 г.). Имел знак «Отличнику здравоохранения» (1967 г.) [28, с. 67; 25, с. 451; 24, с. 238; 20, с. 118, 120, 131; 3, л. 51, 75, 68 – 74, 76 (об.), 78, 79 – 81].

Сохранились некоторые сведения о семье Б. И. Фукса. По данным на 1958 г., Зинаида Львовна Фукс, жена профессора, ранее являвшаяся ассистентом Новосибирского медицинского института, находилась на пенсии. Лев, старший сын, офицер Советской Армии, работал в Ленинграде. Борис, младший сын, работал в Новосибирске [3, л. 76 (об.), 152; 20, с. 122]. Опубликована информация о братьях Б. И. Фукса. Григорий Ильич Фукс (1894 – 1991), выпускник Томского технологического института (1921 г.), в 1938 – 1968 гг. заведовал кафедрой теоретической и общей теплотехники Томского политехнического института, затем являлся профессором кафедры. Защитил докторскую диссертацию в 1941 г. По данным на 1950 г., Самуил Ильич Фукс был врачом-хирургом в Свердловске [36; 20, с. 122]. *(Прим. автора: Свердловск – ныне Екатеринбург).*

Продолжателем дела отца и единомышленником стал Б. Б. Фукс. Он подготовил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук, посвященную морфологии и гистологии регенерирующего нерва (1958 г.). Стоял во главе лаборатории гистохимии Института экспериментальной биологии и медицины СО АН СССР (Новосибирск), являлся профессором и заведующим лабораторией клеточной иммунопатологии и биотехнологии Института морфологии человека АМН СССР (затем – НИИ морфологии человека РАМН). В 1994 г. был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Впоследствии он выехал в США [7, с. 82]. В соавторстве отец и сын подготовили монографию «Очерки морфологии и гистохимии соединительной ткани (после повреждения и при регенерации по каркасу)» [34].

Б. И. Фукс умер 11 декабря 1973 г. в Новокузнецке. Он вошел в историю медицины как ученый, которому принадлежит «видное место в отечественной хирургии», основоположник Новокузнецкой хирургической школы [25, с. 449; 26, с. 35; 20, с. 105 – 134].

Большая часть жизни и трудовая биография Б. И. Фукса пришлись на эпоху, когда судьбу человека определяли «деловые и политические качества». Наличие «темных пятен» в биографии с началом очередной политической кампании сталинского режима могло привести не только к завершению успешной карьеры, но и положить конец пребыванию на свободе. В отношении «бывших белых» действовал принцип повсеместного контроля органов власти. Местные органы власти и руководители учреждений в первые послевоенные годы были вынуждены оставлять на прежних должностях научно-педагогических работников, считавшихся «политически неблагонадежными», ввиду недостатка кадров высокой квалификации [8, с. 75 – 109, 224; 23, с. 116, 121 – 122]. Однако в условиях «дела врачей» (1953 г.) и в случае его развития информация о «белом» прошлом Б. И. Фукса вместе с иными обвинениями могла стать отправным моментом для увольнения и фабрикации уголовного дела. Данная возможность была устранена с реабилитацией «врачей-вредителей» в апреле 1953 г.

Литература

1. Арест группы врачей-вредителей // Правда. 1953. 13 янв.

2. Архив Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей (А НГИУВа). Личное дело Фукса Б. Б.

3. А НГИУВа. Личное дело Фукса Б. И.

4. А НГИУВа. Отдел кадров. Приказы ректора института по личному составу за 1953 год с № 1 по № 267.

5. Бельдова М. В. Зауряд-врач // Государственность России: словарь-справочник / сост. И. В. Сабенникова, Н. И. Химина; предс. редкол. В. П. Козлов. Кн. 5. Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России: конец XV в. – февраль 1917 г.: в 2 ч. Ч. 1. М.: Наука, 2005. С. 345.

6. Бескемпирова А. Обвиняемый доктор Лурье // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области: в 9 т. / гл. ред. А. И. Казанник. Т. 5. Омск: Омское кн. изд-во, 2002. С. 188 – 190.

7. Генина Е. С. Б. Б. Фукс: «дело врачей» в Сталинском ГИДУВе (1953 г.) // X чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925 – 1995): сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, г. Новокузнецк, 22 – 23 апреля 2014 г. / отв. ред. А. Н. Худолеев. Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2014. С. 78 – 83.

8. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949 – 1953 гг.). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2009. 255 с.

9. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 7. Д. 212.

10. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 252.

11. ГАКО. Ф. П-1104. Оп. 1. Д. 20.

12. ГАКО. Ф. П-1104. Оп. 1. Д. 26.
13. Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке (ГАКО (Н)). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 2 а.
14. ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 3.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 37330.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 545.
17. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 2. Д. 5227.
18. Грибовский М. В., Некрылов С. А. Колесов Владимир Михайлович // Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878 – 2003): биографический словарь / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, М. В. Грибовский и др.; гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 1. С. 282 – 283.
19. Зауряд-врач // Российский историко-бытовой словарь / авт.-сост. Л. В. Беловинский; гл. ред. А. Л. Налепин. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1999. С. 151.
20. Колбаско А. В., Луцик А. А., Ольшанский Г. С. Новокузнецкий ГИУВ – гордость сибирского здравоохранения. Т. 2. Ректоры НГИУВа и ведущие ученые начального периода деятельности института в Кузбассе. 2-е изд., испр. и доп. Новокузнецк: Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей, 2011. 288 с.
21. Колбаско А. В., Ольшанский Г. С. Гордость сибирского здравоохранения – Новокузнецкий ГИУВ (первое высшее медицинское образовательное учреждение Кузбасса). Т. 8. Начальный период деятельности института в Кузбассе. Новокузнецк: Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей, 2011. 375 с.
22. Коновалов А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943 – 1991). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 491 с.
23. Кунгина О. А. Политико-идеологические кампании в отношении вузовской интеллигенции г. Молотова в 1945 – 1953 годы: дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2014. 295 с.
24. Некрылов С. А. Фукс Борис (Бер) Ильич (Ельич) // Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878 – 2003): биографический словарь / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, М. В. Грибовский и др.; гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 2. С. 237 – 238.
25. Некрылов С. А. Фукс Борис (Бер) Ильич (Ельич) // Профессора Томского университета: биографический словарь / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, Л. Л. Берцун, А. В. Литвинов; гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. С. 449 – 451.
26. Некрылов С. А., Фоминых С. Ф. Мыш Владимир Михайлович // Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878 – 2003): биографический словарь / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, М. В. Грибовский и др.; гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 2. С. 33 – 36.
27. Некрылов С. А., Фоминых С. Ф. Саввин Витт Николаевич // Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878 – 2003): биографический словарь / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, М. В. Грибовский и др.; гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 2. С. 127 – 128.
28. Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей: юбилейное издание, посвященное 75-летию ГИДУВа / ред. А. А. Луцик; сост. О. М. Галыгина, Л. И. Фойгт. Новокузнецк: Новокузнецкий ГИДУВ, 2002. 136 с.
29. Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. 1953. 13 янв.
30. Советская социалистическая законность неприкосновенна // Правда. 1953. 6 апр.
31. Сообщение Министерства внутренних дел СССР // Правда. 1953. 4 апр.
32. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И. Т. Голякова. 2-е изд. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. 340 с.
33. Фоминых С. Ф. Шершевский Борис Максимович // Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878 – 2003): биографический словарь / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, М. В. Грибовский и др.; гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 2. С. 264 – 265.
34. Фукс Б. Б., Фукс Б. И. Очерки морфологии и гистохимии соединительной ткани (после повреждения и при регенерации по каркасу). Л.: Медицина, 1968. 216 с.
35. Фукс Борис Ильич (Бер Ельич) // Томские профессора. Наука и образование в Томске: еврейский аспект: документально-биографический справочник / ред.-сост. В. Д. Юшковский. Томск: ИД «СК-С», 2009. С. 190 – 191.
36. Фукс Григорий Ильич // Томские профессора. Наука и образование в Томске: еврейский аспект: документально-биографический справочник / ред.-сост. В. Д. Юшковский. Томск: ИД «СК-С», 2009. С. 192 – 193.
37. 58[10]. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953 – 1991: аннотированный каталог / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко; сост. О. В. Эдельман. М.: Международный Фонд «Демократия», 1999. 944 с.

Информация об авторе:

Генина Елена Сергеевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, whitesiberia@narod.ru.

Elena S. Genina – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 343.1:908”1918/1925”

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В КУЗБАССЕ (1918 – 1925 гг.)

Ю. П. Горелов

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PENAL SYSTEM IN KUZBASS (1918 – 1925)

Yu. P. Gorelov

В статье рассматривается процесс формирования пенитенциарной системы в Кузбассе в годы Гражданской войны и первые годы Советской власти. Автор выявил элемент преемственности в деятельности этих учреждений в самых разных исторических условиях

The paper discusses the process of formation of the penitentiary system in Kuzbass in the years of the Civil War and the first years of Soviet power. The author has identified an element of continuity in the activities of these institutions in various historical conditions

Ключевые слова: Гражданская война, Кузбасс, тюрьма, условия содержания, Советская власть, омская власть.

Keywords: Civil War, Kuzbass, prison, detention conditions, the Soviet government, Omsk authorities.

Проблема становления и развития уголовно-исправительной системы всегда была важной для широкой общественности. В то же время актуальность данной темы определяется недостаточной степенью её изученности, тем более история пенитенциарной системы – неотъемлемая часть отечественной истории. Именно беспрецедентные по масштабам события начала XX века, связанные с Первой мировой войной, революциями и классовыми битвами, породили феномен массового террора, а затем интенсивного применения принудительного труда в различных отраслях народного хозяйства.

Сегодня понятно, что без изучения истории зарождения пенитенциарной системы в Кузбассе, одного из старейших центров тюремного ведомства, невозможно представить целостной картины становления и развития уголовно-исполнительной системы не только Сибири, но и всей страны в целом. Приход к власти большевиков и последовавшая за этим переворотом Гражданская война кровавой межой разделила Россию на два лагеря. Не обошла она стороной и краевое пенитенциарное ведомство. В Кузбассе от старого режима сохранились тюрьмы в Мариинске, Щегловске, Кольчугино, Кузнецке, в сёлах – арестантские избы и «каталажки». В губернском центре Томске, в соседних городах Нивониколаевске, Красноярске, Барнауле – типовые концлагеря. Услугами таких заведений регулярно пользовались представители как красных, так и белых властей. Примеры тому – содержание в них бойцов Мариинского фронта, участников Чумайского, Кольчугинского восстаний, партизан, дезертиров, агитаторов антиправительственных партий и движений [6].

Из поезда Л. Д. Троцкого, курсировавшего по фронтам Гражданской войны, через газету «В пути» 13 октября 1918 г. сообщали: «В Сибири интернируют не только членов партии большевиков, но и простых рабочих. Во многих местностях Сибири устроены большие концентрационные лагеря для арестованных и их семейств. Арестованные привлекаются к работе на шахтах, где должны работать день и ночь». Вместе с ними противники большевиков активно использовали труд военнопленных. Кроме рудников, они трудились на государственных и частных оборонных предприятиях, а также в хозяйствах белогвардейских солдат [9, с. 308].

Параллельно стала формироваться и советская уголовно-исполнительная система. На освобожденных от белых территориях её создавали: Сибирский революционный комитет, Сибирское бюро ЦК ВКП(б), специально назначенные комиссары, а также тюремные подотделы Сибюста, органы ВЧК и другие силовые структуры. Вскоре заработали и первые советские лагеря. Об актуальности их существования впервые заявило Постановление СНК от 5 сентября 1918 г. «О Красном терроре». В нём говорилось, что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путём изолирования их в концентрационных лагерях. Важным для властей Сибири стали постановления ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 15 апреля, а также от 17 мая 1919 г. и другие аналогичные декреты. В основе документов, кроме угроз классовому врагу, лежал накопленный опыт по использованию труда арестантов в годы недавних войн и революционных битв [7 – 8].

Острой проблемой для первых лагерей был кадровый вопрос. Новую администрацию набирали из малограмотных революционеров, часто из нерусских, зато имевших богатый опыт каторги и ссылок и проявивших себя в гражданской войне. Яркий пример такого администратора – начальник Щегловской тюрьмы латыш Ф. А. Брокар [11, с. 22 – 23].

Младшее звено комплектовали из трудового сословия с трехмесячным испытательным сроком. Новые работники приравнивались к военнослужащим Красной Армии и получали особый продовольственный паёк. Охрану мест заключения осуществляли гарнизонные части сибирских городов, подразделения Томского караульного полка, местные партизаны (в Мариинске из отряда П. К. Лубкова). Однако, система, как и в дореволюционной России, оставалась криминальной и слобоуправляемой. В ней практикова-

лось хищение имущества, продовольствия, рукоприкладство, разгильдяйство, пьянство, круговая порука, что заставляло советскую администрацию и партийные комитеты регулярно проводить кадровые чистки [8].

Нехватка средств приводила к тому, что, как и в старорежимное время, губернские газеты снова запестрели объявлениями, обращенными теперь уже к советским учреждениям и отдельным гражданам, желающим использовать в своих целях труд заключенных. В прессе сообщалось: заявки подавать в комиссию по труду, а деньги с квитанцией об оплате – в администрацию пенитенциарного учреждения [12, с. 101 – 103]. Кроме того, дополнительными распоряжениями властей разъяснялось, что арестантов, лояльных режиму, после специальных проверок можно направлять на нужды трудовых и боевых частей Красной Армии [8].

Значительную часть контингента заключённых первых месяцев советской власти составляли не только классовые враги, но и иностранные военнопленные совершившие различные преступления. Такие люди рассматривались новой властью как свободные рабочие руки, остро необходимые для подъёма экономики пролетарского государства. Однако ситуация с содержанием и обеспечением заключённых была катастрофической. Отсутствие финансирования привело к тому, что отдельные лагеря для своих нужд наладили выпуск собственных денег. В результате многие подневольные просили милостыню, занимались спекуляцией, воровством частного и лагерного имущества (швейных машинок, хозяйственного инвентаря, слесарного и плотницкого инструмента и т. д.).

Секретные агенты из лагерей сообщали, что людей кормят тухлой кониной, а также им не дают никакой работы. Кроме того, осуждённые заявляли, что при Колчаке обстановка в местах лишения свободы была куда лучше, при нём работали разные мастерские и даже выпускались спички [5]. Неуютным было положение арестантов в губернских тюрьмах. Из докладов проверяющих следовало, что камеры переполнены вшивыми, больными людьми, у которых нет даже постельных принадлежностей. Заключённые в помещениях окружены грязными стенами со следами раздавленных клопов [2, с. 62 – 63].

Властями были сделаны определённые выводы. С лета 1920 г. в Сибири заработали подотделы принудительных работ. Новый орган имел несколько отделов. Основными были административный, отвечавший за кадровый состав, хозяйственный – за материально-техническое обеспечение, а также учётно-распределительный – за трудовую деятельность. Именно эти отделы создавали дополнительные отделения от основных концлагерей. Там из арестантов формировали уборочные и молотильные отряды, сельскохозяйственные фермы и даже подразделения добровольцев на Польский фронт. Решая актуальные вопросы продовольственного и имущественного обеспечения, «Сибкомтруд» теперь использует возможности получения заработка не только у мелких советских учреждений и частников, но и значительные партии людей направляет трудиться на железные дороги, рудные и угольные копи, лесозаготовки [5].

Следует отметить, что первоначально советских лагерей было немного. На декабрь 1920 г. на всю страну их числилось меньше сотни. В лагерях, кроме военнопленных, около 50 % составляли «паразитические слои населения», т. е. торговцы, спекулянты, взяточники, саботажники, различного рода контрреволюционеры и другие лица [12].

В начале 1921 г. вышел декрет о карательной политике органов ЧК. Переполненные тюрьмы было рекомендовано освобождать за счёт пересмотра дел осуждённых из числа рабочих и крестьян. Однако по отношению к враждебной советской власти буржуазии репрессии следовало усилить, изолировать их от основной массы заключённых в особых концентрационных лагерях [8, с. 421]. Кроме того, в это же время, благодаря пропагандистской акции норвежского учёного Ф. Нансена и проверок чекистов, сибирское лагерное население пополняется «новыми врагами» из числа реэмигрантов, прибывших из-за границы, а также военнослужащих белых армий и анархистски настроенных «красных партизан» [1, с. 57].

Ужесточение карательной политики привело к расширению пенитенциарной системы. Кроме домов заключения (тюрем), характерной тенденцией становится строительство новых принудительных лагерей. Для них возводились бараки по типу казарм лагерей Первой мировой войны. В Кузбассе преобладали в основном два вида таких сооружений. Первый – это рубленный в лапу барак. Внутри него устанавливались печи с вытяжными трубами, стены конопатились и обшивались досками. Из-за холода сокращали количество окон, а также вход защищали дощатым тамбуром. Второй вид представлял из себя барак-землянку с благоустройством по первому типу, но зарытую до окон в почву. На поверхности оставалась только двускатная крыша. Попасть в помещение можно было с помощью углублённой в землю лестницы. В таких жилищах было прохладно летом и тепло зимой, но в период дождей было сыро. Сами лагеря строили с учётом нахождения производственных объектов с максимальным удалением от населённых пунктов. Прямоугольную площадь зоны от гражданского населения изолировали рядами заборов из колючей проволоки, а также сторожевыми вышками по периметру ограды. Внутри зоны, кроме жилых казарм находились пищевые блоки, административные и складские помещения, а также другие, необходимые для проживания людей объекты [6, с. 306 – 307].

С зимы 1922 г. карательная система подвергается очередному реформированию. Сначала за лагеря отвечал наркомат юстиции, затем наркомат внутренних дел [3, с. 232]. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. окончательно разделил заключённых на две группы. Первых, социально близких советскому режиму, отправляли в общие места лишения свободы. Вторых, т. е. бывших «эксплуататоров», изолировали в отдалённых местах. В Кузбассе «классовые враги» первоначально были собраны в старейших лагерях севера области: в Ново-Ивановке, Мариинске,

Тайге и др. Здесь они сменили военнопленных Первой мировой войны [12].

Очередная передача в 1925 г. лагерей теперь уже во всесоюзную систему НКВД и последовавшие затем индустриализация и коллективизация привели к росту значимости в стране всей карательной системы. Объясняя необходимость укрепления репрессивного аппарата, Н. И. Бухарин в дискуссии того времени заявлял: «Мы прибегаем к целому ряду старых методов. Армия была и теперь есть Красная Армия, тюрьмы были есть, государственные учреждения есть, система принуждения есть, террористический режим есть, только направленный на другие цели… Мы только перевернули понятие «свобода». Раньше была свобода для помещиков и капиталистов, а мы сделали для рабочих и крестьян» [Цит. по: 10, с. 27].

Стоит заметить, что пролетарские вожди такими установками уже на раннем этапе существования своего государства всему миру показали, что закон и право вовсе не одно и то же, закон может быстро стать не правовым, если он поощряет политический и экономический произвол самого государства. Проживание огромной массы людей в стране, в которой установилась новая идеология, не прошло бесследно. Дальнейшие события, разворачивавшиеся при сталинских реформах в СССР, увеличили количество противников советской власти и как результат огромный рост тюрем и принудительных лагерей.

Итак, уголовно-исполнительная система Кузбасса берёт своё начало из пенитенциарной системы дореволюционной России. На основе опыта Первой мировой и Гражданской войн впервые в истории России благодаря большевикам стал востребован принудительный труд не только военнопленных, но и невинных людей из числа «классовых врагов» пролетарского государства.

Литература

1. Акция Нансена // Родина. 1990. № 10.
2. Алтайская юстиция: сб. документов по истории органов юстиции Алтайского края. Барнаул, 2001.
3. Белоусова О. А. К вопросу о формировании уголовно-исполнительной системы Кузбасса (1917 – 1922 гг.) // История белой Сибири: сб. науч. ст. / ред. С. П. Звягин. Кемерово, 2011.
4. Горелов Ю. П., Барабанов Ю. В., Кимеев В. М. Памятники революции и Гражданской войны в Кузбассе. Кемерово, 1991. 158 с.
5. Гергилева А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007. 125 с.
6. Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. 388 с.
7. Гулаг: Главное управление лагерей. 1918 – 1960: сб. документов. М., 2002.
8. Из истории ВЧК (1917 – 1921 гг.): сб. документов. М., 1958.
9. Йожа А., Милен Д. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу октября. М., 1977. 384 с.
10. Красильников С. А. Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики 20-х начала 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920 – 1930-е гг.). Новосибирск, 1994.
11. Марченко С. Г. Начальник Щегловского домзака – Брокар // Вестник УИС Кузбасса. 2005. № 2.
12. Мить А. А. Формирование лагерной системы в Кузбассе в 1920-е – начале 1940-х гг.: оценка численности заключенных // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. / отв. ред. К. А. Заболотская. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007.
13. Принудительный труд: сб. документов. Т. 1 / сост. Л. И. Гвоздкова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994.

Информация об авторе:

Горелов Юрий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Yury P. Gorelov – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 9(571.1/.5) 712

РАБОЧИЙ ВОПРОС В ТАКТИКЕ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ СИБИРИ В ПЕРИОД КОЛЧАКОВЩИНЫ

А. В. Добровольский

THE LABOUR ISSUE IN THE TACTICS OF THE RIGHT SOCIALISTS-REVOLUTIONISTS IN SIBERIA IN THE PERIOD OF KOLCHAK'S POWER

A. V. Dobrovolskiy

В статье рассматриваются политические позиции партии социалистов-революционеров по рабочему вопросу в конце 1918 – 1919 гг., эволюция тактики правых эсеров в Сибири по данному вопросу в период колчаковщины. В материале представлена практическая деятельность руководящих партийных органов и эсеровских организаций в Сибири, охарактеризованы формы и методы нелегальной работы социалистов-революционеров в этот период. Обращается внимание, что с осени 1919 г. тактика сибирских организаций ПСР по рабочему вопросу кардинально расходилась с директивами ЦК партии. На основе ранее опубликованных и новых архивных документов показано, как в условиях колчаковщины правые эсеры Сибири стали активно аппелировать к пролетариату, пытались найти опору и широкую поддержку в рабочей среде.

The political approach of the Socialists-Revolutionists party to the problem of labour in the late 1918 – 1919; and the evolution of their tactics on the above mentioned issue in Siberia in the period of Kolchak's power is regarded. The paper investigates the practical activity of the ruling party authorities and the Socialists-Revolutionists organizations in Siberia; the forms and methods of the Socialists-Revolutionists' illegal work in this period are described. It is highlighted that since autumn 1919 the position of the Siberian Socialists-Revolutionists organizations concerning labour has not conformed to the directives of the Party's Central Committee. The fact that in the period of Kolchak's power Siberian socialists-revolutionists begin to actively appeal to the proletariat as their support among workers is proved on the basis of previously published and new archival documents.

Ключевые слова: Сибирь, социалисты-революционеры, тактика, пролетариат, рабочий вопрос, власть.

Keywords: Siberia, Socialists-Revolutionists, tactics, proletariat, labour issue, power, authorities.

Политические позиции и тактика правых эсиалистов-революционеров (ПСР) Сибири в период правления А. В. Колчака отражены в работах М. Е. Плотниковой [10], В. И. Шишкина [16 – 17], А. В. Добровольского [4 – 5], но данный аспект остался вне поля зрения исследователей. Ленинская концепция истории партии социалистов-революционеров на многие годы закрепила за ней образ «мелкобуржуазной» крестьянской партии. И на это, с точки зрения большевиков, были веские основания. Современные историки приходят к пониманию того, что в послеоктябрьский период эсеры обладали серьезным влиянием в крестьянской среде, а также среди рабочих и интеллигенции [15, с. 103].

Военный переворот 18 ноября 1919 г. надолго парализовал политическую деятельность эсеров Сибири: режим «демократической контрреволюции» перестал существовать, а его руководители – эсеры – стали преследуемой партией [7, с. 137]. Более полугода они занимались преимущественно внутрипартийными делами: переходили на нелегальное положение, восстанавливали разгромленные организации, налаживали новые связи и контакты, улаживали внутрипартийные разногласия по стратегии и тактике сибирского объединения ПСР. За этот период на территории Сибири резко сократился количественный состав эсеровских организаций, многие рядовые члены партии, как позже писали они в анкетах, добровольно покинули партийные ряды. К примеру, в период победного торжества, весной – летом 1917 г., численность Акмолинской областной (Омской) организации ПСР составляла около 2000 человек, а во время колчаковского режима «едва ли достигала двух сотен членов» [19, с. 6, 8]. В Красноярске эсеры постепенно перешли на нелегальное положение, закрыли свой клуб, «передали в укромное место библиотеку и архив. …Во второй половине 1919 г. группа уже не собиралась, заседания же Гор. и Губ. Ком-ов постепенно совсем прекратились, т. к. партийной работы не стало» [11, л. 89 об.]. В обращении «Ко всем трудящимся» Всесибирский краевой комитет партии эсеров писал: «Оставаясь верными своим старым испытанным революционно-социалистическим лозунгам, гонимая и преследуемая колчаковским правительством, теряя своих лучших работников на территории Урала и Сибири и внутри Советской России в борьбе за Всенародное Учредительное собрание, ПСР зовет к борьбе за него широкие трудовые массы трудящихся, веря, что только Всенародное Учредительное собрание решит, наконец, судьбу великой страны, ставшей игрушкой в руках отдельных Правительств, борющихся на ее территории за власть и пожирающих друг друга» [9, с. 509 – 511; 11, л. 23].

В январе 1919 г. начальник агентурного отдела Центрального отделения Военного контроля Штаба Верховного Главнокомандующего, подполковник Караулов информировал директора департамента милиции, что «партия с.-р. также деятельно работает среди железнодорожных рабочих, намечая в итоге своей деятельности единовременное в крупных центрах вооруженное восстание, соединенное с железнодорожной забастовкой и прекращением телеграфного сообщения» [1, л. 67]. Но никаких документальных следов этой деятельности эсеров мы не обнаружили. В этом же письме Караулов писал, что железнодорожные рабочие к существующей власти в большин-

стве (в низах) относятся отрицательно, видя в ней «гибель завоеванной революции».

Сибирско-Уральская конференция ПСР (апрель 1919 г.) поддержала линию ЦК партии эсеров в организации борьбы «на два фронта»: против диктатуры буржуазии справа (в лице колчаковского режима) и против диктатуры пролетариата слева (советской власти), подтвердила курс на восстановление народовластия, и в первую очередь, на созыв Всероссийского Учредительного собрания. В резолюции «По текущему моменту и тактике партии» сибирские эсеры записали, что «партия с.-р. в данный момент должна сосредоточить все силы в борьбе за осуществление народовластия, которое может быть обеспечено усилиями лишь революционной демократии и в свою очередь, обеспечить победу революционной демократии в ее борьбе за власть» [2, л. 10]. Борьбу за демократию и народовластие внутри страны сибирские эсеры намеревались вести, опираясь «исключительно на широкие слои трудового народа», решительно отвергая коалиции и сотрудничество с национальной буржуазией. Но конкретные задачи по организации партийной работы в городе в резолюции Сибирско-Уральской конференции не обозначены.

Между тем, как отмечалось в донесениях контрразведывательных органов, в пролетарской среде заметно усиливался рост антиправительственных настроений. Рост цен на хлеб, замораживание и снижение ставок оплаты труда, постоянные задержки зарплаты, полное самоустранение работодателей в сфере организации снабжения рабочих и их семей продуктами первой необходимости привели к серьезному ухудшению социального и экономического положения рабочих.

В первой половине 1919 г. стачки и забастовки вновь стали нередким явлением в жизни Сибири. Стачки рабочих водного транспорта, железнодорожников, забастовки и конфликты между рабочими и администрацией на Ленских приисках и Черемховских угольных копях, в Кузбассе вызывали большой общественный резонанс и, по мнению историка А. А. Мышанского, наносили существенный вред социально-экономической и политической устойчивости режима адмирала А. В. Колчака [8, с. 125]. Следует подчеркнуть, что в формировании антиколчаковских настроений существенную роль сыграла и постоянная большевистская пропаганда об успехах социалистического строительства в Советской России.

Весной 1919 г. Всероссийское правительство приняло решение о запрете любого вида забастовок, что еще больше обострило характер взаимоотношений власти и пролетариата. Теперь любая стачка или забастовка приравнивалась к политическим выступлениям против Всероссийского правительства.

В середине 1919 г. состоялся IX Совет ПСР (Подмосковье, 18 – 20 июня), который обвинил большевиков в деклассировании пролетариата, «превращении части рабочих в нахлебников и пенсионеров государства», закрепощении их бюрократическим «государственным капитализмом». В принятой резолюции «О работе среди пролетариата» весь акцент был смещен на организацию работы против большевистской власти: «П.с.-р. должна резко противодействовать всей этой разрушительной и деморализующей работе, защищая самостоятельность и независимость всех рабочих организаций, противодействуя превращению профессиональных союзов из органов классовой самообороны в органы технического надзора и администрации, отстаивая право рабочих на стачки и союзы, и оберегая всеми силами здоровый дух рабочего класса от разложения его путем прямого и косвенного подкупа, идущего рука об руку с застращиванием» [9, с. 463]. В то же время в официальном партийном документе эсеров ничего не говорилось о том, что значительная часть российского пролетариата в это время находилась под гнетом реакционных режимов Колчака, Деникина и их союзников.

IX Совет ПСР постановил перенести центр тяжести работы партии в деревню, а в это время Всесибирский краевой комитет ПСР определил иную тактику в борьбе с колчаковщиной. Огромные пространства России, сложность коммуникаций в годы Гражданской войны, наличие (или отсутствие) авторитетных партийных лидеров накладывали очень серьезный отпечаток на деятельность местных партийных организаций. Региональные комитеты, считает историк А. Ю. Суслов, часто действовали на свой страх и риск, произвольно трактуя директивы ЦК или не имея таковых [15, с. 106]. При существовавших в партии идейных расхождениях действия местных партийных организаций часто не совпадали с линией ЦК. Но в данном случае тактика сибирских организаций ПСР в рабочем вопросе определялась спецификой политического момента.

В июле 1919 г. Сибкрайком ПСР принял и направил по всем партийным организациям собственный директивный документ – «Тезисы о практических задачах Всесибирского объединения ПСР». Полностью разделяя выводы Сибирско-Уральской конференции о том, что для создания фронта Учредительного собрания у демократии в данный момент нет реальных сил, краевой комитет эсеров предписывал членам партии направить все усилия на политическую изоляцию колчаковского режима и одновременно проводить «подготовительную работу по собиранию активных сил для непосредственной борьбы за власть». В отдельном пункте констатировалось, что реакционная политика колчаковского правительства подготовила все условия для начала активной борьбы: налицо рост стачечного движения пролетариата, изжиты всякие иллюзии среди крестьянства. Партия эсеров должна активно вмешаться в стихийно вспыхнувшую стачечную борьбу пролетариата, «придавая этой борьбе организованный характер»; партия должна расширить работу среди крестьянства, стремясь ликвидировать разрозненные выступления, «придать им свою физиономию – борьбу за народовластие» [12, л. 5]. Это позволяет сделать вывод, что Сибкрайком ПСР поставил приоритетную задачу по овладению рабочим движением, чтобы использовать потенциал пролетариата в будущей борьбе, но не мог оставить без внимания и традиционного своего союзника – крестьянство, хотя в этот момент сибирские эсеры не имели большого влияния в крестьянской среде, повсеместно охваченной повстанческим и партизанским движением

Особый акцент в сторону пролетариата зафиксирован в постановлении Всесибирского краевого комитета «О забастовочном движении», где политика правительства Колчака в области вопросов охраны труда, рабочего движения и профессиональных союзов была названа «безусловно вредной и враждебной сущности для рабочего класса Сибири» [12, л. 10]. Сибкрайком констатировал, что в результате правительственной политики и поведения буржуазии рабочий класс Сибири, особенно железнодорожный пролетариат, оказался в тяжелом положении: постоянные гонения на рабочие организации, вплоть до их разрушения; преследования рабочей печати; низкие ставки оплаты труда, обрекающие рабочих на голодное существование – все это вынуждает рабочих к активным выступлениям в целях улучшения своего материального и правового положения. «В силу изложенного, – записано в постановлении, – задачей партии С.-Р. в области рабочего движения в переживаемых рабочими Сибири условиях – является решительное вмешательство в возникающие и могущие возникнуть ж.-д. и др. забастовки для придания им планомерности и организованности» [12, л. 10]. Краевой комитет эсеров предложил членам партии, работающим в профессиональном движении, провести необходимую работу по предупреждению возникновение стихийных забастовок. В случае отклонения экономических забастовок в политическую сторону краевой комитет эсеров рекомендовал членам партии принять активное участие в этой работе «для придания забастовкам, буде это понадобится, только приемлемых партией политических лозунгов» [12, л. 10 (об.)]. Членам партии эсеров предлагалось принимать активное участие в забастовочных органах, содействовать их возникновению. В то же время Сибкрайком акцентировал внимание, что руководство забастовочным движением осуществляют центральные органы профессиональных объединений, которые и определяют момент возникновения этого движения, процесс прохождения его и ликвидации. В завершающем пункте постановления краевой комитет призвал своих партийцев «к сугубой осторожности, ибо всякая невыдержанность и поспешность может форсировать события или направить их по опасному для рабочих пути, в том и другом случае обрекая забастовку на неудачу» [12, л. 10 (об.)].

В июле 1919 г. Красная армия начала успешное наступление на Восточном фронте. По мере нарастания неудач колчаковских армий повсеместно росло забастовочное движение в тылу. Мобилизации 1919 г. были сорваны. В Сибири, никогда не знавшей голода, в результате сужения товарного рынка, спекуляций, развала транспортной системы и саботажа работников предприятий, железных дорог и т. д., стал углубляться продовольственный и товарный кризис [14, с. 21].

При содействии Сибкрайкома партийные комитеты ПСР (в основном губернского уровня – А. Д.) расширили арсенал своих тактических средств: наладили регулярное издание листовок и прокламаций, рекомендовали настойчиво выдвигать требования по охране труда, агитировали за создание касс взаимопомощи. Расширилась и сфера деятельности эсеров: они стали активно агитировать за создание или восстановление профсоюзов и кооперативов. Эсеры предприняли конкретные меры по укреплению своего влияния в профессиональных объединениях железнодорожников, союзов печатников. Бывший член Всесибирского краевого комитета ПСР В. М. Коногов информировал ЦК партии, что «рабочее движение, разбитое совершенно осенью [19]18 года, к осени [19]19 года тоже оживилось. Центральный исполнительный комитет Совета профессиональных союзов Сибири, где, кстати сказать, было значительное влияние нашей партии, пытался объединить организационные силы, и не без успеха, на базе всеобщей стачки. Были созданы стачечные комитеты, и угроза стачки конкретно повисла над Сибирью» [3, л. 1 об.; 18, с. 73]. Ради объективности надо заметить, что в этом же письме В. М. Коногов признал, что настроение рабочих Сибири «в громадном числе просоветское».

С осени 1919 г. критика колчаковского режима стала более откровенной и жесткой. В очередном воззвании социалисты-революционеры писали: «Аресты, травля и преследования городских и земских работников, массовые расстрелы и порки рабочих, предательские убийства из-за угла и расстрелы членов социалистических партий, грабежи и хватание людей на улицах среди бела дня бродячими шайками Семеновых, Калмыковых, Анненковых прочно укоренились в жизни Колчаковской вотчины, шагнувшей далеко назад в мрачное кровавое прошлое средневековой Руси» [9, с. 509]. В листовке констатировалось, что в стране растет всеобщее недовольство Колчаковщиной. Забастовочное движение железнодорожных рабочих, перекидываясь от одной дороги к другой, захватывает сочувствующие ему рабочие круги различных отраслей промышленности. Партия эсеров звала к «великому единению рассеянную и распыленную гражданской войной армию трудящихся, армию рабочих и крестьян для единой борьбы с реакцией во имя передачи власти в руки самого народа» [9, с. 510].

В последующей листовке под названием «Долой империализм! Долой колчаковщину!» (ноябрь 1919 г.) Всесибирский краевой комитет ПСР писал: «Не разрешая рабочие и крестьянские съезды, разрушая их профессиональные организации, отдавая самих крестьян и рабочих во власть карательных отрядов и дикой атаманщины с их расстрелами и порками, правительство Колчака, потерявшее стыд и совесть, имеет смелость ныне искать поддержку и в рядах самих трудящихся классов» [9, с. 513]. «Запоздалая» идея государственно-земского совещания не нашла поддержки среди всех слоев населения.

После омской трагедии сибирские рабочие принимали активное участие во всех антиколчаковских выступлениях – как большевистских, так и эсеровских. Они также поддержали вооруженное выступление генерал-майора Б. М. Зиневича в Красноярске, в ряде городов рабочие дружины участвовали в боях под знаменами Политцентра [6, с. 453, 465 – 468; 8, с. 127 – 128]. Но поддержка рабочими антиколчаковских восстаний под руководством эсеров была временной. После свержения власти Верховного Правителя рабочие повсеместно способствовали переходу власти в руки большевиков.

Таким образом, со второй половины 1919 г. тактика Всесибирского краевого комитета партии эсеров

по рабочему вопросу не соответствовала директивам ЦК ПСР. Но новая тактика в рабочем вопросе позволила правым эсерам Сибири расширить сферу партийной деятельности, сыграла определенную роль в усилении антиколчаковских настроений рабочих. Смена курса в рабочем вопросе позволила эсерам в ряде территорий Восточной Сибири мобилизовать (*на кратковременный период – А. Д.*) под своими лозунгами рабочие массы на борьбу против колчаковщины.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 147. Оп. 8. Д. 14.

2. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 91.

3. ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 66.

4. Добровольский А. В. Сибирско-Уральская конференция партии социалистов-революционеров (апрель 1919 г.) // Между прошлым и будущем: вопросы истории и исторического образования: сб. науч. и публ. тр. Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2000. С. 130 – 139.

5. Добровольский А. В. Об эволюции тактики правых эсеров Сибири в 1919 г. // Вестник Кузбас. гос. техн. ун-та. 2004. № 1. С. 127 – 132.

6. Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная (Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны). Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1968.

7. Макарчук С. В. Социалисты на Востоке России: политическая культура компромисса накануне и в начале Гражданской войны // Вестник КемГУКИ. 2013. № 23. С. 134 – 138.

8. Мышанский А. А. Отношение населения Сибири в «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на Востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. С. 109 – 136.

9. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. М.: РОССПЭН, 2000.

10. Плотникова М. Е. Колчак и эсеровская оппозиция // Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. Вып. 3. С. 168 – 181.

11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Листовка-обращение Всесибирского краевого комитета ПСР «Ко всем трудящимся».

12. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23.

13. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 2. Д. 2.

14. Струк Е. Н. История формирования оппозиции правых эсеров режиму адмирала Колчака А. В. в Восточной Сибири: автореф. дис. …. канд. ист. наук. Иркутск, 2000.

15. Суслов А. Ю. Социалисты в Советской России: проблемы историографии // Вестник Том. гос. ун-та. 2008. Вып. 309. С. 103 – 107.

16. Шишкин В. И. Сибирские эсеры и колчаковщина (конец 1918 – начало 1920 гг.) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями: материалы конф., Калинин, май 1983. М.: Наука, 1983. С. 90 – 111.

17. Шишкин В. И. Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины // Известия Сиб. отд-ния Академии наук СССР. (Серия: история, филология, философия). Новосибирск: Наука, 1984. Вып. 3. С. 8 – 14.

18. Шишкин В. И. «…Возможно ясное освещение позиций партии в последних событиях… // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 72 – 75.

19. Штырбул А. А. Эсеровское движение в Омске и среднем Прииртышьи как фактор региональной истории (первая четверть XX века) // Омский научный вестник. 2012. № 3(109). С. 5 – 10.

Информация об авторе:

Добровольский Анатолий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск), dobr@sgyps.stu.ru.

Anatoly V. Dobrovolskiy – Doctor of History, Professor at the Department of History and Political Science, Siberian State Transport University (Novosibirsk).

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 94(47).084.3

ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918 – 1919 гг.)

В. А. Дробченко

LOCAL PUBLIC AUTHORITY IN TOMSK PROVINCE IN THE PERIOD OF THE CIVIL WAR (1918 – 1919)

V. A. Drobchenko

В статье представлена характеристика органов местного самоуправления в одном из крупнейших сибирских регионов – Томской губернии в период Гражданской войны, когда эти органы оказались одной из немногих сохранившихся форм представительной демократии. Показано, как на различных этапах войны («демократическая контрреволюция» и колчаковская диктатура) менялась правовая основа их деятельности, а в результате – их состав, структура и функции. Также проанализированы отношения органов местного самоуправления с властными структурами, политическими партиями и общественными организациями. Отмечено, что в период «демократической контрреволюции» местное самоуправление активно участвовало в политической жизни региона, претендуя на определенную самостоятельность, но в условиях эскалации вооруженного конфликта и ужесточения внутреннего режима его функции были ограничены административно-хозяйственными рамками. После восстановления Советской власти органы местного самоуправления были упразднены, а их функции переданы местным советам.

Local public authority in one of the biggest Siberian regions – Tomsk province – in the period of the Civil War (when it was one of the forms of participatory democracy) is characterized in the paper. The changes in the legal basis of the local public authority during the War are shown as well as its structure and functions. The relations among local public authority, government, parties and non-governmental organizations are analyzed too. It is proved that local public authority in the period of the "Democratic Counterrevolution" played a vital role in the political life of the province, pretending to be independent in some cases, but its functions were limited by administrative frames in the conditions of the War. After the reset of Soviet power, local public authority was abandoned and its functions were given to the Soviet authority.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, местное самоуправление, общественная жизнь, политическая борьба.

Keywords: Civil War, Siberia, local public authority, public life, political race.

В начале XX в. Томская губерния была крупнейшим сибирским регионом, включающим в себя территории современных Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, а до лета 1917 г. еще и Алтайского края. Вся полнота власти в губернии принадлежала губернатору, в уездах – исправникам. В городах действовали органы самоуправления – городские думы, к полномочиям которых были отнесены вопросы городского хозяйства, благоустройства, образования, медицины и культуры. В отличие от центральных районов в Сибири до 1917 г. отсутствовали земства. В сельской местности с 1898 г. был введен институт крестьянских начальников, которые осуществляли управление сельским населением.

Глубокие изменения в организации власти произошли после свержения самодержавия. В Томске 2 марта 1917 г. гласными городской думы и представителями общественности был сформирован Временный комитет общественного порядка и безопасности (КОБ), который стал высшей властью в губернии. Подобные комитеты в первые мартовские дни создавались повсеместно. Они возникали как органы, сформированные на многопартийной основе, в них входили представители различных социальных слоев. К началу апреля 1917 г. комитеты взяли в свои руки всю власть на местах, контролировали все сферы общественной жизни.

Поскольку Временное правительство медлило с официальным признанием комитетов как органов власти на местах, в ряде случаев инициативу по формированию легитимных муниципальных структур перехватили губернские КОБы. Уже 13 марта 1917 г. Томский губернский комитет опубликовал постановление «О порядке выборов народных собраний и исполнительных комитетов», в котором была определена вертикаль власти в рамках губернии с учетом принципа разделения властей [22, 13 марта].

С апреля в губернии развернулась широкая кампания по выборам в органы местного самоуправления – городские, уездные и губернское народные собрания. Губернское народное собрание, проходившее с 20 апреля до 18 мая 1917 г., приняло постановление, определившее структуру органов местной власти в пределах губернии. Высшими законодательными органами стали губернское, городские, уездные и волостные народные собрания, а исполнительными – соответствующие исполнительные комитеты. Формирование народных собраний на местах растянулось по времени, но к середине лета 1917 г. в Томской губернии повсеместно КОБы были заменены исполнительными комитетами, на которые возлагалось выполнение решений народных собраний.

В конце весны – начале лета 1917 г. Временное правительство приняло ряд нормативных актов по вопросам местного самоуправления, в соответствии с

которыми потребовало от губернских властей провести городские и земские выборы. В Томской губернии проведение таких выборов завершилось к концу осени 1917 г. Однако большинство волостных и сельских земств приступило к работе лишь в конце 1917 – начале 1918 гг.

В ноябре – декабре 1917 г. в Томской губернии сложилось своеобразное «провинциальное двоевластие». В этот период параллельно существовали советы и органы местного самоуправления. 6 декабря 1917 г. Томский совет заявил о взятии власти в свои руки. Вслед за ним последовали и другие советы. В большинстве рабочих поселков после провозглашения власти советов органы местного самоуправления были распущены. Но в сельской местности земства как первичные властные структуры сохранялись до весны 1918 г. Советская власть опиралась на них в решении организационно-хозяйственных вопросов на селе.

К весне 1918 г. противостояние советов и земств, в которых преобладали эсеры, усилилось. II губернский съезд крестьянских депутатов, проходивший в Томске под руководством большевиков со 2 по 10 марта 1918 г., заявил о признании Советской власти и принял резолюцию, в которой отметил, что земские учреждения, «как отжившие свой век, должны исчезнуть и все их функции должны отойти к губернскому исполнительному комитету советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Съезд поручил губернскому исполкому немедленно распустить все земские учреждения [36, с. 186 - 192]. 27 марта губисполком постановил в связи с тем, что «земство во многих местах Томской губернии открыто противодействует советским организациям», земские учреждения распустить, а их дела передать соответственным советам [21, 27 марта]. Большевикам удалось изменить расстановку сил в губернии в свою пользу. Под их руководством в начале весны 1918 г. прошли уездные крестьянские съезды, принявшие решения о роспуске земств.

В конце мая 1918 г. в результате антибольшевистского переворота власть в Томской губернии перешла к Западно-Сибирскому комиссариату уполномоченных Временного Сибирского правительства (ЗСК), который своей высшей целью провозгласил «спасение всех завоеваний революции и восстановление национальной независимости», а одной из первоочередных задач – возобновление деятельности органов местного самоуправления [18, с. 16].

Восстановление органов местного самоуправления в Томской губернии шло довольно быстро. Томская губернская земская управа 1 июня 1918 г. объявила о том, что она приступила к исполнению своих обязанностей. В обращении к уездным, волостным и сельским управам губернская управа предложила им восстановить свою работу в прежнем составе, приняв дела, документы и деньги от советских организаций. В своей работе им рекомендовалось временно руководствоваться положением о губернском земстве Временного правительства, постановлением губернского земского собрания и действовать применительно к условиям момента [5, 4 июня]. Для помощи органам сельского самоуправления губернской управой были созданы кадры земских инструкторов, «знакомых теоретически и практически с земским делом».

В ходе переворота ЗСК направлял на места своих уполномоченных – комиссаров. Их функции были определены постановлением ЗСК от 4 июня 1917 г., в котором указывалось, что непосредственной задачей комиссаров является «наблюдение за точным и неуклонным проведением в жизнь полного народоправия с восстановлением органов местных самоуправлений на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования» [4, с. 55].

В первых числах июня возобновили свою деятельность Томская, Каинская, Мариинская уездные земские управы. Началось восстановление сельских органов самоуправления. В ряде случаев крестьяне по собственной инициативе распускали советы и восстанавливали земства. Так было, например, в Чилинской и Болотнинской волостях Томского уезда, Алексеевской, Гутовской, Елтышевской волостях Каинского уезда [1, 15 июня; 27, 21 июня; 30, 29 июля]. 20 июня временный комиссар Тогурского уезда Г. Н. Грехнев сообщал областному комиссару о том, что на вверенной ему территории повсеместно совдепы распущены, установлена власть сельских и волостных комитетов, а «восстановленная земская власть пользуется поддержкой большинства населения» [11, л. 35 – 35 об.].

На первых своих заседаниях городские думы и земства единодушно заявляли о поддержке Временного Сибирского правительства и Сибирской областной думы. Им сразу пришлось заняться массой текущих дел. Однако сразу же возник вопрос о персональном составе гласных. Мариинская городская дума в экстренном заседании 9 июня постановила «в виду изменившегося состава населения и возможности в зависимости от этого новых группировок настоящий состав думы переизбрать» [34, 3 июля]. Собрание служащих Каинской уездной земской управы предложило для восстановления нормальной работы земств избрать от каждого поселения по одному представителю для пополнения числа волостных гласных и переизбрать состав волостных управ, не пользующихся доверием населения [1, 29 июня].

Неоднозначно складывались отношения между органами самоуправления и военными властями. Томская городская дума спустя пять дней после переворота избрала комиссию в составе 10 членов и обязала ее «в полном контакте с военными принять участие во власти». Нередко на местах военные власти стремились взять под контроль деятельность органов местного самоуправления. Управляющий делами ЗСК Г. К. Гинс в телеграмме от 20 июня 1918 г. разъяснял начальнику Барабинского гарнизона поручику Кандаратскому, что он не вправе вмешиваться в дела городской думы и пытаться сместить ее председателя [17, с. 79; 24, с. 127]. 29 июня командир Средне-Сибирского корпуса подполковник А. Н. Пепеляев направил телеграмму начальникам гарнизонов, комендантам городов и станций по линии Нижнеудинск – Красноярск – Барабинск, в которой категорически приказывал «не вмешиваться в порядок гражданского управления, предоставляя этот последний комиссарам Сибирского временного правительства и местным самоуправлениям» [9, л. 179].

Однако под натиском правых ЗСК проводил все более жесткую политику. 27 июня было принято постановление об удалении в административном порядке из состава органов самоуправления представителей антигосударственных партий и организаций. Как следствие, из Томской городской думы были исключены 33 большевика, хотя часть думских гласных с этим не соглашалась, находя подобное исключение нарушением демократии [13, с. 143].

30 июня 1918 г. ЗСК передал власть Совету министров Временного Сибирского правительства во главе с П. В. Вологодским (ВСП). Правительство сразу же заявило, что оно «неуклонно пойдет по пути создания и укрепления на всей территории Сибири… незыблемого правопорядка и мощной государственности» [4, с. 102 – 1039]. В отношении органов местного самоуправления был взят курс на их отстранение от участия политической жизни и ограничение их деятельности решением административно-хозяйственных вопросов. Постановлением от 17 сентября 1918 г. из ведения городских и земских самоуправлений изымалась милиция. Она передавалась в ведение министерства внутренних дел [18, с. 216].

Местные самоуправления пытались отстоять свои права. Томская губернская земская управа в ответ на постановление об изгнании большевиков из местных самоуправлений выразила решительный протест «против вмешательства правительственной власти в сферу деятельности автономных выборных органов самоуправления» [32, 5 июля]. В ответ на постановление о переподчинении милиции Новониколаевская городская управа направила жалобу ВСП, в которой указала, что милиция должна находиться в подчинении городского самоуправления [28, 27 сент.]. Мариинская уездная управа, оповестив население о переходе милиции в ведение МВД, заявила, что слагает с себя ответственность за правильность действий милиции. Вместе с тем управа предложила сообщать ей о всех случаях злоупотреблений со стороны милиции «для возбуждения ходатайств о предании суду виновных» [20, 9 сент.].

Разногласия между ВСП и органами местного самоуправления во многом были обусловлены тем, что в руководстве последними преобладали эсеры, выдвинувшие идею «третьего пути» в революции, связанную с созданием широкого демократического фронта с участием в нем и представителей левых социалистических течений. Воплотить в жизнь эту идею предполагалось с помощью Сибирской областной думы, которой предстояло обеспечить созыв Всероссийского и Всесибирского Учредительных собраний.

Одна из попыток объединения сил была предпринята эсерами на Всесибирском съезде земств и городов (Томск, 2 – 11 сентября 1918 г.). По вопросу о составе высшей областной власти съезд постановил «довести до сведения совета министров Временного Сибирского правительства, что окончательное слово по указанному вопросу должно принадлежать Областной думе, единственному правомочному источнику высшей власти». Также съезд постановил создать постоянное объединение городов и земств Сибири под именем «Всесибирского союза земств и городов – Сибземгор» и избрал его главный комитет [36, с. 289 – 292].

Попытки эсеров через органы местного самоуправления влиять на правительственный курс вызывали раздражение у правых, а состав гласных нередко вызывал нарекания как у властей, так и у населения. В конце июня 1918 г. коллектив служащих Каинской уездной земской управы принял резолюцию, в которой указал, что «состав волостных гласных и управ не может считаться в настоящее время истинным представителем населения, так как выборы их производились в то время, когда наиболее энергичная и дееспособная часть населения находилась в войсках» [1, 29 июня, 10 июля]. В циркуляре ВСП и МВД, направленном на места 27 июля 1918 г., указывалось, что при восстановлении городских общественных управлений после ликвидации большевиков в ряде мест был нарушен закон, и в результате произошли существенные изменения в составе городских самоуправлений [8, л. 17]. Ситуацию изменить должны были новые выборы.

Летом 1918 г. на выборах в городские думы в безуездных городах борьба развернулась между блоками местной буржуазии и левых партий (эсеров и социал-демократов). В Барабинске дополнительно к ним был выставлен список духовенства и мирян. Блок эсеров и социал-демократов получил 15 мест, духовенство – 3, домовладельцы – 7 мест. В Боготоле домовладельцы срывали плакаты социалистов, на списках социалистического блока они делали надписи, что там все большевики. Однако, несмотря на все их старания, в состав думы от социалистов прошло 15, а от домовладельцев – 10 гласных [1, 10 авг.; 21, 13 авг.; 29, 23 авг.]. На выборах в Кузнецкую городскую думу списки гласных составлялись отдельными группами лиц, поскольку «в городе не оказалось никаких политических партий». В один из списков были включены бывшие деятели совдепов [30, 19 авг.].

С конца лета в губернии началась кампания по выборам волостных и уездных гласных на трехлетие 1919 – 1921 гг. В ходе кампании выявился ряд проблем. Так, Томская уездная земская управа 30 августа 1918 г. сообщала министру внутренних дел о том, что очевидным следствием объединения в один округ отдаленных друг от друга населенных пунктов явится «весьма слабое участие в выборах населения окраинных населенных мест». Такое, как отмечалось в обращении, уже наблюдалось на выборах в 1917 г., «когда население отличалось большой подвижностью и энергией в делах общественной жизни», а «в настоящую пору, когда подвижность и энергия заменились усталостью и апатией», явка на избирательные участки будет еще ниже [7, л. 12 – 13].

В конце сентября 1918 г. Мариинская уездная управа, обсудив вопрос о выборах в волостное земство, пришла к заключению, что «при безграмотности населения и громадности расстояний между селениями волости, мешающей успешному согласованию выборов, наиболее пригодной является пропорциональная система избрания, при которой от населения не требуется ничего, кроме умения написать ту или иную цифру» [20, 29 сент.].

Выборы показали растущий абсентеизм населения. В Тайге в начале октября 1918 г. в выборах в городское самоуправление из 3237 избирателей участвовало только 740 человек [12, л. 12]. «Обыватель позорно равнодушен к выборам», – констатировала «Народная Сибирь» 15 сентября 1918 г.

Одной из самых серьезных проблем, с которыми пришлось столкнуться органам местного самоуправления, была нехватка средств. Мариинская городская управа сообщала, что не в состоянии вовремя выплачивать жалованье служащим, «средств нет на самые необходимые расходы городского самоуправления» [20, 25 сент.]. Кузнецкая уездная земская управа разработала, но из-за отсутствия средств не могла провести в жизнь «план благоустройств культурно-просветительной и хозяйственной жизни уезда» [29, 13 сент.].

«На голом месте, как на пожарище, приходится молодому сибирскому земству творить новое, восстанавливать прежнее, погубленное большевиками», – писал в газете «Народная Сибирь» за 15 сентября 1918 г. некто, скрывшийся за инициалами «В. О.». Он указал еще на одну серьезную проблему – «недостаток культурных сил на местах». Автор отмечал, что «часто в среде членов уездных земских управ даже во главе их находятся люди, которые не только не смогут вести определенную земскую политику, но даже не могут поддержать деловую, чисто хозяйственную сторону земской жизни».

Авторитет органов местного самоуправления подрывался как некомпетентностью, так и прямым произволом представителей власти. В поселке Крещенский Пешковской волости Каинского уезда местные власти присвоили часть денег, направленных из уезда для беднейших солдатских семей. В селе Киселевское Верхне-Каинской волости того же уезда председатель и члены сельской управы погрязли в пьянстве [1, 12 июля].

В газете «Народная Сибирь» от 27 октября 1918 г. сообщалось, что на железнодорожных станциях, в вагонах пассажиры в разговорах между собой часто заявляют: «Милиция, полиция, – это те же лица, тот же городовой, только взял, да перевернул штаны на другую сторону». В своих комментариях редакция добавила и характеристику низовых властных структур: «Наше земское или сельское самоуправление сохранило полную преемственную связь с низвергнутой совдепией. Произошла лишь только перелицовка и некоторое так сказать «углубление». В некоторых случаях не была даже соблюдена внешняя видимость: сельский совдеп, например, в своем большинстве так до сих пор и не переизбирался, сняв лишь вывеску, переименовался в «сельский комитет».

Резкой критике подвергалась и деятельность городских самоуправлений. В редакционной статье газеты «Русская речь» 12 октября 1918 г. отмечалось, что в них мы видим «полное отсутствие какой-либо сознательной работы», «полное отсутствие пригодных для работы лиц, невероятнейший дефицит, хаос в учреждениях и предприятиях городских, хроническое отсутствие кворума. Городские управы действуют только в двух случаях: ходатайствуют о получении субсидий и политиканствуют».

Авторитет органов самоуправления снижался не только среди избирателей. Становилось все больше гласных, пренебрегавших своими обязанностями. На заседание Мариинской городской думы 19 сентября явилось 9 из 33 гласных. 29 октября заседание городской думы не состоялось из-за отсутствия кворума. Не удалось собрать кворум на заседаниях Новониколаевской городской думы 13, 27 сентября, 5, 8, 18 октября. В конце концов заседания стали проводиться в следующем порядке: приходили двое гласных и председатель, который объявлял заседание несостоявшимся и назначал день вторичного заседания, законного при всяком кворуме. Не намного лучше обстояли дела в сельской местности. В Боготольской волости Мариинского уезда 29 сентября на волостное собрание из 96 избранных явилось только 57 гласных [20, 25 сент., 20 окт., 1 нояб.; 28, 17 сент., 1, 8, 12, 22 окт.].

В этих условиях МВД предложило Административному совету внести изменения в законодательство о выборах в городские думы. Суть этих изменений сводилась к замене принципа пропорционального представительства принципом относительного большинства полученных голосов, к недопущению к выборам военнослужащих, чинов милиции и заключенных под стражу, повышению возрастного ценза до 21 года и введением ценза оседлости [7, л. 15]. Большинство этих положений легло в основу новых правил о производстве выборов, которые были утверждены уже Временным Российским правительством адмирала А. В. Колчака в конце декабря 1918 г. Пока закон находился в стадии разработки, совет министров 20 декабря принял постановление, согласно которому с 1 января 1919 г. было приостановлено проведение земских выборов на трехлетие 1919 – 1922 гг. и на этот же срок продлялись полномочия действующих земских управ и собраний [19, с. 128 – 129].

Для председателей и членов земских управ даже был разработан текст присяги (утвержден постановлением Совета министров от 28 января 1919 г.), в котором содержались обязательства «быть верным и неизменно преданным Российскому государству», «служить ему, не щадя жизни», «повиноваться Российскому правительству, возглавляемому Верховным правителем впредь до установления образа правления свободно выраженной волей народа» [35, 11 июня].

Новые правила о производстве выборов гласных городских дум были опубликованы в «Правительственном вестнике» 2 февраля 1919 г. Согласно новому закону система пропорциональных выборов заменялась мажоритарной. Для активного избирательного права возрастной ценз был определен в 21 год, для пассивного – в 25 лет. Также вводился ценз оседлости – 1 год.

По распоряжению МВД от 17 февраля городским управам поручалось немедленно назначить выборы по новому закону [33, 23 февр.]. Профессор С. Мокринский в статье «Новый закон о выборах в городские думы» охарактеризовал закон как «глубоко демократический», отметив, что повышение возрастного ценза должно привести к тому, что городским хозяйством не будут ведать люди, «зрелость которых приходится поставить под знак вопроса» [35, 5 марта]. Впрочем, были и иные оценки. Некто П. Петров писал в том-

ской газете «Голос Сибири» от 1 января 1919 г.: «Мы являемся свидетелями ряда реформ, являющихся урезанием местных самоуправлений». Совет профсоюзов г. Томска отмечал, что закон «значительно ухудшил положение трудящихся», лишив многих из них их избирательного права.

Все большие нарекания у властей вызывала и деятельность органов сельского самоуправления. Они были не столь политизированы, как городские, но именно им приходилось напрямую соприкасаться с крестьянской массой, заниматься сбором налогов. На закрытом съезде управляющих уездами Томской губернии (Томск, 30 января – 5 февраля 1919 г.) указывалось, что сельский сход и староста бездействуют; сельские комитеты по составу и пределам власти не могут быть признаны удовлетворительными. Съезд постановил считать единственной исполнительной властью на селе старосту, а на уровне волости – сохранить волостные земские управы, введенные Временным правительством. Съезд закрепил следующую структуру административного управления в уездах: управляющий уездом, его помощники, уездное присутствие во главе с председателем – управляющим уездом. Большинством голосов съезд признал за администрацией контролирующую функцию над самоуправлением [25, с. 150 – 155].

Вопросы об изменении законодательства о земстве, переизбрание гласных, разграничении полномочий губернского и уездных земств были вынесены на съезд представителей уездных земских управ Томской губернии (Томск, 26 февраля – 8 марта 1919 г.). В работе съезда участвовали делегаты из Щегловского и Мариинского уездов [35, 27 февр., 7, 15, 19, 22 марта]. Выяснилось, что ситуация на местах препятствует проведению выборов в кротчайшие сроки. Так, в начале апреля Мариинская уездная земская управа приняла решение о приостановке до осени выборов волостных гласных в связи с «неспокойным состоянием уезда» [20, 20 апр.].

В конце апреля 1919 г. в Новониколаевске нелегально была проведена Сибирская конференция партийных организаций ПСР, которая заявила «о необходимости немедленно приступить к самой интенсивной работе по подготовке государственного переворота» [15, с. 211]. С конца весны эсеры – работники земских структур активизировали деятельность среди крестьян. В середине мая «за антигосударственную пропаганду» и за участие в организации «Объединения трудового крестьянства» были арестованы инструктора Томской губернской земской управы Иванов и Опенко [10, л. 81]. В связи с этим управляющий губернией Б. М. Михайловский 27 мая отдал распоряжение председателю губернской земской управы «о безотлагательном отозвании с мест инструкторов отдела внешкольного образования губернского земства», запретив впредь посылать их без предварительного своего разрешения [10, л. 2].

С лета 1919 г. началась кампания по выборам в городские думы, которая наиболее активно велась в Томске и Новониколаевске. В большинстве уездных и безуездных городов выборы прошли тихи и незаметно. В Боготоле в выборах принял участие 351 человек из 2676 избирателей (13 %). В Колывани к избирательным урнам пришло менее 5 % избирателей (168 из 3931) [3, 16 июня, 23 июля]. Низкой была явка избирателей в Кузнецке и Мариинске. Несколько выше явка избирателей была в Томске (25 %) и Новониколаевске (около 22 %).

В Новониколаевске на выборах городскую думу 29 июня борьба велась между двумя списками: № 1 – деловой, внепартийный, объединявший Союз церковно-приходских советов, домовладельцев, старообрядцев и мусульман; № 2 – демократический, в который вошли эсеры, социал-демократы, народные социалисты, профессиональные союзы и кооперативы. В каждом из списков было по 55 кандидатов. За № 1 подано 3165 записок, за № 2 – около 1500. В городскую думу избраны 55 гласных, в том числе все 54 кандидата от делового внепартийного списка и 1 – от демократического [3, 11 июля; 32, 1, 2, 5 июля; 35, 5 июля].

Томск был разбит на 5 округов, в каждом из которых были выдвинуты самостоятельные списки. По 1 и 2 избирательным округам были зарегистрированы два списка: 1) блока общественных деятелей, Союза квартиронанимателей, Союза по борьбе с жилищной нуждой и продовольственных организаций и 2) деловой беспартийный список Союза домовладельцев, торгово-промышленного класса и лиц разных профессий. По 3 и 4 округам было выставлено 3 списка: кроме двух упомянутых еще был выдвинут блок профессиональных союзов и социалистических групп г. Томска. По 5 округу вместо блока профессиональных союзов была зарегистрирована группа прогрессивно-демократических общественных деятелей [35, 27 июня].

К выборам блок профессиональных союзов и социалистических групп выпустил однодневную газету «Накануне», в которой призывал «рабочих и трудовую демократию к активному участию в выборах, дабы добровольно, без всякой борьбы, не отдавать городского хозяйства в беспредельное хозяйничанье врагам трудящихся» [26, 6 июля].

Результаты выборов по городам губернии представляли весьма пеструю картину. В Томске наибольшее число голосов получил список квартиронанимателей, в Новониколаевске – внепартийный, в Мариинске – демократических групп, в Колывани – домовладельцев. Из-за многочисленных нарушений в Новониколаевске, Боготоле и Мариинске результаты выборов были опротестованы властями [3, 11, 18, 21, 23 июля; 14, с. 172].

Преобладание в органах местного самоуправления лиц либеральной ориентации заметно беспокоило власти. 4 августа 1919 г. управляющий губернией Б. М. Михайловский сообщал в правительствующий сенат о том, что «состав земских деятелей в губернии и кооперации слагается главным образом из элементов антигосударственных, причастных к большевизму и составляющих ядро противоправительственной агитации» [10, л. 38 – 39]. В Мариинске в начале августа военными властями были арестованы почти все члены уездной земской управы и часть ее служащих [28, 7 авг.].

В то же время власти пытались использовать земства для борьбы с нарастающим повстанческим движением. Так, 11 августа в с. Поломошное собрание уполномоченных, созванное волостной управой, по-

становило для поддержки Сибирской армии в борьбе с большевизмом организовать волостной комитет помощи армии [35, 19 авг.].

Повстанцы, рассматривая земские органы, как низовые структуры колчаковской власти, стремились дезорганизовать их работу. С конца лета участились случаи нападения партизан на волостные управы. В селах Краснознаменское Кузнецкого уезда, Медодатское, Тисуль Мариинского уезда, Ишим, Семилуженское Томского уезда, Баянское, Вознесенское и Мунгатское Щегловского уезда партизанами было уничтожено делопроизводство, списки подлежащих призыву, изъяты печати [3, 10 сент.; 6, л. 121; 34, 30 сент., 10 авг., 2, 14 нояб.]. В июле – августе в ходе Урманского восстания, охватившего 56 волостей Каинского, Татарского и Тарского уездов, повстанцами разгонялись земства и восстанавливались советы крестьянских депутатов [37, с. 103].

Мариинская уездная земская управа констатировала, что в уезде происходят «грабежи, насилия и разгул банд», разгром многих волостных земских управ, уничтожение их делопроизводства, частая смена волостных земских работников, что привело к «фактическому отрыву» Мариинского земства от населения уезда [35, 13 нояб.].

С 11 по 24 октября 1919 г. в Иркутске Сибземгором было проведено земско-социалистическое совещание, в котором участвовали представители шести губернских (в том числе и Томского), двух областных и семи уездных земств. Совещание приняло решение встать в радикальную оппозицию по отношению к правящему режиму. Участники совещания обсудили и приняли проект создания земско-краевых объединений, прообразов будущей демократической власти [15, с. 251]. Но этим планам уже не суждено было сбыться. Под натиском Красной армии колчаковцы почти без сопротивления откатывались все дальше на восток. 14 декабря части Красной армии заняли Новониколаевск, а 17 декабря власть в городе перешла к ревкому [31, с. 354, 356].

В Томске, после того, как город оставили колчаковские войска и бежали высшие чины администрации, 17 декабря состоялось экстренное заседание городской думы, которая решила принять на себя всю полноту власти и избрала из гласных Комитет общественной безопасности и охраны порядка. Но уже 18 декабря высшей властью в городе объявил себя военно-революционного комитет, созданный из представителей социалистических партий. В связи с этим Комитет общественного порядка объявил о прекращении своей деятельности. 20 декабря в Томск вошли части Красной армии. 25 декабря на совместном совещании представителей Сибирского бюро ЦК РКП(б), Сибирского революционного комитета, Реввоенсовета 5-й армии и руководства Томской большевистской организации вместо коалиционного ревкома создан Томский губернский революционный комитет. Постановлением ревкома были распущены городская дума и управа, а их дела переданы ревкому [2, с. 501, 506; 14, с. 110 – 111; 23, с. 49 – 52]. К концу 1919 г. на большей части Томской губернии была восстановлена Советская власть, органы местного самоуправления распущены, а их функции переданы ревкомам.

В период Гражданской войны органы местного самоуправления оказались в крайне сложном положении. Им пришлось столкнуться с массой проблем, многие из которых требовали скорейшего разрешения, а на это далеко не всегда хватало сил и средств. В структуре власти органы самоуправления находились на нижней ступени пирамиды и непосредственно соприкасались с населением, на них возлагалось претворение в жизнь указаний и распоряжений вышестоящих структур, а на сельские – еще и сбор налогов. В связи с этим органам самоуправления в первую очередь приходилось непосредственно испытывать на себе нарастающее массовое недовольство.

В условиях «демократической контрреволюции» и особенно колчаковской диктатуры местные самоуправления представляли из себя (даже при всех их недостатках) одну из немногих сохранившихся форм представительной демократии. Гражданская война с ее вооруженным противоборством вела к тому, что органам самоуправления пришлось определять свое «политическое лицо». Они не желали ограничить круг своей деятельности исключительно административно-хозяйственными функциями, стремились влиять на власть, корректировать ее действия и в результате становились все более политизированными. Независимые органы самоуправления не вписывались в рамки ни «белого», ни «красного» режимов, что и определило их уничтожение после восстановления Советской власти в регионе.

Литература

1. Барабинская степь. Каинск, 1918.
2. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917 – 1919 гг.): сб. док. матер. Томск: Зап.-Сиб. изд-во, 1957.
3. Вестник Томской губернии. Томск, 1919.
4. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. док. и матер. / Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Сова, 2007.
5. Голос народа. Томск, 1918.
6. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1520.
7. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 23.
8. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 21.
9. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 213.
10. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 353.
11. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 64.
12. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 85.

13. Дмитриенко Н. М. Городское самоуправление в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917 – 1919) // Тр. Том. обл. краевед. музея: сб. статей. Томск, 2002. Т. XII. С. 139 – 146.

14. Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII – XX столетиях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.

15. Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917 – 1923 гг.). Новосибирск: Наука, 2002.

16. Железнодорожник. Томск, 1918.

17. Журавлев В. В. Взаимоотношения гражданских и военных властей сибирской контрреволюции в мае – июле 1918 г. // Материалы XXXIV МНСК: история. Новосибирск, 1996. С. 79 – 82.

18. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Вып. 1.

19. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): сб. док. и матер. / сост. и отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2005.

20. Звено. Мариинск, 1918.

21. Знамя революции. Томск, 1918.

22. Известия Томского временного комитета общественного порядка и безопасности. Томск, 1917.

23. Ларьков Н. С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник Томского государственного университета. (Серия: История). 2011. № 3(15). С. 46 – 56.

24. Мальцева Т. В. Сибирское земство и колчаковщина // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917 – 1929 гг.). Томск, 1983. С. 125 – 138.

25. Мальцева Т. В., Наумова Н. И. Вопросы организации местной власти и управления на съезде управляющих уездами Томской губернии 30 января – 5 февраля 1919 г. // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XII. Томск, 2002. С. 150 – 155.

26. Накануне. Томск, 1919.

27. Народная газета. Томск, 1918.

28. Народная Сибирь. Новониколаевск, 1918.

29. Наш голос. Томск, 1918.

30. Наша мысль. Томск, 1918.

31. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880 – 1919 гг. Т. 3: Июнь 1918 – декабрь 1919 г. / сост. Н. С. Ларьков, В. А. Дробченко. Томск: изд-во Том. ун-та, 2013.

32. Рабочее знамя. Томск, 1918.

33. Русская речь. Новониколаевск, 1919.

34. Сибирская жизнь. Томск, 1918.

35. Сибирская жизнь. Томск, 1919.

36. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Э. И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1 – 2.

37. Хроника Новосибирской организации КПСС (1891 – 1987 гг.). Новосибирск: Кн. изд-во, 1988.

Информация об авторе:

Дробченко Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры филологии и истории филиала КемГУ в г. Анжеро-Судженске, vadrobchenko@yandex.ru.

Vladimir A. Drobchenko – Doctor of History, Professor at the Department of History and Philology, Anzhero-Sudzhensk branch of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 94(47).084.3

СЪЕЗДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ И СОВЕЩАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫХ СИЛ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ» (июнь – ноябрь 1918 г.)

В. А. Дробченко, М. Э. Черняк, Э. И. Черняк

CONGRESSES, CONFERENCES AND COUNCILS OF VARIOUS SOCIAL CLASS FORCES IN TOMSK PROVINCE IN THE PERIOD OF THE"DEMOCRATIC COUNTERREVOLUTION" (JUNE – NOVEMBER 1918)

V. A. Drobchenko, M. E. Chernyak, E. I. Chernyak

В статье представлена характеристика съездов, конференций, совещаний различных социально-классовых сил в Томской губернии на одном из этапов революции и Гражданской войны – «демократической контрреволюции» (июнь – ноябрь 1918 г.). Съезды, конференции и совещания рассматриваются как один из важных элементов формирования и жизнедеятельности гражданского общества, оказавшим существенное влияние на трансформацию органов государственного управления, на перераспределение полномочий между властью и обществом, на самоорганизацию общества. На основе статистического анализа событий сделан вывод о том, что на исследуемом этапе по сравнению с предшествующими (с марта 1917 г.) заметно снизилось количество съездов, конференций и совещаний. Это снижение было связано как с правительственным курсом на ограничение демократических свобод, так и со снижением политической активности масс. Изменилась внутренняя структура общественного движения: была возобновлена деятельность органов местного самоуправления, запрещена деятельность советов, активизировались эсеры и меньшевики, большевики ушли в подполье, заметно оживились областники, предприниматели и духовенство. Наметилась тенденция к деполитизации профессионального движения, внутри него стали нарастать противоречия между союзами служащих и рабочих. Томск, который в рассматриваемый период являлся центром сибирской законодательной власти, стал фактическим центром общественной жизни Сибири. В нем было проведено абсолютное большинство всесибирских и региональных съездов. Функционирование институтов демократии (хотя и в урезанном виде) в Томске продолжалось дольше, чем в других сибирских регионах.

The paper presents the characteristic of different classes' activities (congresses, conferences and councils of political parties and non-governmental organizations) in the period of the "Democratic Counterrevolution" (June – November 1918) and the Civil War. Congresses and conferences are analyzed as one of the key elements of society formation and activity that had significant influence on the state administration bodies, reauthorization and society self-organization. On the basis of the statistical analyses, it is proved that the number of congresses, conferences and councils decreased greatly in the researched period (from March 1917) compared to the previous period. That fact signifies, on the one hand, the democratic liberties limitation by the government, and, on the other hand, decreasing the society's political activities. The following tendencies in the internal structure of the civic movement are observed in the researched period: the activity of local public authority was renewed, while the activity of the Soviet bodies was prohibited, the Socialists-Revolutionaries (SRs) and the Mensheviks became more active, at the same time, the Bolsheviks went underground, the Oblastniks, the clergy and businesspeople began to participate in the civil movement considerably. The tendency is registered to decrease the involvement of trade union movement into policy, the antagonism between professional workers and working people is observed. Being the center of Siberian legislative power, Tomsk became the center of the Siberian civil movement in the researched period. Most of Siberia-wide and regional congresses and conferences were held in Tomsk. The activity of democratic institutions (in some limited type) is proved to have continued longer than in other regions of Siberia.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, «демократическая контрреволюция», общественная жизнь, политическая борьба, социальные слои и группы, съезды, конференции, совещания.

Keywords: Civil War, Siberia, Democratic Counterrevolution, public life, political race, social groups, congresses, conferences and councils.

После свержения самодержавия резко возросла общественная активность масс, которая проявилась в создании формировании и функционировании органов местного самоуправления, политических партий и общественных организаций. В ходе революции «вечевая демократия» первых месяцев все больше стала вытесняться представительной, что выразилось в проведении съездов, конференций и совещаний различных социальных слоев и групп. Делегаты съездов представляли широкие слои населения, отражали настроения и чаяния масс, воплощая их в принимаемые решения и резолюции. Съезды содействовали укреплению связей между низовыми и центральными организациями, на них намечались пути решения общенациональных и региональных задач.

В данной статье представлена обобщающая характеристика съездов, совещаний и конференций в одном из крупнейших российских регионов – Томской губернии. Именно здесь в конце мая 1918 г. вспыхнул антибольшевистский мятеж, здесь началось формирование Сибирской армии. В Томске до конца осени действовал региональный парламент – Сибир-

ская областная дума, а политическая элита города оказывала заметное влияние на формирование сибирской власти и представляла кадры для ее пополнения.

«Демократическая революция» рассматривается нами как один из важных этапов революции и Гражданской войны в регионе, а характеристика событий дается в сравнении с предыдущими периодами.

В период марта 1917 – декабря 1919 гг. авторами выявлено 624 события. От общего числа событий в марте – октябре 1917 г. состоялось 240 (38,5 %), в ноябре 1917 – мае 1918 гг. – 179 (28,5 %), в июне – ноябре 1918 г. – 118 (19 %), в декабре 1918 – декабре 1919 гг. – 87 (14 %). Общее снижение количества событий связано с тем, что, во-первых, сменяющиеся политические режимы проводили все более жесткий курс на ограничение демократических свобод, и, во-вторых, со снижением политической активности масс.

В период «демократической контрреволюции» (июнь – ноябрь 1918 г.) состоялось 118 съездов, конференций, совещаний, что в среднем составило 19,6 событий в месяц. Учитывая, что в период марта – октября 1917 г. этот показатель соответствовал 30, а в период ноября 1917 – мая 1918 гг. – 25, очевидно снижение общественно-политической активности населения. Важным фактором, повлиявшим на ее снижение, была и правительственная политика, направленная на ограничение политических прав и свобод.

Приведенные ниже данные (таблица 1) свидетельствуют, что наивысший уровень в проведении съездов зафиксирован в первые два месяца после свержения Советской власти. С конца лета, когда власть все шире использует запретительные меры, количество съездов заметно снижается.

Таблица 1

Динамика проведения событий в Томской губернии в июне – ноябре 1918 гг.

Месяц	*1918 г.*	*%*
Июнь	24	20
Июль	32	27
Август	18	15,5
Сентябрь	18	15,5
Октябрь	16	13,5
Ноябрь	10	8,5
Всего	118	100

Из 118 событий 17 составляют съезды органов власти и местного самоуправления (включая 5 сессий земских собраний), 1 – советов, 13 – политических партий, 5 – общественных организаций, 41 – профессиональных, 3 – национальных, 6 – крестьянских, 7 – кооперативных, 21 – областнических (включая 18 частных совещаний Сибирской областной думы), по 2 – духовенства и предпринимателей.

91 съезд (77 %) состоялся в Томске, 24 (20 %) – в уездных центрах (из них 12 – в Новониколаевске) и по одному – в безуездных городах, рабочих поселках и в селах: съезд рабочих и служащих Кольчугинской ж. д. (ст. Топки, конец июля 1918 г.), делегатский съезд Боготольского участка Томской ж. д. (Боготол, 25 августа 1918 г.), конференция депутатов от инородческих волостей, объединенных Кузнецким отделом Горно-Алтайской думы (Улус Осинниковский Кузнецкого у., 14 сентября 1918 г.). Приведенные данные свидетельствуют о том, что в губернском центре какое-то время еще сохранялись возможности проявления масштабных общественных мероприятий, но за его пределами к осени 1918 г. таких возможностей становилось все меньше.

По региональной значимости съезды распределились следующим образом: 43 (36,5 %) – всесибирские, 17 (14,5 %) – региональные, 13 (11 %) – губернские, 16 (13,5 %) – уездные, 4 (3,4 %) – районные, 24 (20,3 %) – городские, 1 (0,8 %) – отдельного учреждения (совещание родителей учениц II женской гимназии в июле 1918 г.). Преобладание в общей массе событий всесибирского масштаба объяснятся тем, что половину из них составили учтенные в данной категории сессии и частные совещания СОД. Вместе с этим необходимо отметить, что в Томске состоялись такие крупные форумы, как Общесибирская конференция социал-демократов (19 – 24 августа 1918 г.), Всесибирский съезд земств и городов (2 – 11 сентября 1918 г.), I Всесибирский съезд партии социалистов-революционеров (25 сентября – 9 октября 1918 г.), Общесибирское совещание представителей рабочих горной и горнозаводской промышленности (3 – 4 октября 1918 г.), I сибирский съезд представителей больничных касс (4 – 9 октября 1918 г.), I Всесибирский съезд профсоюзов (6 – 14 октября 1918 г.), Всесибирский съезд рабочих печатного дела (17 – 22 октября 1918 г.), III Всесибирский сионистский съезд (5 ноября 1918 г.), Съезд иерархов сибирских православных епархий (14 – 29 ноября 1918 г.). Кроме этого в Томске нелегально были проведены I (18 – 22 августа 1918 г.) и II (23 ноября 1918 г.) сибирские конференция РКП(б).

В Новониколаевске, сохранявшем статус центра сибирской кооперации, состоялись VIII съезд уполномоченных «Закупсбыта» (август 1918 г.), съезд представителей издательских отделов кооперативных союзов, входящих в «Закупсбыт» (1 ноября 1918 г.), III съезд представителей сибирских обществ взаимного кредитования («Синкредсоюза») (ноябрь 1918 г.), IX чрезвычайный съезд уполномоченных «Закупсбыта» (23 (24) ноября – 1 декабря 1918 г.). В октябре 1918 г. в Новониколаевске был проведен I Всесибирский съезд поляков.

В общей массе событий по сравнению с предыдущим периодом заметно сократилась доля губернских (с 19,5 до 11 %), уездных (с 23,5 до 13,5 %) и районных (с 13,5 до 3,4 %) съездов. Незначительно (на 2 %) возросла доля событий городского масштаба, причем 87,5 % из них состоялось в Томске, а оставшиеся 12,5 % – в Новониколаевске.

Органы местного самоуправления, возобновившие свою деятельность после переворота, сразу же столкнулись с массой проблем, требовавших безотлагательного разрешения. Порой такие вопросы выносились на специальные совещания: по продовольственным вопросам (1 июня 1918 г.), по земельному вопросу в Томской губернии (26 – 27 июня 1918 г.), по поднятию промышленности Томской губернии (15 – 19 августа 1918 г.).

Вопросы организации местного самоуправления обсуждались на съезде представителей уездных земских управ Томской губернии (23 – 27 июля 1918 г.). Всесибирский съезд земств и городов (Томск, 2 – 11 сентября 1918 г.) для поддержки органов местного самоуправления постановил создать Всесибирский союз земств и городов (Сибземгор) [13, с. 118 – 119]. На вопросах административно-хозяйственной деятельности была сосредоточена работа сессий уездных и губернского земских собраний. В принятых резолюциях по вопросам политического характера звучали заверения о поддержке Временного Сибирского правительства и Сибирской областной думы, выражались надежды на дальнейшее продолжение демократических преобразований.

Таблица 2

Классификация событий в Томской губернии по региональной значимости (июнь – ноябрь 1918 г.)

Съезды	*Всесиб.*	*Регион.*	*Губерн.*	*Уездн.*	*Район.*	*Гор.*	*Поселк.*	*Всего*
Органов власти и местного самоуправления	4		6	5		2		17
в т. ч. сессии земских собраний			1	4				5
Советов						1		1
Политических партий	6	1	1			5		13
Профессиональные	5	14	2	5	3	12		41
Общественных организаций	1			1		2	1	5
Крестьянские			2	4				6
Кооперативные	4		2		1			7
Национальные	1			1		1		3
Областнические	21							21
в т. ч. частные совещания СОД	18							18
Духовенства	1	1						2
Предпринимателей		1				1		2
Всего	43	17	13	16	4	24	1	118

Курс ЗСК на продолжение и углубление демократических преобразований привел к тому, что в Томске в июне 1918 г. деятельность советов не была запрещена. Но в первые недели после переворота советы, лишившись своих лидеров, какой-либо активной деятельности не проявляли. Инициативу возобновления деятельности советов как классовых организаций (но не органов государственной власти) взяли на себя профессиональные союзы. По предложению Томского совета профсоюзов 29 июня было проведено пленарное заседание городского совета рабочих депутатов, в котором участвовало 70 членов совета. Участники заседания, признав необходимость существования советов как классовых политических организаций пролетариата и не предрешая его будущих форм и задач, решили в двухнедельный срок в профессиональных союзах и на предприятиях провести перевыборы представителей в совет [12, 30 июня; 15, 2 июля]. Однако уже 6 июля 1918 г. постановлением ВСП деятельность советов была повсеместно запрещена.

В период июня – ноября 1918 г. состоялось 13 съездов политических партий: 9 – социал-демократов (6 – большевиков, 3 – меньшевиков), 2 – эсеровских, по одному – смешанных и сионистов.

Таблица 3

Съезды политических партии в Томской губернии в июне – ноябре 1918 гг.

Съезды	*Всесибирские*	*Региональные*	*Губернские*	*Городские*	*Всего*
Смешанные				1	1
Эсеров	1		1		2
Социал-демократов	4	1		4	9
в т. ч. большевиков	2			4	6
меньшевиков	2	1			3
Национальные (сионистов)	1				1
Всего	6	1	1	5	13

Партийные съезды по-прежнему играли важную роль в консолидации партийных сил и определении тактики действий. К сплочению сил демократии призвали Западно-Сибирская конференция членов РСДРП (Новониколаевск, 2 – 5 июля 1918 г.), Общесибирская конференция социал-демократов (Томск, 19 – 24 августа 1918 г.), IV Томский губернский съезд партии социалистов-революционеров (13 – 16 июля 1918 г.) и I Всесибирский съезд членов партии социалистов-революционеров (Томск, 25 сентября – 9 октября 1918 г.).

Делегаты меньшевистских и эсеровских съездов отмечали отход масс от политической борьбы, их равнодушие к политическим вопросам. В связи с этим ставилась задача укрепления первичных организаций, усиление пропагандистской работы среди крестьян и рабочих по разоблачению большевизма, укреплению связей партийных организаций с профсоюзами. На неудовлетворенность работы первичных комитетов обратил внимание и III Всесибирский сионистский съезд (Томск, 5 – 7 ноября 1918 г.).

В ходе переворота большевистские организации были разгромлены. Лишь в Томске на полулегальном положении оставалась группа большевиков, которые 3 июня провели подпольное совещание и оформили ячейку РКП(б). Было решено при отсутствии широкой народной поддержки для борьбы с контрреволюцией максимально использовать легальные возможности.

В конце июля большевиками Томска, Омска, Тюмени и Новониколаевска было создано Сибирское организационное бюро РКП(б), которое, установив связь с нелегальными организациями, 18 августа 1918 г. провело в загородной роще под Томском I подпольную Сибирскую конференцию РКП(б). Конференция избрала областной комитет и обратилась к рабочим и крестьянам Сибири с призывом к вооруженной борьбе против контрреволюции и иностранных интервентов. Вскоре областной комитет РКП(б), взяв курс на вооруженное восстание, поставил задачу дезорганизовывать противника «путем разрушения и уничтожения боевых и технических средств», саботажа, внесения паники в его ряды» [18, с. 283]. II сибирская нелегальная конференция РКП(б) (Томск, 23 ноября 1918 г.) подтвердила курс на подготовку вооруженного восстания в общесибирском масштабе. В то же время, не упуская из виду эту основную цель, было решено немедленно приступить к организации ряда планомерных местных, «сепаратных» восстаний с целью разрушения тыла контрреволюции [20, с. 94 – 95].

35 % от всех событий данного периода составили профессиональные съезды и совещания. По социальной принадлежности из 41 выявленного съезда 34 % (14) составили съезды служащих, 14,5 % (6) – рабочих и 51,5 % (21) – смешанные. 29 % от общей массы профессиональных съездов составили съезды профсоюзные и организаций, действующих при профсоюзах (больничных касс, рабочего контроля). Анализ решений профессиональных съездов позволяет исследовать реакцию как отдельных профессиональных отрядов, так и трудящихся масс губернии в целом на происходившие события в их динамике.

Служащие и интеллигенция в целом положительно отнеслись к свержению Советской власти. Участники I губернского делегатского учительского съезда, проходившего в конце мая в Томске, узнав о перевороте, выразили надежду на наступление лучших времен. В первой половине июня резолюции о поддержке ВСП приняли Общество и союз сибирских инженеров, правление Томского губернского учительского союза, соединенное заседание губернского, уездного и городского учительских союзов, общее собрание учителей Томска [1, 15, 19 июня; 17, 16 июня; 19, с. 232; 22, с. 57].

В первые дни после переворота о поддержке новой власти заявили рабочие Анжерских, Судженских копей, Каинска, Мариинска. Однако эта поддержка не была безоговорочной. III конференция правлений профессиональных союзов и советов профессиональных союзов Томска (2 июня 1918 г.) указала, что «Сибирское Временное правительство встретит полную поддержку организованных рабочих и всей демократии, как только оно приступит к немедленному осуществлению намеченной им вполне демократической программы» [18, с. 238 – 239]. Аналогичные резолюции приняли конференция заводских комитетов и контрольных комиссий коллективов рабочих и служащих г. Томска (3 – 4 июня 1918 г.) и конференция правлений профессиональных союзов г. Томска (6 июня 1918 г.). Впрочем, реакция части рабочих на переворот была совершенно иной. Конференция профессиональных союзов Новониколаевска 27 мая 1918 г. постановила переворот считать «контрреволюционным выступлением, грозящим завоеваниям революции». Участники конференции потребовали восстановления власти советов и немедленного освобождения всех политических заключенных [19, с. 235].

В ходе переворота рабочие организации были серьезно ослаблены. В застенках оказалось немало профсоюзных лидеров и активистов. За пределами Томска большинство рабочих организаций прекратило свою деятельность. Началось наступление на права рабочих. На II съезде горнорабочих Западной Сибири (Томск, 2 – 13 июля 1918 г.) о слабости профсоюзных организаций, о пассивности членов союза заявляли представители Кольчугинского рудника, Алтайских, Анжерских, Судженских копей, Яшкинского завода. Да и в самом Томске было немало союзов, фактически свернувших свою деятельность. Однако наметилась и другая тенденция – объединение и укрепление профсоюзов. Совещание представителей профессиональных союзов (Томск, 27 июня 1918 г.) высказалось за объединение профессиональных союзов Западной Сибири и наметило план работы в этом направлении [5, с. 88 – 89].

Подъем профессионального движения вызывал опасения властей, и они предприняли очередные шаги, направленные против рабочих и их организаций. В Томске военными властями в Томске было запрещено проводить заседание совета профсоюзов, в Кольчугине было разогнано совещание по подготовке съезда железнодорожников [15, 28, 30 июня, 1 авг.]. На конференции районных профессиональных союзов судоходных служащих и рабочих Западной Сибири

(Томск, 29 июля 1918 г.) в докладах с мест отмечалось, что отношение администрации к профсоюзам проникнуто «ничем не прикрытой враждебностью» и явно не согласовано с заявлениями правительства о свободном существовании профсоюзов [19, с. 277]. «Попытки урвать завоевания рабочих делаются во всех областях», – сообщалось в редакционной статье газеты «Рабочее знамя» 6 июля 1918 г.

II съезд горнорабочих Западной Сибири (Томск, 2 – 13 июля 1918 г.) в резолюции «О текущем моменте» заявил, что ВСП «в своем стремлении опереться на торгово-промышленный класс предприняло энергичный поход на рабочих, на их организации и партии». Съезд указал, что профессиональные союзы в этих условиях «должны вести независимую классовую политику, объединяя и подготавливая рабочих к борьбе за улучшение материального положения и за отстаивание завоеваний Октябрьской революции» [19, с. 260 – 261]. I областная конференция профессиональных союзов Западной Сибири (Томск, 12 – 17 июля 1918 г.) указала, что «на местах перед рабочими стоит громадная задача по восстановлению, укреплению профессионального движения, которое в настоящих условиях должно послужить фундаментом к завоеваниям экономического и правового характера» [19, с. 263].

Правительственная политика по рабочему вопросу подверглась резкой критике на Губернском съезде профессиональных союзов (Томск, 7 – 14 августа 1918 г.), почти 2/3 делегатов которого являлись представителями «крайне левого течения». Съезд призвал рабочих для защиты своих завоеваний сплотиться вокруг своих профессиональных организаций, но предостерег рабочий класс от каких-либо открытых выступлений против существующего правительства, заявив, что «рабочий до известного момента уходит в самого себя, но зорко следит за поползновениями буржуазии на рабочий класс и не допустит никаких посягательств со стороны враждебного лагеря» [19, с. 280].

В защиту рабочих организаций высказались IV общегородская конференция рабочего контроля (Томск, начало августа 1918 г.), съезд делегатов профессионального союза рабочих и служащих постройки Кольчугинской железной дороги (Томск, 14 августа 1918 г.). Делегатский съезд мастеровых и рабочих Томской железной дороги (Томск, 17 – 20 сентября 1918 г.) признал все распоряжения правительства, Министерства путей сообщения и начальника железной дороги, касающиеся профессионального союза, явным покушением на его права и заявил, что рабочие сами решат, какой им нужен профсоюз [2, с. 353].

К осени усилилось наступление властей на права рабочих. Росла эксплуатация, запрещалось проведение профсоюзных собраний, стачки подавлялись карателями. В таких условиях 6 октября 1918 г. начал свою работу I Всесибирский съезд профсоюзов. 140 делегатов представляли 160 тыс. рабочих и служащих. Накануне открытия съезда губернский комиссар А. Н. Гаттенбергер категорически запретил обсуждать политические вопросы. Делегаты работали по секциям. В выступлениях, особенно в докладах с мест, резкой критике была подвергнута политика большевиков в сфере профессионального движения. Делегат Кокосов (от Омска) указывал, что когда «союзы взяли на себя некоторые функции власти, они стали разлагаться» [3, л. 106]. Делегат Яковлев (от Иркутска) отмечал, что «во внепартийные союзы началось внедрение политик; все небольшевистские течения изгонялись из союзов» [3, л. 129]. В то же время говорилось о тяжелом положении, в котором оказалось профессиональное движение после падения Советской власти. На пленарном заседании 14 октября председатель съезда М. М. Рабинович прямо заявил, что «сразу после свержения Советской власти все рабочие организации были признаны отрыжкой большевизма, и начался поход против рабочих со стороны торгово-промышленного класса» [3, л. 141]. В конце дня в зал заседаний были введены военные, делегатам объявили о запрещении дальнейших заседаний в связи с введением в Томске осадного положения.

После роспуска Всесибирского съезда профсоюзов в Томске были проведены Всесибирский съезд рабочих печатного дела (17 – 22 октября 1918 г.) и III делегатский съезд почтово-телеграфных служащих Томского округа (15 – 22 ноября 1918 г.). Эти съезды рассматривали исключительно вопросы профсоюзного строительства, не затрагивая политических тем. Металлистам, грузчикам, чернорабочим, кожевникам, строителям проводить свои съезды власти запретили [14, с. 134]. Ограничения деятельности профессиональных организаций вели к тому, что альтернативой им трудящиеся стали рассматривать экономические организации – больничные кассы, общества потребителей, кооперативы.

Заметно по сравнению с предыдущими периодами сократилась активность служащих. Из 41 профессионального съезда, проведенного в Томской губернии с июня по ноябрь 1918 г., ими было проведено 13 съездов, включая 4 съезда учителей и 2 почтово-телеграфных служащих. Политические вопросы в этот период на съездах служащих, как правило, не обсуждались. Так, IV районный почтово-телеграфный съезд служащих Каинского уезда (Каинск, 16 июля 1918 г.) в резолюции о текущем моменте прямо заявил: «Съезд выражает полное доверие Временному Сибирскому правительству и принимает решение о невмешательстве в дела политики» [1, 20 июля].

В целом материалы съездов позволяют сделать вывод о том, что в период «демократической контрреволюции» произошло существенное ограничение прав профессиональных организаций. Они фактически были отстранены от участия в политической жизни края и не могли эффективно защищать социально-экономические интересы своих членов.

Восстановление товарно-денежных отношений и денационализация привели к оживлению деятельности организаций предпринимателей. Уже 10 июня 1918 г. при Томском биржевом комитете состоялось совещание, на котором рассматривался вопрос о денежных средствах изъятых совдепом в виде контрибуции. Совещание постановило выйти в ЗСК с ходатайством о перечислении этих средств на счет Биржевого комитета. Вопросы развития предпринимательства рассмотрело Торгово-промышленное совещание

(Новониколаевск, 25 октября 1918 г.) [16, 27 окт.; 17, 9, 13 июня].

В период июня – ноября 1918 г. удалось выявить только 5 совещаний общественных организаций. Большинство из них было связано с решением каких-либо частных вопросов, не связанных с оценкой текущих политических событий. Лишь совещание по организации отделения Союза возрождения России (Томск, 26 августа 1918 г.) постановило создать Томское отделение союза (Томский союз защиты Родины), включив в программу отдела требования всеобщего и прямого избирательного права, политических свобод, демократического парламента и демократических органов самоуправления [17, 28 авг.].

В первые дни после переворота оживились организации, объединявшие представителей национальных меньшинств. В начале июня в Томске были проведены собрания поляков, украинцев, литовцев, евреев. По мере нарастания проблем на территории, контролируемой Временным Сибирским правительством, представители народов, претендующих на создание своих национальных государств, все больше самоустранялись от участия в решении вопросов русской жизни. Так, собрание латышей Новониколаевска 29 сентября 1918 г. заявило «о невмешательстве латышей в устройство образа правления и экономического уклада жизни в коренной России и ее окраинах» [9, с. 204]. Такую же позицию заняли делегаты Съезда латышских организаций Западной Сибири и Урала (Омск, 7 – 10 октября 1918 г.), I Всесибирского съезда поляков (Новониколаевск, 11 – 21 октября 1918 г.), III Всесибирского сионистского съезда (Томск, 6 декабря 1918 г.). Делегаты этих съездов уже не связывали свою судьбу с Россией и тем более с Сибирью.

Иную позицию занимали организации коренных народов Сибири. Так, конференция депутатов от инородческих волостей, объединенных Кузнецким отделом Горно-Алтайской думы (Улус Осинниковский Кузнецкого у., 14 сентября 1918 г.), постановила послать приветственный адрес Сибирской областной думе, в котором выразила доверие ВСП и заявила о готовности поддерживать его всеми доступными средствами. Конференция указала, что «дума должна принять все меры к скорейшему созыву Учредительного собрания, объявив в ближайшее время о дне созыва его и передать свои полномочия только ему, всенародно и свободно избранному» [10, 2 окт.].

После переворота активизировалось духовенство, которому при Советской власти приходилось испытывать притеснения и гонения. Законоучительный Западно-Сибирский съезд (Новониколаевск, сентябрь 1918 г.) в приветственных телеграммах членам ВСП выразил «надежду, что теперь окончились времена грубого насилия и восстанавливаются порядок и законность» [19, с. 296]. Съезд иерархов сибирских православных епархий (Томск, ноябрь 1918 г.) рекомендовал членам церкви в общественной и политической жизни быть строго беспартийными, в то же время не избегать работы в земстве и общественных учреждениях, не нарушая канонических правил [10, 6, 7 дек.].

Сибирское крестьянство в ходе переворота какой-либо активности не проявило. Оно устало от политики, запуталось в чехарде переворотов, смене властей и лозунгов и не желало более выступать разменной монетой в политических играх. «Деревня теперь, как и всегда, не принимает активного участия в общественной жизни государства. Она живет своей жизнью и лишь прислушивается к городу, и говорит она еще нерешительно, видимо, не пришло ее время», – отмечалось в редакционной статье газеты «Заря» 29 июля 1918 г. Нередко агитаторам приходилось слышать от крестьян: «Держитесь себе в городах, а нас не трогайте. Мы будем слушаться того, кто возьмем верх» [12, 5 авг.]. На октябрьской сессии губернского земского собрания гласный от Мариинского уезда крестьянин Ермаков заявил, что крестьяне «хотят, чтобы не было у нас политики, так как политика – это наша погибель» [11, 29 окт.].

Попытки социалистов «расшевелить» крестьян имели лишь частичный успех. Под руководством эсеров прошли III Томский губернский крестьянский съезд (26 – 30 июля 1918 г.), I Новониколаевская крестьянская конференция (24 – 27 августа 1918 г.), V Каинский уездный крестьянский съезд (11 сентября 1918 г.), совещание представителей крестьян Томского уезда (22 – 22 сентября 1918 г.), Мариинский уездный крестьянский съезд (5 – 6 октября 1918 г.). В большинстве случаев делегаты поддерживали эсеровские резолюции о земле, автономии Сибири, местном самоуправлении, однако поддержка эсеров не всегда была безоговорочной. Так, делегаты губернского съезда отказались выносить решение по вопросу об организации армии, ссылаясь на необходимость его обсуждения на местах [19, с. 273].

Эсеры после запрета деятельности советов попытались воссоздать подконтрольные им крестьянские организации. V Каинский уездный крестьянский съезд постановил организовать уездный профессиональный союз крестьян и обязал всех делегатов с мест организовать волостные и сельские отделения этого союза. За объединение трудового крестьянства высказались в конце сентября 1918 г. съезды крестьян Мало-Песчанской и Тяжино-Вершинской волостей и Мариинский уездный крестьянский съезд [4, л. 195; 6, 18 окт.; 19, с. 294 – 295].

Однако работа по созданию крестьянских союзов не принесла каких-либо ощутимых результатов. Одной из причин этого стала политическая пассивность, индифферентность крестьян, другой – политика властей, опасавшихся консолидации крестьянства. После того как совещание представителей крестьян Томского уезда позволило себе критические замечания в адрес Сибирского правительства, губернский комиссар не разрешил проведение уездного крестьянского съезда. В Мариинске начальник гарнизона запретил делегатам уездного крестьянского съезда обсуждать политические вопросы [6, 9 окт.].

Крестьянские съезды перестали играть ту роль в жизни крестьянства, которую играли ранее. Некто, подписавшийся «П. Д-ин», в корреспонденции о I Новониколаевской крестьянской конференции, опубликованной 1 сентября 1918 г. в газете «Думы Алтая», сообщал: «Съезд проходит довольно вяло. Долгое время крестьяне не могли привыкнуть к мысли, что настоящий съезд не представляет из себя «законодательного органа», а есть только идейное объе-

динение крестьянства. Мужики с недовольством говорили: «Как же это так, мы еще не обсудили вопрос о мобилизации, а уж объявлен призыв…».

Крестьянство все больше замыкалось в себе, не доверяло ни власти, ни партиям. В августе 1918 г. из 10 волостей Томского уезда только в пяти высказались за поддержку Временного сибирского правительства, остальные отнеслись к правительству выжидательно и неопределенно [8, с. 294]. Крестьяне пытались сами решать свои проблемы. Участились случаи захватов крестьянами земли, сенокосных угодий, хищническая вырубка лесов. Процветало тайное винокурение. Крестьянская масса чутко реагировала на малейшие посягательства на ее благополучие и, так же как весной 1918 г., оказывала активное сопротивление большевистским реквизициям, так и осенью 1918 г. она выступила против принудительной мобилизации, взыскания недоимок и все тех же реквизиций.

Кооператоры не только поддержали переворот, но и, как отмечалось на VIII съезд уполномоченных «Закупсбыта» в августе 1918 г., «с самого начала переворота масса работников кооперации в той или иной форме принимала участие в работе Временного сибирского правительства». Съезд принял резолюцию, в которой отметил: «Сибирская кооперация, принявшая самое деятельное участие в создании Сибирской областной думы, считает избранное думой правительство единственно законной властью Сибири, каковому правительству обещает всякую поддержку в его борьбе в согласии с Сибирской областной думой, за утверждение всей полноты своей власти в Сибири впредь до созыва Учредительного собрания» [7, с. 226, 236 – 239].

По мере того, как ужесточался курс правительства и речь уже не шла об углублении демократических преобразований, заявления кооператоров в адрес власти становились все сдержанней, а съезд уполномоченных кооперативного союза «Обской кооператор» в октябре 1918 г. вообще высказался за «аполитизм» кооперации [7, с. 249]. Проходившие в конце осени Съезд представителей издательских отделов кооперативных союзов, входящих в «Закупсбыт», III съезд представителей сибирских обществ взаимного кредитования, IX чрезвычайный съезд уполномоченных «Закупсбыта» сосредоточили свою работу на обсуждении внутренних вопросов кооперативного движения.

В период «демократической контрреволюции» произошел наивысший подъем областнического движения за всю его историю. Пришедший к власти ЗСК напрямую обосновывал свою легитимность связью с Сибирской областной думой. Думские лидеры во многом обеспечили переход власти от ЗСК к ВСП.

Съезды областников, включающие в себя частные совещания членов СОД и ее сессии, составили 17,5 % от всех событий этого периода. Уже 5 июня 1918 г. в Томске состоялось первое частное совещание членов Сибирский областной думы. Депутаты обменялись мнениями о характере работы и о взаимоотношениях членов думы и ЗСК. В течение июня – июля думцы провели еще несколько частных совещаний, на которых обсуждали текущие вопросы, создали ряд комиссий, вели подготовку к открытию думы. На этих совещаниях выяснилось, что между депутатами существуют серьезные разногласия по вопросам отношений с ЗСК и ВСП.

Первое заседание Сибирской областной думы открылось 15 августа 1918 г. На нем присутствовало 137 депутатов, большинство из которых представляли мелкобуржуазные группировки. С подачи преобладавших в думе эсеров там развернулась дискуссия о принципах создания всероссийской власти. Эсерам при поддержке меньшевиков и националистов удалось с существенным перевесом голосов провести свою резолюцию о временной всероссийской власти под руководством ПСР [18, с. 13 – 14].

Дальнейшие попытки думцев изменить состав правительства привели к тому, что в конце сентября ряд думских лидеров были арестованы военными властями. Однако формально Сибирская областная дума еще продолжала существовать. ВСП использовало СОД в качестве своеобразного демократического прикрытия и, как отмечал М. В. Шиловский, как важный козырь в переговорах с Комучем, а после образования Директории – в ее борьбе за признание в качестве всероссийской власти с интервентами и рядом контрреволюционных организаций, находившихся на Дальнем Востоке [21, с. 257].

В течение октября ряд депутатов СОД еще пытались вернуть утраченные позиции, играя на противоречиях между ВСП и Директорией. Но их потуги оказались напрасными. Под угрозой разгона думы большинство депутатов (в том числе и из левых фракций) согласилось на ее самороспуск. После этого 10 ноября 1918 г. в соответствии с указом ВСП Сибирская областная дума собралась на свое последнее заседание. 66 голосами при 12 воздержавшихся и одном против дума приняла решение о самороспуске. По сути, борьба между думой и ВСП была борьбой за выбор дальнейшего пути развития между умеренными социалистами и военно-промышленными кругами. Прямым последствием разгона думы стало установление военной диктатуры.

Летом – осенью 1918 г. Томск играл роль одного из крупнейших политических центров на востоке страны. На территории губернии началось мощное выступление против Советской власти, здесь стала формироваться Сибирская армия, отсюда развернулось наступление против большевистского режима, в результате чего существенно расширились масштабы Гражданской войны. Несколько дней Томск даже являлся столицей «белой Сибири», а после переезда Западно-Сибирского комиссариата в Новониколаевск, а затем в Омск, до ноября 1918 г. оставался центром сибирской законодательной власти. В этот период политическая элита губернии активно участвовала в формировании всесибирской власти и оказывала заметное влияние на курс правительства. В условиях разрастания масштабов войны и вооруженной эскалации Томск оставался последним оплотом сибирской демократии.

Литература

1. Барабинская степь (Каинск). 1918.
2. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917 – 1919 гг.): Сб. док. матер. Томск: Зап.-Сиб. изд-во, 1957.
3. ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17 а.
4. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 23.
5. Дробченко В. А. Профессиональное движение в Томской губернии в июне – ноябре 1918 гг. // Вестник Том. ун-та. 2008. № 314.
6. Звено (Мариинск). 1918.
7. Иванов Б. В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976.
8. История Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. Ч. 1 – 2.
9. Кутилова Л. А., Нам И. В., Наумова Н. И., Сафонов В. А. Национальные меньшинства Томской губернии: Хроника общественной и культурной жизни. 1885 – 1919. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
10. Народная газета (Томск). 1918.
11. Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918.
12. Наша мысль (Томск). 1918.
13. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880 – 1919 гг. Т. 3: Июнь 1918 – декабрь 1919 г. / сост. Н. С. Ларьков, В. А. Дробченко. Томск: изд-во Том. ун-та, 2013.
14. Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. 1917 – 1919 гг. Новосибирск: Сиб. краевой совет профессиональных союзов, 1928.
15. Рабочее знамя (Томск). 1918.
16. Русская речь (Новониколаевск). 1918.
17. Сибирская жизнь (Томск). 1918.
18. Сибирь в период Гражданской войны: учеб. пособие / сост. С. П. Звягин. Кемерово: Обл. ин-т усовершенствования учителей, 1995.
19. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Сост. Э. И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1 – 2.
20. Хроника Новосибирской организации КПСС (1891 – 1987 годы). Новосибирск: Кн. изд-во, 1988.
21. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917 – 1920 г. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.
22. Школа и жизнь Сибири (Томск). 1918. № 4.

Информация об авторах:

Дробченко Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры филологии и истории филиала КемГУ в г. Анжеро-Судженске, vadrobchenko@yandex.ru.

Vladimir A. Drobchenko – Doctor of History, Professor at the Department of History and Philology, Anzhero-Sudzhensk branch of Kemerovo State University.

Черняк Михаил Эдуардович – старший преподаватель кафедры системного менеджмента и экономики предпринимательства экономического факультета Томского государственного университета, museology_77@mail.ru.

Michail E. Chernyak – Senior Lecturer at the Department of System Management and Economics of Entrepreneurship, Faculty of Economics, National Research Tomsk State University.

Черняк Эдуард Исаакович – доктор исторических наук, профессор, директор Института искусств и культуры Томского государственного университета, заведующий кафедрой музеологии, культурного и природного наследия, ed.i.chernyak@gmail.com.

Eduard I. Chernyak – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Arts and Culture, Head of the Department of Museology and Protection of Cultural and Natural Heritage, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 929.52 (47): 325. 2

ЗНАЧИМЫЕ МЕСТА В СЕМЕЙНОЙ ЛЕТОПИСИ ГАРИНЫХ-МИХАЙЛОВСКИХ: РОССИЯ, ЭМИГРАЦИЯ

Е. В. Евпак

SIGNIFICANT PASSAGES IN THE GARIN-MIKHAILOVSKYS FAMILY CHRONICLE: RUSSIA, EMIGRATION

E. V. Evpak

Настоящее исследование обращается к проблеме исторической памяти в контексте семейной летописи Гариных-Михайловских. Всестороннее изучение видных представителей России и русского зарубежья представляет научный интерес для целого ряда гуманитарных наук. Данная статья - это ещё одна попытка прикоснуться к культурному наследию наших выдающихся соотечественников, узнать малоизвестные биографические подробности представителей династии Гариных-Михайловских.

The present study addresses the problem of historical memory in the context of the Garin-Mikhailovskys family chronicle. A comprehensive study of the prominent representatives of Russia and Russian Diaspora is of scientific interest for a number of Humanities. The paper is another attempt to approach the cultural heritage of our outstanding compatriots, to learn the little-known biographical details of the Garin-Mikhailovskys dynasty members.

Ключевые слова: семейная летопись, эмиграция, историческая память, языковая рефлексия.

Keywords: family chronicle, emigration, historical memory, linguistic reflection.

Светлой памяти инженера Н. Г. Михайловского

Историческая память может быть представлена в виде самых разнообразных по своей семантике жанров. Семейная летопись – один из таких жанров. Семейная летопись даёт возможность запечатлеть многие значимые исторические события, открыть неизвестные страницы истории.

Настоящее исследование обращается к проблеме исторической памяти в контексте семейной летописи Гариных-Михайловских. Остановимся на некоторых, как нам кажется, значимых местах в семейной хронике Гариных-Михайловских. Как следует из воспоминаний инженера Н. Г. Михайловского, род Глебовых-Михайловских (А. Н. Глебовой-Михайловской (1897 – 1981)) происходил из старых дворянских семей. О родоначальнике со стороны отца, касожского князя Редеди, погибшего в 1022 г., рассказывалось еще в «Слове о полку Игореве» и «Повести временных лет». Её семья была связана с миром литературы и искусства. Её прадедом был известный художник и вице-президент Академии художеств Ф. П. Толстой.

Эту семейную традицию продолжила её младшая сестра Т. Глебова, ставшая видным живописцем [4, с. 381]. Не явилась исключением и А. Н. Михайловская: она оставила после себя (в Братиславе) более 150 картин на разные сюжеты – исторические монументы о Праге, на Дунае, о природе и т. д. Писательский же талант был дан ей с колыбели ее прабабушкой, писательницей Марией Федоровной, урожденной Толстой (1817 – 1898), и прадедом, писателем П. П. Каменским; а также от бабушки А. П. Барыковой (1839 – 1893) и мамы, которая по сведениям Анны Николаевны, в 1913 г. сама написала роман. Анна Николаевна посещала известную частную гимназию М. Н. Стоюниной (1907 – 1916) и два года историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Здесь, в Санкт-Петербурге, она в 1917 г. вышла замуж за своего двоюродного брата, морского врача П. Д. Козырева. Гражданскую войну до кончины своего мужа она провела в Севастополе и в Ялте. Потом она проживала, примерно год (осень 1919 – зима 1920), у своей тети в Ростове и в усадьбе Глебовых, в Коротневе. В феврале 1921 г. Анна Николаевна покинула свою семью в Санкт-Петербурге и бежала через Прибалтику в Париж.

Таким образом, она оказалась в среде русских эмигрантов на стороне своего второго мужа, юриста-международника Г. Н. Михайловского [6]. Род Михайловских по мужской линии был не менее знаменит. Н. Г. Михайловский (1852 – 1891) – талантливый публицист и беллетрист, автор широко известных произведени: «Детство Тёмы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры», «Счастливый день», «Два мгновенья», «Встреча», «Заяц», «Подростки», «Казнь» и др.

Он был знаком с писателями М. Горьким, А. Куприным, А. Чеховым, В. Короленко, К. Станюковичем, И. Буниным, Е. Чириковым. С 1990-х гг. – соредактор и сотрудник в печатных органах «Начало», «Жизнь», «Вестник жизни», «Самарский вестник», «Русское богатство», «Новое время», «Русская жизнь» в издательстве М. Горького «Знание». Его отец – прямой потомок дворянского рода из Херсонской губернии. Он принимал участие в Венгерской кампании 1848 – 1849 гг. и, отличившись в сражении под Германштадтом, был представлен императору. Николай I зачислил отважного офицера в лейб-гвардии Уланский полк и крестил его первых детей, в том числе будущего писателя.

Н. Г. Михайловский работал над открытием новых путей и рациональным строительством железнодорожных линий в Крыму, в Белоруссии, в Болгарии, на Волге, Кавказе, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, и он считается основателем Новосибирск. Так, в 1891 г. Михайловский был назначен начальником партии по производству изысканий Западно-Сибирской железной дороги. На очень трудном уча-

стке он разработал наиболее выгодный вариант будущей железнодорожной линии. В "Очерках о кругосветном путешествии" (1899 г.), в основу которых легли дневниковые записи, писатель рассказывает, что ему удалось на 160-верстном протяжении реки Оби найти самое узкое место разлива. «У Колывани, – говорится в них, – где первоначально предполагалось провести линию, разрыв реки 12 верст, а здесь 400 сажен. Изменение первоначального проекта – моя заслуга, и я с удовольствием теперь смотрю, что в постройке, намеченная мною линия, не изменена».

Упомянутый проект вместе с Н. Г. Михайловским отстаивал выдающийся учёный, директор Геологического комитета (впоследствии президент Академии наук СССР) Александр Петрович Карпинский, сыгравший большую роль в его реализации: с именами обоих связывается возникновение города на Оби – Новосибирска. [5, с. 27].

История русского зарубежья хранит память об эмигрантском периоде жизни выдающегося дипломата Г. Н. Гарина-Михайловского, сына писателя. Основу летописи его жизни составили мемуары, разыскания биографов семьи, современников, воспоминания главного хранителя семейного архива инженера Н. Г. Михайловского, который до последних дней своей жизни собирал семейный архив, помогал советом и литературой по истории эмиграции, в том числе по летописи своей династии, всем заинтересованным исследователям. Большой интерес в этом контексте представляют воспоминания друзей семьи Гариных-Михайловских, Лосских; работы словацких исследователей Л. Гарбульовой, Л. Тупа, а также наши личные встречи с инженером Н. Г. Михайловским.

Г. Н. Михайловский родился в 1890 г. на Южном Урале в городе горной промышленности Усть-Катаве. Его мать Н. В. Михайловская происходила из дворянской семьи высшей знати В. И. Чарыкова. На дипломатической службе находились его родственники Ю. П. Бахметев и Н. В. Чарыков. Г. Н. Михайловский вырос в Царском Селе и в Санкт-Петербурге. Семье принадлежали поместья в Самаре, на Кавказе и в Крыму. Георгий Николаевич посещал Тенешевское училище для детей либерального петербургского круга. После окончания юридического факультета Петербургского университета в 1911 г., он учился в аспирантуре по специальности «международное право». Его диссертация посвящена международному морскому праву.

В августе 1914 г. юрист Г. Н. Михайловский поступил на службу в Министерство иностранных дел. Благодаря своим специальным знаниям он быстро сделал карьеру дипломатического работника. Он участвовал в международных переговорах, подготавливал материалы для высших кругов министерства. Как заместитель министра иностранных дел Временного правительства он был членом служебных комиссий. После Октябрьской революции в 1917 г. Георгий Николаевич организовал антибольшевистское сопротивление государственных служащих против наркома Л. Д. Троцкого. Состоял в дипломатическом корпусе Белого Движения у А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. Во время гражданской войны Г. Н. находился в Санкт-Петербурге, летом 1918 г. у своей сестры в Сормово, осенью 1918 г. и летом 1919 г. в Севастополе, в семейном имении. В Екатеринославле (ныне Днепропетровск) он преподавал с конца 1918 г. до мая 1919 г. в университете как ассистент профессора П. П. Гронского. Осенью 1919 г. работал в штабе Белого движения в Таганроге и в Ростове-на-Дону. Там он был избран членом дипломатической делегации, которая 10 декабря 1919 г. отправилась в США для получения помощи Белому движению. Однако в Новороссийске Г. Н. Михайловский заболел сыпным тифом и в делегации не участвовал. Во время отступления Белого движения в марте 1920 г. оказался в Париже.

В 1921 г. Г. Н. Михайловский, «разочарованный обстановкой и отношениями среди русских дипломатов-эмигрантов в Париже, решил подать прошение об отставке и покинуть дипломатическое ведомство, в котором он в должности юрисконсульта проработал с 1914 г.» [1, с. 177]. В начале 1921 г., спасаясь бегством, к нему прибыла его невеста А. Н. Козырева, урождённая Глебова, с которой он был знаком со времен дореволюционного Петербурга. Осенью 1921 г. они переселились в Чехословакию и обвенчались. Спустя год у них родился единственный сын, которого они назвали вначале Святославом. Но по инициативе крестного отца, писателя Е. Н. Чирикова, при крещении получил имя Николай, в честь дедушки Гарина-Михайловского. Семья Михайловских жила в Русском профессорском доме, где проживали Н. О. Лосский, Д. Н. Вергун, В. И. Вернадский, А. Л. Бем и др.

В годы экономического кризиса и безработицы Михайловские переселялись в маленькие русские центры недалеко Праги: Радошовице, Ричаны и Вшеноры. Г. Н. Михайловский получал минимальное пособие по безработице, которого было слишком мало для содержания семьи. Семья жила долгое время раздельно. Анна Николаевна проживала с Рождества 1931 г. до марта 1933 г. во Франции, а сын – в интернате русской гимназии в г. Моравска Тршебова и в Праге (1932 – 1937). В Праге Г. Н. Михайловский стал профессором Русского юридического факультета. Он читал лекции по международному праву и по истории международных отношений; подрабатывал переводами произведений своего отца, публиковал собственные литературные произведения, публицистические статьи, писал монографическое исследование «История международных отношений».

В 1932 г. в надежде на вакансию профессора в университете им. Я. А. Коменского в Братиславе Михайловские переезжают в Словакию. Однако до 1939 г. он оставался безработным. Единственным заработком была субсидия чехословацкого правительства, которую Г. Н. Михайловский продолжал получать и в Словакии, а также гонорары от его публикаций на международные темы, о политике Германии в Европе в 1930-е гг.; о внешней политики СССР, о русской культуре и истории [1, с. 183 – 184]. После основания Словацкой республики и высылки чешской интеллигенции в Словацком министерстве иностранных дел освободились служебные места. Опытный дипломат Г. Н. Михайловский работал здесь с августа 1939 г. до апреля 1945 г. юристом в отделе культуры

и печати политической секции и переводил дипломатические документы.

После освобождения Красной армией Братиславы 17 апреля 1945 г. Г. Н. Михайловский был арестован военной контрразведкой 2-го Украинского фронта «СМЕРШ» и доставлен в тюрьму во Львове. С 21 апреля по 1 июня 1945 г. его ежедневно более 12 часов допрашивали. 12 ноября 1945 г. Особым совещанием НКВД СССР юрист русского Министерства иностранных дел (1914 – 1920) был осужден на 10 лет лишения свободы за участие в гражданской войне на стороне Белой гвардии и за критику политики Советского Союза. Он умер в 1946 г. в исправительно-трудовом лагере в Воркуте. Об этом его семья в Братиславе узнала лишь в 1960-х гг. По инициативе его сына, инженера Николая Георгиевича, Г. Н. Михайловский был реабилитирован постановлением прокуратуры Российской Федерации от 21 января 1997 г. (см. Отечественные архивы. 1997. № 5) [6].

31 января 2012 г. в возрасте 89 лет ушёл из жизни инженер Н. Г. Михайловский (сын Г. Н. Михайловского). Уроженец г. Праги Михайловский-младший сохранил семейные династические ценности – образованность, интеллигентность, а главное – любовь и преданность России. Первые уроки словесности он получил в семье литературоведа А. Л. Бема. До 1937 г. он посещал русскую гимназию в г. Моравска-Тршебова и в Праге. В Братиславе, в словацкой реальной гимназии, он сдал экзамен на аттестат зрелости в 1941 г. В 1949 г. закончил химический факультет Высшей Технической школы. В 1946 г. инженер Михайловский получил чехословацкое гражданство. До 1953 г. работал в НИИ пищевой промышленности, а до увольнения на пенсию, в институте экспериментальной эндокринологии Словацкой академии наук. В 1960 г. он получил учёную степень кандидата наук. В последние годы жизни Н. Г. Михайловский жил воспоминаниями о своей семье: писал летопись династии Гариных-Михайловских, выступал в СМИ, на русских вечерах в Русском доме в Братиславе, на конференциях соотечественников.

Потомок русских эмигрантов Н. Г. Михайловский с особым душевным трепетом говорил о главных ценностях русского зарубежья – о русской религиозности, классической литературе, русском языке. В одном из своих писем к автору статьи Н. Г. Михайловский писал: «История русского языка очень сложная. В связи с этим Лодыженский (двоюродный брат А. Н. Глебовой) приводит, что св. Стефан зырянам буквы составил из черточек – зарубки, а у меня интересная статья Архиепископа Нафанаила с названием «Место Карпат в русской географии и истории», где он доказывает, что Карпаты являются колыбелью русского племени. При этом характерной чертой Карпат является могучее дерево – бук. Его восточная граница совпадает с границей бывшей Российской империи и нигде в исконной России бук больше не встречается. Но память о нем сохранилась в таких словах, как: буква, букварь, азбука! Это всё потому, что древне-славянские письмена писались на коре бука и назывались «буками», «буквами». Далее это название букв было перенесено и на славянский язык церковных книг. Прежде всего, уже древнерусский язык очень сложный и там много ребусов. У меня есть «Хрестоматия древнерусской литературы», которую советую Вам раздобыть» [3, Письмо из Братиславы от 14 января 2009 г.].

«Ваши статьи одни из первых Новой – Постсоветской России, с хвалебным отзывом о Русской белой эмиграции, сохранившей и свой язык, нравы, способы жизни и главным образом Веру и Православие. Посещение Церкви всех русских сильно объединяло и сыграло главную роль при сохранении руссизма. Очень хочется узнать были ли Ваши статьи опубликованы и где, т. к. я собираюсь их с компьютера перенести Др. Анастасии Васильевне Копршивовой в Прагу, которая издала уже несколько книг и много статьей об очаге Русских эмигрантов и их деятельности в Праге с 1921 до 1945 гг. Надеюсь, что Ваше сообщение о нашей семье и семье Андрусовых её заинтересует. Тоже ценна Ваша оценка корреспонденции В. Лодыженского, двоюродного брата моей мамы, с ней об старой и новой русской орфографии. Вы пишете, что новую орфографию разрабатывала Академия наук много лет до революции, но советское правительство её обнародовало сразу в 1918 г. При этом надо уточнить, что в новой орфографии были изъяты письмена: «ять», твёрдый знак, двойное латинское «i» и кроме этого было введено во всей литературе писание имени «бог» с маленькой буквой, которое, при чтении класической и современной литературы, издаваемой в СССР, всегда возмущало мою маму и вызывало сильное негодование, а я считаю это даже кощунством. В эмигрантской литературе конечно слово «Бог» пишется с большой буквой» [3, Письмо из Братиславы от 9 января 2012 г.]. Составляя семейную летопись, Н. Г. Михайловский делился воспоминаниями о людях, которые были близки его семье, русской эмиграции.

Вызывает исследовательский интерес письмо Н. Г. Михайловского, в котором он рассказывает о своём пребывании в семье доктора Цтибора Бездека: «Сначала несколько слов, как я попал в эту чудную семью Бездеков. Я родился в 1922 году в Праге, где мой отец тогда был профессором Русского Юридического факультета и мы жили в «Профессорском доме», в Праге-Бубенче. Но пражский климат на меня действовал плохо, часто я болел неясной лёгочной болезнью и основную школу не посещал. Кроме этого в 1927 году Русский факультет закрыли, мой отец стал на долгие годы безработным и мы покинули рай «Профессорского дома». В 1931 году я снова заболел и моя мама, по совету доктора, отвезла меня в июле на лечение в Словакию, в горный курорт Железно (Železnô), в детский одномесячный лагерь. Заведующим тура был врач, как раз доктор Цтибор Бездек. Когда срок лечения кончился, все разъехались, а я, как безпризорный, остался на руках др. Бездека и он взял меня с собой в Ружомберк, где у него была большая, одноэтажная вилла и ординация. Кроме доктора, там тогда жили: его русская жена – Варвара Дмитриевна, её сестра – Елизавета Дмитриевна и две дочери, студентки вуза – Таня и Вера. Еще по воскресеньям приходил к нам жених Тани, инж. Н. А. Денисенко. Я был принят сразу как близкий родственник, но вся семья была вегетарианская и мне исклю-

чений не делали. В Ружомберке мы жили еще два месяца. Но потом семья решила переехать в Прагу и меня взяла с собой. В Праге – Дейвицах у Бездеков снова была вилла и я жил у них по-прежнему на вегетарианской пище. Но об этом узнала из недалекого «Профессорского дома» Антонина Иосифовна, жена проф. А. Л. Бема, и устроила, что по воскресеньям я стал ходить к ним на обыкновенные мясные обеды. А когда она заметила, что я не умею ни читать, ни писать, я стал к ним ходить каждое утро на уроки русского языка и она меня подготовила к поступлению в Русскую гимназию в Моравской Тршебове. И так я, 9-ти летний, прожил у Бездеков три четверти года. Но подробно всю историю о жизни и деятельности этой интересной семьи, я узнал лишь недавно от внука доктора, Алексея Николаевича Бездека, хранителя архива и издателя произведений дедушки – за что ему искренне благодарен! Бездек был активным общест-венным деятелем, пропагандистом вегетарианства, абстиненства и эубиотики, т. е. правильного и здорового режима. В Ружомберке их навещали старые зна-комые, почитатели Л. Н. Толсто-го: доктор Душан Маковицкий (личный врач писа-теля), доктор А. Шков-ран, В. Ф. Булгаков (секретарь Толстого) и др.

Дом Бездеков служил приютом беспризорных детей от Красного креста и они так у себя в Ружомберке, кроме своих двух дочерей, всего воспитали и поставили на ноги 42 русских детей (напр. Анну Палудову-Бугарову, я был последним)... Ц. Бездек – основатель совершенно нового медицинского направления, под названием экотерапия (лечение нравственностью). Он является автором книги „Etikotherapie – Záhada nemoci a smrti – Léčení mravností – Brno, 1931. В книге объясняется существенная роль нравственности (этики) при лечении болезней и причин их возникновении. Причину болезни Цт. Бездек ищет в духовной жизни больного и становится врачом-священником. К этикотерапии очень подходит лозунг «Доктор лечит, а Бог исцеляет!»

«Первый том этикотерапии пользуется большим успехом и был переиздан уже 5 раз. Даже президент Т. Г. Масарик проявил интерес и пригласил Бездеков в Ланы в 1931 г. Об этом посещении Бездек написал интересную статью после смерти президента. Эта книга была переведена на немецкий язык и издана в Цюрихе в 1935 г. Но в период социализма книги Бездека не издавались. Второй том „ETIKOTERAPIE II. – Léčení duše a těla“ был издан только после его смерти в 2000 г., а книга «Об основе зла и борьбе со злом» (200 с.), которую он закончил в 1939 г. и посвятил проф. Н. О. Лосскому, еще ждет издания» (*все тексты писем Н. Г. Михайловского приводятся в авторской редакции – Е. Е.*) [2].

В статье мы попытались рассказать о судьбе нескольких поколений Глебовых и Гариных-Михайловских. Значимые места в их семейной летописи – это ещё одна находка для целого ряда историков, а также учёных других специальностей, интересующихся культурным наследием наших великих соотечественников.

Литература

1. Гарбульова Л. Жизнь русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского в Словакии // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. II. М.: Наука, 2008. С. 177 – 189.

2. Добушева М. Семья Бездек – три светлых поколения с верой // Русское слово. 2011. № 3. С. 22 – 25.

3. Евпак Е. В. Русское зарубежье в филологическом освещении: уч. пособие. Кемерово: КемГУ, 2013. 92 с.

4. Талалай М. Г. «Русская Братислава». Анна Николаевна Глебова-Михайловская. Стихи // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. I. М.: Наука, 2005. С. 381 – 388.

5. Юдина И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский. Жизнь и литературно-общественная деятельность. Л: Наука. Ленинградское отделение, 1969.

6. Lenka Tupá. Russische Literatur und Geisteswissenschaft in Bratislava (1920 – 1939). Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades der Philosophie aus der Studienrichtung Russisch eingereicht an der Universität Wien, 2006.

Информация об авторе:

Евпак Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ, jevpak.72@mail.ru.

Evgeny V. Evpak – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 343.812”1918/1919”

НАЧАЛЬНИКИ ТЮРЕМ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1918 – 1919 гг.

С. П. Звягин

THE CHIEFS OF PRISONS IN EASTERN SIBERIA IN 1918 – 1919

S. P. Zvyagin

Функционированию тюрем антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны (1918 – 1922 гг.) посвящено значительное количество публикаций. Советская историография содержит немалое количество работ, освещающих жестоких режим содержания. Однако еще недостаточно исследований повседневной работе тюрем. Мало известно о нормативной базе, структуре, подчиненности, руководителях и персонале этих учреждений. Данная публикация призвана дать представление о начальниках тюрем в Восточной Сибири.

The functioning of anti-Bolshevik governments’ prisons in the years of the Civil War (1918 – 1922) was addressed in a number of research papers. Soviet historiography contains a considerable number of works, covering the brutal detention regime. However, there are not enough studies of the everyday work of prisons. Little is known about the regulatory framework, structure, subordination, management and staff of these institutions. This publication is intended to give an idea of the chiefs of prisons in Eastern Siberia.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточная Сибирь, тюрьма, начальник, режим содержания.

Keywords: Civil war, Eastern Siberia, prison, warden, custody.

Истории Сибири в годы Гражданской войны (1918 – 1922 гг.) посвящено большое количество научных работ. В них освещены многие стороны жизни региона в тот период. Гражданской войне в Восточной Сибири посвящена монографии иркутского историка П. А. Новикова [10]. В своем исследовании проблем красного и белого террора в условиях Гражданской войны казанский историк А. Л. Литвин обошел тему режима содержания в тюрьмах антибольшевистских режимов [9, с. 139 – 224].

Однако до сих пор нет труда о функционировании тюрем. Советские авторы чаще всего списали о жестоком режиме содержания. Пришло время исследовать эту тему, в том числе в отношении антибольшевистских правительств, которые сохранили нормативную базу и структуру тюремного ведомства.

На правительственном уровне вопросами изоляции от общества опасных элементов занималось министерство юстиции последовательно Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств. В его составе находилось Главное управление мест заключения (ГУМЗ). В губерниях и областях тюрьмы имели двойное подчинение – их управляющим и губернскому (областному) тюремному инспектору.

В основном омским властям удалось сохранить прежние кадры. Показательным примером в этом отношении является Петр Карлович Гран (18 ноября 1869, Российская империя – Бухарест, Румыния?, 1941). Выпускник Императорского училища правоведения в Санкт-Петербурге в 1908 – 1913 гг. последовательно служил Иркутским и Томским губернатором. В 1913 – 1917 гг. он был начальником ГУМЗ министерства юстиции Российской империи [12, с. 228 – 229]. Таким образом, тюремное ведомство в Омске даже в условиях Гражданской войны возглавлял профессионал высокого класса.

Однако ключевой фигурой в пенитенциарной системе, по нашему мнению, являлся начальник тюрьмы. Один из теоретиков пенитенциарной реформы в Российской империи профессор права И. Я. Фойвицкий (29 августа 1847, Гомель, Российская империя – 19 сентября 1913, Санкт-Петербург, Российская империя) отметил, что «вопрос о лицах, руководящих тюремной деятельностью, есть коренной вопрос тюремной реформы» [Цит. по: 6, с. 62].

Должностные обязанности тюремного смотрителя (*так тогда назывался начальник тюрьмы – С. З.*) были определены «Общей тюремной инструкцией» 1912 г. В документе говорилось: «Он руководит всеми действиями тюремной администрации и стражи вверенного ему тюремного учреждения…». В его обязанности входил контроль за соблюдением правил тюремного распорядка, он отвечал за прием и распределение арестантов по камерам, их «окарауливанием» и содержанием.

По существу инструкция наделяла его правами полного хозяина и распорядителя жизни тюремного заведения. Составители инструкции подчеркивали, что персонал учреждения «во всем «подчиняется тюремному смотрителю». На нем лежали прием арестантов, соблюдение сроков освобождения, организация охранной службы.

Хозяйственные обязанности касались весьма широкого круга вопросов связанных с обеспечением жизни тюремного персонала и осужденных. Они включали в себя ремонт тюремных зданий и помещений, их освещение и отопление, организация питания и медицинского обслуживания.

Начальник пенитенциарного учреждения нес персональную ответственность за правильное расходование бюджетных ассигнований. Наконец, на него были возложены и воспитательные функции. Они распространялись, с одной стороны, как на персонал тюрьмы в плане соблюдения им правил и норм несения службы, поведения и взаимоотношения с осужденными. С другой стороны речь шла и о воспитательной работе с арестантами [11, с. 6 – 8].

Постепенно сложилась практика назначения руководителей тюремных учреждений. Начальники тю-

рем, расположенных в губернских и областных центрах, назначались приказами по министерству юстиции. Так приказом министра юстиции от 29 апреля 1919 г. исполняющим обязанности начальника Иркутской губернской тюрьмы был назначен начальник Владивостокской тюрьмы Н. К. Никитин [7, 11 мая]. Начальники уездных тюрем назначались приказами управляющих губерниями (областями) [4, л. 28].

Некоторое представление о профессиональной подготовке и опыте начальников тюрем на территории Сибири может дать стаж их службы в тюремном ведомстве. По состоянию на ноябрь 1918 г. – январь 1919 г. из 53 руководителей 5 человек имели стаж свыше 20 лет, 20 человек от 10 до 20, 11 от 5 до 10, 17 от 1 до 5 лет. В тоже время 10 (18,8 %) начальников тюрем служили в этой системе первый год. Таким образом, тюрьмами руководили люди с многолетним стажем.

С этими данными вполне корреспондируются и сведения о прохождении службы и полученных чинах. Так, чин коллежского советника (*6-й класс по «Табели о рангах», учрежденной императором Петром I – С. 3.*) имел 1 человек, надворного советника (7-й класс) 5 человек, коллежского асессора (8-й класс) 4 человека, титулярного советника (9-й класс) 4 человека, коллежского секретаря (10-й класс) 10 человек, губернского секретаря (12-й класс) 10 человек, прапорщика (13-й класс) и коллежского регистратора (14-й класс) по 5 человек. Кроме этого, было 8 начальников тюрем, не имевших чина. Отсутствовали соответствующие данные на трех человек [3, л. 6 – 306].

Для анализа работы тюремного ведомства антибольшевистских правительств на территории Восточной Сибири по подбору и расстановке кадров может оказаться показательной судьба Ю. А. Фейфера. Из его послужного списка, составленного 8 октября 1918 г., можно узнать следующее. Коллежский секретарь Юлий Августович Фейфер родился 2 февраля 1876 г. Он происходил из крестьян и был евангелическо-аугсбургского вероисповедания.

Ю. А. Фейфер выдержал испытание в испытательном комитете при управлении Петроградского учебного округа на право производства в первый классный чин. С 30 ноября 1907 г. он состоял на воинской, затем на полицейской службах. Среди прочего, он был приставом 6-го участка в Вильно. 13 сентября 1916 г. «по прошению» получил назначение исполняющим обязанности начальника Ревельской срочной тюрьмы. К 8 октября 1918 г. он был награжден орденами Св. Станислава III-й и Св. Анны III-й степеней, медалями Российского общества Красного Креста, «В память участия в русско-японской войне» и за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. для ношения на груди на ленте ордена Белого орла. Его жалование в год составляло тогда 6300 руб.

Летом 1918 г. он был в Сибири. Приказом Енисейского губернского комиссара от 3 июля 1918 г. он был назначен начальником Минусинского уездной тюрьмы [2, л. 1].

Уже 6 октября 1918 г. он – исполняющий обязанности начальника Красноярской губернской тюрьмы [1, 11 нояб.]. 12 октября 1918 г. Енисейский губернский комиссариат и тюремное отделение министерства юстиции обратились с просьбой к министру юстиции утвердить Ю. А. Фейфера начальником названной тюрьмы. В обращении были такие характеристики кандидата: «ввиду продолжительного служебного стажа», «он опытный и обладающий тактом, вполне соответствует должности начальника губернской тюрьмы».

30 октября 1918 г. исполнявший обязанности Енисейского губернского комиссара П. С. Доценко [13] телеграфно обратился в министерство юстиции. Он сообщал: «Известный лично Фейфер, проявивший твердую власть особую энергию, является единственно соответственным должности начальника Красноярской тюрьмы. Случай замены его другим лицом нельзя ручаться за установленный прядок. Почему усиленно ходатайствую о назначении Фейфера».

Свое мнение высказал Енисейский губернский тюремный инспектор Садовский. Он писал в тюремного отделение министерства юстиции: «по свержении советской власти Фейфер был назначен начальником Минусинской тюрьмы и, несмотря на ту полную разруху, до которой была доведена совдепоской властью эта тюрьма, Фейфер, проявив особую энергию и трудоспособность в самое короткое время привел тюрьму в должный порядок, причем, зарекомендовав себя честным исполнителем служебного долга и проявив твердую власть, он сумел так руководить тюрьмой, переполненной весьма важными преступниками из совдеповских деятелей заключенными, что заслужил весьма лестную оценку своей деятельности, как со стороны прокурорского надзора, так и военного начальства».

Вскоре в Омск была послана еще одна телеграмма. В ней говорилось: «.. чрезвычайная разруха Красноярской тюрьмы, бывший начальник которой Винтер своими несоответствующими в настоящее время мерами управления тюрьмой, внес еще больше расстройства, заставили губернского комиссара назначить Фейфера начальником Красноярской тюрьмы, тем более, что по условиям переживаемого момента и за неимением между помощниками начальника тюрьмы подходящего для заведывания тюрьмой лица требовалось немедленно замещения должности начальника тюрьмы…

Фейфер энергичными и весьма тактичными действиями своими предупреждает как разного рода эксцессы в самой тюрьме, так и делаемым со стороны попытки к освобождению заключенных и к внесению в тюрьму дезорганизации и вместе с тем, благодаря своей трудоспособности, уделяет время для приведения в порядок хозяйственного положения тюрьмы и организации для нужд армии арестанских работ». Ходатайство подписали Енисейский губернский комиссар, исполняющий обязанности прокурора Красноярского окружного суда Василевский, начальник местного штаба генерал-майор [А. И.] Камберг [8, с. 233].

На должность начальника красноярской губернской тюрьмы оказался еще один кандидат – Серков. По его поводу высказался Красноярский губернский тюремный инспектор Садовский. 27 ноября 1918 г. он писал в тюремное отделение министерства юстиции о

том, что Серков тоже не был известен никому. Однако «он – сообщал инспектор, – поставил себя со случаем пользования для своих нужд казенных лошадей в невыгодное по сравнению с Фейфером, относящемуся весьма осторожно к казенным интересам, положение».

Вскоре после своего назначения начальником Красноярской губернской тюрьмы, 11 января 1919 г. Ю. А. Фейфер был арестован. 15 января 1919 г. товарищ министра юстиции А. П. Морозов затребовал от начальника гарнизона Красноярска и коменданта города назвать причины ареста Ю. А. Фейфера.

Уже 16 января 1919 г. А. П. Морозов получил ответ от начальника военного района Малыхина. По его сведениям, военный контроль имеет против него обвинение. Ю. А. Фейфер был передан в главный военный контроль штаба армии.

Между тем начальником Красноярской губернской тюрьмы стал другой человек. 20 января 1919 г. прокурор Красноярского окружного суда Д. Е. Лаппо, управляющий Енисейский губернией П. С. Троицкий, начальник Красноярского военного района направили телеграмму военному министру. Они извещали его о том, что вопреки их мнению без указания причин арестован Ю. А. Фейфер. Начальником тюрьмы назначен чешский унтер-офицер. Это, по мнению авторов телеграммы, будет иметь серьезные осложнения и надо это прекратить.

5 февраля 1919 г. Енисейский губернский тюремный инспектор Садовский сообщил министру юстиции С. С. Старынкевичу, что 27 января 1919 г. Ю. А. Фейфер освобожден. Однако к службе он не допущен, ибо расследование его дела не окончено.

Выручая способного чиновника, управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий 10 февраля 1919 г. назначил Ю. А. Фейфера секретарем при Красноярском губернском тюремном инспекторе.

Видимо Юрий Августович не расставался с надеждой вернуться на службу в тюремное ведомство. Сохранился ответ товарища министра юстиции А. П. Морозов на имя управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого от 21 февраля 1919 г. В нем говорилось, что вакансий на должность начальников тюрем нет [5, л. 39].

Все вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы. Антибольшевистские правительства в условиях Гражданской войны сохранили структуру тюремного ведомство, принципы назначения руководителей мест заключения, саму сеть тюрем. В основном, как показал анализ, остались прежними начальники тюрем, что обеспечило их достаточно высокий профессиональный уровень. Изучение функционирования мест заключения на территории Восточной Сибири (Енисейская и Иркутская губернии) дает основание заявить о постоянном желании военного ведомства и офицеров на местах вмешиваться в деятельность администрации тюрем, что безусловно являлось нарушением правил функционирования мест заключения и подчинения его другому ведомству – министерству юстиции.

Литература

1. Голос народа (Красноярск). 1918.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 884. Оп. 1. Д. 31.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 827. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 1. Д. 185.
5. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 1. Д. 199.
6. Дамешек Л. М. Организация охраны каторжан и кадровый состав тюремной администрации Восточной Сибири // Проблемы истории государственного управления и местного управления Сибири XVI – XX веков: материалы VII-й Всерос. научной конференции. Новосибирск, 6 – 8 июня 2011 г. / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Нонпарель, 1998.
7. Иркутские губернские ведомости (Иркутск). 1919.
8. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшков В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: биограф. справочник. М.: Кучково поле, Ассоциация «Военная книга», 2011.
9. Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918 – 1922 гг. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004.
10. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005.
11. Общая тюремная инструкция. СПб.: Министерство юстиции Российской империи, 1912.
12. Сергиенко В. А. П. К. Гран: страницы биографии // История белой Сибири: сб. науч. тр. / ред. С. П. Звягин. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2011. С. 228 – 229.
13. Dotsenko P. The struggle for a Democracy in Siberia, 1917 – 1920: Eyewiness account of Contemporary. Stanford, 1983.

Информация об авторе:

Звягин Сергей Павлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, whitesiberia@narod.ru.

Sergey P. Zvyagin – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Contemorary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 94(47).084.3

«ИСХОД» ИЗ РОССИИ: ПЕРВАЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ

А. А. Зеленин, М. Г. Леухова

THE «EXODUS» FROM RUSSIA: THE FIRST WAVE OF EMIGRATION

A. A. Zelenin, M. G. Leukhova

В статье содержится анализ эмиграции из России, которая была вызвана революциями 1917 г. и Гражданской войной (1918 – 1922 гг.). Авторы собрали и обобщили данные не только об общем числе выехавших, в статье есть сведения о странах расселения, социальном составе эмигрантов, причинах отъезда. Авторы выявили, что почти в это же время началась и реэмиграция. На Родину вернулись многие представители культуры, науки, простые россияне. Авторы сумели проследить их судьбу. Проанализирована роль Русской православной церкви. Изучена многообразная деятельность по оказанию эмигрантами помощи во время постигшего Россию голода. В статье выявлена деятельность советских специальных служб против видных представителей военной эмиграции и их организаций.

The paper contains an analysis of emigration from Russia, which was caused by the revolutions of 1917 and the Civil War (1918-1922). The authors have collected and compiled the data not only on the total number of departures; the paper provides information about the countries of settlement, the social composition of immigrants, the reasons for their departure. The authors found that remigration began nearly at the same time as well. Many representatives of culture, science, ordinary Russians returned home. The authors were able to trace their fate. The role of the Russian Orthodox Church is analyzed. Diverse activities assisting the provision of emigrants during the hunger in Russia are studied. The paper reveals the activities of the Soviet special services against prominent representatives of the military emigration and their organizations.

Ключевые слова: Гражданская война, репрессии, эмиграция, страны расселения, Русская православная церковь, жизнь в изгнании, голод, реэмиграция, спецслужбы.

Keywords: Civil war, repression, emigration, countries of settlement, the Russian Orthodox Church, life in exile, hunger, remigration, security services.

Гражданская война явилась закономерным результатом событий, происходивших в России в начале XX в., апогеем национального, социального, политического раскола общества. Были ли победители в «братоубийственной войне»? Формально – большевистская диктатура. Как всегда, больше других проиграл народ. Одним из последствий гражданской войны стала эмиграция из страны части российских граждан, получившая название «белая эмиграция». Выехавшие из России в первые послереволюционные годы представляют собой особое явление в эмиграционном процессе. Первая волна эмиграции никогда не была едина. Люди оказались за границей по-разному. Во-первых, были те, кто выехал по своему желанию, в частности из-за отрицательного отношения к новой власти. Во-вторых, Родину «покинули» те, кто жил на той территории, которая в одночасье оказалась заграницей. Так за пределами России оказались И. Е. Репин и Л. Н. Андреев, чьи имения находились на Карельском перешейке, отошедшем к Финляндии. И. Северянин оказался в независимой Эстонии.

Судьбы уехавших сложились по-разному. Часть из них даже вернулась на Родину (А. Н. Толстой, И. Г. Эренбург, А. И. Куприн, многие рядовые чины белых армий).

Оставшиеся за границей внесли огромный вклад в фундамент того явления, которое все чаще называют «Русский мир».

По оперативным сведениям ОГПУ к середине 1920-х гг. распределение эмигрантов из России по странам проживания выглядело следующим образом (в тыс. человек): Франция – 500 (из них в Париже – 160), Германия – до 35, Королевство сербов, хорватов, словенцев – до 30, Болгария – 15, Польша – до 30, Южная Америка – 15, Турция – до 3, Румыния – 10, Греция – 10, Австрия – 1, Венгрия – 5, Чехословакия – 10, Вольный город Данциг – от 2 – до 3, Бельгия – 10, все английские колонии – 50, Эстония, Латвия, Литва – 50, Сирия, Палестина – 5, Финляндия – 5, Персия – 5, Италия – 5, Китай – 50, Канада – 50, США – 30, Австралия – 2, Филиппины и другие острова – 50 [8, с. 41].

В сентябре 1926 г. Лига Наций опубликовала сведения о том, что после Октября 1917 г. нашу страну покинуло около 1 млн человек. Эта цифра по нескольким причинам представляется относительной. Дело в том, что не прекращалась миграция россиян из страны в страну, шла реэмиграция. Миллионы бывших сограждан оказались жителями соседних государств. Поэтому в литературе можно найти цифру от 1,5 – 2 млн человек, покинувших бывшую Российскую империю в 1918 – 1922 гг. [11, с. 49].

Эмиграция первой волны географически была направлена в страны Западной Европы. На некоторое время «перевалочной» базой стал Константинополь, а дальше эмиграционные потоки шли в Белград, Софию, Прагу, Берлин, Париж [5, с. 64].

Свой поток шел из Сибири в Северо-Восточный Китай (главным образом – в Харбин) [2, с. 28].

Вскоре началась и реэмиграция. Уже летом 1920 г. на юг России, который занимала армия П. Н. Врангеля, стали возвращаться военнослужащие деникинских армий, эмигрировавшие на Балканы и в Турцию.

3 ноября 1921 г. ВЦИК издал декрет об амнистии военнослужащих белых армий. Свыше 120 тыс. казаков и солдат вернулись в Советскую Россию. Кроме того, в Россию возвращались покинувшие страну тру-

довые и религиозные эмигранты (*среди них – духоборы и молокане – А. З., М. Л.*) [4, с. 86].

Наличие большой и в известной степени организованной эмиграции представляло определенную опасность для Советской власти. Проблемы эмиграции из России будоражило мировое общественное мнение, рождало иллюзии у зарубежных недругов большевиков, являлось базой для внутренней оппозиции в СССР. Эмигранты понимали это.

В начале 1920-х гг. начался процесс становления и политического самоопределения организаций эмигрантов, появляются первые коалиционные союзы. В 1921 г. по предложению Н. Маркова был создан Высший Монархический Совет. Он имел своих представителей во многих странах мира. Вскоре в противовес ему в 1921 – 1924 гг. было организовано Республиканско-Демократическое объединение российских эмигрантов. Оно собрало в свой широкий круг российских либерал-демократов от кадетов до правых эсеров и народных социалистов во главе с П. Н. Милюковым [10, с. 41].

В целом политическая «раскраска» эмиграции отличалась необычайной пестротой: в центре стояли кадеты, правые были представлены монархистами, левые – эсеры и меньшевики. Но ни одна из этих организаций не представляла собой единого политического течения. Все они строили планы освобождения страны от большевизма, разрабатывали политические программы. Кадеты издавали газеты: «Руль» (редакторы В. Д. Набоков и И. В. Гессен, г. Берлин) и «Последние новости» (редактор П. Н. Милюков, г. Париж) [3, с. 82].

Эсеры печатали «Революционную Россию» под редакцией В. М. Чернова и «Волю России» – редакторы В. В. Сухомлин, В. Л. Лебедев и др. Меньшевики выпускали в Берлине журнал «Социалистический вестник» (Л. Мартов, Ф. Абрамович, Ф. Дан) [1, с. 121].

За деятельностью эмиграции внимательно следили власти Советской России. Вот, что сказал вождь большевиков В. И. Ленин, выступая на III съезде Коминтерна: «Теперь, после того, как мы отразили нападения международной контрреволюции, образовалась заграничная организация русской буржуазии и всех русских контрреволюционных партий... Почти в каждой стране они выпускают ежедневные газеты... имеют многочисленные связи с иностранными буржуазными элементами, т. е. получают достаточно денег, чтобы иметь свою печать; мы можем наблюдать за границей совместную работу всех без исключения наших прежних политических партий... Эти люди делают все возможные попытки, они ловко пользуются каждым случаем, чтобы в той или иной форме напасть на Советскую Россию и раздробить её. Было бы весьма поучительно... систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контрреволюции... Эти контрреволюционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы и хорошие стратеги...» [6, с. 39].

Спецслужбы получили приказ усилить работу по наблюдению за контрреволюционными организациям как внутри страны, так и за ее границами. Власти в Москве располагали почти всеми программными документами, отслеживали колебание настроения среди эмиграции, замыслы и практическую деятельность её лидеров. ОГПУ – НКВД вербовало агентов среди эмигрантов, ликвидировали самых одиозных и непримиримых руководителей. В 1930 г. в Париже был похищен председатель Русского общевоинского союза (РОВС) генерал А. П. Кутепов. В 1937 г. подобная участь постигла генерала Е. К. Миллера [7, с. 274].

Пока у белого движения был хоть какой-то шанс на победу, политические движения и партии объединились, поддерживая военных словом, морально и материально. Но когда попытки свергнуть Советскую власть провалились, это заставило искать новые средства и способы борьбы.

Представители русского зарубежья стали обращаться к западным странам для защиты интересов русского народа. Особенно явно проявилось это заступничество в 1920-х гг., когда эмиграция была наиболее активна, а в Советской России шла активная борьба большевиков с оппозиционными элементами.

Ярким образцом подобного рода явилась помощь голодающим в России (1921 – 1922 гг.), хотя мнения в эмиграции этом вопросе разошлись. Одни предлагали использовать голод как повод для военной интервенции. Другие считали, что голод подточит власть изнутри, народ восстанет, и она падет. Поэтому они отрицали любую помощь. Третьи же полагали, что голодный ищет не виновника, а пропитания, поэтому выступали не против активизации антисоветских выступлений, а фокусировали внимание на страданиях простого народа (*своих соотечественников – А. З., М. Л.*), которому необходимо помочь. Собственных ресурсов не хватало и поэтому ведущую роль в этом вопросе отводили иностранным благотворительным организациям. Среди них – Международная комиссия по организации помощи России, созданная Верховным советом Антанты (Ж. Нуланс), Американская администрация помощи – ARA (Г. Гувер) и Комиссия, созданная организациями Красного креста различных стран при участии Лиги Нации (Ф. Нансен). Эти организации сами оказывали помощь и передавали средства, собранные русской эмиграцией.

Всевозможную помощь оказывали власти и общественные организации некоторых стран, в которых проживали русские. Здесь создавали комитеты помощи голодающим в России. Благодаря их усилиям выделялись средства, транспорт и т. д. Например, Парижский Объединенный Комитет Русских организации – в октябре 1921 г. вышел на связь с Латвийским Красным Крестом, который при поддержке латвийского правительства отправил индивидуальные посылки из Риги в адрес Латвийского Красного Креста в Москве и Петрограде.

По инициативе уполномоченного этого комитета Отделение Московского Народного Банка в Прибалтике отправило врачам в Россию медикаментов на сумму 200 тыс. франков. Берлинский общественный комитет помощи голодающим довел информацию о голоде до широкой немецкой общественности, организуя для этого лекции, выпуская бюллетени. 12 августа 1921 г. его члены встретились с сотрудниками германской печати и обратились к ним за помощью. Комитет установил связь с такими же немецкими организациями (Германский Красный Крест, Герман-

ский комитет помощи голодающим, Союз Германской печати) и стал с ними сотрудничать.

Подобным образом работали почти все эмигрантские организации помощи голодающим, активно обращаясь за помощью и поддержкой к западной общественности. Иногда создавались и совместные организации. В августе 1921 г. в столице Германии был создан Студенческий комитет помощи голодающим. Он решил обратиться с предложением об оказании помощи голодающим ко всем германским, зарубежным и русским студенческим союзам, направить во все студенческие организации специально подготовленное воззвание. В ходе этой работы комитет приобрел интернациональный характер, соединив в своих рядах русскую, еврейскую и болгарскую организации. Затем при комитете было создано Бюро для организации помощи голодающим на международном уровне. Оно издавало воззвания к студенческим организациям мира на разных языках [9, с. 237 – 238].

Помощь со стороны зарубежья для голодающих в России имела огромное значение. Однако голод был не единственным событием, вызвавшим столь бурную реакцию в русской эмиграции. С ужасом и негодованием в Русском зарубежье были восприняты известия о начале в Советской России антирелигиозной кампании. В поддержку Русской православной церкви (РПЦ) устраивались совместные моления с представителями других конфессий. Для помощи гонимой Церкви эмиграция подключила «дипломатические» каналы. В это время Советское государство пыталось любой ценой прорвать дипломатическую блокаду. Эмиграция попыталась воспользоваться данным обстоятельством и стала воздействовать на зарубежные правительства, их руководителей, глав церквей с тем, чтобы они потребовали в обмен на признание и заключение торговых соглашений облегчения участи Церкви и соблюдения в Советской России свободы совести и вероисповедания. Письма-протесты были направлены правительствам западных стран, главам церквей и конфессий, непосредственно советскому правительству.

Русские заграничные православные иерархи выступали и с личными обращениями. Так, председатель Временного церковного управления митрополит Антоний (Храповицкий) обратился к президенту Франции с письмом. В нем содержалась просьба о выступлении в защиту патриарха Тихона.

30 мая 1922 г. была принята резолюция «Народам, их правительствам, христианским церквам и всем религиозным общинам». Ее подписали все русские организации, существовавшие в Париже. Она была напечатана для широкого распространения.

Русские дипломатические представительства, которые еще продолжали существовать, получили поручения ознакомить с ней правительства и общество в разных государствах.

Вскоре Объединенная комиссия представителей всех русских эмигрантских организаций в Варшаве выпустила воззвание. В нем, в частности, говорилось, что в тюрьмах России сидят и другие представители веры. Комиссия горячо призвала спасти их. К протесту присоединились многие русские общественные организации Парижа. Патриарх Тихон был освобожден [4, с. 91].

Важную роль в этом сыграли обращения эмиграции, которые вызвали широкое международное движение в защиту притесняемой в Советской России православной церкви.

Можно сказать, что российская эмиграция по многим, в первую очередь – гуманитарным вопросам, пыталась повлиять на отношение западных стран к проблемам России. Лучшие представители эмиграции пытались на чужбине сохранить свою российскую идентичность. Они, думая о будущем, ставили задачу сберечь национальную культуру и духовно-культурную целостность, воспитать своих детей для будущей, демократической России, освобожденной от большевизма.

Литература

1. Александров С. А. Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции / Послесл. М. Г. Вандалковской. М.: АИРО-XX, 1996.

2. Антропов О. К. Региональные центры первой волны российской эмиграции // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1(33). С. 31 – 40.

3. Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979.

4. Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окороков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.

5. Ипполитов С. С., Недбаевский В. М., Руденцова Ю. И. Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М., 1999.

6. Ленин В. И. III Конгресс Коммунистического Интернационала // Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Изд-во Полит. лит-ра, 1970.

7. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Документы и материалы. М., 1998. Кн. 2. На чужбине.

8. Русские без Отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20-х – 40- х годов. М., 2000.

9. Урядова А. В. Роль русской эмиграции в диалоге «Запад – Советская Россия»: учебные материалы // Запад-Россия-Восток в исторической науке XXI века: материалы Международной конференции в честь 100-летия СГУ / под общ. ред. Ю. В. Варфоломеева. Саратов: Наука, 2010. Ч. 2. С. 232 – 247.

10. Урядова А. В. Русская эмиграция о судьбе Церкви на Родине в начале 1920-х гг. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 3(40). С. 36 – 45.

11. Хрисанфов В. И. Российский «Исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции. 1917 – 1920 гг. СПб., 2014.

Информация об авторах:

Зеленин Алексей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории КемГУ.

Alexey A. Zelenin – Doctor of Political Science, Full Professor, Head of the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Леухова Мария Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, cno@kemsu.ru.

Maria G. Leukhova – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 343.819.1“1920”

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ И АНКЕТЫ НА ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ТЮРЬМЫ 1920 г.

В. В. Иванов, П. А. Новиков

STATISTICAL BLANKS AND QUESTIONNAIRES ON PRISONERS OF IRKUTSK PROVINCIAL PRISON IN 1920

V. V. Ivanov, P. A. Novikov

Статья написана на основе редкого вида источников – статистических листков и анкет заключенных Иркутской губернской тюрьмы в 1920 г. Анализ содержания источников позволяет судить о том, кто стал врагом советской власти сразу после поражения белого движения.

The paper is written on the basis of a rare type of sources: and statistical blanks and questionnaires prisoners of Irkutsk provincial prison in 1920, the analysis of the sources content allows understanding who became enemies of the Soviet government immediately after the defeat of the White movement.

Ключевые слова: Гражданская война, белое движение, тюрьма, заключенные, состав, статистика.

Keywords: Civil War, White movement, prison, prisoners, composition, statistics.

Исследователи традиционно уделяют большое внимание изучению правоохранительной политики различных режимов. Особый интерес представляют специфические карательные практики различных исторических периодов [1; 8; 11; 13]. Проблематика каторги и ссылки, тюрем и лагерей, высылок и специальных переселений все еще содержит огромное количество лакун.

Источниковая база имеет ключевое значение для исторического исследования. Особый интерес представляют массивы однотипных документов, дающие основу для статистических обобщений и биографических изысканий. К сожалению, практически все письменные источники сохраняются весьма фрагментарно. О неоценимых утратах архивных документов теперь напоминают лишь описи некоторых фондов. Например, фонд р-214 «Иркутский губернский комитет помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны» Государственного архива Иркутской области по описи 1 содержал 86 единиц хранения за 1920 – 1925 гг. с поуездными сведениями об умерших и раненных красноармейцах. В июле 1967 г. при проверке обнаружено только 12 единиц хранения с предположением, что недостающие 74 дела «ранее были выделены в макулатуру». По описи 2 того же фонда подлежало хранению 159 единиц хранения, в том числе 124 личных дела. Через четыре десятилетия налицо было 21 единица хранения, но ни одного личного дела. Тем ценнее на этом фоне информационных потерь выглядят сохранившиеся документы на участников Гражданской войны.

8 (21) апреля 1917 г. один из жителей Иркутска записал: «Общественной безопасности предстоят большие угрозы со стороны преступного элемента, так легкомысленно помилованного Временным правительством. Иркутск, в частности, наводнен уголовными, выпущенными из тюрем: местной Александровской; стекаются сюда уголовные и из уездов и из каторги Забайкалья» [12, с. 335]. С середины мая 1917 г. начались организованные вооруженные грабежи: нападения на артельщиков (кассиров), ювелиров, часовых мастеров, магазины. «Уголовные начинают вести себя в Иркутске как дома». В ответ жители организуют ночную самоохрану.

14 (27) мая 1917 г. анархисты в Иркутске устроили митинг, призвав не верить Временному правительству, захватывать власть в свои руки и организовать свободный коммунизм. 18 мая (4 июня) состоялся четырехчасовой митинг более 400 амнистированных уголовных против брошенных им обвинений в преступности. 7 – 10 (20 – 23) июня анархисты и уголовники выступили с призывом о разделе частной собственности. Советы рабочих и солдатских депутатов провели аресты наиболее активных участников этих выступлений.

В ходе Гражданской войны Иркутская губернская тюрьма трижды становилась эпицентром боевых действий.

В ночь на 14 июня 1918 г. ее двери на несколько часов открыло восстание антибольшевистского офицерского подполья. Выпущено около 50 политзаключенных и свыше 100 уголовных арестантов [9, с. 61]. К утру 14 июня большевики подавили восстание, но большая часть повстанцев и арестантов скрылись.

При вступлении белых войск в Иркутск 11 июля 1918 г. именно тюрьма являлась очагом разрозненного сопротивления анархистов, воевавших на стороне большевиков, но из-за собственной недисциплинированности отставших для мародерства. Остальные «анархисты не только висели тяжелым жерновом на шее большевистского фронта, но и были прямой обузой, обессилевавшей его, заражавшей трупным ядом разложения, паникерства, утраты последних остатков воинской дисциплины» [10, с. 100].

В конце декабря 1919 г. у стен тюрьмы проходил «Ушаковский фронт» разделявший отряды Политцентра и части, оставшиеся верными адмиралу А. В. Колчаку.

Фонд Р-157 «Иркутская губернская тюрьма» Государственного архива Иркутской области по описи 3 содержит 8625 единиц хранения, значительная часть которых представляет собой личные дела заключенных. В каждом из дел имеется заполненный типовой «статистический листок на арестанта».

Разберем исходный типографский бланк «листка» и его рукописное заполнение от 29 января 1920 г. на примере участника Иркутского антибольшевистского подполья 1918 г. Владимира Николаевича Огильви. Графа 1) Звание – Гражданин Пермской губернии, Кунгурского уезда, Серебрянской волости. 2) Место приписки – не заполнена (прочерк). 3) Место жительства – (Примечание авторов: Иркутск), 2-я Солдатская улица, д. № 4. 4) – Время рождения (или возраст) – 36 лет. 5) Вероисповедание – прочерк. 6) Национальность и говорит ли по-русски – прочерк. 7) Подданство – русское. 8) Образование – университет. 9) Семейное положение – жена Неонила Николаевна. 10) Имущественное положение – прочерк. 11) Род занятий (на свободе); какое знает ремесло и где ему обучался – Помощник Столоначальника Окружного Интендантского управления. 12) Прежняя судимость: сколько раз, когда и за что отбывал наказание – прочерк. 13) Название преступления (или статьи уголов. зак.) за которое арестант отбывает наказание или в котором обвиняется – Чрезвычайная следственная комиссия. Графы 14 – 27 содержат приметы, особые приметы – Рост 2 аршин 5 1/2 вершков, лицо чистое, глаза серые, волосы серые [2, л. 1].

Кун Борис Михайлович, генерал-майор: 1) Енисейской губернии. 2) г. Омск. 3) Угол Русиновской и 2-й Иерусалимской № 54/69. 4) 40 лет. 5) православный. 7) русское. 8) Омский кадетский корпус и артиллерийское училище. 9) Жена: Валентина Николаевна 37 лет. Дети: Татьяна 16 лет, Нина 13, Михаил 8. 10) Начальник артиллерии 4-й дивизии (Уфимской стрелковой) 12) Иркутской следственной комиссией. Рост 2 аршина 6,5 вершка. Лицо чистое, глаза серые, волосы русые.

В других личных делах в графе 13 записи: Оглоблин Прокопий Петрович (генерал-майор, атаман Иркутского казачьего войска) – «принесение ущерба Советской власти» [3, л. 1], Сыромятников Александр Дмитриевич (полковник) – (арестовал) «Политический центр» [4, л. 1], Токмаков Николай Константинович – «отбывал службу у Унгерна, арестован в Урге 10 августа 1921 г. особым отделом № дивизии» [4, л. 1 об].

Использовались и явно дореволюционные анкеты, как, например, заполненный 9 июля 1920 г. «открытый лист № 6568» на Галкина Николая Александровича (генерал-майора, одного из руководителей отступления белых по Ангаре в начале 1920 г.). Графа 1) Имя, отчество и фамилия или прозвище. 2) из какого сословия происходит. 3) Какой губернии, уезда и волости – Петрограда. 4) привилегированный или нет – проживал в Киренске. По чьему распоряжению куда и по какой причине пересылается, следует ли в оковах и в каких именно, или же без оков – особый отдел ВЧК 5-й армии, православный, грамотный, военный техник, вдов. Требует ли освоб. надзора и в утвердительном случае, почему именно – арестован 30 июня сего года. Если арестант снабжен казенной одеждой, то приложить записку об одежде и указать № ее – обвиняется в контрреволюции. Приметы: лета – 34, рост – 2 аршина 6 вершков (169 см), лицо, глаза – серые, волосы – шатен, брови, усы – с. русые, нос. Особые приметы [6, л. 1].

Однако старые бланки тюремного учета мало подходили под реалии диктатуры пролетариата. Ярким отражением суровых условий социалистического строительства и стала «Анкета для всех заключенных в концентрационные лагери на всей территории Российской Советской республики». Два листа или четыре страницы А 4 с 45 графами вопросов и ответов, отчетливо демонстрирующие, какие именно вехи биографий считались новой властью подозрительными. Своеобразным эпиграфом бланка служило предупреждение, что «лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности». Первая часть анкеты с вопросами с 1 по 40 заполнялась самим заключенным, причем обычно карандашом. Вторая с 41 по 45 – «администрацией заключения». Предписывалось «на все вопросы отвечать толково и писать разборчиво; зачем следит администрация, оказывает содействие неграмотным и дает показания». После 3-х страниц с вопросами шла чистая страница озаглавленная «Заключение». Впрочем, учитывая ниже проиллюстрированный характер арестантов Иркутской губернской тюрьмы, большинство анкетных пунктов вновь оказались мало актуальными.

В фонде Р-868 «Иркутская губернская чрезвычайная комиссия», оп. 2, д. 4 отложилось 14 анкет. Причем палитра «сидельцев» 1920 г. весьма разнообразна по всем пунктам, в т. ч. четверо красноармейцев. Характерно, что ни одна из 14 персоналий не числиться в многотомнике «Жертвы политических репрессии Иркутской области: память и предупреждение будущему», издаваемой с 1998 г.

Александр Герасимович Жарков, 33 лет, чуваш, уроженец д. Тегешевой Ново-Ковалинской волости Казанской губернии, бывший писарь 263-го Красноуфимского стрелкового полка 30-й дивизии красных. Арестован ее особым отделом, за что не знает.

Кирилл Макарович Левченко, 23-х лет, переселившийся из Черниговской губернии в Енисейскую, в

д. Ново-Покровская Шалинской волости. «Неграмотный, только расписываюсь». До февраля 1917 г. служил рядовым в 13-м пехотном Белозерском полку 4-й пехотной дивизии царской армии. Имущественное положение: изба, 3 коня, 2 коровы, 10 шт. овец, 1 плуг и остальной мелкий инвентарь. Месячный доход не могу определить. В собственном доме Левченко и арестован Шалинской милицией за «недоразуменное дезертирство», а ревтрибуналом 30-й дивизии приговорен к 15 годам общественных работ.

«Эвакуированный» Даут Фахрадзевич Мирасов, 38 лет, татарин из д. Луймян Уфимской губернии, под арестом с 1 октября 1918 г. по подозрению сначала, что красноармеец, потом в покушении на убийство. До революции имел свою портняжную мастерскую и месячный доход в 40 руб. Накануне февраля 1917 г. служил на постройке Мурманской железной дороги. Семейное положение: вдовец, две дочери, 14 и 12 лет, что проживают в Уфе на средства тещи.

Девятнадцатилетний коммунист Михаил Никитич Миронов – бывший помощник комиссара почт и телеграф г. Троицка, затем красноармеец арестован 25 февраля 1920 г. в Нижнеудинске и 11 марта ревтрибуналом 35-й дивизии осужден на 15 лет принудительных работ за пьянство и мародерство, «за ограбление неизвестной женщины, издевательства над ней и компрометирование власти комсостава».

Арвия Мартынович Клункste – 33-летний латыш, приговоренный царским судом в 1906 г. за вооруженное восстание, конфискацию оружия и экспроприацию к смерти с заменой на бессрочную каторгу. Из арестанта Александровского централа за время Гражданской войны Клункste успел превратиться в смотрителя Черемховской тюрьмы, служил и при Колчаке, за что и арестован 7 марта 1920 г. Таков оборот истории, превративший арестанта в надзирателя.

Буряты Буда Дорджиев, 25 лет, и Цирин Сандаков, 28 лет, мобилизованные семеновцами в Селенгинском и Сухинском хошунах соответственно, арестованные чехами в лазарете станции Култук и обвиняемые в контрреволюции. На той же станции 12 февраля местной дружиной арестован Алексей Иосифович Черменев, 19 лет, как «служивший в колчаковской армии». Уроженец с. Тура Усинской волости и уезда Енисейской губернии Черменев в августе 1919 г. был призван белыми в 1-й пехотный Усинский полк.

Борис Федорович Домышев, 38 лет, русский из с. Тунка и там же арестованный по обвинению в расстреле красноармейцев и мародерстве. «За составление шайки с целью краж из вагонов» на станции Иркутск 8 марта 1920 г. арестован чернорабочий железной дороги Тимофей Иннокентьевич Ковалев, 23 лет, уроженец Чажского уезда Могилевщины. В 1916 – 1918 гг. находился на австрийском фронте. Политическое убеждение – коммунист.

Крестьянин с. Подгородно-Жилкино Гавриил Иннокентьевич Потапов, 29 лет, арестован 14 сентября 1919 г. еще колчаковской милицией за убийство и разбойное нападение. Тихон Данилович Пухнаревич, 42 лет, уроженец д. Близная Рожановской волости Слонимского уезда Гродненской губернии работал стрелочником станции Посольская. Пухнаревич арестован 17 мая 1920 г. по ордеру Районной Транспортной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем Забайкальской железной дороги и бассейна рек Восточной Сибири «за шпионаж». Гавриил Иванович Пешков, 23-х лет, очевидно бывший солдат колчаковской армии, арестован в Черемхово распоряжением местной следственной комиссии по подозрению в производстве арестов при Колчаке.

Разберем подробнее содержание одной из анкет от 23 мая 1920 г. Вопросы – Ответы. 1) Фамилия – Просвирин. 2) Имя и отечество – Тимофей Степанович. 3) Возраст – 41 год. 4) Национальность – Русский. 5) Подданство – Советскороссийское. 6) Родной язык – Русский. 7) Где родился – Тобольской губернии, Тицкой волости дер. Межевой. 8) Образование – прочерк. 9) Профессия, и какие знаете специальности – Крестьянин. 10) Род занятий на родине – Хлебопашество. 11) Когда прибыли в Россию. 12) По какому делу приехали. 13) Каким путем приехали. 14) С кем из иностранцев имели сношения в России и заграницей. 15) Бывшее сословие (крестьянин, мещанин, дворянин) – Крестьянин. 16) Семейное положение (холост, женат) – Женат. 17) Сколько членов семьи, их возраст, где находятся, на какие средства проживают (точный адрес каждого) – Двое. Жена Ирина 41 лет. 18) Имеются ли в вашем семействе члены, оставшиеся или уехавшие за пределы Советской России, их фамилия, имя, отчество и где находятся – Нет. 19) Не служит ли кто либо из них во враждебных Советской России армиях (кто и где) – Нет. 20). Имущественное положение (точно указать сколько имел до революции недвижимости, капитала и др. предприятий) – Дом в Тобольской губернии и хозяйство. 21) Имеете ли какую-либо собственность сейчас (какую и где находится, точный адрес). Имущественное положение ваших близких родственников (указать кто и сколько имел до революции капитала, недвижимости и др. предприятий). 22) Месячный оклад или доход до революции. 23) Тоже – теперь. 24) Где находились и чем занимались а) до 27-го февраля 1917 г. – В деревне Межевой Тобольской губернии того же уезда. б) от 27-го февраля до 25 октября 1917 г. – Там же. в) после октябрьской революции, и последняя должность до момента ареста – Был взят каппелевскими войсками подводчиком и был арестован на станции Иннокентьевской. 25) Были ли на военной службе (где, когда и в каком чине) – В Харбине в 1903 г. рядовым солдатом. 26) Отношение к воинской повинности ко дню ареста – Призыву не подлежал. 27) Какие члены семьи служили в старой армии, их чин, и где они находятся сейчас – Служило четыре брата рядовыми солдатами. 28) Состояли ли членом какой либо общественной организации и союзов каких – нет. 29) Состояли и состоите ли в партии, в какой и с какого времени – нет. 30) Ваше политическое убеждение теперь – Беспартийный. 31) Были ли под судом при царизме (когда, за что и к чем присуждены) – Нет. 32) Были ли в тюрьме, ссылке, за что, когда, где и долго ли – Нет. 33) Не были ли арестованы раньше при Советской власти (когда, где и за что) – Нет. 34) Когда, где и кем арестованы в последний раз (укажите адрес) – В феврале месяце с. г. на станции Иннокентьевской. 35) Когда заключены в концентрационный лагерь – Заключен в тюрьму в феврале месяце числа 13. 36) Что

найдено и отобрано при аресте-обыске – Отобраны: Деньги, лошади, сапоги, документы. 37) В чем обвиняетесь – Не знаю. 38) По чьему приговору вы заключены в концентрационный лагерь, или в другое место заключения и на какой срок – По постановлению Иркутской контрразведкой подследственный. 39) Кто из партийных или Советских работников, какой Заводской Комитет или Советское учреждение может поручиться за лояльность по отношению к Советской власти – нет. 40) Документы, удостоверяющие вашу личность (кем выданы, № и время выдачи) – Документы отобраны при аресте.

Во второй части анкеты пункты: 41) Официальное название лагеря или место заключения, где содержится вышеозначенный заключенный и адрес – Иркутская губернская тюрьма. 42) Откуда доставлен заключенный, № сопроводит. бумаги и число) – Военными властями как военнопленный – каппелевец. 43) Основание заключения (не арестован ли в связи с каким либо преступлением, велось ли следствие, не взят ли как заложник) – Сведений в деле нет. 44) Точны ли сведения данные заключенным и краткую характеристику заключенного) – прочерк.

С введением НЭПа появились новые характерные документы – «списки лиц лишенных прав голоса по выборам в Советы». По Верхоленскому уезду Иркутской губернии в 1922 г. в графе «причины отстранения от выборов» указывались дословно: приверженец земства, переторговцы самогона, участники свержения Советской власти в 1918 г., жена земца, крупный сельский крестьянин и противник Советской власти, бывший спекулянты, сын дезертир, умалишенная, временно пользующаяся чужим трудом, лентяй, меновщик лошадей, семья подсудимого противника Советской власти, жила с подозреваемым человеком, бывший подрядчик, священник, псаломщик, бывший урядник, бывший милиционер Колчака, недостаточные умственные способности, чиновник старой армии, имевший доходные предприятия и т. д. [7, л. 19 – 24 об.].

Тюремная документация позволяет существенно расширить источниковую базу исторических исследований. Массивы подобных данных позволяют уточнить биографические данные, точнее оценить криминогенную обстановку в регионах, проанализировать общее и особенное в карательных практиках коммунистического режима и т. д. Анкеты заключенных наглядно показывают, в какой теснейший клубок во время Гражданской войны переплетались идеализм и прагматизм, жажда золота и стремление убивать, военный опыт и революционная демагогия, героизм и предательство.

Литература

1. Афанасов О. В. Особенности идеологического воздействия на заключенных Озерного лагеря (Иркутская область) в конце 1940-х – начале 1960-х гг. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск. 2014. № 3(12). С. 94 – 103.

2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 11743.

3. ГАИО. Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 11779.

4. ГАИО. Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 15994.

5. ГАИО. Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 16543.

6. ГАИО. Ф. Р-157. Оп. 3. Д. 3319.

7. ГАИО. Ф. Р-868. Оп. 2. Д. 29.

8. Звягин С. П., Ликстанов И. М. Численность и состав заключенных в тюрьмах антибольшевистских правительств на территории Восточной Сибири (1918 – 1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3(9). Т. 1. С. 26 – 30.

9. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005.

10. Новиков П. А., Романов А. М. Заготовка жернова на собственную шею: Приключения борцов за Советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке // Родина. 2011. № 2. С. 98 – 102.

11. Попов П. С. Литовские спецпоселенцы на предприятиях лесной промышленности в Иркутской области (1948 - 1958-е гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 220 – 227.

12. Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914 – 1918 гг. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008.

13. Скорикова Н. А. К вопросу о состоянии иркутских тюрем в период Гражданской войны // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Вып. 3 (15) / отв. ред. Н. Н. Щербаков. Иркутск: Оттиск, 2006. С. 222 – 228.

Информация об авторах:

Иванов Вячеслав Владимирович – аспирант (2010 – 2013 гг.) кафедры истории и философии Иркутского государственного технического университета,

Vyacheslav V. Ivanov – post-graduate student at the Department of History and Philosophy, Irkutsk State Technical University.

(**Научный руководитель – *П. А. Новиков***).

Новиков Павел Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Иркутского государственного технического университета, novikov710@yandex.ru.

Pavel A. Novikov – Doctor of History, Professor at the Department of History and Philosophy, Irkutsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 94(470.5)''1917/1991'':37.014.3

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ОБЛАСТНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА УРАЛА И ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ШКОЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (лето – осень 1918 г.)

А. А. Кальсина

ACTIVITY OF THE URAL PROVISIONAL REGIONAL GOVERNMENT AND THE SIBERIAN PROVISIONAL GOVERNMENT ON REFORMATION OF THE SCHOOL IN PERM PROVINCE (summer – autumn 1918)

A. A. Kalsina

В статье рассматривается деятельность Временного областного правительства Урала и Временного Сибирского правительства по реформированию школы (лето – осень1918 г.) на территории Пермской губернии в условиях Гражданской войны и революции. За короткий срок существования данных властных структур были предприняты попытки, реформировать школьную жизнь, опираясь на местные органы самоуправления и общественность.

The paper addresses the activity of the Ural Provisional regional government and the Siberian Provisional government on reformation of schools (summer – autumn 1918) on territory of Perm province in the conditions of the Civil War and the Revolution. In the short time of these authorities' existence attempts were undertaken to reform school life, relying on the local organs of self-government and the public.

Ключевые слова: Гражданская война, Временное областное правительство Урала, Временное Сибирское правительство, реформа школы, учительство.

Keywords: Civil War, Ural Provisional regional government, Siberian Provisional government, reform of school, teaching.

Школьная система, являясь важным социальным институтом общества, в период Гражданской войны стала сферой практических интересов различных политических сил. На территориях, где существовала Советская власть, были приняты государственные акты и декреты, которые привели к кардинальному преобразованию системы просвещения и утверждению в качестве доминирующей – парадигмы трудовой школы. Вопросы управления школьной системой были сосредоточены в руках Наркомата просвещения РСФСР.

На территориях небольшевистских правительств восстанавливались либо правила дореволюционного времени, либо порядок, существовавший после Февральской революции 1917 г. Под контролем этих сил находились Урал, Сибирь и Дальний Восток. Несмотря на военное время, небольшевистскими правительствами на подконтрольных территориях проводилась собственная школьная политика и была предложена другая модель государственной школы.

В рассматриваемый период Пермская губерния пережила чередование различных политических режимов. В Октябре 1917 г. власть Временного правительства сменилась победой большевиков, осуществление новой школьной политики началось в январе 1918 г., но процесс становления новой трудовой школы был прерван. Летом 1918 г. часть территории Пермской губернии оказалась под контролем областных коалиционных правительств: Временного Сибирского правительства (с центром в г. Омске) и Временного областного правительства Урала (г. Екатеринбург). Школьная политика небольшевистских правительств на территории Пермской губернии осуществлялась с лета 1918 г. и первую половину 1919 г.

Под контролем Временного Сибирского правительства находились следующие уезды: Камышловский, Шадринский, Ирбитский, Златоустовский, Челябинский, Троицкий, Верхне-Уфалейский, Кустанайский, Кыштымский. Временное областное правительство Урала ведало территориями, оставленными большевиками и не подпадавшими под юрисдикцию Временного Сибирского правительства. С последним велись территориальные тяжбы по поводу Шадринского, Камышловского и Ирбитского уездов [1, л. 1].

По партийной принадлежности это были правительства эсеро-меньшевистского толка, а по социальному составу представлены интеллигенцией. Создание таких правительств в годы Гражданской войны было попыткой российской интеллигенции учредить демократические структуры власти, основываясь на идее «третьего пути». Эта идея воплотилась в стремлении правительств занять промежуточную позицию между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии и на практике осуществить внеклассовое «народовластие». Временное областное правительство Урала просуществовало недолго. Не имея достаточных финансовых средств, оно фактически было в подчинении Временного Сибирского правительства с центром в Омске.

В ноябре 1918 г. власть в Омске захватил адмирал А. В. Колчак, установив диктатуру. 24 декабря 1918 г. в результате военной кампании Сибирская армия адмирала А. В. Колчака вытеснила отряды Красной армии с территории Пермской губернии, установив на полгода свою власть, в том числе и в губернском центре – Перми. Часть Оханского и Осинского уездов оставались под властью большевиков [2, л. 3]. Эти уезды оказались в прифронтовой полосе.

Вопросы школьной политики и образования контролировало Министерство народного просвещения правительства А. В. Колчака, став преемником министерства народного просвещения (МНП) Временного Сибирского правительства и продолжателем традиций Министерства народного просвещения императорской эпохи. Влияние министерства распространялось на Пермскую губернию до июля 1919 г.

19 августа 1918 г. в Екатеринбурге было образовано Временное областное правительство Урала (ВОПУ), стремившееся к формированию единого Всероссийского правительства (*Директории – А. К.*) на основе объединения всех антибольшевистских сил, впоследствии получившего в историографии название правительства «демократической контрреволюции» [3, л. 13].

Центральным звеном государственной структуры был Совет правительства как высший орган государственной власти. Ему подчинялись восемь Главных управлений (внутренних дел, финансов, юстиции, торговли и промышленности, труда, земледелия и имущества, горных дел, народного образования). Во главе управлений стояли Главноуправляющие с помощниками и товарищами управляющих. Полномочными представителями ВОПУ на местах были губернские и уездные уполномоченные [4, л. 6].

Существование ВОПУ было недолгим – с 19 августа 1918 г. по 4 ноября 1918 г.: у правительства не было достаточного количества финансовых средств, а подвластная правительству территория не имела четко определенной «государственной границы» и фактически была в распоряжении Временного Сибирского правительства [4, л. 6].

В Собрании узаконений и распоряжений ВОПУ отмечалось, что правительство объединило местных общественных деятелей и представителей политических партий: Народной свободы, Трудовой народно-социалистической, эсеров, социал-демократов, меньшевиков. Оно приступило к выработке программы, которая могла бы объединить широкие круги населения.

В области просвещения правительство собиралось «принять все меры к возможному осуществлению всеобщего и обязательного обучения, предоставляя школе автономию в вопросах внутренней жизни». Правительство также оставляло за собой право надзора за школьной жизнью. В отношении преподавания Закона Божьего, правительство высказалось за восстановление этого предмета, но как необязательного для учащихся [4, л. 3].

Главноуправляющим народного просвещения ВОПУ был назначен директор Екатеринбургской художественно-промышленной школы В. М. Анастасьев, товарищем Главноуправляющего – преподаватель Екатеринбургского реального училища А. М. Розов, заведующим отделом начального образования – инспектор 2-го Екатеринбургского городского высшего начального училища А. И. Семенов, управляющим финансовым отделом – М. Н. Хитрин [4, л. 3 – 5].

16 сентября 1918 г. в Екатеринбурге при Главном управлении народного просвещения ВОПУ был учрежден Совет по народному образованию с целью координации школьного дела на территории, подконтрольной Уральскому правительству. В него вошли: Главноуправляющий, его товарищ, управляющие отделами, управляющий канцелярией от городского и земского самоуправления, два члена от местного учительского союза, представители от Уральского общества любителей естествознания, медицинского общества, от родительских комитетов средней и начальной школы, от земской управы [4, л. 5]. Вопросы школьной жизни Уральское областное правительство собиралось решать, опираясь на общественность и местные органы самоуправления.

По мере развертывания революции и перехода ее в фазу Гражданской войны материальные основы школьного дела необратимо размывались. Власти, сменившие летом 1918 г. большевиков, были намерены серьезно взяться за школьное просвещение, рассматривая его как важное направление нормализации жизни в регионе. В конце августа 1918 г. на одном из первых заседаний ВОПУ Товарищ Главноуправляющего по народному образованию выступил с предложением о переиздании некоторых учебников. Было решено подготовить соответствующий законопроект [4, л. 4].

При новой власти возобновилась деятельность земства, и вскоре Екатеринбургская земская управа подготовила отчет о состоянии народного образования в Екатеринбургском уезде за 1917 – 1918 учебный год. Земская управа отмечала неблагоприятное состояние системы народного образования. В связи с Гражданской войной учебный год начался позже: в 48-ми школах уезда во второй половине сентября в 98-ти школах в октябре и в 3-х в ноябре [4, л. 12]. Была отмечена слабая успеваемость учащихся, ниже среднего уровня. Проверяющие отмечали следующие недостатки: неправильное обучение слиянию звуков в начальной школе; слишком мало внимания изложениям и сочинениям, а также проведению в жизнь трудового принципа. Новые дисциплины, такие как пение, ручной труд и физические упражнения, преподавались только в некоторых школах.

В отчете было отмечено, что отношение населения к школе равнодушное. Народ желает другой школы; того порыва, который охватил учительство в начале революции, уже нет. Все культурные начинания рассматриваются через призму большевистской ломки. Земской управе пришлось временно отказаться от принципа всеобщего обучения. Для того чтобы осуществить в Екатеринбургском уезде всеобщее обучение, необходимо было построить 30 новых школ [4, л. 5].

В условиях военного времени на это не было средств. В 1918 г. школьное строительство в уезде не велось; правда, большевиками было начато строительство Сысертской школы. Управа приняла решение завершить строительство.

Специалисты управы представили статистические данные о состоянии школьного дела в Екатеринбургском уезде. В 1918 г. произошло значительное сокращение учащихся в школах (таблица 1) [5, л. 81].

Сокращение было вызвано материальными трудностями, отсутствием теплой одежды и обуви у учащихся, привлечением детей к домашним работам. Количество учителей за тот же период сократилось с

1010 до 882. По подсчетам управы, на каждого учителя в среднем приходилось 42 ученика. Из общего количества учителей женщины составляли 91 % (807 человек), мужчины – 8,6 % (75 человек). Большая часть учителей-мужчин была мобилизована в армию. Большинство учителей-женщин, работающих в школе, были не замужем (таблица 2) [5, л. 236].

Таблица 1

Сокращение учащихся в Екатеринбургском уезде в 1918 г.

	Общее количество	***Мальчиков***	***Девочек***
1917 г.	40.990	22.763	18.227
1918 г.	35.704	21.121	11.581
За пределами школы		1.642	3.646

Таблица 2

Семейное положение учителей Екатеринбургского уезда

Женатых	***Холостых***	***Замужних***	***Вдов***	***Девиц***
70 человек	22 человек	163 человек	39 человек	510 человек

Тяжелым было материальное положение учительства. Учителя не получали жалованья с момента разгона земства в апреле 1918 г. Большевики оставили в кассе отдела народного образования всего 3 тыс. руб. Екатеринбургская управа направила все свободные средства на оплату учителям, а через некоторое время стала ходатайствовать сначала перед Уральским, а затем и Всероссийским правительствами о выплате жалованья. В итоге средства на народное образование были получены. К Рождеству на оплату учительского труда было выделено 400 тыс. руб. [6, л. 9].

В планах уездной управы была работа по проведению в жизнь закона о всеобщем обучении. С нового учебного года предполагалось открыть 90 новых комплектов, т. е. классов, а также две образцово-показательные школы как экспериментальные площадки по изучению детской психологии. Планировалось летом 1919 г. организовать педагогические курсы для учителей с показательными уроками по новым методам обучения и наладить работу педагогических библиотек для учителей в 36 населенных пунктах уезда [6, л. 9].

Управа была намерена ходатайствовать перед МНП об открытии учительской семинарии; ассигновать из казны необходимые суммы для преподавания пения, рукоделия, физических упражнений – новых в то время предметов; оказывать помощь детям малоимущих родителей; способствовать проведению трудового начала в школе; организовать статистику по народному образованию; вести пропаганду среди населения о необходимости обучения всех детей в школах. Учителям начальной школы предполагалось выдавать периодические надбавки к жалованью и квартирные деньги [7, л. 22].

На территории Екатеринбургского уезда имели силу также приказы и постановления Временного Сибирского правительства, распространявшего свою власть на территорию Урала. Министерство народного просвещения Временного Сибирского правительства было образовано 1 июля 1918 г. в Омске. 4 октября 1918 г. оно перешло в подчинение Временного Всероссийского правительства, а 18 ноября 1918 г. – в состав Российского правительства А. В. Колчака [7, л. 51].

30 июля 1918 г. МНП Временного Сибирского правительства издало Постановление «Об утверждении правил для производства перевыборов лиц учебно-воспитательного персонала в учебных заведениях МНП» [7, л. 52]. В постановлении был указан срок перевыборов (с 10 по 20 августа 1918 г.) и правила, по которым они должны состояться. В частности, переизбрание педагогов должно было производиться педагогическими советами учебных заведений из представителей городского, уездного и земского самоуправления. При этом избираемые педагоги могли не присутствовать на собрании, их деятельность оценивались по уровню профессионализма и общественной активности. Если возникали спорные вопросы, то избираемые приглашались лично для собеседования на особую комиссию.

1 августа 1918 г. МНП издало еще одно Постановление: «Об управлении учебными заведениями МНП и об установлении выборного начала в определении на учебно-воспитательные и учебно-административные должности» [7, л. 53]. В нем было указано, что руководство во всех типах учебных заведений, находящихся на государственном содержании, должно осуществляться Педагогическим советами этих учебных заведений. В состав Педагогического совета учебных заведений должны войти представители земского и городского самоуправления (они избираются Городскими думами), на должности преподавателей – лица, обладающие образовательным цензом. На должности директоров или председателей Педагогического совета – лица, имеющие педагогический стаж не менее пяти лет.

Были прописаны права и полномочия Педагогических советов. В их компетенции находились прием учащихся, проверка и оценка их успехов, перевод в следующий класс и оставление на повторный курс, проведение экзаменов (испытаний), выдача удостоверений и свидетельств об окончании учебного заведения, распределение учительской нагрузки, избрание классных наставников, воспитателей, библиотекаря, хозяйственного комитета и ревизионной комиссии.

Вопросы, касающиеся преобразования учебных заведений, введения дополнительных предметов, открытия или закрытия отдельных классов, размер платы за обучение оставались в ведении МНП.

Два этих распоряжения министерства о новых перевыборах учительства, пришедшие к началу нового учебного года в Екатеринбург, вызвали большое смятение в рядах учителей. Большинство педагогов было настроено против. Все помнили недавние перевыборы, проведенные советской властью. Они не прошли бесследно и, очевидно, нанесли серьёзные психологические травмы. Учителя высказывали мнения, что перевыборы возможны в будущем, когда в комиссии попадут более компетентные люди. Уездная земская управа и школьный комитет пошли навстречу педагогам и постановили не проводить выборов учителей в начале года, а отложить их до весны [7, л. 152].

Серьезной проблемой военного времени было тяжелое материальное положение учительства, так как жалованье было ничтожным и выплачивалось с опозданием на несколько месяцев. К примеру, работники Красноуфимской гимназии не получали денег в течение полугода. Поэтому наблюдалось усиленное бегство из школ в учреждения, где оплата труда была несравненно выше. В школах возникала перспектива остаться вообще без преподавателей. Местная пресса отмечала катастрофическое состояние школьного дела в Камышловском, Верхотурском и Красноуфимском уездах [8, с. 27]. Прошения и ходатайства о повышении заработной платы поступали от учителей Невьянска [9, с. 148], Кыштымского учительского союза и Кыштымской управы, родительских комитетов Екатеринбурга [10, 1 февр.].

В ответ на поступающие запросы товарищ Главноуправляющего народного просвещения А. М. Розов направил телеграмму о том, что «Управление народным просвещением вырабатывает новые ставки по оплате учительского труда» [11, с. 171 – 172].

Вскоре вышло Постановление № 8 Временного областного правительства Урала от 15 ноября 1918 г. «Об улучшении материального положения служащих в средних общеобразовательных мужских, женских учебных заведениях областного Урала. Об улучшении материального положения служащих высших начальных училищ, служащих учительских институтов» [12, с. 18].

Согласно документу, жалование директора гимназии и реального училища должно было составлять 750 руб. в месяц, жалование инспектора тех же учебных заведений – 650 руб. в месяц. Учителя-предметники и преподаватели Закона Божьего получали вознаграждение по 300 руб. за годовой час, а также имели право на пять трехлетних прибавок по 500 руб. Учителям, окончившим учительские институты, предполагалось поурочное вознаграждение по 270 руб. за годовой час и право на пять трехлетних прибавок по 400 руб. в год. Преподаватели графических искусств в гимназиях и старших классах должны были получать по 250 руб. за годовой час и пять трехлетних прибавок по 300 руб. в год. Преподаватели в младших классах – по 200 руб. за годовой час.

Снова вводилась должность классных наставников [12, с. 19]. Доплаты назначались за исправление письменных работ (за тетради). В младших классах доплата составляла 120 руб., в старших – 150 руб. Это Постановление должно было облегчить участь учительства, однако учителям так и не довелось получить жалованье по новым ставкам.

18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот, который положил конец сохранявшимся иллюзиям о возможности демократического развития России. Власть сменилась. К власти пришел адмирал А. В. Колчак, объявивший себя Верховным правителем и Верховным главнокомандующим, что означало утверждение диктатуры на отсеченных от Советской России территориях.

А. В. Колчак соединил в своих руках высшую военную и гражданскую власть. В течение нескольких месяцев после прихода к власти А. В. Колчака происходила перестройка системы управления на подчиненных территориях. Территория Урала была поделена на Самаро-Уфимский и Уральский края. Было сохранено также прежнее административно-территориальное деление: губернии, уезды, волости. Уральский край включал в себя территорию Пермской губернии. Административная система, объединяющая военное и гражданское управление, в Пермской губернии была сформирована в декабре 1918 – январе 1919 г.

Совет министров упразднил прежние должности, учрежденные ВОПУ. Гражданское управление на Урале осуществлялось из Екатеринбурга. Главным начальником Уральского края был назначен горный инженер С. С. Постников. 10 декабря 1918 г. он принял дела от Главных управлений Временного областного правительства Урала, продолжавших функционировать вплоть до конца декабря 1918 г., когда военный переворот уже свершился [13, с. 253].

Вскоре был восстановлен Оренбургский учебный округ, в который прежде входила Пермская губерния. На подконтрольных территориях Верховный правитель стремился создать централизованное государство в форме республики, с разветвленным действенным самоуправлением на местах. Новая власть провозглашала единую и свободную Россию, господство права, законности и порядка, равенство всех граждан перед законом и объединение на основе единой и твердой власти. Новым правительством была проведена денационализация. Объявлялась свобода торговли, восстанавливалась частная собственность. Интеллигенция Урала встретила А. В. Колчака с воодушевлением. Население, сочувствующее советской власти, подверглось гонениям и террору. В отношении учителей было принято решение оставить на работе только тех, кто предоставит от местных самоуправлений удостоверения о политической благонадежности и наличие соответствующего образовательного ценза [14].

На основании приказа Главного начальника Уральского края С. С. Постникова за № 12 от 15 января 1919 г. были назначены лица, ответственные за дело народного образования в Уральском крае. Изменились лишь портфели, кадры остались прежними. В. М. Анастасьев был назначен исполняющим делами попечителя Оренбургского учебного округа, А. М. Розов – исполняющим делами окружного инспектора Оренбургского учебного округа, М. Н. Хитрин –

уполномоченным Министерства народного просвещения. Все лица вступили в должность 11 января 1919 г. [14, с. 15]

Таким образом, в системе управления народным образованием в Пермской губернии никаких кадровых перестановок не произошло. Все новые указания относительно школьной политики шли непосредственно из Министерства народного просвещения правительства А. В. Колчака.

Подводя итог, следует отметить следующее: В области школьной политики данные правительства действовали в соответствии демократическими устремлениями периода Февральской революции. Временное областное правительство Урала (ВОПУ) собиралось принять все возможные меры по осуществлению всеобщего и обязательного обучения, предоставляя школе автономию в вопросах внутренней жизни. Управлением народного просвещения ВОПУ были разработаны новые ставки оплаты учительского труда, были подготовлены законопроекты о переиздании школьных учебников. Все вопросы школьной жизни ВОПУ собиралось решать, опираясь на общественность и местные органы самоуправления. Однако реализовать многие проекты так и не удалось. ВОПУ просуществовало слишком недолго (с августа по ноябрь 1918 г.). Не имея достаточных финансовых средств, оно фактически было в подчинении Временного Сибирского правительства.

МНП Временного Сибирского правительства, образованное 1 июля 1918 г. в г. Омске, на подконтрольных ему территориях издало ряд постановлений, регулирующих школьную жизнь, в частности, о перевыборах учительства и об управлении учебными заведениями. Педагогическим советам учебных заведений была дана большая свобода действия. В их компетенции были вопросы не только внутренней школьной жизни, но и выборности учителей, а также руководящих лиц учебных заведений. В ведении МНП оставались вопросы реорганизации школ, введения дополнительных предметов, размер платы за обучение.

Следует отметить, что в МНП Временного Сибирского правительства вопросы материального обеспечения учительства и школы решались более последовательно, чем ВОПУ. Многие педагогические коллективы в Пермской губернии на территориях, подконтрольных ВОПУ, по экономическим причинам желали перейти в ведомство МНП Временного Сибирского правительства.

С января 1919 г. после переворота в Омске (18 ноября 1918 г.) вопросами школьной жизни в Пермской губернии ведало Министерство народного просвещения Российского правительства А. В. Колчака.

Литература

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 345. Оп. 1. Д. 115.
2. ГАПК. Ф. Р-359. Оп. 1. Д. 89.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 2.
4. ГАСО. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 35.
5. ГАСО. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 44.
6. ГАСО. Ф.Р-1196. Оп. 1. Д.13.
7. ГАСО. Ф. Р-1531. Оп. 1. Д. 1.
8. Майский М. М. Демократическая контрреволюция. М., 1923.
9. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
10. Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 1 февр.
11. Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки. Пермь, 2013.
12. Салазникова С. С. Антибольшевистские правительства Сибири и Урала в период «демократической контрреволюции» (январь – ноябрь 1918 г.): автореф. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.
13. Селянинова Г. Д. Интеллигенция и «третий путь» в Гражданской войне на Урале // Гражданская война на Востоке России: материалы Всерос. науч. конф. Пермь: Пермский государственный архив новейшей истории, 2008.
14. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. № 5. Отдел первый. Омск, 1918. 9 авг.

Информация об авторе:

Кальсина Алла Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и гуманитарных дисциплин Западно-Уральского института экономики и права, Пермь, kalsina.alla@mail.ru.

Alla A. Kalsina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Philosophy, History and the Humanities, West Ural Institute of Economics and Law.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 94(47)084.3(571)

«ДОБЛЕСТНЫЕ СОЮЗНИКИ» ИЛИ «СИМУЛИРОВАННЫЕ ДРУЗЬЯ»: ИНТЕРВЕНЦИЯ США В ИЗОБРАЖЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

К. А. Конев

«GALLANT ALLIES» OR «SIMULATED FRIENDS»: THE U. S. INTERVENTION IN THE CONCEPTION OF THE PERIODICAL PRESS OF SIBERIA AND THE FAR EAST

K. A. Konev

Работа выполнена при поддержке РГНФ (исследовательский проект № 14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства»).

В статье на основе анализа небольшевистской периодической печати Сибири и Дальнего Востока периода Гражданской войны рассматриваются особенности восприятия населением «белой» Сибири американских интервентов. В ходе реконструкции и анализа образа американских интервентов в прессе предпринимается попытка определить степень влияния данного образа на общественное мнение Сибири и Дальнего Востока. В статье прослеживается эволюция отношения сибирской и дальневосточной прессы к американскому присутствию на востоке России, и делаются выводы, во-первых, о постепенном ухудшении образа американских солдат в прессе и росте антипатий к ним в обществе. Во-вторых, о противоречивом и неоднозначном отношении, как периодической печати, так и населения к американским интервентам, что выражалось в негативном отношении к американским войскам на фоне позитивного восприятия экономической и гуманитарной помощи со стороны США.

The particular features of «White» Siberia population's perception of American interventionists are considered in the paper on the basis of the analysis of the non-Bolshevik periodical press of Siberia and the Far East of the Civil War period. The paper attempts to reconstruct and analyze the image of American interventionists in the press, to define the degree of the influence of this image on the public opinion in Siberia and the Far East. The paper traces the evolution of the attitude of the Siberian and Far Eastern press to the American presence in the East of Russia, and concludes, first, of the gradual deterioration of the image of American soldiers in the press, and of the increasing antipathy towards them in the society. Second, the author makes a conclusion of the contradictory and ambiguous attitude of both the periodical press and the public to the American interventionists, which was reflected in a negative attitude to the American troops against the background of the positive perception of economic and humanitarian aid from the U. S.

Ключевые слова: Гражданская война в России, иностранная военная интервенция, образ, США, периодическая печать.

Keywords: Civil War in Russia, foreign military intervention, image, the U. S., periodicals.

В настоящее время многие аспекты истории России периода Революции и Гражданской войны достаточно полно исследованы. Тем не менее ряд проблем, относящихся к данному периоду, требует переосмысления и новых подходов в изучении. Можно согласиться с В. И. Голдиным, по словам которого для более взвешенного и академического исследования истории Гражданской войны «на смену политико-идеологическому дискурсу с неизбежной для него конфронтацией должен прийти культурный и культурологический, с переносом центра исследовательской деятельности на культурные фронты познания: поиск культурных смыслов, изучение символов, ритуалов, ценностей, языка, межкультурных коммуникаций» [4, с. 7].

Среди множества вопросов, относящихся данному периоду, немалый интерес представляет проблема формирования общественного мнения в экстремальных условиях гражданской войны, и в связи с этим особенности функционирования средств массовой информации того времени. Особый интерес представляют особенности формирования информационного пространства «белой» Сибири в период Гражданской войны. Данное пространство следует рассматривать как поле взаимодействия информационных потоков и разнообразных видов коммуникации между различными социальными слоями и политическим группировками, входившими в состав антибольшевистских сил. Неоднородность состава сибирской контрреволюции обуславливала многообразие взглядов и мнений, выражавшихся на страницах многочисленных периодических изданий. Подобный плюрализм дает богатый материал для изучения пропагандистских образов, политических нарративов и мифов, применявшихся в рамках идеологической и политической борьбы и воздействия на общественное мнение.

Одной из наиболее актуальных тем для сибирской и дальневосточной печати являлась проблема союзной интервенции. Интерес к ней то возрастал, то затухал на протяжении 1918 – 1919 гг. Образ союзников в периодической печати, формировавшийся на основе множества различных по жанру и содержанию газетных публикаций, представлял собой динамичную конструкцию. На трансформацию его содержания влияли с одной стороны – восприятие и репрезентация политики и действий союзников (в данном случае факты, почерпнутые преимущественно из телеграф-

ных сообщений, служили отправной точкой для дальнейших рассуждений), с другой – политическая и идеологическая направленность газеты.

В настоящий момент отечественные исследователи все чаще обращаются к изучению массовых представлений о внешнем мире. Особый интерес вызывают разнообразные образы «чужих» – как врагов, так и союзников, формировавшиеся в обществе в периоды социальных и политических потрясений, войн и революций. Проблемы взаимного восприятия России и стран Антанты в годы Первой мировой войны затрагиваются в работах О. С. Поршневой [5; 22]. Также интерес представляют статьи омского исследователя М. М. Стельмака, в которых на основе материалов правительственной печати прослеживается отношение Временного Сибирского правительства и Директории к союзникам [31 – 32].

Значительную роль в осуществлении интервенции на Дальнем Востоке в 1918 – 1919 гг. сыграли США. В августе 1918 г. наряду с британскими, французскими, японскими и китайским подразделениями на Дальний Восток прибыли два американских полка (27-й и 31-й), командование американскими войсками осуществлял генерал-майор У. Гревс [6, с. 243]. О прибытии союзников сразу же сообщила пресса [33, 3 авг.].

В официальной декларации американского правительства к русскому народу сообщалось об «уважении к территориальной целостности», «невмешательстве во внутренние дела России», оказании помощи русскому народу, для восстановления им самим «контроля над собственными делами и собственной судьбой», о стремлении союзников «оказать покровительство» чехословакам и русским против «нападающих на них вооруженных австрийских и германских пленных» [2, с. 167 – 169]. Как отмечалось в декларации, именно Япония и США «являются единственными державами, которые сейчас в состоянии действовать в Сибири с достаточными силами…» для выполнения целей интервенции. Именно войска этих двух держав, наряду с чехословацкими частями, наиболее часто оказывались в сфере внимания прессы «белой» Сибири. Печать, информируя читателей о ходе союзной интервенции, вместе с тем формировала отношение общественности к интервентам.

Цель данной работы – рассмотрение особенностей формирования образа американских интервентов в небольшевистской прессе Сибири и Дальнего Востока. Представления об американцах в прессе и обществе влияли на восприятие союзной интервенции в целом. При этом образ представителей США являлся одним из наиболее противоречивых и неоднозначных и претерпел значительную трансформацию в период 1918 – 1920 гг. На примере данной метаморфозы можно отчетливо проследить эволюцию общественного мнения по поводу интервенции союзников. Реконструкция содержания данного образа на основе анализа газетных публикаций позволит, таким образом, охарактеризовать состояние общественного мнения востока России в контексте восприятия союзников, что в целом поспособствует формированию целостной картины, отражающей общественные настроения «белой» Сибири.

Эскалация гражданской войны на востоке России и укрепление позиций антибольшевистских сил провоцировали повышение интереса прессы к политике союзников в отношении России. Накануне и в первые месяцы интервенции в прессе прослеживаются разные оценки вмешательства иностранных, в частности американских, войск в дела России. Печать благожелательно относилась к союзникам, всячески приветствовала любую экономическую и дипломатическую поддержку. Некоторые издания приветствовали военную помощь союзников и выступали за ее расширение. Например, омская кадетская газета «Сибирская речь», сообщая о прибытии союзников, писала: «будем надеяться, что доблестные японские и американские войска прибудут на наш фронт вовремя, и при их содействии мы скоро уничтожим в России всякие следы большевизма» [14, 14 сент.]. В то же время другая кадетская газета, иркутский «Свободный край», обращала внимание на негативную сторону интервенции, констатируя с сожалением, что «наша судьба, устроение российской государственности перешли в чужие, хотя и дружественные руки», «опека налицо», и за нее «придется расплачиваться» [9, 11 сент.].

Влияли на восприятие союзников и межпартийные противоречия, соперничество между различными группировками восточной контрреволюции. Так, социалистическая газета «Сибирь» считала, что «звать Вильсона придти навести у нас порядок», «неразумно, опасно, что необходимо постараться нам самим внутри нашей демократии найти силы против наших противников как слева (*большевиков – К. К.*), так и справа (*кадетов и монархистов – К. К.*). И если уж Америка придет, то не на помощь тем, кто желает восстановить в России деспотию» [23, 26 окт.]. В целом можно говорить о том, что пресса благожелательно воспринимала помощь союзников в деле «искоренения большевизма», выступала иногда за расширение вооруженного вмешательства, однако нередко высказывалось мнение, что интервенция, лишь подчеркивает бессилие России и является унижением для русских. Подобное отношение вытекало из тго, что интервенция, как отмечалось в одной из газет, превращала русскую гражданскую войну в «одну из форм борьбы общеевропейских демократий с германским империализмом». Перенесение Мировой войны на русскую территорию еще больше обязывало антибольшевистские силы к тому, «чтобы принять участие в этой войне на стороне союзных держав» [13, 23 июля].

Следует отметить, что на первых порах действия той или иной страны (США или Японии) рассматривались в контексте единой союзной интервенции, хотя сибирская и дальневосточная печать еще до вступления союзных войск на территорию России писала об исключительных интересах той или иной державы и соперничестве между ними. Постепенно печать, по мере накопления информации об интервентах, стала более подробно сообщать о деятельности той или иной державы-представительницы союзной коалиции.

Представления об американской интервенции в прессе складывались на основе информации о деятельности представителей США на Дальнем Востоке и в Сибири, а ими являлись не только солдаты двух американских полков, но также сотрудники Амери-

канского Красного Креста (АКК), члены Христианского Союза молодых людей (ХСМЛ), сотрудники железнодорожной миссии, дипломаты. Огромное влияние на восприятие американской интервенции оказывали заявления и действия руководства США. Созданию положительного образа представителей Соединенных Штатов способствовали в первую очередь публикации в прессе информации о разного рода материальной и гуманитарной помощи, осуществляемой Красным Крестом и ХСМЛ, и помощи американцев в деле восстановления Транссиба. Сообщения о помощи постоянно присутствовали в прессе, создавая американцам положительную репутацию. Так, даже осенью 1919 г., когда колчаковские армии окатывались на восток, происходила массовая эвакуация учреждений и населения, возрастал поток раненых с фронта, пресса регулярно сообщала о непрекращающейся работе АКК, открытии новых госпиталей, отправке санитарных поездов. Как отмечал колчаковский министр Г. К. Гинс: «в Сибири останется воспоминание об американских госпиталях, о подарках, приютах для беженцев, и добрые воспоминания о добрых американцах заставят надеяться на помощь их в будущем» [3, с. 570].

Вместе с тем гуманитарная и информационно-пропагандистская деятельность таких организаций, как ХСМЛ, АКК и АБП вызывала и негативную реакцию, прежде всего со стороны консервативно-настроенных военных. Офицеры контрразведки на Дальнем Востоке в ряде докладов о деятельности ХСМЛ отмечали, что активная благотворительная и осведомительная деятельность Союза «делает его чрезвычайно популярным среди населения». По мнению контрразведчиков, Союз вел разведывательную деятельность на территории России [24, л. 5.], вербовал «полезных в дальнейшем людей» и при помощи лекций и кинопоказов «подготавливал умы для восприятия масонских идей». Исходя из этого, указывалось на необходимость ограничить «разлагающую работу» Союза, «которая очень опасна по своим последствиям» [24, л. 8 об.].

В то же время формированию негативного образа американцев способствовала другая тенденция – неудовлетворительное поведение американских войск. В апреле 1919 г. в ряде телеграмм, адресованных С. Д. Сазонову, управляющий министерством иностранных дел в правительстве А. В. Колчака, И. И. Сукин сообщал о том, что «американское командование, по-видимому, рассматривает большевиков как политическую партию, имеющую право на существование». Это, а также «поведение некоторых американских солдат, их пьянство, разгул и пренебрежение к русским национальным настроениям» создавало, по словам министра, благоприятную почву для противоамериканской пропаганды [25, л. 19 – 19 об.].

По мере того как американцы все больше начинали проявлять себя с отрицательной стороны, в сибирской и дальневосточной прессе накапливалось недовольство действиями «заокеанских союзников». В течение 1919 г. в прессе неоднократно публиковались заметки, статьи, письма очевидцев, телеграммы, которые свидетельствовали о низком уровне дисциплины и морали американцев, их враждебности к русскому мирному населению и военным, нежелании воевать с большевиками. Высказывания прессы относительно двойственной политики американцев по отношению к большевикам имели под собой реальное основание. Весной 1919 г. войска США отказались поддержать японцев в боях против большевиков, мотивируя это тем, что они считают большевиков «одной из политических партий в России», и «не имеют права вмешиваться во внутренние дела страны». По свидетельствам очевидцев, такое поведение интервентов не приветствовалось среди местного населения. Автор одной из статей в газете «Голос Приморья», профессор Бородин, на основании высказываний жителей Владивостока отмечал: «довольно отчетливо можно наблюдать то сдержанное, то ярко выраженное недовольство американцами, обусловленное, по словам собеседников тем, что они не принимают участия в борьбе с большевиками, а иногда даже потворствуют им…» [16, 20 апр.].

Позже в этой же газете вновь указывалось на «охлаждение в отношениях русского населения к американцам», причем газета винила в этом американское командование [1, 24 мая]. Даже командовавший британским экспедиционным отрядом полковник Дж. Уорд писал впоследствии о том, что во многом именно благодаря бездействию и «покровительству» американцев на территории Восточной Сибири вновь организовались боеспособные и многочисленные отряды красных [34, с. 159]. Такая политика американского командования, по словам Дж. Уорда, привела к тому, что «русские власти враждебно отвернулись от них, а там где этого не случилось, сами американцы принимали враждебную позицию против русских властей» [34, с. 157].

Как отмечал вышеупомянутый Г. К. Гинс, «реакционные элементы» русского общества «всегда будут отрицательно относиться к заатлантической державе» [3, с. 570]. Наиболее яркий пример в данном случае представляли читинские консервативные газеты «Русский восток» [21, 13 апр.] и «Восточный курьер». Данные издания занимали явную антиамериканскую позицию, в то же время всячески поддерживая атамана Г. М. Семенова и покровительствующих ему японцев. Газеты стремились создать положительный образ «доблестных японцев», защищающих Сибирь от большевиков, и всячески противопоставляли им «хитрых янки», политика которых неясна и противоречива. Нередко американцы высмеивались в фельетонах читинских газет. Постепенно фельетоны, где высмеивались интервенты-американцы, стали появляться в различных газетах и во все большем количестве.

Весьма примечательно, что именно из-за фельетонов и статьи с критикой американцев была закрыта владивостокская газета «Голос Приморья», что привело к скандалу и волне критики в адрес американцев. В статье под названием «Янки», опубликованном 28 августа 1919 г., автор, рассуждая об американской политике по отношению к России, выражал свое разочарование и сомнения в том, что США действительно хотят помогать России. Кроме того, автор, продолжая свои рассуждения об Америке, называл американскую культуру «узколобым атлетом, развившим

невероятно свои стальные бицепсы за счет интеллекта». На следующий день после публикации фельетона в редакцию явились американцы, потребовавшие у редактора объяснений, перед редакцией был поставлен американский караул, а затем по приказу коменданта крепости Владивосток, который, кстати, не нашел ничего предосудительного в фельетоне, газета была закрыта.

Данный инцидент вызвал бурю негодования в сибирской и дальневосточной прессе, действия американцев подверглись единодушному осуждению. Особое возмущение вызвало то, что газета была закрыта без судебного разбирательства, «вопреки принципу свободы печати». Газета «Дальний Восток», негодуя по этому поводу, вопрошала: «как мирится насилие над печатью с принципами демократии, хотя бы и американской? Как мирится это с Декларацией о невмешательстве во внутренние дела? Как могло придти в голову американским демократам обратиться к русскому коменданту крепости с требованием закрыть газету?». Отвечая на эти вопросы, газета приходила к неутешительным выводам – «демократия, ставящая себя в пример нам, признает административную расправу со свободной печатью. Значит, Декларация – пустые слова, которым верить нельзя» [29, 4 сент.].

Омская газета «Русь», также апеллируя к принципам либерализма и невмешательства, указывала на то, что официальные декларации Америки о «гуманитарных побуждениях» и невмешательстве в реальности расходятся с практикой [7, 20 сент.]. В статье читинского «Восточного курьера» цитировались аналогичные по содержанию отклики других газет на происшествие, и язвительно отмечалось – «не многому, кажется, научимся мы у демократической нации» [19, 11 сент.]. Томская «Сибирская жизнь», также обобщив мнения различных газет, выражала надежду, «что соответствующий вывод сделают наши союзники и не допустят повторения чего-либо подобного с их стороны» [20, 4 окт.]. Как можно видеть, реакция была единодушной, несмотря на партийные и идеологические различия. Вопиющий факт вмешательства, нарушения законов вызвал единодушную негативную оценку. Репутация американцев была основательно испорчена. Больше всего возмущало прессу, что американцы, постоянно заявлявшие о своем «невмешательстве», поступали как раз наоборот. По словам «Сибирской жизни» союзное вмешательство и не нужно, «если оно выражается в такой форме как во Владивостоке в случае с редакцией» [27, 30 сент.].

Вопреки надеждам томской газеты различные эксцессы с участием американцев продолжались. Осенью 1919 г. к негативному образу американских интервентов было добавлено еще несколько ярких штрихов. В начале сентября на станции Иман произошло столкновение американцев и белогвардейцев из-за ареста американских солдат, конфликт закончился стрельбой и захватом американцами двух казаков и милиционера. Через месяц после событий, связанных с закрытием «Голоса Приморья», на вокзале Владивостока произошел инцидент, в результате которого комендантом станции полковником Шараповым был убит американский солдат. Американский генерал-майор У. Гревс, описывая этот случай, отмечал, что солдат был «подвыпившим» и ожидал поезда, когда к нему подошел русский полковник и назвал «самым настоящим большевиком». В ответ американец замахнулся на него кулаком, но, по словам У. Гревса, не ударил, в свою очередь русский офицер застрелил обидчика [6, с. 192]. Взгляд российской печати на события был несколько иным. Как сообщала газета «Забайкальская новь», нетрезвый человек в американской военной форме занимался агитацией, которая сводилась к тому, что необходимо примирение с большевиками и свержение власти Колчака. Когда подошедший комендант потребовал объяснений, солдат ударил его кулаком по лицу, за что и был убит [15, 7 окт.]. После этого русский офицер сдался властям.

Инцидент имел продолжение. Вскоре после этого другим русским офицером был застрелен чешский солдат. В результате союзное командование потребовало от командующего приамурским военным округом генерала С. Н. Розанова вывести русские войска из Владивостока. Омское правительство заявило по этому поводу категорический протест и приказало Розанову войск не выводить [12, с. 97]. После обмена телеграммами «инцидент считался исчерпанным». Все эти события вновь вызвали в прессе бурю эмоций и критики в адрес США. Упомянутая газета «Забайкальская новь» отмечала, что неоднократные инциденты с участием американцев, которые «в высшей степени своеобразно понимают задачу своего пребывания в России», «достаточно уже отшатнули русские симпатии от наших заатлантических союзников, в силу этого население приморской окраины, видимо, меньше всего склонно доверять своим «защитникам» американцам». По мнению газеты, своим поведением американцы «создали обстановку весьма близкую к самой резкой вспышке протеста со стороны населения и войск» [15]. Недовольство вызывал и тот факт, что, провозглашая принцип «невмешательства», американцы в реальности его не придерживаюсь, и даже, наоборот, по словам газет, американское «вмешательство было не только не направлено на борьбу с большевиками, но способствовало развитию его в местности, находящейся в сфере влияния американцев».

Таким образом, рассмотрение образа американских интервентов в прессе Сибири и Дальнего Востока позволяет сделать вывод о весьма неоднозначном отношении даже небольшевистской печати к американцам и в целом к союзникам. С одной стороны, сообщения о гуманитарной, экономической помощи, деятельности Красного креста и т. п., подкрепляемые сообщениями об успехах на фронте и надеждами на скорое признание правительства Колчака Антантой и США, создавали положительную репутацию американцам. С другой стороны, накапливающиеся факты о некорректном поведении американцев различные инциденты с их участием, двойственная политика в отношении большевиков, доходящая чуть ли не до их материальной поддержки – все это в конечном счете сделало американцев непопулярными как в прессе, так и среди населения. Этот контраст делал образ американских интервентов противоречивым и обеспечивал неоднозначное отношение к представителям США со стороны русских.

Показательно, что недовольство интервентами высказывалось газетами независимо от политической окраски издания. К концу 1919 г. и традиционно на-

строенные против Америки правые, и ранее приветствовавшие заатлантических демократов либералы и левые одинаково были разочарованы в политике союзников. Как отмечал управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин, «американцы успели за время своего пребывания в Сибири вооружить против себя все буржуазные элементы и более правые политические группировки, не снискав в то же время симпатий умеренно настроенных слоев населения. Роль американцев была настолько отрицательной, что привела даже к решению Верховного Правителя возбудить вопрос об отозвании их войск из России» [11, с. 464].

Именно разочарование, переходящее нередко в озлобленность против интервентов, стало лейтмотивом многих публикаций конца осени 1919 г., когда положение Российской правительства А. В. Колчака и его войск оставляло желать лучшего. Слишком много разочарований было связано в первую очередь с США. Надежды белых на масштабную экономическую, военную поддержку со стороны заокеанской демократии, которая, используя свой огромный экономический потенциал, легко сможет помочь антибольшевистскому движению, так и не оправдались. В военном плане за американцами закрепилась репутация «симулированных друзей», которые ведут себя в России «как в стране ими завоеванной», «с бесшабашной разнузданностью, которая совершенно недопустима» [17, 12 сент.]. В результате они явно уступали японцам, которые имели репутацию ярых борцов с большевизмом в Сибири и на Дальнем Востоке, учитывая то, что пресса не раз писала и о некорректном поведении японских войск, и о репрессиях, чинимых ими в отношении русского населения. Неоднократно в прессе высказывалось мнение, что присутствие американцев приносило больше вреда, чем пользы. К аналогичному выводу позже пришел и американский генерал У. Гревс, в своей книге заявивший: «я командовал войсками США, посланными в Сибирь, и должен признать, что не знал, чего собственно Соединенные Штаты пытались достичь путем вооруженной интервенции». «Интервенция была громадной ошибкой, непростительным отклонением от общепринятой практики международных отношений, результаты чего вскоре оказались гибельными» [6, с. 247].

Сложно сказать, в какой степени образ американцев влиял на настроения населения Сибири и Дальнего Востока. Необходимо отметить, что не следует переоценивать значение прессы в деле формирования образа интервентов в общественном сознании. Не все, что писалось в газетах, доходило до адресата. Если в городах информирование населения «было обставлено лучше», то за их пределами население зачастую не представляло, что происходит вокруг. Тем не менее публикации в периодической печати дают все же некоторое представление о том, как воспринимались американцы и другие интервенты в обществе. В прессе можно встретить слова относительно США и американцев, подобные данному высказыванию газеты «Восточный курьер» – «Проникнуты ли мы симпатией к этой стране? Нет, ибо народ русский в целом имеет об американцах представления еще меньше чем об англичанах» [26, 30 сент.]. Характеризуя отношение русских к союзникам редакция «Сибирской жизни» считала, что «не разубедишь никакими дипломатическими доводами народ, что союзники не могут помочь. Он убежден, что они не хотят помочь, что они взяли все, что могли с русских и, сделав свое дело, отошли в сторону» [8, 25 сент.]. К подобному мнению добавлялся также тезис о том, что «для русского народа и в частности для Сибири стало ясно, что нам решительно нечего ожидать от союзников и в частности от Америки и что нужно надеяться только на себя и на свои силы» [18, 7 окт.].

По мнению газеты «Забайкальская новь», «русские недовольны союзниками. Им кажется – и не без основания – союзная помощь и недостаточно искренней и мало энергичной. Русские полагают, что если стать на точку зрения взаимных услуг, то принесенные ими в мировой войне жертвы настолько громадны, что союзники не заплатили по ним и сотой доли своего долга» [30, 2 дек.]. Развивая тезис о том, что союзный долг перед Россией не выполнен, газета «Сибирская речь» считала, что Россия в свою очередь не имеет обязательств перед союзниками и вольна распоряжаться своей судьбой, заключать какие угодно союзы и соглашения, устраивать свое будущее как это нужно нам и только нам одним» [28, 28 окт.]. Некоторые газеты, разуверившиеся в помощи Антанты и США, прямо обвиняли интервентов в том, что они попросту используют Россию в своих корыстных целях. Подобные мнения, позволяют сказать, что к концу 1919 г. общественность «белой» Сибири разочаровалась в союзниках.

Надежды антибольшевистских сил на то, что сотрудничество с союзниками позволит укрепить авторитет белого движения, подчеркнет его демократические устремления и приблизит победу над большевизмом, возникшие на начальном этапе интервенции, оказались напрасными. Напротив, связь с интервентами и неспособность противостоять большевикам в конченом счете делали непопулярным и режим А. В. Колчака. На фоне критики «русской политики» союзников, нараставшей во второй половине 1919 г., правительственная и кадетская печать стремилась убедить общественность в необходимости сплочения вокруг Верховного Правителя и решения внутренних насущных проблем. Это, однако, также оказалось безуспешным.

Следует отметить, что население Западной Сибири чаще сталкивалось лишь с представителями АКК и ХСМЛ и американской гуманитарной помощью, а об американских войсках могло судить только по газетным сообщениям, порой отрывочным и противоречивым. Дальневосточные и восточносибирские газеты чаще и подробнее писали об американцах, поскольку находились непосредственно в гуще событий и могли оперативно на них реагировать, поставляя актуальную и злободневную информацию и отклики на нее. Кроме того, критика представителей США в Приморье и Восточной Сибири падала во многом на благодатную почву, поскольку жители Владивостока, Хабаровска или Забайкалья сами могли не раз столкнуться с негативными проявлениями американской интервенции. В данном случае авторы антиамериканских статей, заметок и фельетонов выступали как часть общества и отражали его настроение, одновременно с этим влияя на общество и усиливая его недовольство американцами и союзниками в целом.

Литература

1. Американцы и мы // Голос Приморья (Владивосток). 1919.
2. Борьба за власть советов в Приморье (1917 – 1922): сб. д-тов / ред. Л. И. Великова. Владивосток: Приморское книжное издательство, 1955.
3. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак: в 2-х т. Т. 2. Пекин, 1921.
4. Голдин В. И. Среди «замазанных фигур». Белое движение: перспективы исследования // Родина. 2008. № 3. С. 3 – 8.
5. Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн М.: Новый хронограф, 2012.
6. Грэвс В. Американская авантюра в Сибири. М.: Военгиз, 1932.
7. Демократический прием // Русь (Омск). 1919.
8. Записка Черчилля Сибирская жизнь (Томск). 1919.
9. Иркутск, 11 сентября // Свободный край. (Иркутск). 1918.
10. История Дальнего Востока России / под ред. Б. И. Мухачева. Владивосток: Дальнаука, 2003. Т. 3. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Кн. 1.
11. Квакин А. В. За спиной Колчака: Документы и материалы. М.: Аграф, 2005.
12. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: д-ты и материалы: сборник / отв. ред. Б. И. Мухачев. Владивосток: ИИАЭН ДВО РАН, 1995.
13. Красноярск, 23 июля // Воля Сибири (Красноярск). 1918.
14. К текущему моменту // Сибирская речь (Омск). 1918.
15. «Невмешательство» // Забайкальская новь (Чита). 1919.
16. О Владивостокских настроениях // Голос Приморья (Владивосток). 1919.
17. О друзьях и недругах // Восточный курьер (Чита). 1919.
18. О помощи союзников // Русская речь (Новониколаевск). 1919.
19. Отклики // Восточный курьер (Чита). 1919.
20. Отклики печати // Сибирская жизнь (Томск). 1919.
21. Пора понять Америку // Русский восток (Чита). 1919.
22. Поршнева О. С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1(42). С. 43 – 52.
23. Призыв или приход варягов? // Сибирь (Иркутск). 1918.
24. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40218. Оп. 1. Д. 104
25. РГВА. Ф. 40218. Оп. 2. Д. 121.
26. Россия и мирные договоры // Восточный курьер (Чита). 1919.
27. Россия и союзники // Сибирская жизнь (Томск). 1919.
28. Россия и союзники // Сибирская речь (Омск). 1919.
29. Русская «свободная» пресса // Дальний восток (Владивосток). 1919.
30. Союзники и Россия. Ставка на русскую кровь // Забайкальская новь (Чита). 1919.
31. Стельмак М. М. Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 2. С. 39 – 45.
32. Стельмак М. М. Отношения английского и Временного Сибирского правительства в 1918 г. (по материалам газеты «Сибирский вестник») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1. Т. 2. С. 63 – 67.
33. Телеграммы // Далекая окраина (Владивосток). 1918.
34. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. М. – Пг.: Госизд, 1923.

Информация об авторе:

Конев Кирилл Александрович – магистрант второго года обучения исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ), konev-k-92@rambler.ru.

Kirill A. Konev – Master's Degree student at the Faculty of History, National Research Tomsk State University.

(**Научный руководитель: *Шевелев Дмитрий Николаевич*** – доктор исторических наук, доцент Томского государственного университета, shev-dn@yandex.ru.

Research advisor: ***Dmitriy N. Shevelev*** – Doctor of History, Assistant Professor at National Research Tomsk State University).

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 94(571.1/.5)"1918/1920":070

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ «БЕЛОЙ СИБИРИ»

С. Е. Мишенин

RESEARCHES ON ECONOMIC ISSUES IN THE PRINTED MASS MEDIA OF THE «WHITE SIBERIA»

S. E. Mishenin

Статья посвящена общей характеристике изучения в историографии печати «белой Сибири» вопросов экономического развития региона. Раскрыты источники комплектования историографической информации. Выявлен круг наиболее активных авторов данной проблематики. Названа география их основных публикаций. Обобщены позиции по периодизации историографии. Проанализированы институциональные основы СМИ в границах «белой» Сибири. Выявлены несколько вариантов классификаций периодических изданий. Отмечен ведущий мотив периодики. Исследования позволили сделать вывод о ценности информационной стороны СМИ для разработки конкретных тем экономической тематики.

The paper presents a general characteristic of historiographical studies of the questions of economic development of the region in the “White Siberia” press. The sources of the historiographical information are disclosed, a number of most active authors on this topic is revealed, the geography of their main publications is listed. The positions on historiography periodization are generalized, the institutional bases of mass media in the borders of “White” Siberia are analyzed. Some variants of classifying the periodicals are revealed, the leading motive of the periodical press is noted. Researches allowed concluding of the value of mass media information for developing particular topics within economic issues.

Ключевые слова: периодическая печать, каналы историографического поиска, исследователи, историографические источники, справочная база исследования, институциональные основы периодики, классификация периодики, мотивация публикаций, информационная база периодики.

Keywords: periodicals, channels of historiographical search, researchers, historiographical sources, reference base for the research, institutional framework of periodicals, classification of periodicals, motivation for publications, periodicals information base.

Одним из потенциальных источников истории железнодорожного транспорта в границах «белой» Сибири является периодическая печать и одно из ее самых мобильных выражений – газеты и журналы. Ценность их для современного исследователя определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, они призваны отражать мнение современников по наиболее актуальным темам текущих событий. Во-вторых, их (газеты и журналы) организовывали и финансировали достаточно влиятельные силы, мнение которых пользовалось большим или меньшим признанием. В-третьих, по текущим процессам писали материалы современники, очевидцы. В силу этих обстоятельств привлечение материалов периодики делает любое исследование представительным.

Ранее автор уже обращался к истории железнодорожного транспорта в Сибири в 1918 – 1919 гг. На этот раз автор обратился к оценке в исследованиях по историко-экономической тематике в средствах массовой информации периода антисоветских режимов.

Первым шагом исследования было определение общего фронта опубликованных работ. Формирование его шло по нескольким каналам. Первый – это периодическое издание ГПНТБ СО РАН «История Сибири». В нем охвачены публикации с 1966 г. Вторым источником стал поисковик «Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat». На запрос «газеты Сибири» он представил 2572 (для 1918 – 1919 гг.) и 3164 (для 1918 – 1920 гг.) наименований. Третьим источником был выбран поисковик информационно-поисковых систем «Яндекс» и «Mail».

Выявленные материалы представлены достаточно развитыми формами изложения: статьи и диссертации, [12; 15; 16]Обзор материалов, выявленных с помощью них, позволил сформировать следующие выводы.

Во-первых. Практически всякий, кто обращался к истории Сибири в годы гражданской войны, привлекал в качестве своего источника периодику, давал ее информационную оценку. Но в качестве специального объекта своего исследования такую работу делали далеко не все. К настоящему времени в отечественной историографии сформирована группа авторов, которая приступила к обобщению степени изученность вопросов средств массовой информации периода гражданской войны 1918 – 1920 гг. Обобщение их работ позволило выделить некоторые существенные черты. Прежде всего, зафиксирована общая позиция по периодизации историографии истории печати периода гражданской войны. Это – следующие временные отрезки: 1919 – 1920-е гг., 1930-е – первой половине 1950-х гг., вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг. и конец 1980-х – начало 2010-х гг. Они вполне соответствуют общей периодизации истории отечественной исторической науки. Практически однозначно определен пионер разработки этого направления. Это А. В. Адрианов, принимавший активное участие в борьбе с большевиками, который в 1919 г. выпустил небольшую брошюру о периодической печати Сибири с указателем изданий в 1918 г. Была представлена принципиальная оценка каждого этапа. В обзор включены как отечественные издания разных направлений, так и зарубежные.

В 1920-е гг. инициативу в разработке темы перехватила советская историография и ее «сибирское» ответвление. Своеобразным итогом этой работы стала статья «Газеты» в «Советской сибирской энциклопедии» (1929 г.). Был выявлен круг периодических изданий. Но основное внимание было приковано к органам большевистской направленности. Именно это крыло периодики стало главным объектом внимания историков в последующие десятилетия, практически до середины 1980-х гг.

Применительно к 1930-м – первой половине 1950-х гг. авторы отмечали практическое отсутствие специального изучения периодики.

С середины 1950-х гг. авторы отмечали возрождение внимания исследователей к проблемам функционирования периодики в рамках «белой» Сибири. Круг исследователей расширился за счет М. Н. Черноморского [19; 20], В. А. Кадейкина [4], В. С. Познанского [13] и др.

Работы этих авторов представляли собой как специально обращенные к истории периодики периода гражданской войны, так и посвященные разным вопросам, которые были связаны с разными темами, которые отражались в печати или были связаны с периодикой. Но критерием объективного освещения текущих событий до второй половины 1980-х гг. оставалась большевистские и левоцентристские издания.

К настоящему времени эту линию исследователей завершают Э. И. Кузнецова (1979) [7], Н. М. Семенова (1977 г.) [17], А. П. Волгин (1990 г.) [1], А. Н. Никитин (1991 г.) [11].

В последние десятилетия наиболее плодотворными в разработке тематики были такие авторы, как В. А. Кожевников (Хабаровск, 2000 г.) [5], ДНовосибирск, 2000[18], Л. А. Молчанов (2002 и 2011 гг.) [8; 9], А. А. Мышанский (Омск, 2004) [10], Кемерово, 2008[14], И. Ю. Денисов (Омск, 2010) [2], Новосибирск, 2011[21; 22]. ***Во-вторых,*** проанализированы институциональные основы средств массовой информации в границах «белой» Сибири, а также ряд изданий, которые издавались уже за рубежом. Из эмигрантских изданий можно выделить «Вольную Сибирь», «Социалистический Вестник», «Последние новости» и другие издания [5].

К этому второму блоку научной информации целесообразно отнести такие сюжеты, как количественная динамика изданий, их распределение по территории региона страны, их принадлежность политической направленности. Была показана различная география их издания. Это была зона Сибири, прилегающая к железной дороге. Обращается внимание, что при белых практически в каждом сибирском городе издавалось не менее 2 – 3 газет, а в некоторых губернских и областных центрах их было около десятка. Особенно много газет выходило в Омске, столице белой Сибири, и в старом культурном сибирском центре – Томске.

Авторы обратили внимание, что среди издателей доминировали политические партии. Были обозначены источники финансирования, тиражность. Отмечались противоречивые факторы, которые работали как на увеличение числа изданий, так и на их сокращение.

Сравнивая институционализацию средств массовой информации у разных противоборствующих сторон, А. Л. Посадсков сделал мысль, что у «белых» так и не сложилось единого государственного органа, который от имени правительства руководил бы печатью. Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев, сравнивая идеологические возможности противоборствующих сторон, показал «идеологическую слабость» антикоммунистических сил. Однако единства в оценке числа изданий их классификации еще не достигнуто [6; 8 – 10; 14; 21].

В-третьих, авторами предложены несколько вариантов классификаций периодических изданий А. А. Мышанским [10].

В-четвертых, отмечен ведущий мотив правительственной периодики «белой» Сибири: сформировать у западносибирских рабочих и интеллигенции выгодное им, во многом одностороннее и даже в чем-то ложное мнение о событиях как в центре страны, так и на местах, исходя из своих политических воззрений. От политики беспристрастности и некоторого умолчания в подаче материала на страницах своих органов печати в предыдущий период после Октябрьской революции либерально-буржуазная пресса переходит к прямой и явной антибольшевистской и антисоветской агитации в направленности изложения фактов и информации.

В-пятых, обзор публикаций позволяет отметить осознаваемую ценность информационной стороны периодики для разработки конкретных тем: редкую возможность восполнить то, что утрачено в архивах. Газеты информировали читателей о многообразных сторонах жизни востока России, губернии (области), города или уезда. Во всех изданиях традиционной была хроника происшествий, в том числе и криминальных. Во многих случаях такая информация в архивах либо утрачена, либо ее там никогда не было [3], что позволяет получить почти целостную картину происходившего. Уместно отметить, что газетные публикации дают возможность получить уникальную информацию, например, о распространении в периодической печати правовых знаний [3].

В-шестых, вХарактерно, что позитивная информационная ценность периодики периода гражданской войны в «белой» Сибири стала оцениваться только на третьем этапе. Но начало новому отношению было положено [10].

Относительно состава информации и степени ее достоверности в целом авторы пришли к выводу, что повременные издания отличаются достаточной степенью достоверности информации, так как они очень оперативно реагировали на все происходящие события в стране и регионе, а цензура по разным причинам была не в состоянии полностью контролировать материал [6].

Обращается внимание на то, что анализ газетных публикаций дает возможность восполнить то, что утрачено в архивах. Газеты информировали читателей о многообразных сторонах жизни востока России, губернии (области), города или уезда. Во всех изданиях традиционной была хроника происшествий, в том числе и криминальных. Во многих случаях такая информация в архивах либо утрачена, либо ее там никогда не было.

Периодика тех лет содержала богатые по содержанию и разнообразные по формам материалы, отражающие умонастроения и политическую ориентацию всех социальных слоев населения. Сравнение освещения одних и тех же событий газетами разных направлений, привлечение архивных и мемуарных материа-

лов позволяет получить почти целостную картину происходившего. Уместно отметить, что газетные публикации дают возможность получить уникальную информацию, например, о распространении в периодической печати правовых знаний [3].

Относительно темы статьи следует отметить, что исследователи специально не рассматривали отражение экономической жизни в средствах массовой информации. Автора этой статьи специально интересовали вопросы развития транспорта. Но из нескольких сотен изданий обработана только небольшая часть их. Продолжение этой работы позволит существенно дополнить представление об этой стороне жизни «белой» Сибири.

Помимо этого, автором сформирован некоторый и достаточно общий алгоритм историографического анализа материалов периодики. Вот он:

– выявление динамики авторского состава исследователей по этапам развития исторической науки;

– оценка институциональных основ средств массовой информации в границах «белой» Сибири, которые рассматривались исследователями, алгоритм изучения изданий. Автор рассмотрел различие в оценке институциональных основ средств массовой информации у разных противоборствующих сторон;

– исследование вариантов классификаций периодических изданий – выявление ведущих мотивов периодики;

– формирование ценности информационной стороны периодики для разработки конкретных тем;

– изучение динамики критической оценки периодики на протяжении развития отечественной историографии.

Была бы интересна его проверка на различных исторических темах. Это позволило бы поднять теоретический уровень историографических исследований и теории истории как науки.

Литература

1. Волгин А. П. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина: автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1990.

2. Денисов И. Ю. Денежное обращение и денежно-финансовая политика на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1917 – 1922 годах: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2010.

3. Звягин С. П. Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистскими правительствами на востоке России: 1918 – 1922 гг.: автореф. дис. … докт. ист. наук. Кемерово, 2003.

4. Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной венной интервенции и гражданской войны. Кемерово: Кн. изд-во, 1968. 558 с.

5. Государственное устройство России в планах антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока, октябрь 1917 – март 1920 гг.: автореф. Хабаровск, 2000.

6. Косых О. Е. Периодическая печать как источник по истории профсоюзно-профессионального движения Западной Сибири: Март 1917 – май 1918 гг.:. Томск, 2002.

7. Кузнецова Э. И. Партийно-советская печать Дальнего Востока в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции: дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

8. Молчанов Л. А. Белая Сибирь: деятельность информационно-агитационных учреждений (1918 – 1920 гг.). 2011. № 29.

9. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002.

10. Мышанский А. А. Органы местного самоуправления Сибири в период Гражданской войны: Июнь 1918 – январь 1920 г.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2004.

11. Никитин А. Н. Периодическая печать как исторический источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991.

12. Периодическая печать в Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 – декабрь 1919 г.). Томск, 1991. 54 с.

13. Познанский В. С. Очерки вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917 – 1918 гг. Новосибирск: Наука, 1973. 313 с.

14. Пузынин А. В. Становление и развитие системы газетной периодики Кузбасса в 1917 – 1991 гг.. Кемерово, 2008.

15. Сводный каталог периодики Западной Сибири 1783 – 1959 гг. Ч. 1. Журналы. Продолжающиеся издания / Зон. Об-ние б-к Зап. Сибири, Новосибирская обл. б-ка; сост. Т. Г. Губкина, А. В. Суворова. Новосибирск, 1972. 283 с.

16. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Сибири и Дальнего востока 1789 – 1980 // Гос. публ. науч.-техн. б-ка СО АН СССР; отв. сост. Р. Е. Павлова. Новосибирск, 1989. 638 с.

17. Семенова Н. М. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической» контрреволюции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. 18 с.

18. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия, май-декабрь 1918 г. Новосибирск, 2000.

19. Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР: Советский период: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История». М.: Высшая школа, 1976. 296 с.

20. Черноморский М. Н. Периодическая печать: учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М.: 1956. С. 239.

21. Шереметьева Д. Л. Периодическая печать кадетов в Сибири в июне – ноябре 1918 г. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. 2010. С. 138 – 146.

22. Шереметьева Д. Л. Газеты Сибири в период "демократической контрреволюции". Новосибирск, 2011.

Информация об авторе:
Мишенин Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, s-e-m-57@mail.ru
Sergey E. Mishenin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 94(47)

ПЬЯНСТВО, БЕСПОРЯДКИ В 1-М ЕНИСЕЙСКОМ КАЗАЧЬЕМ ПОЛКУ

В. А. Паршуков

DRUNKENNESS AND RIOTING IN THE 1ST YENISEI COSSACK REGIMENT

V. A. Parshukov

В статье рассматривается проблема пьянства, беспорядков, нарушений воинской дисциплины в 1-м Енисейском казачьем полку во время Гражданской войны. Приводятся приказы о наказании военнослужащих полка за различные проступки и преступления, которые мешали выполнению боевой задачи и иногда приводили к сдаче населенных пунктов без боя красным партизанам. Основное внимание уделяется мерам, принимаемым командованием по наведению дисциплины и искоренению негативных явлений среди казаков и офицеров полка.

The paper addresses the problem of drunkenness, disorders, violations of military discipline in the 1st Yenisei Cossack Regiment during the Civil War. The paper presents the orders for punishing the Regiment's soldiers in cases of various offenses and crimes that hindered the military mission performance and sometimes led to surrendering settlements to the Red partisans without striking a blow. The paper focuses on the measures taken by the Regiment commanders to restore discipline and eliminate the negative occurrences among the Cossacks and the officers of the Regiment.

Ключевые слова: енисейское казачество, 1-й Енисейский казачий полк, Гражданская война, пьянство, нарушения воинской дисциплины, преступления.

Keywords: Yenisei Cossacks, 1st Yenisei Cossack Regiment, Civil War, drunkenness, breach of military discipline, crimes.

Если до Первой мировой войны енисейские казаки, служившие в Красноярской казачьей сотне, отличались своей дисциплиной, и у них, в отличие от соседей казаков-иркутян, практически отсутствовали дисциплинарные проступки [7, с. 206], то во время Гражданской войны у енисейцев было распространено пьянство, самовольные отлучки, встречались случаи дезертирства и других преступлений.

Эта негативная сторона жизнедеятельности енисейских казаков до настоящего времени в работах исследователей Гражданской войны не рассматривалась.

«Одной из серьезных проблем, с которыми сталкивалось казачество, была проблема пьянства. В условиях Гражданской войны, безвластия, хаоса и всеобщей разнузданности эта проблема, неизменно сопровождалась ростом количества бытовых преступлений, стала значительно более серьезной, чем прежде» [1, с. 45]. О пьянстве среди казаков 1-го Енисейского казачьего полка сотник Г. К. Бологов докладывал делегатам 5-го Большого Круга Енисейского казачьего войска (ЕКВ) 19 февраля 1919 г. на его закрытом заседании.

Наибольшее количество нарушений воинской дисциплины, случаев пьянства и дебошей было в 5-й казачьей сотне, где командиром состоял подъесаул Асаульченко, а офицерами числились Харин, Вавилов, Поминов. Офицеры сотни были приписными казаками из бывших пехотных офицеров, вступивших в войско после его образования. Эти офицеры среди казаков авторитетом не пользовались и не смогли навести порядок в сотне. В результате этого 5-я сотня была расформирована командиром полка за пьянство, «дезертирство и дебоши казаков» [6, л. 61]. Вместо шестисотенного состава по штату, полк до конца Гражданской войны остался фактически четырехсотенным. Шестая сотня, начав формироваться, так и не была укомплектована из-за отсутствия казаков.

Делегаты 5-го Большого Круга ЕКВ, сыновья и родные которых служили в полку, были обеспокоены таким положением дел в строевой части енисейских казаков и приняли постановление: «Все военнослужащие офицеры и казаки должны вести себя трезво, помнить о том, что трезвость есть залог успеха. Командный состав обязан приложить все меры, к поднятию среди военнослужащих разумной дисциплины, трезвости, нравственности, патриотизма и не допускать никаких послаблений…» [4, с. 50].

В приказе от 17 апреля 1919 г. по 1-му Енисейскому казачьему полку, штаб которого находился в Красноярске, было сказано о «повторяющихся случаях пьянства и буйства среди казаков… полка, появлении казаков в пьяном виде на улицах города и общественных местах, бесцельной гоньбы лошадей…». В связи с этим командир полка приказал: «…командирам сотен и начальникам команд назначать кроме дежурного урядника по сотне», также дежурных офицеров, которые должны следить за соблюдением дисциплины в сотнях и командах [5, л. 60].

Повысились требования к офицерам со стороны командующего полка: «За послабления буду командиров сотен отрешать от командования и наказывать вплоть до предания суду. Офицеров, замеченных в разных слабостях, послаблениях по службе, небрежности,

нетребовательности к подчиненным, буду наказывать по всей строгости военных законов» [5, л. 60].

Кроме того, командирам сотен и команд было приказано не отпускать казаков в город без увольнительных записок, а всем офицерам полка – задерживать казаков, находящихся в городе без увольнительных записок, и препровождать их на гарнизонную гауптвахту.

Для поддержания дисциплины и порядка был выпущен приказ от 15 мая 1919 г. по Красноярскому военному району за подписью генерал-майора Шарпантье. В приказе отмечалось, что в связи с прибытием пополнения наблюдается появление военнослужащих без погон, на фуражках отсутствуют кокарды или ленточки, приказ об отдании установленной воинской чести не выполняется как солдатами, так и офицерами. Причем некоторые офицеры при отдании чести левую руку держат в кармане, а иногда отдают честь левой рукой. Приказом было предписано увольнять военнослужащих из казарменного расположения только по запискам офицеров и с удостоверением личности, а также при условии умения ими отдавать воинскую честь по уставу. Командиры частей должны ознакомить подчиненных «с офицерской формой как итальянских, так и чехословацких войск и требовать отдания чести со стороны солдат и казаков офицерам иностранных армий» [5, л. 113 об.].

В приказе по 1-му Енисейскому казачьему полку сообщалось, что 5-м Большим кругом ЕКВ «принято решение неисправимых казаков за пьянство, хулиганство, буйство, исключать из сословия и удалять из станицы». Командующий полком потребовал: «Командирам сотен …доносить мне о таких недостойных казаках» [5, л. 60].

Трудно сказать, насколько принятые меры в 1-м Енисейском казачьем полку по наведению дисциплины и борьбе с пьянством среди казаков дали положительные результаты, но в приказах по полку в последующие два месяца случаев пьянства среди казаков не отмечалось. Только в июле 1919 г. казаки, уволенные в станицу Торгашинскую, допустили проступок, после которого вышел приказ Временно командующего полком есаула А. Н. Муратова: «Командирам сотен и начальникам команд… не увольнять казаков в Торгашинскую станицу, т. к. увольняемые казаки в станице ведут себя скверно» [5, л. 115 об.].

На поведение казаков постоянно поступали жалобы из других населенных пунктов Енисейской губернии. По сообщению из Минусинска со стороны казаков Енисейского казачьего полка «были случаи грабежей, а так же насилия над женщинами… В самом городе постоянное пьянство и дебоши с пусканием в ход оружия» [2, с. 35].

Казак 1-й сотни 1-го Енисейского казачьего полка Солдатов Андрей в пьяном виде гонялся с обнаженной шашкой за прохожими в г. Минусинске. После того как он был арестован и доставлен на гауптвахту, то «ударил одного из чинов караула» [2, с. 34]. Возможно, что с пьянством были связаны самовольные отлучки и другие дисциплинарные проступки казаков.

Многие исследователи в своих работах отмечают, что в Первую мировую войну казачьи части были наиболее дисциплинированными подразделениями и случаев дезертирства у казаков не было.

В гражданскую войну ситуация поменялась и дезертиры появились среди казаков, но у енисейцев случаи дезертирства все же не были массовыми. Казак команды молодых 1-го Енисейского казачьего полка Медведев Сергей за дезертирство был отправлен 26 июня 1919 г. на гарнизонную гауптвахту, где содержался до суда [5, л. 196]. Другой казак команды молодых (Минусинской) Егоров Илья при следовании из Минусинска 25 мая 1919 г. самовольно отстал от команды. До 30 мая он в полк так и не прибыл. Самовольные отлучки, наряду с пьянством, были самым распространенным в казачьем полку нарушением воинской дисциплины. Ежемесячно таких случаев набиралось немало. 8 мая 1919 г. казаки нестроевой команды Сидоров Петр и Макеев Яков самовольно отлучились из расположения части. В приказе по полку от 21 июня указано, что «казак 1-й сотни Карлов Петр 17 июня самовольно отлучился из сотни и до настоящего времени в полк не явился» [5, л. 147]. С 21 июня 1919 г. числился в самовольной отлучке казак нестроевой команды Иконников Иван [5, л. 205]. В этом же месяце находившийся на пастбище казак Лещугов Владимир сбежал верхом на казенной лошади и спустя неделю в полк так и не вернулся [5, л. 209 об.].

Если казак не возвращался из самовольной отлучки, то он уже числился «в бегах», как, например, казак нестроевой команды Фомин Михаил. Казаки пулеметной команды Песегов Алексей Семенович и Песегов Александр Максимович 18 апреля были «уволены начальником команды домой для сбора своего имущества» и к 15 мая в полк не вернулись, поэтому были объявлены как находящиеся в бегах. Через несколько дней вышел приказ: «поименованных казаков в бегах не считать… как явившихся» [5, л. 95].

Были и оправдательные причины, как у «казака Романа Потылицина, прибывшего из отпуска с опозданием по уважительной причине» [5, л. 73 об.].

О задерживающихся из увольнения казаках было сказано в приказе временно командующего полком есаула Муратова: «Мною замечено, что казаки, увольняемые властью командиров сотен и начальников команд на 1 – 2 дня, возвращаются с большим опозданием и начальники сотен и команд мне об этом не доносят. Впредь приказываю всем командирам сотен и команд доносить мне о случаях невозвращения казаков в срок…» [5, л. 217].

За нарушения воинской дисциплины, самовольные отлучки и другие нарушения казаки подвергались дисциплинарным взысканиям, в том числе и аресту на гауптвахту. Казак нестроевой команды Потылицин был арестован на 20 суток. На гарнизонной гауптвахте содержался и казак пулеметной команды Василовский [5, л. 171]. Иногда гарнизонная гауптвахта была переполнена, поэтому «за неимением мест в гарнизонной гауптвахте арестованные казаки нестроевой команды Песегов Михаил и Рачковский Александр» содержались под арестом в Красноярской городской тюрьме [5, л. 135].

Среди других наказаний в полку применялось разжалование или отстранение от должности. Приказом по Енисейскому казачьему войску от 7 мая 1919 г. старший урядник нестроевой команды Шеходанов Константин и младший урядник 3-й сотни Иванов Иван Иванович за незнание службы и поведение были разжалованы в рядовые казаки [5, л. 75 об.].

Нарушения воинской дисциплины казаками 1-го Енисейского казачьего полка мешали выполнению боевых задач, как, например, произошло на Ирбейском фронте в Енисейской губернии. Приказом начальника Ирбейской группы войск за пьянство и самовольные отлучки были разжалованы казаки первой сотни: старший урядник Кручинкин Валентин в приказные, а младший урядник Нешумаев Георгий и приказный Мельников Анфилофий – в рядовые казаки [5, л. 149].

Из доклада управляющего Минусинского уезда П. Н. Тарелкина от 17 июля 1919 г. становится известно, что командованием казачьих подразделений «не была организована разведка, в отряды, контролировавшие переправы, из штаба отправлялась водка. Офицеры правительственного отряда находились не в частях, а в штабе в Каратузе, где пьянствовали. Это привело к разложению и неверию в свои силы у рядовых бойцов. Следствием этого стало оставление правительственными силами без боя станицы Каратуз» [8, с. 80–81].

За совершенные преступления казаки получали наказания, в том числе и самые суровые. Минусинским военно-полевым судом добровольцев 2-й сотни Степана Зеймана и нестроевой команды Лаврентия Погудина осудили первого к 20 годам каторги, а второго к смертной казни [5, л. 193 об.].

1 мая 1919 г. казак команды молодых Фабришников Иван убил казака той же команды Замятина Петра Игнатьевича, за что был арестован и отправлен до расследования дела в Минусинскую тюрьму [5, л. 89]. Казак нестроевой команды Соколов Иван был осужден за преступление, совершенное им на прежнем месте службы.

«4 декабря 1918 г. в г. Красноярске состоя на должности фельдфебеля 9 роты 4-го Кадрового Енисейского полка Соколов промотал выданный ему для постоянного употребления казенный полушубок, передав его брату», кроме того присвоил себе еще один полушубок [5, л. 200 об.]. С учетом уменьшающих вину обстоятельств, Временный Военный суд г. Красноярска постановил подвергнуть его «содержанию под арестом на хлебе и воде в течение пяти недель» [5, л. 200 об.].

Нужно отметить, что среди природных енисейских казаков нарушения дисциплины и преступления были реже, чем у приписных казаков, вступивших в войско накануне и во время Гражданской войны. По мнению помощника командира полка по строевой части сотника Г. К. Бологова одной из причин беспорядков в 1-ом Енисейском казачьем полку было то, что казаки все время находились в командировках, и штабу полка трудно было при этом контролировать их поведение.

Другой причиной беспорядков, он считал «крайний недостаток в чисто казачьих офицерах, которые могли бы руководить казаками и служить» для них примером [3, с. 27].

Большая часть офицеров 1-го Енисейского казачьего полка была из бывших пехотных офицеров, так называемых приписных казаков, вступивших в казачество в 1917 – 1918 гг., не знающих кавалерийского дела. Они не всегда могли найти взаимопонимание с казаками, а это сказывалось на дисциплине личного состава полка. Не все офицеры полка могли служить примером для казаков, некоторые из них сами допускали дисциплинарные проступки и даже преступления.

Совсем еще молодой, двадцатиоднолетний офицер, хорунжий 1-го Енисейского казачьего полка Стрелецкий Константин Николаевич Общим корпусным судом Сибирской армии 9 мая 1919 г. был признан «виновным в умышленном убийстве при уменьшающих вину обстоятельствах», лишен всех прав состояния и воинского звания, исключен из военной службы и приговорен к каторжным работам сроком на 20 лет. Командование 1-го Енисейского казачьего полка «вышло с ходатайством к Командующему Сибирской армии о облегчении участи подсудимого ввиду наличности особых обстоятельств в совершении им преступления» [5, л. 209].

Сотник Полынцев появился на службе в пьяном виде, за что был наказан командиром полка «простым арестом на трое суток» [5, л. 85]. За такой же проступок прапорщик Шаронов был арестован на семь суток в гарнизонную гауптвахту.

Хорунжий Молочков Апполон Николаевич находился в кратковременном по состоянию здоровья отпуске, после чего на службу вышел с опозданием на несколько дней. За опоздание он был арестован на 7 суток командиром полка и содержался под арестом на гарнизонной гауптвахте [5, л. 112 об.].

Арестом на 7 суток был наказан командиром полка прапорщик Компасов за неисполнение приказания по полку.

Хорунжий Молочков совершил еще один проступок, о котором сообщил управляющий Минусинского уезда. Находясь в селе Рыбалке с отрядом казаков в 20 человек, он не уплатил ни за корм для лошадей, ни за себя [2, с. 35].

Остановившиеся в Городке офицеры полка потребовали закуски и не рассчитались за продукты, которые для них купили в лавке хозяева земской квартиры. Три офицера, приехавшие перед Рождеством в село Светолобовку Новоселовской волости, украли на земской квартире, где они жили, одеяло и шарф [2, с. 33].

В Минусинске в ноябре 1918 г. во время крестьянского восстания, когда требовались совместные усилия всех воинских частей по наведению порядка в уезде, командир атаманской сотни сотник Васильев Иван Иванович отказался выполнить приказ начальника гарнизона о выделении казаков в командировку. Васильев заявил, что «казаки начальнику гарнизона не подчинены и …не намерен давать своих людей в эту командировку с подчинением их пехотному офицеру, назначенному начальником отряда» [2, с. 18].

Начальнику гарнизона не подчинялись и другие офицеры 1-го Енисейского казачьего полка. По поводу неподчинения начальнику гарнизона было назначено расследование всех обстоятельств дела.

Все безобразия, низкая дисциплина, «недопустимое поведение офицеров и казаков 1-го Енисейского казачьего полка», происходили, по мнению командования Иркутского военного округа и 4-й Иркутской конной бригады, при «попустительстве со стороны как полкового, так и войскового начальства». Командир полка Розанов «молодой, малоопытный и слабым характером, находится всецело под влиянием атамана Тялшинского и не может управлять полком» [6, л. 7, 7 об.].

О низкой дисциплине в полку можно судить по случаю произошедшему во время Минусинского восстания в конце 1918 г., когда наступающие на город

крестьяне оттеснили защитников города, на правом фланге обороны. Исходя из создавшейся ситуации, генерал-майор И. Ф. Шильников приказал готовить конную атаку силами казаков 1-го Енисейского казачьего полка. Боевой генерал первым ринулся в атаку, за ним следом пошли начальник штаба его отряда есаул Бекович-Валуйский, командир полка хорунжий Розанов и еще 9 человек, половина из которых были молодыми совсем не обученными казаками, практически детьми в возрасте 15 – 17 лет. Старослужащие казаки не подчинились приказу командира полка хорунжего Розанова, сгрудились в кучу и остались на своих позициях.

Начальник 4-й Иркутской конной бригады генерал-майор И. Ф. Шильников предложил мероприятия для прекращения беспорядков в 1-м Енисейском казачьем полку:

«1. Просить помощника Военного министра по казачьим делам указать войсковому атаману на необходимость принять с его стороны меры к недопущению безобразий чинимых офицерами и казаками.

2. Отчислить хорунжего Розанова от командования полком.

3. Так как в Енисейском войске нет штаб-офицеров, знающих кавалерийское дело…, то командиром полка назначить одного из штаб-офицеров Забайкальского войска, если нет другого кандидата в штабе округа.

4. Помощником командира Енисейского полка по строевой части назначить одного из штаб-офицеров или есаулов Забайкальского казачьего войска» [6, л. 7 об.].

В свою очередь на должность командира 1-го Енисейского казачьего полка Шильников предложил войскового старшину Забайкальского казачьего войска Чиркова.

Предложения И. Ф. Шильникова в отношении усиления 1-го Енисейского казачьего полка штаб-офицерами и есаулами Забайкальского казачьего войска так и не нашли своего продолжения.

Бывший командир полка Василий Иванович Розанов, уже в чине войскового старшины отбыл на Западный фронт даже с повышением – возглавил 2-ю Отдельную стрелковую бригаду. Атамана Алексея Никаноровича Тялшинского отстранили от управления Енисейским казачьим войском под предлогом обучения в Академии Генерального штаба. Временно исполняющего обязанности командира 1-го Енисейского казачьего полка есаула Алексея Николаевича Муратова позже утвердили на должность командира полка.

Низкая дисциплина среди казаков и офицеров 1-го Енисейского казачьего полка, беспорядки, пьяные дебоши, насилие над мирным населением со стороны казаков, подрывали доверие граждан к власти и вызывали ответную реакцию, выразившуюся в росте сопротивления и усилении партизанского движения в Енисейской губернии.

Литература

1. Ганин А. В. Проблема пьянства в Оренбургском казачьем войске накануне и в период гражданской войны // Новейшая история Отечества XX − XXI вв.: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012. Вып. 4. С. 45–53.

2. Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.-Л., Центрархив, 1925.

3. Паршуков В. Постановления 5-го Большого Круга Енисейского казачьего войска, состоявшегося 15–21 февраля 1919 года // Сибирский исторический альманах. Т. 1. Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 24 – 29.

4. Протоколы 5-го Большого Круга Енисейского казачьего войска 15 – 21 февраля 1919 года в г. Минусинске. Ачинск: Типография Ачинского Товарищества печатного дела, 1919.

5. Российский Государственный Военный архив (РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 9.

6. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 290.

7. Романов Г. И., Новиков П. А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX вв.). Иркутск: Земля Иркутская, 2009.

8. Тарасов М. Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917 – 1922. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.

Информация об авторе:

Паршуков Владимир Александрович – производитель работ Муниципального бюджетного учреждения Управления инженерной защиты, г. Ульяновск, parvla@mail.ru.

Vladimir A. Parshukov – agent at Municipal budgetary institution ‘Engineering protection Dividsion’, Ulyanovsk.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 930.9(477.75):355(=512.143)«1918/1920»

КРЫМСКИЕ КАРАИМЫ В СОСТАВЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ (1918 – 1920)

Д. А. Прохоров

CRIMEAN KARAITES IN THE ARMED FORCES OF THE SOUTH OF RUSSIA (1918 – 1920)

D. A. Prokhorov

В статье проанализированы сведения об участии солдат и офицеров из числа представителей караимских общин Крыма в Добровольческой армии Юга России, воевавших на стороне белых во время Гражданской войны. В научной и научно-краеведческой литературе имеются разрозненные сведения относительно участия караимов в рядах Вооруженных сил Юга России. Эти данные не отличаются полнотой и носят, в большинстве своем, отрывочный характер; в ряде случаев встречаются фактические ошибки и неточности. Целью статьи является анализ выявленных сведений о караимах в составе ВСЮР, а также реконструкция биографий караимов-военнослужащих белой армии, проходивших воинскую службу в указанный период. При работе над статьей использовались архивные документы, хранящиеся в делах фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь), сборники по статистике конца XIX – начала XX в., сведения, содержащиеся в различных биографических справочниках, мемуары участников военных действий, а также материалы дореволюционной периодической печати.

Выяснено, что в составе Добровольческой армии Юга России в 1918–1920 гг. находилось значительное число караимов; многие из них погибли в боях с частями Красной армии и большевистского «красного» террора; некоторым удалось покинуть Крымский полуостров. Важной задачей в изучении этого вопроса является продолжение поиска и реконструкция биографий караимов, находившихся в рядах Добровольческой армии Юга России. Перспективным направлением в изучении этой проблемы является продолжение сбора архивных данных, материалов периодической печати, а также анализ и публикация мемуаров участников событий 1918–1920 гг.

The paper analyses the information about soldiers and officers of the Voluntary Army of the South of Russia from Crimean Karaites communities who took part in the Civil War. The information on the Karaites' participation in World War I and the Civil War is scattered in scientific and local history literature. However, it should be noted that these data are not complete and have a fragmentary character; in some cases, there are some factual mistakes and inaccuracies. The paper aims at reconstructing the biographies of the Karaites-servicemen of the Voluntary Army of the South of Russia in that period. Archive documents kept in the funds of Taurida and Odessa Karaite Religious Division of the State Archive of the Republic of Crimea (Simferopol), collections on statistics dating to the end of the 19th – early 20th centuries, data from various bibliographic reference books, memoirs of military operations participants and the materials of pre-revolutionary periodicals were used during the work on this paper.

A significant number of Karaites fought in the Voluntary Army of the South of Russia in 1918–1920. Many were killed in battles against the Red Army and the Bolshevik «Red» terror; some managed to leave the Crimean peninsula. An important task in the study of this issue is the continued search for and reconstruction of biographies of the Karaites who were in the ranks of the Voluntary Army of the South of Russia. A promising direction in the study of this problem is the collection of historical data, materials, periodicals, memoirs and participants in the events of 1918–1920.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Крым, караимы.

Keywords: Civil War, White movement, Crimea, Karaites.

Общие проблемы военной, политической и экономической истории Крымского полуострова в период с 1917 по 1920 гг. получили освещение в публикациях М. Ф. Бунегина [5], Б. Вольфсона [17], Н. Росса [51], А. Г. Зарубина и В. Г. Зарубина [22], Э. Кронера [28], В. Ф. Шарапы, К. К. Линева [32], А. В. Мальгина [33 – 34], С. В. Волкова [9 – 16], Л. Абраменко [2] и др. Тем не менее следует отметить, что вопрос об участии в рядах Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России лиц из числа караимов в литературе практически не рассматривался [1; 19; 49; 50; 52; 53; 56; 59]. Разрозненные сведения, встречающиеся в некоторых публикациях [41; 54], носят отрывочный характер; в ряде случаев имеются также фактические ошибки и неточности. Что касается кратких биографических заметок об участниках боевых действий, приведенных в работах А. Фуки [58, с. 43–54], М. А. Зайончковского [60, с. 15 – 87], В. С. Кропотова [29, с. 66–76], Э. И. Лебедевой [31, с. 50 – 70], то они основаны на неполных сведениях мемуарного характера; многие данные требуют серьезной корреляции с архивными источниками.

В задачи предлагаемой статьи входит анализ доступных на сегодняшний день данных о солдатах и офицерах из числа караимов, находившихся в рядах воинских формирований белого движения во время Гражданской войны в 1918 – 1920 гг. При работе над статьей использовались архивные документы, хранящиеся в делах фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП) Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь), сведения, содержащиеся в различных биографических справочниках, мемуары участников военных действий, а также материалы дореволюционной периодической печати.

Как известно, 4 апреля 1920 г. Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР; оперативно-стратегическим объединением белых войск Юга России в 1919–1920 гг.) и Правителем Юга России был назначен барон П. Н. Врангель. Следует заметить, что в рядах Добровольческой армии ВСЮР находилось немало солдат и офицеров из числа караимов, оставшихся верными принятой ранее в российской армии присяге. Так, например, известный караимский поэт и художник Вениамин Симович Бабаджан (10.09.1894 – 1920) с лета 1914 г. до весны 1918 г. находился в действующих войсках российской армии (проходил службу в 63-й пехотной дивизии, 252-м Хотинском 2-й очереди пехотном полку; состоял в чине прапорщика при воинском лазарете) [7, с. 386; 20, л. 118]; с конца 1919 г. он состоял в рядах в Добровольческой армии ВСЮР. В декабре 1919 г. В. С. Бабаджан был назначен командиром 7-й отдельной телеграфной роты Войск Новороссийской области [7, с. 488]. С января 1920 г. В. С. Бабабджан находился в Крыму. Когда в конце 1920 г. войска Красной армии заняли Феодосию, В. С. Бабаджан, как и многие другие белогвардейские офицеры, был арестован – он добровольно сдал оружие, однако затем, несмотря на обещания сохранить сдавшимся в плен жизнь, был расстрелян большевиками. По воспоминаниям Э. М. Миндлина, соратника В. С. Бабаджана, поэт «погиб в сумятице первых дней освобождения Крыма, когда забирали всех белых или казавшихся белыми. Он принадлежал ко вторым. Его расстреляли» [7, с. 491; 30, с. 59]. Перу В. С. Бабаджана принадлежит цикл фронтовых стихотворений («Прапорщик», «Зауряд-чиновник», «Попав поутру в голенище», «Спячка» и др.) и прозаических произведений (рассказ «Ива»), отличавшихся глубиной и отмеченных подлинным талантом [6]. Брату В. С. Бабаджана, белому офицеру Иосифу Бабаджану (1896 – 1973), ранее проживавшему в Одессе и мобилизованному в Добровольческую армию Юга России в декабре 1919 г., во время исхода белых из Крыма в ноябре 1920 г. удалось эмигрировать в Стамбул; с 1923 г. он проживал в Таллинне [29, с. 74; 7, с. 526].

Сыновья известного в Крыму и за его пределами ученого, садовода-помолога А. И. Пастака (1861–1932), также служили под началом П. Н. Врангеля – старший сын, Исаак Пастак (1894 – 1965), в 1920 г. был мобилизован в Добровольческую армию ВСЮР и проходил службу в артиллерии в чине поручика. В 1920 г. он эвакуировался в Галлиполи (ныне – г. Гелиболу в Турции), затем эмигрировал в Стамбул, после – в Чехословакию. В 1925 г. И. А. Пастак переехал в Париж, где устроился работать преподавателем в одно из лучших учебно-исследовательских учреждений Франции «Коллеж де Франс» (College de France). Шаббатай Пастак был мобилизован в Добровольческую армию в 1919 г.; в 1920 г. он, как и его брат, эмигрировал в Стамбул, позднее в Чехословакию; впоследствии оказался во Франции, в Париже, где работал инженером-электриком. Однофамилец братьев Пастаков, прапорщик Александр Пастак в 1917 г. окончил Павловское военное училище в Петербурге (т. н. «ускоренный выпуск»). В 1918 г. он состоял на службе в Сибирской армии, в 16-м Сибирском Ишимском стрелковом полку 4-й Сибирской стрелковой дивизии 2-го Степного-Сибирского корпуса; «за отличия в боях» в ноябре 1918 г. был произведен в подпоручики [54, с. 52]. Феодосиец, инженер-технолог караим С. Я. Черкез по мобилизации 1 декабря 1919 г. был взят на технический учет ВСЮР; 27 января 1920 г. он был определен во 2-й армейский запасной батальон как солдат-техник в команде связи (до марта 1920 г.), а затем – в нестроевую роту [3, с. 369].

Соломон Моисеевич Фуки (г. Киев; по другим сведениям – г. Елисаветград) окончил 1-е Киевское военное пехотное училище в феврале 1915 г. Был произведен в прапорщики, затем направлен в штаб Галицийского военного округа; с 18 марта 1915 г. в действующей армии, VIII армейский корпус, определен в 4-ю стрелковую бригаду, 14-й Стрелковый генерал-фельдмаршала Гурко полк. Служил в чине поручика, затем – штабс-капитана. Был награжден орденом Св. Георгия в соответствии с Высочайшим приказом от 18 ноября 1916 г., и Георгиевским оружием – согласно приказу армии и флоту от 4 марта 1917 г. [8, с. 810]. После начала гражданской войны он в 1918 г. вступил в ряды армии гетмана Скоропадского; вскоре был взят в плен. С 1923 г. С. М. Фуки находился на особом учете в Киевском ГПУ [16].

Подполковник Авраам Вениаминович Хаджи (1875 – 1947) состоял на воинской службе с 1893 г. (в офицерском чине – с 1896 г.). До начала Первой мировой войны он находился на воинской службе в Севастополе, в крепостном пехотном батальоне [55, кол. 528]. Высочайшим приказом от 21 августа 1916 г. А. В. Хаджи был удостоен Георгиевского оружия с формулировкой «за отличие в делах против неприятеля» [8, с. 871; 40, с. 475, 476]. В 1918 г. полковник А. В. Хаджи находился в армии гетмана П. П. Скоропадского; 30 сентября 1918 г. он был назначен помощником командира 15-го полка. Затем числился военнослужащим Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) и Русской Армии; с марта 1920 г. получил назначение на должность командира 49-го пехотного Брестского полка. Принимал участие в боях под Феодосией против частей Красной армии. После гражданской войны эмигрировал с остатками полка в Галлиполи, где это воинское подразделение вошло в состав Алексеевского пехотного полка [57, с. 224, 585; 15, с. 577]. Впоследствии проживал в эмиграции во Франции; являлся членом сформированного там из белых офицеров-эмигрантов «Русского Общевоинского союза» (РОВС) [41, с. 407]. А. В. Хаджи был женат, воспитывал 2 пасынков (по свидетельству современников, он, будучи еще молодым офицером, после смерти своего армейского товарища взял на свое попечение его жену и двух сыновей). Скончался в доме инвалидов в Ницце (Франция) 20 июля 1947 г., «после многих месяцев больших страданий» [38, с. 17].

Отметим, что, несмотря на локальные успехи, в целом ситуация в Добровольческой армии ВСЮР в середине 1920 г. стала вызывать опасения у правительства П. Н. Врангеля. Епископ Севастопольский Вениамин (И. А. Федченков), назначенный Епископом ВСЮР (с 11 мая 1920 г. – Русской Армии) и ин-

спектировавший войска летом 1920 г., подготовил докладную записку, в которой прямо сообщал о терроре и убийствах, охвативших полуостров, подменявшихся лозунгами борьбы с большевизмом; моральное состояние войск П. Н. Врангеля епископ определил как «разложение духа» [26, с. 71, 72]. О жестокости белого движения в отношении мирного населения впоследствии в своих мемуарах писали сам П. Н. Врангель, а также А. И. Деникин, М. Калинин и др.

Красный и белый террор, охвативший всю страну, привел к тому, что в числе погибших в годы гражданской войны было немало караимов-военнослужащих. В частности, в результате репрессий были убиты: поручик Феодосийской караульной команды, потомственный почетный гражданин и присяжный поверенный, бывший гласный Феодосийской городской думы С. Я. Крым (Нейман) (расстрелян красноармейцами в Феодосии во время комендантского часа); штабс-капитан Мордехай (Марк) Иосифович Гелелович (участник Первой мировой войны; погиб 15 января 1918 г. во время высадки красного десанта в Евпатории); подполковник Л. С. Лопатто (убит в Севастополе в 1920 г.). В Севастополе в феврале 1918 г. большевиками были убиты: известный художник, участник Первой мировой войны прапорщик Михаил Моисеевич Казас (племянник известного караимского просветителя И. И. Казаса); подполковник в отставке Ю. И. Харченко и его братья, известные караимские общественные деятели Ф. И. Харченко и Д. И. Харченко. Погибли также: вольноопределяющийся в составе белой армии феодосийский мещанин Е. С. Савускан (в 1921 г. расстрелян большевиками в Феодосии); ялтинский адвокат А. И. Ферик, В. А. Кальфа и Ф. С. Кальфа; подполковник белой армии феодосиец Д. А. Аттар (убит в Кронштадте) и многие другие [3, с. 72–79; 4, с. 360; 21, с. 95, 96; 25, с. 112, 113; 27, с. 205, 206; 39, с. 592, 593].

В конце 1920 – начале 1921 гг. большевиками были приговорены к казни: поручик Семен Ильич Арабаджи (расстрелян в Евпатории 8 ноября 1920 г.), а также ранее состоявший в войсках ВСЮР уроженец и житель Симферополя караим Эммануил Вениаминович Ага (1883 – 1921) (убит 9 февраля 1921 г.) [46, с. 72, 145]. Подпоручик Эзра Маркович Фуки (житель Харькова, в годы Первой мировой войны (до 12 декабря 1915 г.) был призван Харьковским уездным по воинской повинности присутствием; служил в звании прапорщика) был расстрелян 22 ноября 1920 г. в Симферополе [46, с. 51; 2, с. 250]. Подполковник Модлинского генерал-адъютанта Корнилова полка Самуил Юфудович (Федорович) Бабаджан после окончания Первой мировой войны (в 1914–1915 гг. служил в чине капитана) находился в Добровольческой армии, в отряде одного из руководителей белого движения в Сибири генерала А. Н. Гришина-Алмазова в Одессе; 5 декабря 1918 г. он был убит красноармейцами [14, с. 72].

Еще один представитель симферопольских караимов, Авраам Симович (Семенович) Хаджи был призван в роту государственного ополчения в Севастополе; впоследствии получил чин подпоручика [20, л. 27 об.]. С началом гражданской войны А. С. Хаджи перешел на сторону белых; вместе с другими военнослужащими сдался в плен частям Красной армии в Симферополе. Однако, несмотря на обещание сохранить жизнь, в соответствии с постановлением чрезвычайной тройки ВЧК при РВС Южного фронта от 22 ноября 1920 г., он вместе с 857-ю военнопленными был расстрелян в Симферополе 22 ноября 1922 г. [2, с. 250; 46, с. 51]. В тот же день был расстрелян и подпоручик Иезекиль Симович Хаджи [46, с. 51]. 4 декабря 1920 г. в Феодосии большевиками в числе прочих были расстреляны караимы: чиновник военного времени Борис Семенович Баккал (1886 г. р., уроженец Полтавской губернии); инженер, подпоручик Исаак Яковлевич Бобович (1886 г. р., уроженец Кременчуга, Полтавской губернии); рядовой Моисей Яковлевич Бабаджан-Бобович (Баба-Хаджи) (1889–1920) был убит в Феодосии 13 декабря 1920 г. [2, с. 345; 46, с. 99, 111]. Поручика Семена (Симху) Шулемовича Кафели (Кефели) призвали на действительную службу в 1915 г. Симферопольским по воинской повинности присутствием; он состоял ополченцем 2-го разряда, находился в Полтаве в военном училище; по его окончании С. Ш. Кефели было присвоено звание прапорщика [20, л. 105 об.]. А 24 ноября 1920 г. в Симферополе он погиб от рук большевиков [2, с. 252; 46, с. 53]. Илья Моисеевич Гиббор (1880 – 1920) – уроженец Евпатории, до Первой мировой войны с отличием окончил музыкальную школу, а затем и физико-математический факультет Киевского университета. Работал преподавателем в гимназии и скрипачом в Киевском городском театре. В Первую мировую был призван из запаса в звании прапорщика; проходил службу в VII армейском корпусе, 13-й пехотной дивизии, 51-м пехотном Литовском Е. И. В. Наследника Цесаревича полку, был произведен в чин штабс-капитана. В 1915 г. И. М. Гиббор был тяжело ранен; 2 месяца находился на излечении, досрочно вернулся в строй; был награжден боевыми орденами до ордена Св. Владимира IV ст. с мечами включительно, также представлен к золотому Георгиевскому оружию. И. М. Гиббор имел звание потомственного почетного гражданина, проживал в Симферополе; был расстрелян большевиками в ноябре 1920 г. [46, с. 55]. Яков Эммануилович Коген (1890 г. р.) – уроженец и житель Ялты; служил рядовым в российской армии (1916 – 1917 гг.) и в Добровольческой армии ВСЮР (1919 – 1920 гг.). В числе прочих пленных был расстрелян большевиками в Ялте 7 декабря 1920 г. [46, с. 119; 16].

Что касается Моисея Симовича (Семеновича) Хаджи (1890–?), то он был арестован 21 ноября 1920 г. приказом Особого отдела (ОО) 46-й дивизии по обвинению как состоявший на службе в белогвардейской контрразведке. Однако уже 22 ноября 1920 г. ОО 46-й дивизии М. С. Хаджи из-под стражи освободили за недоказанностью обвинения. По окончании войны проживал в Симферополе; в начале 1920-х гг. – беспартийный, не женат, занимался торговлей [46, с. 240]. Репрессиям были подвергнуты и многие другие караимы, заподозренные большевистскими властями в сотрудничестве с белыми. Так, например, Эруд Бабакаевич Фук (Фуки) (1883 г. р., уроженец и житель Бахчисарая), работавший письмоводителем в управлении «Крымрыба», вместе с другими арестованными жителями Евпатории был заключен в конц-

лагерь в апреле – мае 1921 г. [46, с. 150]; письмоводителя Якова Абрамовича Мангуби (1876 г. р., жителя Карасубазара), служившего в должности делопроизводителя в государственной страже, арестовали 13 января 1921 г. и приговорили к расстрелу; Исаак (Осип) Борисович Мангуби (1860 г. р.), уроженец Евпатории, был арестован 9 января 1921 г. в Феодосии [44, с. 58]. Решением Особого отдела 3-й дивизии его приговорили к расстрелу с формулировкой «за выдачу дезертира белым», однако уже 14 января 1921 г. И. Б. Мангуби все же был освобожден из-под стражи за недоказанностью обвинения [44, с. 58].

Тем не менее случаи, когда выносились оправдательные приговоры, были все же редкостью – так, Самуил Моисеевич Чинак (1894 г. р., уроженец Бахчисарая), арестованный в числе прочих в начале 1920 г., был расстрелян в Симферополе; Эммануила Соломоновича Стамболи казнили как контрреволюционера [46, с. 76, 113]. Приказчик Бабакай Юфудович Коген (1886 г. р., уроженец Феодосии, караим, из мещан, беспартийный, женат, образование начальное; место жительства до ареста – г. Феодосия) был арестован за службу в белой армии писарем; он был осужден 14 января 1921 г. ОО ВЧК при 3-й дивизии 4-й армии и приговорен к расстрелу (реабилитирован посмертно 24 апреля 1996 г. Прокуратурой АР Крым) [43, с. 180]. Якова Финесовича Малецкого (1889 г. р., уроженец г. Троки Виленской губернии, караим, был женат, образование низшее, место жительства до ареста – г. Евпатория, работал счетоводом упродкома) арестовали 19 апреля 1921 г. Евпаторийской ЧК с формулировкой «за службу у белых», однако 4 мая 1921 г. Евпаторийской уездной ЧК был из-под стражи освобожден за недоказанностью обвинения [44, с. 45]. Военнослужащий Красной армии Самуил Вениаминович Айваз (из мещан, уроженец Симферополя) 2 ноября 1921 г. был арестован Крымской ЧК за службу у белых в качестве делопроизводителя, но уже 11 ноября того же года был из-под стражи освобожден; студентка университета Сарра Ильинична Стамболи (уроженка Мелитополя, из мещан, не замужем, беспартийная), проживавшая в Симферополе, была арестована 17 февраля 1921 г. «за контрреволюцию», но 27 февраля освобождена из-под стражи за недоказанностью обвинения [42, с. 151; 45, с. 240; 23, с. 186].

29 октября 1920 г., через три дня после прорыва отрядами красноармейцев позиций армии П. Н. Врангеля на Перекопе главнокомандующий подписал приказ: «По моему приказанию уже приступили к эвакуации посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага» [18, с. 304, 396]. Многие солдаты и офицеры из числа караимов, оставаясь верными принятой ранее присяге и обоснованно опасаясь репрессий со стороны большевиков, были вынуждены покинуть Крым вместе с главнокомандующим Добровольческой армии ВСЮР; часть из них затем оказалась в эмиграции в странах Европы: Польше, Франции, Германии и Турции, а также в Венгрии, Чехословакии, Югославии и Болгарии. Всего 11 тыс. 126 судов вывезли в Константинополь 145 тыс. 693 чел.; среди них было до 70 тыс. военных [51, с. 75, 333]. Например, полковник 23-й бригады Отдельного Корпуса Пограничной Стражи (ОКПС) Соломон Симович (Семен Семенович) Мангуби (1870 – 25.01.1924; окончил Одесское военное училище в 1894 г.), находившийся во ВСЮР до конца 1920 г., эмигрировал в Югославию; до конца жизни проживал в с. Сербский Падей (Банат) [11, с. 25; 35, с. 370]. В числе прочих покинул Крым караим М. И. Ага (Аги), служивший в Вооруженных силах Юга России – он был эвакуирован в 1920 г. из Одессы на корабле «Новахо». Муж родной сестры расстрелянного в Феодосии поэта В. С. Бабаджана Александры Симовны А. Ф. Авах (1896 – 1979), мобилизованный в Добровольческую армию в 1919 г., сначала был эвакуирован из Одессы в Крым, жил некоторое время в Феодосии, после чего заболел сыпным тифом и остался в Евпатории у родителей. Впоследствии ему удалось вернуться в Одессу, откуда он в 1931 г. перебрался в Москву [7, с. 526]. Военнослужащие ВСЮР А. Ю. Айваз, М. А. Айваз, М. А. Арабаджи, А. Бабаджан, А. А. Бабаджан, И. С. Бабаджанов, М. Е. Баккал, И. В. Бейм, В. О. Габай, И. И. Гелелович, В. И. Гелелович, С. А. Джумук, А. И. Дуван, Е. В. Дуван, И. С. Дуван, М. Ф. Дуван-Хаджи, Дурунча, И. А. Катык, И. С. Катык, Сапак, С. А. Рофе, М. А. Шакай, Б. Я. Шишман, Д. С. Фуки и многие другие были вынуждены навсегда эмигрировать из Крыма [16].

Необходимо отметить, что среди эмигрировавших караимов наиболее многочисленной по составу являлась караимская диаспора во Франции. В 1930-х гг. в ее состав входило примерно 270–300 чел., которые проживали в основном в Париже, Ницце и Марселе. Среди них было немало офицеров и военнослужащих ВСЮР. Так, прапорщик Иосиф Борисович Пампулов (19 июня 1900 г., Бердянск Таврической губернии – 21 января 1978 г., Париж, похоронен на кладбище Банье) во время Гражданской войны отправился добровольцем в Вооруженные силы Юга России; стал участником 1-го Кубанского похода в составе 8-го Лубенского гусарского полка. Впоследствии вместе с братом-близнецом М. Б. Пампуловым в 1920 г. эвакуировался в Галлиполи, и затем переехал в Загреб (Югославия). С 1923 г. он обосновался в Париже, работал на заводе знаменитой автомобильной фирмы «Рено», после чего устроился шофером такси. Состоял членом «Русского общевоинского союза» (РОВС), «Союза галлиполийцев», «Объединения Лубенского гусарского полка», был активным членом Караимского общества в Париже, занимался общественной деятельностью [47, с. 392; 36, с. 322].

Марк Борисович Пампулов (19 июня 1900 г., Бердянск Таврической губернии – 17 октября 1978 г., Париж, похоронен на кладбище Банье) – прапорщик, общественный деятель; брат-близнец И. Б. Пампулова. Во время Гражданской войны вступил добровольцем в Вооруженные силы Юга России; так же как И. Б. Пампулов являлся участником 1-го Кубанского похода в составе 8-го Лубенского гусарского полка. В 1920 г. эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Бизерту (Тунис). В 1922 г. отправился во Францию, жил в Париже. Вместе с братом работал на заводе «Рено», затем в течение многих лет – шофером такси. Состоял членом «Русского общевоинского союза» (РОВС), «Объединения Лубенского гусарско-

го полка», был активным членом Караимского общества в Париже [47, с. 392; 36, с. 322].

Лазарь (Элизар, Александр) Ильич Синани (14 сентября 1899, Одесса – 14 декабря 1964, Париж, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа) – участник Первой мировой войны; был призван в 1-ю мобилизацию Одесским уездным воинским начальником. Служил старшим писарем в Одесском окружном штабе [20, л. 119 об.]. Учился на инженерно-строительном отделении в Одесском Политехническом институте. Во время Гражданской войны находился в составе Корниловского артиллерийского дивизиона. В 1920 г. эвакуировался с Добровольческой армией Юга России в Галлиполи. В 1921–1923 гг. проживал в Софии (Болгария). Служил в Комиссии по репарации, окончил технические курсы ИМКА, «Юношеской христианской ассоциации» (Young Men's Christian Association) – молодежной волонтерской организации; затем работал на заводе. В 1924 г. Л. И. Синани переехал во Францию, обосновался в Париже, где окончил «Специальную школу механики и электричества», получив диплом инженера-электрика. Впоследствии работал инженером-исследователем, занимался усовершенствованием радиоприемников, одновременно обучался в Школе восточных языков. В 1930-е гг. Лазарь Ильич заведовал русской читальней в Париже, развозил книги читателям, занимался славянской филологией и языкознанием. Преподавательскую деятельность Л. И. Синани осуществлял после Второй мировой войны в католическом интернате Св. Георгия для русских юношей в Медоне, в предместье Парижа (интернат находился под управлением Русского католического апостолата). С 1952 г. по приглашению профессора П. К. Паскаля он преподавал курс русского языка в Сорбонне и в том числе особенности перевода с французского языка на русский. Занимался изучением письменных памятников русского Средневековья, работал над исследованием об ударениях в русском языке. Состоял в «Ассоциации Тургеневской библиотеки», был членом правления Общества караимов в Париже [48, с. 111; 37, с. 564].

Вениамин Семенович Стамболи (26 марта 1894, Симферополь – 10 августа 1938, Париж; был похоронен на кладбище Банье) состоял во ВСЮР на должности военного чиновника; эвакуировался с армией генерала П. Н. Врангеля в 1920 г. В эмиграции оказался сначала в Константинополе, позднее переехал с семьей в Париж, где открыл небольшую бакалейную лавку (15, rue St. Charles), а при ней – столовую. Состоял членом Караимского общества во Франции [48, с. 196].

Фарумда (Форумда) Юфуда Симович (Федор Семенович) (1885 – 7 апреля 1946) – сын евпаторийского мещанина Симхи Фарумды; окончил Александровское караимское духовное училище в Евпатории в июне 1904 г.; был призван в вооруженные силы из Ростова-на-Дону. Прапорщик, в действующей армии; дослужился до звания штабс-капитана; XVI армейский корпус, 41-я пехотная дивизия, 162-й пехотный Ахалцыхский полк, 44-й резервный батальон, 6-я рота. Ю. С. Фарумда был награжден орденом Св. Владимира IV степени; представлен к награждению Георгиевским оружием [20, л. 33 об., 34; 58, с. 52]. С началом гражданской войны служил в Вооруженных силах Юга России в звании капитана; впоследствии эмигрировал из России во Францию, в Париж, где стал владельцем магазином и ресторана на rue Chevalier-de-la-Barre, 18. Во время Второй мировой войны Ю. С. Фарумда – заключенный Компьеньского лагеря (1941 г.). Был женат на Софии Акимовне Фарумда. Умер 7 апреля 1946 г.; похоронен на кладбище Левалуа-Перре [48, с. 427; 16].

Если учесть, что войсками Красной армии было взято в плен до 55 тыс. военнослужащих ВСЮР, то в Крыму оставалось несколько десятков тысяч врангелевских солдат и офицеров; большинство из них погибло в результате террора, развязанного большевиками [21, с. 94 – 95]. В числе репрессированных в этот период – подпоручики белой армии, караимы Э. М. Фуки, А. С. Хаджи, И. С. Хаджи, А. И. Баккал, подпоручик И. Я. Бобович, поручик С. Ш. Кефели, штабс-капитан И. М. Гиббор, чиновник военного времени Б. С. Баккал (1886 г. р., уроженец Полтавской губернии) [46, с. 51, 53, 99]. Были жертвы и среди мирного населения. Так, в 1920 – 1921 гг. были расстреляны: житель Симферополя А. Я. Хаджи (с формулировкой – «за связь с белыми»), судебный следователь Б. С. Шишман (1875 г. р., житель Бердянска), уроженец Екатеринодара Ф. С. Рофе, беженец Ю. Н. Бабаев (1880 г. р.), а также Э. В. Ага, Э. И. Туршу (1895 г. р., уроженец Симферополя), купец П. И. Аппак (1889 г. р., уроженец г. Белостока Гродненской губернии) и др. [2, с. 250, 252, 254, 260, 277, 286, 291, 316, 328, 345, 389, 443; 39, с. 592 – 593; 46 с. 67, 76, 111].

Таким образом, было установлено, что в составе ВСЮР в 1918 – 1920 гг. находилось значительное число караимов; часть из них погибла в результате боев с частями Красной армии и начавшегося на полуострове большевистского террора; некоторым удалось покинуть Крымский полуостров. Одной из важных задач в дальнейшем изучении данного вопроса является расширение области поиска в связи с недостаточностью биографических сведений о многих караимах, находившихся в рядах ВСЮР – в частности, необходимо выяснить, каким был их боевой путь, каким образом сложилась дальнейшая судьба многих из них в послевоенное время и т. п. Перспективным направлением в изучении данной проблемы является сбор архивных данных, материалов периодической печати того времени, а также мемуары непосредственных участников событий 1918 – 1920 гг.

Литература

1. Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917 – 1920 гг. Орел: Издатель А. Воробьев, 2002.

2. Абраменко Л. Последняя обитель. Крым, 1920 – 1921 гг. Киев: МАУП, 2005.

3. Бобков А. А. Красный террор в Крыму 1920 – 1921 гг. // Белая Россия. Опыт исторической ретроспекции: материалы Международной научной конференции в Севастополе. СПб.; М., 2002. С. 72 – 79.

4. Бобков А. А. Разворот Солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и феодосийцы в русской смуте. Год 1918 / вст. ст. С. В. Волкова. Феодосия-Симферополь: Оригинал-М, 2008.

5. Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917 – 1920 гг.). Симферополь, 1927.

6. Бутковский Клементий [Бабаджан В. С.]. Кавалерийские победы. Стихи. Пг., 1917.

7. Вениамин Бабаджан. Из творческого наследия: в 2-х т. / сост. С. З. Лущик, А. Л. Яворская; ст. и коммент. С. З. Лущик; отв. ред. О. М. Барковская. Т. II. Одесса: Optimum, 2004.

8. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769 – 1920: библиограф. справочник / отв. сост. В. М. Шабанов. М.: Русский Мир, 2004.

9. Волков С. В. Русская Армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М.: Центрполиграф, 2003.

10. Волков С. В. Вооруженные силы на Юге России. М.: Центрполиграф, 2003.

11. Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

12. Волков С. В. Последние бои Вооруженных Сил Юга России. М.: Центрполиграф, 2004.

13. Волков С. В., Стрелянов П. Н. Чины Русского Корпуса: Биограф. справочник в фотографиях. М.: Рейтар, Форма-Т, 2009.

14. Волков С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2-х т. М.: ФИВ, 2012. Т. 1.

15. Волков С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2-х т. М.: ФИВ, 2012. Т. 2.

16. Волков С. В. Вторая база данных «Участники Белого движения в России» Персоналии: «А» – «Я» // [Персональный сайт С. В. Волкова]. Режим доступа: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_-dvizhenie_abc-21.htm (дата обращения: 06.06.2015).

17. Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. Симферополь: Красный Крым, 1939.

18. Врангель П. Н. Белый Крым. Мемуары Правителя и Главнокомандующего вооруженными силами Юга России. М.: ЭКСМО, 2014.

19. Гагкуев Р. Г. Белые армии Юга России: особенности источников комплектования и социального состава. 1917 – 1920 гг.: на материалах первого армейского корпуса: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГПУ, 2003.

20. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», г. Симферополь (ГКУ РК ГАРК). Ф. 241. Оп. 1 Д. 1287.

21. Зарубин В. Г. Красный террор в Крыму (1920 – 1921) // Крымский музей. 1995 – 1996. Симферополь: Таврия, 1996. С. 91 – 96.

22. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Изд. 2-е. Симферополь: Антиква, 2008.

23. Зарубин В. Г. Караимы – жертвы красного террора в годы Гражданской войны в Крыму // Труды по еврейской истории и культуре: материалы XXI Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике / под ред. Л. Ф. Кацис, И. В. Копчёновой, В. В. Мочаловой. М., 2014. С. 180 – 189.

24. Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма / сост., научн. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003.

25. Ишин А. В. Красный террор в Крыму в 1920 – 1921 годах и его последствия // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1997. № 1. С. 112 – 113.

26. Катунин Ю. А. Причины раскола в православии Крыма (1920 – 1923) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 9. С. 71 – 82.

27. Крестьянников В. В. «Варфоломеевские ночи» в Севастополе в феврале 1918 г. // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. научн. ст. сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В. В. Крестьянников. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. С. 200 – 207.

28. Кронер Э. Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М.: РОССПЭН, 2011.

29. Кропотов В. С. Военные традиции крымских караимов. Симферополь: Доля, 2004.

30. Купченко В. Красный террор в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь, 1994. № 6. С. 58 – 61.

31. Лебедева Э. И. Крымская война и караимы. Симферополь, 2004.

32. Линев К. К., Шарапа В. Ф. Крымское краевое правительство С. Сулькевича // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996. С. 226 – 234.

33. Мальгин А. В. К вопросу о Крымском краевом правительстве М. А. Сулькевича // Крымский музей. 1994. № 1. Симферополь, 1995. С. 46 – 56.

34. Мальгин А. В. Внешняя политика Крымского краевого правительства генерала Сулькевича // Крымский музей. 1994 г. № 1. Симферополь, 1995. С. 56 – 66.

35. Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917 – 2001: в 6-ти т. Т. 4: «Л – М» / сост. В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич. М., 2004.

36. Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917 – 2001: в 6-ти т. Т. 5: «Н – П» / сост. В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич. М., 2004.

37. Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917 – 2001: в 6-ти т. / сост. В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич. М., 2005. Т. 6. Кн. 1: «Пос – Скр».

38. Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917 – 2001: в 6-ти т. Т. 6. Кн. 3: «Х – Я» / сост. В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич. М., 2007.

39. Прохоров Д. А. Общественные, национально-культурные объединения и органы конфессионального самоуправления караимов в 1917 – 1920 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV / ред.-сост А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь, 2009. С. 573 – 621.

40. Прохоров Д. А. Караимы Севастополя в составе российской армии в 1914 – 1917 г.: биографии участников Первой мировой войны // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. XIX. / отв. ред. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Симферополь-Керчь, 2014. С. 463 – 508.

41. Ратный труд в жизни караимского народа. Революция и гражданская война // Караимская народная энциклопедия Т. 5: Культура крымских караимов (тюрков) / под ред. М. М. Казаса и др. СПб.: Изд-е «Культурно-просветительского общества караимов», 2000. С. 398 – 407.

42. Реабилитированные историей. В 27-ти т. Кн. I: Автономная республика Крым / под общ. ред. Д. В. Омельчука. М. Р. Акулова, Н. Ю. Булгакова, А.Ю. Вакатова, Л. П. Вакатова и др. Симферополь: Магистр, 2004.

43. Реабилитированные историей. В 27-ти т. Кн. III: Автономная республика Крым / под общ. ред. Д. В. Омельчука, М. Р. Акулова, Н. Ю. Булгакова, А.Ю. Вакатова, Л. П. Вакатова и др. Симферополь: АнтиквА, 2006.

44. Реабилитированные историей. В 27-ти т. Кн. IV: Автономная республика Крым / под общ. ред. Д. В. Омельчука. М. Р. Акулова, Н. Ю. Булгакова, А. Ю. Вакатова, Л. П. Вакатова и др. Симферополь: АнтиквА, 2008.

45. Реабилитированные историей: в 27-ти т. Кн. V: Автономная республика Крым / под общ. ред. Д. В. Омельчука. М. Р. Акулова, Н. Ю. Булгакова, А. Ю. Вакатова, Л. П. Вакатова и др. Симферополь: АнтиквА, 2008.

46. Реабилитированные историей. В 27-ти т. Кн. VI: Автономная республика Крым / под общ. ред. Д. В. Омельчука. М. Р. Акулова, Н. Ю. Булгакова, А. Ю. Вакатова, Л. П. Вакатова и др. Симферополь: АнтиквА, 2009.

47. Российское зарубежье во Франции. 1919 – 2000: Биограф. словарь: в 3-х т. Т. 2: «Л – Р» / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010.

48. Российское зарубежье во Франции. 1919 – 2000: Биограф. словарь: в 3-х т. Т. 3: «С – Я». Дополнения / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010.

49. Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России: (материалы к истории белого движения). М.: Астрель, АСТ, 2002.

50. Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь, 2002.

51. Росс Н. [Г.] Врангель в Крыму. Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 1982.

52. Самойлов А. Ф. Воспитание офицеров Белых армий юга России в духе любви к Отечеству (ноябрь 1917 – ноябрь 1920): исторический опыт, уроки. Самара, 2004.

53. Самойлов А. Ф. Воспитание офицеров Белых Армий Юга России в духе любви к Отечеству: историческое исследование: ноябрь 1917 – ноябрь 1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мос. погранич. ин-т ФСБ РФ. М., 2004.

54. Симонов Д. Г. Ишимский полк: из истории Белогвардейских вооруженных сил в Сибири // Коркина слобода: краевед. альманах. Вып. 4. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2002. С. 48 – 56.

55. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства; Изд-е Статистического комитета Глаятьювного Морского штаба. (январское 1914 г.). СПб.: Тип. Морского министерства, 1914.

56. Федюк В. П. Белое движение на юге России: (1917 – 1920 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук / Ярославский гос. ун-т. Ярославль, 1995.

57. Флот в Белой борьбе / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2002.

58. Фуки А. Караимы – сыновья и дочери России. М.: Интерпринт, 1995.

59. Шилова С. Г. Военные формирования народов Северного Кавказа в белых армиях Юга России: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). М., 2007.

60. Zajaczkowski M. Karaimai kariuomenéje. Villnius: Lietuvos Nacionalinis Muziejus, 2000.

Информация об авторе:

Прохоров Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Республика Крым, г. Симферополь, prohorov1da@yandex.ru.

Dmitry A. Prokhorov – Candidate of History, Senior Research Associate at the Research Centre for History and Archaeology, Crimean Federal University named after V. Vernadsky, Simferopol.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 947 (571.1)

К ВОПРОСУ О ПРАЗДНОВАНИИ ДНЯ ГЕОРГИЕВСКИХ КАВАЛЕРОВ И ВОССТАНОВЛЕНИИ ГЕОРГИЕВСКИХ НАГРАД В БЕЛОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А. В. Сушко

ON THE ISSUE OF CELEBRATING THE DAY OF HOLDERS OF ST. GEORGE'S CROSS AND RENEWAL OF ST. GEORGE'S ORDERS IN WHITE SIBERIA DURING THE CIVIL WAR

A. V. Sushko

В статье рассматривается эмоциональный аспект восстановления праздновании Дня георгиевских кавалеров и практики награждения георгиевскими наградами в белой армии на Востоке. Автор приходит к выводу, что власти оказались не способны создать наградную систему, отвечавшую революционному времени. Реставрация имперской наградной системы, несмотря на пропагандистскую компанию не оказывая должного эмоционального воздействия на армию и население. Она подрывала авторитет власти в глазах части военных и гражданских лиц, давала возможность противникам режима обвинить власти в реставраторских устремлениях.

The paper focuses on the emotional aspect of renewing the celebration of the Day of Holders of St. George's Cross and the practice of conferring St. George's Orders in the White army in the East. The author comes to a conclusion that the authorities were not able to create an award system, complying with the demands of the Revolution period. Renewal of the Imperial award system, in spite of the propaganda, did not create a proper emotional effect on the army and epy civil population. It undermined the prestige of the authorities among some military men and civilians and made it possible for the opposition to blame the authorities of restoration strategy.

Ключевые слова: Белая Сибирь, наградная система, День георгиевских кавалеров, георгиевские награды, периодика, эмоции.

Keywords: White Siberia, award system, the Day of Holders of St. George's Cross, St. George's orders, periodicals, emotions.

В отечественной исторической науке обозначился «антропологический поворот», в русле которого значимо изучение эмоциональной жизни людей. Без сомнения в Гражданской войне важнейшей составляющей идейной борьбы белого и красного лагерей являлось эмоциональное воздействие на массы. Воинские награды эффективное средство эмоционального воздействия не только на военнослужащих, но и на общество, которое получает информацию о том, что у него есть героическая армия. Собственно идеологическому противоборству красного и белого лагерей на Востоке России исследователи уделяют уже достаточно много внимания, в то время как на аспект эмоционального воздействия на массы еще должным образом не изучен. Цель данной работы – рассмотреть эмоциональный аспект восстановления празднования Дня георгиевских кавалеров и практики награждения георгиевскими наградами в белой армии на Востоке России в годы Гражданской войны.

Со свержением в Сибири летом 1918 г. Советской власти молодые, завоевавшие авторитет в своей среде белые военачальники (*Р. Гайда, А. Н. Пепеляев, Г. М. Семенов – А. С.*) стали самочинно награждать своих подчиненных георгиевскими наградами. Это не находило понимания у офицеров, долго прослуживших в старой императорской армии. Комментируя награждения георгиевскими наградами военнослужащих Особого Маньчжурского отряда атамана Г. М. Семенова, А. П. Будберг, находившийся в Харбине, 11 апреля 1918 г. записал в своем дневнике: «Какая великая профанация великой воинской награды, применение которой во внутренней гражданской войне должно быть признано абсолютно недопустимым. Участие в ней – великий и тяжелый крест, а награда только в спасении Родины, в победе над ее красным врагом и в сознании свято исполненного долга» [1, с. 202]. Его мнение совпадало со взглядами большинства георгиевских кавалеров императорской армии. По приказу А. Н. Гришина-Алмазова 28 августа 1918 г. в штабе Сибирской армии собрались 36 находившихся в Омске офицеров георгиевских кавалеров и кавалеров Георгиевского оружия для решения вопроса о награждении офицеров и солдат орденами Св. Георгия, Георгиевским оружием, Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями. Собравшиеся офицеры единогласно высказались за то, что такие награждения уместны лишь в войне с внешним врагом, но неуместны в войне гражданской [8, с. 183].

Адмирал А. В. Колчак, пришедший к власти в результате государственного переворота, совершенного группой офицеров, повел политику по восстановлению имперской наградной системы. Колчаковский режим осознавал необходимость эмоционального стимулирования своих военнослужащих и населения края. Поэтому 30 ноября 1918 г. А. В. Колчаком был подписан приказ № 110 о праздновании дня георгиевских кавалеров. В приказе предписывалось «считать этот день праздником всей Русской Армии, доблестные представители которой высокими подвигами, храбростью и мужеством запечатлели свою любовь и преданность нашей Великой Родине на полях брани. День сей торжественно праздновать ежегодно во всех воинских частях и командах» [6, с. 304].

Празднование Дня георгиевских кавалеров являлось одной из национально-государственных традиций Российской империи, тесно связанной с православной конфессиональной принадлежностью большинства населения России и военной историей страны. Князь

Ярослав Мудрый при крещении получил имя Георгия в честь Георгия Победоносца. В честь своего ангела-хранителя Ярослав выстроил храм и мужскую обитель в Киеве, который был освящен 26 ноября 1054 года по старому стилю. Этот день вошел в русскую культуру как особый церковный праздник Юрьев день или «Осенний Георгий». По новому стилю он отмечается 9 декабря. 26 ноября 1769 г. императрицей Екатериной Великой был учрежден Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. И с этого времени в Российской империи традиционно отмечался праздник Георгиевских кавалеров, во время которого чествовали офицеров и солдат, награжденных высшей военной наградой империи.

Восстановив праздник георгиевских кавалеров, власти Белой Сибири подчеркивали историческую преемственность своего режима от имперской государственности, пропагандируя русскую национальную идеологию, направленную на восстановление «Единой и Неделимой России». Проправительственная пресса провела агитационно-пропагандистскую акцию посвященную поддержке решения Верховного Правителя. Накануне праздника издававшаяся в Новониколаевке газета «Военные ведомости» вышла с заголовком «Завтра праздник Св. Георгия Победоносца – праздник Георгиевских кавалеров». В номере была размещена статья «Значение дня Св. Георгия в жизни русской армии», в которой подчеркивалось: «Верховной волею Адмирала Колчака возродился день храбрых и смелых. Как истинный солдат и психолог адмирал Колчак понял и оценил ту громадную моральную силу, которую таит в себе этот славный день и торжественное празднование его русской армией. День храбрых! Торжество победителей! Триумф мужества! Торжественное чувствование нацией своих избранных сынов» [3, 8 дек.].

Эта пафосная публикация была рассчитана на то, чтобы в первую очередь оказать эмоциональное воздействие на читателя, побудив его к борьбе за национальное возрождение России путем формирования соответствующих морально-политических чувств. Как считают специалисты в области военной психологии, морально-политические чувства имеют действенный характер и могут выступать как побудительные силы героических дел и поступков [7, с. 140].

Русской национально-государственной идее посвящен весь указанный номер газеты. В статье «Русское офицерство в армии», посвященной положению офицера в дни русской революции, где подчеркивалась ведущая роль офицера в национальном возрождении России. В статье говорилось, «Когда революция стихийно охватила Россию, началась офицерская страда. По прошлому опыту зная цену армии, революционные вожди энергично принялись за перестройку, а фактически за разложение ее. Лучший русский офицер встал в оппозицию к нововведениям в армии. Он встал на тот путь, на котором остепенившись, сошлось ныне *все русское, все государственное*» (*выд. мною. – А. С.*).

Для усиления эмоционального эффекта в этом же номере было напечатано стихотворение «На 26-е ноября» (26 ноября по старому стилю праздновался Русской Православной Церковью День Святого Георгия), написанное А. Ляпуновым:

Победоносец Георгий! Услыши Ты нашу молитву…

Некогда слабых в защиту вступил с чудовищем в битву…

Ты не боялся погибнуть в неравном сраженье –

Видел все это Господь и послал Он Тебе одоленье!

Будь нам защитой! Явилось чудовище снова!

Горестям нету числа от него повсеместно для края родного…

Все отравило оно своим ядовитым дыханьем,

Нет от него снисхождения даже невинным созданиям!

Манит корыстью одних, сбивает посулами с толку…

Губит открыто одних, других изведет втихомолку!

Встань на защиту Отчизны! Явися за нас перед Богом!

Знаю, грешны пред Всевышним во многом, во многом,

Но без конца и без меры ведь благость Господня!

Молим усердно Тебя, чествуя храбрых сегодня!

Пусть-же позволит Создатель, а в сердце Ты вложишь героям!

Скажешь: «Очнитесь, соратники, грудью Отчизну прикроем!

Злоба родит только злобу! Обида вопит об отмщенье…

Тот кто смущает Вас ложью – верьте, и сам в заблужденье!

Вы посмотрите на Родину! Что с нею стало несчастной?

Горести полные вести доходят до нас ежечасно!

Встаньте, герои, и мужеством в сердце в ком бьется!»

Пусть твой призыв боевой всюду грозою проснется!

Пусть отметет равнодушье! Пусть люди воскликнут в восторге:

«Рады за Родину биться! Веди нас! Веди нас, Георгий!».

В следующем номере редакция газеты «Военные ведомости» в продолжение темы опубликовала яркое в поэтическом отношении стихотворение графини Н. Подгоричани «Георгий Победоносец» [3, 10 дек.]:

Я для вида тяну свои четки –
(Наш устав и суровый и строгий).
Все святые смиренны и кротки,
Но надменен красавец Георгий.
На иконах он гордый и смелый
Властно сдвинул черные брови.
На дыбы встает конь его белый
Среди лужи дымящейся крови.
Он копьем побеждает дракона,
И трепещет дракон стоголовый.
У меня одно сердце, Мадонна.
А в очах его отсвет лиловый!
И в каком то бреду бесконечном
Я люблю его больше, чем брата
И на цыпочки встав перед воином,
Я целую блестящие латы.
Я краснея жду сладкого чуда.
Но Святой от соблазна далеко.
Лишь дракон в чешуе изумруда
Округлил похотливое око!
Убегаю и с дрожью брезгливой
Будто после несдержанных оргий…

А за мною надменно-красивый
Добивает дракона Георгий.

Автор стихотворения Графиня Нина Михайловна Подгоричани (1889 – 1964), фигура популярная в столице Белой Сибири. В Омске она содержала литературный салон, который посещали известные на всю Россию люди. В годы Советской власти графиня Н. М. Подгоричани являлась достаточно заметной в кругах советской интеллигенции поэтессой, переводчиком, общалась с представителями партийной и культурной элиты страны. В конце 1930-х гг. была репрессирована, много лет провела в лагерях. После возвращения доживала в Москве. Стихотворение – яркий пример женской религиозной поэзии, далекой от строгого канонического отображения святых, принятого в Русской Православный Церкви. В продолжение предыдущих публикаций газеты стихотворение направлено на эмоциональное воздействие на читателя по поддержке решения власти о праздновании Дня святого Георгия.

Изучение материалов газеты «Военные ведомости» позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, проводимая газетой агитационно-пропагандистская акция зиждилась религиозной и национально-государственной составляющей русской культуры, которые пыталась использовать власть для идеологического обеспечения существования режима. Во-вторых, военный характер режима, возникшая военная печать, к которой относилась газета «Военные ведомости», рассчитанная на читателя в погонах, обусловили восстановление Дня георгиевских кавалеров и направленность газетных материалов данной агитационно-пропагандисткой акции. В этой связи очень продуманным представляется размещение в одном номере газеты статьи, освещающей решение А. В. Колчака о восстановлении праздника, статьи, посвященной роли национально-государственной офицерства в революции (ведь значительная часть читателей были офицеры), и стихотворения посвященного этому празднику. В-третьих, в этой связи четко видна попытка оказать эмоциональное воздействие на читателя. В стихотворении А. Ляпунова в художественной форме звучит призыв на борьбу с большевизмом, сравниваемым с чудовищем «все отравившем своим ядовитым дыханьем». Стихотворение играет на религиозных и патриотических (национальных) чувствах читателя, который призывается «встать в ряды героев, мужеством сердце в ком бьется». Размещение в следующем номере газеты стихотворения Н. М. Подгоричани продолжало линию газеты на эмоциональное воздействие на читателя, косвенно содействовало популяризации решения о восстановлении праздника.

Однако следует принять во внимание, что анализ эмоционального аспекта агитационно-пропагандистской акции, посвященной восстановлению праздновании Дня георгиевских кавалеров, на страницах газеты «Военные ведомости» позволяет говорить о том, что оно было рассчитано на людей с высоким уровнем развития духовной культуры, религиозно и патриотически настроенных. Таких в Белой Сибири, как показал исход Гражданской войны, было не много. На солдатские массы же такая пропаганда из-за их необразованности, отсутствия в их среде приверженности имперским военным традициям не могла оказать серьезного эмоционального воздействия, побудить их к активной борьбе с большевиками. Недостатки пропагандисткой системы Белой Сибири отмечались ее деятелями уже во время Гражданской войны. Так, 27 марта 1919 г. на встречи в Перми с корреспондентами газет «Сибирский стрелок», «Освобождение России» и «Свободная Пермь» генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев предложил им писать «проще, душевнее» [5, с. 29]. В дневнике колчаковского офицера капитана Колесникова содержалась красноречивая оценка качества пропаганды в военной печати: «Литература и пресса убоги и совершенно не соответствуют ни духу солдата, ни его пониманию, ни его укладу жизни. Сразу видно, что пишет барин. Нет умения заинтересовать, поднять дух, развеселить и непреложно доказать. Во главе прессы стоят люди, не только абсолютно не военные и далекие от солдат, но даже просто безграмотные в военной психологии, истории, не знакомые с душой солдата и его укладом жизни» [4, с. 72].

Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий А. В. Колчак в дальнейшем продолжил политику и восстановил в своей армии не только празднование дня георгиевских кавалеров, но и награждение высшей военной наградой Российской империи. 9 февраля 1919 г. адмирал утвердил Правила награждения офицеров, военных врачей, военных чиновников, военных священников и солдат орденами и другими знаками отличия. А. В. Колчак воссоздал награждение военнослужащих за боевые отличия Георгиевским оружием, орденом Св. Георгия, Георгиевскими крестом и медалью. В целом на Востоке России с отдельными нюансами была восстановлена наградная система, существовавшая до октябрьского переворота 1917 г. [9, с. 98].

Для молодых офицеров, составлявших костяк белой армии и не успевших заслужить георгиевских наград в императорской армии, но воспитанных на их почитании, награждение георгиевскими наградами являлось действенной мерой поощрения. Однако решение об официальном восстановлении георгиевских наград в военной среде было воспринято неоднозначно. А. П. Будберг негативно оценивал сложившуюся на Востоке России практику награждения георгиевскими наградами за отличие в Гражданской войне. 16 мая 1919 г. теперь уже по поводу награждения георгиевскими наградами в колчаковской армии он отметил в своем дневнике: «Лавры пермской победы вскружили всем головы; посыпались награды, на фронте имеется уже несколько кавалеров ордена Св. Георгия 3-й степени; бывшие штабс-капитаны стали генерал-лейтенантами; немудрено, что от этого даже у более уравновешенных честолюбцев глаза разгорелись. В наградном чаду дошли до того, что высоко залезшие георгиевские кавалеры повторили киевскую комедию с георгиевским крестом государю и на Пасху поднесли адмиралу орден Св. Георгия 3-й степени за освобождение Урала. Слабохарактерный адмирал не нашел в себе воли и широты взгляда приказать забыть даже о таких подношениях – и принял крест» [2, с. 56].

Стремление «повторить киевскую комедию» было весьма симптоматично. В этой связи исследователь С. Э. Зверев абсолютно прав в своем суждении, что «официальная военная риторика колчаковцев всеми силами старалась возродить в умах солдат ощущение

незыблемости «старого порядка», который был только досадным образом поколеблен пресловутыми «изменниками», но не низвергнут бесповоротно. Вольно или невольно, но сам Александр Васильевич Колчак воспроизводил манеру государственного правления, принятую императором Николаем Александровичем. Его явное благоволение к военным, частые выезды на фронты, предпочтение походной обстановке кропотливой государственной работе по организации тыла воюющей армии – все это было словно списано с покойного государя. Причем списано, к сожалению, с теми же ошибками» [4, с. 75]. Следует отметить, что в белой армии Юга России, возглавляемой генерал-лейтенантом А. И. Деникиным, где были более сильны традиции старой имперской армии, георгиевскими наградами не награждали по морально-этическим соображениям, считая недостойным награждать ими за участие в гражданской войне [9, с. 98].

Восстановления празднования Дня георгиевских кавалеров и введение награждения георгиевскими наградами представляют собой эпизод информационного противоборства белых с красными, имевший идейный и эмоциональный аспекты. Даже в период успехов колчаковского режима от военной печати исходила информация, отражавшая узость социальной базы белого движения, свидетельствовавшая об его обреченности! Незадолго до празднования Дня Георгиевских кавалеров, на первой полосе газеты «Военные ведомости» появились красноречивые строки полные горечи разочарования: «Мы никак не можем выйти из замкнутого круга своих надежд и разочарований… И всем казалось: вот начнется движение, везде встанет здоровая часть населения, и большевизм выметут из России. Вставали, начинали… За ними не пошли». В этом же номере было помещено очень показательное для военной газеты, обязанной «заражать» читателя эмоциональным настроем на победу в войне, стихотворение [3, 4 дек.]:

Я бродил по саду, напоенному
Лунным светом, запахом цветов. –
Лепесток листу над ним склоненному
Тайны ночи рассказать готов
Заглянул я в девственные лилии
И души их с жадностью искал –
Аромат струился в изобилии,
Но бесследно, как-то исчезал.
Развернул я роз листы роскошные,
Заглянул – и стал безумно пьян,
Но листы скрывали осторожные.
Их души пленительный обман
Я искал среди людской холодности,
Как мая, метущейся души
Что скорбит о бурных днях в тиши
И рыдал я в жуткой безысходности.

Несмотря на регулярно печатавшиеся патриотические статьи, периодически проводимые информационно-пропагандистские акции, направленные на популяризацию национально-государственных ценностей, «жуткая безысходность» постоянно присутствует на страницах большинства периодических изданий белой Сибири. Колчаковский пропагандистский аппарат порождал редуцированные эмоции, не заражавшие население настроем на борьбу с большевиками по причине того, что эмоциональное воздействие, основанное на имперских ценностях и национально-государственных традициях низвергнутых еще Февральской революцией и впоследствии десакрализированных прессой, с точки зрения мировоззренческой, оказалось не эффективным по отношению к уровню сознания подавляющей массы населения.

В условиях социальных катаклизмов, сотрясавших страну, для масс на первом месте стояли не национальные ценности, на которых строилась колчаковская пропаганда, а социальные интересы. Кроме того, форма подачи информации в печати, рассчитанная на образованного, интеллектуально развитого читателя, не годилась для большинства малограмотного населения. То есть, во-первых, успешное эмоциональное воздействие пропаганды на массы возможно только при условии ее совместимости с ценностями этих масс; во-вторых, язык этого воздействия должен быть понятен и близок им.

Несмотря на определенную популярность в молодежной офицерской среде, решение о восстановление георгиевских наград в армии А. В. Колчака во время Гражданской войны представляется политически неудачным. Оно давало противникам режима лишний повод для крайне невыгодного в то время обвинения в стремлении к прошлому, в «реставраторских тенденциях», в то время как сама революция была вызвана потребностями в обновлении, модернизации страны. Колчаковские власти оказались не способны создать наградную систему, адекватную состоянию массового сознания, отвечавшую реалиям революционного времени.

Литература

1. Будберг А. П. Дневник. Часть первая. Белое дело: Избранные произведения в 16-ти кн. Кн. 14: Белый Восток. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 2003.

2. Будберг А. П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001.

3. Военные ведомости. 1918.

4. Зверев С. Э. Военная риторика Новейшего времени. Гражданская война в России. СПб.: Алетейя, 2012.

5. Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012.

6. Кручинин А. С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010.

7. Психология и педагогика. Военная психология: учебник для вузов / под ред. А. Г. Маклакова. СПб.: Питер, 2005.

8. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2010.

9. Симонов Д. Г. Георгиевские кавалеры в Российской армии адмирала А. В. Колчака // Вестник НГУ. 2002. (Серия: История, филология). Т. 1. Вып. 3. С. 98 – 107.

Информация об авторе:
Сушко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Омского государственного технического университета, Alexsushko@rambler.ru.
Aleksey V. Sushko – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History, Omsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 94(571.1/5):343.81

ГЛАВНЫЙ ИНСПЕКТОР ПО ПЕРЕСЫЛКЕ АРЕСТАНТОВ ПРИ «БЕЛЫХ» ПРАВИТЕЛЬСТВАХ В СИБИРИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Н. Н. СОБОЛЕВСКИЙ

Д. Р. Тимербулатов

CHIEF INSPECTOR FOR TRANSIT OF PRISONERS UNDER THE «WHITE» GOVERMENTS IN SIBERIA MAJOR-GENERAL N. N. SOBOLEVSKY

D. R. Timerbulatov

В статье рассматривается биография генерал-майора Н. Н. Соболевского, руководителя конвойной стражи при управлении пенитенциарной системой антибольшевистских правительств в Сибири. В ней отмечены его военная служба, в том числе в годы Первой мировой войны, общественно-политические взгляды, работа в должности Заведующего Пересыльной частью при Тюремном Отделении и Главного инспектора по пересылке арестантов при Главном управлении мест заключения Министерства юстиции в годы Гражданской войны, а также дальнейшая жизнь в эмиграции в Китае. Кроме того, в статье приводятся сведения о кадровом составе аппарата по руководству конвойными командами и порядке проведения его эвакуации из Омска в августе 1919 г.

The paper considers the biography of Major-General N. N. Sobolevsky, the head of the escort guard in the penitentiary system of anti-Bolshevik governments in Siberia. The author notes Sobolevsky's military service, including fighting in World War I, the socio-political views, work as Head of the Transit Office of the Prison Department and Chief Inspector for Transit of Prisoners of the Main Board for Places of Detention of the Ministry of Justice during the Civil War, and life in exile in China. In addition, the paper provides some information on the managerial staff of guard commands and procedures for evacuation from Omsk in August 1919.

Ключевые слова: пенитенциарная система, сибирское областничество, Гражданская война на востоке России, конвойная стража.

Keywords: penitentiary system, Siberian regionalism, Civil War in the East of Russia, escort guard.

В последнее время появляется много исследовательских работ биографического характера в виде справочников или научных статей, которые посвящены людям, активно участвовавшим в антибольшевистском движении на востоке России. Работа в данном направлении с одной стороны, по сути, неисчерпаема, благодаря обилию фактического материала, а с другой затруднена его разбросанностью по архивам, библиотекам, музейным и семейным коллекциям. При этом интерес чаще всего сводится к изучению жизни узкого круга лиц (А. В. Колчак, министры Российского правительства, крупные военачальники и т. д.), которые во многом определяли события того периода. По мнению автора, в судьбах менее известных людей переломный момент российской истории, начавшийся после революции 1917 г., зачастую сыграл не меньшую роль, чем в биографиях более известных Гражданской войны. Поэтому объектом изучения данной статьи был выбран малоизвестный широкому кругу россиян генерал-майор Николай Наполеонович Соболевский.

В 2013 г. исполнилось сто сорок лет со дня рождения и семьдесят лет со дня смерти одного из деятелей «белого движения» Николая Наполеоновича (Ивановича) Соболевского. Необходимо сразу отметить, что его отчество в различных документах указывается поразному. К сожалению, автору статьи не удалось найти этому объяснение. Соболевский родился 28 января (9 февраля) 1873 г. в семье потомственных дворян в Енисейской губернии. Окончив военную прогимназию и пехотное юнкерское училище в Иркутске, он в 1893 г. был выпущен после обучения подпрапорщиком в местный резервный батальон. Затем его переводят в Красноярский резервный пехотный батальон, где он исполнял должность адъютанта. На данном месте Соболевский дослужился до чина штабс-капитана, пребывая в котором, принял участие в русско-японской войне 1904 – 1905 гг. в составе 5-го пехотного Сибирского Иркутского полка. За отличия в службе был повышен в чине до капитана и награжден орденами: Св. Анны 2-й степени, 3-й степени и 4-й степени с надписью «За храбрость» (1906 г.), Св. Станислава 2-й степени с мечами (10 июля 1905 г.) и 3-й степени.

В марте – июле 1908 г. он был назначен начальником Нижнетуринской конвойной команды, впервые получив опыт подобной работы. С июля 1908 г. Н. Н. Соболевский служил старшим адъютантом штаба Иркутской местной команды [8, с. 517].

Начальник данной воинской части полковник Кашкаров указывал на то, что его подчиненный, выполняя поручения по осмотру личного состава, зарекомендовал себя как человека, отличающегося «редким усердием к службе, примерною исполнительностью и знанием порученного ему дела». Когда капитан Н. Н. Соболевский в августе 1914 г. выступил с хода-

тайством о своем переводе в 25-й Сибирский стрелковый генерал-лейтенанта Кондратенко полк, который отправлялся на фронт, Управление команды, несмотря на нежелание отпускать столь трудно заменимого работника, дало ход его прошению [5, л. 7 – 19 об.].

Руководствуясь Высочайшим приказом от 3 сентября 1914 г. и желая поспособствовать капитану в возможности повышения в чинах, начальник команды расстался с Н. Н. Соболевским, и тот был переведен в воинскую часть и назначен командиром 8-й роты 25-го Сибирского стрелкового полка. Данный полк в составе 7-й дивизии 3-го Сибирского армейского корпуса, который прибыл на театр военных действий уже в августе месяце, оказался в самой гуще ожесточенных сражений у городов Августов и Лык. До февраля 1916 г. корпус входил в состав 10-й армией, которая действовала на Северо-Западном, а с августа 1915 г. – на Западном фронте.

Во всех сражениях, в которых принимали участие воинские части с востока России, солдаты-сибиряки отличались стойкостью и самоотверженностью [12, с. 598].

Во время одного из боев при атаке на деревню Соболен 5 октября 1914 г. капитан Н. Н. Соболевский получил тяжелые ранения. Командир 7-й роты того же полка подпоручик Миронов свидетельствовал, что наступление на позицию противника производилась под губительным огнем. В самом начале боя Н. Н. Соболевский был ранен 5 шрапнельными пулями: в обе ноги и левую руку. Не сделав даже перевязки, капитан со своей ротой продолжил атаку и получил сквозное ранение левого плеча. Воодушевляя солдат, с криком «ура», Н. Н. Соболевский бросился к немецким окопам и был снова ранен: пулей в открытый рот. Благодаря упорному натиску противник в беспорядке отступил, а его укрепления были заняты [2].

Позднее в Харбине в своих беседах с бывшим министром снабжения Временного Сибирского правительства И. И. Серебренниковым Н. Н. Соболевский рассказывал, что в течение трех дней лежал без сознания между окопами противостоящих друг другу войск, время от времени приходя в себя. В один из таких моментов он мысленно обратился с молитвой о спасении к Иркутскому Чудотворцу и Святителю Иннокентию, и вскоре, в результате успешной атаки русских частей, был подобран санитарами и увезен в госпиталь.

Несмотря на пессимизм врачей, Н. Н. Соболевскому постепенно удалось восстановиться после тяжелых ранений, чему, по его словам, помогли постоянные молитвы [11, с. 544].

Все его рассказы о боевой службе характеризуют его как искренне верующего человека. После продолжительного лечения Н. Н. Соболевский приказом № 90 по 25-му Сибирскому стрелковому полку был причислен ко второму классу раненых. Затем в 1915 г. он был произведен в чин подполковника, а в следующем году – полковника с назначением на должность командира 28-го Сибирского стрелкового полка. В апреле 1916 г. он становится председателем офицерского полкового суда чести.

Когда произошла Февральская революция 1917 г. и в общественно-политической жизни страны стала наблюдаться большая активность, полковник Н. Н. Соболевский не оставался в стороне от происходящих вокруг событий. Относя себя к коренным сибирякам, который «до 41 года не выезжал из России», он последовательно поддерживал идею предоставления Сибири широкой автономии. В своей памятной записке от 7 апреля 1917 г., адресованной председателю Государственной Думы М. В. Родзянко, Н. Н. Соболевский необходимость введения самоуправления обосновывал тем, что местные люди, по сравнению даже с очень талантливыми приезжими, гораздо лучше понимают потребности своего края. По его мнению, благодаря политической ссылке, сибирская интеллигенция быстрее знакомилась с передовыми взглядами, чем в остальной России. Данное утверждение, а также приверженность идеям «сибирского областничества», показывает, что он не был сторонником правых взглядов, которые имели распространение в офицерской среде.

Будучи «сибирским патриотом», Н. Н. Соболевский в упомянутой записке зачастую приводил сведения о родном крае, явно не соответствовавшие действительности. Например, затрагивая уровень образования в Сибири, он писал, что грамотность за Уралом распространена значительно шире и количество школ больше, чем в европейской части России. Известно, что перед началом Первой мировой войны доля грамотных в населении страны достигала отметки в 30 – 35 %. Согласно же статистическим данным по Сибири, озвученным министром народного просвещения Российского правительства А. В. Колчака, грамотными являлись не более 14 % населения [5, 22 янв.].

Касаясь административно-территориального устройства сибирских территорий, Н. Н. Соболевский, исходя из географического положения и бытовых различий, видел необходимость в их делении на три отдельные области: Западную Сибирь, Восточную Сибирь и Приамурский край. При этом полковник считал, что при преобразовании государственного аппарата необходимо было отменить все преимущества отдаленной службы, которые рассматривались им как «пощечина» сибирякам – аборигенам со стороны правительства. Суть этих преимуществ заключалась в том, что чиновники, приехавшие из центральных губерний России, имели более высокое жалованье и быстрее уходили на пенсию, чем их коллеги из местных жителей.

Как военный человек Н. Н. Соболевский в памятной записке обращал большое внимание на существовавшую неприязнь между офицерами и солдатами. Причина антагонизма в армии виделась ему в отсутствии гражданского воспитания в народе, который не имел представления ни о своих правах, ни об обязанностях. Также Н. Н. Соболевский предлагал изменить подготовку офицерского состава, проведя широкую демократизацию обучения и воспитания. После окончания кадетских корпусов будущим офицерам, по его мнению, надлежало уходить в войска рядовыми на год, после чего поступать в военные училища, в которых должны пресекаться любые проявления роскоши и богатства. Учитывая нехватку опытных унтер-офицеров, Н. Н. Соболевский высказывался в пользу открытия особых унтер-офицерских школ, в которые поступали бы мальчики 9 – 10 лет. После прохождения семилетнего курса выпускники отправлялись бы в войска, чтобы обязательно прослужить 2 – 3 года в дейст-

вующей армии, отработав, таким образом, полученное образование.

Для удержания солдат на фронте Н. Н. Соболевский считал необходимым образовать специальный военно-земельный фонд и награждать землею тех, кто получил в течение войны ранения, или совершил подвиги, отмеченные Георгиевскими крестами и медалями. Полковник справедливо отмечал, что подобное материальное поощрение могло бы поднять дух в армии и создать уверенность, что солдат и члены его семьи не будут испытывать нужды в будущем. В порядок награждения офицерского состава Н. Н. Соболевский требовал внести изменения, поскольку орден св. Георгия нередко получали командиры, находившиеся вне зоны боевых действий, за успех своей воинской части.

Помимо М. В. Родзянко командир 28-го Сибирского стрелкового полка обращался с вопросом о предоставлении самоуправления Сибири к председателю торгово-промышленного съезда в Москве П. П. Рябушинскому. В письме от 9 мая 1917 г., отправленному редактору газеты «Иркутская жизнь», Н. Н. Соболевский писал, что он еще в юности, как и многие другие коренные сибиряки, мечтал о благополучии родного края, которое наступит, когда «на Урале выстроят стену, достигающую неба, чтобы и птицы не могли бы перелететь через эту стену» [2]. Оценивая текущие события, полковник выражал сожаление по поводу недоступности достоверной информации об общественно-политических событиях в Сибири, поскольку до фронта доходили лишь противоречивые слухи.

Не имея сведений об организациях сибиряков, Н. Н. Соболевский просил напечатать в газете свое письмо с призывом создания мощной ассоциации, отстаивающей интересы края, чтобы в Учредительном собрании был ясно слышан голос местного населения. Участие во временном выборном органе представителей от Сибири, по мнению полковника, позволило бы избавить край от широкой эксплуатации природных ресурсов, от которой не было никакой обратной пользы. Призывая к сохранению в армии дисциплины, порядка и подчиненности, Н. Н. Соболевский предлагал всем выходцам с сибирских территорий, находящимся в воинских частях, объединиться для возбуждения ходатайства об избрании общего для всех фронтов комитета сибиряков – федералистов для подготовки к выборам в Учредительное собрание. Несмотря на резкую критику российских властей, он не настаивал на отделении Сибири и провозглашении ею независимости. Полковник требовал созыва Сибирской областной думы, введения местного законодательства и самостоятельности в экономической и культурной сфере, оставляя за центральной Россией управление армией, внешней политикой, почтой, телеграфом и финансами [2]. В целом пример Н. Н. Соболевского демонстрирует, что некоторые офицеры после февральских событий сами втягивали армию во внутриполитическую борьбу, усиливая отвращение солдат к продолжению боевых действий.

В ноябре 1917 г., когда фронт практически развалился, командир 28-го Сибирского стрелкового полка был отчислен в резерв чинов штаба Минского военного округа из-за осложнений, вызванных ранениями. В начале декабря того же года Н. Н. Соболевский прошел медицинское обследование на предмет полного освобождения от воинской службы. Данные анамнеза свидетельствовали об отсутствии у полковника правой половины верхней челюсти с семью зубами. Из-за попадания пули в область ротовой полости обследуемый Н. Н. Соболевский жаловался на постоянные боли в челюстном суставе около правого уха, трудности при жевании и речи, а также сильные головокружения при быстрых поворотах головы. Кроме того, наблюдалась ограниченность подъема левой руки вследствие сквозного ранения плечевого сустава. Помимо телесных повреждений Н. Н. Соболевский страдал от болезни сосудистой системы и почечных колик.

Комиссия врачей Минского военного госпиталя отмечала расширение границ сердца вправо и влево, что вызывало сильное сердцебиение при быстрой ходьбе или езде верхом. В медицинском заключении отмечалось, что Н. Н. Соболевский, испытывавший серьезные проблемы со здоровьем, подлежит увольнению со службы в отставку с назначением пенсии [2].

Известно, что, покинув армию, он вернулся на территорию родного края, однако об его участии в событиях весны – лета 1918 г., связанных с борьбой за власть, достоверной информации не обнаружено. Скорее всего, он как офицер благожелательно встретил возникновение организованного антибольшевистского движения и свержение Советов. Н. Н. Соболевский, разделявший взгляды областничества, мог приветствовать декларацию от 4 июля 1918 г «О государственной самостоятельности Сибири». В ней Временное Сибирское правительство объявляло, что вместе с Сибирской областной думой несет ответственность за судьбу края, «провозглашая полную свободу независимых отношений с иностранными державами», что, по сути, означало провозглашение государственного суверенитета [9, с. 196].

Имя полковника в отставке Н. Н. Соболевского снова начинает фигурировать в официальных документах в связи с его назначением 8 сентября 1918 г. на должность заведующего пересыльной частью Министерства юстиции [7, 6 окт.]. Телеграмма, извещавшая об этом, застала его в Иркутске, на улице Вторая Иерусалимская, 48, после получения которой он отправился в Омск к месту службы. Н. Н. Соболевскому были предоставлены права чиновника V-го класса с ежемесячным окладом в 1 тыс. руб. согласно утвержденному примечанию IX постановления Временного Сибирского правительства «О штатах центральных учреждений Сибири» [1, с. 332].

На пересыльную часть при Минюсте возлагалась функция по контролю над арестантами вне стен пенитенциарных учреждений, а также содействие тюремным чинам, в случае крайней необходимости, в подавлении беспорядков в местах заключения. Обеспечение охраны и порядка возлагалась на конвойные команды. В декабре 1918 г. в центральном аппарате данного учреждения числилось 7 человек, среди которых находились штаб-офицер для поручений М. К. Центилович и обер-офицер П. М. Урахчинский [2, л. 11 об.]. Через месяц, когда правительством в Омске было принято решение о восстановлении Главного управления мест заключения (ГУМЗ) вместо III-го (Тюремного) Отделения, пересыльная часть была преобразована в Главную инспекцию по пересылке арестантов (ГИПА), ко-

торая также как и ГУМЗ, функционировала до революции.

Согласно правилам, действовавшим вплоть до 1917 г., обязанности по осуществлению руководства конвойной службой возлагалась на одного из генералов, который продолжал находиться в ведении Военного министерства, но одновременно подчинялся тюремному ведомству по части охраны заключенных. В сферу деятельности Главного инспектора входило комплектование местных этапных команд, наблюдение за порядком и дисциплиной среди личного состава, контроль над правильным осуществлением снаряжения и отправления арестантов по железным дорогам и другим транспортным путям, составление приказов и циркуляров (иногда совместно с начальником ГУМЗ) [10, с. 237].

Поскольку прежние нормы требовали, чтобы начальник инспекции находился в генеральском звании, полковник Н. Н. Соболевский приказом Верховного правителя адмирала А. В. Колчака от 1 апреля 1919 г. был произведен в генерал-майоры. Повышение в чине не было простой формальностью, поскольку в том же документе подчеркивались особые отличия по службе, благодаря чему в момент реорганизации тюремного ведомства он не был отправлен в отставку [2].

Весь личный состав прежней пересыльной части также оставался служить в ГИПА. Например, с 1 марта 1919 г. подполковник М. К. Центилович назначался старшим делопроизводителем, а прапорщик П. М. Урахчинский делопроизводителем канцелярии Главного инспектора [13, л. 21].

К августу того же года центральный аппарат управления был увеличен до 9 служащих, среди которых числился шестнадцатилетний сын Соболевского Александр в качестве канцеляриста 1-го разряда.

В это время по распоряжению Совета министров проходила подготовка к эвакуации из Омска на восток ряда правительственных учреждений, в том числе ГУМЗ и ГИПА. Когда часть Главной инспекции отбыла в Иркутск, приказом по конвойным командам от 18 августа 1919 г. старшему делопроизводителю подполковнику Орлову было поручено по прибытии на место оставаться вместо Н. Н. Соболевского, подписывая за него все бумаги. Вопросы, требовавшие же при разрешении личного участия Главного инспектора, предлагалось отложить до его приезда из Омска, в экстренных случаях запрашивая того телеграфом [3, л. 80–87]. Через неделю управление ГИПА прибыло для проживания в Иркутск, разместившись в помещении губернской тюремной инспекции на улице Большая, 27, куда теперь отправлялась вся корреспонденция.

Н. Н. Соболевский с сыном Александром отбыл из Омска вечером 27 августа 1919 г. в арестантском вагоне № 814 вместе с начальником ГУМЗ П. Граном и другими служащими тюремного ведомства и членами их семей [4, л. 9]. Не доехав, в отличие от остальных, сразу до Иркутска, он отправился в командировку в Томск для осмотра местной команды. Только с 13 сентября 1919 г. Н. Н. Соболевский приступил к исполнению своих обязанностей на новом месте, сменив подполковника Орлова.

О деятельности Главного инспектора по пересылке арестантов в последние месяцы функционирования правительства А. В. Колчака известно мало. В начале 1920 г. Н. Н. Соболевский был зарегистрирован и состоял на учете при управлении коменданта города Иркутска. В конце того же года, когда большевики окончательно установили свою власть в регионе, он решил эмигрировать в Китай. Там он занялся варкой и торговлей квасом, а также изготовлением и продажей простокваши в кафе и рестораны Харбина [4, с. 513]. Через десять лет в новообразованном государстве Маньчжоу-Го по инициативе японцев создается «Союз казаков на Дальнем Востоке», при котором действовали военно-учебные курсы для молодых казаков. Здесь, в конце 1930-х гг. преподавал Н. Н. Соболевский. Кроме того, он числился служащим 3-го отдела Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) вплоть до своей кончины в Харбине 29 марта 1943 г. [1, с. 518].

Уроженец Сибири Соболевский, проявив себя на военной службе и в общественно-политической деятельности, как и многие другие, оказавшиеся в силу обстоятельств вне российских пределов, на закате своих лет наверняка жалел о том, что остаток жизни провел вне родного края.

Литература

1. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. д-ов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Сова, 2007.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 827. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 31.
5. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 60.
6. ГАРФ. Ф. 827. Оп. 3. Д. 2.
7. Историческая энциклопедия Сибири в 3-х т. Т. «К – Р» / ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010.
8. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: биограф. справочник. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2011.
9. Максаков В., Турунов А. Хроника Гражданской войны в Сибири (1917 – 1918). М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.
10. МВД России: энциклопедия / ред. В. Ф. Некрасов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
11. Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход. М.: АСТ; Ермак, 2003.
12. Сибирский вестник (Омск). 1918.
13. Тобольское народное слово (Тобольск). 1919.

Информация об авторе:
Тимербулатов Дмитрий Радикович – соискатель кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, dmi924512@yandex.ru.
Dmitry R. Timerbulatov – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University
(**Научный руководитель: *Звягин Сергей Павлович*** – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, whitesiberia@narod.ru.
Research advisor: *Sergey P. Zvyagin* – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 94(47)”1917/1922”

РУССКИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ВОЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ХАРБИНЕ

А. А. Хисамутдинов

RUSSIAN SOCIAL-MILITARY ORGANIZATIONS IN HARBIN

A. A. Khisamutdinov

В статье рассказывается об общественных организациях, созданных военными из России в Харбине после их отъезда в эмиграцию в ходе Гражданской войны. Приводятся биографические сведения наиболее активных общественных деятелей русского зарубежья из числа военных. Особое внимание уделено их литературной и издательской деятельности. Статья основана на материалах зарубежной периодической печати и зарубежных архивов, использованы также послужные списки офицеров.

The paper describes the public organizations created by the Russian officers in Harbin after they had left Russia during and after the Civil War. Biographical information of the most active public figures is given with the special attention to their literature works and publishing activities. The paper is based on sources from the emigrant periodicals, foreign archives documents, and the Russian officers’ personal files.

Ключевые слова: военные-эмигранты, российская эмиграция, русский Китай, русский Харбин.
Keywords: military emigrants, Russian emigration, Russian China, Russian Harbin.

Несмотря на популярность истории российской эмиграции среди исследователей, в ней остается немало белых пятен. В частности, остается много вопросов о судьбах бывших участников Первой мировой войны, которые навсегда ушли из России после участия в кровопролитной Гражданской войне. Тем из них, кто оказался в Китае, была посвящена статья «Многие ушли в изгнание, имея шинель и нехитрые пожитки: Бывшие фронтовики Первой мировой войны в Китае», опубликованная в Военно-историческом журнале [36].

В дореволюционном Китае русские военные в основном служили в Заамурском округе или в Отдельном корпусе пограничной стражи, созданном в 1901 г. со штаб-квартирой в Харбине. Эта военная часть обслуживала нужды Китайско-восточной железной дороги (КВЖД). Общественная деятельность военных тогда была развита слабо: кроме офицерского собрания и Экономического общества офицеров Заамурского отдельного корпуса пограничной стражи, занимавшегося благотворительностью и взаимопомощью, в Харбине не существовало военных общественных организаций.

Русские офицеры-пограничники на общественных началах выпускали свой журнал «Досуги Заамурцев», выходивший в Харбине с января 1905 г. по 1911 г. Он был настолько популярен среди населения, что местная организация социалистов-революционеров попыталась использовать его название для своих целей. Об этом рассказал харбинский библиограф М. С. Тюнин: «Организация успела выпустить несколько номеров своего органа (подпольного, конечно) под таким же названием – “Досуги Заамурцев”. Легальный, настоящий журнал “Досуги Заамурцев” боролся со своим подпольным тезкой, и местные власти быстро его ликвидировали» [24].

Большую роль среди заамурцев играл полковник Николай Васильевич Орлов (? – после 1939), служивший в Заамурском пехотном полку (1909–1915). Он был участником Первой мировой войны, награжден орденом Св. Георгия. Его рукописная история Заамурского округа повествует о пограничной службе на Дальнем Востоке в 1898–1917 гг. После 1917 г. офицер вернулся в Харбин, где участвовал в формировании нового подразделения для охраны КВЖД (1918). В марте 1920 г., когда китайские войска заняли помещения Охранной стражи, она была распущена, и Орлов вышел в отставку. После ранений, полученных в боях, у офицера были повреждены обе руки, но все же в 1939 г. он закончил написание истории Заамурского округа. Его пятитомный труд является памятником упорству самого Орлова и доблести солдат, о которых он писал [24]. В этой работе отмечается и общественная деятельность заамурцев.

Другим автором мемуаров был генерал-майор Михаил Викторович Колобов (1868–1944, Тяньцзинь, Китай) [19]. Он окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус (1886), Николаевское инженерное

училище (1889) и Николаевскую инженерную академию по 1-му разряду (1896). Почти все годы своей службы Колобов провел в Харбине на должности начальника военного отдела КВЖД. Он опубликовал и несколько работ, посвященных военному делу.

Литературным трудом известен и Николай Аполлонович Байков (1872–1956, Брисбен, Австралия). В 1901 г. он получил перевод в пограничные войска Заамурского военного округа и 14 лет провел в Маньчжурии: участвовал в Русско-японской войне, собирал научные коллекции и охотился на тигров, писал рассказы и научные работы, ликвидировал банды хунхузов. «Находясь на службе, – сообщал Байков в автобиографии, – занимался исследовательской и литературной деятельностью, выполняя задания Императорской академии наук по сбору зоологических и ботанических экспонатов; по указаниям директора Зоологического института профессора Н. В. Насонова и ученого ботаника Д. И. Литвинова, произведя исследование края, исходил пешком и верхом всю Гиринскую провинцию от р. Сунгари до границ Кореи, вдоль и поперек» [10, л. 6]. В 1907 г. Академия наук присвоила Байкову почетное звание «Сотрудник-корреспондент», а в 1908 г. Министерство государственных имуществ по ходатайству Академии наук наградило его за научную деятельность земельным участком в 100 десятин в Южно-Уссурийском крае. Участвовал Байков и в Первой мировой войне, которую закончил полковником и командиром полка. С 1918 по 1919 гг. он находился в рядах Добровольческой армии, но в 1920 г. заболел тифом и был эвакуирован англичанами в Египет, откуда через Индию вернулся в Харбин. С 1934 г. Николай Аполлонович занимался только литературным трудом. Его произведения переведены на японский, китайский, немецкий, французский, английский, итальянский и чешский языки [9]. Особенно большой интерес у читателей и критиков вызвало произведения «В горах и лесах Маньчжурии» (1915) и «Великий Ван» (1936). О ранних годах службы в Харбине рассказывает роман «Черный капитан» [3].

Некоторые русские офицеры принимали участие в Обществе русских ориенталистов (ОРО), основанного в Харбине в 1909 г. В основном это были выпускники Восточного института во Владивостоке, а также военные переводчики. Большой военный опыт, в частности, имел Павел Васильевич Шкуркин (1868–1943, Сиэтл, США). После окончания Александровского военного училища (1888) он служил на Дальнем Востоке, окончил Восточный институт с 1-м разрядом (1903). Шкуркин участвовал в Русско-японской войне, получив звание штабс-капитана. Как командир разведки он неоднократно отличался в боях, имел награды с надписью «За храбрость», в том числе китайский орден Двойного Дракона 2-й степени. Позднее Павел Васильевич служил переводчиком на КВЖД и преподавал в учебных заведениях Харбина. Он считался знатоком хунхузничества в Китае.

Экспертом по Монголии был начальник штаба Заамурской пограничной стражи полковник Алексей Михайлович Баранов (1865–1927, Харбин), живший в Харбине с 1898 г. Большинство его работ, увидевших свет до 1917 г., было напечатано в типолитографии штаба Заамурского пограничного округа [4]. В дальнейшем бывший офицер возглавлял этнографический отдел музея Общества изучения Маньчжурского края.

После окончательного установления в России советской власти осенью 1922 г. к русским офицерам, служившим в Маньчжурии, добавились тысячи участников Гражданской войны. Замечено, что русские эмигранты предпочитали жить недалеко от границ с Россией, ожидая скорого падения советского режима и возможности возвращения на родину. Времени оплакивать поражение в войне и собственную судьбу не было – многие ушли в изгнание, имея лишь шинель и нехитрые пожитки, и нужно было зарабатывать на жизнь. На первый взгляд, военные оказались в худшем положении по сравнению с другими беженцами – без гражданских профессий, но с грузом воспоминаний о проигранной войне. Несмотря на это, офицеры и солдаты, казаки и моряки смогли вписаться в непростую китайскую реальность.

Этому помогали общественные организации, которые играли огромную роль в русском зарубежье. Большое место в них занимали общества бывших участников недавних боевых действий. Эти формирования делились на чисто военные – в них, как и в прежние времена, была военная дисциплина и готовность участвовать в новой войне («Братство русской правды», наёмники на китайской службе и др.); сообщества однополчан (Общество офицеров гвардии, артиллеристов, уланов и пр.) или окончивших определенное военное учебное заведение, а также разнообразные благотворительные общества, оказывавшие помощь в поиске работы, крова, а при необходимости и материальную.

Особенно в зарубежье были популярны объединения по родам войск или по военному образованию. Таким было Общество заамурских офицеров (ОЗО), основанное в 1920 г. как «товарищество на вере». Его членами стали военные, служившие на охране КВЖД, чью часть расформировали. Бывшие пограничники смогли свести концы с концами, воспользовавшись типолитографией бывшего штаба охранной стражи КВЖД и занявшись типографскими работами. Общество ОЗО и его типография располагались в Харбине на Большой проспекте № 47, позднее переехли в Московские торговые ряды № 8.

Яркой фигурой в Обществе заамурцев был выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1898) генерал-майор Николай Герасимович Володченко (1862 – после 1945), бывший начальник штаба Корпуса пограничной стражи в Харбине. Специалист по военным отношениям с Китаем и член ОРО, Володченко был известен тем, что часто выступал с воспоминаниями в харбинских учебных заведениях. Он был также деятелем Дальневосточного общества ревнителей военных знаний и председателем Общества взаимопомощи чинов Заамурского отдельного корпуса пограничной стражи, активно участвовал в сборе исторических документов для Русского заграничного архива в Праге [14, л. 15–17 об.].

Видную роль в Харбине играло Общество взаимопомощи Александровцев, основанное в 1930 г. выпускниками Александровского военного училища.

Его многолетним председателем был генерал-майор Яков Михайлович Ларионов (1858 – после 1941) [1]. После окончания Николаевской академии Генерального штаба (1893) он участвовал в Первой мировой войне, последняя должность – командующий 3-м Сибирским корпусом. В Харбине Ларионов преподавал в ряде учебных заведений (1923–1932) и писал мемуары, вспоминая события на восточном фронте Первой мировой войны [20]. Примечательно, что Общество взаимопомощи Александровцев было зарегистрировано на домашний адрес его председателя: Харбин. Ротная улица, дом 37, кв. 2.

В Харбине было известно и Объединение офицеров-питомцев Одесского военного училища, председателем которого был полковник Л. В. Осетинский. В этом обществе регулярно принимали участие шесть генералов: В. А. Кислицын, К. К. Никитин, Е. К. Вишневский, Г. Д. Коняев, Ф. В. Друри и И. И. Сакульский.

Несмотря на молодость, большую активность в общественной жизни проявляли выпускники Читинского атамана Семёнова военного училища. Хотя это учебное заведение просуществовало совсем немного, его выпускники и бывшие юнкера основали Общество взаимопомощи воспитанников Читинского военного училища, издававшее свой бюллетень [16] и выпускавшее однодневные издания [37]. Издательская деятельность была характерна и для выпускников других военных училищ. Так, в 1934–1935 гг. под девизом «За Веру, царя и отечество» выходил «двухнедельный журнал юнкеров военного училища Корпуса императорских армий и флота».

Регулярно проводили свои встречи и выпускники хабаровского кадетского корпуса. Их формирование, основанное в Харбине в 1924 г., в разные периоды носило различные названия: Общество кадет-хабаровчан, Союз бывших кадет Хабаровского кадетского корпуса, Общество взаимопомощи [21]. Его возглавляли бывший офицер-воспитатель А. Г. Жидовкин и кадет А. Г. Мандрыка. В 1938 г. в Харбине числилось 40 членов этого общества [35, с. 138].

Одновременно с хабаровчанами свое общество имели кадеты-сибиряки. Первый Сибирский императора Александра 1-го кадетский корпус (последний директор генерал-майор Е. В. Руссет) был эвакуирован из Омска во Владивосток, разместившись на Русском острове (1921). Затем на кораблях Сибирской флотилии кадеты отправились в Китай, где и было основано Общество взаимопомощи 1-го Сибирского Императора Александра 1-го кадетского корпуса. Отделение в Харбине возникло 27 января 1924 г. Как и хабаровчане, сибиряки регулярно проводили свои встречи. Пресса писала: «Часто отдавая последние средства, члены общества охотно жертвовали на поддержку белых партизанских отрядов, действовавших в Приморье, на покупку передач политическим заключенным, невинно сидевшим в Харбинской китайской тюрьме. В 1933 г. общество торжественно (в пределах харбинских возможностей) отметило 120-летие со дня основания родного корпуса. После тор-жественного молебна состоялся закрытый бал, собравший всех кадет-сибиряков, живущих в Харбине, и прошедший в исключительно дружеском и чисто кадетском духе, также как и все устраиваемые обществом в Харбине чашки чая и вечера» [25, с. 368].

Очень активными в зарубежье были военные, награждённые Георгиевскими крестами. Они основали в Харбине в 1921 г. Союз георгиевских кавалеров Российской восточной окраины. Также существовало Гвардейское Дальневосточное объединение.

Каппелевцы, воевавшие под командованием колчаковского генерала В. О. Каппеля (1881–1920), создали в Харбине в 1921 г. Союз труда и взаимопомощи офицеров. Председателем общества стал известный генерал Антон Викентьевич Бордзиловский (1876–1962, США), а в Военный совет вошли генералы М. М. Плешков, Д. В. Загоскин, К. П. Нечаев, П. П. Крамаренко, Д. И. Закржевский и Е. К. Вишневский.

В Харбине оказалось немало участников Ижевско-Воткинского антисоветского мятежа, которые воевали на стороне адмирала А. В. Колчака и образовали в Китае своё неформальное объединение. Воспоминания о давних событиях написал его деятель полковник Николай Александрович Протопопов (1883–1963, Сан-Франциско) [27].

В 1920 г. солдаты и офицеры армии атамана Григория Михайловича Семенова (1890–1946, Москва), покинувшие пределы России, создали Союз чинов Дальневосточной армии. «Я тогда же передал этому Союзу три с половиной миллиона золотых рублей, – писал атаман, – и на ту же сумму различных товаров и имущества, полагая, что фонд в семь миллионов будет вполне достаточным для экономического обоснования деятельности союза» [29, с. 11]. Начальником Союза был назначен генерал-лейтенант Рудольф Карлович Бангерский (1878–1958, Германия), будущий военный министр в Литве. Союз не нашел пристанища в Харбине и был вынужден переехать во Владивосток, где его деятельность свернулась окончательно после окончания Гражданской войны.

Ветераны боевых действий находили возможным публиковать свои воспоминания. Обобщить историю Гражданской войны на Дальнем Востоке предпринял семеновец Всеволод Леонидович Сергеев. В своей книге он использовал личные записки атамана Семенова, рукописи А. Линькова «История О.М.О.», Е. Н. Пастухина «Семенов и его отряд» и другие работы, в основном опубликованные на страницах журнала «Луч Азии» (1935 – 1936). «На мою долю, – писал В. Л. Сергеев, – выпала задача систематизации всего использованного материала и общее редактирование книги, цель которой ознакомить молодежь с недавним прошлым, напомнить факты беспримерной борьбы кучки патриотов против вдесятеро сильнейшего противника, зажечь молодежь стремлением к борьбе, к продолжению начатого нами дела, закончить которое с честью является общим долгом Русской эмиграции» [30, с. 1].

Популярными были и военно-исторические организации. В 1927 – 1930-х гг. существовало Дальневосточное общество ревнителей военных знаний, которое издавало свой журнал «Крёстный путь». На его страницах печатались материалы, посвящённые георгиевским кавалерам или Гражданской войне.

Генерал Пётр Петрович Петров (1882–1967, Сан-Франциско), живший в Китае и Японии, издал несколько книг воспоминаний о революции и Гражданской войне [26]. Рецензент о первой из них написал: «В книге генерала Петрова одинаково беспристрастно приводятся факты как героизма войск, так и их страданий в обстановке тех жертв, которые в тоже время приносило и само население на протяжении всей линии борьбы» [32; 22].

В начале 1930-х гг. Бюро по делам российской эмиграции в Китае (БРЭМ) решило воссоздать Союз чинов Дальневосточной армии, придав организации военизированный характер. Так, летом 1935 г. возник Дальневосточный союз военных, а с 15 августа началась регистрация его членов. Начальник БРЭМа Владимир Александрович Кислицын (1879 или 1883–1944, Харбин) говорил: «На Союзе лежат заботы о подготовке чинов в соответствии с требованиями современного военного дела, о воспитании своих чинов в воинском духе» [5, с. 59].

Для более эффективного управления Союз был разделен на три округа – Харбинский, Мукденский и Северо-Китайский, которые в свою очередь делились на 11 районов и 37 отделов. Военный отдел Союза имел собственный раздел в журнале «Луч Азии», где публиковались статьи о военном деле и анализировалась ситуация в Советской России [7, с. 1]. Большое внимание в Союзе уделялось воспитанию молодежи: были учреждены учебная команда для подготовки унтер-офицеров, военное училище для молодых людей, желавших посвятить себя военной службе, и курсы старшего командного состава для подготовки офицеров к занятию командных должностей. Были организованы и потешные отряды для мальчиков и девочек 7–11 лет. В. А. Кислицын, закончивший Первую мировую войну в звании полковника, уделял особое внимание патриотическому воспитанию молодёжи, и ряд его публикаций был посвящен этому [18]. Он оставил и свои воспоминания [17].

По пятницам в Союзе устраивались лекции, концерты, танцы, игры и лотерея. Иногда веселье длилось до 3-х часов ночи. Русский настольный календарь на 1940 г. отмечал: «В настоящее время в Союзе состоит 11406 членов; из них потерявших способность носить оружие, но полезных своим опытом и знанием – 411 чел., гражданских чинов и духовенства – 298 человек, сестер милосердия – 126 чел., женщин других профессий – 119 чел. Итого, способных носить оружие в возрасте от 18 до 60 лет – 10452 человека» [28].

С 1933 г. в Харбине действовал Военно-монархический союз, идейным вдохновителем которого был генерал-майор Владимир Дмитриевич Космин (Косьмин) (1884–1950, Сидней). Сын учителя гимназии, он окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище по первому разряду (1904) и дополнительный курс Николаевской военной академии Генерального штаба (1911), участвовал в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах. Он также активно работал в организации «Вера, царь, народ» и Антикоммунистическом союзе.

Активными были казачьи организации. В 1923 г. в Харбине основали Восточный казачий союз, в который в качестве представителей вошли атаманы Оренбургского (Г. В. Енборисов), Сибирского (Е. П. Березовский), Амурского (Е. Г. Сычев) и Енисейского (К. И. Лаврентьев) казачьих войск, а первыми казачьими объединениями стали хутора и станицы. Затем возник Союз казаков на Дальнем Востоке и бывших чинов Дальневосточной армии. В него вошли три казачьих войска, Забайкальское, Амурское и Уссурийское, и несколько разрозненных групп оренбургских, сибирских, енисейских и иркутских казаков [34, с. 34–36]. В новой организации состояли и те казаки, которые жили в других районах Китая, Японии и на Южном Сахалине. Основным являлось войсковое представительство Сибирского казачьего войска, которое находилось в Харбине на Дачной улице № 29.

Высшее руководство в Союзе казаков принадлежало походному атаману казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока Г. М. Семёнову. Во главе Союза стоял начальник, формально назначаемый Семёновым, а на самом деле Японской военной миссией [7, 34 д.]. В 1940 г. им был оренбуржец генерал-майор Аристарх Васильевич Зуев (1890–1944, Харбин), автор многочисленных статей в журналах «Рубеж» и «Луч Азии», а также воспоминаниях [15].

В Харбине всего существовало девять станиц: восемь были образованы по войскам (Кубано-Терская, Оренбургская, Сибирская, Забайкальская, Амурская, Уссурийская, Енисейская, Иркутская), а Молодая сводная станица носила имя атамана Семёнова [29]. Во главе станиц стояли атаманы, избирались также сроком на один год станичное правление, помощники атаманов, казначеи и станичные писари. На Западной линии КВЖД, где казаков проживало больше всего, был образован казачий отдел со штабом в г. Хайлар. Начальник отдела, забайкальский казак Е. В. Волгин, был еще и начальником Хайларского отделения БРЭМа. Казаки, живущие в Трехречье, образовали Трёхреченскую станицу, в которую входило 18 казачьих поселков, населённых в основном забайкальцами. Атаман, генерал-лейтенант Георгий Евгеньевич Мациевский (1880–1941, Харбин), возглавлял Трёхреченское отделение БРЭМа.

В Харбине в помещении Союза работали двухгодичные военно-училищные курсы, которые возглавлял Оренбургского казачьего войска полковник-артиллерист С. Ф. Стариков. Там могли учиться, приобретая военную специальность, дети всех казаков, эмигрировавших в Китай. Для казачьих офицеров были организованы повторные курсы, где систематически, один раз в неделю, читались лекции. Регулярно проводились общие сборы казаков, где также делались доклады на военно-исторические, политические и экономические темы. При Союзе была организована детская организация «Казачья смена», членами которой являлись казачата от 8 до 14 лет. Во главе ее стоял подъесаул Попов.

Союз казаков на Дальнем Востоке имел и собственное издательство «Стремя». Известным казачьим деятелем был атаман объединенной станицы в Харбине полковник Гавриил Васильевич Енборисов (1858–1946, Харбин), автор книг о казачестве [13].

Большое влияние на казаков оказывали японцы, оккупировавшие Маньчжурию. Они решили восполь-

зоваться казачьим объединением и при случае направить русских эмигрантов на Советскую Россию. Стратегически это было очень удобно: почти все казачьи станицы и хутора располагались вдоль советско-китайской границы. Забегая вперёд, отметим, что эта затея закончилась ничем. Казаки, впрочем, как и другие военные, отказались воевать в 1945 г. во славу японского оружия, а приветствовали Красную армию.

Русские эмигранты, имевшие военный опыт, часто участвовали в китайских конфликтах. Около трех тысяч человек служили в качестве наемников в армии шаньдунского губернатора генерала Чжан Чу-чана (с лета 1924). После расформирования в ноябре 1928 г. они объединились в свое общество, регулярно собираясь на свои встречи и помогая друг другу.

Военные занимались и преподаванием. Помимо П. В. Шкуркина, профессором и заведующим кафедрой финансового и железнодорожного права в Институте ориентальных и коммерческих наук (основан в 1925 г.) был военный юрист генерал-майор Алексей Иванович Андогский (1863–1931) [31]. После окончания Военно-юридической академии он служил в Военно-судном управлении, был последним начальником Николаевской академии Генерального штаба, с которой эвакуировался в Екатеринбург, а затем в Казань. В штабе армии А. В. Колчака Андогский занимал должность генерал-квартирмейстера. Находясь во Владивостоке во время Гражданской войны, он был избран городским головой. Живя в Харбине, он занимался исследованиями [2].

Коллегой Андогского был участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн военный юрист, полковник Иоанн Власьевич Мусий-Мусиенко (1880–1940-е гг.), читавший курс уголовного права [13, л. 9]. Он окончил Одесское военное училище и юридический факультет Новороссийского университета, после чего был командирован Министерством народного просвещения в Берлин для подготовки к профессорскому званию по уголовному праву. Там он написал диссертацию на звание магистра, имел печатные труды. В эмиграции он получил разрешение от Нанкинского правительства выступать в китайских судах.

Одним из лучших экономистов в русском Китае считался генерал-лейтенант Виктор Ильич Сурин (1875–1967, Сан-Франциско), выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1906) и военный деятель в правительстве Колчака. В эмиграции Сурин занял должность старшего агента Экономического бюро КВЖД, регулярно публикуя монографии и статьи в научном журнале «Вестник Маньчжурии». «Сообщения о событиях на КВЖД, – писал критик о его книге, – в середине 20-х годов не сходили с газетных полос. Поэтому издание книги “Северная Маньчжурия” было как никогда своевременно. Автор показал через цифры (сведения на 1924 г.), как Россия помогла поднять Китаю экономику ее северной провинции, приблизив к ней рынки Дальнего Востока. Исчерпывающе даны сведения о земледелии, животноводстве, лесопромышленности и добывающей промышленности Северной Маньчжурии. [...] богатый материал для ознакомления с хозяйственной жизнью нашего ближайшего соседа на Д. Востоке, с которым история связала нас железной дорогой, а перед лицом будущего поставила большие вопросы по урегулированию этой связи и взаимоотношений» [6, с. 205 – 206].

После выступления с лекцией «Железнодорожное строительство в Китае и в Маньчжурии» Сурина избрали приват-доцентом Юридического факультета по кафедре экономическая география (1931).

Несмотря на разочарование от поражения в Гражданской войне и неблагоприятные условия жизни в чужой стране, русские военные эмигранты смогли проявить себя и в Китае. Некоторые из них участвовали в формировании новой Китайской армии, успешно действовали в бизнесе, образовании и культуре. Участники военных событий сохранили общественную активность, занимаясь взаимопомощью и просветительством в созданных ими общественных организациях. Они смогли сохранить память о своей службе в России, обобщить её итоги в публичных выступлениях, докладах и публикациях. Особенно много они сделали для подрастающего поколения, прививая молодёжи любовь и интерес к России.

Литература

1. Александровец. 60 лет в офицер. чинах: Юбилей генерал-лейтенанта Якова Михайловича Ларионова // Заря. 1941. 21 авг.

2. Андогский А. И. Путь к разрешению тихоокеанской проблемы. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. 52 с. Англ. и рус.

3. Байков Н. А. Черный капитан: Маньчжур. быль-роман из жизни заамурцев по охране Кит.-Вост. ж. д., 1901 – 1910. Тяньцзинь: Наше знание, 1943. 333 с.; 2-е изд. Брисбен: Изд. авт., напечат. Г. Бутовым (Мюнхен, Германия), 1959. 163 с.

4. Баранов А. М. Монголия, Барга и Халха. Харбин: Изд. штаба Заамур. окр. отдельного корпуса Погранич. стражи, 1905. 60 с.

5. Беседа с генералом В. А. Кислицыным. Цели и задачи Дальневосточного союза военных // Луч Азии. 1935. Авг.

6. «Виф». Рецензия // Вольная Сибирь. 1927. № 1.

7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 829. Оп. 1.

8. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 22.

9. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 2207.

10. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11198.

11. Дальневосточный Союз Военных в Маньчжурской Империи // Луч Азии. 1936. Февр. Воен. отд.

12. Енборисов Г. В. От Урала до Харбина: памятка о пережитом. Шанхай, 1932. 198 с.

13. Жернаков В. Н. Николай Аполлонович Байков. Мельбурн (Австралия): Мельбурн. ун-т, 1968. 19 с.: ил. (Russians in Australia; № 1). Библиогр.: 306 назв. Рус. и англ.

14. Зуев А. В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом, 1918 – 1922 гг.: Очерки. Харбин: Изд. В. Г. Зуевой, 1937. 132 с.

15. Информационный бюллетень: Ежемес. изд. Общества взаимопомощи воспитанников ЧВУ. Харбин, 1935. № 1 (янв.) № 12 (октябрь – ноябрь).

16. Кислицын В. А. В огне гражданской войны: Мемуары. Харбин: Наш путь, 1936. 113 с.

17. Кислицын В. А. Пантеон воинской доблести и чести. Харбин: Изд. часть Гл. бюро по делам рос. эмигрантов, 1941. 488 с.

18. Колобов М. В. Заамурская железнодорожная бригада: ее прошлое, настоящее и возможное будущее. Харбин: Тип. КВЖД, 1910. 168 с.

19. Ларионов Я. М. Записки участника мировой войны. 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русской армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны: (Сост. по дневнику и полевым документам). Харбин: Изд. О-ва Александровцев в Харбине, 1936. VI, IV, 220, 13, III с.: 5 схем.

20. Муратов Б. Полвека хабаровских кадет // Рубеж. 1939. № 9 (25 февр.).

21. Оренбургская Дальневосточная имени атамана Дутова станица: сб. Харбин, 1937. 101 с.: ил., рекл.

22. Орлов Н. В. Заамурцы 1898 – 1917 гг. Ист. очерк в 5 ч. Ч. 1: Из далекого прошлого. 1898 – 1903 гг.] // Россияне в Азии: лит.-ист. ежегодник / под ред. О. Бакич. Торонто: Центр по изучению России и Восточной Европы в Торонтском ун-те, 1998. № 5 (осень 1998). С. 84 – 105; № 6 (осень 1999). С. 105 – 138.

23. Первый журнал в Харбине // Харбинская старина: сб. Харбин: Изд. О-ва старожилов г. Харбина и Сев. Маньчжурии, 1936.

24. Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус. Шанхай: Изд. О-ва бывших воспитанников I-го Императора Александра I кадет. Корпуса, Б.г. 443 с.

25. Петров П. П. От Волги до Тихого в рядах белых, 1918 – 1922 гг. Рига: Изд. М. Дидковского, 1930. 250 с.

26. Протопопов Н. А. По закамским лесам. Харбин, 1941. 194 с.

27. Русский настольный календарь на 1940 год. Дальневосточный Союз военных. Харбин, 1940. Б.с.

28. Семенов Г. М. О путях русской эмиграции в Маньчжу-Ди-Го. По вопросу об объединении русских военных // Луч Азии. Харбин, 1935. Авг.

29. Сергеев В. Л. Очерки по истории Белого движения на Дальнем Востоке. Харбин: Изд. Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1937. 99 с.

30. Смерть ген. А. И. Андогского в Харбине // Новая заря. 1931. 20 марта.

31. Сокольский В. Книжные новинки // Рубеж. 1931. № 15 (4 апр.).

32. Союз казаков на Д. В. и б. чинов Д.-В.Армии // Луч Азии. 1935. № 7.

33. Союз Казаков на Дальнем Востоке // Русский настольный календарь на 1940 год. Харбин, 1940. Б.с.

34. Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. 1888 – 1978 / сост. Л. Сейфулин и др. Сан-Франциско: Глобус, 1978. 292 с.

35. Хисамутдинов А. А. Многие ушли в изгнание, имея шинель и нехитрые пожитки: бывшие фронтовики Первой мировой войны в Китае // Военно-исторический журнал. 2013. № 10. С. 69 – 74.

36. Читинец за рубежом / ред. В. М. Таргонский. Харбин: Изд. А. Г. Паргочевский, 1936. Июль и др.

37. Шкуркин П. В. Хунхузы: Этногр. рассказы. Харбин, 1924. 138 с.: портр.

Информация об авторе:

Хисамутдинов Амир Александрович – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета (Владивосток), khisamut@yahoo.com.

Amir A. Khisamutdinov – Doctor of History, Professor at Far Eastern Federal University (Vladivostok).

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 378.12:325.25+94(571.6)”1917/1922”

ИЗ ВЛАДИВОСТОКА – В ЭМИГРАЦИЮ: СУДЬБЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПРОФЕССОРОВ

Н. В. Хисамутдинова

FROM VLADIVOSTOK TO EXILE: THE FATES OF FAR EASTERN PROFESSORS

N. V. Khisamutdinova

В статье сообщаются новые факты из биографий деятелей высшей школы Дальнего Востока, оказавшихся в регионе в числе беженцев Гражданской войны и уехавших из Владивостока в эмиграцию после ее окончания. Анализ их научной и просветительской деятельности позволяет сделать вывод о большом творческом потенциале многих представителей беженской интеллигенции, который воплотился в развитии науки и образования в регионе, а также в их плодотворной деятельности в эмиграции.

The paper provides new information about the professors of the higher school in the Far East who came to Vladivostok along with other Civil War refugees and left the city to emigrate after the War. Analyzing their research and teaching activity we can conclude of the high creative potential of intelligentsia migrants who contributed to the scientific and educational development in the region, as well as about their fruitful activity in the emigration.

Ключевые слова: Гражданская война, Дальний Восток, высшая школа, научные исследования, беженцы, интеллигенция, эмиграция.

Keywords: Civil War, Far East, higher school, research, refugees, intelligentsia, emigration.

В последние годы значительно возрос интерес исследователей к теме людских миграций. Это связано, прежде всего, с глобализацией, расширившей границы трудоустройства и получения образования, но нередко люди вынужденно покидают родные места из-за нестабильной политической ситуации, военных действий, отсутствия гражданских свобод и т. д.

О Гражданской войне на Дальнем Востоке написано огромное количество работ, однако, тема присутствия в этот период в регионе беженцев описана сравнительно слабо. Отдельные факты о них мы находим в работах, посвященных этому периоду [2], миграционным процессам на Дальнем Востоке [12] или истории науки и образования в регионе [1; 6; 10]. Не получили большого развития в историографии и вопросы дальнейшей деятельности эмигрантов-профессоров высшей школы, покинувших Россию через Владивосток, что связано прежде всего с труднодоступностью источников. Между тем на примере беженцев Гражданской войны мы можем найти ответы на многие актуальные вопросы современности, в частности, адаптации мигрантов к новым условиям жизни, поиска своего места в незнакомом окружении, сохранения идентичности в чужой культуре.

В 1918–1922 гг. Владивосток стал последним российским пристанищем для многих деятелей науки, техники и высшего образования. У одних за спиной остался путь через Россию с остановками в городах Урала и Сибири. Другие пришли с армейскими частями, белыми и красными. Ряду исследователей война помешала вернуться домой после экспедиционных работ, и они вынужденно задержались на Дальнем Востоке. Совместными усилиями они сумели в труднейших условиях создать здесь высшую школу. Если до 1918 г. на Дальнем Востоке работало одно высшее учебное заведение, Восточный институт во Владивостоке, то к 1922 г. их стало четыре: три во Владивостоке (Государственный дальневосточный университет, Владивостокский политехнический институт, Дальневосточный педагогический институт им. К. Д. Ушинского) и одно в Чите (Читинский государственный университет).

Вузы не испытывали недостатка в научно-педагогических кадрах: наличие огромного числа беженцев позволило даже объявить конкурс на занятие вакантных должностей. В частности, в 1919 г. из 13 претендентов на место в политехническом институте (большинство с учеными степенями от крупных европейских вузов и богатым опытом работы в высшей школе) ни один не был зачислен в штат этого вуза [4, л. 20–33; 5, л. 24–28], и лишь трое смогли устроиться на работу спустя год с открытием во Владивостоке педагогического института [3].

Успешное продвижение Красной армии по Сибири изменило ситуацию, заставив многих профессоров задуматься об отъезде. Сравнение списков преподавателей Владивостокского политехнического института 1919/20 и 1920/21 учебных годов уже свидетельствует о большой текучести кадров: она составила около 40 %, сохранившись примерно на этом уровне и в следующем году [5, л. 24 – 28; 9, л. 1 – 3]. Пути в эмиграцию были различными. Так, профессор П. П. Гудков (1881, Енисейская губ. – 1955, Лос-Анджелес), занимавший одновременно с преподаванием пост министра по торговле и природным ресурсам в правительстве А. В. Колчака, в 1921 г. возглавил делегацию Владивостокской торговой палаты в США, где и остался. Отъезду в эмиграцию профессора химии П. П. Веймарна (1879 – 1935, Шанхай) способствовала научная командировка в Японию в 1921 г. До недавнего времени считалось, что Веймарн покинул Владивосток осенью 1922 г., но новые источники свидетельствуют, что он не вернулся из Японии после командировки [15]. На выбор страны могли также влиять деловые связи научной интеллигенции с представителями стран-интервентов, находившимися во Владивостоке в период Гражданской войны. Отчасти благодаря им уехали в 1922 г. в США геологи М. К. Елиашевич (1889–1982, Небраска) и И. П. Толмачев (1872–1950, Пенсильвания).

Последние беженцы эвакуировались из Владивостока в составе эскадры контр-адмирала Г. К. Старка в Гензан, откуда разъехались по городам Китая. Немаловажное значение при этом имела близость к России, и большинство деятелей высшей школы переехали в Харбин, где в 1920 г. открылись первые русские учебные заведения, приравненные вскоре к высшим: Русско-китайский техникум (с 1928 г. – Харбинский политехнический институт) и Высшие экономико-юридические курсы (в дальнейшем Юридический факультет). Большинство тех, кто проявил себя на ниве народного просвещения на российском Дальнем Востоке, продолжили педагогическую деятельность и в Китае. В Харбинском педагогическом институте, открытом русскими беженцами в 1922 г., и местных школах работал Ф. Н. Индриксон (1872–1932, Харбин), читавший в учебных заведениях Владивостока – после работы в университетах Петрограда и Иркутска – лекции по физике и математике. «Как педагог, Федор Николаевич еще в России выдвигался на первое место. Он искал новые пути в преподавании физики в средней школе и является одним из пионеров по проведению лабораторных занятий по этому предмету» [11, с. 265].

В течение почти десяти лет (1924–1935) деканом электромеханического факультета Харбинского политехнического института (ХПИ) был адъюнкт механики С. Н. Петров (1872 – ?, СССР), имевший богатый опыт преподавания математики и технических дисциплин в Перми, Петербурге, Екатеринбурге и Владивостоке (ректор политехнического института в 1920–1921 гг., декан технического факультета ГДУ в 1923/24) [10]. Выпускник Академии художеств П. Ф. Федоровский (1864–1944, Харбин), преподававший во Владивостоке архитектуру (1918–1922), заведовал кафедрой архитектуры в ХПИ (1926–1934) и Институте Святого Владимира (1934 – 1938). В сфере образования нашли применение и инженеры, ранее слабо вовлеченные в педагогическую работу. Так, В. А. Белобродский (1890–1941, Харбин), пришедший в Приморье с белыми частями и руководивший женской гимназией, стал профессором теплотехники и машиностроения – сначала в ХПИ, затем в Институте Святого Владимира [8].

Из шести лиц, руководивших в разные годы Юридическим факультетом в Харбине, пятеро прошли через Владивосток, где совмещали практическую деятельность с чтением лекций в ГДУ: Н. И. Миролюбов (1870–1927, Харбин), В. А. Рязановский (1884–1968, Окленд), В. В. Энгельфельд (1891–1937, Харбин), Н. И. Никифоров (1886 – 1951, Краслаг), А. А. Камков (1868 – после 1937, СССР). Историю философии права на Юридическом факультете преподавал доктор философии Л. А. Зандер (1893–1964, Париж), читавший в 1920–1921 гг. этот курс и в ГДУ. Юрист и экономист В. Я. Исакович (1874 – после 1945), заведовавший в 1916–1922 гг. отделением Русско-азиатского банка во Владивостоке и преподававший в ГДУ, читал лекции по банковскому делу и денежной системе Китая (1925–1937). На Юридическом факультете работали также декан историко-филологического факультета во Владивостоке магистр богословия М. Н. Ершов (1886 – после 1937, СССР), профессора ГДУ магистр политэкономии Н. И. Кохановский и доктор философии Н. Н. Трифонов и др. [9, л. 1 – 3]

Среди основателей Института ориентальных и коммерческих наук (Харбин, 1925) был министр иностранных дел в Сибирском правительстве и профессор ГДУ М. П. Головачев (1893 – 1956, Сан-Франциско), читавший лекции по международному праву и общей теории права и государства, позднее ректор Института Св. Владимира (1934). Высланный в 1935 г. из Харбина японскими властями за политическую деятельность, он стал заниматься адвокатской практикой в Шанхае. Он приобрел известность и в издательском деле благодаря своей газете «Эмигрантская мысль», выходившей в 1936–1937 гг.

Общее языкознание и логику в Институте ориентальных и коммерческих наук преподавал магистр богословия В. Г. Павловский (1880–1945, Мюнхен), бывший доцент по кафедре русского языка в ряде владивостокских вузов. Генерал-майор А. И. Андогский (1863–1931, Харбин), последний начальник Николаевской академии Генерального штаба, читавший лекции по русской истории в ГДУ (1921–1922), заведовал в этом институте кафедрой финансового и железнодорожного права. Лекции на эту тему он читал и на курсах при службе эксплуатации КВЖД. Подобно ему, мало кто из преподавателей-выходцев из России ограничивался одним местом работы. В. А. Рязановский одновременно был начальником юридического отдела КВЖД, Н. И. Никифоров работал в учебном отделе Северо-Маньчжурской железной дороги (1922–1925) и руководил гимназией (1925–1927) и т. д. Первый ректор ГДУ и профессор по кафедре корейской словесности Г. В. Подставин (1875–1924, Харбин), уехав в конце 1922 г. в Корею, а затем в Харбин, был директором гимназии имени Д. Л. Хорвата (Хорватской). Привлекали его и к преподаванию в различных профессиональных школах, работавших в 1918–1923 гг.

Благодаря особенностям административного управления в полосе отчуждения КВЖД русское население Харбина до 1924 г. вряд ли ощущало себя эмигрантами. Свидетельство тому – связи учебных заведений Харбина и Владивостока и мобильность преподавателей. Высшие экономико-юридические курсы получили в 1922 г. аккредитацию ГДУ, став его юридическим факультетом. Один из учредителей факультета Н. А. Стрелков (1879 – после 1940) до 1923 г. числился в ГДУ приват-доцентом по кафедре философии. Обязанности доцента по кафедре экономической политики ГДУ исполнял М. В. Абросимов (1891–1940, Харбин). Е. М. Чепурковский (1871–1950, Лос-Анджелес), читавший с 1921 г. на Юридическом факультете курс географии и этнографии, числился профессором ГДУ (с 1923) и директором областного музея во Владивостоке (1925–1926), пока в 1926 г. не вернулся в Китай, откуда позднее переехал в Европу, а затем в США. Приват-доцент ГДУ И. А. Лопатин (1888–1970, Лос-Анджелес) уехал в Харбин лишь в 1925 г., став лектором в Педагогическом институте (1925–1926) и других учебных заведениях.

Наличие вокруг КВЖД широкой сети предприятий и организаций давало возможность трудоустрой-

ства лицам различных специальностей, и ряд деятелей высшей школы Владивостока предпочли преподаванию практическую работу. Профессор химии М. В. Тарле и во Владивостоке совмещал преподавание в политехническом институте (1918–1920) с работой специалистом по порохам при Дальневосточной комиссии по делам военного снабжения. В китайском Тяньцзине он стал консультантом и исследователем Северо-Китайской химической лаборатории. Другой химик, Н. И. Морозов (1892 – после 1938, СССР), с ноября 1921 г. руководил сельскохозяйственной лабораторией КВЖД в Харбине, преподавая также химию на Юридическом факультете и издав более десяти работ по химическому составу и производству соевого масла и других пищевых продуктов [11, p. 230].

Опытным полем КВЖД на станции Эхо (1922–1929) заведовал агроном А. Д. Воейков (1879–1944, Харбин), приобретший до революции богатый опыт по организации садоводства. Во Владивостоке он оказался в 1919 г. по пути в командировку в США, но туда не попал и стал доцентом по кафедре агрономии и сельского хозяйства Дальневосточного педагогического института имени К. Д. Ушинского (1921–1922) [3, с. 13]. В Харбине он работал на кафедре технической ботаники в Северо-Маньчжурском университете (1929–1930), редактировал журнал «Сельское хозяйство в Маньчжурии» и сам написал много работ по садоводству и агрономии.

Большинство русских педагогов и исследователей в Китае печатали свои работы, в том числе в вузовских научных журналах и советских изданиях. Высокая публикационная активность свидетельствует об их большом научном потенциале. Подтверждение тому – и защита диссертаций. Перед Русской академической группой в Париже защитили свои диссертации В. В. Энгельфельд («Очерки государственного права Китая» на степень магистра государственного права, 1925) и М. В. Абросимов (на степень магистра политической экономии, 1929), в Праге – Н. И. Никифоров («Сеньериальный режим во Франции в исходе старого порядка» на степень магистра всеобщей истории, 1928).

Многие эмигранты смогли в новой стране продолжить свои исследования, но полностью посвятить себя научной работе удалось лишь некоторым. Один из них – П. П. Веймарн, которому в Японии, вставшей на путь индустриализации, предоставили отличные условия для работы. Руководя лабораторией коллоидной химии в Императорском научно-исследовательском промышленном институте в Осаке, он совместно с японскими учеными провел огромное число исследований по различным проблемам химии коллоидов. Идеи талантливого химика были востребованы в стране, и многие разработки Веймарна быстро внедрялись в производство [11, с. 57–59].

М. К. Елиашевич (M. Elias), защитив в 1939 г. докторскую диссертацию в США, занимался исследованиями в области палеоботаники и палеоэкологии в геологических организациях штатов Канзас, Небраска и Оклахома, издав множество работ, которыми по сей день пользуются геологи-практики. П. П. Гудков, работая геологом в американских нефтяных компаниях, проявил себя не только как отличный специалист, но и как общественный деятель. Он был одним из учредителей Русского инженерного кружка в Лос-Анджелесе и создатель благотворительного фонда помощи русским студентам. И. П. Толмачев стал в США ученым хранителем в Музее Карнеги. Все они преподавали в качестве профессоров в различных университетах.

Увы, возможности для научной работы у русских исследователей в Китае были гораздо хуже, и многие со временем переехали в другую страну. И. А. Лопатин, переехав в Канаду, в 1929 г. защитил в университете Британской Колумбии (Ванкувер) магистерскую диссертацию «География Ванкувера», а в 1935 г. получил докторскую степень по антропологии в университете Южной Калифорнии (Лос-Анджелес), где затем преподавал русский язык, историю русской цивилизации и антропологию, выйдя в отставку заслуженным профессором. Он занимался сравнительным языкознанием и написал много научных работ. «Есть все основания думать, – писали в прессе, – что если бы ему не пришлось эмигрировать за границу и он бы остался жить и работать на родине, он занял бы выдающееся место среди ученых и исследователей в своей научной области» [7].

В. А. Рязановский с 1938 г. занимал должность профессора в университете Сан-Франциско. С 1950 г. жил в США и М. П. Головачев. Л. А. Зандер переехал в Чехословакию (1923), затем во Францию, а Н. А. Стрелков – в Чили (1937). Агроном Т. П. Гордеев, работавший в учебном отделе КВЖД (1923–1925) и учебных заведениях Харбина, а после увольнения за отказ взять советский паспорт и до выхода на пенсию (1961) – в Музее Хэйлунцзянской провинции, в июне 1962 г. уехал в Бельгию, где жил в доме престарелых.

Ряд россиян предпочли вернуться на родину. С. Н. Петров, репатриировавшись в 1935 г., преподавал в Томском электромеханическом институте. После ареста в 1937 г. его осудили на десять лет лагерей и пять лет поражения в правах. Он был реабилитирован в 1957 г., возможно, посмертно. Вероятно, репрессированы после репатриации были также М. Н. Ершов, Н. И. Морозов, Н. Н. Трифонов. Уголовное дело А. А. Камкова, арестованного в 1937 г. за шпионаж, прекращено за недоказанностью обвинения.

Подверглись репрессиям арестованные и депортированные в СССР в 1945 г. В. Я. Исакович и Н. И. Никифоров (осужден на десять лет лагерей, где и умер). Названия некоторых работ Никифорова, таких как «Критика марксизма» (Харбин, 1937. Серия «Фашистская библиотечка»), «Социальный строй СССР и коммунистическая идеология» (Б.м., 1941) и ряда других [13, с. 382]) дают представление о политических взглядах автора и позволяют объяснить отношение к нему советских властей.

Анализ биографий и научных трудов ученых-эмигрантов позволяет сделать вывод о том, что среди профессоров высшей школы, не принявших советской власти и предпочтивших сначала беженство, а затем эмиграцию, было много талантливых педагогов и ученых. Условия жизни вдали от родных мест не позволили большинству из них реализовать свой науч-

ный и творческий потенциал полностью, но тем не менее они сумели внести огромный вклад в развитие науки и образования Дальнего Востока, продолжив эту работу и в эмиграции.

Дальнейшие исследования и сбор новых данных о преподавателях дальневосточных вузов периода Гражданской войны позволят не только дополнить их биографии и углубить анализ их вклада в развитие высшего образования и науки региона, но и ответить на ряд важных вопросов: об особенностях поведения русской интеллигенции в экстремальных условиях, специфике проявления результатов революции и Гражданской войны в конкретном регионе, влиянии революционных событий на лиц, далеких от политики. Изучение жизненного пути, вектора научных исследований и общественной деятельности этих людей, их мировоззрения и умонастроений позволяет глубже заглянуть в определенный исторический период, персонифицировать исторические события, обогатить их фактами и конкретизировать их развитие.

Литература

1. Белоглазова С. Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20–30-х гг. XX в.: очерки ист. Владивосток, 2001.

2. Дальний Восток в период революции 1917 г. и Гражданской войны / под ред. В. Л. Ларина. Владивосток: Дальнаука, 2003. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн 1).

3. И-ч (Ивашкевич Б. А.) Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918 – 1922 гг. Владивосток: Свободная Россия, 1922.

4. Кандидатский список лиц, изъявивших желание заместить преподавательские должности во Владивостокском политехническом институте // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (Владивосток). Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 6. Л. 29 – 33.

5. Лица преподавательского персонала Владивостокского политехникума, заместившие преподавательские должности во Владивостокском политехническом институте // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 6. Л. 24 – 28.

6. Малявина Л. С. Из истории научных учреждений востока России: Дальневост. научно-исслед. институт (1923–1931 гг.). Хабаровск, 2007.

7. Памяти И. А. Лопатина: Некролог // Русская жизнь. 1970. 7 июля.

8. Смерть проф. В. А. Белобродского: (Некролог) // Новая заря. 1941. 9 апр.

9. Список педагогического персонала Государственного Владивостокского политехнического института // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 57. Л. 1 – 3.

10. Турмов Г. П., Хисамутдинова Н. В. У истоков высшей технической школы на Дальнем Востоке России: материалы к биографиям (1899 – 1941). Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010.

11. Хисамутдинов А. А. Три столетия изучения Дальнего Востока: материалы к биобиблиографии исследователей. Вып. 1 (1639 – 1939). Владивосток: Дальнаука, 2007.

12. Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920 – 1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011.

13. Bakih O. M. Harbin Russian imprints : bibliography as history. 1898 – 1961: materials for a definitive bibliography. Norman Ross Publ. Inc. N.Y., 2002.

14. Kashima K. An Eminent Russian Chemist // Industrial and Engineering Chemistry. 1924 (May). Vol. 16. № 5. P. 540 – 541.

15. Ostwald Wo. P. P. von Weimarn, 1879 – 1935 // Kolloid-Zeitschrift. 1936. № 1. P. 1 – 10.

Информация об авторе:

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru.

Natalia V. Khisamutdinova – Doctor of History, Vladivostok State University of Economics and Service.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

УДК 355.55(47)”1917/1922”

СИБИРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В. А. Шулдяков

SIBERIAN CADET CORPS IN THE YEARS OF THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

V. A. Shuldyakov

Статья посвящена малоизученной странице истории Гражданской войны в Сибири. Автор подробно освещает жизнедеятельность Сибирского кадетского корпуса в переломный период отечественной истории. В публикации аргументировано доказана антибольшевистская ориентация молодых воспитанников этого учебного заведения. Впоследствии многие из них встали в ряды белой Сибирской армии, а затем ушли в эмиграцию через Китай на Балканы.

The paper is devoted to the little-known page of the history of the Civil War in Siberia. The author provides a detailed description of the life of Siberian Cadet Corps during the critical period in Russian History. The paper suggests convincing proof for the anti-Bolshevik orientation of the young students of this institution. Subsequently, many of them rose in the ranks of the Russian White Army, and then went into exile through China to the Balkans.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, Омск, кадеты, конфликт между воспитанниками и педагогами, борьба против большевиков, эмиграция, традиции.

Keywords: Revolution, Civil War, Omsk, cadets, conflict between students and teachers, struggle against the Bolsheviks, emigration and traditions.

По старшинству Сибирский кадетский корпус в г. Омске был шестым военно-учебным заведением России кадетского типа и первым среди провинциальных кадетских корпусов. Весной 1913 г. корпус отметил свое столетие, в связи с чем был переименован в 1-й Сибирский императора Александра I кадетский корпус.

Если гражданские преподаватели корпуса встретили Февральскую революцию с сочувствием и даже радостью, то офицеры были случившимся просто «пришиблены» [8, л. 23]. К середине марта педколлектив политически самоопределился. Открытыми монархистами остались трое: директор корпуса полковник Генерального штаба А. К. Зиневич, ротные командиры полковники Е. В. Руссет и В. И. Попов-Азотов. Большинство преподавателей и некоторые офицеры, в том числе инспектор классов полковник С. Ф. Забуга, записались в Омскую организацию Партии народной свободы (к.-д.) [8, л. 31]. Во второй половине марта группа педагогов (А. А. Незванов, С. А. Жихарев, А. Н. Клементьев, подполковник В. П. Петров) попыталась сместить директора корпуса за контрреволюционность [8, л. 33], однако не нашла поддержки командования Омского военного округа и была осуждена общим собранием офицерско-преподавательского состава заведения [8, л. 34]. До июня 1917 г. корпус по инерции функционировал на дореволюционных основаниях.

Неизбежное признание руководством корпуса Временного правительства было с пониманием встречено старшей – 1-й – ротой кадет [8, л. 24]. Но никакого ликования по этому поводу, как в других учебных заведениях Омска, в корпусе не было. Когда низшие служащие постановили убрать из помещений все портреты и символику династии Романовых, кадеты не позволили им этого сделать. Они категорически отказались участвовать в параде Омского гарнизона под присланным в корпус красным знаменем. Корпус вышел на парад, но без каких-либо революционных символов [12, с. 196, 198]. Когда выяснилось, что Временное правительство готовит преобразование кадетских корпусов в военные гимназии, воспитанники Одесского кадетского корпуса разослали по другим корпусам стихотворный призыв к духовному сопротивлению реформе. Первыми откликнулись на него, также в стихотворной форме, семиклассники Сибирского корпуса: «…Под серой курткой гимназиста / Кадета сердце будет жить, / И «Звериаду», как и прежде, / В священной целости хранить. // Переодетые кадеты, / Сомкнитесь дружною семьей / И в новом корпусе храните / Традиционный старый строй» [1, с. 23].

Летом Временное правительство начало реформу военно-учебных заведений, которую затем сорвал Октябрьский переворот. Корпус был переименован в 1-ю Сибирскую гимназию военного ведомства, все императорские портреты и эмблемы из него были убраны, винтовки 1-й роты спрятаны в цейхгауз, Юбилейное знамя по распоряжению Главного управления военно-учебных заведений – отправлено в Петроград [12, с. 200]. Ранее старшие в классах назначались начальством, теперь их предписали выбирать самим учащимся. Погоны заменили: вместо вензеля «А» с римской цифрой «I» и короной теперь на них был скромный трафарет: «ОмК» [7, с. 355] (использовали запасы старых погон образца 1907 г.).

1917/1918 учебный год начался с инцидента, показавшего расстановку политических сил внутри гимназии. Недовольство вернувшихся с каникул воспитанников вызвало то, что директор А. К. Зиневич не только отправил Юбилейное знамя в столицу, но и решил считать «корпусным флагом» красное полотнище. Возмущенные кадеты тайно похитили и сожгли этот флаг. Если гражданские преподаватели негодовали от того, что воспитанники позволили себе «так ярко проявить свою контрреволюционность», то сочувствие офицеров явно было на стороне кадет. «Однако общая опасность заставила всех держать язык за

зубами, и инцидент не получил дальнейшей огласки». Зиневич не только убедил всех не выносить сор из избы, но и – на случай возмущения совдепов – подстраховался: по его приказу в корпусной мастерской немедленно было изготовлено «новое роскошное полотнище», прибито к древку от знамени и поставлено в директорском кабинете [8, л. 35].

А. К. Зиневич, исходя из настроений кадет, считал, что они «способны погубить себя и весь корпус» [8, л. 35 – 36]. Чтобы не допустить этого, а также переложить часть ответственности за детей на их родителей, директор создал родительский комитет, призванный помогать «регулировать взаимоотношения между различными корпусными группировками и влиять на воспитанников», и ввел в педсовет учебного заведения двух представителей этого комитета. Найдя опору в родителях, Зиневич взял курс на политический нейтралитет военной гимназии, выставив свой «главный тезис»: «все для сохранения корпуса, устранения воспитанников от политических треволнений, т. е. нейтралитет учебного заведения во всем, кроме борьбы за его функционирование» [8, л. 36].

С сентября во время увольнений кадетам все чаще приходилось отстаивать «честь мундира» кулаками в драках с хулиганами из городских низов [12, с. 200]. Усиление агрессивности внешней среды привело осенью 1917 г. к тому, что кадеты «подтянулись», стали сами следить за дисциплиной, окружив офицеров особым уважением, честь им старались отдавать как можно более отчетливо. Первыми во всей России омичи прекратили устраивать офицерам и преподавателям «бенефисы», т. е. акты организованного демонстративного неповиновения начальству. Семиклассники постановили за опоздание в строй или в церковь пороть. За эти проступки на «лобном месте» (коврике в уборной) давали по 25 «поясов» [9, с. 40]. В общегородскую организацию учащихся кадеты вступить отказались [12, с. 200].

1 ноября 1917 г., поскольку был слух, что в Петрограде юнкера оказывают восставшим большевикам упорное сопротивление, а А. Ф. Керенский стягивает к столице верные войска, кадеты решили поддержать вооруженное выступление 2-й Омской школы прапорщиков в защиту Временного правительства. 1-я, строевая, рота корпуса самовольно вооружилась винтовками. Придя вечером 1 ноября в роту, А. К. Зиневич «застал кадет при оружии и по их возбужденному, воинственному виду» понял, что «они решили без боя не сдаваться». Директору с помощью офицеров удалось уложить воспитанников спать. И когда к корпусу для его разоружения подошел «целый батальон» революционных войск, его представителей провели в цейхгауз и показали «мирно стоящие в пирамидах винтовки» [8, л. 36 – 37].

Октябрьский переворот сплотил воспитательско-преподавательский персонал и кадет, но зато подняли головы вольнонаемные служащие и особенно солдаты служительской команды, которые теперь отказывались от выполнения своих функций, заявляя, что кадеты и сами могут о себе позаботиться, а главное – стали следить за каждым шагом корпусных офицеров [8, л. 37 – 38].

В декабре 3-й Западно-Сибирский съезд Советов р. и с. д. постановил преобразовать Сибирскую гимназию военного ведомства в гражданское учебное заведение. А Военно-окружной комитет назначил в нее своего комиссара прапорщика Н. Фатеева, который приступил к «демократизации» заведения [10, с. 37].

Согласно приказу ВОКома № 840 от 14.12.1917 г., все военные чины должны были снять погоны. Этот приказ вызвал «чуть ли не открытый бунт в корпусе». Потребовались длительные уговоры офицеров, избиение нескольких кадет солдатами в городе со срывом с них погон [8, л. 37], наконец, ультиматум Н. Фатеева, пригрозившего закрыть заведение, если погоны немедленно не будут сданы в цейхгауз. Лишь тогда воспитанники, ради нормального окончания учебного года, согласились снять погоны. Но подчинились они только наполовину. Ими был устроен однодневный «бенефис» (небольшой беспорядок в столовой) [7, с. 355 – 356] и на следующий день проведены «похороны погон». По одним данным, это была тайная ночная церемония [8, л. 38; 5; 2]. По другим – совершенно открытое, торжественное действо: с духовым оркестром, траурной процессией, гробом и публикой [7, с. 356]. Похоронили погоны в нижнем саду корпуса [12, с. 203]. Большевики не оставили эту демонстрацию без ответа: вырыли погоны, облили керосином и сожгли. Директору А. К. Зиневичу запомнилось, как сумрачно смотрели кадеты «на всю эту процедуру сожжения дорогих для них отличий» [8, л. 38].

Снятие погон произошло 18 (31) января 1918 года. 7-й класс объявил этот день «Днем похорон погон». С тех пор неофициальная традиция запрещала 31 января танцевать, петь, играть, вообще веселиться. В этот день «трубам не играть, барабанам не бить»; все сигналы подавались звонками или голосом. Эта традиция соблюдалась до расформирования корпуса в Югославии в 1925 г. [14, с. 105, 111].

В рамках «демократизации» педсовет гимназии был значительно расширен. Представительство в нем родительского комитета удвоилось. Затем в него были введены «выборные» от служительской команды и, наконец, – в последнюю очередь – от каждой кадетской роты; все – с правом решающего голоса [8, л. 38]. ВОКомом был прекращен отпуск средств на содержание корпусной церкви, учителей Закона Божия и танцев. Штаты учебного заведения сократили. Уволили всех ротных командиров и часть офицеров-воспитателей. Оставили только семь воспитателей. Вместо А. К. Зиневича исполняющим обязанности директора родительский комитет и педсовет избрали полковника С. Ф. Забугу, его утвердил ВОКом [10, с. 37 – 38; 16]. Ко всем этим новшествам кадеты относились враждебно, оказывая им пассивное сопротивление. Когда комиссар разрешил в храм не ходить, кадеты наоборот перестали ловчить, и все до одного смирно простаивали в корпусной церкви все службы. Тех, кто по лености пытался уклониться, строго преследовали сами воспитанники [12, с. 203].

Когда в Омске начал проводиться декрет «О свободе совести» и прошел слух, что большевики собираются грабить церкви, группа кадет решила охранять стоящий рядом с корпусом Войсковой Никольский

собор. С согласия настоятеля о. Леонида Покровского ночами по два кадета, вооруженных револьверами, стали дежурить в запертом храме. Причем было условлено, в случае нападения грабителей дежурные ударят в набат, и все кадеты выйдут на защиту собора. В ночь на 19 (06) февраля 1918 г. большевики арестовали архиепископа Омского и Павлодарского Сильвестра. Около 4 часов ночи 19 февраля Войсковой собор вслед за другими храмами города ударил в набат. Кадеты хлынули из корпуса к собору. После молебна вместе с прихожанами они двинулись к Успенскому кафедральному собору – «на выручку архиепископа». На мосту через Омь красногвардейцы угрозой расстрела остановили толпу. Тем временем к Войсковому собору из Захламинской станицы явились партизаны есаула Б. В. Анненкова, забрали из него «Знамя Ермака», другие казачьи реликвии и, отстреливаясь от патрулей, ушли из города. Затем, когда красногвардейцы попытались разогнать вновь собравшуюся у Никольского собора толпу, вокруг него и на прилегающих улицах произошла грандиозная жестокая драка. В итоге, кадеты, «вооруженные» цигелями (металлические прутья от кроватей, на которые вешали полотенца), обратили в бегство красногвардейцев, бившихся прикладами, но открыть огонь не решившихся. Утром в корпусе начались учебные занятия [12, с. 205, 207; 17, с. 170 – 173].

Днем 19 февраля корпус был оцеплен войсками, в том числе матросами 1-го Северного морского карательного отряда. Красные открыли ружейный огонь по фасаду корпуса, бросили в окна несколько гранат и затем ворвались в здание. Кадеты сопротивления не оказали, корпусные винтовки, смазанные маслом, давно были заперты, с патронами, в цейхгаузе. Начался обыск и допросы [12, с. 207 – 208]. Омский совдеп постановил в трехдневный срок расформировать и распустить три старших класса корпуса. 20 февраля педсовет был вынужден на это согласиться [13, с. 21; 16]. 21 февраля большевики произвели в корпусе второй обыск. В результате двух обысков они изъяли из цейхгауза корпуса 18 трехлинейных винтовок, 13 однозарядных винтовок Бердана № 2, 10 карабинов Сколера, патроны, а из корпусного музея – 13 старинных ружей. 22 (09) февраля 1918 г. воспитанники 5-го, 6-го и 7-го классов покинули корпус [4, с. 1].

После этого началось «удушение» корпуса большевиками. Была изменена учебная программа. Классные занятия сократили с обычных 6 часов в день до 4-х. В марте в корпусе начали формировать добровольческие части РККА, с обучением стрельбе в корпусном тире и метанию боевых гранат на берегу Иртыша. Кадетам запретили ходить по плацу и нижнему саду. Видя развал учебного заведения, родители стали забирать детей, и к началу апреля число остававшихся кадет не превышало ста человек, в основном иногородних. Их свели в один возраст и поселили на третьем этаже, а первый и второй этажи превратили в казармы интернационалистов «международных социалистических партизанских отрядов» и красноармейцев [12, с. 210]. Педсовет корпуса решил закончить учебный год к 19 апреля и распустить детей на летние каникулы [16]. В это время в корпусе фактически было коллегиальное управление: комиссар (Маленко, бывший политссыльный [12, с. 208]), председатель педсовета (Забуга) и председатель комитета вольнонаемных служащих (Белоконев) [4, с. 1]. Остававшиеся кадеты держались сплоченно. Функции 7-го класса, хранителя традиций, взяли на себя как самые старшие четвероклассники. Они всемерно поддерживали воинскую дисциплину и всячески противодействовали комиссару [12, с. 209].

В апреле кадеты разъехались по домам, осталось лишь человек 15 сирот [12, с. 211]. В мае 1918 г. президиум Западно-Сибирского совдепа решил окончательно расформировать корпус, для чего создал ликвидационную комиссию, а остававшихся кадет перевести в пансион одной из местных гражданских гимназий [15, с. 2]. До августа 1918 г. корпуса не существовало. Изгнанные из корпуса и возвратившиеся в свои города кадеты-омичи, особенно трех старших классов, представляли собой готовые ячейки для тайных военных организаций. Летом 1918 г. они воевали в составе многих частей Сибирской армии.

Временное Сибирское правительство восстановило 1-ю Сибирскую гимназию военного ведомства. 31 августа 1918 г. в должность директора вступил генерал-майор В. Д. Нарбут, занимавший ее затем до 1921 г. Уволенные большевиками ротные командиры, офицеры-воспитатели и преподаватели возвратились на прежние должности [12, с. 212]. 6 сентября кадетам, как и всей Сибирской армии, вернули погоны. Наконец, 16 сентября 1918 г. в молебном корпусном храме начался новый учебный год [16].

Особенностью учебного года стало то, что в корпус явилось около ста кадет других корпусов. Они предъявляли в канцелярии свои отпускные билеты и просили о зачислении в списки корпуса. Сначала их прикомандировывали, а потом и перевели. Особенно большой приток таких кадет со стороны был во 2-ю роту (средний возраст). Из-за перегруженности 5-го класса пришлось создать в нем дополнительное 3-е отделение, в которое и зачисляли всех прикомандированных. Кадеты-омичи прозвали его «Иностранным отделением» [12, с. 308]. Другой особенностью было то, что учебному заведению вернули не все его помещения. Часть их занимали чехи (особый отряд и лазарет) и русский военный контроль (контрразведка) под началом полковника И. И. Зайчека [7, с. 357; 12, с. 214; 6, л. 103].

С приходом к власти А. В. Колчака гимназию переименовали в 1-й Сибирский кадетский корпус и вернули ему прежнюю строевую организацию. Учебное заведение стало функционировать почти что на дореволюционных, за исключением монархических символов, основаниях. 1-й роте выдали винтовки и боевые патроны [12, с. 213]. Всю зиму 1918 – 1919 гг. эта рота не только училась, но еще и несла караульную службу у дворца генерал-губернатора, где располагались кабинет и канцелярия Верховного Правителя и заседал Совет министров. В караул назначалось по 11 человек, кадеты стояли на трех постах [7, с. 356 – 357]. Во время большевистского восстания в ночь на 22 декабря 1918 г. 1-ю роту подняли по тревоге и выставили от нее караул к корпусной электростанции. Рота прокараулила всю ночь, готовая выступить на

поддержку гарнизона, но ее так никуда и не послали [7, с. 357].

В начале 1919 г. в 5-м классе, восхищенном подвигами Б. В. Анненкова, возник сговор с целью побега к атаману в Семипалатинск. В феврале «заговорщики» группами по два – три человека самовольно покинули корпус и вступили добровольцами в Азиатский батальон 3-го Сводно-партизанского пехотного полка Партизанской дивизии, составив в нем команду разведчиков. В конце июля 1919 г., после боев на Урале и по приказу свыше, кадет откомандировали из полка обратно в корпус [12, с. 305, 297].

На военных парадах, которые часты были в столичном Омске, 1-й Сибирский кадетский корпус всегда был первой частью, проходившей перед Верховным Правителем церемониальным маршем. А. В. Колчак не упускал корпус из поля своего зрения, участвовал в судьбе как всего учебного заведения, так и отдельных кадет. Корпус находился совсем рядом с резиденцией Верховного Правителя, и адмирал часто бывал на службах в корпусном храме; при посещениях заведения он неоднократно имел беседы с кадетами [12, с. 214]. В воспоминаниях из этого своего общения с Колчаком питомцы корпуса делали вывод, что Александр Васильевич «очень любил кадет и внимательно к ним относился» [12, с. 213]. Последние, очевидно, отвечали ему взаимностью. Поэтому в 1920 г. они так тяжело восприняли известие о расстреле своего верховного вождя, прибавив к неофициальным корпусным традициям еще один траурный день – 7 февраля. Уже в эмиграции, в Югославии, у них возникла традиция собирать в этот день тридцать русских серебряных монет и отсылать их во Францию французскому генералу М. Жанену, как Иуде Искариотскому, за предательство «на смерть большевикам» Верховного Правителя России [11, с. 50].

В мае 1919 г. корпус благополучно закончил учебный год. Кадеты разъехались: выпускники отбыли на Томские военно-училищные курсы [12, с. 216], остальные – на летние каникулы. Но приближение фронта и перегруженность Омска заставили срочно эвакуировать корпус на восток. Кадет телеграммами собрали к 25 июля в Омск. После эвакуации во Владивосток (30 июля – 27 августа 1919 г.) корпус был размещен на Русском Острове: в бывшем городке 9-й Сибирской артбригады [12, с. 218; 14, с. 105].

На Русском Острове вследствие краха колчаковского режима и благодаря присутствию на Дальнем Востоке японских интервентов корпус пережил еще один «революционный цикл». Сначала разоружение (31.01.1920) и вторичное снятие погон (04.02.1920, этот день в корпусной традиции также стал траурным) [14, с. 111]. Затем Приморское областное земское правительство взялось за «демократизацию» корпуса, преобразовав его в военную гимназию. Потом в учебном заведении появился комиссар и взялся за «углубление революции». Жизнь под «розовой» приморской властью отличалась от подобного периода 1917 – первой половины 1918 гг., главным образом, мизерностью финансирования и полуголодным существованием. В январе 1921 г. областное правительство передало заведение из военного ведомства в отдел народного образования, с соответствующим сокращением штатов и учебных программ, и распорядилось закончить учебный год к 1 апреля, выпустив сразу два класса: не только 7-й, но и 6-й, т. к. в преобразованном в гражданское заведении предполагался шестилетний курс обучения. Руководству военной гимназии удалось перенести срок окончания учебного года и выпуска на 1 июня 1921 г. [12, с. 226 – 229].

Белый переворот 26 мая 1921 г. спас заведение. Временное Приамурское правительство вернуло ему название «1-й Сибирский кадетский корпус», ротную организацию, винтовки 1-й роте и т. д. 94-й выпуск разъехался по воинским частям, а затем был собран в открытое осенью 1921 г. на Русском Острове Корниловское военное училище. Генерал Нарбут был назначен инспектором классов этого училища, а 1-й Сибирский кадетский корпус принял от него полковник Е. В. Руссет (с 19.12.1921 г. генерал-майор) [12, с. 231]. Особенностью 1921/1922 учебного года был наплыв в корпус, особенно в 3-ю роту сыновей беженцев и жителей Владивостока. Среди поступивших владивостокцев оказались двое, пристрастившиеся к наркотикам. Кадетская среда быстро отреагировала на это новое для нее явление: старшеклассники выпороли наркоманов, которые после этого оставили корпус. В 1923 г. кадеты-омичи записали в свою «Звериаду» новое требование: запрет на употребление наркотиков [14, с. 111 – 112]. Весной 1922 г. корпус сделал последний на Родине – 95-й – выпуск.

В связи с падением белого Приморья корпус 25 октября 1922 г. на судах Сибирской военной флотилии был эвакуирован из России (на Русском Острове остались 3-я рота, несколько офицеров и большинство преподавателей).

Почти два года провел корпус в г. Шанхае, сделав два выпуска (96-й и 97-й). В 1924 г. двумя партиями, в феврале и ноябре, Сибирский и Хабаровский кадетские корпуса на пароходах были перевезены из Китая в Югославию, где 1 февраля 1925 г. в г. Сплите оба корпуса были расформированы, а кадеты и выпускники – распределены по уже существовавшим в Югославии русским эмигрантским кадетским корпусам и другим учебным заведениям. Последний год корпусом руководил в качестве временно исполняющего должность директора полковник В. И. Попов-Азотов.

Разномыслие между гражданскими преподавателями и офицерами корпуса, обнажившееся вследствие Февральской революции, после Октябрьского переворота сошло на нет, и в 1918 – 1922 гг. личный состав корпуса почти единодушно, за исключением части низших служащих, был на стороне Белого движения. Если корпусные офицеры, чувствовавшие ответственность за вверенных им воспитанников, а также за собственные семьи, в военно-политических событиях держались пассивно, выжидательно-нейтрально, то кадеты со свойственными отрочеству и юности горячностью, максимализмом приняли живейшее участие в вооруженной борьбе. Летом 1918 г. они дали заметный процент добровольцев в партизанских отрядах есаулов И. Н. Красильникова и Б. В. Анненкова под Омском и штабс-ротмистра Э. Г. фон Фрейберга под Ачинском. И далеко не все, несмотря на приказы, возвращались из войск к учебе (например, кадет Ло-

гин Пепеляев, младший брат знаменитых В. Н. и А. Н. Пепеляевых, доброволец Томского гусарского полка, убитый в бою с красными партизанами 01.01.1919 г. [3, с. 2]). Корпус дал белым режимам, в их военные училища, четыре выпуска.

В агрессивных внешних условиях противоречие между кадетским сообществом и воспитательско-преподавательским составом отходит на дальний план, отсюда отказ самих кадет от «бенефисов». «Корпусная семья» продемонстрировала в революционных событиях большую внутреннюю спайку, обеспечивавшуюся как духовной близостью между постоянным и переменным составами, так и неформальными отношениями в кадетской среде: внутриклассным товариществом и взаимопомощью, строгой ротно-возрастной иерархией, «подтягиванием» младших старшими, гегемонией старшего 7-го класса. Механизм укрепления самодисциплины был прост и эффективен. Поведение кадет жестко контролировалось теневой властью корпуса – «майоратом», состоявшим из пяти-шести семиклассников. Из его поля зрения ничего не ускользало, и наказывал он жестче, чем власть официальная, вплоть до телесных наказаний [7, с. 354 – 355, 357]. Но никакие «пояса» или «кошки» (имеется в виду порка поясными ремнями и ножнами от штыка) не помогли б, если бы корпусных офицеров и всех кадет не объединяли ценности, воспитываемые русской военной школой, главные из которых – любовь к Родине, честь, товарищество, дисциплина.

Литература

1. 1917-й год // Кадеты. Париж. 1948. № 2. С. 23.

2. Арсеньев А. Как они хоронили свои погоны. Из жизни кадет Омского корпуса в 1918 году // Луч Азии. Харбин, 1941. № 10. С. 6 – 7.

3. В. Н. Памяти героя (Л. Н. Пепеляев) // Сибирская речь (Томск). 1919. № 7. 12 января. С. 2.

4. В Первой Сибирской гимназии военного ведомства // Омский вестник. 1918. № 48. 15 (02) марта. С. 1.

5. Волкова М. В. Красивый жест // Сибирский казак (Харбин). 1932. 19 дек. С. 6.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 62.

7. Григоров К. М. «Летал я как песчинка по случайным маршрутам трех континентов…» Из воспоминаний // «Жизнь – Родине, честь – никому!». Омский кадетский корпус. 1813 – 2013. Ист. очерки и материалы / авторсост. В. А. Шулдяков. [Омск, 2013]. С. 352 – 358.

8. Зиневич А. К. Выписки из дневника бывшего директора 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1916 – 1920 гг. Рукопись // ГАРФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 4.

9. На кадетском фронте. От редакции // Кадеты. Париж. 1949. № 2(7). С. 40.

10. Очерк деятельности Омского военно-окружного комитета, избранного 3-м Западно-Сибирским областным съездом Советов рабочих и солдатских депутатов за время от 11-го декабря 1917 г. по 31 января 1918 г. (доклад тов. Рускиса) // Западная Сибирь. Омск. 1918. № 3. С. 33 – 38.

11. П. Б. Тридцать серебряников: Плата за предательство // Кадеты. Париж. 1950. № 11. С. 50.

12. Первый Сибирский Императора Александра I Кадетский Корпус. Шанхай. 1940. 416 с.

13. Протокол № 22 пленарного заседания Омского Вокома 11 марта 1918 г. // Западная Сибирь. Омск. 1918. № 2. С. 21.

14. Соколов В. А. Первый Сибирский императора Александра I кадетский корпус: 175 лет со дня основания 1 мая 1813 года // Кадетская перекличка. Нью-Йорк. 1989. № 47. С. 100 – 115.

15. Хроника // Омский вестник. 1918. № 102, 26 (13) мая. С. 2.

16. Цветкова Г. «Мы – дети страшных лет России…» // Вечерний Омск. 1992. 13 авг. С. 3.

17. Шулдяков В. А. К предыстории «анненковщины»: Отряд особого назначения Сибирской казачьей дивизии в марте 1917 – феврале 1918 года // Недбаевские исторические чтения. Омск. 2008. С. 158 – 188.

Информация об авторе:

Шулдяков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, профессор Омского экономического института, shuldyakov2007@yandex.ru.

Vladimir A. Shuldyakov – Candidate of History, Professor at Omsk Institute of Economics.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются по установленному графику:

– в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года;
– в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года;
– в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
– в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.
2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.
3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение[1] о возможности опубликования в открытой печати.
4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.
5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.
6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.
7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.
8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.
9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи студентов принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.
10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала, при этом ***статьи обучающихся печатаются в журнале бесплатно.***
11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

[1] Форма экспертного заключения в формате .pdf представлена на сайте издания

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией[2] на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть**: информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи**: предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 –7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \mathrm{Re}(z_1 / z_2) i + \mathrm{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \dfrac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 \mid = 0. \end{cases} \qquad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.
13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.
14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.
16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.
17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

---

[2] Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на сайте издания.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала
приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

http://vestnik.kemsu.ru

Редакторы выпуска:
Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих
Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 08.06.2015 г. Формат А 4.
Дата выхода в свет 23.06.2015 г.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 40,13. Уч.- изд. л. – 37,06.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Отпечатано в ООО Студия Рекламы "РеФорма". 650002, Кемерово, ул. Институтская, 12-16